

Правительство Омской области
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
Омский кадетский корпус
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН
Омский филиал Российского фонда культуры
Сибирский филиал Российского института культурологии

КАТАНАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:

Материалы Седьмой всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 195-летию Омского кадетского корпуса и 160-летию
со дня рождения генерал-лейтенанта Георгия Ефремовича Катанаева
(Омск, 16–17 мая 2008 г.)

Омск
Издательский дом «Наука»
2008

ББК
К

Рецензенты:

канд. ист. наук П. П. Вибе, канд. ист. наук Ю. П. Родионов.

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук О. В. Гефнер (ответственный редактор),
канд. ист. наук В. Л. Кожевин (ответственный редактор),
д-р ист. наук Н. А. Томилов (ответственный редактор),
канд. ист. наук Д. А. Алисов,
канд. ист. наук, полковник В. Р. Басаев,
канд. ист. наук Т. Н. Золотова,
генерал-майор запаса Н. И. Калининченко,
д-р ист. наук В. Г. Рыженко,
д-р физ.-мат. наук В. И. Струнин.

К

Катанаевские чтения: Материалы Седьмой всероссийской научно-практической конференции, посвященной 195-летию Омского кадетского корпуса и 160-летию со дня рождения генерал-лейтенанта Георгия Ефремовича Катанаева (Омск, 16–17 мая 2008 г.) / Отв. ред. О. В. Гефнер, В. Л. Кожевин, Н. А. Томилов. – Омск: ООО «Издательский дом “Наука”», 2008. – с.

ISBN

Сборник подготовлен по результатам работы Седьмой всероссийской научно-практической конференции «Катанаевские чтения», посвященной 195-летию Омского кадетского корпуса и 160-летию со дня рождения генерал-лейтенанта Георгия Ефремовича Катанаева (Омск, 16–17 мая 2008 г.). В него вошли доклады и сообщения научных работников, преподавателей, педагогов, работников музеев и учреждений культуры, аспирантов, студентов и кадетов, посвященные истории русской армии, проблемам взаимоотношения армии, общества и государства, вопросам военного образования и патриотического воспитания, истории и культуре казачества, археологии, этнографии, краеведению, природе и природопользованию России.

ISBN

© Омский кадетский корпус, 2008
© Сибирский филиал Российского
института культурологии, 2008

НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ, ЛИТЕРАТУРА И БИБЛИОГРАФИЯ ПО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКЕ

О. Н. Гречко, Н. А. Томилов, В. С. Томилова

ОСНОВНЫЕ ДАННЫЕ И ЛИТЕРАТУРА О ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КАТАНАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Всероссийская научно-практическая конференция «Катанаевские чтения» названа так в честь известного омского ученого и краеведа, администратора и общественного деятеля генерал-лейтенанта Георгия Ефремовича Катанаева, 160 лет со дня рождения которого отмечается в 2008 г. Она призвана стать научно-координирующим и организующим мероприятием, объединяющим прежде всего ученых, занятых изучением военной истории, в т. ч. истории российского офицерства, казачества, военно-образовательных учреждений, деятельности военных ученых и т. п. Второе направление данной конференции – история и краеведение (в широком плане) России.

На последней – седьмой по счету – конференции для обсуждения предложены следующие проблемы: армия и общество, военные реформы в России, социальный и культурный облик российских военных в прошлом и настоящем, история войн и военного искусства, история развития военной техники, военная история в музеях мира, история и культура казачества, история, культурология и краеведение России, теория и методология локальной истории, Сибирь и регионы России: проблемы взаимодействия, этнокультурное взаимодействие народов Азиатской России, природа и природопользование.

Ниже приводится перечень проведенных конференций «Катанаевские чтения», публикации о ней в научных изданиях и средствах массовой информации.

21 мая 1997 г. Научно-практическая конференция «Катанаевские чтения».

Организаторы: Сибирское казачье войско, Омское высшее общевойсковое командное училище, Комитет по культуре и искусству Адми-

нистрации Омской области, Научный совет Государственной научно-исследовательской программы «Народы России: возрождение и развитие», Омский государственный педагогический университет, Омский государственный университет, Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, Сибирский филиал Российского института культурологии, Российское общенародное движение.

Соорганизаторы: Департамент культуры и искусства Администрации Омска, Омский государственный технический университет, Комитет по науке и высшей школе Администрации Омской области, Омская областная организация общества «Знание».

Заслушано 15 докладов.

20–21 мая 1998 г. Вторая Всероссийская научно-практическая конференция «Катанаевские чтения», посвященная 150-летию со дня рождения Г. Е. Катанаева и 185-летию Омского высшего общевоинского командного училища имени М. В. Фрунзе (1-го Сибирского (Омского) императора Александра I кадетского корпуса).

Организаторы: Администрация Омской области, Департамент культуры и искусства Администрации Омска, Сибирское казачье войско, Омское высшее общевоинское командное училище, Омский государственный университет, Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, Сибирский филиал Российского института культурологии.

Соорганизаторы: Главное управление казачьих войск при президенте Российской Федерации, Министерство культуры Российской Федерации, Омская областная организация общества «Знание», Российский фонд культуры.

Заявлено 84 доклада, заслушано 45 докладов, участвовали 110 чел.

25–26 мая 1999 г. Третья Всероссийская научно-практическая конференция «Катанаевские чтения».

Организаторы: Администрация Омской области, Кубанское казачье войско, Омский государственный университет, Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, Сибирское казачье войско, Сибирский филиал Российского института культурологии.

Соорганизаторы: Омский государственный педагогический университет, Омская областная организация общества «Знание», Омский отдел Русского географического общества, Омский танковый инженерный институт, Российский фонд культуры, Управление культуры и искусства Департамента социального развития Администрации Омска, Управление президента Российской Федерации по вопросам казачества.

Заявлено 84 доклада, заслушано 52 доклада, участвовали 120 чел.

23–24 мая 2000 г. Четвертая Всероссийская научно-практическая конференция «Катанаевские чтения».

Организаторы: Администрация Омской области, Кубанское казачье войско, Омский государственный университет, Омский танковый инженерный институт, Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, Сибирское казачье войско, Сибирский филиал Российского института культурологии.

Соорганизаторы: Омская областная организация общества «Знание», Омский кадетский корпус, Российский фонд культуры, Управление культуры и искусства Департамента социального развития Администрации Омска, Управление президента Российской Федерации по вопросам казачества.

Заявлено 128 докладов, заслушано 68 докладов, участвовало 170 чел.

17–18 апреля 2003 г. Пятая Всероссийская научно-практическая конференция «Катанаевские чтения», посвященная 190-летию Омского кадетского корпуса.

Организаторы: Администрация Омской области, Омский государственный университет, Омский кадетский корпус, Омский танковый инженерный институт, Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, Академия военных наук РФ, Сибирский филиал Российского института культурологии, Сибирское казачье войско.

Заявлено 82 доклада, заслушано 50 докладов, участвовали 120 чел.

23–24 мая 2006 г. Шестая Всероссийская научно-практическая конференция «Катанаевские чтения».

Организаторы: Правительство Омской области, Институт истории Сибирского отделения РАН, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омский кадетский корпус, Омский танковый инженерный институт, Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, Российский фонд культуры, Сибирский филиал Российского института культурологии, Сибирское казачье войско.

Соорганизаторы: Государственное научно-техническое учреждение Краснодарского края «Кубанский казачий хор», Омский филиал Российского фонда культуры, Омское региональное отделение Русского географического общества, Омское региональное отделение Сибирского Народного Собора, Региональный инновационный центр Министерства культуры Омской области.

Заявлено 141 докладов, заслушано 54 доклада, участвовало 160 чел.

Научные публикации

Алисов Д. А., Гефнер О. В., Томилов Н. А. Решение Второй Всерос. науч.-практ. конф. «Катанаевские чтения – 1998»: 21 мая 1998 г. // Катанаевские чтения – 98. Омск, 1998. С. 289–294.

Алисов Д. А., Томилов Н. А. II Всероссийская конференция «Катанаевские чтения – 98» // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 3. С. 96–97.

Алисов Д. А., Томилов Н. А. Проблемы истории, культуры и условий жизни военных на «Катанаевских чтениях 98» // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1998. № 3. С. 164–165.

Ахунова Э. Р., Томилов Н. А. Научные конгрессы, конференции и семинары, проведенные омскими учеными по этнографической, этноархеологической и культурологической тематике в 2000–2005 гг. // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. Омск, 2005. С. 474–490.

Гефнер О. В. Итоги Пятой Всерос. науч.-практ. конф. «Катанаевские чтения»: 17–18 апреля 2003 г. в Омске // Культурологические исследования в Сибири. 2003. № 3. С. 286–289.

Гефнер О. В. Катанаевские чтения // Исторический ежегодник: 1999. Омск, 2000. С. 129–130.

Гефнер О. В. Пятая Всероссийская научно-практическая конференция «Катанаевские чтения»: 17–18 апреля 2003 г. в Омске // Вестник Омского университета. 2003. Вып. 3. С. 150–152.

Гефнер О. В. Третья научно-практическая конференция «Катанаевские чтения» в Омске // Культурологические исследования в Сибири. 1999. Вып. 2. С. 128–130.

Гефнер О. В. Четвертая Всероссийская научно-практическая конференция «Катанаевские чтения» в Омске // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2000. № 2. С. 170–172.

Катанаевские чтения – 98 / Гл. ред. Н. А. Томилов, отв. ред. Д. А. Алисов, В. В. Кудланов, В. А. Шудряков. Омск: Изд-во Омск. педагогическ. ун-та, 1998. 301 с.

Катанаевские чтения / Отв. ред. Д. А. Алисов, О. В. Гефнер. Омск: Изд-во Омск. педагогическ. ун-та, 2003. 222 с.

Катанаевские чтения / Отв. ред. Д. А. Алисов, О. В. Гефнер. Омск: ООО «Издательский дом “Наука”», 2003. 236 с.

Катанаевские чтения / Отв. ред. О. В. Гефнер, М. А. Жигунова, Н. А. Томилов. Омск: ООО «Издательский дом “Наука”», 2006. 424 с.

Катанаевские чтения – 98: Программа Второй Всероссийской научно-практической конференции / Отв. за выпуск Д. А. Алисов, Н. А. Томилов. Омск: Изд-во Омск. педагогическ. ун-та, 1998. 12с.

Катанаевские чтения: Программа Третьей Всероссийской научно-практической конференции 25–26 мая 1999 г. / Отв. за выпуск В. Л. Кожевин, О. В. Гефнер. Омск: Изд-во Омск. педагогическ. ун-та, 1999. 12 с.

Катанаевские чтения: Программа Четвертой Всероссийской научно-практической конференции 23–24 мая 2000 г. / Отв. за выпуск О. В. Гефнер, В. Л. Кожевин. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2000. 16 с.

Катанаевские чтения: Программа Пятой Всероссийской научно-практической конференции 17–18 апреля 2003 г. / Отв. за выпуск О. В. Гефнер, Н. А. Томилов. Омск: Изд-во Омск. педагогическ. ун-та, 2003. 12 с.

Катанаевские чтения: Программа Шестой Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 23–24 апреля 2006 г.) / Отв. за выпуск Н. А. Томилов, М. А. Жигунова, О. В. Гефнер. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2006. 20 с.

Кожевин В. Л. Катанаевские чтения – 99 // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 4. С. 156.

Корусенко С. Н., Смирнова Е. Ю., Томилов Н. А. Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук в 2001–2005 гг. // История и культура Сибири. Омск, 2007. С. 5–24.

Корусенко С. Н., Томилов Н. А., Ахунова Э. Р. Научные форумы Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук 2001–2005 гг. // История и культура Сибири. Омск, 2007. С. 318–327.

Литература о Всероссийских научно-практических конференциях «Катанаевские чтения» // Катанаевские чтения – 98. Омск. 1998. С. 295.

Научные встречи // Вестник гуманитарной науки. 1999. № 5. С. 56.

Научные встречи // Вестник гуманитарной науки. 2000. № 1. С. 45.

Научные встречи // Вестник гуманитарной науки. 2000. № 2. С. 22–23.

Научные встречи // Вестник гуманитарной науки. 2000. № 2. С. 53.

Научные встречи // Вестник гуманитарной науки. 2000. № 3. С. 68.

Научные встречи // Вестник гуманитарной науки. 2000. № 4. С. 67.

Научные встречи // Вестник гуманитарной науки. 2000. № 5–6. С. 60–61.

Научные встречи // Вестник гуманитарной науки. 2001. № 1. С. 38.

Научные встречи // Вестник гуманитарной науки. 2007. № 3. С. 70–71.

Рублевская С. А., Томилов Н. А. Сибирский филиал Российского института культурологии в 1993–1997 гг. // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 1999. № 3. С. 129–138.

Терехина О. И., Томилов Н. А. Научные встречи // Вестник гуманитарной науки. М., 2006. № 1. С. 48.

Томилов Н. А. Всероссийская научная конференция «Катанаевские чтения – 98» в Омске // Исторический ежегодник: 1998. Омск, 1999. С. 161–162.

Томилов Н. А. 10 лет Сибирскому филиалу Российского института культурологии Министерства культуры Российской Федерации // Культура и интеллигенция между рубежами веков. Омск, 2003. С. 10–12.

Томилов Н. А. Катанаевские чтения – 98 // Информационная бюллетень Ассоциации этнографов и антропологов России. 1997. № 4. С. 21.

Томилов Н. А. Конференции и семинары, проведенные при участии омских сотрудников АГН или под руководством омских действительных членов АГН России в 1994–2000 гг. // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 2000. № 5. С. 193–196.

Томилов Н. А. Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН в 1991–2000 гг. // История и культура Сибири. Омск, 2001. С. 5–33.

Томилов Н. А. Омскому филиалу Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН 10 лет! // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2001. № 1. С. 15–20.

Томилов Н. А. Сибирский филиал Российского института культурологии Министерства культуры Российской Федерации: первое десятилетие // Культурологические исследования в Сибири. № 3. С. 5–22.

Томилов Н. А. Список конференций и семинаров, проведенных омскими учеными по этнографической и этноархеологической тематике в 1976–1999 гг. // Исторический ежегодник: 2001. Омск, 2002. С. 175–187.

Томилов Н. А. Список конференций по исторической тематике, проведенных омскими учеными в 1979–1998 гг. // Корзун В. П., Кузнецова О. В., Осадчий Б. А. Современная историческая наука Западной Сибири в лицах. Историки Омска: биобиблиогр. словарь. Омск, 1999. С. 272–295.

Томилов Н. А., Алисов Д. А. Вторая всероссийская научно-практическая конференция «Катанаевские чтения – 98» // Вестник Омского ун-та. 1998. Вып. 4. С. 120–121.

Томилов Н. А., Клейменова Н. В., Родионова С. С. Научные конгрессы, конференции и семинары Сибирского филиала Российского института культурологии 1993–2003 гг. // Культурологические исследования в Сибири. 2003. № 3. С. 33–44.

Томилов Н. А., Родионова С. С. Научные конференции и семинары Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН 1991–2000 гг. // История и культура Сибири. Омск, 2001. С. 50–67.

Томилов Н. А., Терехина О. И., Томилова В. С. Основные данные и литература о Всерос. науч.-практ. конф. «Катанаевские чтения» // Катанаевские чтения. Омск, 2006. С. 186–191.

Томилов Н. А., Томилова В. С. Военно-историческая проблематика на омских научных конференциях // Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 190-летию Омского кадетского корпуса. Омск, 2003. С. 68–79.

Томилов Н. А., Томилова В. С. Военно-историческая проблематика на омских научных конференциях // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее. Омск, 2003. С. 180–185.

Томилов Н. А., Томилова В. С. Военно-историческая проблематика на омских научных конференциях середины 1990-х – середины 2000-х гг. //

Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск, 2005. С. 177–182.

Томилова В. С. Конференции Сибирского филиала Российского института культурологии и их научно-координирующая роль // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2002. Ч. II. С. 86–88.

Томилова В. С. Научные форумы и их освещение на страницах журнала «Культурологические исследования в Сибири» // Катанаевские чтения. Омск, 2003. С. 170–172.

Томилова В. С. Третья Всероссийская научно-практическая конференция «Катанаевские чтения» // Вестник гуманитарной науки. 2000. № 1. С. 11–15.

Томилова В. С., Томилов Н. А. Научные форумы Сибирского филиала Российского института культурологии и их координирующая роль // Культура. Социум. Творчество. Омск, 2002. С. 305–309.

Публикации в средствах массовой информации

Ахунова Э., Томилов Н. Конференции 2006 г. // Омский университет. 2005, 9 декабря.

Ахунова Э., Томилов Н. Конференции по гуманитарным наукам 2006 г. // Кировец. 2005, 29 декабря.

Гефнер О. В. Катанаевские чтения // Наука в Сибири. 1999. № 27.

Гефнер О. Катанаевские чтения // Омский университет. 1999, 8 октября.

Гефнер О. Катанаевские чтения // Ялик. 1999. № 36.

Гефнер О. Катанаевские чтения 17–18 апреля 2003 г. в Омске // Омский университет. 2003, 23 мая.

Кожевин В. Катанаевские чтения // Наука в Сибири. 1999. № 12.

Кожевин В. Катанаевские чтения // Омский университет. 1999, 26 марта.

Предстоящие научные мероприятия по гуманитарным наукам // Вестник культуры Омский университет. 1999. № 1.

Пригласительный билет // Поиск. 1998. № 10.

Пригласительный билет // Поиск. 1999. № 7.

Пригласительный билет // Поиск. 2000. 28 апреля.

Салохин Н. Казачьи инициативы в 1998 г. // Омская правда. 1997, 19 декабря.

Томилов Н. Всероссийская конференция по военно-исторической тематике в Сибири // Омский университет. 1998, 6 июня.

Томилов Н. А. Вторая Всероссийская научно-практическая конференция «Катанаевские чтения – 98» пройдет в Омске 20–21 мая 1998 г. // Наука в Сибири. 1998. № 5–6.

Томилов Н. А. 20–21 мая 1998 г. в Омске состоится... // Омский университет. 1998, 6 февраля.

Томилов Н. А. 10 лет Омскому филиалу Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН // Омский университет. 2001, 21 сентября.

Томилов Н. А. 10 лет Сибирскому филиалу Российского института культурологии // Омский университет. 2003, 6 июня.

Томилов Н. А. Катанаевские чтения – 98 // Круг (Омск). 1997. № 1. С. 6.

Томилов Н. А. Конференции 2000 // Омский вестник. 2000, 3 февраля.

Томилов Н. А. Конференции и семинары // Омский университет. 2003, 6 июня.

Томилов Н. А. Омскому филиалу ОИИФФ СО РАН 10 лет // Наука в Сибири. 2001. № 30–31.

Томилов Н., Томилова В. Военное дело и культура на «Катанаевских чтениях» // Вестник культуры. 2000. № 1.

Томилов Н., Томилова В. «Катанаевские чтения – 2000» // Ялик. 2000. № 42. С. 2–3.

Томилов Н., Томилова В. Катанаевские чтения четвертая конференция в Омске // Омский университет. 2000, 8 сентября.

Томилов Н. А., Томилова В. С. Конференции 2003 г.: приглашаем! // Омский университет. 2003, 7 февраля.

Что? Где? Когда? // Ялик. 2000. № 38. С. 6–7.

В. Л. Кожевин, А. П. Сорокин, Н. А. Томилов

ИСТОРИЯ АРМИИ В ОМСКИХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ

История российских вооруженных сил, история побед и поражений в многочисленных войнах, которые на протяжении веков приходилось вести россиянам – это неотъемлемая часть истории нашего Отечества. В любую эпоху мощь Российского государства зависела от уровня боеспособности армии, высоких моральных качеств его защитников. Сегодня это ясно осознается и обществом, и представителями власти. В итоге изучение военного искусства, боевых традиций, воспитания и образования, службы и быта российских военных поистине оказывается одним из ведущих направлений современной отечественной историографии.

Историки-омичи внесли немалый вклад в развитие этого научного направления. Первые работы омских авторов, посвященные военной тематике, были опубликованы еще во второй половине XIX – начале XX вв. Так, в трудах Ф. Н. Усова, Н. Г. Путинцева, Г. Е. Катанаева нашла отражение история Сибирского казачьего войска [1]. Тогда же появился ряд работ по истории Омского (Сибирского) кадетского корпуса и отдельных воинских частей [2].

В период 20–80-х гг. XX столетия военная история, хотя и изучалась представителями омского научного сообщества, однако это происходило sporadически. Часто исследователи обращались к ней, разрабатывая иные научные темы (например, историю Октябрьской революции, историю Омска и области), по отношению к которым военная проблематика была важным, но уже не самостоятельным направлением исследований. Некоторое исключение составила лишь история Великой Отечественной войны. И все же значительных по объему и содержанию военно-исторических трудов в Омске в этот период практически не издавалось. То же самое можно сказать и о научных форумах, которые бы могли объединить усилия специалистов в данной области.

И только с 90-х гг. прошлого столетия ситуация начинает кардинально меняться. Военная история в Омске становится объектом интенсивного изучения и вновь выделяется в самостоятельное направление научных изысканий. Регулярно проводятся научные конференции, публикуются их материалы, а также статьи и монографии, отражающие итоги исследований историков-омичей. Масштабная оценка и всесторонний анализ этих трудов – дело будущего. Целью же настоящей работы является определение основных направлений исследований по военной истории, осуществлявшихся в нашем городе, сквозь призму опубликованных в 1990-х – 2000-х гг. омских научных изданий.

Немалое число видных военных деятелей России оставили свой след в истории Омска. Среди них – Д. М. Карбышев, Г. Е. Катанаев, А. В. Колчак. О жизненном пути этих людей рассказывают, в частности, материалы научно-практической конференции «Дмитрий Михайлович Карбышев: кадет, генерал, патриот», состоявшейся в Омске в октябре 2000 г.; материалы исторических чтений, посвященных 130-летию со дня рождения А. В. Колчака «А. В. Колчак – ученый, адмирал, Верховный правитель России», (ноябрь 2004 г.), а также публикация работ Г. Е. Катанаева с предисловием и обширным комментарием составителей в книге под общим заголовком «Историческая справка о том, когда и как построен город Омск» [3].

Бурное развитие в 1990-х – 2000-х гг. в регионе получила проблематика, связанная с историей и культурой казачества. Сибирскому казачеству посвящены многочисленные работы С. М. Андреева, Ю. Г. Недбая, В. А. Шулдякова, М. А. Жигуновой и других авторов. В омских изданиях это направление нашло отражение в монографиях, научной периодике и сборниках статей [4]. И хотя исторический путь Сибирского казачьего войска от его зарождения до современности изучен довольно основательно, омские ученые, занимающиеся этой тематикой, видят новые перспективы и ставят перед собой новые сложные и оригинальные исследовательские задачи.

Омск всегда являлся городом военных, а последние 195 лет он был еще и важным центром военного образования в Сибири. Среди современных омских изданий, отражающих эту страницу нашего прошлого, наиболее масштабно представлена история Омского кадетского корпуса и военных учебных заведений, связанных с ним тесными историческими узами [5]. Здесь в первую очередь необходимо назвать монографию В. Р. Басаева «Омский кадетский корпус: история и современность» (2003). Этот глубокий и содержательный труд богато иллюстрирован фотографиями, в том числе и снимками, сохранившимися от дореволюционной эпохи.

Еще одно направление военно-исторических исследований в Омске можно было бы назвать «Военные и культура». Среди работ, воплотивших эту проблематику, привлекает своей оригинальностью книга омского ученого-музыковеда М. А. Белокрыса «Музыкальная культура Омского Прииртышья в лицах (XVIII – середина XX вв.)» [6]. Это словарь, статьи которого помимо прочего содержат богатую информацию о военных, проходивших службу в Омске и внесших значительный вклад в формирование местного музыкального сообщества и развитие музыкального искусства региона. Многие стороны культурной и научной деятельности военных получили отражение в монографии О. В. Гэфнер «Военные и культура в Западной Сибири» [7]. Важным событием в научной жизни города в свое время стала конференция «Человек и война» (май 2002). В опубликованных материалах этого научного форума тема культуры заняла, пожалуй, наиболее видное место [8].

История Великой Отечественной войны сегодня представляет собой одну из наиболее значимых составляющих военно-исторических исследований в Омске. Так, в нашем городе, начиная с 1995 г., регулярно проводится Всероссийская научная конференция «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне», собирающая на свои заседания многие десятки ученых не только Омского Прииртышья, но и других регионов нашей страны. Материалы этого и сходных по проблематике иных научных форумов, воссоздают самые разнообразные события и процессы далекой и вместе с тем неизменно близкой нам героической эпохи [9].

Важной вехой в изучении судеб омичей-участников Великой Отечественной войны стало издание 11-томной «Книги памяти» [10]. Она, в частности, содержит поименные списки омичей, призванных в Красную Армию из Омска и Омской области (в современных ее границах) и погибших, либо пропавших без вести, умерших в госпиталях от ран, полученных на фронте. Родственным изданием является серия «Солдаты победы», посвященная участникам войны, проживавшим и проживающим на территории Омской области [11].

Говоря об изучении Великой Отечественной войны, нельзя не упомянуть многочисленных работ старейшего омского историка, ветерана

войны, А. Д. Колесникова. На сегодняшний день наиболее масштабным трудом автора в этой области является монография «Честь и слава. Сибиряки в решающих битвах Великой Отечественной войны 1945–1945 гг.» [12]. Не за горами и выход новой, сочетающей научное исследование и личные воспоминания участника, книги А. Д. Колесникова о Великой Отечественной войне.

Современные войны (Афганистан, Чечня) также получили отображение в научной литературе, издаваемой омичами. Среди публикаций – «Горькая правда войны», «Дороги нашей памяти», «Солнце, закрытое смертью», «Ядовитое жало войны» [13]. Книги, названия которых говорят о многом, представляют собой сборники исследовательских работ, воспоминаний, документов и фотографий, касающихся участия омичей в войнах и вооруженных конфликтах накануне и после распада СССР.

В заключение краткого обзора омских изданий по военно-исторической тематике, увидевших свет в 1990-х – 2000-х гг., подчеркнем особую значимость материалов такого научного форума, как «Катанаевские чтения» [14]. Эта конференция объединяет исследователей, занимающихся самыми разнообразными проблемами военной истории. Более подробные сведения о ней можно найти в статье О. Н. Гречко, Н. А. Томилова и В. С. Томиловой «Основные данные и литература о Всероссийской научно-практической конференции “Катанаевские чтения”», помещенной в настоящем сборнике. Здесь же отметим, что привлекательность конференции для историков, съезжающихся из различных уголков России и ближнего зарубежья, объясняется, прежде всего, универсальностью ее проблематики и перекличкой эпох, включая особую атмосферу места ее проведения – исторических стен Омского кадетского корпуса. Констатируя расширение круга постоянных участников конференции и усиление ее популярности в целом, отметим, что все это тесно связано с возросшим уровнем профессионализма омских военных историков, укреплением их научных связей с коллегами из других городов, с активизацией издательской деятельности. Как показывает анализ последней, сегодня Омск превратился в один из крупнейших центров изучения военной истории в России. Это обстоятельство, на наш взгляд, заставляет задуматься над возможностью создания на базе возникшего центра региональной ассоциации военно-исторических исследований, которая могла бы привлечь в свои ряды ученых, живущих и работающих к востоку от Урала.

1. Катанаев Г. Е. Исторический очерк службы Сибирского казачьего войска // Военный сборник. 1903. № 7–8; Путинцев Н. Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891; Усов Ф. Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.

2. Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса. (1826–1878). Омск, 1884; Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1813–1913. М., 1915. Крылов. Памятка 43 Сибирского стрелкового полка (1711–1911). Омск, 1911; Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1711–1907). Омск, 1907 и др.

3. Дмитрий Михайлович Карбышев: кадет, генерал, патриот: Материалы научно-практической конференции, посвященной 120-й годовщине со дня рождения генерала Дмитрия Михайловича Карбышева (Омск, 25 октября 2000 г.). Омск, 2001; Катанаев Г. Е. Историческая справка о том, когда и как построен город Омск. Омск, 1996; А. В. Колчак – ученый, адмирал, Верховный Правитель России: Исторические чтения, посвященные 130-летию со дня рождения А. В. Колчака. Омск, 4 ноября 2004 г. Омск, 2005.

4. Андреев С. М. Военное и гражданское управление в Сибирском казачьем войске (1808–1919). Омск, 2005; он же. Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие (1808–1917). Омск, 2006; Архивный вестник. Омск. 1994. № 5; Недбай Ю. Г. История Сибирского казачьего войска: В 2 т. Омск, 2001–2005; Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Международ. науч.-практ. конф., посвященной 420-летию Сибирского казачьего войска (Омск, 17–18 декабря 2002 г.). Омск, 2003 и др.

5. Басаев В. Р. Омский кадетский корпус: история и современность. Омск, 2003; Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 190-летию Омского кадетского корпуса. Омск, 2003; 180 лет на защите отечества: Материалы военно-исторической конференции. Омск, 1993 и др.

6. Белокрыс М. А. Музыкальная культура Омского Прииртышья в лицах (XVIII – середина XX вв.): Биобиблиографический словарь: В 2 т. Омск, 2001–2006.

7. Гефнер О. В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX вв. Омск, 2004.

8. Человек и война. XX в.: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 14–15 мая 2002 г.) Омск, 2002.

9. Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: Материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 1995; Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск, 2001; Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: Сборник тезисов и докладов III Всерос. научн. конф. «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» (Омск, 5–6 мая 2005 г.) Омск, 2005; Вторая мировая война и послевоенное устройство мира: Материалы международ. науч.-методич. конф. (Омск, 1999). Омск, 1999; Молодежь – наследница победы: Доклады Всероссийской молодежной науч.-практ. конф., посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне (Омск, 27–28 апреля 2005 г.) Омск, 2005.

10. Книга памяти. В 11 т. Омск, 1995–1997.

11. Солдаты победы. В 8 т. Солдаты победы. Приложение. Омск, 2002–2005.

12. Колесников А. Д. Честь и слава. Сибиряки в решающих битвах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Омск, 2005.

13. Горькая правда войны. Омск, 1999; Дороги нашей памяти. Омск, 1997; Солнце, закрытое смертью. Омск, 1999; Ядовитое жало войны. Омск, 1999.

14. Катанаевские чтения – 98: Материалы докладов Второй Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998; Катанаевские чтения: Сборник научных трудов, посвященный военному администратору и ученому генерал-лейтенанту Г. Е. Катанаеву (1848–1921). Омск, 2003; Катанаевские чтения: Материалы Пятой Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 17–18 апреля 2003 г.). Омск, 2003; Катанаевские чтения: Материалы Шестой Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 23–24 мая 2006 г.). Омск, 2006.

Е. И. Каткова

МЕЖДУ ДВУМЯ ЮБИЛЕЯМИ: ЛИТЕРАТУРА О Г. Е. КАТАНАЕВЕ ЗА 1998–2008 ГОДЫ

В постсоветской России произошли значительные изменения во всех сферах жизни, в частности, началось возрождение казачества, активизировалась деятельность краеведов и ученых, по иному оценивающих и исследующих историю военного дела, науки, общества. Эти темы, как в фокусе, отразились в публикациях о личности Г. Е. Катанаева – военного администратора, ученого, общественного деятеля. С 1998 г., года 150-летия Г. Е. Катанаева, выросло число исследований, посвященных его биографии, научному и общественному наследию (для сравнения – по краеведческому каталогу Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина, в базах данных ГПНТБ СО РАН и Интегрум выявлено более 40 работ о Г. Е. Катанаеве, опубликованных по 1997 г., и свыше 110 публикаций за период с 1998 по 2008 гг.).

Ряд исследователей отмечают, что «хорошим тоном <...> является переиздание сибирской классики <...>, поиск и публикация рукописного наследия сибиряков» [10]. Не остаются в стороне от этого направления и омичи. В конце 1990-х гг. в научный оборот вводятся документы, принадлежащие перу Г. Е. Катанаева, – страницы его иркутского дневника, заявления о возвращении ему конфискованного дома, письма к Г. Н. Потанину, и даже исторический анекдот о генерал-губернаторе Западной Сибири А. П. Хрущове. Появляются статьи, анализирующие работы Г. Катанаева. Например, перипетии написания в 1909–1916 гг. «Истории Сибирского казачьего войска» Н. Г. Путинцевым и продолжение этой работы Г. Е. Катанаевым подробнейшим образом рассматривает Ю. Недбай. В «Архивном вестнике» сообщается о презентации книги Г. Е. Катанаева «Историческая справка о том, когда и как был основан город Омск», переизданной с примечаниями и комментариями в 1996 г. [27; 28]. Ряд положений этой книги – дата основания Омска, роль и значение князя М. Гагарина, написание фамилии И. Бухгольца – оспаривает омский писатель-краевед И. Петров. В дальнейшем он будет неоднократно возвращаться и развивать эту тему, а в 2003 г. назовет книгу Г. Е. Катанаева его

«самой слабой работой» [29]. Необходимо отметить, что И. Петров – первый и пока единственный автор очень критических высказываний и оценок исследований Г. Е. Катанаева. В других публикациях либо вообще нет негативных оценок, либо есть замечания, высказанные в мягкой форме. Так, Л. Флаум, сообщая о находке в научной библиотеке Омского аграрного университета копии авторизированной рукописи Г. Е. Катанаева о сибирском казачестве, замечает: «некоторые факты, утверждения устарели, требуют уточнения, расширения» [35].

Значительная часть работ конца 1990-х гг. посвящена научной, исследовательской, краеведческой деятельности Г. Е. Катанаева. Интерес к нему в рамках изучения провинциальной исторической науки прослеживается в работе М. Штергер, рассмотревшей Г. Е. Катанаева как тип провинциального ученого-исследователя, не принадлежащего к академическим кругам, но работающего самостоятельно в силу своей заинтересованности наукой [37]. Важное место в исследовании феномена провинциальной науки занимает изучение контактов между учеными как в регионах, так и со своими коллегами из центра. Этому аспекту посвящены публикации Д. Колеватова [18], В. Корзун [19], Н. Васенькина [5]. Часть исследователей, например А. Жигулин [8], И. Захарова [9], С. Андреев [2], считают, что Г. Е. Катанаев «внес большой вклад в развитие знаний по истории и природе края», который проявляется как в его опубликованных статьях, так и в собранных им архивных материалах, рукописях и дневниках. Вкладу Г. Е. Катанаева в исследование истории казахского народа посвящены статьи Ж. Ермакбаева, который высоко оценил его «кропотливую работу по сбору и систематизации материалов по истории и этнографии казахов» [7]. Деятельность Г. Е. Катанаева по созданию фотографической комиссии Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества (ЗСОИРГО), его вклад в создание исторически документальной фотографии исследованы О. Гефнер [6] и Л. Полоницкой [30]. Качество и востребованность фотографий, выполненных Г. Е. Катанаевым, подтверждается тем, что они иллюстрируют исторические хроники Омска [33], часть из них впервые публикуется только в 1998 г. в журнале «Город» [12]. С краеведческой точки зрения представляют интерес статьи И. Шихатова [36], посвященные памятным катанаевским местам в Омске, а также упоминания имени Г. Е. Катанаева, как одного из выдающихся выпускников, в публикациях о Сибирском кадетском корпусе [3].

В 2000-х гг. появляются публикации как продолжающие изучение ранее рассмотренных тем, так и исследующие мало изученные, либо совсем новые темы. Продолжается публикация работ Г. Е. Катанаева. Например, в справочнике «Омский некрополь» можно ознакомиться с фрагментом его проекта на юбилейный сборник в честь 200-летия Омска. Уг-

лубляется и расширяется изучение рассмотренных ранее тем: Л. Полоницкая продолжает изучать историю омской фотографии и вклад Г. Е. Катанаева в эту сферу [31]. Обращение к работам Г. Е. Катанаева стало «на- сущной необходимостью всякого казахстанского ученого, занимающего- ся историей, правоведением, этнологией Степного края в дореволюцион- ный период» [26]. Это подтверждают исследования Г. Каженовой [11], Д. Тебаева [34], Л. Мукатаевой [26]. Следует обратить внимание, что в работах последней впервые появляются критические замечания: «буду- чи царским чиновником, Катанаев был далек от мысли, тем более деяний, направленных на сохранение казаками своих прав или улучшение их жиз- ни», с легким недовольством приводится цитата из работы Г. Е. Катанае- ва о деструктивной роли «киргизских хищнических шаек». Но и эта ис- следовательница отмечает, что главное – в «фактологии всего корпуса выявленных Катанаевым и сгруппированных им по хронологии и тема- тике документов». Эти причины популярности материалов Г. Е. Катанае- ва среди архивистов, историков и краеведов отмечает в своей статье и А. Лосунов [24].

Публикации 2000-х гг. имеют и отличительные особенности. На- ряду со статьями в периодических и продолжающихся изданиях, мате- риалами научных конференций появляются и фундаментальные исследо- вания. В монографиях Д. А. Алисова «Культура городов Среднего При- ыртышья в XIX – начале XX в.» [1] и Ж. Е. Левиной «Художественная интеллигенция Западной Сибири в системе советской культуры (конец 20-х – 30-е гг. XX в.)» [22] имя Г. Е. Катанаева приводится либо в исто- риографической части, либо в перечне выдающихся представителей си- бирской интеллигенции. Намного полнее собран и отражен материал о Г. Е. Катанаеве в книге И. Захаровой и Н. Томилова «Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI в.» [9], где предпринята попытка решения фундаментальной проблемы оценки истории и научных направлений этнографии народов Сибири. В их моно- графии дана подробная характеристика вклада Г. Е. Катанаева в изучение этнографии тюркоязычного (казахского) и восточнославянского (казачьего) населения Западной Сибири, в создание и развитие ЗСОИРГО, а также приводятся его труды в пристатейных библиографических списках. В учеб- ном пособии «Народная культура Сибири» годы председательства Г. Е. Ка- танаева в ЗСОИРГО названы «самыми насыщенными», рассмотрена дея- тельность Г. Е. Катанаева – фотографа, собирателя музейных коллекций, заказчика акварелей Н. Каразину по истории сибирского казачества и ряд других направлений В 2003 г. появляется первая диссертация, в которой значительное внимание уделено Г. Е. Катанаеву – М. В. Штергер в своей кандидатской диссертации «Провинциальная историческая мысль по- следней трети XIX – начала XX вв. (по материалам Тобольска и Омска)»

отмечает, что личные архивные фонды Г. Е. Катанаева «позволяют «прикоснуться» к личности историка-любителя, его творческой лаборатории; содержат сведения о его научных контактах» [38]. Более того, впервые в диссертации подробно анализируются исторические взгляды Г. Е. Катанаева, чему посвящен весь 3-й раздел 2-й главы. М. Штергер считает, что его публикации стояли на качественно новом уровне по сравнению с трудами других омских исследователей того времени, отличались знакомством с текущей научной литературой, самостоятельным выбором проблематики, большим вниманием к историческому источнику. С ее точки зрения жизнь и деятельность Г. Е. Катанаева позволяют проследить процесс постепенного вовлечения личности в наукотворчество, по пути от простого интереса к практически профессиональному занятию историей. Такую же высокую оценку документам Г. Е. Катанаева дает и В. Шулдяков, используя его дневники, записи и статьи в своем фундаментальном исследовании «Гибель Сибирского казачьего войска» [39].

Для 2000-х гг. также характерно появление различного рода справочников. Прежде всего, стоит сказать о биографическом справочнике «Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны» [13], который содержит наиболее полный перечень биографий генералов и адмиралов, служивших в годы гражданской войны от Поволжья до Дальнего Востока. О Г. Е. Катанаеве дана обширная биографическая справка с перечнем его основных работ (отдельно изданных книг). В несколько ином аспекте рассмотрена деятельность Г. Е. Катанаева в вышедшем в 2005 г. в издательстве Российской академии наук «Восточная литература» библиографическом словаре «Русские военные востоковеды до 1917 г.» [14]. В этом издании впервые в отечественном востоковедении в системном и обобщенном виде представлены сведения о русских военных востоковедах, сыгравших исключительно важную роль в изучении территорий Азиатской России и сопредельных стран Востока. В статье о Г. Е. Катанаеве приводятся подробные биографические данные, краткая справка о военно-востоковедческой деятельности и библиография, включающая публикации Г. Е. Катанаева и литературу о нем. Но не только в центральных издательствах вышли в свет справочные издания, посвященные различным аспектам жизни и деятельности Г. Е. Катанаева. С 2000 г. в Омской области началось издание многотомной книги Памяти жертв политических репрессий «Забвению не подлежит». В 4-м томе помещен очерк Н. Линчевской «Крестный путь рода Катанаевых» [23] о трагической судьбе сына Г. Е. Катанаева – Дмитрия, репрессированного в 1937 г. В 10-м томе даны биографические справки о Г. Е. Катанаеве, его сыновьях Александре, Владимире, Дмитрие, Константине и Николае, а также о двух его племянниках, жизнь которых трагически оборвалась либо в гражданскую войну, либо в застенках чекистов [17]. В 2005 г. впервые в истории Омска

был издан справочник «Омский некрополь», содержащий сведения об исчезнувших кладбищах и похороненных на них омичах, которые внесли большой вклад в изучение нашего края, развитие культуры. О Г. Е. Катанаеве дана развернутая биографическая справка с характеристикой его разнообразной деятельности. Автор справки А. Лосунов отмечает, что Г. Е. Катанаеву принадлежит первенство в постановке вопроса о датировке и обстоятельствах основания города, а также инициатива празднования 200-летия Омска [25].

Следует также отметить публикации, освещающие участие Г. Е. Катанаева в организации 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной, торгово-промышленной и лесной выставки в Омске в 1911 г., в работе Чрезвычайной комиссии по расследованию дела генерала Л. Корнилова в сентябре 1917 г. и ряд других аспектов его деятельности. Например, А. Ремнев реконструирует взаимоотношения Г. Е. Катанаева и деятелей областнического движения в личном и идейном аспектах, приходя к выводу, что Г. Е. Катанаев остался верен в большей степени своим словесным чувствам, а не идеям областников [32]. Р. Буктугутова отмечает вклад Г. Е. Катанаева в изучение роли общественной инициативы в культурной жизни Степного края в дооктябрьский период [4].

Многие из этих работ были заслушаны на Катанаевских чтениях, литературу о которых можно выявить по краеведческому каталогу областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина, а также в сборниках докладов Второй и Шестой конференций [15, 16].

В заключение можно сделать вывод, что личность, научная, общественная, просветительская и административная деятельность Г. Е. Катанаева привлекают и долго еще будут привлекать внимание ученых, краеведов, музейных, архивных и библиотечных работников, всех сибиряков, интересующихся историей родного края.

1. Алисов Д. А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв.: монография / Д. А. Алисов. Омск, 2001. С. 18–24.

2. Андреев С. М. «Пари» русского офицерства: офицеры Сибирского линейного казачьего войска в дореформенную эпоху // Катанаевские чтения: сб. науч. тр.: подгот. по результатам работы третьей и четвертой всерос. науч.-практ. конф. «Катанаевские чтения» (Омск, 25–26 мая 1999 г., Омск, 23–24 мая 2000 г.). Омск, 2003. С. 81–98.

3. Боброва В. С. Военные архивы в начальный период централизации архивного дела в Сибирском регионе // Катанаевские чтения: материалы Шестой Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 119–122.

4. Буктугутова Р. С. Общественное движение в Степном крае в конце XIX – начале XX в.: (к историографии и проблематике вопроса) / Р. С. Буктугутова, А. П. Толочко // Азиатская Россия во второй половине XIX – начале XX вв.: про-

блемы региональной истории: сб. науч. ст., посвящ. 60-летию проф., д-ра ист. наук А. П. Толочко. Омск, 2008. С. 220–241.

5. Васенькин Н. В. Письма Г. Е. Катанаева к Г. Н. Потанину в научной библиотеке Томского государственного университета // Катанаевские чтения–98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. – С. 15–18.

6. Гефнер О. В. Вклад военной интеллигенции в развитие фотографии в Омске в конце XIX – начале XX вв. // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII – XX вв.): материалы Третьей всерос. науч. конф.: в 2 т. Омск, 1998. Т. 2. С. 134–135.

7. Еремкбаев Ж. А. Г. Е. Катанаев и другие омские исследователи об истории казахов // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 22–25.

8. Жигулин А. И. Г. Е. Катанаев как историк и этнограф / А. И. Жигулин, И. В. Захаров // Катанаевские чтения–98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 3–7.

9. Захарова И. В. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI вв. Омский этнографический центр: [монография] / И. В. Захарова, Н. А. Томилов. Омск, 2007. 400 с.: ил.

10. Зиновьев В. П. Современная историография освоения Сибири // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX вв.: сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 31.

11. Каженова Г. Т. К вопросу о «культурном взаимодействии рас» // История, природа, экономика: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию Ом. регион. отд-ния Рус. геогр. о-ва. Омск, 2002. С. 58–59.

12. Катанаев Г. Е. [Фотографии] // Город [Омск]. 1998. № 3. С. 47.

13. Катанаев Георгий Ефремович // Волков Е. В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: биогр. справ. / Е. В. Волков, Н. Д. Егоров, И. В. Купцов. М., 2003. С. 110–111.

14. Катанаев Георгий Ефремович // Русские военные востоковеды до 1917 г.: биобиблиогр. слов. М., 2005. С. 106–107.

15. Катанаевские чтения–98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 295.

16. Катанаевские чтения: материалы Шестой Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 188–191.

17. [Катанаевы] // Забвению не подлежит: книга памяти жертв полит. репрессий: [в 11 т.]. Омск, 2001. Т. 10. С. 242–244: портр.

18. Колеватов Д. К вопросу о научных контактах сибирской провинции (Г. Е. Катанаев и Е. Ф. Шмурло) // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 7–11.

19. Корзун В. П. К вопросу о научных контактах сибирской провинции (Г. Е. Катанаев – Е. Ф. Шмурло) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.): материалы Третьей всерос. науч. конф.: в 2 т. Омск, 1998. Т. 1. С. 44–47.

20. Кузнецов Д. В. К вопросу об организации 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной, торгово-промышленной выставки в Омске (1911 г.) // Катанаевские чтения: материалы Шестой Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 327–329.

21. Курныкина Г. И. Катанаев и участие Алтайского округа в первой Западно-Сибирской выставке // Актуальные вопросы истории Сибири: третьи науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. [Б. м.], 2002. С. 215–219.

22. Левина Ж. Е. Художественная интеллигенция Западной Сибири в системе советской культуры (конец 20-х – 30-е гг. XX в.): монография / Ж. Е. Левина. Омск, 2004. С. 7–40.

23. Линчевская Н. Крестный путь рода Катанаевых // Забвению не подлежит: книга памяти жертв полит. репрессий: [в 11 т.]. Омск, 2001. Т. 4. С. 409–413.

24. Лосунов А. М. Ревизия Н. Н. Анненковым Сибирского линейного казачьего войска в 1851 г. (по материалам личного фонда Г. Е. Катанаева) // Архивные чтения памяти Н. В. Горбаня: тез. докл. и сообщ. Омск, 2002. С. 190–195.

25. Лосунов А. Катанаев Георгий Ефремович // Омский некрополь: исчезнувшие кладбища: [справочник]. Омск, 2005. С. 62–64: портр.

26. Мукатаева Л. К. Г. Е. Катанаев как историк Степного края (к постановке вопроса) // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.): 2 Междунар. науч. конф.: тез. докл. и сообщ. Омск, 2001. С. 136–138.

27. Недбай Ю. Г. Историческая справка или предыстория «Истории Сибирского казачьего войска» // Гуманитарное знание: ежегодник. Омск, 2000. Вып. 4. С. 136–148.

28. Огородникова Л. И. Презентация книги Г. Е. Катанаева «Историческая справка о том, когда и как был основан город Омск» // Архивный вестник: информ.-метод. бюл. Омск, 1998. № 6. С. 15–16.

29. Петров И. Ф. История с географией / И. Ф. Петров. Омск, 1998. С. 78–89; Петров И. Ф. Легенды и мифы старого Омска / И. Ф. Петров. Омск, 2003. С. 33–42.

30. Полоницкая Л. П. Фотографическая коллекция по Сибирскому казачьему войску: (роль Г. Е. Катанаева в ее формировании) // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 27–30.

31. Полоницкая Л. П. Освоение фотографического творчества в Омске // Народная культура Сибири: учеб. пособие. Омск, 2002. Ч. 2. С. 55–67.

32. Ремнев П. А. Г. Е. Катанаев и областническое движение // Молодежь III тысячелетия: XXIX регион, науч. студен. конф.: тез. докл. Омск, 2005. С. 68–71.

33. Старый Омск: нач. XVIII – нач. XX вв.: ист. хроники событий. Омск, 2000. С. 70, 72–73, 96–97, 111, 187, 195–199, 201–203.

34. Тебаев Д. Б. История колонизации Казахстана по материалам записок и отчетов Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. V Междунар. науч. конф. Омск, 2007. С. 78–81.

35. Флаум Л. Минувя век, к нам рукопись пришла // Крестьян. слово [Омск]. 2000. 21 марта. С. 6.

36. Шихатов И. Площадь Катанаева (памятные места на карте города) // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 38–40: схем.

37. Штергер М. Г. Е. Катанаев и И. Я. Словцов – представители провинциальной исторической мысли Сибири XIX – начала XX вв. // Катанаевские чтения – 98: Материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 18–22.

38. Штергер М. В. Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX вв. (по материалам Тобольска и Омска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. / М. В. Штергер. Омск, 2003. С. 19, 20.

39. Шулдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920: в 2 кн. / В. А. Шулдяков. М., 2004. С. 252, 259, 261, 268, 535, 584, 732.

Е. И. Каткова

ЛИТЕРАТУРА О Г. Е. КАТАНАЕВЕ ЗА 1998–2008 ГОДЫ

Работы Г. Е. Катанаева

Документы Г. Е. Катанаева

1. **Катанаев Г. Е.** [Заявления] // Гуманит. науки в Сибири. 1998. № 2. С. 71–74. В ст. Канаки К. В. «Сохранить научный материал по истории Сибири и Степного края». С. 69–75.

Заявления Г. Катанаева о возвращении ему конфискованного дома

2. **Катанаев Г. Е.** «Из иркутских дневников 1919–1920 гг.» / вступ. ст. О. Дербуш, С. Иванова // НОС: Новое омское слово. 1998. 17 дек. (№ 15). С. 11: портр.

3. **Катанаев Г. Е.** Анекдот от генерал-лейтенанта Катанаева. Почести А. П. Хрущову: [ист. анекдот] // НОС: Новое омское слово. 1998. 21 янв. (№ 3). С. 11.

4. **Катанаев Г. Е.** Иркутские дневники Г. Е. Катанаева / вступ. ст., подгот. текста к публ., коммент. К. Э. Безродного, О. А. Пьяновой // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1999. № 7. С. 257–275.

5. **Катанаев Г. Е.** Из проспекта Г. Е. Катанаева на юбилейный сборник в честь 200-летия г. Омска, 15 июня 1914 г. // Омский некрополь: исчезнувшие кладбища: [справочник]. Омск, 2005. С. 167–168.

Фотографии, выполненные Г. Е. Катанаевым

6. **Катанаев Г. Е.** Вид по Никольской улице на Казачью площадь. 1896 г.: [фот.] // Город [Омск]. 1998. № 3. С. 47. Первая публ.

7. **Катанаев Г. Е.** Любинский проспект. 1896 г.: [фот.] // Город [Омск]. 1998. № 3. С. 47. Первая публ.

8. **Катанаев Г. Е.** Прибытие поезда на ст. Омск. 1896 г.: [фот.] // Город [Омск]. 1998. № 3. С. 47. Первая публ.

9. **Катанаев Г. Е.** Здание войскового хозяйственного правления. 1896 г.: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 70.

10. **Катанаев Г. Е.** Любинский проспект 1895 г.: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 187.

11. **Катанаев Г. Е.** Мокринский форштадт. Вид от крепости. 1895 г.: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 202–203.

12. **Катанаев Г. Е.** Музей ЗСОИРГО. Арх. И. Г. Хворинов. 1898 г.: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 111.

13. **Катанаев Г. Е.** Омск. Река Иртыш. 1895 г.: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 72–73.

14. **Катанаев Г. Е.** Полицейское управление и городская Дума. 1895 г.: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 196–197.

15. **Катанаев Г. Е.** Почтовая площадь с продолжением по Фабричной улице. 1895 г.: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 201.

16. **Катанаев Г. Е.** Прибытие поезда на ст. Омск. 1896 г.: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 96–97.

17. **Катанаев Г. Е.** Сибирская железная дорога. Первый локомотив в Омске. 1894 г.: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 96.

18. **Катанаев Г. Е.** Улица Дворцовая. 1895 г.: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 195.

19. **Катанаев Г. Е.** Улица Новая. Костел. 1895 г.: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 198–199.

Литература о жизни и деятельности Г. Е. Катанаева

Фотопортреты Г. Е. Катанаева

20. **Кесслер И. Е.** Полковник Г. Е. Катанаев. 1896 г.: [фот.] // Город [Омск]. 1998. № 3. С. 47.

21. **Катанаев Г. Е.:** [портр.] // Архивный вестник: информ.-метод. бюл. Омск, 1998. № 6. 2-я с. обл.

22. **Г. Е. Катанаев:** [портр.] // 175 лет Омской области: (краеведы Омского Прииртышья. Омск, 1998. С. 6.

23. **Г. Е. Катанаев:** [портр.] // Миненко Н. А. Омск в панораме веков. Омск, 1999. С. 188.

24. **Георгий** Ефимович Катанаев, выпускник Сибирского кадетского корпуса 1865 г. [портр.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 245.

25. **Кесслер И. Е.** Г. Е. Катанаев. 1891 г.: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 81.

26. **Торжественный** парад. Г. Е. Катанаев зачитывает памятный адрес от бывших воспитанников корпуса. 1 мая 1913 г.: [фот.] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 167.

27. **То же** // Басаев В. Р. Омский кадетский корпус: история и современность. Омск, 2000. С. 57.

28. **Председатель** Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию действий атамана Семенова генерал-лейтенант Г. Е. Катанаев: [фот.] // Шудряков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска: [в 2 кн.]. М., 2004. Кн. 1: 1917–1920. 8-й вкл. л. между с. 384–385. (Россия забытая и неизвестная. Российский образ службы).

Биография Г. Е. Катанаева

29. **Евсеев Е.** Генерал Г. Е. Катанаев: итоги жизни: (к 150-летию со дня рождения) // Время [Омск]. 1998. Апр.-май (№ 17). С. 10, 16.

30. **Хилько Н. Ф.** Катанаев и его окружение в Омске (конец XIX начало XX вв.) // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 30–31.

31. **Першина Л.** Имя, вписанное в нашу историю золотыми буквами // Новое обозрение-Версия [Омск]. 2000. 19–25 июля (№ 27). С. 13: портр.

О Г. Е. Катанаеве.

32. **Линчевская Н.** Крестный путь рода Катанаевых // Забвению не подлежит: книга памяти жертв полит. репрессий: [в 11 т.]. Омск, 2001.

Т. 4. С. 409–413: портр.

О судьбе семьи Г. Е. Катанаева и его сына Д. Г. Катанаева, репрессированного в 1937 г.

33. **Волков С. В.** Катанаев Георгий Ефремович // Волков С. В. Белое движение: энцикл. гражд. войны. СПб., М., 2002. С. 241.

Краткие биографические сведения.

34. **Катанаев** Георгий Ефремович // Волков Е. В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: биограф. справ. / Е. В. Волков, Н. Д. Егоров, И. В. Купцов. М., 2003. С. 110–111.

35. **Катанаев** Георгий Ефремович // Дело генерала Л. Г. Корнилова: материалы Чрезвычайн. комис. по расследованию дела о бывшем Верхов. главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Авг. 1917 июнь 1918 г.: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 508.

Краткая биографическая справка.

36. **Катанаев** Георгий Ефремович // Забвению не подлежит: книга памяти жертв полит. Репрессий: [в 11 т.]. Омск, 2001. Т. 10. С. 243: портр.

Биографическая справка. На с. 242–244 приводятся также биографические справки его сыновей и племянников, погибших или расстрелянных.

37. **Катанаев** Георгий Ефремович // Русские военные востоковеды до 1917 г.: биобиблиогр. слов. М., 2005. С. 106–107.

Биографическая справка.

38. **Лосунов А. М.** Катанаев Георгий Ефремович // Омский некрополь: исчезнувшие кладбища: [справочник]. Омск, 2005. С. 62–64: портр.

Биография.

39. **Лосунов А. М.** Послужные списки Г. Е. Катанаева как историко-биографический источник // Катанаевские чтения: материалы. Шестой Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 239–243.

Г. Е. Катанаев ученый

40. **Линчевская Н. Г.** Возвращение к Джунгарии... // Архивный вестник: информ.-метод. бюл. Омск, 1998. № 6. С. 38–43.

Статья основана на архивных документах и работах Г. Е. Катанаева.

41. **Огородникова Л. И.** Презентация книги Г. Е. Катанаева «Историческая справка о том, когда и как был основан город Омск» // Архивный вестник: информ.-метод. бюл. Омск, 1998. № 6. С. 15–16.

Презентация книги, переизданной в 1996 г.

42. **Бударин М. Е.** Г. Е. Катанаев, Г. Н. Потанин, А. А. Дунин-Гаркавич и другие старые ученые в послеколчаковской советской Сибири // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 34–38.

43. **Васенькин Н. В.** Письма Г. Е. Катанаева к Г. Н. Потанину в научной библиотеке Томского государственного университета // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 15–18.

44. **Ермекбаев Ж. А.** Г. Е. Катанаев и другие омские исследователи об истории казахов // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 22–25.

45. **Ермекбаев Ж. А.** Некоторые аспекты изучения этнической истории и материальной культуры казахов в трудах Г. Е. Катанаев и других омских исследователей // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.): междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию образования Ом. обл.: тез докл. и сообщ. Омск, 1998. С. 130–133.

46. **Жигулин А. И.** Г. Е. Катанаев как сторик и этнограф / А. И. Жигулин, И. В. Захаров // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 3–7.

47. **Огородникова Л. И.** Неопубликованные рукописи Г. Е. Катанаева // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 11–15.

48. **Петров И. Ф.** Мифы и факты // Петров И. Ф. История с географией. Омск, 1998. С. 78–89: ил.

Полемика с Г. Е. Катанаевым и его книгой «Историческая справка о том, когда и как был основан город Омск».

49. **Ремизов А. В.** Три века омского краеведения // 175 лет Омской области: (краеведы Омского Прииртышья. Омск, 1998. С. 2–25.

На с. 6–7 сведения о Г. Е. Катанаеве.

50. **Штергер М. В.** Г. Е. Катанаев и И. Я. Словцов представители провинциальной исторической мысли Сибири XIX начала XX вв. // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 18–22.

51. **Томилов Н. А.** Омская этнографическая наука и проблемы ее периодизации // Вестн. Ом. ун-та. 1999. Вып. 2. С. 68–72.

Среди омских ученых, внесших наиболее значительный вклад в развитие этнографии, назван Г. Е. Катанаев.

52. **Штергер М. В.** Историческая мысль сибирской провинции второй половины XIX начала XX вв.: (к историографии вопроса) // Мир историка: идеалы, традиции, творчество: [межвуз. сб. науч. тр.]: к 50-летию В. П. Корзун. Омск, 1999. С. 166–178.

На с. 168–172 дается характеристика работ, посвященных Г. Е. Катанаеву как наиболее выдающемуся исследователю-краеведу.

53. **Флаум Л.** Минувя век, к нам рукопись пришла // Крестьян. слово [Омск]. 2000. 21 марта. С. 6.

54. **Рукописи 100 лет!** // Новое обозрение-Версия [Омск]. 2000. 14–20 июня (№ 22). С. 9.

Статьи о найденной в отделе редких книг научной библиотеки Омского аграрного университета авторизированной рукописи Г. Е. Катанаева 1901 г. об исторических заслугах сибирского казачества.

55. **Топчий А. Т.** Войсковые учебные заведения сибирского казачества: (по материалам Г. Е. Катанаева) / А. Т. Топчий, О. П. Бутын // Западносиб. краеведение. 2000. Вып. 3. С. 11–15.

56. **Недбай Ю. Г.** Историческая справка или предыстория «Истории Сибирского казачьего войска» // Гуманитарное знание: ежегодник. Омск, 2000. Вып. 4. С. 136–148.

История написания в 1909–1916 гг. книги Н. Г. Путинцевым и Г. Е. Катанаевым.

57. **Боброва В. С.** Храм исторической науки // Архивный вестник: информ.-метод. бюл. Омск, 2000. № 8. С. 7–15.

О научно-исследовательской работе, в том числе Г. Е. Катанаева, в Омском губернском архиве в 1920–1930-е гг.

58. **Каразин Н. Н.** XVIII столетие. Сибирские казаки у проводывания новых земель [фот. с акварели] // Старый Омск: нач. XVIII нач. XX. вв.: ист. хроника событий. Омск, 2000. С. 11.

Исторические сюжеты к акварелям представлены Г. Е. Катанаевым. Рисунки были преподнесены в качестве подарка цесаревичу Николаю Александровичу во время его поездки по Западной Сибири в 1891 г.

59. **Петров И.** Ошибка Г. Е. Катанаева // Новое обозрение-Версия [Омск]. 2001. 23–29 мая (№ 19). С. 7: портр.

Полемика с Г. Е. Катанаевым и его книгой «Историческая справка о том, когда и как был основан город Омск».

60. **Алисов Д. А.** Проблемы формирования культурного пространства городов Среднего Прииртышья в дореволюционной отечественной историографии (конец XVIII начало XX вв.) // Культура городов Среднего Прииртышья в XIX начале XX вв.: моногр. / Д. А. Алисов. Омск, 2001. С. 18–24.

О городах Прииртышья, в том числе в исследованиях Г. Е. Катанаева (с. 22–23).

61. **Мукатаева Л. К.** Г. Е. Катанаев как историк Степного края (к постановке вопроса) // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII XX вв.): 2 Междунар. науч. конф.: тез. докл. и сообщ. Омск, 2001. С. 136–138.

62. **Шихатов И.** Генерал от краеведения // Моск. комсомолец в Омске. 2002. 7–14 февр. (№ 6). Портр. (Омск в «Моск. комсомольце»).

О краеведческой деятельности Г. Е. Катанаева и последних годах его жизни.

63. **Петров И.** Омичам подарен музей в миниатюре // Новое обозрение-Версия [Омск]. 2002. 17–23 апр. (№ 15). С. 9: ил.

В рецензии на книгу «Старый Омск. Иллюстрированная хроника событий» также рассказывается о Г. Е. Катанаеве.

64. **Алисов Д. А.** Проблемы формирования культурного пространства административных центров Западной Сибири в дореволюционной отечественной историографии (конец XVIII – начало XX вв.) // Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX нач. XX вв.): учеб. пособие / Д. А. Алисов. Омск, 2002. С. 21–28.

О посвященных Омску исследованиях, в том числе Г. Е. Катанаева.

65. **Каженова Г. Т.** К вопросу о «культурном взаимодействии рас» // История, природа, экономика: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию Ом. регион. отд-ния Рус. геогр. о-ва. Омск, 2002. С. 58–59.

Об исследованиях Г. Е. Катанаевым взаимоотношений сибирских линейных казаков с казахами.

66. **Лосунов А. М.** Ревизия Н. Н. Анненковым Сибирского линейного казачьего войска в 1851 г. (по материалам личного фонда Г. Е. Катанаева) // Архивные чтения памяти Н. В. Горбана: тез. докл. и сообщ. Омск, 2002. С. 190–195.

67. **Ачаирская Т.** Он написал историю казачьего войска // Ом. правда. 2003. 18 апр. С. 2: ил.

О Г. Е. Катанаеве и торжественном открытии в Омском кадетском корпусе посвященной ему мемориальной доски.

68. **Андреев С. М.** «Парии» русского офицерства: офицеры Сибирского линейного казачьего войска в дореформенную эпоху // Катанаевские чтения: сб. науч. тр.: подгот. по результатам работы третьей и четвертой всерос. науч.-практ. конф. «Катанаевские чтения» (Омск, 25–26 мая 1999 г., Омск, 23–24 мая 2000 г.). Омск, 2003. С. 81–98.

В статье использованы неопубликованные материалы Г. Е. Катанаева.

69. **Каженова Г. Т.** Этнические аспекты истории сибирского линейного казачества // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Междунар. Евраз. форум.: тез. докл. и сообщ. III науч. конф. Омск, 2003. С. 81–82.

О полиэтническом составе сибирского казачества, в том числе в неопубликованных рукописях Г. Е. Катанаева.

70. **Мукатаева Л. К.** Использование документов Государственного архива Омской области в исследовании истории Степного края // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Междунар. Евраз. форум.: тез. докл. и сообщ. III науч. конф. Омск, 2003. С. 107–108.

На примере архивного фонда Г. Е. Катанаева.

71. **Петров И. Ф.** Ошибка Г. Е. Катанаева // Легенды и мифы старого Омска: заметка краеведа / И. Ф. Петров. Омск, 2003. С. 33–42.

Полемика с Г. Е. Катанаевым и его книгой «Историческая справка о том, когда и как построен город Омск».

72. **Штергер М. В.** Провинциальная историческая мысль последней трети XIX начала XX вв. (по материалам Тобольска и Омска): автореф. дис... канд. ист. наук / М. В. Штергер. Омск: Ом. гос. ун-т, 2003. 24 с.

В диссертации, в том числе рассмотрены исторические взгляды Г. Е. Катанаева.

73. **Левина Ж. Е.** Проблемы историографии и методологии советской культуры и интеллигенции // Художественная интеллигенция Западной Сибири в системе советской культуры (конец 20-х 30-е гг. XX в.): монография / Ж. Е. Левина. Омск, 2004. С. 7–40.

На с. 32 называются исследования, посвященные омской интеллигенции и ее наиболее ярким представителям, в том числе Г. Е. Катанаеву.

74. **Нестеренок А.** Собирали по крупницам // Совет. Сибирь [Новосибирск]. 2005. 31 марта.

Об открытии в Госархиве Новосибирской области выставки документов «Сибархиву 85 лет. Истоки развития архивного дела Сибири», на которой представлены, в том числе, материалы о Г. Е. Катанаеве.

75. **Басханов М. К.** Русские военные востоковеды // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2005. № 11. С. 317–348.

В статье также приводятся сведения о Г. Е. Катанаеве.

76. **Алисов Д. А.** Проблемы формирования и развития культуры административных центров Западной Сибири в дореволюционной отечественной историографии (конец XVIII начало XX в.) // Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.): монография / Д. А. Алисов. Омск, 2006. С. 22–29.

На с. 28 о работах Г. Е. Катанаева.

77. **Боброва В. С.** Военные архивы в начальный период централизации архивного дела в Сибирском регионе // Катанаевские чтения: материалы Шестой Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 119–122.

Отмечена роль в спасении архивных документов Г. Е. Катанаева.

78. **Вибе П. П.** О создании в Омске «Музея гражданской войны в Сибири» // Катанаевские чтения: материалы Шестой Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 170–174.

История вопроса, поднятого в начале 1920-х гг. Г. Е. Катанаевым.

79. **Курныкина Г. И.** Ф. К. Набоков и его «Путевой воинский журнал» (из архивного собрания Г. Е. Катанаева) // Катанаевские чтения: материалы Шестой Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 243–246.

80. **Захарова И. В.** Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX начала XXI вв. Омский этнографический центр: монография / И. В. Захарова, Н. А. Томилов; отв. ред.: В. П. Корзун, В. И. Матющенко. Омск: Изд. дом «Наука»; Изд-во ОмГПУ, 2007. 400 с.: ил.

Характеризуется вклад Г. Е. Катанаева в изучение этнографии тюркоязычного и восточнославянского населения Западной Сибири, в создание и развитие ЗСОИРГО (с. 22, 42, 71, 73–77, 80, 90–93, 122–127).

81. **Мукатаева Л. К.** Хозяйственный уклад казахов и казаков Степного края в XIX в. (по документам Госархива Омской области) // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. V Междунар. науч. конф. Омск, 2007. С. 68–70.

На основе личного архива Г. Е. Катанаева.

82. **Буктугутова Р. С.** Общественное движение в Степном крае в конце XIX начале XX в. (к историографии и проблематике вопроса) /

Р. С. Буктугутова, А. П. Толочко // Азиатская Россия во второй половине XIX начале XX в.: проблемы региональной истории: сб. науч. ст., посвящ. 60-летию проф., д-ра ист. наук А. П. Толочко. Омск, 2008. С. 220–241.

На с. 224 отмечен вклад Г. Е. Катанаева в изучение роли общественной инициативы в культурной жизни Степного края в дооктябрьский период.

83. **Шихатов И.** Третья столица агрономический центр Сибири // Третья столица [Омск]. 2007. 12 июля (№ 43). С. 22: ил.

Приводятся сведения, в том числе о Г. Е. Катанаеве.

Г. Е. Катанаев и Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества

84. **Полоницкая Л. П.** О работе фотографической комиссии при музее Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО) // Город [Омск]. 1998. № 3. С. 47: ил.

Рассказывается также о работе Г. Е. Катанаева.

85. **Гефнер О. В.** Вклад военной интеллигенции в развитие фотографии в Омске в конце XIX начале XX вв. // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.): материалы Третьей всерос. науч. конф.: в 2 т. Омск, 1998. Т. 2. С. 134–136.

Особо отмечена деятельность Г. Е. Катанаева и военного топографа Н. А. Крекова.

86. **Колеватов Д. М.** К вопросу о научных контактах сибирской провинции (Г. Е. Катанаев и Е. Ф. Шмурло) // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 7–11.

87. **Корзун В. П.** К вопросу о научных контактах сибирской провинции (Г. Е. Катанаев и Е. Ф. Шмурло) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.): материалы Третьей всерос. науч. конф.: в 2 т. Омск, 1998. Т. 1. С. 44–47.

В статьях Д. Колеватова и В. Корзун рассмотрены связи членов ЗСОИРГО Г. Е. Катанаева и известного русского историка, профессора Юрьевского и Падуанского университетов Е. Ф. Шмурло.

88. **Полоницкая Л. П.** Фотографическая коллекция по Сибирскому казачьему войску: роль Г. Е. Катанаева в ее формировании // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 27–30.

89. **Штергер М. В.** Научные контакты и издательская деятельность ЗСОИРГО в конце XIX начале XX вв. (по архивным материалам) // Культура и интеллигенция России: интеллектуальное пространство (провинция и центр): XX в.: материалы 4 всерос. науч. конф.: в 2 т. Омск, 2000. Т. 2. С. 93–97.

О научных связях ЗСОИРГО с крупными исследователями Сибири, в том числе Г. Е. Катанаевым.

90. **Захарова Н. А.** Экспедиционная деятельность Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества в Казахстане и формирование первых коллекций ОГИК музея / Н. А. Захарова, Р. А. Шанева // *Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII XX вв.):*

2 Междунар. науч. конф.: тез. докл. и сообщ. Омск, 2001. С. 130–133.
Рассматривается также деятельность Г. Е. Катанаева.

91. **Каженова Г. Т.** Исследовательская деятельность Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества по изучению истории и этнографии казахского народа // *Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII XX вв.):* 2 Междунар. науч. конф.: тез. докл. и сообщ. Омск, 2001. С. 125–127.

Освещена, в том числе, деятельность Г. Е. Катанаева.

92. **Полоницкая Л. П.** Фотораритеты конца XIX в. по Степному краю в фондах историко-краеведческого музея (из истории формирования коллекции) // *Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII XX вв.):* 2 Междунар. науч. конф.: тез. докл. и сообщ. Омск, 2001. С. 128–130.

О вкладе Г. Е. Катанаева в создание фотоколлекции для Всероссийской художественной и промышленной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде.

93. **Гусева Е. Н.** Документы о деятельности Омского отдела Географического общества из личных фондов Государственного архива Омской области // *История, природа, экономика: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию Ом. регион. отд-ния Рус. геогр. о-ва.* Омск, 2002. С. 12–13.

Использованы также документы из фонда Г. Е. Катанаева.

94. **Полоницкая Л. П.** Музей ЗСОИРГО и Нижегородская выставка 1896 г.: (служеб. переписка председателя ЗСОИРГО Г. Е. Катанаева) // *Известия Омского гос. историко-краеведческого музея.* Омск, 2002. № 9. С. 241–256: ил.

95. **Полоницкая Л. П.** Освоение фотографического творчества в Омске // *Народная культура Сибири: учеб. пособие.* Омск. 2002. Ч. 2. С. 55–67.

В статье также рассказывается о фотоработах Г. Е. Катанаева.

96. **Буктугутова Р. Г.** Роль Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в развитии культурных связей русского и казахского народов // *Очерки истории общественного движения в Степном крае в конце XIX начале XX вв.* / Р. Г. Буктугутова. Усть-Каменогорск, 2006. С. 230–244.

На с. 230, 232–234 освещается вклад Г. Катанаева в изучение Степного края, а также его общественная деятельность.

Г. Е. Катанаев общественный деятель

97. **Волощенко Г. Г.** Георгий Ефремович Катанаев и народная культура // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 25–27.

О просвещенческой деятельности Г. Е. Катанаева.

98. **Курныкина Г. И.** Г. Е. Катанаев и участие Алтайского округа в первой Западно-Сибирской выставке // Актуальные вопросы истории Сибири: третьи науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. [Б. м.], 2002. С. 215–219.

99. **Бударин М. Е.** Атаманщина гибельный порок колчаковщины // Катанаевские чтения: материалы Пятой Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2003. С. 127–129.

В статье также рассказывается об участии Г. Е. Катанаева в расследовании самоуправной деятельности атамана Г. Семенова.

100. **Постановление** Войскового круга Сибирского казачьего войска о ходатайстве перед Временным правительством о включении в состав Чрезвычайной комиссии представителя от казачества [по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках], 20–21 сентября 1917 г. // Дело генерала Л. Г. Корнилова: материалы по расследованию дела о бывшем Верхов. главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Авг. 1917 г. июнь 1918 г.: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 80–81.

Для указанного участия в следственной комиссии и присутствия в суде избран, в том числе, Г. Е. Катанаев. См. также с. 472.

101. **Субботин Д. П.** Благотворительная деятельность Г. Е. Катанаева // Катанаевские чтения: подгот. по результатам работы третьей и четвертой всерос. науч.-практ. конф. «Катанаевские чтения» (Омск, 25–26 мая 1999 г., Омск, 23–24 мая 2000 г.). Омск, 2003. С. 163–164.

102. **Ремнев П. А.** Г. Е. Катанаев и областническое движение // Молодежь III тысячелетия: XXIX регион. науч. студен. конф.: тез. докл. Омск, 2005. С. 68–71.

103. **Кузнецов Д. В.** К вопросу об организации 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной, торгово-промышленной и лесной выставки в Омске (1911 г.) // Катанаевские чтения: материалы Шестой Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 327–329.

Г. Е. Катанаев и Сибирский кадетский корпус

104. **Сибирский** кадетский корпус: реквием // Вестник Сибирского духовно-экологического университета. Омск, 1999. № 2 (3): Материалы

первой Сибирской конференции по проблемам человековедения, Омск, 27 мая 1999 г. С. 47–49.

Об истории корпуса и его выдающихся питомцах, в том числе Г. Е. Катанаева.

105. **Басаев В. Р.** Кадетские корпуса императорской России // Дмитрий Михайлович Карбышев: кадет, генерал, патриот: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 120-й годовщине со дня рождения генерала Дмитрия Михайловича Карбышева. Омск, 2001. С. 7–13.

Среди выпускников Сибирского кадетского корпуса назван Г. Е. Катанаев (с. 13).

106. **Шихатов И.** Знаменитые и забытые кадеты: 190 лет Омскому кадетскому корпусу // Город [Омск]. 2003. № 2/3. С. 14–17: ил.

Краткие биографические сведения, в то числе о Г. Е. Катанаеве.

107. **Звезды** первой величины // Третья столица [Омск]. 2006. 11 мая (№ 18). С. 22: ил.

Приводятся краткие биографические данные и портреты выпускников Сибирского кадетского корпуса, в том числе Г. Е. Катанаева.

108. **Лукина Е. А.** Катанаев и Потанин питомцы Омского кадетского корпуса // Омский государственный аграрный университет. Российско-польская научная конференция аспирантов и студентов при гуманитарном факультете: сб. материалов. Новосибирск; Омск, 2006. С. 35–37.

Памятные места Г. Е. Катанаева в Омске

109. **Шихатов И.** По катанаевским местам // Ом. вестн. 1998. 11 июня. С. 9: ил.

110. **Шихатов И.** Площадь Катанаева (памятные места на карте города) // Катанаевские чтения – 98: материалы докл. Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 38–40: схем.

111. **С новым храмом!** // Стройка в Омске. 2005. 17–23 янв. (№ 2). С. 8–9.

Об открытии Всехсвятского храма на Казачьем кладбище; названы люди, похороненные здесь, в том числе Г. Е. Катанаев.

112. **Шихатов И.** Катанаев и Омск // Катанаевские чтения: материалы Шестой Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 235–238.

О местах, связанных с Г. Катанаевым, и необходимости увековечить его имя на карте города.

О. В. Гефнер, В. Л. Кожевин, Н. А. Томилов

**ИТОГИ И РЕШЕНИЯ СЕДЬМОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КАТАНАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
16–17 МАЯ 2008 ГОДА В ОМСКЕ**

16–17 мая 2008 г. в городе Омске состоялась Седьмая всероссийская научно-практическая конференция «Катанаевские чтения». Конференция, регулярно проходящая с 1997 г., получила свое название в честь одного из наиболее ярких представителей сибирского казачества, военного администратора, общественного деятеля, ученого – краеведа, этнографа, историка – генерал-лейтенанта Георгия Ефремовича Катанаева (1848–1921). В этом году конференция была посвящена 195-летию Омского кадетского корпуса, одного из старейших военно-учебных заведений России, и 160-летию со дня рождения генерал-лейтенанта Г. Е. Катанаева.

Эта конференция отразила одну из значительнейших тенденций современной исторической науки – возрастание интереса ученых к военно-историческим исследованиям, в том числе к истории российского офицерства, казачества, культуры и быта военных и т. д.

Организаторами конференции выступили Правительство Омской области, Институт истории Сибирского отделения РАН, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омский гуманитарный институт, Омский кадетский корпус, Омский танковый инженерный институт, Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Российский фонд культуры, Сибирский филиал Российского института культурологии, Сибирское казачье войско. Соорганизаторами конференции являлись Омский филиал Российского фонда культуры, Омское региональное отделение Русского географического общества, Омское региональное отделение Сибирского Народного Собора.

Председателями оргкомитета конференции стали: Басаев Виктор Романович – начальник Омского кадетского корпуса, профессор Академии военных наук РФ, полковник, кандидат исторических наук; Калинин Николай Иванович – секретарь Совета безопасности Омской области, генерал-майор запаса; Томилов Николай Аркадьевич – директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН и Сибирского филиала Российского института культурологии, заведующий кафедрой этнографии и музееведения Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, заместитель председателя Сибирского Народного Собора, академик АГН, РАЕН, РАСН, профессор, доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы.

В этом году на конференцию было заявлено 165 докладов из 27 городов России и 4 городов Казахстана.

Седьмые «Катанаевские чтения» проходили в Омском кадетском корпусе, гостеприимно открывшим свои двери перед участниками кон-

ференции. Конференция начала свою работу с возложения венка к памятной доске Г. Е. Катанаева. Открыл конференцию начальник кадетского корпуса полковник В. Р. Басаев, который наградил почетными грамотами ученых, выступавших с докладами перед кадетами, во время встреч с ними. Были награждены грамотами и ценными подарками профессора В. М. Бельдиян, А. А. Колоколов, В. М. Лебедев, В. И. Разумов, О. М. Рой, А. А. Соловьев, Н. А. Томилов, А. К. Чернышев. Участников конференции приветствовали: от Правительства Омской области – Жигун Анатолий Михайлович, заместитель председателя Комитета по безопасности Омской области, начальник отдела по делам военных органов, полковник в запасе, профессор, кандидат философских наук; от Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского – Струнин Владимир Иванович, проректор по научной работе Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, профессор, доктор физико-математических наук; от Академии военных наук – Соловьев Анатолий Алексеевич, профессор, заведующий кафедрой Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии, член-корреспондент Академии военных наук, кандидат физико-математических наук; от Института истории СО РАН – Щербин Николай Макарович, заведующий Лабораторией-музеем СО РАН при Институте истории СО РАН, кандидат исторических наук. Председатель оргкомитета Николай Аркадьевич Томилов огласил приветствия в адрес участников конференции от Никиты Сергеевича Михалкова, президента Российского фонда культуры, Народного артиста СССР; от Вячеслава Ивановича Молодина, первого заместителя председателя Президиума СО РАН, академика РАН; от Анатолия Пантелеевича Деревянко, академика-секретаря Историко-филологического отделения РАН, директора Института археологии и этнографии СО РАН, академика РАН.

На пленарном заседании были заслушаны доклады канд. ист. наук В. Р. Басаева (Омск) «Историей нашей гордимся: 195 лет Омскому кадетскому корпусу», кадета А. А. Росстального (Омск) «Воспитанник Сибирского кадетского корпуса Георгий Ефремович Катанаев», канд. ист. наук А. В. Дмитриева (Новосибирск) «Вопрос о времени строительства регулярной армии в России в освещении отечественной историографии», канд. ист. наук С. М. Толмачева (Омск) «Казачество – неотъемлемая часть русского народа», канд. ист. наук А. В. Чухно (Казахстан, Петропавловск) «Решение социальных и культурно-бытовых проблем города совнархозами Зауралья (1957–1962 гг.)», д-р физ.-мат. наук А. А. Колоколова, канд. физ.-мат. наук В. В. Лизунова, Г. П. Пономаревой, канд. физ.-мат. наук А. А. Соловьева (Омск) «Омскому Дому ученых 70 лет», канд. ист. наук В. Л. Кожевина, А. П. Сорокина, д-р ист. наук Н. А. Томилова (Омск) «История армии в омских научных изданиях».

Далее работа конференции проходила по секциям: «Армия в политической, социальной и культурной жизни общества» (руководители канд. ист. наук О. В. Гэфнер, канд. ист. наук В. Л. Кожевин), «Российское казачество: история и современность» (руководители д-р ист. наук С. М. Андреев, канд. ист. наук В. А. Шулдяков), «Сибирь и регионы России: история и культура» (руководители д-р ист. наук Д. А. Алисов, канд. ист. наук М. А. Жигунова), «Природа и природопользование» (руководители канд. в. наук Б. Ю. Кассал, канд. биол. наук К. В. Фролов). Ученые и практические работники обсудили значительное число вопросов по следующим основным направлениям: социокультурный облик российских военных в прошлом и настоящем, армия и культура, история войн и военного искусства, военное образование в России, патриотическое воспитание молодежи; история и культура казачества, проблемы краеведения и локальной истории, музейное дело, этнокультурное взаимодействие народов Азиатской России, экология и природопользование.

В конференции приняли участие более 140 человек – ученых, студентов и аспирантов, преподавателей, кадетов, библиотечных и музейных работников, казаков из 8 городов России (Кунгур, Москва, Новосибирск, Омск, Снеженск, Сургут, Тара, Томск) и 2 городов Казахстана (Кокшетау, Петропавловск). Всего на конференции было заслушано 90 докладов.

В ходе обсуждения докладов выступавшим были заданы многочисленные вопросы, возникла оживленная дискуссия. Особенностью конференции явилась серьезная попытка ученых ответить на запросы практиков, увязать научную постановку проблем с потребностями сегодняшнего дня в возрождении казачества, повышении престижа военной службы, воспитании патриотизма у подрастающего поколения, сохранении и приумножении культурного наследия России.

В культурную программу конференции входила экскурсия по Музею Омского кадетского корпуса. В ходе экскурсии участники конференции познакомились с историей Омского кадетского корпуса, памятниками, расположенными на его территории.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны отчеты руководителей секций, подведены итоги конференции. Участники конференции отметили важную значимость «Катанаевских чтений» как научно-координационного центра в Сибири, объединяющего усилия ученых, занимающихся военно-историческими исследованиями; высказались за продолжение практики проведения этой конференции. Конференция приняла следующие ниженазванные рекомендации:

1. Музейным работникам активнее использовать мировой опыт привлечения внимания к памятникам истории и культуры региона посредством разработки оригинальных исследовательских и музейных проектов.

2. Ученым омских вузов и научных учреждений к моменту проведения очередной конференции «Катанаевские чтения» создать Ассоциацию военных историков Сибири.

3. Учитывая потенциал истории, как учебной дисциплины, для патриотического воспитания молодежи, привлечь внимание соответствующих государственных структур к проблеме необоснованного сокращения аудиторной нагрузки по историческим дисциплинам.

4. Ученым-гуманитариям активизировать борьбу с мифологизацией истории в средствах массовой информации, научной и учебной литературе.

5. Обратить внимание местных властей на продолжающийся процесс разрушения памятников истории и культуры России.

6. Педагогам активнее использовать опыт военно-патриотической работы, проводимой Омской областной общественной организацией «Центр патриотического воспитания детей и молодежи на основе русской традиционной культуры «Пересвет».

7. Научной администрации принять активное участие в мероприятиях, посвященных празднованию 200-летию юбилею создания Сибирского казачьего войска (1808–2008 гг.).

8. Рекомендовать Министерству образования Омской области рассмотреть вопрос о возможности введения в школах г. Омска курса «Омскоеведение».

9. Поддержать инициативу общественных организаций и Министерства культуры Омской области о проведении слета краеведов Омского Прииртышья для возрождения общества краеведов, координации их усилий в патриотическом воспитании молодежи.

10. Рекомендовать музейным работникам составлять каталоги ведомственных музеев, в Омске начать работу по составлению «Музейного компаса Омской области».

11. Рекомендовать Министерству по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области содействовать юношеским эколого-краеведческим движениям (геологическим, эколого-биологическим, краеведческо-экспедиционным).

12. Рекомендовать Министерству промышленности, транспорта и экологии Омской области уточнить (расширить) список видов животных, включенных в Красную книгу Омской области, разработать систему мер по реальной охране редких и исчезающих видов животных и растений Омской области, способствовать развитию проекта «Териофауна Омской области»; при создании сети особо охраняемых природных территорий использовать данные об их гидрорельефных особенностях; с переводом водоохраннх зон проточных и замкнутых водоемов в режим особо охраняемых природных территорий, выделять участки, подлежащие сезон-

ной охране, с присвоением статуса экологических троп и микрозаказников местных сельских администраций и средних образовательных школ; полнее использовать рекреационные возможности и возобновимые биологические ресурсы водоемов южной подтайги Прииртышья; ввести данные о природе Омской области в региональные справочно-информационные издания.

13. Провести в 2010 г. IV Всероссийскую научную конференцию «Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне»; в 2012 г. – Восьмую всероссийскую научно-практическую конференцию «Катанаевские чтения», посвятив ее 200-летию Отечественной войны 1812 г.; в 2013 г. – Международную научную конференцию «200 лет Омскому кадетскому корпусу».

АРМИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Л. Ю. Елтышева

ИЗ ИСТОРИИ КУНГУРСКОГО ВОЕННОГО ГАРНИЗОНА

Появление первых военных гарнизонов на Кунгурской земле можно отнести к XVI в. (1579–1581), в период завоевания атаманом Ермаком Сибири. На пути следования в Сибирь устраивались на защищенных природой местах острожки и крепости, в которых оставались по небольшому количеству ратников, чтобы, в случае возвращения назад, пройденный путь был свободен. Для этих целей на реке Сылва были построены казармы и землянки для ратников [1, с. 1]. Это были первые русские поселения на реке Сылва. После второго основания г. Кунгура была построена деревянная крепость-кремль, внутри которой наряду с другими постройками находился и деревянный пушечный и пищальный сарай, где хранились 9 чугунных пушек, 11 пищалей, 8 фузей [1, с. 10]. В 1684 г. в Кунгуре имелось 100 пушкарских и стрелецких домов [4, с. 3]. Артиллерией и припасами город по указу Великого государя и князя Петра Алексеевича снабжался от бывших в Сибири ближних бояр и воевод – князей Черкасских с Сибирских казенных заводов [7, с. 207]. В XVIII в. Кунгур часто подвергался нападением уфимских башкир и татар. Набеги совершались в 1703, 1708, 1736, 1737 гг. [5, с. 15–16]. В 1755 г. во время башкирских бунтов г. Кунгур охраняли два регулярных конных полка, посланные оренбургским действительным тайным советником и кавалером Иваном Ивановичем Неплюевым [5, с. 17].

В период крестьянской войны (1773–1775) в г. Кунгуре было создано народное ополчение под руководством купеческих сыновей Емельяна и Пантелеймона Хлебниковых [6, с. 15]. 31 января 1773 г. из Юговских казенных заводов на помощь защитникам города было отправлено 50 вооруженных человек и полпуда пороха [2, с. 9]. 4 января 1774 г. на помощь защитникам города из Екатеринбурга прибыли 100 вооруженных казаков, которых возглавлял подпоручик Степан Посохов. На вооружении у них было 2 пушки, 5 пудов пороха [6, с. 16]. 6 января 1774 г. в Кунгур возвратился на пути следования в Казань секунд-майор Казанского гар-

низонного батальона Александр Васильевич Папав с партией новобранцев из 386 человек и с 12 вооруженными солдатами «для вспоможения г. Кунгуру к обороне против наступающих злодеев» [6, с. 1]. Майор Папав принялся деятельно руководить обороной города. 25 января 1774 г. в Кунгур из Казани прибыл отряд в 300 человек во главе с секунд-майором и кавалером Нарвского пехотного полка Д. Гагриным, с пушками и артиллерийскими снарядами. Вместе с командой майора Папав они совершили поход в Ильинский острожек (село Орда), где разместился штаб пугачевцев, для боя реванша [6, с. 21]. Екатерина II особо отметила защитников г. Кунгура. Золотой шпагой были награждены предводители Кунгурского ополчения купеческий сын Е. И. Хлебников и бургомистр Ф. Л. Кротов. Их имена указаны на памятнике в честь защитников города в период крестьянской войны [2, с. 72].

На протяжении XVII–XVIII вв. Кунгур ежегодно поставлял рекрутов в Русскую армию. В 1798 г. в Кунгуре находилась городская полиция с гауптвахтой и тюремным острогом. Для охраны заключенных из Перми присылали солдат, которых размещали в специально построенных казармах. В XIX в. в Кунгуре размещался призывной воинский участок, уездная команда с Воинским Начальником (в 1877 г. майор Синицын) и с цейхгаузом и манежем. На содержание воинского участка (в последствии батальонный двор) средства выделялись из государственной казны. Отпускались средства на воинские квартирные повинности и из средств Кунгурской городской управы. В 1873 г. в Кунгуре находился 60-й пехотный резервный батальон [3, л. 534]. Для новобранцев военного призыва (примерно 200 человек ежегодно), специально были построены общественные казармы, размещали новобранцев и в частных казармах. В 1914 г. в г. Кунгуре был создан запасной батальон. В начале 1916 г. он был преобразован в 153-й запасной пехотный полк. 13 марта 1917 г. в Кунгуре был создан военно-гарнизонный комитет, первым председателем которого был назначен солдат А. Гостев.

В октябре 1917 г. в Кунгуре были организованы первые отряды Красной Гвардии. Она пополнялась членами боевых дружин и железнодорожниками. В феврале 1918 г. в Кунгуре при уездном исполкоме создали военный отдел, возглавляемый Николаем Александровичем Филимоновым, который хорошо знал военное дело и руководил комитетом солдатских депутатов. 20 марта 1918 г. его назначили начальником уездного штаба Красной Армии. По своей структуре штаб делился на строевую, хозяйственную и формирочно-статистическую части и лазарет. Большая работа была проведена Филимоновым по созданию военкомата и формированию 1-й социалистической роты, 1-го Кунгурского стрелкового, а затем и кавалерийского полков. В апреле 1918 г. военный отдел был реорганизован в уездный военный комиссариат. Первым уездным комиссаром был назначен Н. А. Филимонов. В сентябре 1918 г. в Кунгуре

произошло соединение с частями Красной Армии южно-уральского отряда партизан под командованием В. К. Блюхера и братьев Кашириных. В составе этого отряда находились и казачьи полки. 11 ноября 1918 г. решением Реввоенсовета Восточного фронта в Кунгуре на базе этих соединений произошло формирование 30-й Иркутской стрелковой дивизии под командованием В. К. Блюхера. Штаб этой дивизии находился в г. Кунгуре (здание районной администрации).

21 декабря 1918 г. город был занят частями Белой Армии. Молебен по случаю взятия города был отслужен в новом Богоявленском соборе. В период декабря 1918 – июня 1919 гг. в Кунгуре находились части Екатеринбургской группы войск (командир генерал-майор Рудольф Гайда) и части 3-го Степного Сибирского армейского корпуса Сибирской армии под командованием генерал-майора Вержбицкого. Начальником кунгурского гарнизона был назначен полковник Галилеев. 12 марта 1919 г. на площади перед техническим училищем был проведен парад и отслужен молебен городским духовенством по поводу проводов на фронт штурмовой бригады 3-го Степного корпуса. Уходящим на фронт частям была преподнесена икона Тихвинской Богоматери. В этот же период в Кунгуре работал Комитет помощи народной Армии. 1 июля 1919 г. в Кунгур вошли 182-я, 183-я стрелковые полки 21-й Уральской дивизии Красной Армии.

В годы Великой Отечественной войны свыше 14 тыс. кунгуряков защищали свою Родину на различных фронтах войны. Мобилизацию на фронт проводил Кунгурский городской и районный военкомат. Перед войной и в период войны на территории Кунгурского района шло формирование 416-го стрелкового полка, 379-й, 231-й, 170-й стрелковых дивизий, бригады Уральского добровольческого танкового корпуса. 9 кунгуряков были удостоены звания «Герой Советского Союза» (П. Понамарев, И. Каменных, И. Сухарев, Ф. Хохряков, В. Веденьков, М. Малиев, В. Восстриков, Ф. Бачурин). Один из них – Сивков Григорий Флегонтович, уроженец Кунгурского района, проживающий в Москве, этого звания удостоен дважды.

1. Золотов Е. Д. Материалы для первоначальной истории г. Кунгура и его уезда. Пермь, 1892.

2. Золотов Е. Д. Материалы, относящиеся к истории г. Кунгура во время пугачевского бунта. Кунгур, 1892.

3. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 9. 534 л.

4. Кунгур. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1886.

5. Кунгурская летопись Пиликиных. Отдельный оттиск из Пермских Губернских Ведомостей за 1887 г. Пермь, 1887.

6. Пермский сборник 1860 г. Кн. II.

7. Попов И. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. III. СПб., 1813.

К ИСТОРИИ «ГODOVOЙ» СЛУЖБЫ В СИБИРИ XVII ВЕКА

Недавно В. Д. Пузанов, А. Е. Ульянова, Д. О. Скульмовский впервые специально обратились к изучению получившей широкое распространение в Сибири уже с конца XVI в. практики посылки годовальщиков в города и остроги. Сведения такого рода, ранее не привлекавшие внимания историков, дают возможность с большей полнотой, чем прежде, определить и географию, и формы выполнения «годовой» службы в «далечайшей вотчине» московских государей.

В. Д. Пузанов пришел к заключению, что выражение «годовальщик» первоначально «имело главным образом военное значение»; так называли «человека, направленного на временную службу в другой город» [4, с. 108; 5, с. 57; 6, с. 283]. «Разряды», однако, позволяют установить, что вначале в качестве «годовой» рассматривалась служба городовых воевод и других администраторов [7, с. 152; 8, с. 33; 9, с. 407], да и в «Книге записной» – старшей разновидности Сибирского летописного свода (далее – СЛС) – находим запись, согласно которой в 1638/39 – 1642/43 гг. в Мангазее «годовал» дьяк Б. Обобуrow [3, с. 152].

В первой четверти XVII в. служилые люди Сургута (где сразу после основания находилась пелымская казачья станица атамана Т. Иванова) «годовали» на Енисее, где вместе с остяками разбили тунгусского князца Данула [1, с. 35, 37]. Сургутян наряду со служилыми людьми и юртовскими татарами из Тобольска, Тюмени, Березова, Нарыма посылали годовальщиками в Томск. Под 1628/29 г. в «Книге записной» сказано, что во входившие в состав Томского разряда Мелесский и Ачинский остроги, Сосновский и Верхотомский острожки, государеву село Спасское ездят «на приказы письменные головы и томские дети боярские погодно». В 1654 г., удовлетворяя челобитную архиепископа Тобольского и Сибирского Симеона, царь решил посылать в Ишимский, Побединский и Каурдацкий острожки Тарского уезда, «чтоб у них беззаконства не было», «служилых людей на годовую з женами» и выстроить в одном из этих острожков «церковь теплую небольшую ... годовальщики служилыми людьми» (туда направляли «для сторожи и для калмыцких вестей погодной по семидесяти человек стрелцов и пеших казаков») [2, с. 307, 411]. В июне 1639 г. «с государевою казною и с запасы» отправились на Лену «ставить» Якутский острог из Тобольска 246 местных и 50 березовских служилых людей на 39 дощениках. Оттуда же 54 года спустя в Якутск с сыном боярским В. Турским выехали полсотни тобольских и тюменских детей боярских «без жен и без детей до государеву указу» [3, с. 152, 230–231]. В СЛС упоминается о двухлетнем (начиная с 1651/52 г.) походе дворянина московского Д. И. Зиновьева со 150 служилыми людьми пяти сибирских го-

родов в Даурию (Восточное Забайкалье). (Документально известно о входивших в этот отряд 160 годовальщиках из Тобольска, Тюмени, Верхотурья, Сургута, Туринска и Верхоленска). В 1683/84 г. в сибирской «столице» и других городах Тобольского разряда были «прибраны» «ис пеших казаков и ис казачьих детей 500 человек» и, получив пищади, отправлены «в Даурскую землю». Через год «до государева указу» из Тобольска послали «в даурские остроги, в Иркутски в иные, тобольских казачьих детей и братей, и племянников, и пасынков, и внучат 120 человек да тюменских казачьих детей 80 человек», а также по 20 пелымцев и березовцев [3, с. 157, 220, 231, 287, 340]. (По наблюдениям Н. И. Никитина и Е. В. Вершинина, нередко определенные на «годовую» службу нанимали вместо себя других лиц).

Судя по приведенным данным, эта служба, прежде всего тоболяков, тюменцев, сургутян и березовцев, в том числе родственников казаков, сыграла значительную роль в закреплении за Россией Енисейского края и Восточной Сибири.

1. Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964.

2. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. Новосибирск, 2001.

3. Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36.

4. Пузанов В. Годовальщики Сургута и Березова // Югра. 2005. № 12.

5. Пузанов В. Д. Военная служба годовальщиков в Сибири в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура. 2005. № 1.

6. Пузанов В. Д. К вопросу о службе годовальщиков // Наука и инновации XXI в. Сургут, 2006.

7. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

8. Разрядная книга 1475–1605. М., 1978. Т. 1. Ч. 3.

9. Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1.

А. В. Дмитриев

ВОПРОС О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ В РОССИИ В ОСВЕЩЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Строительство русской регулярной армии на протяжении эпохи нового времени (XVII–XVIII вв.) является одной из важнейших составляющих процесса формирования в России имперской государственности западноевропейского типа. Однако вопрос о времени завершения данного процесса до сих пор остается в известной мере дискуссионным. Сходясь во мнении, что первым шагом на пути к регулярной армии в России стало появление еще во второй половине XVII в. полков «нового строя», иссле-

дователи, тем не менее, по-разному датируют его заключительный этап: от эпохи Петра Великого до рубежа XVIII–XIX вв.

Среди русских военных историков XIX – начала XX в. не было единого мнения относительно того, какое значение придавать появлению в России XVII в. войск, построенных по европейским образцам, и постепенному вытеснению ими прежней организации армии. Точно так же расходились исследователи и в оценках сущности военных реформ Петра I и их значимости для развития русской армии в XVII–XVIII вв. Так, П. О. Бобровский считал неизбежным и единственно возможным путем преобразований заимствование Петром европейских принципов организации регулярной армии [3, с. 63]. Напротив, Д. Ф. Масловский отстаивал тезис о самостоятельном развитии вооруженных сил Русского государства, подчеркивая, что «русская армия была вполне национальной» [11, с. 55–57].

История русской армии на протяжении XVIII столетия также не была обойдена вниманием специалистов [1; 12]. Впрочем, предметом дискуссии для них служили, в основном, вопросы о соотношении внутренних (национальных) и внешних (заимствованных) принципов организации армии и военного искусства. Статус же русской армии после реформ Петра Великого однозначно определялся отечественными военными историками как регулярный; здесь не существовало никаких расхождений.

В советской историографии перечисленные выше проблемы на протяжении довольно долгого времени не пользовались особой популярностью. В период до 1960-х гг. ведущим специалистом по этой проблематике по праву считался А. В. Чернов. Соглашаясь с выводом В. О. Ключевского о преобладании в составе русской армии полков «нового строя» уже к концу XVII в., Чернов в то же время утверждал, что они представляли собой национальную регулярную армию. Роль же Петра I, по его мнению, заключалась в окончательной ликвидации старой организации части армии, еще отчасти сохранявшейся к концу XVII в., а также введении единого центрального управления вооруженными силами [17, с. 221–223].

Впрочем, не все следовали подобной точке зрения. Виднейший специалист по военным реформам петровской эпохи Л. Г. Бескровный, например, скрупулезно изучив все меры Петра по формированию новой армии, а также достигнутые в ходе их воплощения результаты, пришел к однозначному выводу: «Военные реформы, проведенные на рубеже XVII и XVIII вв., явились логическим завершением процесса возникновения и развития постоянной регулярной армии и флота, продолжавшегося в течение XVII в.» [2, с. 632].

Перу Л. Г. Бескровного также принадлежит замечательная монография по истории русской армии XVIII столетия, в которой автором был собран огромный фактический материал, на основе которого ему удалось детально проследить эволюцию вооруженных сил Российской империи от Петра до Екатерины II. Автор однозначно квалифицирует русскую ар-

мию этого периода как «национальную регулярную армию» [2, с. 633]. Главный вывод Бескровного: сложившиеся в петровскую эпоху система комплектования, организация армии, принципы боевой подготовки и ведения боевых действий довольно долгое время сохранялись в неизменном виде [2, с. 54], и лишь во второй половине века были улучшены и усовершенствованы, в чем немалую роль сыграли «прогрессивно настроенные» русские полководцы и военные деятели (Румянцев, Суворов и др.).

В дальнейшем историками были поставлены под сомнение изложенные выше положения. П. П. Епифанов, например, категорически утверждал, что «непосредственная преемственность между набранным Петром I «прямым регулярным войском» и солдатской пехотой XVII в. исключалась» [6, с. 14]. Впрочем, для большинства исследователей эти вопросы считались, в общем, уже закрытыми.

Только в последние 10–15 лет снова повысился интерес к данной проблематике, и стали появляться обобщающие труды, монографии и статьи по конкретным сюжетам, а также исследования теоретического характера, зачастую по-новому переосмысливающие и интерпретирующие уже известные данные [4; 5; 7; 8; 9; 10; 13; 14; 15; 16]. Господствующая в современной историографии точка зрения по интересующему нас вопросу заключается в следующем.

Уже в XVII в. в России появились первые регулярные войска – полки «нового строя», которые поначалу сосуществовали со старой поместной конницей, хотя во второй половине века наметилась устойчивая тенденция к вытеснению ими последней и завоеванию преобладающих позиций в составе русской армии. Исследователи расходятся во мнениях относительно степени этого преобладания, а также того, чем мог бы в итоге завершиться этот долгий процесс, не будь он резко ускорен петровскими преобразованиями.

В петровскую эпоху, с введением всеобщих рекрутских наборов для тяглых сословий, было завершено создание регулярной пехоты и заложены основы строительства регулярной армии в России [9, с. 63; 10, с. 12–27, 52]. В данном случае исследователи, как правило, опираются на тезис о присущем регулярной армии четком разделении по родам войск (пехота, кавалерия, артиллерия и др.). Между тем, созданную Петром I конницу драгунского типа с большой натяжкой можно причислить к кавалерии. Опыт боевого применения драгун в Северной и последующих войнах показывает, что они использовались в основном как маневренная пехота и предназначались для ведения огневого боя в пешенном порядке [9, с. 67]. Перевод на регулярную основу русской кавалерии продолжался в течение всего XVIII столетия.

Все это принесло ожидаемые результаты: к концу XVIII в. русская армия в подавляющем большинстве состояла уже из регулярных войск. Последним шагом в этом направлении была деятельность графа А. А. Арак-

чиева в должности генерал-инспектора артиллерии. В результате его усилий русская артиллерия приобрела статус отдельного рода войск, равного по значимости пехоте и коннице. С появлением же в начале XIX в. Военного министерства Российской империи, а также Генерального штаба как специализированного органа управления вооруженными силами страны, русская армия окончательно становится регулярной, не уступая в этом отношении армиям западноевропейских государств. Определение термина «регулярная армия», используемое в данном случае современными специалистами по военной истории России, звучит следующим образом: «Часть вооруженных сил государства, состоящая из регулярных войск и единого центрального органа военного управления...» [9, с. 66]. Таким образом, мы приходим к выводу, что процесс строительства регулярной армии в России, начавшийся еще в XVII столетии, завершился лишь в первые годы XIX в.

1. Баиов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. СПб., 1906. Т. 1.–2.

2. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. Очерки. М., 1958.

3. Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2: Артикул Воинский. СПб., 1882. Вып. 1.

4. Военная история Отечества с древних времен до наших дней: В 3 т. М., 1995. Т. 1.

5. Военная история России. М., 2001.

6. Епифанов П. П. Очерки из истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII первая половина XVIII вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1969.

7. История военной стратегии России. М., 2000.

8. История русской армии. М.; СПб., 2004.

9. Копылов И. А. От регулярных войск к регулярной армии. О дате создания Российской Армии // Военно-исторический журнал. 1999. № 1. С. 63–67.

10. Леонов О. Г., Улянов И. Э. Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995.

11. Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1.

12. Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886–1891. Вып. 1–3.

13. Михайлов А. А. Первый бросок на юг. М.; СПб., 2003.

14. На пути к регулярной армии России. Армия и флот в эпоху дворцовых переворотов. СПб., 2003.

15. На пути к регулярной армии России. Армия и флот в эпоху Петра Великого. СПб., 2002.

16. Регулярная армия России. История создания и становления. М., 2002.

17. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ

В отечественной историографии бытует устойчивое мнение о том, что после смерти Петра I интерес к развитию военного дела в России постепенно угасал, и ситуация лишь отчасти изменилась только в правление дочери Петра, а окончательный перелом произошел при Екатерине II. Думается, что такая точка зрения является довольно спорной по отношению ко всем преемникам Петра Великого, за исключением разве что Петра II.

Так, с приходом к власти Анны Иоанновны политику в военном вопросе можно условно разделить на три периода: 1) 1730–1731 гг. – выработка основ военной политики; 2) 1732–1736 гг. – реализация правительственного курса; 3) 1737–1740 гг. – инерционная политика без каких-либо существенных изменений.

М. К. Любавский отмечал, что, придя к власти, Анна Иоанновна ревностно начала заниматься государственными делами [4, с. 322]. Скорее всего, это соответствует действительности, поскольку, живя в Митаве, герцогиня Курляндская страшно скучала, поэтому, оказавшись во главе государства, она с удовольствием начала заниматься насущными государственными проблемами. Но столь же не вызывает сомнений и то, что очень скоро императрице это надоело, поскольку, по словам современников, вопросы управления мало занимали ее [7, с. 193]. Для управления государством она учредила кабинет министров, а так же вернула некоторую власть Сенату. Эти органы и представляли императрице доклады о необходимости решения насущных вопросов, связанных с развитием армии и флота.

В частности, по их настоянию императрица издала указ 1 июня 1730 г. об учреждении Воинской комиссии, которая должна была подготовить программу преобразований в армии. Вновь созданной комиссии было поручено подготовить доклады по следующим вопросам: 1) численность и структура армии; 2) материально-финансовое обеспечение армии; 3) поддержание боеспособности армии в мирное время, а также инспекция армии, введение новых правил и уставов [5, с. 143]. Крайне важным для правительства был вопрос сокращения расходов на содержание вооруженных сил, так как на эту статью уходила подушная подать, недоимки по которой были значительными, несмотря на уменьшение этого налога еще в царствование Екатерины I. Поэтому правительство Анны так же стремилось снизить налоговое бремя для крестьян.

Вся деятельность комиссии делится на два этапа: 1) 9 июня 1730 – 7 марта 1731 – московский период под руководством М. М. Голицына; 2) 8 марта 1731 – май 1732 – петербургский период под руководством

Б. Х. Миниха. На первом этапе основной задачей был переход к системе мирного штаба, т. е. сокращение численности генералитета и штаба. Тогда же были приняты предложения комиссии о снижении расходов на амуницию. На втором этапе продолжилось сокращение генералитета, а так же большое внимание стали уделять вопросу кавалерии. Решено было создать кирасирские полки, закупив для этих целей хороших лошадей, одновременно сократив их поголовье у драгун. В это же время Анна Иоанновна издала указ об организации конных заводов. Проекты эти только начали реализовываться, было создано три кирасирских полка, но они показали свою небоеспособность как в русско-польской, так и в русско-турецкой войнах. А в Казанской и Нижегородской губерниях было выбрано десять мест под конные заводы, но из-за нехватки средств полностью реализовать планы не удалось.

В 1736 г. началась реформа управления армией, в результате которой было произведено объединение всех военных ведомств в единую централизованную структуру с общим руководством. Теперь военная коллегия стала включать в себя следующие конторы: генерал-кригс-комиссара, обер-цалмейстерскую, амуничную, провиантскую, артиллерийскую, фортификационную и счетную [5, с. 168]. Все они подчинялись вице-президенту и президенту.

Не меньше внимание было уделено Анной Иоанновной и развитию флота. Еще в июле 1730 г. императрица издала указ «О содержании галерного и корабельного флотов по регламентам и уставам». Этот указ был необходимым, так как состояние русского флота на тот момент было весьма плачевным, поскольку после смерти Екатерины I никто не занимался не только развитием морского дела, но и просто поддержанием флота на том уровне, который был уже достигнут. В результате Анне было доложено, что полностью боеспособными является около 30 % флота. Уже в январе 1731 г. был заложен первый 66-пушечный корабль «Слава России», а в 1732 – еще два аналогичных. В 1734–1735 гг. закладывалось по 3–4 судна, а в 1736–1738 гг. – всего два. В среднем в годы правления Анны ежегодно закладывалось по 1,6 корабля (для сравнения при Екатерине II – 2,2).

В начале 1732 г. была сформирована Воинская морская комиссия, которая должна была решать следующие вопросы: 1) о штате кораблей, 2) о финансировании флота, 3) о содержании портов и морских баз, 4) о наличии лесных ресурсов (очень странной кажется одна из главных проблем русского кораблестроения – плохое качество леса, что вынудило императрицу издать указ «О разведении и посеве корабельных лесов [6, с. 478]).

В 1732 г. произошла реорганизация Адмиралтейской коллегии, которая была также жестко структурирована. Внутри нее создавались экспедиции: 1) по снабжению флота, 2) экипажная (хранение и использование

такелаж и вооружение судов), 3) сарваерская (верфи, кораблестроение, заготовка и охрана лесов), 4) артиллерийская, 5) госпитальная [5, с. 229].

29 июля 1731 г. был издан указ об открытии Кадетского корпуса, на содержание которого выделили 30 тыс. руб. Под него был выделен дом А. Д. Меншикова. Корпус делился на четыре класса: в четвертом (низшем) обучались русскому и латинскому языку, чистописанию, арифметике; в третьем – геометрии, географии, грамматике; во втором – фортификации, артиллерии, стилю, риторике, юриспруденции, морали, геральдике; в первом – более глубокое изучение тех наук, в которых ранее показали наибольшие достижения [6, с. 228]. Из этого перечня ясно, что правительство действительно вынашивало мысли готовить не только военных специалистов, но и гражданских, хотя для первых был приоритет.

Все свое правление Анна Иоанновна помнила, каким образом ей удалось стать самодержицей России. Этим объясняется масса указов о послаблении дворянской службы Во-первых, было введено ограничение срока службы до 25 лет. Правда, каждое прошение об отставке после этого срока рассматривал Сенат, но, тем не менее, с этого момента можно говорить о начале превращения дворян в привилегированное сословие. Во-вторых, согласно указу 1732 г. русские и иностранные офицеры стали получать одинаковое жалование (раньше – русским платили в два раза меньше) [1, с. 429].

Чтобы найти опору в гвардии, Анна Иоанновна создала два гвардейских полка. Причем, при комплектовании Измайловского полка рядовые набирались из ландмилиции южных окраин, т. е. из однодворцев – мелкопоместных дворян, а офицеров брали из не входящих в гвардейские чины [2, с. 264]. Таким образом, очевидно, что знатность в данном случае была не просто не важна, она была помехой, императрице нужны были люди, никак не связанные со столичным дворянством, силы и значимости которого Анна весьма опасалась.

Кроме указанных мероприятий, правительство Анны Иоанновны занималось строительством укреплений и крепостей: Украинская и Закамская пограничные линии, флотские базы и крепости на Балтике и т. п.

Таким образом, в правление Анны Иоанновны были сделаны попытки решить многие назревшие вопросы как в армии, так и на флоте. В целом, военная политика была, вопреки утвердившемуся мнению, вполне преемственной петровской и екатерининской и проводилась в интересах русского государства, независимо от того, что большую роль в политике играли иностранцы на русской службе.

1. Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб., 1994.

2. Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М., 2002.

3. Любавский М. К. Русская история XVII–XVIII вв. СПб., 2002.
4. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны. СПб., 2001.
5. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 10.
6. Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725–1825 гг. М., 1991.

В. С. Сулимов

ПОДГОТОВКА К ОТПРАВКЕ В СИБИРЬ ПЛЕННЫХ ПОЛЯКОВ В 1813 ГОДУ

В начале 1813 г. юг Tobольской губернии был взбудоражен вестью о скором прибытии в край пленных поляков, воевавших на стороне Наполеона. Губерния до этого момента находилась вдалеке от грозных событий Отечественной войны 1812 г.

2 марта 1813 г. Ишимский городничий отправил рапорт Tobольскому гражданскому губернатору действительному статскому советнику и кавалеру Ф. А. фон Брину, сообщив о том, что командир 29-й дивизии генерал-лейтенант Г. Глазенап, находящийся в г. Омске, уведомил его о воле государя. По решению Александра I пленных поляков из 18 губерний России нужно было направить в г. Ишим для укомплектования войск на Сибирской линии.

Партии пленных с конвойными командами был назначен принимать и распределять по полкам и батальонам плац-майор Шевнин. На первое время от Ишимского городничего требовалось подготовить квартиры для Шевнина, 2 офицеров и 44 рядовых [1, л. 3–3об].

Губернатор уже знал о высочайшем повелении и попросил в марте командующего 29-й дивизией разъяснить некоторые вопросы. Г. Глазенап ответил фон Брину, что не ведает о количестве направляемых поляков и ничего кроме копии повеления из Военного министерства от князя А. И. Горчакова не имеет. Без уточнений начальства генерал не мог разместить поляков по подразделениям дивизии. Не знал он и о том, за чей счет будут снабжать продовольствием пленных до прибытия в г. Ишим. Одно было ясно – после поступления в ведение приемщика пленные должны были «довольствоваться провиантом от казны наравне с военно-служащими» [1, л. 8].

Генерал прилагал к письму копию с указа царя. В ней говорилось: «По высочайшему государя императора соизволению предположено поляков, какие находятся в числе пленных по разным губерниям, обратиться на укомплектование войск на Кавказе, в Грузии и на Сибирской линии расположенные» [1, л. 9].

Высылкой пленных в г. Ишим занимались гражданские губернаторы. Перед отсылкой каждой партии они обязывались предупреждать Г. Глазенапа об отправке пленных. Генерал, в свою очередь, должен был докладывать военному министру о времени прибытия партий и их количестве.

Пленных поляков планировалось отправлять в г. Ишим из следующих губерний: Виленской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Вятской, Казанской, Костромской, Курляндской, Лифляндской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Пермской, Псковской, Санкт-Петербургской, Тверской, Эстляндской, Ярославской [1, л. 10]. Из остальных губерний поляков следовало отправлять на Кавказскую линию в Георгиевск.

Более детально разобравшись в ситуации, Тобольский губернатор 8 марта распорядился выделить квартиры в г. Ишиме не только плац-майору Шевнину, его команде, но и пленным из расчета, что в каждой партии будет не менее 150 человек [1, л. 4].

Ишимский городничий 14 марта отрапортовал в г. Тобольск о выделении квартир Шевнину, подпоручику Ершову и 22 нижним чинам. Ожидалось также прибытие солдат из Петропавловской крепости. Для них и пленных поляков планировалось изыскать нужное количество квартир [1, л. 11].

Подготовка к встрече поляков шла полным ходом. В конце марта в г. Ишим вступили две воинские команды из Тобольского и Семипалатинского гарнизонных полков в составе 2 обер-офицеров, 4 унтер-офицеров, 40 рядовых для отправки поляков по сибирским гарнизонам [1, л. 19].

Тобольский губернатор тем временем вступил в переписку с соседними губерниями, из которых предполагалось направлять пленных. Пермский губернатор в ответе Ф. А. фон Брину сослался на циркулярное предписание главнокомандующего из Санкт-Петербурга от 29 августа 1812 г. о пленных французах. В циркуляре говорилось об одобрении царем инициативы Комитета министров по поводу укомплектования поляками полков на Кавказе, в Грузии и на Сибирской линии. На основании этих решений Пермский губернатор отправил в столицу именной список всех, находящихся в его губернии поляков. Всего в Пермской губернии насчитывалось 88 пленных из Польши. После разрешения из Санкт-Петербурга пленных из Перми предполагалось направить через Шадринск и Ялуторовск в Ишим [1, л. 12–12об].

К посланию Пермского губернатора прилагалась копия циркуляра министра полиции от 29 августа 1812 г. Документ был призван упорядочить отправку, размещение и содержание пленных. До этого времени военные начальники распределяли пленных во внутренние губернии России по своему усмотрению. Положениями данного нормативного акта руководствовались губернаторы, войсковые начальники, конвойные команды применительно к пленным полякам и в следующем – 1813 г.

Первоначально для проживания пленных были назначены Астраханская, Вятская, Оренбургская, Пермская и Саратовская губернии. В 1813 г. взгляд в столице, как на роль пленных, так и на место их пребывания меняется. Затем был расширен и список губерний, посылающих поляков в г. Ишим. Распределение пленных на службу по границам России, было продиктовано интересами государства.

Для сопровождения пленных по разным трактам командирами частей назначался военный конвой. На местах конвой мог меняться на внутреннюю стражу.

По пути следования поляков до пункта назначения на гражданских губернаторов возлагалась обязанность снабжать пленных одеждой и обувью с учетом времени года. В случае болезни пленных предписывалось отправлять в городские больницы, а после выздоровления отсылать с помощью полиции вслед за партией.

На 12 человек конвоя и пленных необходимо было выделять по одной «обывательской» подводе, также по одной подводе на двух тяжелобольных. Для двух пленных офицеров предусматривалась одна «пароконная» подвода [1, л. 13–13об].

Пленным генералам выдавалось по 3 руб. в сутки, полковникам и подполковникам по 1 руб. 50 коп., майорам по 1 руб., обер-офицерам по 50 коп., унтер-офицерам, рядовым и нижним нестроевым чинам по 5 коп. Деньги выдавались на 7 дней вперед.

При смене военного конвоя на внутреннюю стражу, офицеров, отвечающих далее за партию пленных, нужно было снабдить достаточным количеством денег и тетрадь для записей, провести инструктаж с доведением правил конвоирования.

Конвою строжайше запрещалось притеснять пленных. От побежденных в свою очередь требовалось скромное и послушное поведение. За дерзость одного пленника отвечала вся партия. Конвой обязывался пресекать попытки побега и отлучки пленных. Офицеры, отвечающие за партии пленных, обязаны были просить у губернаторов по пути следования свидетельства о том, что проходили они через губернии «мирно и добропорядочно» [1, л. 14].

Конвойным командам оказывалась помощь со стороны земских и гражданских властей. При недостатке денег конвой снабжался средствами из казенных палат.

Гражданским губернаторам предписывалось размещать пленных не только в губернских, а также в уездных городах. Применительно к пленным полякам в 1813 г. это положение циркуляра потеряло силу в связи с отправкой их в пограничные крепости и редуты.

Полякам запрещалась переписка, как офицерам, так и нижним чинам. По месту жительства пленным следовало вести себя скромно и послушно, не делая попыток к побегу.

В конце апреля гражданский губернатор направил Курганскому, Ялуторовскому, Ишимскому земским судам, городничим Ялуторовска и Ишима предписание об ожидаемой из Оренбургской губернии крупной партии пленных в 450 человек. В документе содержалась инструкция фон Бриана, составленная для подчиненных на основе циркуляра 1812 г. о пленных [1, л. 22].

В инструкции, в первую очередь, указывалось на снабжение партий деньгами в случае их отсутствия у офицеров конвоя. Далее акцентировалось внимание на снабжении подводками по установленной норме. Содержание пленных не должно было отличаться на месте и в походе. Если в пути на офицера конвоя поступила бы жалоба от пленных, то следовало оповестить об этом губернатора, отправившего партию, и фон Бриана [1, л. 22–22об].

В пути требовалось размещать пленных отдельно «в очищенных» от обывателей квартирах, не позволяя общаться с местным населением для избегания распространения болезней.

Городские и земские полиции должны были принимать больных из партий и направлять их в больницы, обязывая уездных медиков иметь за ними «должный присмотр и рачительное врачевание» [1, л. 23]. После выздоровления пленных полиция отсылала их вслед за партией.

На поляков предполагалось тратить казенные деньги. 22 мая губернатор получил из Экспедиции о государственных доходах сообщение о предписании Тобольской казенной палате по требованию фон Бриана отпускать в его распоряжение нужные суммы на содержание и отправку пленных. Распоряжение касалось и уездных казначейств. Средства могли выделяться на одежду и обувь для поляков в соответствии со временем года [1, л. 79].

На подготовительном этапе к отправке пленных в Сибирь была определена нормативная база для выполнения повеления царя. В известность о высылке поляков поставлены все заинтересованные лица. Были прописаны обязанности конвоя, внутренней стражи по сопровождению пленных. Городские и земские чиновники получили инструкцию из Тобольска по приему и размещению поляков.

1. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 605.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОДВИЖНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ В РОССИИ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ (ВОСТОЧНОЙ) ВОЙНЫ (1853–1856 ГОДЫ)

Крымская (Восточная) война считается довольно подробно изученным событием российской истории середины XIX в. Историография этой войны достаточно обширна. К сожалению, до настоящего времени не написано ни одной специальной работы, посвященной вопросу формирования Государственного подвижного ополчения. Считалось, что этот столь незначительный эпизод времен Крымской войны не заслуживает глубокого изучения. Однако проведенное исследование позволяет утверждать, что в процессе формирования и последующего использования дружин Государственного ополчения особенно ярко проявился кризис системы государственного управления дореформенной России.

В данном случае кризис характеризовался огромным бумажным потоком, регламентировавшим самые мелкие вопросы, например, какого размера начальникам ополчения иметь печать и каким по качеству сургучом запечатывать казенные бумаги [4, л. 59], эксплуатацией патриотических чувств русского народа, жертвовавшего часто последние деньги на устройство ополчения [3, ч. 1. л. 29–32], и ничтожностью результатов всех этих усилий. Так, созданное ополчение (по результатам трех призывов под ружье были поставлены 358 126 ратников и собраны с населения более 3 млн руб. серебром [8, с. 19]) оказалось никому не нужным. Лишь немногие ополченческие дружины выполнили то, ради чего создавались: приняли участие в боевых действиях на Крымском полуострове. Более того, именно по вопросу сбора пожертвований на ополчение впервые в истории российской государственности появились пока единичные случаи открытого игнорирования губернскими властями распоряжений верховной власти, о чем, например, сообщал в донесении шефу Корпуса жандармов генерал-адъютанту графу А. Ф. Орлову начальник второго жандармского округа полковник Дурново [3, ч. 2, л. 41–41об].

Начало процессу формирования ополчения было положено подписанием 16 (29) января 1855 г. Николаем I «Положения о государственном ополчении», которое состояло из девяти разделов (общие положения, о составе ополчения, о порядке составления ополчения, об обмундировании и вооружении ополчения, о квартировании и лечении, о довольствии, об управлении ополчением, о способах для устройства и содержания ополчения, о назначении ополчения) и девятистами семью параграфов. На следующий день во все губернии дополнительно была разослана Инструкция начальникам губерний о составлении ополчения для того, «чтобы положение это принять было на местах в истинном значении, и чтобы не возникло где-либо неправильных о нем суждений и толков» [5, л. 31.].

Эти два документа составили правовую основу процесса формирования ополчения, все последующие только их конкретизировали.

В первом разделе Положения (§ 5, 6) рассматривался вопрос о призыве на службу в дружины Государственного ополчения представителей всех, за исключением купцов, сословий, платящих подушную подать. Исключение составляли колонисты, «по особым Высочайшим привилегиям освобожденные от всякого рода военной службы» и евреи. В ратники определяли лиц в возрасте от 20 до 45 лет, «ростом не ниже 2 аршин 2 вершков и здоровые (без ран, грыжи и калечества)» (раздел III, § 45).

Положение не предполагало никаких изменений в сословной принадлежности ратников. Напротив, в четвертом параграфе Инструкции разъяснялось, «что поступившие в ополчение ратники не переменяют своего состояния. Они и на службе остаются принадлежащими: мещане и цеховые – своим городским обществам, государственные и других наименований крестьяне – своим волостям и селениям, крестьяне помещичьи – своим помещикам, к коим, по отпуске из ополчения, и возвращаются» [4, л. 29об]. Более того, начальникам губерний предписывалось применять «самые решительные и строгие меры», особенно по отношению к помещичьим крестьянам, которые не захотят возвратиться по окончании войны «к своему обычному быту и занятию» [4, л. 30об]. Офицеры избирались из дворянского сословия на заседаниях экстраординарных дворянских собраний губерний. Предложенные кандидатуры обязательно утверждались с начала в губернском, а затем Государственном комитете ополчения – временных органах государственной власти, созданных для реализации специфической компетенции по формированию ополчения (раздел III, § 26). Причинами отклонения кандидатуры могли стать «состояние под судом или следствием, или неодобрительное поведение», уважительными причинами «самоотклонения» считались болезнь, расстроенность имения, семейные неурядицы и пр. (раздел III, § 27).

Всего в первый созыв были сформированы 196 дружин в 18 губерниях [2, л. 8–9]. В Положении определялась типовая структура дружины (раздел II, § 7–14), согласно которой регламентировалось не только количество строевых офицеров (19 человек), строевых (1018) и нестроевых (51) ратников, но и число лошадей в обозе, телег, повозок, топоров, перечень необходимых медикаментов. Оно содержало подробное описание походного армяка и перечень вещей, полагающихся ратнику, описание прически, даже указывало на обязательность бород у ратников и усов у кадровых нижних чинов (урядников) и офицеров и т. п. (раздел IV, § 64) [4, л. 63]. В последствии специальными инструкциями были определены основные направления деятельности духовенства в деле духовного окормления ополченцев [1, л. 10–13], обязанности врачей по поддержанию их здоровья, а также возможность лечения в военных госпиталях и граждан-

ских больницах за счет казны [2, л. 18–18об]. Казалось, что все было продумано до мелочей. Но на деле получилось не так, как планировалось.

Согласно Положению (раздел VIII, § § 91–93) материальное обеспечение дружин было отдано на откуп губернским комитетам ополчения, при этом механизм осуществления контроля над их деятельностью и сами контролирующие органы определены не были. Поэтому, не смотря на грозные циркуляры МВД, на постоянную отчетность перед ним, средства на содержание ополчения, выделяемые в счет губернских земских повинностей и за счет добровольных денежных пожертвований, разворовывались. Часто приобретаемые для ополченцев обмундирование, снаряжение, медикаменты и продукты питания оказывались самого низкого качества [7, л. 3об]. Не случайно, что еще по дороге в Крым инфекционные и простудные заболевания, недоедание и переохлаждение привели к смерти тысяч людей. Муштра, палочная дисциплина, отсутствие всякой заботы и уважения к ратникам со стороны офицеров низвели великую идею самопожертвования, поддерживаемую правительством при формировании ополчения, к рекрутчине.

История ополчения закончилась с подписанием Александром II 23 марта (5 апреля) 1856 г. Положения о его роспуске. Высокий патриотический подъем русских людей, жертвовавших средства и поступавших в ополчение, оказался раздавлен злоупотреблениями, равнодушием, волокитой и другими проявлениями «худой административной власти», процветавшими, по словам Б. Н. Чичерина, в то время в России [8, с.127]. Единственным выходом из сложившейся ситуации в то время стало проведения коренных реформ в стране, и, прежде всего, слом крепостническо-бюрократической системы управления.

1. ГАОО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 45. Л. 10–13.

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 2017.

2. ГАОО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–9.

3. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1854. Ед. хр. 395.

5. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Оп. 4. Д. 1394.

6. Обзор царствования государя Александра II и его реформ. СПб., 1871.

7. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 265 (фонд Ю. Ф. Самарина). П. 90. Д. 50.

8. Чичерин Б. Н. Восточный вопрос с русской точки зрения // Записки кн. С. П. Трубецкого. СПб., 1906.

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ 60–70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА И 1905–1912 ГОДОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В силу геополитических условий России досталась тяжелая военная судьба. Россия постоянно нуждалась в сильной боеготовой армии. Вторая половина XIX в. – начало XX в. исключения не составили. Наоборот, впервые в истории Российская империя проводит две военные реформы, которые внесли радикальные изменения в вооруженные силы России.

Причины, подтолкнувшие Россию на проведение военных реформ, можно поделить на внешнеполитические и внутрисполитические. К первой категории причин относится военное поражение России в Крымской и русско-японской войне 1904–1905 гг. Чтобы вернуться на международную арену в ранге лидера быть готовой к стремительному переделу мира в начале XX в., Российской империи необходима была современная, хорошо вооруженная армия. Внутрисполитические причины, подтолкнувшие Россию на реформирование вооруженных сил, тоже очевидны. Военная реформа 60–70-х гг. XIX в. стала составной частью буржуазных преобразований России, которые в частности окончательно поставили точку в попытках реформирования рекрутской системы и заставили Россию перейти к всеобщей воинской повинности. Первая русская революция 1905–1907 гг. пошатнула уверенность российского самодержавия в незыблемости своей важнейшей социальной опоры – армии, поэтому в ходе военной реформы 1905–1912 гг. предпринимаются попытки эту опору укрепить.

Изменение системы комплектования вооруженных сил в ходе реформы преследовало две цели. Во-первых, создать современную массовую армию, которая обеспечит необходимую для обороны страны численность войск. В связи с этим в ходе реформы Д. А. Милютин проводит отказ от рекрутской системы комплектования войск и осуществляется переход с 1 января 1874 г. к всеобщей воинской повинности. Однако реформа осталась незавершенной, так как от призыва освобожден целый ряд лиц. Накануне Первой мировой войны закон о воинской повинности от 1912 г. снизил квоту льготников, освобожденных от призыва по семейному положению. Во-вторых, необходимо было сократить расходы на содержание армии. С этой целью в 60–70-е гг. увеличили число постоянных тактических единиц (с 31 до 47 дивизий) и уменьшили число войск, не имеющих прямого боевого значения. В ходе реформы 1905–1912 гг. вводится территориальная система комплектования войск. Однако, стоит отметить, что в ходе реформы не был решен вопрос о создании необходимого резерва обученного запаса, которого хватало лишь до доведения численного состава войск до штата военного времени, но не

на пополнение убыли в войсках. И с этой проблемой Россия остро столкнется в годы Первой мировой войны.

В ходе военных реформ была создана относительно стройная система центрального и местного военного управления. Был реализован главный принцип построения армии – единоначалие: в ходе реформы 1867 г. упразднены дублирующие органы, в ходе реформы 1908 г. было упразднено разделение военного ведомства на три независимые структуры: Главное управление Генерального Штаба, Генеральный Штаб и Военное министерство. В ходе военных реформ существенно изменилась организационная структура вооруженных сил. При Д. А. Милютине высшей тактической организацией в пехоте и кавалерии стала дивизия, а в начале XX в. идет возвращение к более крупным тактическим единицам – корпусам, в который входили 2–3 дивизии. Неизменной остается оперативное соединение в русском флоте – смешанная эскадра.

Первооружение армии становится важнейшим направлением военных реформ, так как во второй половине XIX – начале XX вв. в период быстрого развития военно-технической мысли происходит быстрый переход от одного типа вооружения к другому. Первооружение идет в трех направлениях:

– сухопутные войска: в ходе реформы 60–70-х гг. идет процесс вооружения нарезным стрелковым оружием, в ходе реформы 1905–1912 гг. на вооружение принято автоматическое оружие – станковый пулемет Максим;

– артиллерийские войска: в ходе реформы 60–70-х гг. идет процесс перевооружения стальными нарезными орудиями, в ходе реформы 1905–1912 гг. поступила на вооружение 122 мм полевая и полевая легкая гаубицы;

– военно-морской флот: в ходе реформы 60–70-х гг. происходит отказ от парусного флота и деревянных винтовых судов, создается новый броненосный флот; в ходе реформы 1905–1912 гг. Россия обновляет броненосный флот (развитие флота шло по линии усиления вооружения, увеличения скорости кораблей и роста их водоизмещения) и создает новый подводный флот.

Хочется отметить, что первое направление было ведущим в ходе военной реформы Д. А. Милютина, третье направление – ведущим в военной реформе 1905–1912 гг.

В ходе военных реформ изменяется система боевой подготовки войск: происходит отказ от подготовки солдат, способных действовать только на смотрах и парадах, создается система обучения и воспитания войск, которая готовила к реальным боевым действиям. С этой целью вводятся учебные маневры, стрельбы, лагерные сборы, где все рода войск обучались совместным действиям. Первооружение русской армии оказало влияние на развитие новых боевых действий. Переход к нарезному оружию положил конец глубоким построениям пехоты, окончательно оформилась и по-

лучила развитие в ходе двух реформ тактика стрелковых цепей. Передовые тактические положения нашли отражение в новых боевых уставах.

В ходе военных реформ была реализована система военного образования, главная цель реформы – повысить образовательный уровень будущих офицеров, от которых потребовали знания службы и хороший уровень общего и специального образования. С этой целью в 60–70-х гг. кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии, создаются юнкерские училища – с 1870 г. все лица, не получившие военно-специального образования, могли получить офицерский чин после сдачи экзамена по программе военных училищ. В 1911 г. юнкерские училища переведены в разряд военных. В высшие военные учебные заведения принимались только офицеры, имевшие стаж службы в войсках.

О. В. Гефнер

ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СТЕПНОМ КРАЕ (вторая половина XIX – начало XX века)*

Освоение и заселение Западной Сибири и Степного Края, изначально связанное с военными и колонизационными нуждами российского государства, приводило к постепенному формированию на этой территории военной инфраструктуры, в том числе и органов военного управления.

В 1864 г. в русской армии была введена военно-окружная система. Целью реформы стала децентрализация управления войсками, которая должна была освободить местные органы военного управления от мелочной опеки со стороны вышестоящих властей, пробудить на местах инициативу [6, с. 15]. В результате этой реформы в 1865 г. был создан Западно-Сибирский военный округ, центром которого стал г. Омск. В то время он являлся и столицей Западно-Сибирского генерал-губернаторства (до 1882 г.), затем Степного края, а также центром Акмолинской области. Округ включал в свой состав территории Томской и Тобольской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей.

Округ неоднократно менял свое название. В 1882–1899 гг. он носил название Омского военного округа и включал в свой состав также территорию Семиреченской области. В 1899–1906 гг. во время очередной реорганизации округ был переименован в Сибирский и включал в себя территорию Омского военного округа (за исключением Семиреченской

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Омской области в рамках проекта «Военные и власть в Западной Сибири в эпоху модернизации второй половины XIX – начала XX вв.: социокультурный диалог», проект № 08-01-67105 а/г.

области) и часть территории упраздненного Иркутского военного округа. В 1906 г. округ вернулся к своим прежним границам и названию: он снова стал называться Омским и включал в свой состав территории Томской и Тобольской губернии, Акмолинской и Семипалатинской области. Основное военно-стратегическое значение округа заключалось в его пограничном положении с Западным Китаем [3, с. 522].

В Западной Сибири функция армии не сводилась к выполнению представительских обязанностей, что было в значительной степени характерно для столиц. «Фронтирное» положение военного округа предопределило то, что здесь военные выполняли реальную военную службу, на них были возложены функции охраны границ, освоения и колонизации Степного Края, так как элемент возможной военной опасности для региона продолжал оставаться актуальным в этот период. Это приводило к достаточно высокому статусу военных в обществе, их социальному и культурному лидерству во многих сферах жизни региона.

Результатом географического положения региона являлось то, что особенностью административно-территориального устройства Сибири была более высокая степень милитаризации управления, значительная зависимость его от военно-политических задач, когда на первый план выходили интересы комплектования и содержания вооруженных границ, а также планы имперской экспансии [12, с. 6].

Во главе военного округа находился командующий войсками. Командующий войсками Западно-Сибирского (Омского) округа являлся одновременно генерал-губернатором Западной Сибири (до 1882 г.), а затем Степного края (с 1882.). Кроме того, он исполнял должность войскового наказного атамана Сибирского казачьего войска. В последней трети XIX – начале XX вв. этот пост последовательно занимали генералы: А. П. Хрущев (1866–1874 г.), Н. Г. Казнаков (1875–1881 г.), Г. В. Мещерин (1881–1882 г.), Г. А. Колпаковский (1882–1889 г.), М. А. Таубе (1889–1900 г.), Н. Н. Сухотин (1901–1906 г.), И. П. Надаров (1906–1908 г.), Е. О. Шмит (1908–1915 г.) [2, с. 59]. В лице командующего войсками округа – генерал-губернатора совмещалась гражданская и военная власть. Он обладал большой ответственностью и автономными от центра полномочиями. Ему подчинялись все воинские части и заведения округа, а также временно прибывавшие воинские чины.

Военную деятельность командующий войсками округа сочетал со всесторонней административной. В последней трети XIX в. наблюдался процесс усиления административно-хозяйственных функций генерал-губернатора по сравнению с военными. При этом, обладание военными полномочиями давало администратору дополнительные возможности в осуществлении всех своих начинаний, в том числе и культурных.

Пребывание высшей военной и гражданской администрации региона находилось в Омске, что придавало городу статус провинциальной

столицы, способствовало более оживленному развитию различных сфер городской жизни, в том числе и культурной. Так, епископ Енисейский Никодим, посетивший город в 1870 г. писал: «Военное и центральное гражданское управление привлекает сюда образование, гражданственность, богатство» [7, с. 406]. Лидер областнического движения Г. Н. Потанин отмечал, что «благодаря генерал-губернаторской резиденции, здесь было веселее, чем в каком-нибудь другом губернском городе; здесь бывали концерты, спектакли, балы, фейерверки» [8, с. 250].

Местом пребывания командующего войсками округа – генерал-губернатора был генерал-губернаторский дворец. Двухэтажное кирпичное строение, построенное в 1862 г. под руководством архитектора Ф. Ф. Вагнера и инженера К. Е. Лазарева, было важной архитектурной доминантой города. На венчавший дворцовую башню флагшток крепился российский флаг. Омск, наряду со столицами – Москвой и Петербургом и городами наместничеств – Варшавой и Тифлисом, пользовался правом флага и салюта в высокотожественные дни. Подобная привилегия не была предоставлена другим генерал-губернаторским резиденциям.

Военно-окружное управление находилось в г. Омске. Его высшим органом являлся военно-окружной совет, через который командующий округом осуществлял руководство хозяйством подведомственной ему территории. Военно-окружной совет рассматривал вопросы о доходах и расходах военных управлений, о заготовках предметов снабжения армии и распоряжении казенным имуществом, строительстве военных объектов, взысканиях, исковых делах. Председателем совета являлся командующий военным округом. В состав совета входили также: начальник окружного штаба, окружной интендант, заведующий артиллерийской частью, заведующий инженерной частью, окружной военно-медицинский инспектор. В военно-окружной совет входил и член от Военного министерства, который должен был обеспечить законность в рассмотрении дел. Он назначался военным министром и находился в прямом ему подчинении, имея при этом право личного ознакомления с производимыми хозяйственными работами в округе. Существенной особенностью военно-окружного совета Западно-Сибирского округа было значительное расширение его власти в решении некоторых вопросов, которые в других округах находились лишь в компетенции высшего Военного совета [13, с. 196].

Управление войсками округа осуществлялось через окружной штаб. В ведении штаба находились вопросы, касающиеся размещения, передвижения, службы войск, их боевой подготовки, мобилизационной готовности. Штаб Омского военного округа делился на специальные отделения: строевое, мобилизационное (с 1876 г.), инспекторское, хозяйственное, казачье (учреждено было в 1877 г., после упразднения аналогичного отделения в Главном Управлении Западной Сибири и просуществовало до 1910 г.). Кроме этого, в состав штаба входили архив, судная часть и ти-

пография. Между этими отделениями распределялись дела отчетного (военно-статистического) и госпитального (с 1880 г.) отделений, а также канцелярии. В 1912 г. было образовано отделение контрразведки. Во главе штаба стоял начальник, который находился в непосредственном подчинении командующему войсками округа [14, с. 51]. У начальника штаба существовал помощник, который являлся с 1894 г. одновременно и окружным инспектором госпиталей Акмолинской области (до этого времени эту должность исполнял начальник штаба). При штабе существовал окружной музыкантский хор, состоявший из 25 музыкантов (в 1891 г он был передан в подчинение Омскому резервному пехотному батальону) [15].

Особое место при штабе Омского военного округа занимал военно-топографический отдел (кроме Омского, такие отделы существовали лишь в 4 военных округах). Военно-топографический отдел был учрежден в Омске в 1867 г. Он занимался систематическим производством астрономических, геодезических, топографических, картографических, нивелировочных работ. При Омском Военно-топографическом отделе существовали литография. В 1910 г. в Отделе было образовано фотографическое отделение [10]. В 1914 г. здесь была учреждена сейсмическая станция 2-го разряда. Военно-топографический отдел был крупным центром научно-исследовательской деятельности военных регионов.

В состав военно-окружного аппарата входил ряд управлений: интендантское, артиллерийское, инженерное, медицинское, ветеринарное (с 1905 г.).

Интендантское управление занималось снабжением войск, военных заведений и госпиталей продовольствием, вещевым и денежным довольствием, заготовкой и хранением интендантских запасов, а также заведовало всеми хозяйственными и техническими заведениями интендантского ведомства. Во главе интендантского управления стоял окружной интендант.

Окружное артиллерийское управление осуществляло контроль за артиллерийскими складами и магазинами, учебными полигонами, снабжением войск и учреждений артиллерийским довольствием. Возглавлял управление заведующий артиллерийской частью округа.

Окружное инженерное управление заведовало крепостями и укреплениями, находившимися в округе, военными зданиями, техническими сооружениями. Ему подчинялась также инженерные дистанции. Возглавлял инженерное управление заведующий инженерной частью. С 1912 г. военно-инженерное управление было переименовано в управление по квартирному довольствию войск.

Окружное военно-медицинское управление находилось в ведении военно-медицинского инспектора. Оно осуществляло надзор за исполнением гигиенических мер по содержанию нижних воинских чинов в войсках округа, наблюдало за правильным лечением, снабжением войск ме-

дицинским довольствием. В 1910 г. военно-медицинское управление было переименовано в военно-санитарное [9]. До 1905 г. в состав Омского окружного военно-медицинского управления входили и ветеринарные врачи, затем было создано специальное военно-ветеринарное управление.

В состав военно-окружного управления входил и Омский военно-окружной суд. Это судебное учреждение, которому были подведомственны дела о преступлениях офицеров, нижних чинов, военных чиновников, а также гражданских лиц, обвиняемых в соучастии с военнослужащими [3, с. 624]. Военно-окружные суды были учреждены в России Военно-Судебным уставом 1876 г. и открывались в округах по мере введения этого устава в действие. Омский военно-окружной суд был открыт 1 сентября 1889 г. [5, с. 130]. Во главе его стоял председатель, подчинявшийся непосредственно командующему войсками округа. Местопребывание военных следователей располагалось, наряду с Омском, также в Томске, Тобольске и Семипалатинске. При военно-окружном суде существовал военно-прокурорский надзор, возглавляемый военным прокурором.

В городах Западной Сибири и Степного Края находились и органы местного военного управления. В Тобольской и Томской губернии управление местных войск было вверено губернским воинским начальникам, эта должность была образована в 1864 г. Их управления находились в губернских городах Тобольске и Томске. В уездных и окружных городах находилось местопребывание уездных воинских начальников и управлений при них (введены в России в 1874 г., в Сибири 1880 г.). В Тобольской губернии управления уездных воинских начальников находились в городах Ишиме, Кургане, Ялуторовске, Тобольске, Тюкалинске, Таре, Туринске, Тюмени. В Томской губернии – в городах Томске, Бийске, Барнауле, Мариинске, Кузнецке, Каинске, Змеиногорске, Кольвани, Новониколаевске.

Обязанности губернского воинского начальника в мирное время заключались в заведовании всеми запасными людскими и имущественными резервами губернии, а в военное – в организации призыва чинов запаса и отправке их на пополнение воинских частей. В его ведении находились также все местные войска, расположенные в губернии. Ему были вверены распорядительные и наблюдательные полномочия, а исполнительная власть была передана уездному воинскому начальнику. Уездный воинский начальник отвечал за прием, распределение и отправку в войска новобранцев; учет запасных офицеров, нижних чинов, военных чиновников и врачей; призыв на учебные сборы чинов запаса; пересылку нижних чинов и арестантов; призрение нижних чинов и их семейств; соби́рание статистических сведений; хранение в исправности военного имущества; осуществление мобилизации во время войны; содержание эвакуированных больных и раненых. Он также состоял членом местного по воинской повинности присутствия [4, с. 326].

В степных областях (Акмолинской и Семипалатинской) военное управление было вверено военным губернаторам, являвшимся одновременно командующими войсками этих областей, и областным штабам. Их местопребывание находилось в Омске и Семипалатинске. В 1881 г. военный губернатор Акмолинской области был лишен полномочий командующего войсками Акмолинской области, так как эта должность была упразднена.

До 1880 г. в степных областях не существовало должностей губернского и уездного воинских начальников. В 1880 г. в Семипалатинской и Акмолинской областях были учреждены должности губернских воинских начальников [1, с. 59].

В 1881 г. в России была проведена реформа местного военного управления. Должность губернских воинских начальников была упразднена, их функции были переданы уездным воинским начальникам, а также были учреждены местные бригады для управления местными войсками. В Омском военном округе осуществление этой реформы затянулось до 1889 г. 15 июля 1889 г. была образована 26-я местная бригада (в 1895 г. переименована в Омскую местную бригаду). Также была утверждена должность Омского уездного воинского начальника, подчинявшегося непосредственно начальнику бригады, взамен упраздненной должности Акмолинского губернского воинского начальника [11, л. 1,3]. Вводилась и должность Семипалатинского уездного воинского начальника. Бригадная организация была положена в основу заведования территориальным комплектованием армии. В составе местной бригады числились все местные, запасные, резервные и дисциплинарные части и команды, расположенные в бригадном районе. Во главе бригады стоял начальник, при котором существовало управление бригады.

Таким образом, система военного управления в Западной Сибири в основных своих контурах повторяла военное устройство в центральных округах России, но имела и свои особенности, связанные, главным образом, с географическим положением региона (его удаленностью от центра, пограничным положением). Они заключались в расширении полномочий некоторых военных органов по сравнению с аналогичными в центральной России, в совмещении высшей военной и гражданской власти, в нацеленности на реализацию задач всестороннего освоения региона.

-
1. Белявский. Материалы по Западной Сибири. СПб., 1882.
 2. Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994.
 3. Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. VI.
 4. Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. VII.
 5. Военный сборник. 1889. № 6. Ч.2.

6. Копылов В. А., Милохин В. П., Фабрика Ю. А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995.

7. Никодим. Путевые записки епископа Никодима // Русский архив. 1903. № 3. С. 387–424.

8. Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 234–259.

9. Приказ по войскам Омского военного округа № 164 7 сентября 1910 г.

10. Приказы по военному ведомству за 1910 г. СПб., 1910.

11. РГВИА. Ф. 1460. Оп.1. Д. 1.

12. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995.

13. Свод военных постановлений 1869 г. 2-е изд. СПб., 1893. Ч. 1. Кн. 2.

14. Свод военных постановлений 1869 г. 3-е изд. СПб., 1907. Ч. 1. Кн. 2.

15. Свод штатов военно-сухопутного ведомства. Изд. 1893 г. СПб., 1893. Кн. 1. С. 86–87; РГВИА. Ф. 1460. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

В. О. Дубинин

БОЕСПОСОБНОСТЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА РЕГУЛЯРНЫХ ВОЙСК ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД 1865–1905 ГОДОВ

Боевые действия в период русско-японской войны показали довольно низкую степень боеспособности принимавших в них участие частей, в том числе и сибирских. Анализ предпосылок этого предпринят в данной статье.

Динамика численности регулярных частей в пределах анализируемого периода представлена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика численности регулярных частей Западно-Сибирского (Омского/Сибирского) военного округа [9]

	1869	1880	1882	1886	1894	1897	1898	1901	1903
Офицеров	389	300	258	–	–	384	–	–	–
Нижних чинов	12 113	12 601	11 203	18 240	21 456	11 602	16 749	19 282	14 112

Одним из основных положений военной реформы Д. А. Милютина была подготовка в мирное время обученных военных резервов при относительно небольшом количестве строевых войск. Поэтому важнейшей задачей жизнедеятельности округа была подготовка, учет, а также мобилизация резервов. Так, в 1883 г. в запасе в округе числилось 27 228 запасных нижних чинов. Благодаря сооружению Сибирской железной дороги значительно возрастает число переселенцев в Западную Сибирь, а, следова-

тельно, возрастают мобилизационные возможности войск округа. На 1895 г. в Омском военном округе числилось уже 55 000 запасных нижних чинов [5, с. 76, 96, 101]. Особенную важность и актуальность вопросы мобилизации запасных и подготовки обученных резервов приобретают после 1899 г., когда сформированный Сибирский военный округ становится внутренним округом. С этого момента округ служит основным источником пополнения и подготовки резервов пограничных округов. Число запасных нижних чинов достигло в этом году 86 526 человек.

В том же году при резервных батальонах Сибирского округа образуются кадры запасных батальонов, которые в мирное время имели в своем составе 7 обер-офицеров и 40 нижних чинов. При развертывании во время мобилизации каждый резервный батальон должен был образовать 5-ти батальонный полк, а кадры при батальонах образовывали запасные батальоны, которые оставались в местах квартирования для несения службы и подготовки подкреплений [8].

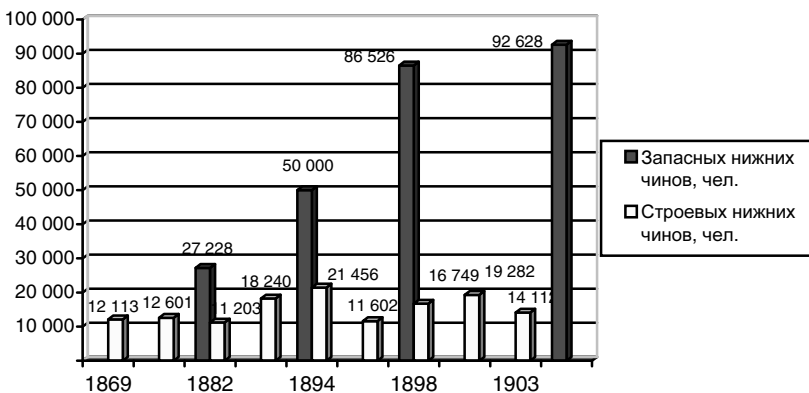

Рис. 1. Динамика численности личного состава нижних чинов регулярных частей округа

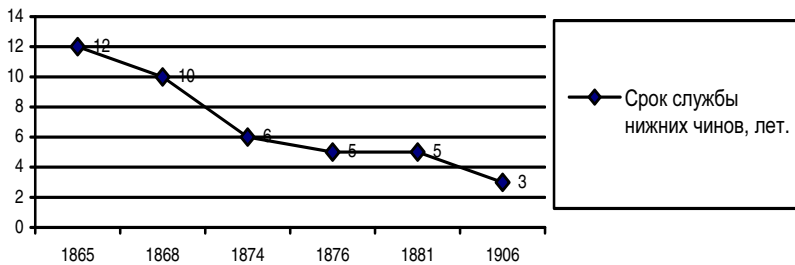

Рис. 2. Динамика срока службы личного состава нижних чинов регулярных частей округа

Анализ рисунков 1 и 2 позволяет сделать вывод, что на фоне многократно увеличивающейся в течение анализируемого периода численности запасных нижних чинов в сравнении с численностью регулярных частей округа, происходит стабильное снижение срока действительной службы. Таким образом, на примере войск Западной Сибири подтверждается заявление командующего Киевского военного округа генерала М. И. Драгомирова, что русская армия перестала быть профессиональной. «То золотое время, когда офицеры служили за фельдфебелями, унтер-офицерами и рядовыми, считавшими время своей службы в этой должности десятками лет, когда пяти-шести летний солдат считался чуть ли не молокососом, – прошло безвозвратно, ... делавшееся прежде годами, теперь нужно поспевать делать месяцами, иногда днями. При таком положении верно одно: если офицер не сделает, никто не сделает», – отмечал он [3, с. 187–188]. «При быстрой и непрерывной смене нижних чинов одни только офицеры являются настоящим кадром армии, хранителями ее вековых традиций и боевых преданий», – отмечал современник [6, с. 313]. Вследствие этого возрастала острота вопросов как военно-профессиональной, так и воспитательной работы среди запасных чинов на случай войны. Однако, по ряду причин действенного решения найдено не было. Командир пехотной дивизии на русско-японской войне генерал М. С. Столица отмечал, что «самые плохие – это запасные старых сроков службы», а «неправильная организация войск дала себя чувствовать: наши резервные войска оказались весьма плохи... С такими войсками наступать невозможно» [6, с. 144]. Ему вторил командующий русской армией в Манчжурии А. Н. Куропаткин, заявивший с облегчением, что в августе 1905 г. части русской армии «избавились в значительной степени от запасных старших возрастов назначением их в тыл и на нестроевые должности».

Сопоставляя численность личного состава войск в европейской части страны и на территории сибирских округов, становится очевидным, что военное и государственное руководство страны на протяжении почти всего анализируемого периода не считало Сибирь важной территорией военного развития и обустройства. Наибольшее количество воинских формирований и вооружения концентрировалось на более важных для государства направлениях – западном и южном, т. е. в западных приграничных округах и на Кавказе, а также в столичных округах – Петербургском и Московском. Так, на 1-е января 1884 г. в Варшавском военном округе размещалось 165 батальонов и 240 орудий, в Виленском – 159 батальонов и 252 орудия, в Кавказском – 130 батальонов и 220 орудий, в Московском – 112 батальонов и 222 орудия, в Петербургском – 105 батальонов и 172 орудия, в Омском же военном округе находилось всего 12 батальонов и 34 орудия [1, с. 29]. К концу изучаемого периода (в 1901 г.) в Сибирском военном округе среди нижних чинов под ружьем находи-

лось 19 282 человека, тогда как в Виленском военном округе под ружьем находилось 126 284 человека, а в Казанском военном округе под ружьем стояло 27 998 человек [8, с. 38].

Следует отметить, что подобная «стратегическая недооценка» военной значимости региона была свойственна и некоторым местным чиновникам. Например, член Совета Главного Управления Западной Сибири действительный статский советник Супруненко в своей служебной записке в июле 1874 г. отмечал, что «трудно ожидать, чтобы в Сибири понадобилось такое быстрое комплектование войск, при котором прорывление времени призыва могло иметь серьезное значение» [2, л. 23].

Анализ диаграммы на рисунке 1 позволяет увидеть все возрастающую диспропорцию между количеством строевых нижних чинов и числом запасных. Если в 1882 г. число строевых военнослужащих было меньше числа запасных нижних чинов в 2,4 раза, то в 1898 г. в 5,2 раза. Так, при мобилизации 1900 г. в целях подавления волнений в Китае в округе было призвано 82 115 человек, а в течение русско-японской войны по императорскому указу от 28 января 1904 г. в Сибирском военном округе было призвано 92 628 запасных [5, с. 122]. Таким образом, ясно, что в случае серьезных военных угроз именно запасные нижние чины становились основной военной силой государства. Следует отметить, что кроме регулярных частей в подчинении командующего и на территории округа располагалось Сибирское казачье войско. Однако степень боеспособности этих формирований является темой отдельного исследования.

1. Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1884 г. СПб., 1886.

2. ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 11855. Л. 23.

3. Драгомиров М. И. Избранные труды. М., 1956.

4. Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952.

5. Копылов В. А., Милухин В. П., Фабрика Ю. А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории. Новосибирск, 1995.

6. Мартынов Е. И. Назревшие реформы // Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. М., 2000.

7. Плеханов А. А. Указ. соч.

8. Приказ по войскам Сибирского военного округа № 140 от 22 декабря 1899 г.

9. РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 744. Ч. 1. Л. 69–70; Гефнер О. В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX начале XX вв. Омск, 2004. С. 46; Приказ по войскам Омского военного округа № 17 от 21 января 1887 г.; ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 1790. Л. 178; Приказ по войскам Омского военного округа. № 81. от 1899 г.; Плеханов А. А. «Помни, что солдат Христов и Государев воин...»: Основы религиозно-нравственного воспитания в войсках Российской Империи // Военно-исторический журнал. 2003. № 2. С. 38; Приказ по войскам Сибирского военного округа № 1 от 2 января 1903 г.

**ИСТОРИЕЙ НАШЕЙ ГОРДИМСЯ:
ОМСКОМУ КАДЕТСКОМУ КОРПУСУ – 195 ЛЕТ**

И много из корпуса вышло людей,
И жизни они не щадили своей,
И свято, и верно за Родину-мать
Стояли, стоят и ввек будут стоять.
Кадет-поэт А. А. Грызлов, 1913 г.

28 августа 1999 г. по инициативе Губернатора Омской области Леонида Константиновича Полежаева, согласно постановлению Правительства Российской Федерации № 851 от 24 июля того же года, был возрожден Омский кадетский корпус. Корпус воссоздан на базе расформированного в 1999 г. Омского высшего общевоинского командного дважды Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе, которое в соответствии с приказом министра обороны РФ (№ 280, 1993) вело свое начало от Войскового училища Сибирского казачьего войска, основанного в 1813 г. в Омске по инициативе начальника Сибирской пограничной линии и командира Отдельного Сибирского корпуса генерал – лейтенанта Григория Ивановича Глазенапа. Войсковое училище родилось в грозную эпоху антинаполеоновских войн. В 1808–1809 гг., готовясь к очередной войне с Францией, император Александр I вывел из Сибири в европейскую Россию все регулярные, пехотные и драгунские, полки. Вскоре, защищая Отечество в «грозу 1812 г.», они славой покрыли свои боевые знамена. А охрана русской границы в Сибири была возложена на одних казаков, для чего их собрали в 1808 г. в Сибирское линейное казачье войско. Вновь образованное войско остро нуждалось в квалифицированных командирах, администраторах, прочих специалистах. Г. И. Глазенап принял решение готовить их у себя, в Сибири. 1(13) мая 1813 г. на волне патриотического подъема, вызванного разгромом наполеоновского нашествия и изгнанием иноземных захватчиков из России, и было открыто Войсковое казачье училище. Средства на его содержание изыскивали на месте, главным образом сдавая в аренду угодья Сибирского войска. Главную цель своего детища Глазенап определил так: «...дабы наставить юношество в познании должностей человека, в добродетели, смиренномудрии и страхе Божиим».

Будучи открыто распоряжением корпусного командира и существуя на местные средства, Войсковое училище не было регламентировано императором и в глазах правительственных чиновников представлялось как бы частным учебным заведением. Такое положение дел не устроило нового командира Отдельного Сибирского корпуса и западно-сибирского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Петра Михайловича Капцевича, прославленного героя Отечественной войны 1812 г. Благодаря его усили-

ям император Александр I утвердил Положение об училище (1825), переложив часть расходов по нему на государственную казну. А казачье начальство уступило учебному заведению только что построенное здание Войсковой канцелярии (1826), оно до сих пор является ядром историко-архитектурного комплекса Омского кадетского корпуса. Вскоре государство взяло на себя все расходы по содержанию училища Сибирского линейного казачьего войска (1830) и в него стали принимать не только казаков, но и дворян (1833). Уже в 1830-е гг. Войсковое училище по устройству и учебной программе приблизилось к типичным кадетским корпусам, существовавшим в европейской России. Наконец, в 1846 г. оно было преобразовано в Сибирский кадетский корпус, который стал готовить офицеров для всей Сибири (отсюда и название).

На протяжении почти двухвековой истории корпуса его выпускники участвовали во всех военных кампаниях, которые вела Россия, неизменно показывая чудеса храбрости, сибирскую стойкость, несгибаемость русского духа, высокий профессионализм и верность воинскому долгу. Где бы они ни сражались, обороняя Шипку в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., под Мукденом в русско-японскую войну 1904–1905 гг., на полях сражений Первой и Второй мировых войн, на афганской земле, над ними незримо реял великий символ Бородино – символ славы и непобедимости русского оружия. Его воплощением в наши дни стала захороненная на территории корпуса капсула со священной для каждого россиянина землей с Бородинского поля, где в 1812 и 1941 гг. насмерть стояли воины 24-й пехотной и 32-й гвардейской стрелковой омских дивизий. В судьбе Отечества и в судьбе Омского кадетского корпуса неразторжимо соединились три столетия, две эпохи, традиции двух армий: Русской Императорской и Советской.

Из стен корпуса вышла целая плеяда подлинных героев, талантливых военачальников, прекрасных офицеров. Среди них: 117 георгиевских кавалеров, 73 Героя Советского Союза, 3 Героя России. Корпус (училище) в разное время окончили: Верховный Главнокомандующий Русской армией, кавалер орденов Святого Георгия 3-й и 4-й степеней, Золотого оружия генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов; Главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель министра обороны РФ генерал армии Н. В. Кормильцев; первый заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками, Герой Советского Союза генерал армии П. Н. Лашенко; командующий Ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск маршал артиллерии Г. Е. Передельский; начальник гражданской обороны СССР – заместитель министра обороны СССР, Герой Советского Союза генерал армии А. Т. Алтунин; командующий Волховским и Брянским фронтами, первый заместитель Главнокомандующего Группой советских войск в Германии, Герой Советского Союза генерал армии И. И. Федюнинский;

командующий Белорусским особым военным округом, Герой Советского Союза генерал армии Д. Г. Павлов; начальник Управления пограничных войск СССР генерал-полковник П. И. Зырянов; командующий войсками Сибирского и Закавказского военных округов комкор Н. В. Куйбышев; член Военного совета генерал от кавалерии В. Реинталь; помощник начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Л. Клугин; командующий 1-й Сибирской армией, кавалер орденов Святого Георгия 3-й и 4-й степеней, Георгиевского оружия генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев; начальник Штаба Верховного Главнокомандующего адмирала А. В. Колчака генерал-майор Д. А. Лебедев; специалист с мировым именем в области взрывчатых веществ и удушливых газов профессор Академии Генерального штаба А. Сапожников; выдающийся инженер-фортификатор, доктор военных наук, профессор, Герой Советского Союза генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев, контуженным попавший в фашистский плен и отвергший все предложения врага о сотрудничестве, он принял мученическую смерть в концлагере Маутхаузен, став символом верности Родине, стойкости и негибкости русского духа.

Заслуги корпуса (училища) в деле подготовки командных кадров были высоко оценены и в дореволюционную эпоху, и в советскую. Император Николай II в 1913 г. наградил заведение юбилейным знаменем и почетным наименованием «Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус». В послереволюционное время Омское общевоинское училище было удостоено двух орденов Красного Знамени, ему разрешено было носить имя выдающегося советского военачальника гражданской войны М. В. Фрунзе. Постановлением Президиума Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка Российской Федерации от 18 июля 2005 г. № 358 Омский кадетский корпус награжден орденом Петра Великого 1-й степени «За выдающиеся заслуги и большой вклад в развитие и укрепление государства Российской».

Вплоть до открытия в 1880 г. первого вуза Сибири – Томского университета – Омский кадетский корпус был лучшим учебным заведением азиатской России. Но и в дальнейшем он давал очень качественное образование. Не удивительно, что питомцы корпуса оставили яркие следы во всех областях жизни края. Среди них: путешественник, ученый, духовный отец сибирского областничества Г. Н. Потанин, военный разведчик и просветитель казахского народа Ч.Ч. Валиханов, крупнейший русский статистик, публицист и политический деятель Н. Ф. Анненский, член Политбюро ЦК ВКП(б) и заместитель председателя Совнаркома В. В. Куйбышев, редактор-издатель иркутской газеты «Сибирь» А. П. Нестеров, казначьи администраторы и историки Ф. Н. Усов и Г. Е. Катанаев, писатель, министр внутренних дел Правительства автономной Сибири А. Е. Новоселов, крупный омский предприниматель Г. Е. Грязнов поэт Алексей

Ачаир (А. А. Грызов), доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Н. Н. Азовцев.

Расформирование в 1999 г. Омского общевоинского училища больно ударило по патриотическим чувствам многих омичей и всех воспитанников заведения. Идя навстречу общественному мнению, Губернатор Омской области Л. К. Полежаев выступил с инициативой воссоздания на остающейся от училища базе Омского кадетского корпуса. Причем, понимая финансовые затруднения Министерства обороны, Леонид Константинович предложил изыскать средства на содержание корпуса на месте. В том же 1999 г. Министерство обороны и Администрация Омской области подписали соответствующий договор. Министерство взяло на себя нормативное регулирование внутренней жизни корпуса, распределение его выпускников и частичное финансирование, а Омская область – основные расходы по ремонту, обеспечению и обслуживанию корпуса, по содержанию его постоянного и переменного состава. Был создан Попечительский совет корпуса во главе с Губернатором, который ежедневно уделяет и уделяет самое пристальное внимание жизни учебного заведения.

За восемь лет Попечительский совет и трудовой коллектив проделали огромную работу, благодаря чему корпус сделал уже семь наборов, достиг полного штата и завершил 2006–2007 учебный год своим седьмым выпуском. Ныне в корпусе учится более 600 кадет, составляющих 6 рот (по две на курс), работают 20 офицеров, 30 прапорщиков и более 300 гражданских служащих. Все воспитатели корпуса – заслуженные офицеры запаса, за плечами которых огромный опыт службы в войсках и воспитательной работы с воинскими коллективами. Многие из них сами в юности прошли школу суворовских училищ.

В течение 195 лет своей истории Омский кадетский корпус (училище) непрерывно осуществлял подготовку офицерских кадров для защиты Отечества Его название, и статус менялись в зависимости от общего развития российской государственности, Вооруженных Сил и системы военно-учебных заведений:

- 1813 – Войсковое казачье училище
- 1826 – Училище Сибирского линейного казачьего войска
- 1846 – Сибирский кадетский корпус
- 1866 – Сибирская военная гимназия
- 1882 – Сибирский кадетский корпус
- 1907 – Омский кадетский корпус
- 1913 – Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус
- 1917 – Первая Сибирская гимназия военного ведомства
- 1918 – Первый Сибирский кадетский Корпус
- 1918 – Первые Сибирские пехотные курсы командного состава РККА

- 1921 – 24-я Омская имени Коминтерна пехотная школа
- 1925 – Омская пехотная школа
- 1925 – Омская пехотная школа имени М. В. Фрунзе
- 1936 – Омская объединенная военная школа
- 1936 – Омское военное училище имени М. В. Фрунзе
- 1941 – 1 -е Омское военно-пехотное училище имени М. В. Фрунзе
- 1944 – Омское военно-пехотное Краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе
- 1958 – Омское высшее общевойсковое командное Краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе
- 1968 – Омское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе
- 1999 – Омский кадетский корпус

На протяжении всей 195 летней истории не меняется главное предназначение – воспитание защитников Отечества, достойных наследников русского офицерского корпуса, который создал и укрепил воинскую славу России.

О. В. Геднер

ОБРАЗ «ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЫ» В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА*

Армия является государственным институтом, оказывающим огромное влияние на жизнь всего общества. Естественно, что ее существование не могло не найти своего отражения в мировоззрении народа, который через пословицы, поговорки, песни, частушки выражал свое восприятие военной – «государевой» службы, отношение к ней. В этих образных, поэтических, метафорических и афористических произведениях, заключающих в себе вековую народную мудрость, нашли отражение и исторические реалии существования армии, и представления народа о ней. Фольклор может служить очень полезным и ценным источником для изучения культурного диалога армии и власти, армии и общества, а именно армии и народных масс, которые в отличие от дворянства и интеллигенции, почти не оставили письменных источников, характеризующих их духовный мир вообще, и отношение к армии в частности. Анализ фольклорных произведений дает возможность очертить тот образ армии, который бытовал в народном сознании в XVIII – начале XIX вв.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Омской области в рамках проекта «Военные и власть в Западной Сибири в эпоху модернизации второй половины XIX – начала XX вв.: социокультурный диалог», проект № 08-01-67105 а/г.

Призыв на «государеву» службу в народном фольклоре получил такие образные названия: «У царя колокол по всей России», «Отдали под красную шапку», «Лоб забрили», «Отдали под барабан» [5, с. 182]. Из этих поговорок видно, что одними из наиболее значимых маркеров, определяющих восприятие армии в народной среде, были военная форма, специфический внешний вид военнослужащих, особенный звуковой фон. Звонил колокол, т. е. объявлялся рекрутский набор, трепет и содрогание охватывали крестьянский люд. Рекрутская красная шапка стала символом многолетней тяжелой солдатской службы [1, с. 74].

«Государева» военная служба воспринималась в народной среде как тяжелая повинность. Как известно, до введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. служба рекрута была очень продолжительной (до 25 лет в зависимости от исторического периода). «Двадцать пять лет – солдатский век», – гласила одна из пословиц [2, с. 333]. Служба вырывала солдата из привычной среды, отнимала лучшие годы молодости, была помехой в создании семьи, ограничивала свободу. Поэтому в народном сознании военная служба понималась как неволя. В одной народной песне поется:

Уж ты, воля, моя воля
Обратилась в неволю
Ко рекрутскому набору... [7, с. 76].
Другая вторит:

Занесла меня неволюшка,
Неволюшка, служба царская... [7, с. 132].

Для молодого человека уход на военную службу, как правило, был тяжелым событием, вызывающим самые тревожные чувства, страх перед неизвестностью, горе от расставания с родителями и женами. Во многих народных песнях звучит мотив нежелания идти на «государеву службу», душевные переживания от безысходности этого события:

Нарек меня батюшка во солдаты отдать,
А мне, доброму молодцу, не хотелось.
Хотелось молодцу хоть годок дома прожить... [7, с. 67].

В другой песне поется:

Который жеребий ко дну пойдет –
Уж тому сыну во солдатах быть.
Потонул жеребий большего брата.
Как большой-то брат расплачется... [7, с. 99].

Уход на военную службы был грустным событием не только для рекрута, но и для его родственников. Поскольку разлука с солдатом близких людей была очень долгой, и надежды на то, что солдат вернется в свою семью, общину живым – слабой, в фольклоре военная служба часто ассоциировалась со смертью. Одна из пословиц говорит: «В некрутчи-

ну – что в могилу» [5, с. 182]. Именно поэтому, провожая солдата в армию, родные и близкие горевали, оплакивали его:

Горюй, горюй, горюша
Горюй вольная солдатка,
Провожай дружка Ванюшу
Ты по Питерской дорожке... [7, с. 94].

Плачь стоял по всей России:

Как по славной ли по Питерской дорожке,
Уж как шли-прошли солдаты молодые,
За солдатами едут матери родные.
Во слезах пути дороженьки не видят,
Во рыданьице словечушка не молвят... [7, с. 138].

Мотив «питерской дороги» звучит во многих народных песнях. Поскольку армия формировалась и дислоцировалась в основном в Петербурге, это понятие стало метафорой разлуки с семьей и отчим домом.

Даже введение всеобщей воинской повинности в 1874 г., значительное сокращение сроков военной службы, реформы в армии, приведшие к реальному улучшению положения солдата, не смогли изменить отношение народа к воинскому призыву. Почти двухвековое существование рекрутчины оставило слишком глубокий след в народном сознании и предопределяло отношение к армии новой, модернизирующейся. И в конце XIX – начале XX вв. продолжали бытовать рекрутские песни, создавались частушки, в которых звучит глубокое отчаяние новобранцев, призванных на службу и тоска их близких:

Родненькая матушка,
Не хочется в солдатутки,
Чужи люди нападут,
Меня неволей отведут [8, с. 111].

Или:

Голубочек не летает –
Крылышки обилися;
Как узнала, его сдали –
Ножки подломилися. [8, с. 127].

В то же время народном сознании можно отметить антиномичное отношение к военному призыву, к «государевой службе». В фольклоре, наряду с представлениями об уходе в армию как смерти, неволе, горе, проводится мысль о службе как о судьбе, предопределении, долге перед государем и Отечеством, кресте, который надо нести с честью, от которого нельзя отказываться. Русские пословицы гласят: «Служу Богу и великому государю», «Душа – Божья, тело – государево», «Где не жить, не миновать служить», «Где ни жить – одному царю служить», «На службу не набивайся, а от службы не отрекайся», «Грешно чужой кровью отку-

паться» (о существующей практике найма взамен себя рекрутов) [1, 74–75; 5, с. 483–484]. В одной из частушек новобранец утешает мать, ссылаясь на свой воинский долг и судьбу:

Полно маменька родная,
Безвременно тужить:
Знать судьба моя такая –
Царю белому служить [8, с. 111].

Каким же выглядит сам образ государева воина в народном сознании? Анализ русских народных песен позволяет выделить следующие эпитеты, которыми характеризуются военные: «офицерик молодой», «добрый молодец», «удалой молодец, солдатский сын», «солдатушки-батюшки», «казаченько-молодой», «полковничек» и др. Внешности воина в фольклорных произведениях присущи постоянные черты: буйная голова, белая грудь, белые руки, резвые ноги, ясные очи, русы кудри и др. Подобные эпитеты, их уменьшительные формы, свидетельствуют о жалостливом, благожелательном, ласковом, сочувственном отношении народа к своим защитникам, к их нелегкой доле.

Пословицы и народные песни рисуют картину сурового быта русского солдата, подчеркивают неприхотливость и бедность воина. «Где забор, там и двор, где щель, там и постель», «Солдату три деньги в день: куда хочешь, туда их и день», – говорится в русских пословицах [5, с. 482–483]. Народная песня рассказывает о «черной казенной работе», об изнурительном каждодневном труде, скудном солдатском пайке, нищенском жаловании:

Во солдатушках заневольное житье:
По три денежки да во сутки дают,
По сту лозанцев да во спинушку кладут [7, с. 52].

Или:

Во солдатах горе-горькое житье,
Припилася нам болотная вода,
Прихлебалися нам постны щи,
Нам приелись оржаные сухари [6, с. 126].

Тяжела была «государева служба»: неустроенный быт, суровые походные условия, риск инвалидности или даже смерти. Тяготы военной жизни были точно подмечены в следующих пословицах: «Веселое горе – солдатская жизнь», «Недовернешься бьют, и перевернешься бьют», «Солдат-горемыка, хуже лапотного лыка», «На ученье идешь – жмут подтяжки; домой пришел – дожидайся растяжки» [5, с. 483; 2, с. 332].

В одной народной песне так характеризуется солдатская служба:

И трудна ведь служба государева;
И день и ночь служить солдатушкам несчастным;
И нет покою-то ведь темной этой ноченькой... [2, с. 304].

В другой – военная служба сравнивается с горькой полынью – травой:
Горьчей тебя, в поле травушка, одна служба царская,
Служба царская, тебя ль, травушка, все государева [7, с. 95].

В частушках о тяжелой солдатской службе поется так:

Эх, солдатчина, рекрутчина,
Не дай бог никому:
Там и холод, там и голод,
Там и гонят на войну [8, с. 133].

Нашло отражение в фольклоре осуждение практики телесных наказаний в армии. «Пройтись по зеленой улице», – так называли наказание солдата шприцутенами, палками или прутьями. В одной из песен описываются страдания и переживания солдата, подвергшегося подобному наказанию:

Батальон солдат стоим порядком, барабаны по концам,
Барабанушки все забили, под приклад нас повели,
Белы рученьки подвяжут, за приклад поведут;
Спереди стоят и грозятся, без пощады сзади бьют... [2, с. 306].

И какова же судьба солдата, вернувшегося со службы? «Прослужил 25 лет, да не выслужил и 25 реп», – говорит русская пословица.

Итак, один образ воина, который запечатлен в русском фольклоре – это обездоленный, несчастный, обреченный человек, несущий вынужденно не легкую ратную службу, тяжело переживающий свой удел, иногда даже проклинаящего свою судьбу солдата.

Однако, анализ пословиц, русских народных песен, частушек рисует нам и другой образ военного человека. В народном сознании русский солдат – человек храбрый, самоотверженный, крепко верящий в свою победу, готовый смело сражаться за правое дело, приложить максимум усилий для достижения поставленной задачи. «Иди прямо, гляди браво», «Рады стараться», «Жилы порвем, да дойдем», «Умирай в поле, да не в яме», «Добрый воин на печи воет», «По службе нет отговорок», «Воину быть отважну», «Воину быть смелу», «Бой отвагу любит», «Храбрость города берет», «Русский солдат не знает преград», – говорят русские пословицы [4, с. 71; 5, с. 483].

Народная мудрость настраивает солдата на оптимистичное восприятие своей судьбы: «Службу служи, а сам не тужи», «Воевать, так не горевать, а горевать, так не воевать». И с возрастом и опытом растерянность и страх молодых рекрутов, сменяется спокойствием, уверенностью, жизнеутверждающим настроением бывалых воинов:

Как старые, как старые-то солдаты идут – пляшут,
Молодые, молодые-то солдаты идут – плачут,
Да их стары, да их старые солдаты унимают [7, с. 99].

В некоторых рекрутских частушках даже звучит жизнерадостное настроение, надежда на счастливую службу, быстрое продвижение по службе:

Во солдатах люди служат,
Да и мы не пропадем:
Через два года на третий в офицеры попадем [8, с. 130].

Или:

Не тужите, девки, бабы,
Я нигде не пропаду:
Я читать, писать умею, –
В офицеры попаду [8, с. 122].

В сознании народа четко прослеживается вера в то, что «За Богом молитва, за царем служба не пропадет» [5, с. 484].

Солдат, согласно народным представлениям, человек бывалый, ловкий. Он походил по белу свету, много повидал. Он на выдумку горазд, хитер и находчив, не теряется в сложной ситуации: «Солдат шилом брется, дымом греется», «Где коза прошла, там и солдат пройдет», «Солдата на войне и каша греет», «Солдат на пригоршне напьется, на ладони пообедает», «Ничто солдату и без шубы деется: идет да греется», «Солдат черта год со днем в тавлинке проносил», «Солдат походя наестся, стоя выпится». Солдат нашел свои способы адаптации к нелегкой военной службе: «Хлебы катай, да рук не марай», «Знай службу: плюй в ружье, да не мочи дула» [3, с.90; 5, 483]. Иногда, правда, не брезгует и воровством: «За солдатом – пиши, пропало», «Солдат идет селом, так глядит кругом», «Солдат, что багор, что зацепил, то и потащил», «Солдат только на морозе, да на огне краснеет» [1, с. 74].

В народном сознании запечатлелось представление о военном коллективе, как о большой и дружной семье. Во многих народных песнях звучат патерналистские мотивы. Офицеры обращаются к солдатам как к «детушкам», «ребятушкам», а солдаты называют командиров «батюшками». В одной из песен поется:

На коне сидит офицерский сын,
Офицерский сын, капитанский чин,
Он крепко в ногу раненный.
– Капитанушка, ты наш батюшка!
Мы давай тебя в лазарет снесем!
– Вы, солдатушки, мои детушки,
В лазарете нету батюшки,
Нету батюшки, нету матушки [7, с. 117].

«Солдатская дружба помогает службе», «Солдатское братство рождается в бою», «Солдату отец командир, мать служба», «Солдату солдат – родной брат», «Сам пропадай, а товарища выручай», «Один в поле не ратник», – говорят русские пословицы.

В представлении народа – солдаты и офицеры любвеобильны, им присуща определенная половая свобода, достаточно легкое отношение к женщинам. «Где ни пожил солдат, там и расплодился», «У солдата везде дети», – говорят пословицы [1, с. 74]. В то же время военные пользуются большим вниманием со стороны противоположного пола. Их молодость, красота и выправка привлекают женщин:

Офицерик молодой, офицерик молодой,
Ну, що ж, кому дело – молодой!
Проводил меня домой, проводил меня домой,
Ну, що ж, кому дело – и домой!
До кровати тесовой, до перины пуховой... [7, с. 191].

Таким образом, военная тематика нашла широкое отражение в русском народном фольклоре. Это свидетельствует о том, что существование армии было актуально для народа, вызывало потребность в понимании и осмыслении, чувство сопричастности к ее жизни. Армия не была изолированным, живущим только своей внутренней жизнью организмом, она являлась слепком существующего общества, была связана с народом множеством нитей.

Отношение народа к «государеву воину», «казенному человеку» было и сострадательным, и иронично-насмешливым, но, безусловно, положительным, иногда даже эмоционально возвышенным. Отношение же к военной службе, в любые времена трудной, тяжелой, полной лишений, было двояким: признание святости воинского долга и необходимости защиты отечества от врага сочеталось с нежеланием крестьянина из-за службы отрываться от общины, семьи, земледельческого труда. На наш взгляд, акцентуация в фольклоре тягот «государевой службы», безусловно, достаточно реалистично представленная в произведениях народного творчества, была во многом связана именно со страхом перед неизвестностью, которую сулил переход в новый статус, трудностями адаптации в новых условиях. Ведь лишения и тяготы сопровождали крестьянина и в гражданской жизни: тяжелый земледельческий труд, голод и болезни, розги барина были не лучше и не легче, но привычнее, чем военная служба. Но постепенно, в ходе военной службы, сознание крестьянина претерпевает изменения, он усваивает новые, характерные для военной среды ценности, приобретает новую полковую семью. Это находит свое отношение в фольклоре, из которого видно, что взгляд уже изнутри на военную службу становится мягче, спокойнее, уравновешеннее.

1. Евдокимов Л. В. Русский солдат и его служба в народных воззрениях // Военно-исторический журнал. 2003. № 8. С. 74–75.

2. Живая вода. Сборник русских народных песен, сказок, пословиц, загадок. М., 1977.

3. Кузьмин А. И. Военная героика в русском народно-поэтическом творчестве. М., 1981.
4. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв. М.; Л., 1961.
5. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1996. Т. 1.
6. Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1956. Т. 2. Кн. 2.
7. Собрание народных песен П. В. Киреевского. Л., 1986. Т. 2.
8. Частушки. М., 1990.

Н. В. Елизарова

КРУГ ЧТЕНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Исторический опыт показывает, что военные в России очень часто являлись активными участниками событий, оказавших судьбоносное влияние на развитие государства (достаточно вспомнить серию дворцовых переворотов 1725–1762 гг., когда армия решала вопрос о том, кому быть на престоле), а также инициаторами политических и социальных преобразований (в качестве примера приведём декабристов, идеи и деятельность которых оказали существенное воздействие на дальнейшее развитие общественной мысли). По этой причине формирование умонастроения в армейской среде являлось одной из важнейших задач, которое ставило перед собой царское правительство. Считая печатное слово мощнейшим идеологическим инструментом, власти стремились поставить под контроль читательские интересы российских офицеров и солдат.

Для этой цели в армии и на флоте были учреждены так называемые полковые и батальонные библиотеки. В состав фондов таких библиотек была включена литература, одобренная Комитетом по образованию войск при министерстве военного ведомства. Фонд типичной военной библиотеки разделялся на два отдела: один из них содержал издания, предназначенные для офицеров, другой – для солдат.

Главной задачей офицерских библиотек являлось содействие повышению их профессионального уровня, поэтому в фондах имелась справочная литература (уставы, инструкции, инженерно-технические пособия, топографические карты и т. п.), брошюры, знакомящие с последними достижениями военной техники. Если необходимая для служебного пользования литература в библиотеке отсутствовала, офицеры приобретали её за свой счёт. Так, в декабре 1900 г. в Главный Морской штаб поступило донесение, в котором сообщалось, что «справочную книгу «Военные флоты» получили, оплатив её стоимость: с броненосца «Сисой Великий» – 12, с крейсера «Рюрик» – 9, с крейсера «Владимир Мономах» – 14, с крейсера «Дмитрий Донской» – 11, с крейсера «Адмирал Корнилов» – 14

офицеров» [1, с. 133]. Помимо специализированных изданий, направленных на удовлетворение профессиональных потребностей командного состава, офицерские библиотеки содержали также литературу для чтения на досуге. Как правило, это были периодические издания (например, газета «Русский инвалид») и художественная литература: в фондах библиотек встречались сочинения Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова.

Для солдатской массы военное ведомство выпускало так называемую «солдатскую библиотеку», составленную из дешёвых (копеечных) иллюстрированных изданий патриотического содержания, которые, учитывая невысокий образовательный уровень своих читателей, в доступной форме излагали события российской истории, повествовали о знаменитых сражениях и о прославленных полководцах, давали бытовые описания жизни в казарме. Для низших армейских чинов предназначались такие газеты и журналы, как «Доброе слово», «Армия», «Витязь», «Русское чтение», «Разведчик», «Илья Муромец», «Военный». Обязательными для чтения являлись уставы и инструкции, отражающие специфику службы (армия или флот), учебные пособия по военной проблематике.

Помимо книг из фондов военных библиотек, в руки солдатской массы попадали и лубочные издания. Часть их была привезена новобранцами, часть – покупалась во время увольнительных отпусков у книгонош. Не смотря на то, что чтение подобной литературы не поощрялось командованием, поскольку та нередко носила скабрёзный оттенок, у простых солдат она пользовалась популярностью, и дело тут не только в их малограмотности. В начале XX в. страна принимала участие в более или менее продолжительных войнах (русско-японская война 1904–1905 гг., первая мировая война 1914–1918 гг.); русские солдаты в полной мере ощутили всю их тяжесть, поэтому чтение лубочной литературы, позволяющей развлечься, уйти от проблем, являлось компенсаторным средством, обеспечивающим на время чтения возможность психологической разрядки.

Социально-экономические и политические катаклизмы, потрясшие страну в начале XX в., не могли не отразиться на читательских потребностях военнослужащих. В период первой русской революции 1905–1907 гг. вождение в войсках имели брошюры и периодика, подготовленные и выпущенные комитетами революционных партий, особенно издания левого направления. Власти предписывали военному командованию предпринять решительные меры для недопущения проникновения подобных изданий в солдатскую массу, в связи с этим проводились обыски в казармах, проверки личных вещей и ряд других карательных санкций. В целях противопоставления натиску революционной пропаганды военные библиотеки в срочном и обязательном порядке стали комплектоваться литературой патриотического и верноподданнического содержания, выходящей увеличенными тиражами. Для офицеров начали выпускаться мето-

дические рекомендации о том, как проводить устные беседы с солдатами о событиях, происходящих в стране: «Армия под натиском революционной бури», «Армия и правовой порядок», «Войско как страж свободы», «Краткий обзор социальных теорий и партий» и др. [3, с. 189].

В круг чтения российских военных входила также литература духовного содержания. По Указу Святейшего Синода от 30 марта 1913 г., всех новобранцев наделяли Евангелием. Кроме того, силами священников комплектовались библиотеки, которыми снабжались воины, уходившие в действующую армию: они включали литературу религиозно-нравственного, патриотического и трезвеннического содержания, выпускаемую на средства различных религиозно-общественных организаций. Так, «для солдат 54-го Сибирского полка была составлена особая противоалкогольная библиотечка, в которую вошли издания Томского Иннокентиевского епархиального братства. Библиотека эта была передана в распоряжение священника указанного полка отца Иоанна Завадовского» [2, с. 640.] В годы Первой мировой войны православные священнослужители оказывали благотворительную помощь русскими военнопленным, переправляя для них Евангелие на русском языке, русскую азбуку, краткий Молитвослов и другие книги религиозной тематики.

Исследование круга чтения военных в начале XX в. даёт возможность выявить спектр их профессиональных и духовных потребностей, определить факторы, под влиянием которых складывались интересы и пристрастия российских офицеров и солдат: они обусловлены, главным образом, внешним и внутренним политическим курсом страны, общественно-политическими и социально-экономическими переменами, связанными с событиями русско-японской войны 1904–1905 гг., первой русской революции 1905–1907 гг., первой мировой войны 1914–1918 гг. Под воздействием этих факторов в круге чтения российских военнослужащих оказалась полярная по идеологическому содержанию литература: прославляющая императорскую фамилию и выступающая в поддержку правящему режиму и та, в которой отразились идеи борьбы с монархическим строем.

1. Баяндин В. И. Офицерские библиотеки в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. // Пятое Макушинские чтения: тез. докл. науч. конф. Новосибирск, 2000. С. 131–134.

2. Краткий отчет о деятельности Иннокентиевского епархиального братства трезвости за 1913–1914 гг. // Том. епархиал. ведомости. 1915. № 15. С. 636–643.

3. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2002. Т. 2.

**ПОЛКОВАЯ БИБЛИОТЕКА КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ОФИЦЕРОВ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Необходимо отметить, что почти все полки «старой гвардии» имели к началу XX в. весьма обширные по тем временам «библиотеки офицерского собрания», иногда именуемые «читальные». Так в библиотеке Измайловского полка к 1900 г. насчитывалось 5485 экземпляров книг, а в библиотеке Семеновского полка к 1902 г. насчитывалось 6065 книг (3370 на русском языке и 2695 на иностранном языке) и 90 журналов [7, с. V]. Офицер Ю. В. Макаров отмечал, что в л.-гв. Семеновском полку была «очень приличная библиотека, частью приобретенная, частью подаренная офицерами, и настоящими и ушедшими, доходившая до 3000 томов. Кроме этой библиотеки полк располагал еще и другой в 4000 томов, подаренной бывшим офицером полка ген.-адъютантом Семекой» [2, с. 58]. Библиотека Конного полка насчитывала к 1891 г. 1214 экземпляров книг, без периодических изданий [1, с. 11].

Назначение библиотек офицерских собраний состояло в следующем:

1. Доставлять членам собрания газеты, журналы и книги на русском и иностранных языках, как по литературе и наукам вообще, так и, в особенности, по военному искусству.
2. Доставлять пособия для тактических занятий офицеров.
3. Облегчать приготовление офицеров к поступлению в военные академии [3, с. 47–48].

Таким образом, библиотеки призваны были поддерживать надлежащий интеллектуальный уровень офицера-гвардейца, в первую очередь в профессиональном плане и заполнять время досуга. Значительный массив полковых библиотек составляли специальные книги по военной тематике – так в Измайловском полку они пользовались значительным спросом. Если мы будем сравнивать массив книг «военной тематики» в процентном соотношении, то получим следующие показатели: в Семеновском полку – 19 %; в Измайловском полку – 34 %; в Конном полку – 62 %.

Как мы видим, библиотека Конного полка имела самый высокий процент военной литературы, но это, в сущности, применительно к библиотеке Измайловского полка ничего не значит, так как количество книг военной тематики литературы в последнем равнялось 1364 экземплярам. Данный показатель в Конном полку составлял всего 714 экземпляров, т. е. Конном полку книг было значительно меньше, но и военная тематика составляла основное большинство [5].

Если мы попытаемся проанализировать тематику военных отделов, то убедимся, что в целом она однотипна это:

1. «Военные теоретики», русские и иностранные – Г. А. Леер, В. И. Зедделер, Д. А. Милютин, Ф. Ф. Ушаков, М. И. Богданович, М. И. Драгомиров, К. Клаузевиц, Х. К. Мольтке.

2. Биографическая и мемуарная литература – «История Наполеона», «История Александра Македонского», «История Суворова», очерки Н. К. Шильдера, довольно популярные в начале XX в., очерки и статьи П. А. Режепо, записки и мемуары Наполеона, труды по военной истории М. И. Драгомирова, труды А. Бильдельринга, очерки и заметки Н. Д. Бутовского и ряда других авторов.

3. Полковые истории, «памятки», «наставления», таких авторов, как Ф. Н. Касаткина-Ростовский, М. Д. Поливанов, А. Штакельберг, Н. А. Зноско-Боровский, Е. П. Вишняков, А. Г. Мартынов, В. Штейнгель, П. О. Бобровский и ряда других.

Были и исследовательские книги. Так в Измайловском полку в полковой библиотеке был особый 10 отдел, в котором хранились труды измайловцев, число которых равнялось 56 экземплярам. У измайловцев были особые досуги, к которым готовились все офицеры полка. На досугах делались сообщения «по научным предметам в том числе и по военной тематике в «в общедоступном изложении» [3, с. 61].

Из периодики на военную тематику в каждой библиотеке мы обязательно встречаем, газету «Русский инвалид» (ежедневная газета, издаваемая с 1813 г.) и ежемесячный журнал, выпускаемый коллективом из 40 авторов (большой частью офицеров) с 1858 г. Имелись так же подшивки первого военного журнала «Военный журнал», прекратившего издаваться в 1859 г. Кроме этого имелась подшивка журналов «Разведчик».

Что касается журналов «штатской тематики», то их подборка была так же весьма разнообразной. Так в Семеновском полку к началу XX в. имелись следующие русские газеты и журналы: «Новое время», «Нива», «Огонек», «Синий Журнал», «Сатирикон», а так же так называемые «толстые журналы» «Вестник Иностранной Литературы», «Исторический Вестник» и «Русская Старина». Примечательно, что в Семеновском полку служил сын одного из совладельцев журнала «Русская Старина» А. С. Зыков. Из иностранных журналов имелись: французский «L Illustration», немецкий «Die Woche», а так же английские «The Tattler» и «The Graphic» [4].

Офицер Семеновского полка Ю. В. Макаров отмечал, что почти все офицеры полка свободно читали по-французски, значительное большинство знало немецкий язык, «человек 5–6 знали английский» язык [2, с. 59].

Из других разделов значительным спросом пользовались философский отдел и отдел беллетристики. Из философской литературы по Семеновскому и Измайловскому полкам встречаем книги следующих авторов: «Философские труды» Ф. Гегеля, «Язык чувств» Ч. Дарвина, «Современный материализм в Германии» И. Жане, «Пессимизм в XIX в. Леопарди-Шопенгауэр-Гартман» Е. Каро, труды Милля Джона Стюарта, «Так гово-

рил Заратустра» Ф. Ницше, работы Г. Спенсера, «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэра, «Душа человека и животных» В. Вундта, труды Ф. В. Шеллинга. Из отечественных философов встречаем И. С. Аксакова, Т. Н. Грановского, К. Н. Леонтьева, Ю. Ф. Самарина, Н. Я. Данилевского, А. С. Хомякова.

Из беллетристики мы встречаем (в Семеновском – 831 книга, в Измайловском – 623 книги, в л.-гв. Конном полку – 181 книга): Ф. М. Достоевского, Г. Ф. Державина, И. С. Тургенева, И. А. Крылова, Д. И. Фонвизина, А. Д. Кантемира, А. Н. Островского, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, Д. В. Давыдова, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина, И. В. Гете, Д. Н. Байрона, И. Ф. Шиллера, А. П. Чехова, Ф. И. Тютчева, А. Ф. Фета и ряд других. Значительной популярностью пользовалась историческая литература. В библиотеках Семеновского полка и Конного полка мы встречаем практически всех крупных отечественных историков.

Кроме означенных отделов, имелся значительный фонд книг по точным наукам, так в Конном полку собиралась учебная литература, к концу XIX в. в библиотеке насчитывалось 53 учебника по различным тонным наукам. В Семеновском полку: по политической экономии было 70 книг, по естественным наукам – 94 книги, по медицине – 43 книги. В Измайловском полку значительный раздел составляли книги по географии, этнографии и путешествиям – 52 книги. В Семеновском и Измайловском полках имелся значительная подборка богословской литературы и литературы по истории христианской церкви (в Семеновском – 56 книг). В Конном полку такой раздел полностью отсутствует.

Если мы рассмотрим интенсивность пользования полковыми библиотеками «старой гвардии», то придем к выводу, что офицерский состав полков любил читать и читал достаточно интенсивно. Так в Семеновском полку с 1 января 1898 г. по 1 января 1900 г. из 70 офицеров пользовалось библиотекой 57 человек. За этот период было взято 2434 книги, что составляло около 41 % от всего фонда или по 21 книге на офицера в среднем в год [6, с. 14].

-
1. Каталог библиотеки офицерского собрания Конной Гвардии. СПб., 1891.
 2. Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Буэнос-Айрес, 1951.
 3. Положение об офицерском собрании лб.-гв. Измайловского полка. СПб., 1900.
 4. РГВИА Ф. 2584. Оп. I. Д. 2595, 2756.
 5. РГВИА. Ф. 3543. Оп. I. Д. 3239, 3145.
 6. Систематический каталог библиотеки л.-гв. Семеновского полка. СПб., 1900.
 7. Систематический каталог библиотеки л.-гв. Семеновского полка. СПб., 1903.

СИСТЕМА ШТРАФОВ В ОФИЦЕРСКИХ БИБЛИОТЕКАХ РУССКОЙ АРМИИ

Во всех правилах войсковых библиотек русской армии четко расписывалась гибкая, демократичная, а в некоторых воинских частях и жесткая система штрафов за нарушение установленных правил пользования книгами.

Указ Александра III от 5 сентября 1884г., который ввел «Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск» устанавливал, что денежные штрафы в офицерских собраниях не допускались, за исключением штрафов в библиотеке. «Положение» определяло, что штрафы в книжных собраниях войсковых частей должны были определяться частными правилами. В этих правилах конкретно расписывались условия наложения, сумма, варианты при, которых можно было избежать его, порядок удержания. Так, «Положение о Самарском офицерском собрании» устанавливало, что денежные штрафы в офицерском собрании не допускались, однако за утерю книг, журналов, порчу мебели и посуды виновные обязаны были нести денежную ответственность, соответственно стоимости испорченного или утерянного. В Одесском военном собрании за 1884 г. было начислено – 118 руб. 56 коп. библиотечных штрафов. Из них возвращено подпоручику Мешалину из 12 Сапёрного батальона «излишне полученных» от него библиотечных штрафов на сумму 4 руб. 50 коп. Служителю при библиотеке С. Захарову из штрафной суммы был выдан процент – 9 руб. 57 коп.

О наложении штрафа библиотекарь был обязан извещать записками тех офицеров, на которых накладывался штраф. Сумма штрафа не должна была превышать стоимости нового сочинения, включая стоимость его пересылки. Так, в частности, поясняли правила книгохранилища 3 Финляндского стрелкового полка. Аналогичные условия были и в книжном собрании 10 артиллерийской бригады.

Об утерянных и удерживаемых сверх положенного срока просроченных книгах ежемесячно объявлялось в приказе 95-го пехотного Красноярского полка. Сумма штрафа отмечалась в соответствующей графе алфавитной книги 20-го пехотного Галицкого полка и поступала в пользу Скобелевского комитета.

Заведующий библиотекой лейб-гвардии Конно-Гренадёрского полка уведомлял запискою тех офицеров-читателей, которые удерживали книги более одного месяца сверх положенного срока. В этой записке указывалась величина штрафа и предупреждение о том, что стоимость издания будет вычтена с него из предстоящего жалования. Если с момента получения записки и до вычета офицер возвращал книгу или журнал, то она

принималась в библиотеку, а штраф налагался за один месяц. Библиотекарь 4-го гренадёрского Несвижского полка записывал штрафы в особую книгу и к пятому числу мая, сентября, января составлял общую штрафную ведомость и на один месяц вывешивал ее в помещении, где они хранились для проверки офицерами. В случае какой-либо неточности читатели делали свои замечания в книге заявлений. По истечении одного месяца ведомость вместе с книгой заявлений представлялась на окончательное утверждение распорядительного комитета и доклада командиру полка для принятия мер к виновным.

Все штрафы заносились библиотекарем 37-го пехотного Екатеринбургского полка в особую книгу и вычитались казначеем при ближайшей выдаче денежного содержания. В случае заявления о том, что нарушение этих правил произошло по уважительной причине, таковое рассматривалось на первом собрании распорядительного комитета и по признанию причины действительно уважительной, штраф отменялся. Библиотекарь лично или через распорядительный комитет представлял полковому казначею записку о вычетах штрафов. Стоимость утерянных и испорченных книг удерживалась с офицеров из первого жалованья. Если с читателя удерживалась значительная сумма, то она могла быть распределена на несколько месяцев, но с таким расчетом, чтобы ежемесячно высчитывалось не менее 5 руб. По получении всех штрафных денег за утерянные книги, библиотекарь покупал их. В книге для записей выдачи книг делалась отметка о времени наложения штрафа или взыскания стоимости книги. Каждый, заплативший за утерянную книгу, получал квитанцию из распорядительного комитета за подписью председателя и библиотекаря.

Допускалось вместо уплаты деньгами за утерянное издание предьявлять такую же книгу самим утерьявшим, но при условии, что по «внешним качествам» она должна быть не хуже утерьянной. В этом случае утерьявший книгу делал заявление о своем предложении библиотекарю, и она представлялась не позднее чем через 10 дней. Если книга не представлялась по истечении указанного срока, то она приобреталась заведующим библиотекой и, сверх того с лица, утерьявшего книгу, взимался штраф за весь срок. Штрафные деньги могли употребляться исключительно для ремонта (починки) переплетов и книг.

Штрафные деньги 85-го пехотного Выборгского полка вычитались ежемесячно и 15 числа каждого месяца представлялись заведующему хозяйством.

В некоторых «Правилах» имели место обращения к читателям бережно относиться к своему библиотечному имуществу. Так, библиотека 159-го пехотного Гурийского полка просила своих читателей книг не рвать, не вырывать и не вырезать страницы и листы, не делать ни каких помарок и надписей. Если обнаруживалось что книга была в таком виде, то издание исправлялось или покупалось новое, за счет читателя.

Таким образом, установившаяся четкая система штрафов за нарушение правил пользования книгами (просрочка, порча, потеря изданий) в офицерских книгохранилищах была направлена на создание и усиление запасного библиотечного капитала. Полученные денежные средства по решению общего собрания офицеров расходовались только на нужды библиотеки. На эти деньги приобретались утраченные издания, новые книги, производился их переплет, ремонт, покупалось библиотечное имущество, оплачивался наем и содержание помещения. Часть этих денег шла на выплату жалования нанятым библиотечным служащим.

М. А. Белокрыс

«ВДРУГ ЯВИЛАСЬ В ОМСКЕ МУЗЫКА»

(к истории военных духовых оркестров в Прииртышье)

Вынесенная в заголовок часть цитаты взята из «Записок» известного военного и административного деятеля Сибири первой половины XIX в. генерала С. Б. Броневского. Полностью она выглядит так: «Вдруг явилась в Омске музыка, какой там от сложения мира не слыхивали. Богемцы, немцы и поляки удивляли своею игрой. Главные: Ган, Флек, Квятковский, Радбольский, Гиденский, Голомбетский и другие имели замечательные таланты, играя на многих инструментах». Находится она в контексте рассказа об организации полковых казачьих оркестров после принятия в 1808 г «Положения о Сибирском линейном казачьем войске». В 1813–1814 гг. в Омск стали прибывать партии военнопленных из наполеоновских войск, среди которых были и незаурядные музыканты. Воспользовавшись этим, Броневский, курировавший казачье войско, выпросил у командира Отдельного Сибирского корпуса генерала Г. И. Глазенапа «... лучших человек 25... к себе в войско, приняв их по страсти моей к музыке, в личное мое заведование». Так невольные жители Сибири стали музыкальными учителями для казаков, которые «... один по другому поступали в оркестр» [2, л. 239–239 об.].

В ряде исследований и материалов по истории Прииртышья приведенные выше слова расцениваются как факт создания в Омске первого духового оркестра. В различных вариациях сведения эти повторяются и в печати [5]. Но согласиться с подобной интерпретацией высказываний С. Б. Броневского нельзя по ряду причин. Во-первых, при подобном подходе не учитываются этапы истории военной музыки в России. Во-вторых, она не согласуется с реалиями музыкальной культуры Омска XVIII – начала XIX вв., значительно обедняя картину ее становления. Наконец, в третьих, в «Записках» имеются данные, опровергающие это утвержде-

ние. Для подтверждения приведенных аргументов обратимся к истории зарождения духовых оркестров в регионе.

Ратные инструменты применялись дружинниками Киевской Руси уже в IX в. Военная музыка осуществляла функции воодушевления воинов и деморализации противника, использовалась при совершении воинских ритуалов. Положение музыкантов в русской армии стабилизировалось в ходе военной реформы Петра I в 1711 г., с момента принятия Указа о штатах кавалерийских и пехотных полков. Отныне все российские воинские подразделения должны были иметь штатные духовые оркестры (кавалерийский полк – 11 человек, пехотный – 9 человек). Их дополняли ротные и эскадронные трубачи, барабанщики и литавристы, несущие сигнальную службу. Все музыканты, независимо от избранного инструмента, именовались гобоистами. Оркестры или инструментальные ансамбли придавались и временным воинским формированиям, создававшимся в экспедиционных целях. Гобоисты и барабанщики имелись и в составе отряда И. Д. Бухольца, направленного в 1715 г. на поиски песочного золота [6, с. 129, 131]. И у нас нет оснований считать, что они все погибли в Ямшевском укреплении от болезней или джунгарских стрел. Не исключено, что звуки военной музыки могли раздаваться синхронно звукам топоров, рубящих венцы первой Омской крепости в 1716 г.

Духовые оркестры были непременной принадлежностью дислоцированных в Сибири в XVIII в. Вологодского, Олонецкого, Луцкого, Сибирского драгунских, Селенгинского, Ширванского пехотных и других полков. Последний, как известно, был расквартирован в Омской крепости еще в 1745 г. Следовательно, уже с тех пор немногочисленные ее обитатели должны были слышать звуки полкового оркестра ширванцев. С 1764 г. в ряде сибирских городов разворачивались пограничные гарнизонные батальоны, также имевшие свою музыку. Согласно архивным документам, гарнизон Омской крепости «прирос» штатным духовым оркестром из 6 музыкантов и одного капельмейстера в 1770-х гг. [4, л. 50]. По метрическим церковным книгам исследователи установили имена некоторых воинов-музыкантов, погребенных на старом кладбище Кадышевского форштадта: капельмейстер Тарас Бедров, музыкант 4-го батальона Егор Павлов, барабанщики Карташов, Красиков, Овчинников и другие [7]. В «Домовой летописи» И. Андреева есть немало сообщений об устраиваемых в Омске балах, маскарадах и постановках опер. Естественно, без участия оркестров их проведение было бы невозможно. Описывая прием, данный «благородному обществу» 17 июня 1796 г. полковником Волчковым, Андреев указывает, что сопровождался он «3-х батальонов музыкою и певчих». Участник научной экспедиции И. Сиверс (Зиверс) подтверждал в 1790 г., что «все полковое начальство в Сибири ни на день не оставляет без упражнения свою полковую музыку и достает для нее из России время от времени новейшие ноты» [3, с. 144].

Духовые оркестры, сопровождавшие воинские ритуалы, праздничные мероприятия, шествия были составной частью повседневной музыкальной культуры Омска по крайней мере уже с середины XVIII в., обогащая его звуковую ауру. Не исчезли они из города и в начале XIX в. Броневский так передавал свои впечатления об Омске в 1808 г.: «Все части войск, ожидая смотров нового начальства, обучались. Ежедневно происходил развод с церемониею, музыка и барабаны гудели целый день». Особо отметил он и Ширванский полк, где имелась «... музыка изрядная для фронта (тогда не наступила еще пора щеголять многочисленную музыку» [2, л. 182, 185 об.]. Как же в таком случае понимать слова генерала о явившейся «вдруг» в Омске «музыке, какой там от сложения мира не слыхивали»? Не противоречит ли он сам себе?

Оценка воспоминаний Броневского дана отечественными историками (Н. Н. Козьмин, А. В. Ремнев). К этому добавим, что проведенное нами сопоставление содержащихся в «Записках» сведений с архивными документами показало их достоверность. За редким исключением Броневский очень точен. Употребляемый им термин «музыка» в семантическом отношении, конечно, можно понимать как синоним музыкального коллектива. Возможно, именно такой трактовкой термина и объясняется ошибка историков, считающих, что он вел речь о создании первого в Омске духового оркестра. Но, очевидно, Броневский здесь имел в виду не очередной духовой оркестр, а именно новую в жанровом и стилистическом отношении музыку, исполнявшуюся особым по составу оркестром и которая ранее в Омске не звучала.

Полковые оркестры Сибирского линейного казачьего войска создавались как духовые. Но при 5-м казачьем лейб-атаманском полку, имевшем штаб-квартиру в Омске, Броневский и Глазенап образовали особый войсковой «музыкантский хор». Иногда его именовали «Большим казачьим оркестром музыки», подчеркивая отличие от обычных полковых оркестров. Первый войсковой капелмейстер, штаб-валторнист 18 егерского полка Епинешников, успехов в деле не снискал, так как хорошо знал только свой инструмент. Поэтому-то лучших музыкантов из военнопленных и стали направлять в оркестр лейб-атаманского полка. Некоторые из них владели не только духовыми, но и струнными смычковыми инструментами. Присоединив их к медным и деревянным духовым, войсковой оркестр не просто расширили, но изменили его качественно. Обогащенный состав сделал возможным исполнение музыки симфонических жанров: оперных увертюр, симфоний, концертов, дивертисментов [1, с. 156–173]. Вот такой музыки, предназначенной не «для фронта», пожалуй, в Омске действительно до этого не слыхивали. Именно об этом, как представляется, и писал Броневский. Истоки же духового оркестрового исполнительства в Омске восходят по меньшей мере к середине XVIII в.

-
1. Белокрыс М. А. Казачий симфонический // Иртыш. 1995. № 2.
 2. Броневский С. Б. Записки // Отдел рукописей РНБ. F–IV. № 698.
 3. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968.
 4. Национальный Архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 94.
 5. Очерки истории города Омска. Т. 1. Омск, 1997; 1000 знаменательных событий из истории Омска. Омск, 1998; Старый Омск. Иллюстрированная хроника событий. Омск, 2000; Алисов Д. А. Культура городов среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. Омск, 2001.
 6. Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. II. 1713–1724. СПб., 1885.
 7. Селюк В. Корни не вырвать // Омский вестник. 2004. 29 сентября.

А. А. Росстальной

ВОСПИТАННИК СИБИРСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА ГЕОРГИЙ ЕФРЕМОВИЧ КАТАНАЕВ

Одним из самых выдающихся выпускников Сибирского кадетского корпуса является видный сибирский ученый, историк, краевед и общественный деятель Григорий Ефремович Катанаев.

Как повлияло обучение в корпусе на личность и деятельность Г. Е. Катанаева? Какое воздействие оказал он сам на развитие военного учебного заведения? Ответить на эти вопросы позволит обращение к воспоминаниям Григория Ефремовича.

Поступить в Сибирский кадетский корпус он решил по настоянию отца – казачьего офицера, мечтавшего о том, чтобы его сын стал генералом либо учёным.

Первое, что поразило мальчика при встрече со старейшим в Сибири военным учебным заведением – это красота и величественность его здания. Вспоминая об этом, Катанаев напишет: «Неужели, – думал я, – меня, захоластного мальчика, каркаралинца, примут в это святилище?» [2, с. 22].

Огромное впечатление на будущего воспитанника произвела торжественная обстановка корпуса в предпраздничный день: присутствие высоких посетителей – генерала-директора, полковника-инспектора, соборного протоирея и одетых в парадную форму кадет. Воздействие увиденного, по словам Катанаева, было ошеломляющим. Сын офицера был воодушевлён перспективой обучения в элитном учебном заведении – Сибирском кадетском корпусе, который «...служил рассадником просвещения далёкой окраины нашего Отечества во все дни своего существования» [3, с. 3].

В душе кадета зародилось чувство уважения к старейшему военному учебному заведению. Стремление прославить его своими достижениями особенно возросло после обращения к воспитанникам нового директора Сибирского кадетского корпуса Константина Александровича Линдена с речью. «Господа! Государь Император во время милостивого приёма меня перед отправкою сюда изволили сказать мне высокомилолюбивые слова: «Сибирский кадетский корпус, несмотря на своё немногочисленное существование, успел уже дать много полезных и дельных офицеров – постарайтесь поддержать репутацию корпуса». Я счастлив передать вам эти высокомилолюбивые слова Государя императора в надежде, что все вы оправдаете их» [2, с. 32].

Чувства радости и неподдельной гордости переполняли детскую душу во время выполнения воинских ритуалов в период обучения. «Пройти по городу до лагерей под музыку в таком наряде (в парадной кадетской форме), отмечает Григорий Ефремович в своих воспоминаниях, – представляло для нас величайшее наслаждение. Мы шли, отчеканивая шаг, в такт музыкантам, прямо таки героями или победителями» [2, с. 28].

У воспитанника кадетского корпуса постепенно формировалось высокое чувство причастности к российскому офицерству – почитаемой и уважаемой части нашего общества. Заложенная в детском возрасте любовь к учебному заведению, форме и строю переросла в последующем в огромное уважение к военной профессии.

Обучение Катанаева в Сибирском кадетском корпусе оказало существенное влияние на развитие личности будущего ученого. Об этом свидетельствуют его воспоминания.

Как отмечает Григорий Ефремович, на вступительном экзамене он заслужил оценку «выдающийся». Экзаменационная комиссия и педагогический комитет постановили принять его помимо существующего тогда в корпусе подготовительного класса. Педагогический коллектив во главе с директором корпуса, указанным ранее К. А. Линденом, создали все условия для развития природных способностей Катанаева к литературной и исследовательской деятельности. Он вспоминает: «Прослыть за «развитого» человека становилось верхом кадетских стремлений и мечтаний. Важнейшим средством в достижении этого служило так называемое «самостоятельное чтение» просветительных книг и сочинений... В корпусе даже установлено было полуоязательное посещение двух старших классов фундаментальной (преподавательской) библиотеки... Тут были и «Современник», и «Отечественные записки», и «Вестник Европы», и «Русский вестник»... Сочинения русских писателей, научные сочинения, путешествия... Я был, кстати сказать, одним из усерднейших чтецов и посетителей этих вечерних библиотечных занятий. Глубокое спасибо Константину Александровичу Линдену и В. П. Лободовскому за эти вечера; многим мы им обязаны и для многих из нас они послужили началом

и толчком к дальнейшему умственному развитию и деятельности в сфере служебной и общественно-научной...» [2, с. 33].

Кадеты читали критические публицистические статьи Писарева, Чернышевского, Добролюбова. «Благодаря, главным образом, руководству Василия Петровича Лободовского, преподавателя русского языка и словесности, многие из нас прочли всё, что к тому времени вышло из сочинений Тургенева, Достоевского, Толстого, Гончарова, Грибоедова, Некрасова, Писемского и прочих, не говоря уже о таких корифеях русского слова, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь» [2, с. 34]. Так шло приобщение кадет к родной отечественной литературе.

В стенах родного учебного заведения кадет Катанаев получил первый опыт собственной литературной деятельности. Особенно важным является то, что она была связана с изучением истории родного края. «Никогда не забуду того, – напишет в последующем Григорий Ефремович, – как в один прекрасный день Василий Петрович, придя в наш класс с пачкой наших классных сочинений на тему «Город Омск», торжественно объявил: «Лучшее сочинение на заданную тему подано Катанаевым. Ближайшим же образом это сказалось на избрании меня «редактором» издававшегося в старших классах корпуса юмористическо – литературного журнала «Булавка» [2, с. 34].

Сибирский кадетский корпус оказал настолько большое воздействие на развитие личности Григория Ефремовича, что в последствие его деятельность часто соприкасалась с учебным заведением, которому историк и литератор посвятил свои воспоминания «Повестка к вставанию».

С корпусом будет связана педагогическая деятельность Катанаева. В 70-е гг. его назначили преподавателем истории и географии в Сибирской военной гимназии (Сибирский кадетский корпус был преобразован в военную гимназию в 1866 г. [1, с. 35]

С военным учебным заведением Григорий Ефремович разделил радость важных в его истории событий. В дни празднования столетнего юбилея кадетского корпуса прославленный выпускник торжественно обратился к кадетам и зачитал памятный адрес от бывших воспитанников [1, с. 57].

Личность и деятельность Г. Е. Катанаева служила и служит примером воспитания последующих поколений омских кадет. Память о выдающемся выпускнике увековечена в экспонатах музея Омского кадетского корпуса, о нём напоминает мемориальная доска на здании учебного корпуса. Имя Григория Ефремовича на устах и в сердцах воспитанников возрождённого учебного заведения.

1. Басаев В. Р. Омский кадетский корпус: история и современность. Омск, 2003.

2. Катанаев Г. Е. «Повестка к вставанию». Из воспоминаний о кадетском корпусе (публикация Н. Г. Линчевской). Омская старина. 1993. № 2. С. 20–35.

3. Краткий исторический очерк Первого Сибирского Императора Александра I Кадетского корпуса. 1813–1913. М., 1915.

М. М. Неволин

ИЗ ИСТОРИИ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ РОССИЙСКИХ КАДЕТ

С возрождением кадетских корпусов связана новая страница славной летописи военных учебных заведений России. Воспитанникам нынешнего поколения кадет суждено продолжить дело многих своих славных предшественников. Это невозможно без восстановления целостного представления о жизненных правилах, убеждениях и ценностных ориентирах предшествующего поколения кадет.

И если официальные традиции воспитанников военных учебных заведений императорской России в какой – то мере известны исторической науке, упоминаются в трудах отечественных исследователей – Н. Ауровой, В. Басаева, В. Гоношилова,

А. Кондратьевой, В. Крылова, А. Михайлова, В. Шулдякова и других, то неофициальные традиции представляются малоизученными.

Известно, что традиции носят исторический характер. Они служат важным источником для изучения быта и нравов российских кадет старшего поколения. С другой стороны, традиции, как часть культурно-исторического наследия, оказывают определенное воздействие на формирование ценностных ориентаций и норм поведения тех, кто их принимает и поддерживает. В данном случае – воспитанников российских кадетских корпусов.

В связи с этим возникает ряд вопросов:

- Что представляют собой неофициальные традиции кадет императорской России?
- Чем вызвано их появление, что определяет их своеобразие?
- Как следует относиться к этому пласту культурно-исторического наследия?
- Какие неофициальные традиции нашили продолжение сегодня, а какие остались в прошлом?

Неофициальные традиции – это не утверждённые, не узаконенные приказом или установлением элементы социального и культурного наследия, поддерживаемые в течение длительного времени, передающиеся из поколения к поколению.

По форме и средствам выражения их можно разделить на пять основных групп:

1) Письменные традиции. К ним относятся создание кадетской летописи – «Звериады» и неофициальных рукописных журналов – «Плоды чтения», «Блуждающая планета», «Утро тысячи и одной недели», а также неофициального кадетского словаря.

2) Неофициальное самоуправление, включающее систему органов и должностей, общие правила поведения, устав и меры воздействия на нарушителей (например «цук»).

3) Неофициальные обряды. «Похороны единицы», «Похороны шпака», «Передача «Звериады», «Крещение» и неофициальные парады кадет.

4) Неофициальные ритуалы: «Бесконечность», «На попа», вручение «Ордена лодырей».

5) Традиционные нормы поведения, выражающие ценностные ориентации кадет. Среди таковых; уважительное отношение к будущей военной профессии, кадетскому корпусу и кадетской форме, товарищество, взаимовыручка, недоносительство, подчинение младших старшим, обращение кадет друг к другу на «ты».

С чем же связано формирование неофициальных традиций российских кадет? Почему они переходили от поколения к поколению? Уважение к кадетскому корпусу, форме, будущей профессии у кадет вызвано традиционно сложившимся в российском обществе уважительном отношении к военному делу, что восходит к особенностям геостратегического положения страны. Открытость границ, соседство со Степью предопределили судьбу нашего народа, связанную с многочисленными войнами в его истории с древнейших времён до наших дней.

Значительное влияние на формирование неофициальных традиций кадет и их специфику оказали сословно-самодержавный строй Российской империи и правительственная идеология. Воспитанники военных учебных заведений, являясь частью российского общества, моделировали сложившиеся в нем порядки в свою среду. Созданная ими система отношений в кадетском коллективе основана на строгом подчинении младших воспитанников старшим и безукоризненном выполнении всех их правил и постановлений, что полностью соответствует существовавшей в России в XVIII – начале XX вв. государственной и военной иерархии.

Самую большую, можно сказать определяющую, роль в формировании столь своеобразных неофициальных традиций российских кадет сыграла та среда, в которой они жили и воспитывались. Кадетская среда – это особый мир, особая когорта, кастовость. Это своего рода избранность, не только по принадлежности к высшему сословию, но и по принадлежности к элитному учебному заведению. Кадетский коллектив объединён одной целью, общими интересами и деятельностью. Неофициальные традиции являлись эмоциональными средствами общения между

юношами и проявления самых разных чувств и моральных качеств, в том числе и негативных. Они играли важную роль в жизни кадет: вносили разнообразие в их быт, консолидировали коллектив, формировали важные качества будущего офицера: выдержку, выносливость, ответственность за свои поступки, уважение к учебному заведению и товарищам по учёбе.

Участие кадет в неофициальных обрядах, представлявших целые театрализованные представления, издание ими рукописных журналов и газет, позволяло реализовать наиболее талантливым воспитанникам корпусов свой творческий потенциал, проявить организационные и литературные способности, актёрское мастерство.

Как следует относиться к неофициальным традициям российских кадет? Некоторые из них были негуманными, ущемляли права человека («На попа», «Цук», «Крестины»), поэтому их нужно считать отрицательными. Традиции, формировавшие уважительное отношение у воспитанников кадетских корпусов к будущей профессии, чувства патриотизма и товарищества являются, безусловно, положительными.

Большинство традиций воспитанников кадетских корпусов императорской России архаичны, связаны с той исторической эпохой, в условиях которой формировались и обречены сохраниться лишь в воспоминаниях. Но отдельные неофициальные традиции возрождаются и сегодня. Преемственность неофициальных традиций российских кадет можно проследить на примере анализа современных поэтических и художественных произведений омских кадет, неопубликованных и неизданных. От курса к курсу переходят записные книжки и блокноты со стихами, изречениями, крылатыми фразами и рисунками наиболее талантливых ребят, составлен неофициальный «словарь кадета». По-прежнему среди кадет ценятся товарищество и взаимовыручка, поддерживается недоносительство. Данные опроса кадет Омского кадетского корпуса показывают их уважительное отношение к профессии офицера и военной (в том числе кадетской) форме.

В наши дни появляются неофициальные обряды и ритуалы, напоминающие по форме и средствам выражения прежние. Среди них – «100 дней до выпуска», «Посвящение первокурсников в кадеты» и др.

Некоторые неофициальные традиции российских кадет поддерживаются официально, например издание журнала «Алые погоны» и стеновой газеты «Боевой листок». Составлен Кодекс чести кадета Омского кадетского корпуса, в основу которого положены отдельные неофициальные правила кадет Русского кадетского корпуса.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904–1905 ГОДОВ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В ОЦЕНКЕ ПАРТИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ

Начало русско-японской войны либеральная оппозиция, по собственному признанию, «не сумела осмыслить», поскольку понимание важности или незначительности русских экономических и стратегических интересов в Маньчжурии и Корее для русского общества в целом, и либералов в частности, было весьма размытым. Оценивая дальневосточный курс царской России, кадеты отмечали его бессистемность и случайность. «Неизвестно было, идет ли дело о колонизации Маньчжурии, или о создании военного порта на Тихом океане, который должен служить опорой русского влияния на Китай..., – писал кадетский публицист С. А. Котляревский, – предпринимались попытки утвердиться в Корее, то на р. Ялу, то на южном ее побережье в Масанпо...» [6, с. 199]. Отсутствие четко поставленных целей и задач русской политики на Дальнем Востоке естественным образом приводило к разноречивости оценок желаемого результата войны. От непонимания «хотим ли мы сохранить Маньчжурию за собой или нет» до утверждения «Корею отдадим японцам. Маньчжурия наша. Из Маньчжурии нас не выгонят» [2, л. 98]. Однако, в одном все были едины – причина войны лежит в махинациях царских придворных, заинтересованных в лесных концессиях на р. Ялу в Корее. Кадеты подчеркивали негативное отношение к войне во всех слоях русского общества. Для народа она была совершенно непонятна, для интеллигенции – представлялась несомненной ошибкой, отчасти потому, что она «все же предчувствовала, в какое болото попала на Дальнем Востоке Россия, частью же потому, что самая победа в этой войне...не сумела прибавить нам ничего хорошего внутри страны» [7, с. 62].

Поражение русских войск на р. Шахе, сдача Порт-Артура, разгром русской армии под Мукденом и Цусимская катастрофа стали, по мнению видного кадета И. Петрункевича, объективной закономерностью в силу низкого качественного состава русской армии (в основном новобранцы), неискусности в употреблении новых военно-технических средств, неумения правильно распоряжаться войсками, отсутствия стратегических планов ведения войны и, главное, подавленности духа русского воинства, не считавшего «своими кровными и национальными интересами искусственно раздутое тяготение к Великому океану» [2; 4, с. 101]. Не став всенародным делом, война показала истинное лицо тех, кто в угоду своим несоразмерным аппетитам принес в жертву тысячи жизней русских людей. «Во время сражения при Цусиме у нас опрокидывались навзничь целые броненосцы, и все их население сразу шло ко дну вместе со своими

гигантскими жилищами. Воображение почти не осмеливается отчетливо нарисовать себе картину этой смерти многих сотен людей в одно и то же мгновение. Все они погибли в бою с врагом, защищая свое Отечество. Но разве их ужасная смерть принесла хоть какую-нибудь пользу «отечеству»? Разве все то предприятие, в котором они участвовали, не было совершенно безнадежным с самого начала? Разве их не ввели на верную и притом совершенно бесполезную гибель? «Горечь» и «ужас», а не «сладость» и «восхищение» – вот оценка этой гибели, и не за «отечество» они погибли, а все за того же Молоха, который сделал наше Отечество беспомощным, отдав его в распоряжение жалким, бездарным, недобросовестным» – писал член кадетской партии Н. А. Гредескул [3, с. 160].

Разрушительный для России ход военных действий привел к созыву в мае 1905 г. специального военного совещания для обсуждения дальнейших перспектив войны. Большинство присутствовавших на нем официальных лиц высказалось за поиск путей к заключению мира. Главным доводом в пользу завершения войны стало обострение внутренней ситуации в России, а также рост финансовых трудностей и определенное давление со стороны иностранных держав. Для Англии Россия более не представлялась серьезным соперником в осуществлении своих планов на Дальнем Востоке, но и чрезмерное усиление Японии в данном регионе Лондон не устраивало. США также были удовлетворены сложившимся равновесием сил, опасаясь возможного вмешательства других государств в конфликт, и утверждения преобладающего влияния Японии на Тихоокеанском побережье. Ратую за мир, Франция тоже преследовала свои цели. Обострение франко-германских противоречий требовало присутствия России в Европе в качестве надежного союзника Франции.

Кадетская печать, оценивая впоследствии реальные перспективы России в случае продолжения войны, называла их губительными для положения на Дальнем Востоке. «...Неудержимое стремление зарываться возможно глубже в землю, те же пассивно-оборонительные идеи, то же отсутствие инициативы, полное подчинение воле противника, неустойчивость стратегических предположений, боязнь риска, страх перед смелыми, решительными предприятиями..., неумение распоряжаться войсками..., подавленность духа» [4] убеждали в безнадежном исходе кампании. Оптимальным для заключения мирного договора называлось время после Ляоянского сражения, поскольку именно последующие победы Японии, на взгляд кадетов, дали ей смелость ставить столь тягостные для России условия мира. «Печальный исход войны, – писала газета «Речь», – заключался не в чем ином, как в несоответствии империалистических претензий русской политики с теми реальными силами, какие имелись в наличности и могли быть употреблены для поддержки и осуществления владычественных замыслов» [5].

Портсмутский мирный договор, заключенный 23 августа (5 сентября) 1905 г. имел прелиминарный (предварительный) характер. По мнению кадетов, он скорее напоминал соглашение, заключаемое при перемирии и это позволяло думать, «...что более сильная сторона будет истолковывать его (договор – И. В.) в наиболее для себя выгодную сторону» [6, с. 202]. По договору Россия признала за Японией преобладающие интересы в Корее, уступила аренду Порт-Артура, железную дорогу между Куанченцзы и Порт-Артуром, южную часть острова Сахалина. Обе державы обязались эвакуировать из Маньчжурии свои войска и не ставить препятствий Китаю в торговле и промышленности в Маньчжурии, а также эксплуатировать принадлежавшие им в Маньчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных. Согласно статье 11 договора Россия обязалась войти с Японией в соглашение относительно прав японских подданных по рыбной ловле [8, с. 741–746].

Условия мирного договора член кадетской партии А. Тыркова оценила как вполне приемлемые «после всех поражений, которые претерпели русские войска. Но, – замечала она, – ни ведение войны, ни уступка половины Сахалина японцам не соответствовали историческому престижу России, который со времен Московских царей так высоко стоял в Азии» [9, с. 355]. Фактически речь шла «...об остановке – на продолжительное время, если не навсегда – русского империалистического движения в Азии» [3]. Потеря лучшей половины Сахалина, допуск японцев на российское побережье представляли «...реальный выигрыш Японии. (Портсмутский договор – И. В.) создавал ей положение в Восточной Азии далеко более благоприятное, чем то, каковое она получила благодаря Симоносекскому договору» [6, с. 201–202]. Итогом войны стало не только ослабление позиций России на Дальнем Востоке, но и падение ее престижа на мировой арене в целом.

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 810. Оп. 1. Д. 5.

2. Петрункевич И. Памяти В. А. Гольцева. М., 1910.

3. Речь. 1 (14) 01. 1907.

4. Речь. 19.07 (1.08) 1907.

5. Речь. 3 (16) 02. 1907.

6. Русская мысль. 1907. № 1.

7. Русская мысль. 1908. № 1.

8. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906.

9. Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998.

**ВОЙНА И «МИР»: СОЛДАТЫ КАК ВНЕШНИЙ КАНАЛ
КОММУНИКАЦИИ ДЕРЕВНИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(по материалам Воронежской губернии)**

Крестьянская община заслужила репутацию самой стабильной общественной структуры, став во многом синонимом косности, статичности и традиционности. Часто это связывается с силой её устной культурной традиции, нацеленной на сохранение уже созданных текстов, а не на порождение новых. Недоступность печатного слова для крестьянина действительно ограничивала информационные потоки в общине. Но это компенсировалось наличием собственных коммуникативных каналов, которые позволяли крестьянину быть в курсе событий, происходящих во внешнем для него мире. Б. Н. Миронов отмечает, что механизм образования «общественного мнения» в крестьянской общине действовал иначе, чем среди образованного общества: оно формировалось не посредством печатного слова, а в процессе прямого межличностного общения с солдатами, духовенством, отходниками, странниками, богомольцами, нищими, а также с людьми, чья профессия требовала частых передвижений с места на место: скупщиками, офенями, коробейниками, косарями, бурлаками [2, с. 240].

Это отнюдь не означает, что мнение всякого, кто проник извне в рамки крестьянского мира, было для крестьянина истиной в последней инстанции. Классический тому пример – закончившееся провалом «хождение» в деревню народолюбцев, когда они выступали либо в роли привычных для крестьянства странников, либо в качестве наставляющей крестьянский мир сельской интеллигенции. Таким образом, особенности внешней, казалось бы близкой и понятной крестьянину презентации, не гарантировали стопроцентного успеха для сил, стремившихся направить его социальную активность в определенное русло. Куда большее значение в данном случае имели характер и смысл сообщений, поступавших в общину.

Как считал Ю. М. Лотман, «для того, чтобы достаточно сложное сообщение было воспринято с абсолютной идентичностью», нужно, «чтобы адресант и адресат пользовались полностью идентичными кодами, т. е., фактически, чтобы они в семиотическом отношении представляли бы как бы удвоенную одну и ту же личность», а для этого необходимо «единство опыта, тождественность объёма памяти» [1, с. 157].

Коммуникативная теория Ю. М. Лотмана, а также теоретические построения ведущего западного крестьяноведа Т. Шанина своим вопросом «кто кого вёл?» в первой русской революции [4], заставили отечественных исследователей пересмотреть тезис советской историографии о руководящей роли партии большевиков в революционном процессе 1905–1907 гг. как в городе, так и в деревне. Ответ, данный крестьяноведами

в ходе обсуждения этой проблемы, таков: крестьянское движение от начала и до конца было самостоятельным. Действительно, дискурс агитаторов пропускался крестьянином через свой собственный культурный дискурс, когда в потоке информации, выделялось лишь то, что соответствовало его смыслу и пониманию действительности.

Все это могло достигаться с большей эффективностью, если наличествовало «единство опыта и тождественность объёма памяти». Потому жизненно значимая информация должна была поступать либо от представителя этой же общины, либо от человека, который не так давно был её полноправным членом. С конца XIX в. не редкостью был уход в города крестьян, которые не теряли связи с деревней, оставаясь по существу внешним каналом коммуникации для крестьянского мира. Применительно к началу XX столетия особый интерес в этом отношении представляет такой коммуникативный канал как общение с солдатами – участниками русско-японской войны 1904–1905 гг.

Солдат как элемент, вырванный из привычной и относительно комфортной для него среды, попадал в непривычную и довольно неуютную для него обстановку. Поэтому он был более подвержен восприятию новой по содержанию и фактически крамольной для члена крестьянского мира информации, создававшей непопулярный фон для оценки текущих событий. Большевики это отлично понимали, а потому советовали своим агитаторам осуществлять пропаганду в деревне прежде всего через солдат. В итоге крестьяне из числа солдат нередко становились носителями провокационных для крестьянской среды идей, что и фиксировалось властью на местах. Так, павловский уездный исправник М. И. Булович доносил в 1905 г., что «запасный рядовой особого счета Управления Ставропольского уездного воинского начальника из крестьян с. Журавки, Михаил Андреев Лунин ... пришёл в дом псаломщика с. Журавки Василия Михайловича Дубянского, жена которого доводится ему, Лунину, крёстной матерью, и там-то, при других лицах, дозволил себе высказываться: что человек произошёл от обезьяны, а не Бог его сотворил, Государя нам не надо, можно и без него обойтись; через три года в России будет революция и Государя не будет, не будет и дома Романовых, вместо Государя могут избрать президента, а президентом может быть и простой москаль. На обращённые к Лунину вопросы: кто же всё это может сделать? Лунин ответил, что есть такие люди, но кто они, не сказал» [3, с. 157].

В данном случае мы видим, что происходят радикальные изменения в сознании выходца из крестьян не только в отношении царской власти, но и в масштабе всей картины мира бывшего крестьянина, где Бог занимал положение ядра, системообразующего элемента.

Умереннее было отношение к власти запасного рядового из крестьян Григория Верховых, который на предложение пожертвовать на красный

крест «сказал, что жертвовать нечего и у нас в этом нужда не должна иметься, Государь открывает войну, только нас беспокоит, а господ награждает, соберёт нас на войну, как червей, а там бьют нас и всё это делается для пользы господ, а нам никакой нужды нет...» [3, с. 90].

Несмотря на эти крайние формы отношения к царской власти в Воронежской губернии преобладало мнение, что «войну выдумали «паны», что она нужна только им (не государю – Н. К.)» [5, с. 620], о чём докладывал воронежский губернатор министру внутренних дел А. Г. Булыгину. О том, что крестьянское движение не выходило за рамки привычной борьбы с «бариним» свидетельствовали письма солдат с поля боя домой. К примеру, солдат, родом из Воронежской губернии, писал родным: «Вы, дяденька, старайтесь всем обществом, чтобы землю отобрать пока война, много людей уже отобрали от панов... А отнимать не робейте ничего, наступайте прямо, как мы на японцев, иначе ничего не будет, только надо дружно» [3, с. 170].

Солдат обладал преимуществами по сравнению с другими возможными каналами внешней коммуникации. С одной стороны, это был как элемент, отколовшийся на время от крестьянского мира, с другой – это был объект более интенсивной агитации, нежели крестьянин, находящийся в «миру». Вместе с тем солдат-крестьянин, возвращаясь с полученной от агитаторов информацией домой, привносил в деревню поток информации, которая вызывала особое доверие и по-своему соответствовала привычному для крестьянина культурному дискурсу. Хотя, сам солдат был в большей степени доверчив по отношению к той информации, что шла извне. Он по существу воспринимал смысл пропагандистских идей, лишившись традиционного для крестьянского мира критического «фильтра». Как гласит народная мудрость, «пусти уши в люди, всего наслушаешься». В итоге можно предположить, что солдаты – участники русско-японской войны преуспели в антиправительственной агитации среди крестьянства гораздо больше, нежели различные представители политических партий, так называемые «друзья народа» из числа революционной интеллигенции.

1. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2.

2. Лотман Ю. М. Семисфера: Культура и взрыв. М., 1992.

3. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 гг. 1917–1922 гг. М., 1997.

4. Революционное движение в Воронежской губернии. 1905–1907 гг. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1955.

5. 2 апреля 1905. – Доклад воронежского губернатора С. С. Андреевского министру внутренних дел А. Г. Булыгину о крестьянских волнениях в Воронежской губернии // Начало первой русской революции. М., 1955.

Т. Ю. Шестова

ССЫЛЬНЫЕ ПОДДАННЫЕ АЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ

В начале XX в. в Пермской губернии отмечалось две волны поступления подданных азиатского происхождения, причем обе были связаны с военными событиями. Первая зависела от депортации и ссылки во время русско-японской войны, вторая – определялась наймом на подсобные заводские работы в связи с мобилизацией русских мужчин во время Первой Мировой войны. В документах первая волна именовалась «желтолицые», вторая – «цветные рабочие» или «желтый труд».

С 1904 г. началась депортация подозрительных жителей Дальнего Востока и ссылка пленных японцев. Городами, являвшимися крупными сортировочными пунктами были Харбин, Иркутск и Омск; Пермь и Томск пропускали транзит на запад. Вологодская губерния, куда отправляли первые партии, отказалась принимать ссыльных «ввиду крайне тяжелых условий жизни названных лиц в означенной губернии», поэтому МВД перенаправило партии из Пермской губернии в Архангельскую. В июне 1905 г. в Архангельскую губернию из Пермской были высланы 51 кореец, 2 японца, 47 китайцев [2, л. 54] .

Первоначально через Пермскую губернию проходили партии более 100 человек, с осени 1905 г. – группы по 5–6 человек. Число высланных в 1905 г. менялось с 436 до 535; максимальное число корейцев было 299 человек, японцев – 19, китайцев – 122. Каждый получал номер по «общему списку», а при обращении указывал личное имя и номер.

Вероятно, в путанице военного времени с Дальнего Востока были вывезены и люди, работавшие на русскую разведку. Штаб тыла Маньчжурских армий потребовал вернуть в пост Посьет корейца Ким Чий, харбинский полицмейстер-корейца Тянь Ши Хо. Среди высланных из Иркутска оказался даже индус Сенлайтрана-Бикесвей Дева. При аудиенции у пермского губернатора тот отличным английским языком написал письмо английскому послу и просил разрешения выехать в Москву в английское посольство. Впечатленный губернатор даже выделил индусу из благотворительного фонда средства на дорогу [1, л. 49, 53, 16–17].

Высланные направлялись в Екатеринбург, Соликамск, Камышлов, Оханск, Нытву, но, в основном, оставались в Перми. Им полагались кор-

мовые 7 коп. в день и квартирные. Денег этих не хватало, поэтому многие просили разрешение на работу, а нетрудоспособные бедствовали. Затем пермский губернатор распорядился выплачивать деньги от казны только нуждающимся, но и в этой выдаче часты были сбои. Китаец Ван Иусан-Юусов ходатайствовал о кормовых, которые не выдавали 5 месяцев и просил «продолжать выдачу и впредь до окончания войны России с Японией» [2, л. 62, 71, 142, 86].

Следует отметить особое отношение к японцам. Хотя только они и были «ссылными», но в то же время содержались в льготных бытовых условиях. Все они проживали в губернском городе Перми. Исключением стал лишь один японец, выехавший с группой корейцев на работу в Усьвенские каменноугольные копи в сентябре 1905 г. Фиксируется просьба японца Токути Сиати уехать за казенный счет в Томск или Тюмень, но губернатор не имел права подписывать перемещения за пределами губернии и поэтому на прошение не ответил [3, л. 1; 2, л. 62].

В отличие от других национальностей, на транспортировку японцев Пермской губернии было выделено 700 руб. 12 мая 1905 г. через губернию за границу был отправлен 651 японец. Только на японских военнопленных изготавливались фотографии. В 1904 г. на содержание всех высланных с Дальнего выделялось 9 188 руб. 60 коп. В 1905 г. только на содержание японцев МВД выделило 6 212 руб. 49 коп. [2, л. 84]. Эти деньги были рассчитаны на два десятка японцев, тогда как количество высланных порой превышало 500 человек.

Среди высланных самыми бедствующими были корейцы, что видно по составу умерших: 3 корейца на 1 китайца. Разрешение на работы и на перемещение к рабочим местам по губернии в канцелярии губернатора шли только для корейцев. Они работали на добыче каменного угля, разнорабочими на заводах и приисках, торговали изделиями из шелка, бакалей, цветами, клеили бумажные веера. В июне 1905 г. по Перми отмечалась самовольная отлучка более 100 человек, но все они работали неподалеку, на ст. Левшино [1, л. 84, 29, 59, 61, 99, 112; 2, л. 22, 29, 74, 175, 176].

Вероятно, были разделены семьи, поскольку отмечается много прошений о свидании с родственниками, а также о выезде на угольные копи среди 54 мужчин женщины-корейки И Пок Те, видимо, с родственниками. В Соликамске власти оставили только трех китайцев: калеку, престарелого и 11-летнего мальчика; остальные работали чернорабочими в с. Усолжье [1, л. 35, 162, 164; 3, л. 1; 2, л. 49].

Среди китайских ссыльных выделились две группы, чаще других обращавшихся к губернатору – торговцы шелком из Перми (Ли Чун Хай, Лун Жо Чин, Ю Лан Су и Лю Мин Дзы) и акробаты из Екатеринбурга. Торговцы доказывали, что они давно находятся в стране и не имеют связи с военными событиями, указывали на свой высокий статус – торгую-

щих в столице. Губернатор отклонил их четыре ходатайства о выезде из губернии и дал согласие только после двух запросов директора I департамента МВД Гартвига.

Намного лучше губернатор относился к циркачам из Екатеринбурга. Из всех высланных они пользовались наибольшим расположением губернатора. Группа всегда состояла из 4 человек, но состав ее постоянно менялся. Судя по номерам (254, 265, 320, 328, 296, 462) первоначальное ядро состояло из прибывших во второй сотне и уже адаптировавшихся в 1905 г. к обстоятельствам. Интересно, что в условиях военного времени и возможности шпионажа, им было разрешено присутствовать на уральских заводах. Китайцы выезжали в Баранчиковский, Кыштымский, Березовский, Рудянский заводы, Нижний Тагил, Кушву, Туринск, Невьянск, Нытву. После удовлетворения первого прошения они широко пользовались правом выезда. Акробаты высылали телеграмму о новом месте работы и, несмотря на отказы губернатора, уезжали. Особенностью их поведения было возвращение в Пермь после каждого вояжа. Полицмейстер видел их воочию, и дальнейшие разъезды не запрещались [1, л. 31, 76, 95; 2, л. 20, 29, 89, 92, 141, 167].

Конфликт китайца Ван Ли Фрая «предосудительного поведения» с жандармским офицером Ф. Зудовым, требовавшим от него документы, неожиданно закончился наказанием офицера. Как и в ситуации с торговцами, более высокий имущественный уровень китайцев позволял им жаловаться, чего совершенно не отмечается у корейцев.

В Перми и Екатеринбурге отношения ссыльных с местными были мирными, но в Оханске и Нытве дело обстояло иначе. В Оханске отмечались случаи побегов, сумасшествия и т. д. 14 корейцев отказались от казенного содержания, требуя перевода в Пермь. В Нытве произошла массовая драка русских и корейцев. Местный исправник причину враждебного отношения к корейцам видел в безработице. Работа на заводах давалась лишь русским. Исправник предлагал перевести 20 человек из Нытвы в соседний Осинский уезд, где были рабочие места [2, л. 100–101].

Таким образом, пребывание ссыльных с Дальнего Востока дестабилизировало обстановку в уральском регионе. Вторая волна была связана с вольнонаемным трудом китайцев и корейцев, но историческая память о недавнем прошлом наталкивала на очень жесткое обращение с азиатскими рабочими. При этом их привычка к аскетическому образу жизни, жесткой дисциплине и повышенное внимание к собственному достоинству привели к довольно весомому участию китайцев и корейцев в Гражданской войне.

1. ГАПО. Ф. 65 (канцелярия пермского губернатора). Оп. 1. Д. 569.

2. ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 570.

3. ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 571.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918 ГОДОВ)

Война – это вооруженная борьба между двумя или несколькими государствами, народами, племенами или общественными группами внутри государства Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает [1, с. 58].

Война – это явление, которое порождает новые формы правовых отношений между государством и государством, государством и обществом, государством и человеком, человеком и человеком. Данная взаимосвязь регулируется определенными правовыми средствами, которые составляют комплекс, прежде всего, законодательных и иных правовых актов, регламентирующих сферу «правовых обычаев военного времени». В этом контексте наиболее остро встает вопрос о правовом регулировании статуса человека во время войны. Война по своей сути нивелирует свободу человека, упрощает функции «мирных» институтов власти и управления, заставляя общество перестраиваться в некую «стрессовую правовую модель», деформируя обыденное правосознание.

В последние годы в отечественной науке все более популярным становится антропологический подход к изучению войны. Это объясняется тем, что произошел отказ от догматизма и идеологических ограничений и усилилось влияние мировой научной традиции исследования человека в рамках различных исторических условий, в том числе и войны. Проблема носит междисциплинарный характер. Война всегда являлась «экстремальным режимом» существования общества, государства, а значит и каждого человека.

Правовой статус человека в войне не однозначен. Он зависит от совокупности различных обстоятельств, определяющих иную дифференциацию общества. Среди основных социальных групп можно выделить военнослужащих, участников добровольных вооруженных формирований, народного ополчения, партизанских отрядов, гражданских лиц, не участвующих непосредственно в вооруженных действиях, тружеников тыла, военнопленных и т. п.

Проблема правового статуса военнопленного привлекала внимание исследователей еще тогда, когда боевые действия шли полным ходом. В 1920-е гг. наиболее комплексно проблемой плена занимался Н. М. Жданов, председатель Московского комитета помощи военнопленным, затем сотрудник Центральной коллегии о пленных и беженцах при СНК РСФСР [2]. Объектом его научного интереса были русские военнопленные. В 1930–

1970 гг. тематика военного плена периода Первой Мировой войны разрабатывалась слабо; советские исследователи рассматривали ее как вспомогательную в контексте истории революционного движения. В 1980–1990-е гг. интерес к теме вновь возрос, так как проблема плена стала носить не только «академическое», но и практическое, прикладное значение в контексте задач реформирования Российской Армии, правоохранительных органов, а также, учитывая непростую обстановку в мире и на постсоветском пространстве, связанную с активизацией деятельности террористических организаций, наличием «горячих точек» на территории самой России.

В этой связи актуализируются исследования историко-правового характера, направленные на изучение правового опыта государства в периоды, далеко отстоящие от современности. Исторический опыт России в Первой мировой войне богат и на сегодняшний день наиболее доступен исследователю: в связи с давностью сняты все ограничения на изучение архивных фондов, законодательных актов и иных правовых документов российского государства, регулирующих общественные отношения в указанное время. А оно имеет свои специфические особенности – в годы Первой мировой войны Россия пережила смену нескольких форм власти (царской, Временного правительства и Советов). Сложился достаточно репрезентативный массив нормативных актов международного права, сформировано и опубликовано несколько сборников документов по истории войны. Такая источниковая база позволяет комплексно исследовать организационно-правовую основу правового статуса человека в войне и спроецировать ее положительный опыт на сегодняшний день.

Вместе с тем, современное исследование «человека в войне» не вписывается в традиционные методологические рамки, требуется выработка комплекса теоретического и эмпирического инструментария с учетом смежных гуманитарных наук и адаптации их к новым задачам юридической науки.

Таким образом комплексное историко-правовое исследование правового статуса российских и иностранных военнопленных в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. актуально и будет способствовать решению современных задач историко-правовой науки.

1. Дипломатический словарь. М., 1984. С. 58.

2. Жданов Н. Русские военнопленные Первой мировой войны. М., 1920.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

1 августа 1914 г. началась Великая война, как ее называла официальная российская пропаганда, которая привела к колоссальным изменениям на политической карте Европы.

Результатом сражений стало большое количество военнопленных, взятых русскими войсками, которых надо было принять, рассортировать и направить к пунктам постоянного размещения.

Обращение с военнопленными строилось на основании Гаагских конвенций 1899 г. и 1907 г. и Высочайше утвержденного приложения к полемому Уставу «Наказу Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны». Дополнительно, 7 октября 1914 г. было издано «Положение о военнопленных», в котором было сказано, что «с военнопленными, как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво».

В целом к 1917 г. на территории России в плену находилось «около 5 млн иностранцев, в том числе около 2,2 млн военнопленных: германцев (около 190 тыс.), турок (свыше 50 тыс.) и австро-венгров (около 1,9 млн). Среди последних примерно 450 тыс. составляли австрийцы, около 500 тыс. венгры, около 250 тыс. чехи и словаки, свыше 200 тыс. югославы, свыше 120 тыс. румыны, много галицийских украинцев, поляков, итальянцев и др. На территории Омского военного округа, куда входила и Тобольская губерния, военнопленных было около 190 тыс. [4, с. 207].

В Тобольскую губернию первые партии военнопленных стали прибывать в конце 1914 г. Первоначально для проживания пленных были предоставлены здания, принадлежавшие городу и частным лицам. Размещение пленных в городах основывалось на двух положениях: во-первых, в городе проще найти подходящее жилье (соответствующее распоряжение пермского губернатора было сделано еще в октябре 1914 г.), во-вторых, здесь имелись воинские команды, которые могли обеспечить охрану военнопленных. Позже во многих городах: Ишиме, Кургане, Тобольске, Тюмени были построены специализированные концентрационные лагеря. Тобольский лагерь был рассчитан на содержание 6000 военнопленных. Лагерь состоял из 12 жилых бараков, 3 из них предназначались для военнопленных офицеров, остальные – для солдат [3, л. 120].

Постоянный рост численности военнопленных создавал немало трудностей для местных и центральных властей. К октябрю 1915 г. военнопленных иностранцев в Тобольской губернии было 40 016 человек. Главная проблема на местах – это острая нехватка жилья. Содержание их тяжким бременем ложилось на государственную казну, а именно на Военное министерство, в чьем ведении они состояли.

Согласно Гаагским конвенциям, пленных разрешалось привлекать к работам не сопряженным с унижением воинской чести и не направленным против их родины. Для нижних чинов работы считались обязательными, офицеры же могли работать, если имели на то желание. Посылка пленных на работы представляла существенную выгоду для военных властей. Во-первых, все расходы на содержание (питание, одежда, жилье, медицинская помощь и охрана) полностью перекладывались на работодателя. Во-вторых, 25 % заработка военнопленных перечислялись на счет военного ведомства.

Если в начале войны интерес к труду военнопленных проявляли немногие предприниматели, то уже с лета 1915 г. наблюдался резкий рост спроса на дешевую рабочую силу, обусловленный острой нехваткой рабочих рук в связи с мобилизациями и развертыванием военного производства. По рекомендации Военного министерства и Министерства внутренних дел следовало направлять на работы, в той или иной мере связанные с обороной страны, только военнопленных-славян, как более лояльных к России. Их же по решению совещания прошедшего 17 февраля 1915 г. при Тобольской уездной земской управе желательно было посылать и на сельские работы в мелкие крестьянские хозяйства, так как немцы и мадьяры совершенно не понимали русскую речь. Среди военнопленных славяне составляли примерно половину.

В «Тобольских губернских ведомостях» в начале 1915 г. регулярно помещались объявления о том, сколько свободных от всяких работ пленных имеется в распоряжении того или иного уездного воинского начальника и какими профессиями они владеют.

Уездные лагеря в этот период выполняли функции бирж труда и транзитных центров. Освободившиеся в одном месте пленные прибывали в лагерь, а после получения заявки отправлялись к новому месту работы. Причем, маневр рабочей силой осуществлялся не только внутри губернии, но и за ее пределами. Собственно в лагерях постоянно находились офицеры, больные и неспособные к труду нижние чины, а также те, кто был занят обслуживанием нужд лагеря.

В 1915 г. военнопленные из г. Тобольска отпускались: Тобольской городской управе – 1000, на ремонт тракторов Самаровского и Ивановского – 500, Тобольскому Переселенческому району – 290, Тобольскому управлению земледелия и государственных имуществ – 284, Товариществу Самокур – 25, Западно-Сибирскому пароходству – 100, на рыболовные пески крестьянину Данилу Бронникову в д. Балуеву – 25 [3, д. 519, л. 272 об.].

Для поляков, чехов и словаков в августе 1917 г. были установлены особые льготы. Им предоставлялось право взаимного общения, производство покупок на местных рынках, прогулки вне лагеря под надлежащим надзором, переписка на родном языке при соблюдении правил цен-

зуры. Разрешалось посещать богослужения, образовывать кассы взаимопомощи. В сентябре 1916 г. в г. Тобольске был образован комитет для помощи военнопленных в составе выборных от пленных офицеров и нижних чинов, заведующего лагерем поручика В. С. Новосёлова, врача А. Саметца и советника Н. А. Тюльпанова [4, д. 511, л. 248].

Особое отношение к пленным чехословакам и полякам со стороны русского правительства сложилось еще в начале войны. Союз чехословацких обществ в России с Высочайшего соизволения приступил к формированию добровольческих дружин, а первая чешская дружина численностью в 1000 человек выступила на фронт из Киева еще осенью 1914 г. Так как людей для этого не хватало, то с разрешения властей началась работа в лагерях военнопленных по вербовке добровольцев. К нежелающим записаться в национальные части применялись жесткие меры давления. Причем, занимались этим сами чехи с ведома лагерной администрации.

В 1920 г. началась эвакуация пленных находившихся на Урале и в Сибири. Тобольск и, соответственно, Тобольский лагерь для военнопленных выполняли функцию транзитного пункта, где следовавшие на родину люди могли получить крышу над головой, питание и медицинскую помощь, а при необходимости пройти санобработку.

Основная масса иностранных военнопленных была эвакуирована из России до конца 1922 г. Но не все захотели вернуться домой. Кто-то успел за это время пустить здесь корни и обзавелся семьей, кто-то искренне верил в светлое будущее Страны Советов и желал принять участие в его строительстве. Так, бывший военнопленный венгр Федор Лихнер, остался в 1918 г. в Тобольске, поступил на службу в милицию. В 1921 г. принимал участие в борьбе с бандитами, которые, пользуясь лихолетьем, занимались грабежом местного населения. Зимой 1921 г. Федор Лихнер помощник начальника 1-го района уездной милиции с несколькими милиционерами попал в засаду, устроенную бандитами у деревни Тоболтуринской, «был раздет донага, привязан к саням и при 30–35°С морозе его возили по деревне, кололи ножами, вилами, так и замучили» [1, с. 83]. После смерти его осталась жена Александра Ефимовна Лихнер. В городах бывшей Тобольской губернии также осталось несколько человек из числа бывших пленных, сейчас их потомки проживают на территории современной Тюменской области.

1. Валитов, А. Военнопленные первой мировой войны в г. Тобольске // Югра. 2007. № 3. С. 78–84.

2. ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 152. Оп. 44.

3. ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 156. Оп. 29. Д. 53.

4. Энциклопедия. Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1977.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЯВЛЕНИЯ ПОЛЯКОВ В РЕГИОНЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Занимаясь в нашем полонийном обществе вопросами помощи омским полякам в поиске сведений об их родных, в разное время попавших в Сибирь, мне удалось значительно расширить и собственную базу по поиску сведений о моем польском деде.

Дело в том, что мои польские российские корни идут от деда, в 1914 г. не по своей вине очутившимся в Сибири. Долгое время, особенно в годы советской власти, мы не могли до конца понять, каким образом гражданское население зарубежных стран в годы Первой Мировой войны и в годы становления советской власти оказалось на суровых просторах нашей Сибири. И только несколько лет назад я узнал, как таковое могло случиться.

Восточно-прусская операция 1914 г. проходила в период 4 (17) августа – 2 (15) сентября 1914 г. (первый этап) в начале Первой Мировой войны. Как известно из истории, силы двух русских армии (1-й и 2-й) сразу после мобилизации 1 августа 1914 г. стремительно ворвались в германскую Восточную Пруссию.

Первое вторжение войск Северо-Западного фронта в Восточную Пруссию в августе 1914 г. было начато по настоянию англо-французского командования для того, чтобы оттянуть силы противника с Западноевропейского фронта. Цель Восточно-Прусской операции заключалась в охвате с двух сторон 8-й германской армии, сосредоточенной в Восточной Пруссии. Русские войска: 1-я армия (генерал Ренненкампф) должна была наступать в обход Мазурских озер с севера и захватить Кенигсберг, а 2-я армия (генерал Самсонов) – в обход озёр с юга должна была двигаться к Висле, чтобы отрезать Восточную Пруссию от остальной империи.

2-я русская армия 19 августа 1914 г. почти не встречая сопротивления противника, вошла в Восточную Пруссию и начала наступление в направлении на г. Алленштейн (сегодня – польский г. Ольштын), имея целью отрезать пути отхода противника, окружить его и уничтожить. Сразу хочу сказать, что этот этап военных действий закончился для русских войск плачевно: русские войска противником были разгромлены, многие погибли или были взяты в плен, а командующий 2-й армией генерал Самсонов, не вынеся позора поражения, застрелился. Затем была и вторая оккупация этих восточно-пруссских польских земель, но она в итоге также закончилась не в пользу русских войск. Оккупация этих земель с самого начала боевых действий сопровождалась взятием заложников и необоснованными казнями среди гражданского населения. Командование 1-й рус-

ской армии «оправдывало жестокость подчиненных упорным сопротивлением местных жителей. Кроме того, на оккупированной территории русские войска задерживали мужчин призывного возраста, которых в последующем депортировали вглубь России ... наравне с военнопленными» [3, с. 61]. Главнокомандующий войсками Северо-Западного фронта отдал подчиненным приказ «брать в крупных населенных пунктах заложников из числа наиболее зажиточных и почетных жителей» [3, с. 62]. При этом, как правило, почти всех германских пленных называли немцами. Это никак не отражало действительного состава, поскольку среди пленных были немцы, поляки, литовцы и др. Уже в конце октября – начале ноября этапными службами только одной 10-й русской армии, согласно рапортам их сотрудников и поименным спискам, были отправлены в Россию 515 германских подданных – мужчин, женщин и детей. В этот период и был взят в плен в районе г.Алленштейн местный житель – поляк Краевский Петр-Павел Иван, 29-летний технолог маслосыростроения, зажиточный шляхтич.

В 1915 г. русское командование в вопросах заложников пошло еще дальше. В январе этого года по распоряжению начальника штаба Северо-Западного фронта, все германские подданные, находящиеся в зоне действия фронта, «брались в заложники под угрозой расстрела» [1, с. 62]. Неповиновение каралось расстрелом или виселицей. Местное население не имело реальной возможности укрыться от оккупантов. Таким образом, русскими было взято в плен только за полгода боевых действий огромное количество гражданских пленных (или, как их называли, вольнопленных). Интересная особенность: такое, явно не запланированное, количество пленных серьезно озадачило русское правительство. Так, министр внутренних дел Н. А. Маклаков в том же январе 1915 г. потребовал от армейских руководителей максимально прекратить высылку в Россию германских жителей. На это требование начальник штаба Верховного Главнокомандующего ответил следующей резолюцией: «Кто разрешил? Указано было вешать, расстреливать, гнать, как скот, впереди, а перевозить почти 50 тыс. – для казны это что-то невероятное» [3, с. 63].

Депортация пленных (военных и гражданских) производилась как в центральные российские губернии, так и в Сибирь. В города Западной Сибири военнопленные начали прибывать уже в первые месяцы войны. 2 сентября 1914 г. первая команда пленных немцев прибыла в Курган, 7 сентября прибыл эшелон в Тобольск с германскими подданными (немцами, поляками, и др.) и австро-венграми, в Тюмень и Семипалатинск пленных доставили 9 сентября, а в Омск – в начале октября. К лету 1915 г. только в городах Западной Сибири были размещены 64631 пленный, в том числе, – 10 322 германских подданных. Мой дед, как и многие сотни его

земляков, около полутора лет находился в крепости г.Тобольска, и только в начале 1916 г. был переведен в Омский концлагерь № 1, который находился в те годы на территории нынешнего Детского экологического центра. В этот период (к осени 1916 г.) в Омске проживало, помимо военнопленных, 134 человека германских вольнопленных. Где размещали пленных? В Тобольске пленных разместили в городских амбарах, в постройках купца Сыромятникова и казармах инженерного ведомства. Омская Городская управа, помимо трех концлагерей, выделила для пленных помещения скотобойни – туда направили 1000 человек, цирк – 1200 человек, здание бывшей ветеринарной лаборатории – 150 человек, склады общества «Саламандра» – 500 человек, а также переоборудованные под казармы большие частные дома Куперштейна, Кузьмина, Нольте и др.

При работе в Государственном архиве Омской области с документами по поиску сведений о деде, среди других лиц автор нашел несколько записей о пребывании в Омске наших однофамильцев:

1. В «Алфавитном списке военнопленных, находящихся в Омском концентрационном лагере № 1 в 1921 г.» за № 734 и 1092 записан проживающий в комнате 4-б Краевский Штефан [2].

2. В «Списке беженцев-поляков, попавших в Сибирь во время германской войны и возвращающихся на Родину в 1921 г.», составленном Омским губернским управлением по делам переселенцев и беженцев, есть запись об отъезжающей в Польшу семье:

... 71. Павлюц Михаилина, 43 лет
дочь Анастасия, 12 лет
дочь Софья, 9 лет
зять Краевский Антон, 29 лет
его жена Мария, 20 лет.

Все поименованные члены семьи – поляки, католического вероисповедания.

Местом проживания записано – г. Омск.

Место проживания на Родине – Валка, Гр. (Гродненской – П. К.) волости [1, л. 16].

1. ГАОО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 217.

2. ГАОО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 220.

3. Нелипович С. Г. Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // Военно-исторический журнал. 2000 № 2.

**ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СИБИРСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ОБРАЗА ВНЕШНЕГО ВРАГА
(1914–1917 годов)**

В отечественной научной литературе, исследующей феномен проблемы «свой – чужой», при выстраивании любой типологии образа врага уже давно сформировалось устойчивое, подчас одномерное представление об исключительно негативном восприятии врага, особенно в условиях войны. Оно сводится к отрицанию любых положительных качества неприятеля, признававшихся в мирное время. Эволюция образа врага в сторону обретения им положительных качеств определяется как постепенная, развивающаяся по мере общения, лично-бытовых контактов с «врагом» [2]. Сугубо негативное восприятие «неприятеля» считается характерным для легальной периодической печати, как для источника официального или, по крайней мере, отражающего официальную точку зрения. Интересно, что эволюция названного образа в сторону обретения им в глазах противника отдельных положительных качеств считается не характерной для этого источника. Образ врага в официальных источниках устойчивый и одномерный. Типичные оговорки, такие как «почти всегда», «как правило» и т. п., которые при этом делаются исследователями, слишком упрощают картину, поскольку лишь подразумевают некие незначительные исключения из общего правила, не касаясь их самих. Но были ли эти исключения столь редкими и незначительными?

Местная печать периода Первой мировой войны представляется нам, несмотря на её внешнюю официозность, действительно многомерным явлением, в котором изначально не было однозначного образа врага. Анализ показывает, что до половины материалов тогдашней местной прессы, так или иначе связанных с его формированием, посвящено военнопленным. Именно пленные были в глазах обывателей зримым, вполне осязаемым воплощением того образа врага, который рисовала развернувшаяся в стране пропаганда. Первые, в том числе неформальные контакты сибиряков с военнопленными относятся уже к осени 1914 г. Соответственно этап эволюции образа внешнего врага в сторону обретения им «человеческих» качеств фактически отсутствовал. По большому счёту, и местные жители, и местные журналисты в цивилизованности, по крайней мере, немцев не сомневались. Не удивительно, что при обращении к местной прессе мы находим вроде бы неожиданную, но вполне закономерную картину: вместо постепенного, длительного перехода к открытию у врага положительных качеств с первых дней войны в печати часто шёл обратный поиск чего-то отрицательного, отталкивающего в традиционно цивилизованных подданных германского или австрийского императоров.

Весьма характерны в данном случае реплики героев одной зарисовки, приведённой в апреле 1915 г. газетой Томский вестник: «Такая досада! Вели сегодня по улицам пленных немцев, а я не видел, – говорил мне один знакомый... Да, ведь, вы в своей жизни немцев-то перевидали... Вот если бы каких-нибудь герреро или папуасов... С этим я не могу согласиться. Я видел немцев, когда я не знал о них того, что теперь знаю. И теперь я буду смотреть на них совсем другими глазами, так что увижу, может быть, много того, что раньше не замечал... знали вы, положим, какого-нибудь Ивана Ивановича за честнейшего и благороднейшего человека и вдруг оказалось, что этот благороднейший субъект проворовался. Вас, конечно, тянет хоть одним глазком взглянуть: не написано ли у него явственно на лбу, что он жулик, и не проглядели ли вы эту надпись, поддавшись какому-то непонятному чувству...» [4, 22 апреля].

Обличительные заголовки статей и длинные списки реальных и мнимых преступлений врага, приводившиеся, как известно, прессой всех воевавших стран, должны были воспитывать патриотические настроения их граждан. В дискредитации неприятеля не отставала и региональная сибирская пресса, большим вопросом для которой всегда оставались, прежде всего, военнопленные. Использовалось не только прямое обличение врага, создавался его сложный образ, в который вплетались все правители и подданные воевавших с Россией государств. Для эффекта наглядности враг порой «сам» говорил со страниц местных газет. «Бог да вознаградит тебя за... лишения, которые ты испытываешь со своими товарищами-героями в боях с этими дикарями-азиатами в проклятой, свиной Польше... но зато радуюсь, что могу отплатить тем из русских свиной, которых, как самый паршивый скот, пригнали к нам пленными... Их страдания будут радостью для нас», – говорилось в опубликованном томской газетой письме родителей германскому офицеру [4, 5 мая].

Письма, найденные у убитых и военнопленных, считались самыми убедительными доказательствами жившей в них ненависти к России. В письме убитого германского кавалериста, которое, как и приведённое выше опубликовал Томский вестник, тот хвастался: «... на днях мы подкараулили в засаде русский разъезд... и ранили двух солдат. Мы были уверены, что это казаки и заранее радовались, что повесим их на дереве и вырежем у них лампасы... оказалось, что это уланы, а не казаки, но было бы слишком обидно отказаться от мести и мы все в один голос решили считать их казаками. Ты не можешь себе представить, Вили, как было весело и смешно, когда их повесили на одном дереве рядом. Их дёргало как картонных солдатиков, когда тянешь за верёвочку» [4, 5 мая].

Как правило, подобные публикации всегда сопровождалась убийственными для непатриотичных сибиряков комментариями: «И всё-таки это не мешает российским психопатам обоюбого пола всячески ухаживать за мерзавцами, попавшими к нам в плен, и пичкать их всем и вся и в хвост

и в гриву» [4, 5 мая]. О пленных же с нескрываемой неприязнью говорились: «... как раззелись на русских хлебах-то! Рожу то не ущипнёшь, полная да красная такая... С жиру бесятся... окаянные!... одеты и обуты, накормлены досыта, до того, что хлеб они меняют на белый или продают, а на эти деньги покупают кондитерский хлеб... Какая, подумаешь, трогательная забота у нас об этих извергах и как мало мы заботимся, чтобы наших пленных содержали... мало-мальски сносно» [4, 7 июня].

Однако, с другой стороны, в сибирских изданиях начала XX в. провоцировались жалость и сочувствие к судьбе военнопленных, сообщалось, что «эти изверги» сохранили в своём облике и человеческие черты. При описании прибывающих пленных часто подчёркивалось, например, что «вид у пленных крайне изнурённый, одежда совершенно изношена» [1, 14 июня], или, что полк в котором числились пленные был почти полностью уничтожен и Германия призывает на военную службу 17-летних, «с физическими недостатками... горбатых и имеющих укороченную ногу, больных ревматизмом, туберкулёзом и т. п.». Сибирякам сообщали о «милитаризации женщин в Германии», которым якобы грозили принудительная воинская повинность, непонятные и тоже принудительные тренировки «в ведении хозяйства и выполнении других женских обязанностей» и даже «для всех женщин определённого возраста казарменный режим на 1–2 года» [3, 15 июля]. А довершали образ врага карикатуры и фельетоны, высмеивавшие лидеров стран Четверного союза, например, императора Вильгельма, якобы представлявшего себе рай вечным плац-парадом бранденбургских драгун. Образ такого врага вызывал скорее сочувствие и смех, чем ненависть.

Если описывались негативные последствия пребывания пленных в крае, то «враги» – пленные спокойно рассматривались наряду, например, с «жертвами войны» – беженцами, «которые также являются причиной вздорожания квартир и вообще жизни» [1, 8 октября]. Более того, пленные, съедавшие зимой сибирские продукты, весной – летом сами же их и выращивали: «Громадное число пленных в Тюмени за зиму истребило неимоверное количество картофеля и капусты. В видах экономии весной на одной из ближайших к городу заимок... пленными германцами было посажено 25 десят. картофеля и 5 десят. капусты, а также репа морковь и др.», – писала иркутская газета «Сибирь» в июле 1915 г. [3, 15 июля].

Нейтральные сообщения о прибытии военнопленных, привлечении их к разного рода работам, о назначении или изменении их довольствия теми или иными продуктами перемежались не только гневными сообщениями об отказе пленных от работ, но и о том что многие «военнопленные с большой охотой идут на полевые работы». Значимость труда пленных периодически подчёркивалась публикацией в прессе сведений о потребности в их рабочих руках в том или ином секторе местной экономики, официальных распоряжений о выдаче им поощрительного вознаграждения

дения за усердный труд или просто за работы в интересах военного ведомства. Здесь пресса не скупилась на превосходные степени: например, если у пленных до войны была специальность (механика, слесаря, столяра и проч.), то их называли «умелыми специалистами», а прибытие таких военнопленных – «счастливым обстоятельством». Читатели узнавали, что и неквалифицированный труд военнопленных играет существенную роль. «Применение труда военнопленных в сельскохозяйственных работах дало возможность в этом году блестяще окончить сенокосение по всей Акмолинской области», – писала, например газета «Сибирь» [3, 19 июля]. Даже о пленных врачах, обслуживавших исключительно других пленных, в прессе из газеты в газету перепечатывались сообщения, что они «несут свои обязанности с достоинством; деятельность их заслуживает всяческой похвалы».

Фактически с самого начала Первой мировой войны местная пресса рисовала перед обывателями образ врага не в облике «зверя», а человека с его достоинствами и слабостями, гуманными и жестокими чертами. И если одни периодические издания (как, например, «Томский вестник») из псевдопатриотических соображений делали акцент на «зверином» в облике врага, то другие, менее реакционные в этом вопросе (как, например, «Сибирь»), уравнивали его гуманными чертами. В целом размещение в Сибири военнопленных уже в 1914 г. наглядно показало обывателям, в том числе местным журналистам, что перед ними не «чужовища», поэтому и ставшие уже в 1915 г. обычными сетования прессы на растущие «недисциплинированность» и даже «распущенность» пленных врагов впоследствии, по большому счёту, никого не пугали.

1. Жизнь Алтая. 1916.

2. Сенявская Е. С. Образ врага в сознании участников первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 140–145; Сенявская Е. С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999.

3. Сибирь. 1915.

4. Томский вестник. 1915.

А. М. Субботина

ПРОБЛЕМЫ МОБИЛИЗАЦИИ РЕСУРСОВ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам Удмуртии)

Первая мировая война имела серьезные социально-экономические последствия для населения России. Крестьянское хозяйство, испытывавшее недостаток в мужских руках в связи с мобилизацией и ставшее важ-

нейшим поставщиком продовольствия, требовало особого подхода. Значительную роль в решении данной задачи на местах сыграли органы земского самоуправления. Им пришлось действовать в условиях достаточно ограниченных войной ресурсов. Кроме того, военные обстоятельства способствовали развитию новых форм земской деятельности, которые далеко не всегда находили адекватный отклик у местного населения.

На территории Удмуртии (Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Сарапульский уезды Вятской губернии) в годы Первой мировой войны для земских учреждений наибольшую актуальность приобрело несколько проблем:

- 1) недостаток кадров земских служащих (агрономов, ветеринаров и др.) в условиях мобилизации мужского населения на фронт;
- 2) трудности с финансовым обеспечением текущей деятельности в связи с сокращением объемов государственного финансирования, сложностями в сборе налогов, инфляцией и появлением новых обязанностей;
- 3) необходимость решения новых задач, вызванных войной (помощь семьям фронтовиков, продовольственный вопрос и др.).

Неизбежным результатом сложившейся в сельском хозяйстве края ситуации для земства стало, в лучшем случае, сохранение уже достигнутых позиций, а в худшем, свертывание отдельных направлений деятельности. Гораздо более значимыми в период Первой мировой войны стали поддержание необходимого уровня потребления населения и мобилизация ресурсов тыла.

Широко распространенной земской мерой облегчения экономического положения семей мобилизованных на фронт было установление льгот по налогообложению в виде отсрочки платежей или списания недоимок. Кроме того, земства активно включились в государственную программу оказания помощи семьям призванных на фронт. Согласно закону 1912 г., государственное пособие распределялось между семьями мобилизованных через уездные попечительства, обязанности по содержанию которых осуществляли земства. С 1 сентября 1915 г. по 1 сентября 1916 г. в Глазовском уезде, например, на средства казны продовольственная помощь на сумму 348 957 руб. была оказана 31 871 семье с 82 874 взрослыми и 30 531 детьми. Однако под действие закона не попадало еще 800 семей, на субсидирование которых Глазовское земское собрание 49-й очередной сессии 1915 г. выделило 46 659 руб. 36 коп. В следующем году из-за финансовых затруднений Глазовское земство было вынуждено отказаться от дальнейшего финансирования этой программы [3, л. 82–83].

Другим видом поддержки семей призванных со стороны земства была помощь в осуществлении сельскохозяйственных работ. Так, Малмыжское земство на эти цели в 1916 г. выделило 14 молотильных комплектов [1, с. 303]. Широкое распространение получила организация на

летний период яслей-приютов. Они финансировались из средств земства, попечительств охраны материнства и детства, трудовой помощи, помощи семьям запасных и ратников и Министерства народного просвещения. В Малмыжском уезде, например, в 1916 г. было устроено 35 яслей (намечалось 100), из которых 30 размещались в школьных зданиях. Ясли работали с 4–5 часов утра до 7–8 часов вечера. В течение этого времени дети (до 10 лет) находились под наблюдением заведующих, чаще всего учительниц, и нянечек. Малмыжская управа отмечала, что эта инициатива земства была встречена населением с радостью. Всего яслями в уезде было охвачено 2442 ребенка [1, с. 62]. Сарапульским земством, в отличие от остальных, более выгодным было признано вместо устройства яслей выдавать пособия нуждающимся матерям на приглашение няни.

Несмотря на то, что продовольственное дело было изъято из ведения земства в 1900 г. (возвращено только осенью 1917 г.), земские учреждения привлекались к решению продовольственной проблемы в течение всего периода Первой мировой войны. С их участием разрабатывались нормы потребления продуктов (мяса, сахара), вводилась карточная система распределения, устанавливались твердые цены и организовывались закупки продовольствия для нужд армии. Практическим осуществлением перечисленных мероприятий занимались непосредственно председатели и члены земских управ, агрономический персонал, кассы мелкоземского кредита и кооперативы.

Самой непопулярной в среде крестьян мерой были добровольно-принудительные заготовки продовольствия. Начиная с 1916 г. в стране фактически была введена продразверстка. В частности, в случае отказа крестьян добровольно сдать хлеб по установленной твердой цене, он реквизировался с 15-процентной скидкой.

Осуществление закупок через созданную земствами инфраструктуру негативно сказывалось на отношении к ним крестьянского населения. Положение еще более ухудшилось после издания в 1917 г. Временным правительством закона о хлебной монополии, против чего активно выступали земства. Вятское губернское земство даже направляло весной 1917 г. специальную делегацию в Петроград с целью убедить правительство отказаться от принятия такого закона в виду возможных негативных последствий. Справедливость опасений местных земцев стала очевидна в ходе осуществления летом 1917 г. Второй сельскохозяйственной переписи, вызвавшей в ряде районов резкую негативную реакцию населения.

Таким образом, период Первой мировой войны, наряду с сокращением собственно агрономической и технической деятельности земства, был отмечен развитием форм социальной помощи семьям ушедших на фронт (ясли-приюты, выделение сельскохозяйственной техники и др.) и осуществлением непопулярных в крестьянской среде мобилизационных меро-

приятый (продовольственные заготовки, регулирование цен и норм потребления и др.). Это в значительной степени способствовало распространению антиземских и антиправительственных настроений у населения, что привело в 1917 г. к социальному взрыву.

-
1. Журналы Малмыжского уездного земского собрания 50-й очередной сессии 10–17 октября 1916 г. Малмыж, 1917.
 2. ЦГА УР. Ф. 206. Оп. 1. Д. 62.
 3. ЦГАУР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 67.

Е. С. Кравцова

ВОЕННЫЙ НАЛОГ В РОССИИ В 1915–1917 ГОДОВ: ИСТОРИЯ И УРОКИ

Первая мировая война привела к огромным финансовым проблемам в Российском государстве. Видный политический деятель, современник тех событий М. В. Родзянко отмечал: » Положение в стране ухудшилось. Спекуляции, взятки, бешеное обогащение ловких людей – все это достигало невероятных размеров. Одновременно возрастала дороговизна в городах» [5, с. 140]. Для стабилизации положения и для недопущения бюджетного коллапса правительство было вынуждено временно ввести целый ряд новых налогов как прямых, так и косвенных, в том числе и военный налог. Нужно отметить, что такое решение проблемы не устраивало большую часть общества, особенно левое крыло. В своих прокламациях они требовали в целом изменить налоговую политику в государстве: «Демократия должна требовать введения этих четырех налогов: прогрессивно-подходного, а добавочные к нему поимущественный, наследственный и налог на чрезвычайный прирост имущества» [4, с. 25].

Закон «О военном налоге» от 19 апреля 1915 г. гласил, что с 1 января 1915 г. военнообязанные мужчины, освобожденные по разным причинам от призыва на действительную службу, облагались прямым налогом подходного характера. Данный налог планировалось взимать с плательщиков в течение 18 лет, но было возможно и более раннее прекращение по разным причинам. Налог взимался с личного ежегодного дохода, в зависимости от его величины. Если налог составлял менее 1 тыс. руб., то сбор равнялся 6 руб., при сумме годового дохода от 1 до 5 тыс. руб. – 25 руб. и т. д. Каждый плательщик налога обязан был лично предоставить «до 1 апреля в подлежащие уездное, окружное или городское по военному налогу присутствие заявление о получаемом им доходе», представлявшее собой фактически декларацию о доходах, которая проверялась

податными инспекторами. Правительство при взимании военного налога делало призыв уплачивать его, опираясь на чувство патриотизма населения. К примеру, на окладных листах, высылаемых плательщикам, стоял штамп, который гласил следующее: «В виду переживаемой Родиной великой войны, плательщики приглашаются вносить налог и если есть возможность золотыми. Прием золотых изделий, слитков, медалей и проч., обмен их на кредитные билеты, по цене содержащегося в них золота, производится во всех казначействах, конторах и отделениях государственного банка» [2, д. 13216, л. 27].

Заявление же состояло из следующих позиций:

«Пометка присутствия по
военному налогу о времени
поступления заявления.

В уездное (областное, губернское) по
военному налогу присутствие
Ф. И. О., состояние,
звание место жительства

Заявление

Имею честь уведомить ... присутствие по военному налогу, что в минувшем году мною были получены нижеследующие доходы от принадлежащих мне:

- А) недвижимых имуществ: 1. строений, находящихся....;
 - 2. земельных участков.
 - Б) от торгово-промышленных заведений.
 - В) от денежных капиталов, расположенных в
 - Г) от службы в различных заведениях.
 - Д) от прочих личных занятий.
 - Е) от прочих источников доходов.
- Всего» [3].

Рассмотрим практику осуществления налогообложения новым сбором на примере типичной российской провинции – Курской губернии. Уездные, окружные, городские по воинской повинности присутствия должны были предоставить в присутствия по военному налогу списки лиц, подлежащих платежу налога, до 15 августа. Однако на деле, при составлении списков налогоплательщиков, инспекторам практически не оказывали помощи лица, наделенные такими обязанностями. Так в сентябре 1915 г. инспектор по Щигровскому уезду сообщал, что «Воинский начальник не может предоставить сведений о лицах, зачисленных в ополчение 2 разряда и уволенных без зачисления в ополчение». В течение нескольких месяцев местные присутствия по военному налогу и податные

инспекторы проделали большой объем работы, однако, как признала в мае 1916 г. Курская казенная палата, «к платежу военного налога за 1915 г. по некоторым уездам привлечено такое невероятно малое количество плательщиков, что невольно возникает сомнение в правильности выполненных работ» [2, д. 12967, л. 161.]. Разнобой в обложении налогом колебался по разным уездам при относительно одинаковой в них численности населения от 2000 до 100 человек.

Сбор военного налога шел очень тяжело. Здесь сказывалось и увеличение всех налоговых ставок на население, и сокращение рабочих рук, и увеличение числа беженцев, и милитаризация экономики. В 1915 г. по всем уездам Курской губернии в общей сложности было собрано 2144 руб. Более всего было собрано в Фатежском – 444 руб., Старооскольском – 427 руб., Щигровском – 282 руб. уездах. В Корочанском, Новооскольском и Суджанском уездах было собрано всего по 18 руб., или фактически заплатили налог лишь три человека во всем уезде. Это, казалась бы, был первый год введения налога, и в дальнейшем поступление его должно было наладиться, но в результате в дальнейшем сбор только ухудшился. В 1916 г. по губернии было собрано 24,1 тыс. руб. Лучше сбор прошел в Рьльском – 3,7 тыс. руб., Старооскольском – 3,4 тыс. руб., Щигровском – 2,6 тыс. руб. уездах; менее всего собрали в Тимском – 468 руб., и в Корочанском – 114 руб. Но в Щигровском уезде, к примеру, в должниках числилось 1353 человека и недоимка была в 3,5 раза больше, чем было собрано, и составляла 9,2 тыс. руб. А в Фатежском уезде в 1916 г. долг в казну в 1916 г. составил 4,8 тыс. руб., что было в 2,8 раз больше, чем было собрано. Из 1064 налогоплательщиков только двое платили по второму разряду, остальные платили минимальную ставку налога.

В 1917 г. ситуация не изменилась: к марту государственный долг России равнялся 35 млрд руб., из них 20 % – внешняя задолженность. Временное правительство продемонстрировало свою полную неспособность удержать ситуацию под контролем. Причина крылась не только в слабости правительства, но и в его нерешительности и неуверенности в своем курсе [1, с. 150]. За 1917 г. в Тимском уезде было недоимок на сумму 8 тыс. руб., притом, что оклад равнялся 8,2 тыс. руб. Этот долг оставался на 1360 налогоплательщиках, из них 1359 были плательщики 1 разряда; и лишь один, житель г. Тима М. О. Лагачев, платил 25 руб. налога. Население не платило налога не только из-за несогласия, но и из-за невозможности выплатить эти суммы. К примеру, в своем отчете о работе старшина Костровской волости Рьльского уезда указывал, что в деревне Строчицы он должен был взыскать недоимку по военному налогу с крестьянина Е. Е. Велюханова, но при осмотре его имущества оказалось, что все оно не пригодно для наложения взысканий.

Министерство финансов после событий Октября 1917 г. и фактическим провалом сбора налога выступило с предложением об его отмене

с 1 января 1918 г. Однако оно не получило осуществления, так как он продолжал взиматься и в 1918 г. до середины лета. Лишь с выходом Декрета о продлении на 1918 г. взимания некоторых налогов и пошлин в повышенном размере за подписью председателя СНК В. Ульянова (Ленина), сбор налога прекратился. В документе говорилось об отмене с 1 января 1918 г. налога с лиц, освобожденных от воинской повинности. Курская казенная палата получила данное распоряжение 25 июня 1918 г. Отчеты же сбору данного налога продолжали составляться до конца 1918 г. С этого времени, можно считать, данный налог прекратил свое существование.

-
1. Гайда Ф. А. Механизм власти Временного правительства // Отечественная история. 2001. № 2. С. 150.
 2. Государственный архив Курской области. Ф. 184. Оп. 1.
 3. Инструкция о применении положения о военном налоге. Пг., 1915.
 4. Кузовков Д. В. Какие налоги должно установить Учредительное Собрание. М., 1917.
 5. Родзянко М. В. Крушение империи. М., 1992.

И. Н. Гребенкин

ОФИЦЕР ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА

Вступление России в Первую мировую войну положило начало формированию массовой армии военного времени, потребовавшей создания соответствующих по численности командных кадров. В офицерском корпусе военного времени прежняя кадровая основа соединилась с многочисленным пополнением, отбор и подготовка которого велись уже в условиях небывалой по масштабам войны. Последовавшие с первых месяцев военных действий значительные потери офицерского состава и продолжавшиеся мобилизационные мероприятия потребовали создания системы массовой подготовки офицеров военного времени – прапорщиков. Их подготовка осуществлялась военными учебными заведениями – военными училищами и школами прапорщиков – по ускоренным 3–8-месячным курсам, что зависело от рода войск и образовательного уровня контингента. Производство нижних чинов в офицеры происходило и без специальной подготовки: на фронте – за боевые отличия, а в тыловых частях – лиц со средним и начальным образованием «по достоинству строевого начальства» для восполнения некомплекта. Особенностью статуса офицеров военного времени являлось то, что они не могли производиться в штаб-офицерские чины и по демобилизации армии подлежали увольне-

нию в запас. По подсчетам специалистов на этих условиях за годы войны в офицеры было произведено около 220 тыс. человек [8, с. 24–26].

К октябрю 1917 г. в рядах армии насчитывалось около 250 тыс. офицеров, среди которых кадровых оставалось не более 10 % [1, с. 47; 7, с. 223; 3, с. 10]. Увеличившись по сравнению с первыми месяцами войны более чем в пять раз, офицерский корпус приобрел социальный облик, принципиально отличавшийся от довоенного. Столь массовое пополнение, а также потери среди кадровых офицеров, нивелировали его прежние сословные особенности. Безусловно, можно согласиться с мнением о том, что на третьем году войны в целом офицерство соответствовало сословному составу населения страны и представляло собой срез всех образованных или хотя бы грамотных людей [3, с. 12]. По мере замещения младшего командного звена офицерами военного времени быстро росла их доля в потерях. Данные статистики позволяют сделать вывод, что в численности потерь офицерского корпуса она достигала $\frac{3}{4}$ [11, с. 31]. Полковник А. А. Свечин, впоследствии известный советский военный ученый, командовавший в годы войны 6-м Финляндским полком отмечал: «Главную массу боевых начальников – командиров рот и взводов – представляли прапорщики. Они же давали главную цифру убитых и раненых офицеров» [12, с. 80].

Жертвы, понесенные российским офицерством в период Первой мировой войны, всегда оставались едва ли не единственным критерием для его оценки, которая, однако, никогда не давалась с точки зрения реальной успешности его деятельности с учетом малоудачного хода и катастрофических результатов войны для России. Характерным для разных периодов изучения данной проблемы было рассматривать многочисленное и демократичное по составу офицерское пополнение военного времени как едва ли не главный фактор снижения боевых качеств войск в ходе войны, их разложения и втягивания их впоследствии в гражданскую борьбу. Подобный подход, унаследованный из известных оценок представителей командования периода войны, закреплённый в мемуарном и историческом наследии эмиграции [2, с. 132; 4, с. 5; 6, с. 82; 9, с. 253], стал логическим основанием для того, чтобы снять ответственность за отсутствие военных успехов с генералитета и кадрового офицерства и противопоставить их офицерам военного времени как в профессиональном, так и социально-политическом плане.

Наиболее очевидный принцип стратификации офицерства периода войны – кадровые офицеры и офицеры военного времени – дает возможность оценить их служебное положение и перспективы, но далеко не всегда военно-профессиональные качества. Фронтная действительность выявила множество примеров непригодности кадровых офицеров к исполнению боевой миссии и, напротив, полного успеха офицеров военного времени, в недавнем прошлом штатских людей.

Общим недостатком молодых прапорщиков и офицеров, призванных из запаса, их начальники различных рангов полагали низкую строевую и тактическую выучку, что, конечно, имело под собой все основания. Ускоренные курсы военных училищ и школ прапорщиков не могли обеспечить необходимого профессионального уровня, а главное – вполне подготовить к выполнению задач в боевых условиях. Ответственность за эти недостатки, безусловно, лежала на военном ведомстве и преподавательском составе учебных заведений и поэтому, кстати, может быть отнесена к неутешительным итогам деятельности офицерского корпуса во время войны. И все же офицерское пополнение в целом заслужило скорее позитивные оценки фронтовых командиров. Известный военный специалист эмиграции генерал Н. Н. Головин писал: «С этим «прапорщиком военного времени» и были одержаны победы в Галиции летом 1916 г. ... Вся патриотически настроенная интеллигентная молодежь шла в Армию и пополняла ряды нашего поредевшего офицерства. Происходил своего рода социальный отбор, Армия качественно очень выигрывала» [5, с. 371].

Молодежь из среды интеллигенции и образованных разночинцев с более развитым гражданским сознанием, не чуждая патриотической риторики, романтических иллюзий и честолюбия оказалась отличным контингентом для пополнения офицерского корпуса. А. А. Свечин особо выделял офицеров, происходивших из воспитанников учительских семинарий и народных учителей, более приспособленных и выносливых, умевших найти подход к крестьянину-солдату. Демократичный стиль поведения офицеров-интеллигентов фактически противоречил традиционной для царской армии системе взаимоотношений между офицером и солдатом. Тем не менее, сама фронтовая жизнь требовала от младших офицеров строить свои отношения с солдатами рационально, сообразно условиям службы и реальной боевой работы. Несомненно, что часть офицерской молодежи и не стремилась жестко следовать в русле воинской этики, сознательно перенося в армейскую среду свой социальный опыт и манеры.

В условиях мировой войны не могла сохраняться прежняя отстраненность офицерского корпуса от политической жизни страны. К 1917 г. в рядах армии находилось немало участников революционного движения, членов политических партий и лиц, им сочувствовавших. Пополнившие офицерский корпус представители земской интеллигенции являлись носителями либеральных и умеренно левых взглядов. Среди офицеров военного времени были представлены члены социалистических партий. Само их присутствие в войсках влияло на солдатскую и офицерскую массу, способствуя пропаганде левых взглядов и распространению оппозиционных настроений, хотя масштабы этой деятельности до февраля 1917 г. не следует преувеличивать. Образ действий и высказываний офицеров привлекал внимание командования и охранных органов. В секретных до-

несениях жандармских управлений в Департамент полиции неоднократно отмечалось, что «большую роль в агитации среди солдат играют прапорщики-студенты» [10, с. 190–191]. А. А. Свечин характеризовал офицерское пополнение из среды интеллигенции, пришедшее в его полк, как преимущественно социалистически настроенное, но не видел в этом проблемы для себя как командира, так как в оценке качеств офицера в боевой обстановке на первый план выступало честное и профессиональное исполнение своих обязанностей [12, с. 86–87]. Участие в общем деле защиты Отечества до поры объединяло людей самых несхожих взглядов.

В целом же, несмотря на разницу в позициях начальства, моральном климате и состоянии частей, по мере заполнения младшего командного уровня офицерами военного времени заметная их часть, в особенности отличавшаяся мужеством, тактическими способностями, умением завоевать авторитет у личного состава, а нередко известной долей авантюризма была «обречена» на рост и продвижение. Состоявшись на фронте именно в качестве боевых командиров, они восприняли наиболее рациональные качества и традиции офицерского корпуса, освоили и полюбили свою воинскую профессию. К 1917 г. многие, командуя ротами, сотнями, командами и даже батальонами, достигли чинов поручика и штабс-капитана, были отмечены высокими наградами и, таким образом, в боевых заслугах не уступали кадровым коллегам. Из их числа выдвинулись наиболее известные командиры, представлявшие обе сражающиеся стороны в годы революции и Гражданской войны: А. И. Автономов, Р. Ф. Сиверс, И. Л. Сорокин, А. И. Годорский, Н. В. Скоблин, А. В. Туркул, В. Г. Харжевский и многие другие.

-
1. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М., 1973.
 2. Брусиллов А. А. Мои воспоминания. Мн., 2003.
 3. Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001.
 4. Врангель П. Н. Записки. Часть I // Белое дело. Кавказская армия. М., 1995.
 5. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М., 2001.
 6. Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 1.
 7. Зайцов А. А. 1918: Очерки из истории русской Гражданской войны. Жуковский; М., 2006.
 8. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.
 9. Керсновский А. А. История русской армии. М., 1994. Т. 4.
 10. Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 г. М., 1966.
 11. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925.
 12. Свечин А. А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914–1918 гг. М., 2005.

О КАДРОВЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В КОМАНДНОМ СОСТАВЕ РУССКОЙ АРМИИ (март – апрель 1917 года)

Падение монархии в России породило острую проблему кадровых перемен среди командного состава Русской армии. Конечный результат ее решения зависел от того, как сложится равнодействующая усилий социальных и политических структур, заинтересованных в том или ином варианте внутриармейских преобразований. В ходе развернувшейся борьбы по «офицерскому» вопросу свои взгляды отстаивали, с одной стороны, либералы, использовавшие помимо прочего рычаги официальной власти во Временном правительстве, с другой – социалисты, опиравшиеся на Советы и войсковые комитеты различного уровня. Важным фактором, обуславливавшим процесс кадровых перемен в армии, конечно же являлись настроения и действия солдатских масс. Свой, пусть и достаточно ограниченный вклад в разрешение проблемы, внесло и офицерство.

Переход гражданской власти на местах к новым управленческим органам (комитетам общественной безопасности (КОБ)), часто находившимся, как впрочем и само Временное правительство, в определенной зависимости от позиций Советов, предопределил быстрое смещение со своих постов командной верхушки тыловых и даже прифронтовых округов и гарнизонов. Испытывая давление нижних чинов и так называемой революционно-демократической общественности, временные коалиционные властные структуры практически везде соглашались на требования об арестах и смене высшего армейского начальства, предлагая либо собственных кандидатов на ответственные посты, либо, соглашаясь с результатами выборов командиров, осуществлявшихся нередко офицерами соответствующих гарнизонов.

Объясняя мотивы своих действий по смещению армейских начальников Временному правительству и либеральной общественности представители КОБов, как правило, заявляли об опасности кровопролитных эксцессов в случае непринятия этих мер. Что же касается армейских низов и социалистов, ратовавших за скорейшее наказание «верных слуг самодержавия», апеллируя к ним, новая власть на местах чаще интерпретировала подобные шаги как революционную целесообразность, зримое проявление ликвидации «старого порядка», осуществление справедливого возмездия в отношении бывших царских приспешников.

«Обвальным» и массовый характер арестов высших армейских начальников в тылу и стремительные выдвижения на освободившиеся посты других офицеров вынуждали Военного министра А. И. Гучкова едва ли не автоматически, без серьезного рассмотрения каждого конкретного случая, соглашаться с новыми назначениями в первые недели весны 1917 г.

Но поддержание боеспособности Русской армии и необходимость стабилизации взаимоотношений офицерства с солдатскими массами требовали выработки принципиальной позиции по проблеме кадровых изменений в командном составе. Тем более, что уже в начале марта 1917 г. многие гарнизоны захлестнула волна стихийных выборов новых и изгнания прежних командиров запасных полков, дружин, команд, иных воинских частей и подразделений. Кроме того, теперь под вопросом оказывалась судьба любого офицера, чье поведение так или иначе не устраивало его подчиненных.

Судя по действиям военного министра, одной из основных установок при решении этой чрезвычайно сложной и болезненной проблемы являлось стремление не допустить утверждения принципа выборности командиров и смещения офицеров со своих постов по инициативе снизу. Как известно, уже в момент переговоров Временного комитета Госдумы и Петроградского Совета о формировании Временного правительства либералы отвергли требование социалистов о выборности командного состава. В дальнейшем, закрыв глаза на первые, несанкционированные Военным министерством перестановки, А. И. Гучков прилагал все усилия, чтобы идея о выборах командиров и бесконтрольное отрешение офицерства от должностей не стали правилом армейской жизни революционной России.

Вместе с тем военный и морской министр отнюдь не отказывался от идеи перемен в командном составе армии. В основу кадровой политики А. И. Гучкова легли две главные установки. Во-первых, министр стремился омолодить высшее военное руководство, улучшить его профессиональные качества, избавляясь от лиц, зарекомендовавших себя непригодными для исполнения своих обязанностей по ряду причин: отсутствие необходимой квалификации, карьера по протекции, крайний консерватизм политических взглядов. Такая деятельность по сути являлась продолжением усилий, которые А. И. Гучков предпринимал в течение многих лет работы в Государственной думе. Во-вторых, подбирая компетентных и авторитетных людей на ключевые командные и военно-административные посты, он рассчитывал на то, что им удастся восстановить порядок и дисциплину во вверенных частях и учреждениях, что затем позволит использовать верные Временному правительству формирования в борьбе с Петроградским Советом и всеми, кто по мнению А. И. Гучкова способствовал развалу армии и ставил под угрозу победу России и ее союзников в мировой войне.

Первая задача оказалось не слишком сложной. Многих высших военных начальников А. И. Гучков знал лично или имел достаточно информации для принятия соответствующего решения об их дальнейшей судьбе. Что касается звена корпусных и дивизионных командиров, то со слов лиц, которым А. И. Гучков более или менее доверял, были составле-

ны анкеты, последняя графа которых содержала один из трех вариантов окончательного вердикта: «достоин выдвижения», «может остаться», «подлежит изгнанию» [2, с. 54]. В итоге, согласно данным А. Г. Кавтарадзе, за время пребывания А. И. Гучкова на министерском посту своих должностей лишились примерно 60 % высших офицеров, среди которых оказалось 8 генералов, командовавших фронтами и армиями, 35 из 68 командиров корпусов и 75 из 240 начальников дивизий [1, с. 113]. Кроме того, благодаря стараниям военного и морского министра, свои посты оставил целый ряд начальников главных управлений Военного министерства, членов Военного совета и Александровского комитета о раненых [3, с. 121].

Однако, все мероприятия, связанные с перестановками в командном составе, утрачивали свое значение в перспективе дальнейшего революционирования армейских низов, сопровождавшегося резким падением дисциплины и боеспособности воинских частей. Исполнение второй, в тот момент пожалуй важнейшей части гучковского плана, натолкнулось на непреодолимые препятствия. Об этом свидетельствуют по крайней мере два ярких примера. Назначение генерала Л. Г. Корнилова главнокомандующим войсками Петроградского военного округа, предполагавшее сколачивание в столичном гарнизоне ударной силы для борьбы за укрепление власти и влияния Временного правительства, отнюдь не привело к искомому результату. По объективным причинам Л. Г. Корнилов, как ни пытался, не смог справиться с возложенной на него миссией. Откровенную неудачу потерпел и план «похоронить» в бюрократической волоките рожденную в недрах Петроградского Совета «Декларацию прав солдата». Предварительное обсуждение соответствующих проектов в комиссии генерала А. А. Поливанова, которому А. И. Гучковым отводилась роль человека, способного приостановить натиск сторонников кардинальной демократизации армии, привело к обратному результату. А. А. Поливанов, как и его преемник на посту председателя комиссии генерал В. Ф. Новицкий, не смогли противостоять требованиям Совета и в конечном счете одобрили текст «Декларации», которая способствовала ликвидации авторитарных основ функционирования Русской армии.

Таким образом, все усилия военного и морского министра в сфере кадровой политики сводились на нет из-за невозможности переналадить механизм, обеспечивавший боеспособность армии и флота. В свою очередь масштабные кадровые перестановки, не подкрепленные восстановлением дисциплины и порядка, только усложняли ситуацию. Во-первых, в сознании представителей так называемой «революционной демократии» создавалось впечатление уступчивости, если не откровенной слабости официальной власти. Во-вторых, смещения и новые назначения армейских начальников, инициированные А. И. Гучковым, углубляли рас-

кол в рядах офицерской корпорации как минимум по линии, разделявшей сторонников и противников революционного реформирования армии.

1. Кавтарадзе А. Г. Июньское наступление русской армии в 1917 г. // Военно-исторический журнал. 1967. № 5.
2. Половцов П. А. Дни затмения. М., 1999.
3. Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996.

И. А. Попов

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИСТРАСТΙΑ ДЕПУТАТОВ ВОЕННЫХ СОВЕТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВЕСНОЙ 1917 ГОДА

Процесс образования Советов военных депутатов в Западной Сибири развернулся через два-три дня после получения здесь известий о победе Февральского восстания в Петрограде. Солдатские массы и часть офицерства гарнизонов восточной окраины России активно включились в ход революционных преобразований армии и общества. Но что же представляли из себя создаваемые организации в Сибирских гарнизонах?

Социальный облик депутатов военных Советов Западной Сибири весной 1917 г. определялся следующими факторами: 1) подавляющим преобладанием среди нижних чинов запасных полков и дружин ополчения выходцев из крестьянской среды; 2) делегированием в Советы наиболее грамотного и проявившего высокую политическую активность в первые же дни революции слоя военнослужащих (последнее касается и офицеров); 3) стремлением отдельных представителей офицерства и солдатских масс в местах расквартирования гарнизонов выдвинуться в ряды лидеров общественно-политического движения; 4) изначальным утверждением установок социалистической идеологии в качестве основы организации и деятельности Советов, включая представление о Советах как органах защиты интересов трудящихся.

Социальное происхождение в наибольшей степени сказалось на составе Омского Союза (Совета) солдат-крестьян и организованных позже по его примеру (июнь-июль 1917 г.) Советов солдат-крестьян гарнизонов Омского военного округа – Тюменского, Новониколаевского, Барнаульского и других. В этих Советах практически все депутаты – и солдаты, и офицеры – имели крестьянское происхождение. Принцип классовой «чистоты» на первых порах позволил привлечь в ряды Советов солдат-крестьян довольно значительное количество военнослужащих. По сведениям журнала «Сельскохозяйственная жизнь» ротные группы и полковые Советы солдат-крестьян Омского гарнизона в мае 1917 г. «объединяли

в себе уже более 30 000 членов» [9, с. 34]. Однако политический вес Советов в то время определялся не только численностью их социальной опоры, но и наличием опытного и авторитетного политического руководства. Среди военных – выходцев из крестьян таких лидеров почти не было. Данное обстоятельство серьезно ограничивало возможности Советов солдат-крестьян в борьбе за влияние на массы и укрепление своих позиций на политической арене.

Социальный состав Советов солдатских депутатов, а также военных отделов Советов рабочих и солдатских депутатов при наличии крестьянского большинства все же был достаточно разнороден. К сожалению ни нам, ни нашим предшественникам не удалось обнаружить статистических данных, позволяющих представить точную картину социального происхождения и профессиональной принадлежности депутатов этих Советов. Можно только утверждать, что в состав указанной группы Советов помимо крестьян попадали также бывшие рабочие; среди избранных было немало низших служащих и представителей различных категорий гражданской интеллигенции и полуинтеллигенции, призванных в армию в годы войны. В результате значительное количество мест, особенно в мелких гарнизонах, получили писари. Например, по сведениям на 12 июня 1917 г., в военном отделе Тарского Совета рабочих и солдатских депутатов писари составляли 13 % от общей численности депутатов [2, л. 15]. Кроме того, в составе армейских Советов оказались представители кадровой военной интеллигенции – военные чиновники, военные врачи, офицеры. Причем последние, в отличие от офицеров военного времени, попадали в число депутатов крайне редко.

Типичными были случаи, когда в Советах военных депутатов работали лица, биографии которых соединяли самые разнообразные показатели социально-профессиональной принадлежности. Так, один из руководителей Томского Совета солдатских депутатов рядовой Иван Никитич Смирнов происходил из крестьян, некоторое время являлся рабочим, затем стал профессиональным революционером и по сути дела в этом качестве оказался в рядах интеллигенции.

В целом социально-психологический облик солдатских депутатов края отражал типичные общероссийские черты членов Советов военных депутатов и войсковых комитетов. Делая скидку на определенную пристрастность А. И. Деникина в этом вопросе, можно утверждать, что его оценка состава выборных армейских организаций применима и к Западно-Сибирскому региону. «Солдатская масса, – писал Деникин, – к великому сожалению невежественная, неграмотная, уже развращенная, не доверявшая своим начальникам, выбирала своими представителями по преимуществу людей, импонировавших ей хорошо связанной речью, внешней политической полировкой, вынесенной из откровений партийной ли-

тературы... Русская армия стала управляться комитетами, составленными из элементов чуждых ей, большею частью случайно попавших в ее ряды, представлявших скорее межпартийные социалистические, нежели военные органы» [4, с. 279–280].

Социальный состав Советов офицерских депутатов был практически однороден. Здесь целиком была представлена интеллигенция. По большей части в такие Советы избирались офицеры военного времени, как правило, в самых младших офицерских чинах – прапорщика или подпоручика. Некоторое представление о социальном облике членов офицерских Советов дают имеющиеся у нас данные об организаторах и активистах Совета офицерских депутатов Томского гарнизона:

1. Прапорщик Рудаков Михаил Петрович, 26 лет, эсер, до поступления на военную службу – слушатель физико-математического факультета университета.

2. Прапорщик Сизиков Владимир Семенович, 29 лет, эсер, образование среднее, до поступления на военную службу – земельный статистик, топограф.

3. Подпоручик Перелешин Лев Николаевич, 23 года, эсер, образование – юридический факультет университета [3, л. 99, 112, 125].

Партийная ориентация Советов военных депутатов Западной Сибири весной 1917 г. соответствовала общероссийской расстановке политических сил в Советах. Подавляющее большинство Советов в тот период шло за эсерами и меньшевиками. Авторы монографии «Победа Великого Октября в Сибири» справедливо подчеркивали: «Отсутствие списков депутатов Советов затрудняет детальный анализ их партийной принадлежности. Но партийный состав исполкома отражал и партийный состав депутатов, соотношение влияния партийных фракций в Советах» [8, с. 140]. Этот вывод находит свое подтверждение и в свидетельствах современников революционных событий. К примеру, старый большевик А. А. Карлов, вспоминая о раскладе сил в Омском Совете рабочих и военных депутатов весной 1917 г., отмечал: «В составе депутатов преобладали беспартийные, но сочувствовавшие той или иной партии; это сочувствие обеспечивало в первом Совете руководство Российской социал-демократической рабочей партии» [5, с. 43].

В руководстве военного отдела Омского Совета, как указывалось выше, ведущие позиции заняли социал-демократы. Причем, нужно отметить, что меньшевики-интернационалисты, представлявшие наиболее мощное крыло в местной социал-демократической организации вплоть до осени 1917 г., пользовались также и господствующим влиянием среди депутатов Совета. Военный отдел Новониколаевского Совета оказался под сильным влиянием эсеров. В других крупных городах Западной Сибири, исключая преимущественно большевистский исполком Томского Совета

солдатских депутатов [1, с. 114–115], заметного преобладания эсеров, либо социал-демократов в Советах солдатских депутатов и военных отделах Советов рабочих и солдатских депутатов весной 1917 г. не наблюдалось. Что касается Советов офицерских депутатов, то довольно точно установлена эсеровская ориентация лидеров и основной массы членов офицерского Совета Томского гарнизона [6, с. 96–97]. Аналогичной была и партийная принадлежность руководства Омского Союза (Совета) солдат-крестьян, тесно связанного с эсеровским исполкомом Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов.

Определенное влияние на работу Советов военных депутатов различные социалистические партии оказывали и через специальные военные отделы (бюро), которые создавались в виде подразделений партийных организаций в крупных политических центрах региона. К примеру, в середине апреля 1917 г. газета «Омский вестник» сообщала: «Как при местной группе партии социалистов-революционеров, так и при комитете социал-демократической партии организованы военные отделы: число членов в первом – около 200, во втором – около 300» [7]. Подобные отделы координировали также работу партийных групп и комитетов, возникавших во многих полках и дружинах гарнизонов Западной Сибири, а их члены принимали непосредственное участие в деятельности Советов военных депутатов, проводя линию своей партийной организации.

Таким образом, Советы военных депутатов (военные отделы Советов рабочих и солдатских депутатов) Западной Сибири, возникнув повсеместно в пунктах дислокации гарнизонов Омского военного округа, весной 1917 г. представляли из себя органы, чей социальный состав в основном отражал социальную структуру частей округа, а в руководстве этих органов преобладали умеренные социалисты, ориентировавшиеся на политику Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

-
1. Бабилова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980.
 2. ГАОО. Ф. 1117. Оп.1. Д. 1.
 3. ГАТО. Ф. Р–578. Оп. 1. Д. 1.
 4. Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 1.
 5. Карлов А. А. Омский Совет рабочих и солдатских депутатов // В огне революции и гражданской войны. Воспоминания участников. Омск, 1959. С. 42–51.
 6. Кожевин В. Л. Совет офицерских депутатов Томского гарнизона (март – декабрь 1917 г.) // Исторический ежегодник. Омск, 1997. С. 91–103.
 7. Омский вестник. 1917. 14 апр.
 8. Победа Великого Октября в Сибири. Томск, 1987. Ч. 1.
 9. Сельскохозяйственная жизнь (Омск). 1917. № 9–10.

ВОЕННЫЕ И КАДЕТЫ СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Особое место в ряду политических сил Сибири занимали кадеты и офицерство. Слепая ненависть к большевикам, стремление вернуть Россию к досоветским порядкам явились фундаментом будущего союза этих двух сил.

Ряд отечественных и зарубежных историков говорит о близости кадетов к сибирским военным кругам. Несмотря на малую численность представителей партии народной свободы в регионе, их влияние на белогвардейцев было велико. Во многом благодаря поддержке офицеров, объединившихся в антисоветские тайные военные союзы, кадеты смогли стать одной из ведущих сил антибольшевистского фронта на Востоке России. Данное обстоятельство было вызвано нежеланием большинства белогвардейцев подчиняться социалистам. Кроме того, к весне 1918 г. объединяющим началом стало требование введения военной диктатуры, что наиболее активно пытались воплотить в жизнь именно кадеты.

Попытки свергнуть Советскую власть в Сибири относятся ещё к осени 1917 г. На начальном этапе они носили хаотичный характер, но вскоре, благодаря совместным усилиям по созданию подпольных организаций, удалось провести ряд подготовленных антибольшевистских акций.

Первым серьезным столкновением противоборствующих сил в Омске было антисоветское выступление 1 ноября 1917 г. 2-й омской школы прапорщиков. Мятеж «справедливо расценивается многими исследователями как один из первых актов гражданской войны на востоке России» [2, с. 71]. Данное событие представляет интерес в силу того, что оно было организовано при участии омских либералов. По воспоминаниям очевидца, «...кадеты пытались устроить контрреволюционный переворот, опираясь на юнкеров и учеников кадетского корпуса» [6, л. 9].

На одном из собраний выпускников данного учебного заведения глава омского отделения партии В. А. Жардецкий произнес речь, в которой окрестил большевиков повстанцами и изменниками, по пути с которыми «...школа идти не должна...» [1, с. 79]. В некоторой степени он оказался «одним из вдохновителей восстания 2-й школы прапорщиков в Омске 1–2 ноября 1917» [1, с. 82].

Но все попытки переворота в Омске с целью свержения власти Советов закончились провалом. В конце 1917 – начале 1918 гг. антисоветские выступления в крае продолжались. В декабре они были связаны с выборами во Всероссийское Учредительное собрание, весной 1918 г. – с принудительными хлебозаготовками и другими мероприятиями, проводимыми большевиками. Считается, что вдохновителями этих выступлений были

именно кадеты, которые, «объединяя все наиболее активные контрреволюционные силы,.. ещё до чешского переворота делали попытки к захвату власти в Омске...» [6, л. 6]. Однако организовать подобного рода акции без военной поддержки было практически невозможно. Поэтому вполне логично предположить, что альянс сибирских либералов и офицеров начал складываться сразу же после установления советской власти в крае.

Из воспоминаний участников событий гражданской войны в Сибири становится очевидным факт существования подпольных военных организаций, созданных при поддержке кадетов. Так, по сообщению генерала Флуга, возглавившего «сибирский отдел Союза защиты Родина» и делегированного с Юга России в Сибирь в начале 1918 г., в Омске активно действовал кружок, одно из офицерских тайных обществ, большинство членов которого принадлежало к правому крылу партии народной свободы. Цель была проста и понятна всем – уничтожить большевизм, восстановить целостность и мощь России. Данное объединение делало ставку на военный переворот, для чего «было решено войти в ближайшие сношения с местными боевыми отрядами, обеспечить им приток... средств и придать устройство, соответствующее требованиям нормальной военной организации» [4, с. 252].

Однако совместное участие сибирских военных и кадетов в деятельности подпольных организаций было лишь одним из эпизодов. Основной целью после освобождения Сибири от большевиков стала подготовка и установление диктатуры. Только «властный предел», с их точки зрения, мог спасти страну «от кошмарных опытов революционного прошлого» [3, с. 58]. И действительно, именно благодаря поддержке сибирских военных и давним связям с известными генералами, такими как Д. Л. Хорват, В. Г. Болдырев, А. Н. Пепеляев, кадетам удалось без особых усилий воплотить свои тактические установки в жизнь. Однако нельзя считать подобный союз выгодным только для одной стороны. Либералы, которых отличала особая политическая расчетливость, грамотный подход к любому делу, смогли-таки оправдать ожидания сибирских военных кругов. Другое дело, какова цена диктатуры, всех затрат и жертв, которые были принесены на пути следования к ней.

Ряд членов партии народной свободы входил в правительство атамана Г. М. Семенова, политика которого явно не отличалась либеральной лояльностью. Более того, управляющим по гражданской части в Забайкалье был никто иной как кадет, бывший член Государственной Думы С. А. Таскин.

Что касается Российского правительства при Верховном правителе А. В. Колчаке, то значительное количество его членов принадлежало к кадетским кругам. Большинство историков говорит даже об особом влиянии либералов на адмирала и на весь режим в целом. А. В. Колчак высоко

ко оценил деятельность сибирских кадетов. На их заявление о полной поддержке его курса адмирал ответил: «Верю, что партия народной свободы, руководимая такими стремлениями, и впредь будет неустанно содействовать мне в работе моей...» [5].

Итак, желание «сильной власти» явилось объединяющим фактором для столь разных по политической программе сил в деле освобождения России от большевиков. Либералы возлагали большие надежды на белогвардейцев. Отсутствие широкой социальной поддержки вынуждало делать ставку именно на военных. Сибирское офицерство, в свою очередь, видело в лице кадетов реальную силу, способную политически грамотно организовать борьбу за освобождение страны от большевиков.

1. Жардецкий В. А. // Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. Н. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994.

2. Кожевин В. Л. К истокам гражданской войны в Сибири: политические позиции юнкеров омских школ прапорщиков в 1917 г. // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты: Материалы всероссийской научно-методической конференции 17–18 дек. 1998 г. г. Омск. – Омск, 1998.

3. II Общесибирская (Омская) конференция конституционно-демократической партии 15–18 ноября 1918 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 3. Кн. 2. 1918–1920 гг.

4. Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. // Архив русской революции. М., 1991. Т. 9.

5. Правительственный вестник. 1919. 21 мая.

6. ЦДНИОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 258. Л. 9.

А. В. Сушко

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОНЯТИЙ «НАЦИОНАЛИЗМ» В ИДЕОЛОГИИ КОЛЧАКОВСКОГО РЕЖИМА

В последние годы в российском обществе и отечественной исторической науке резко возрос интерес к деятельности колчаковского режима на территории Белой Сибири. Особое значения исхода военного противостояния колчаковцев и большевиков имело информационное противостояние. Большевики позиционировали себя как интернационалисты, а колчаковцы, в противовес им, представляли себя националистами. Поэтому при анализе ведения информационной борьбы колчаковцами, особое значение имеет то, как идеологи белого дела трактовали понятие «нация».

Наиболее подробный анализ феномена «нации» в идеологии белогвардейцев сделан в работе Н. И. Наумовой, которая выделила у белогвардейцев два основных подхода к объяснению сущности нации. Пер-

вый нацелен был на формирование массовых представлений о нации как общности, объединяющей все население страны в противовес дезинтегрирующим устремлениям. Второе направление в объяснении феномена «нации» в идеологических построениях связано было с выяснением сущности этнического разнообразия [8, с. 174, 176]. При этом религиозная составляющая нации и национализма колчаковцев осталась за пределами внимания исследователей, несмотря на то, что она присутствует практически во всех идеологических построениях и официально была поддержана Верховным Правителем адмиралом А. В. Колчаком. Ее анализ – цель данной работы.

Либерально ориентированная интеллигенция поддержала колчаковский режим. Выразительницей ее интересов являлась партия Народной Свободы – кадеты. В Положении конференции партии Народной Свободы по тактическому моменту проходившей в мае 1919 г. националистическая ориентация стала доминировать над либеральной: «Подтверждая принцип духовного и политического единства русской нации, при ее разноплеменном составе, партия борется за верховенство русской культуры, как великого исторического государственно связующего начала» [2, 1919, 3 июня]. Решения данной конференции позволяют говорить, что кадеты Сибири из либералов переродились в национал-либералов, главным в их идеологии стал национализм. В основу понимания нации кадеты закладывали принадлежность к культуре, веками зиждившейся на вере православной.

Исторически православие стало определяющим фактором образования русской культуры и русского народа из восточнославянских племен. Поэтому русский национализм был не возможен вне религиозной идеи. С приходом к власти адмирала Колчака в кадетской периодике усилилась религиозная пропаганда. Одна из кадетских газет с позиций русского национализма писала, «одной из главнейших, если не единственной, причиной всех переживаемых нами бедствий является во всех слоях населения отсутствие национального чувства. Чувство это главным образом покоилось на религиозной почве, на защите веры православной, святых икон и храмов Божьих. Название «русский» было равнозначно слову “православный”» [7, 1 декабря]. Кадетские организации Сибири, на своей конференции о роли православия заявили: «Принимая во внимание, что одной из основных созидающих сил национальной русской культуры является православие, конференция считает обязательной бережную заботливость русского государства о православной церкви, Исконной, верной хранительницы исторического бытия, духовного лика России» [2, 1919, 3 июня]. Поэтому религиозная пропаганда стала ведущим аспектом пропаганды русского национализма идеологами колчаковского режима.

Государственные власти Белой Сибири особое значение придавали религиозному вероисповеданию граждан. Для людей, поступавших на го-

сударственную службу, были разработаны тексты присяги на основании их религиозной принадлежности. Существовали присяги для православных и католиков, мусульман, иудеев, старообрядцев, лютеран и для лиц внеконфессионального состояния [4]. Клятвы верующие давала на своих священных книгах: христиане на Священном Писании, а мусульмане на Коране.

Религиозный национализм был близок офицерству, составлявшему социальную базу режима, ударную силу его армии на полях гражданской войны. В триединой формуле «За Веру, Царя и Отечество», на которой воспитывалось кадровое офицерство, первый элемент был религиозный. Поэтому пропаганда религиозного национализма имела в военной среде наибольший размах. Рождественской номер «Военных ведомостей» за 1919 г. ее яркий пример. Газета писала: «Москва встретит Рождество Христово под властью насильников. Великий Кремль, хранитель традиций Православной России, сейчас занят Советом комиссаров, наполовину состоящим из нерусских людей. А вокруг него посты иностранцев, для которых нет в Кремле ничего святого» [2, 1919, 7 января]. Война против большевиков преподносилась прессой как «война священная, что русский народ защищает в этой войне свою веру, свою религиозную свободу» [11, 9 октября].

Для массового читателя националистическая пропаганда православной веры противопоставлялась интернационализму, причем часто подчеркивалось, что интернационализм исходит от евреев. Так, газета «Русская армия» опубликовала статью «Русь Православная и Россия Бронштейна», в которой говорилось о Руси: «Сняли с тебя твой русский кафтан, надели куцый «пиджак», завили чуб по «новомодному», а люди ходят и посмеиваются. Уж не русским ты стал, а «интернационалом». Сидит над тобой хозяином Бронштейн, он же Троцкий» [10, 10 октября]. Газета «Военные ведомости» касаясь причин интернационализма большевиков евреев писала: «Если взять еврейскую нацию, то из ее среды наибольшее количество интернационалистских политических агитаторов выделилось по причине, не имея Отечества, своей политической Родины, евреи по положению были космополитами» [2, 1918, 18 декабря]. Интернационализму большевиков белогвардейской печатью, как правило, противопоставлялся русский религиозно-православный национализм, «большевики и их пособники только по языку русские, но они отступники от того, что составляет душу народную, т. е. они не русские в самом главном в основном... Нам, как не помнящим родства, нужно прежде всего сознать, вспомнить, что мы христиане, а те, кто против нас – антихристы и сатанинские варвары» [3, 19 августа]. Подобного рода пропаганда имела определенный успех среди солдатских масс на фронте. В обзоре печати Информационного отделения Осведомительного отдела Главного штаба за 11–17 мая 1919 г. отмечались религиозные настроения среди солдат, как констатировал полковой священник Романовский, «разграб-

ление церквей и убийство священников очень озлобляют наших солдат и лучше всякой агитации побуждают в них ненависть к гнусным кощунникам. Религиозный подъем на фронте велик. Борьбу с большевиками наши солдаты начинают рассматривать все более и более как борьбу за поруганную веру» [3].

В период обвала колчаковщины на фронте и в тылу одним самым заметным планом спасения Белой Сибири, стал план организации широкого добровольческого движения на религиозной платформе, вылившийся в попытки создания дружин «Святого креста» и «Зеленого знамени». Дружины «Святого креста» начали создаваться казаками-добровольцами Уральского казачьего войска. Колчаковское правительство попыталось государственной поддержкой сделать движение массовым вовлекая туда массы крестьян и рабочих. В военном ведомстве было разработано специальное положение о дружинах «Святого креста» и «Зеленого знамени», в котором первым пунктом говорилось: «Дружина Святого Креста есть воинская добровольческая часть, рота, батальон, борющаяся с большевиками как с богоотступниками, за Веру и Родину» [1, 25 октября.]. Показательно, что наиболее активными сторонниками этой идеи были офицер генерал М. К. Дитерихс и видный «беспартийный член партии Народной Свободы», считавший себя националистом министр внутренних дел В. Н. Пепеляев (формально Пепеляев вышел из партии став членом правительства) [6, с. 104, 107]. С созданием первой дружины «Святого креста», Белой Сибирью официально была объявлена религиозной войны большевикам. 29 октября 1919 г. на митинге дружин «Святого креста» и «Зеленого знамени», приветствуя добровольцев-дружинников, Колчак особо подчеркнул национальный характер движения: «Большевизм в той практической форме, в которой он проявился в России, отрицает религию, которая в вековой истории России была тесно связана с ее государственным и национальным бытием. Вот почему возникло под лозунгом религиозным добровольческое движение. Оно глубоко национально и объединяет в себе самые разнородные элементы» [1, 18 ноября].

Движение крестоносцев – малоизученный сюжет гражданской войны. Советский историк В. А. Демидов утверждал, что «вся шумиха закончилась полнейшим провалом. Удалось создать лишь одну малочисленную дружину “Святого креста”» [5, с. 177]. Это утверждение не вполне соответствует действительности. Дружины одновременно создавались властями в Омске, Новониколаевске, Барнауле, Иркутске [1, 11 ноября]. Барнаульская дружина хорошо проявила себя в борьбе с красными партизанами на Алтае. В обращении к служащим Алтайского губернского управления об оказании помощи дружинам «Святого Креста» говорилось: «При 5-й Барнаульской дружине «Святого креста и Зеленого знамени» организовались в настоящее время две роты из крестьян добровольцев,

идущих на борьбу с большевиками. Роты эти за последнее время принимали участие в борьбе с бандами Рогова, каковые успешно ими ликвидируются» [9, с. 379–380].

Колчаковский военно-политический режим водрузил на свои знамена идеологию русского национализма. В интерпритации колчаковских идеологов русская нация строилась на единстве культуры, стержневым элементом которой являлось православие. Поэтому отличительным качеством национализма колчаковцев являлся его религиозный характер. На этой основе властями была предпринята попытка мобилизации масс на борьбу с большевиками в дружины «Святого креста и Зеленого знамени». Провал движения крестоносцев связан: с общим крахом колчаковщины (движение начало формироваться слишком поздно), с традиционно более слабым по сравнению с Россией религиозным чувством сибиряков, которое как реакция безбожие красных начало расти, но не успело вырасти до значительных масштабов.

-
1. Великая Русь. 1919.
 2. Военные ведомости. 1918–1919.
 3. ГАНУ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 126. Л. 168.
 4. ГАРФ. Ф–176. Оп. 6. Д. 19.
 5. Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1922 гг. Новосибирск, 1983.
 6. Дневник В. Н. Пепеляева // Окрест Колчака: документы и материалы. М., 2007.
 7. Народная свобода. 1918.
 8. Наумова Н. И. «Феномен нации» в идеологии белогвардейцев // История Белой Сибири: материалы VI международной научной конференции. Кемерово, 2005. С. 173–177.
 9. Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922. Барнаул, 2001.
 10. Русская армия. 1919.
 11. Русское дело. 1919.
 12. Сибирская речь. 1919.

Д. В. Плюйко

«БЕЛЫЙ» ТЕРРОР В СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Одной из ключевых проблем в современной российской историографии Гражданской войны продолжает оставаться «белый» террор. В исследованиях советских историков проблема террора рассматривалась не са-

мостоятельно, а в общем ряду других событий и довольно фрагментарно, ввиду чего многие аспекты этого явления остались неизученными. У современных российских историков подходы к изучению проблемы изменились.

Сформировавшийся за 1990-е и первую половину 2000-х гг. комплекс литературы по истории «белого» террора на территории Сибири, несомненно, нуждается в историографическом обобщении. Задачей нашей работы является анализ одной части этого комплекса – литературы о терроре, осуществлявшемся противниками большевиков. Обращение к концептуальным построениям и проблематике исследований о «белом» терроре в Сибири позволяет не только получить представление об итогах изучения данной темы, но и обозначить некоторые перспективы дальнейших научных изысканий.

В годы Гражданской войны террор в Сибири стал одним из главных методов управления обществом и инструментом политической борьбы. В связи с этим современные российские историки обращаются к исследованию различных сторон этого явления.

В первую очередь интерес представляют работы, авторы которых предприняли попытку выявить роль террора в ходе процесса образования «белой» государственности в Сибири. Одной из важных работ по этой тематике является исследование С. П. Звягина о правоохранительных органах правительства адмирала А. В. Колчака [3]. С. П. Звягиным были выявлены формы и методы деятельности правоохранительных органов, изучены взаимоотношения силовых органов с правительством и местными институтами власти. По его мнению, правоохранительные органы, сформированные правительством А. В. Колчака, имели слабый кадровый состав, который допускал разного рода незаконные действия, например, чрезмерное применение карательных мер при подавлении восстаний. Кроме того, согласно точке зрения автора, нормальной работе органов суда и следствия мешали военно-полевые суды. Они часто вмешивались в действия любых органов власти, подозревая каждого в связях с большевиками. В своем исследовании историк приводит нам конкретные сведения об осужденных военно-полевыми судами гражданских лиц.

Монография А. Н. Никитина «Государственность «белой» России» дает нам общий взгляд на существование антибольшевистских правительств их достоинства по сравнению с большевиками, и указывает на недостатки в государственном строительстве [5]. Главный недостаток, по его мнению, заключался в том, что правительства «демократической контрреволюции» и адмирал Колчак использовали политику двойных стандартов. Например, правительства «демократической контрреволюции» одним своим постановлением давали право рабочим на создание профсоюзов, а другим санкционировали аресты участников профсоюзов, их разгон. Как отмечает А. Н. Никитин, реально управлением всех сторон жиз-

ни общества занимались военные начальники, которые могли закрывать не понравившиеся им печатные издания, совершать аресты и расстреливать людей. Данный вывод А. Н. Никитин подтверждает материалом газет различной политической направленности и воспоминаниями лидеров «белого» движения в Сибири.

В 2000-е гг. российскими историками были пересмотрены положения советской историографии относительно такого явления Гражданской войны в Сибири как атамановщина. Например, в работе историка В. А. Шульдякова приводятся примеры репрессивных мер вооруженных формирований атамана Анненкова и ставятся несколько важных вопросов об ответственности за совершенные преступления лично Анненкова и других сибирских атаманов [7]. По его мнению, нужно учитывать, что грабеж и реквизиции являлись необходимым условием существования казачьих отрядов, так как военная добыча и грабеж всегда рассматривались «в качестве средства поощрения активности солдат» [7, с. 56.]. В немногих случаях атаманам удавалось найти виновных в совершении различных карательных мер, причиной этому была круговая порука людей, совершающих преступления, маневренность при проведении военных операций (отряд быстро перемещался с одного места в другое).

Важный аспект деятельности карательных отрядов атаманов был затронут в работе В. И. Шишкина [6]. По мнению В. И. Шишкина, одной из многих причин погубивших власть адмирала Колчака была террористическая деятельность атаманов. Он пишет, что атамановщина «была отражением слабости государственной власти А. В. Колчака, его неспособности установить должную субординацию и навести дисциплину даже в своих собственных, прежде всего в военных, рядах» [6, с. 13.]. Слабость власти и проявлялась в различных бесчинствах, которые позволяли себе колчаковские генералы и атаманы. Эта разница в преступлениях атаманов и генералов заключается в том, что в одних случаях власти бездействовали в прекращении беспорядков, а в других случаях сами участвовали в них.

Одной из популярных в среде российских историков является тема социально-психологической составляющей террора. Интересен взгляд на данную проблему В. В. Галина, который считал, что как «белые», так и «красные» были заложниками и жертвами третьей силы революции и гражданской войны – насилия «бессмысленного и беспощадного русского бунта» [2, с. 171]. Этот «бессмысленный и беспощадный русский бунт» имел свое непосредственное выражение в многочисленных крестьянских восстаниях в тылу, причем как у «белых», так и у «красных». За той только разницей, что большевики смогли направить в выгодную для себя сторону крестьянские восстания и с помощью их свалить режим А. В. Колчака и А. И. Деникина.

Историк И. В. Михайлов рассматривает социально-бытовые условия в качестве одной из основных причин, которые усиливали «белый» террор. По его мнению, именно бытовые тяготы, которые сопровождали жизнь обычного военнослужащего «белой» армии вызывали повышенную «истероидность», а «пьянство и насилие становились наркотиком» [4, с. 144–145]. Данное обстоятельство нашло свое продолжение в монографии В. П. Булдакова «Красная смута». Он указал на необходимость деления террора на «властный и психопатологию массового стихийного садизма», в последнем случае имея в виду озверевшую толпу [1, с. 237].

Современным российским историкам Гражданской войны в Сибири удалось добиться следующих результатов:

1. Выявить карательную составляющую в законодательной базе пративительств «демократической контрреволюции» и адмирала А. В. Колчака;
2. Определить сущность такого понятия как атамановщина, а наиболее одиозных деятелей атамановщины рассмотреть во взаимосвязи с официальными органами власти сибирской контрреволюции;
3. Соотнести «белый» террор с «красным» по различным критериям.

1. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

2. Галин В. В. Интервенция и гражданская война. М., 2004.

3. Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001.

4. Михайлов И. В. Быт, нравы и психология белого офицерства: К постановке проблемы // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.

5. Никитин А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М, 2004.

6. Шишкин В. И. Колчаковская диктатура: истоки и причины краха // История «Белой» Сибири. Кемерово, 1997.

7. Шудьяков В. А. Гибель сибирского казачьего войска. Кн. 2. М., 2004.

Д. В. Олихов

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В СТРУКТУРЕ ВЫСШЕГО ВРЕМЕННОГО ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ

Русская армия во все времена находилась под духовным окормлением Церкви. В Императорской армии существовали должности военных духовников, которые подчинялись Управлению венного духовенства. Эта структура почти без изменений была введена во все белые армии России. Даже социалистический Комитет Членов Учредительного Собрания не смог обойтись института военного духовенства: одним из первых прика-

зов по Народной армии КОМУЧа (20 июля 1918 г.) была учреждена должность священника-проповедника армии.

Необходимость организации и управления церковной жизнью в отрезанном от патриаршего попечительства Сибирском крае вызвала создание Высшего временного церковного управления (ВВЦУ), полномочия которого признавались до восстановления прерванной гражданской войной связи с Патриархом. Главой этого органа был избран архиепископ Омский Сильвестр (Ольшевский) согласно п. 3 Положения о Временном Высшем церковном управлении, принятом на Сибирском Соборном совещании в г. Томске в ноябре 1918 г.

В условиях напряженной вооруженной борьбы с советской властью, именно деятельность военного духовенства являлась одной из самых приоритетных среди задач организованного Церковного управления. Сибирское соборное совещание учредило должность Главного священника Сибирской армии, которому предоставлялось право назначения священников в действующую армию с согласия и благословения Епархиальных Преосвященных, а также при наличии отзыва о нравственных качествах намеченного кандидата.

Также совещание признало желательным: устройство периодических собраний военного духовенства, организация системы проповедей и внебогослужебных беседований, усиление военной цензуры и недопущение в войсках антирелигиозной и сектантской пропаганды.

Во исполнение решения Сибирского церковного соборного совещания, глава армейского духовенства протоиерей А. Русецкий в газете «Русская армия» опубликовал «Пастырское обращение», в котором с целью усиления религиозного влияния в армии, предписывал военным священникам восстановить регулярную молитву, возможно чаще посещать окопы и казармы, совершать богослужения, систематически проводить беседы, подчеркивая гибельность для России большевизма, самим быть примером мужества, стойкости и воинской дисциплины.

В статье «Военное духовенство в современной войне» автор замечает, что все качества, отмеченные выше протоиереем А. Русецким, священники успели «живо проявить на деле в это время крови, огня и меча: многие полковые священники запечатлели свой пастырский долг своей кровью».

Кадры военного духовенства, в основном, формировались за счет беженцев духовного звания. Это происходило, во-первых, вследствие того, что священнические места в Сибири были заняты и, столкнувшись с необходимостью содержать семьи, пастыри шли на такое опасное, но оплачиваемое служение. Во-вторых, они не понаслышке знали «до чего довели нашу дорогую родину большевики, в какую степень нищеты, рабства и позора они ввергли русский народ», в отличие от населения тыла, где имели место и пробольшевистские настроения.

В исследовательской литературе отмечается, что из 3,5 тыс. священнослужителей, находившихся на территории, занятой войсками адмирала А. В. Колчака, около 2 тыс. человек составляло военное духовенство, бывшее в армии «сибирского правителя». Эта цифра представляется ошибочной, тем более, что в структурах военного духовенства и ВВЦУ активно обсуждался вопрос о мобилизации даже приходских священников в действующую армию, вплоть до временного закрытия некоторых приходов. Благодичный 11-го армейского корпуса подчеркивает, что «в настоящее время «крестовых походов»... армия испытывает крайний недостаток в лицах священного сана; несмотря на различного рода воззвания главного священника Армии и Флота, призывающие духовенство идти в армию..., несмотря на массу беженцев из духовенства, испытывающих материальную нужду и занимающихся «в сюртучках» в интендантствах, в канцеляриях различных министерств и в лучшем случае исполняющих должность псаломщиков в городских церквях..., в армии часто весь корпус приходится обслуживать трем – четырем священникам».

Данная статья нашла отклик и была обсуждена на заседании ВВЦУ. Присутствующий там Главный Священник Армии и Флота высказался отрицательно по поводу принудительной мобилизации духовенства, мотивируя тем, что «на штатных местах в Армиях имеются священники почти везде, за исключением Южной Армии, как позднее сформированной, и что острой нужды в священниках его ведомство не ощущает».

Было принято решение ускорить формирование проповеднических отрядов, составленных из наиболее подготовленных и грамотных священников и направить их на фронт, причем работу таких отрядов сделать постоянной и подкрепленной необходимым штатным содержанием. Таким образом, можно отметить, что формирование проповеднических отрядов осуществлялось в восполнение недостаточной миссионерской деятельности войсковых священников.

Всего на сегодняшний день известно о трех проповеднических отрядах, сформированных в Омске, и состоящих из духовенства и мирян, отправленных на передовую. Их задачей было поднятие религиозно-нравственного духа и содействие укреплению начал государственности в сознании воинов. Первый такой отряд состоял из 3 священников, 1 диакона и 3 мирян и выехал на фронт 8 января 1919 г.

Во второй проповеднический отряд из Омска на фронт входили протоиерей М. Орлов, священник Н. Кошечев и И. Попов, диакон В. Ефимакوف и отставной полковник В. П. Мельников. Кроме религиозно-просветительских целей отряд должен был выполнить еще одну – отвезти на фронт подарки к Св. Пасхе.

Проповедники направлялись на фронт в собственном вагоне-церкви, что повышало их мобильность и способствовало более полному окорм-

лению воинов выражающемуся в возможности совершения всех церковных Таинств.

За свою работу отряд получил прочувствованную благодарность Начальника 8-ой Камской стрелковой дивизии, изложенную в следующем отношении на имя прот. О. Михаила Орлова: «Я и все чины частей командуемой мной дивизии искренне, от всей души благодарим за совершенные церковные службы, проповеди и собеседования в дни праздника Светлого Христова Воскресения, передано дорогое яичко – подарки поистине, как говорит русская пословица «Дорого яичко в Христов день».

24 июля 1919 г. было принято решение о создании проповеднических отрядов для всех фронтов. В войсках действовали такие отряды, сформированные из духовенства Тобольска, Омска, Томска, Иркутска.

Еще один отряд из Омска, состоящий из протоиерея Николая Ивановича Знаменского и миссионера Димитрия Архиповича Несмеянова командирован 19 сентября 1919 г.

В октябре 1919 г. происходят изменения в военном церковном ведомстве. Скорее всего, они были вызваны крупными поражениями на фронтах. Вместо главного священника была учреждена должность епископа армии и флота. ВВЦУ Сибири считало, что введение должности епископа армии поможет поднять её боеспособность и престиж военного духовенства. На должность епископа армии и флота по рекомендации Верховного Правителя был назначен епископ Чебоксарский Борис (Шипулин). Одновременно с епископатом были утверждены главные священники фронтов. Главная задача для нового главы военного духовного ведомства была сформулирована как поднятие религиозного духа в армии, утверждение веры в святость военного подвига, без которой невозможна победа.

Военное духовенство по мере сил старалось исполнять свой долг решительно и самоотверженно, однако дух войск больше зависел от ситуации на фронте. Во время побед он рос, при отступлениях падал. И полковое священство, к сожалению, спасти положение было не в силах.

Анализируя действия ВВЦУ по организации церковной проповеди в действующей армии, трудно найти недостатки в принятых решениях. Этой деятельности придавалось приоритетное значение, проповеднические отряды действительно состояли из наиболее грамотных и убежденных священнослужителей, в войсках духовенству оказывалась всяческая поддержка. Среди причин поражения армии А. В. Колчака упущения в организации деятельности военного духовенства занимают одно из последних мест.

После разгрома Белого движения военное духовенство как самостоятельная религиозная структура прекратило свое существование.

КТО И КАК ФОРМИРОВАЛ МОРАЛЬНЫЙ ОБЛИК ВОИНА 5-й ПОЛЬСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ (Новониколаевск, 1919 Год)

Польские военные соединения появились в Сибири летом 1918 г., после выступления чешского корпуса и под его эгидой. Штаб-квартира Временного польского военного комитета находилась в г. Омске, однако, в связи с наступательными военными действиями Красной Армии, центр польского движения был перемещен в Новониколаевск. В течение года, с осени 1918 г. по осень 1919 г. формирование, организация и деятельность польских воинских соединений происходили в нашем городе, здесь же находилась школа подготовки офицерского состава. Как следствие, большая коллекция документов (приказов, распоряжений, инструкций) отложилась в Государственном архиве Новосибирской области [1]. Писали об этом в основном польские исследователи: статистические данные по 5-й Дивизии польских стрелков свел воедино по польским и российским архивам профессор Торуньского университета Вальдемар Рэзмер [3, с. 127–129], попытка анализа истории ментальности солдат и офицеров данного воинского соединения предпринята в очерке Ярослава Неи [2, с. 291–298].

В декабре 1918 г., с прибытием французской военной миссии во главе с генералом Пьером Жаненом, произошло изменение субординации: польские подразделения, выйдя из-под чешского влияния, перешли в подчинение к французскому командованию. Создание 5-й польской стрелковой дивизии проходило в Новониколаевске вплоть до мая 1919 г., т. е. до того момента, когда командование польских войск в Сибири издало указ об окончании её формирования. Данное воинское подразделение изначально имело синтетический характер. В его рядах находились потомки ссыльных участников освободительных восстаний XIX в., переселившиеся в 1906–1910 гг. от безземелья крестьяне, беженцы с театра военных действий Первой Мировой войны, солдаты армий европейских государств польской национальности, находившиеся доселе в лагерях для пленных. Для всех них армия под национальным флагом являлась символом возвращения к свободе, вселяла надежду на возвращение в Польшу [2, с. 293]. После подписания в марте 1918 г. Брестского мирного договора многие из польских солдат не скрывали своих намерений и не желали оставаться в Сибири в то время, когда на родине происходил процесс возрождения национальной государственности. Те же, кто корнями своими уже врос в сибирскую землю, имел здесь положение в обществе, с подобными выводами не торопились и желали в составе воинских соединений восстановить старый порядок с тем, чтобы оставаться здесь и далее. По воспоминаниям участников событий, представители вышеуказанных групп друг к другу относились с недоверием. «Чубарики», или поляки из

России, и «австрийцы» или «немцы», как первые называли бывших пленных, смотрели друга на друга с откровенной неприязнью [6, с. 108]. Следовательно, мы не можем говорить о ментальной идентичности всех участников польского вооруженного соединения.

Позиция адмирала Колчака состояла в попытке склонить командование Войска Польского к отправке польских частей на фронт сражений против Красной Армии, однако в планы польских военачальников такой исход дела не входил. С одной стороны, Александр Колчак, с другой – главнокомандующий войсками коалиции генерал Жанен, пытались полностью подчинить себе не только польские формирования, но и все национальные военизированные организации в Сибири. Полковник Чума, начальник штаба польских войск в России, надеялся на скорейшее возвращение польских соединений в Польшу. Он, как и большинство высших офицеров в Войске Польском, придерживался мнения, что вмешиваться во внутренние дела России, в том числе в Гражданскую войну, не имеет смысла, а войскам следует как можно быстрее покинуть пределы Российского государства и через Дальний Восток, морским путем переправиться на родину. По их мнению, польские легионы нужны были в самой Польше, для защиты её национальных интересов. Участие 5-й стрелковой дивизии в военных действиях в Сибири воспринималось ими как вынужденная жертва, приносившаяся, может быть, опосредованным образом, делу независимости возрождавшейся Польши. Само же польское правительство и командование Войска Польского так и не заняли определенной позиции в отношении 5-й стрелковой дивизии. В апреле 1919 г., по данным «Репорта о состоянии польских войск в Восточной России» от 30 апреля 1919 г., в Сибири насчитывалось 705 польских офицеров, 33 врача, 36 чиновников, 9998 унтер-офицеров и рядовых [5, с. 560].

Как уже было сказано выше, боевой и моральный дух польских военных нельзя было назвать единонаправленным и монолитным. Для его поддержания, для формирования патриотического мировоззрения польских военных при штабе командования Войска Польского в Новониколаевске была учреждена специальная культурно-просветительская комиссия, филиалы которой создавались во всех подразделениях Войска Польского в Сибири. Инструкторами, осуществлявшими культурно-просветительскую деятельность, чаще всего являлись офицеры и прапорщики, ранее когда-либо занимавшиеся педагогической деятельностью. Ежеженедельно по вторникам имели место совещания комиссии, где представлялись отчеты о проделанной работе и планы занятий на следующую неделю, а каждую среду в офицерской столовой Роман Дыбоский, впоследствии ставший профессором истории, организовывал для офицеров лекции на темы польской истории и литературы. В годовщину важнейших исторических событий и национальных праздников проводились вечера и торжествен-

ные мероприятия. В дивизии был создан солдатский театр; основателями его стали Чеслав Каден и Артур Соха, который по завершении политических батальев стал профессиональным актером Национального театра в Варшаве. Так, в 509-ю годовщину битвы под Грюнвальдом в открытом поле под Новониколаевском была осуществлена костюмированная постановка по мотивам «Крестоносцев» Генрика Сенкевича. [2, с. 297]. Немаловажную роль в поддержании патриотического мировоззрения играли открытые заседания польско-литовского союза, приглашавшие всех поляков и литовцев принять участие в обсуждении текущих проблем. Собрания проходили в школьном помещении при местной католической церкви [4]. Несмотря на существовавшие разногласия между общественными национальными организациями, политическими союзами и обществами, был создан «Совет соединенных польских организаций», куда вошли представители Польского общества помощи жертвам войны, римско-католического благотворительного общества, союза военнослужащих поляков и местного польско-литовского союза. Костельные своды принимали всех, а местный настоятель, Юстин Юркун, делегированный в Сибирь для оказания помощи польским беженцам, не препятствовал проведению литературно-музыкальных вечеров в помещении церковной школы [4].

Принимая во внимание сложный социальный состав военнослужащих (Ярослав Нея характеризует его так: «... это была специфическая среда, чрезвычайно дифференцированная по своему составу») [2, с. 292] и неоднозначную политическую обстановку в России и Сибири, особенную актуальность приобрели неполитические методы работы с военнослужащими, поставленными под знамена национального воинского соединения. Спектакли, публичные лекции, музыкальные вечера преследовали конкретную цель: формирование и поддержание морального облика солдат.

1. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 344; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 99, 802, 866, 963, 1001.

2. Нея Я. Об истории создания 5-й польской стрелковой дивизии в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 291–298.

3. Рэзмер В. Польские военнопленные в большевистском плену в Сибири в 1920–1922 гг. // Сибирско-польская история и современность. Иркутск, 2001. С. 127–129.

4. Хроника // Голос Сибири. 1917. 1 августа; 27 октября; 9 ноября.

5. Baginski H. Wojsko polskie na Wschodzie. Warszawa, 1921. S. 560.

6. Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Syberii 1915–1921. Warszawa, 1922. S. 108.

Цит. по: Нея Я. Об истории создания 5-й польской стрелковой дивизии в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.

**«ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА»: ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО ФОНДА
СОВЕТСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО РЕЖИССЕРА В. Ф. ТОРСКОГО**

В последние десятилетия заметно возрос интерес исследователей к истории мировых и локальных войн, к человеку на войне и в условиях войны. Этот интерес во многом определила теоретико-методологическая динамика военной истории и такого направления в исторической науке, как военно-историческая антропология. Последняя разрабатывает проблему «человек и война» как междисциплинарную, требующую системного подхода, на стыке истории, психологии, социологии, культурологии. В рамках военно-исторической антропологии (ее предмет – «человеческое измерение войн») стало возможным изучение человека и его культуры сквозь призму войны. Война выступает здесь некой «пограничной ситуацией», в экстремальных условиях которой вскрывается/обнажается, изменяется/ломается духовный и материальный мир людей.

Какую роль в жизни советского театрального режиссера В. Ф. Торского сыграл фактор войны, какое влияние данный фактор оказал на характер и особенности профессиональной деятельности этого необыкновенного человека? Проанализировав материалы личного фонда, биографию режиссера, попытаемся это выяснить.

Личный фонд режиссера содержит бесценную информацию о Торском и о людях, окружавших его, о театре, повседневности, нравах, жизненных практиках России дореволюционной и советской [1]. В фонде хранятся копии и подлинники фактически всех известных видов источников. Для нас важными оказались: документы режиссера (паспортные книжки, трудовые списки, личный листок по учету кадров), делопроизводственная документация с мест работы (в частности командировочные удостоверения, справки, выписки, сопроводительные письма), материалы личного происхождения (автобиографии, воспоминания, письма, записные книжки), вырезки газет, визуальный ряд (фотографии). Источники личного происхождения потребовали особого внимания: более критичного подхода к получаемым фактам, предварительной эвристической и уточняющей работы с архивными материалами и отраслевыми исследованиями [3]. Учет социокультурного и политического контекста каждого изучаемого периода, знание биографической канвы и особенностей характера Торского, стремление к объективному анализу субъективных авторских характеристик времени и себя (с особым вниманием к тому, когда писались автобиографии и воспоминания), а также корреляция с другими источниками позволили сделать следующие первоначальные выводы.

В. Ф. Торский (1988–1978) – русский, советский актер, режиссер, заслуженный артист РСФСР (1934), настоящая фамилия Иоралов. Родился

в Екатеринодаре, рос и воспитывался в Москве в атмосфере любви к театру и музыке. Отец, Федор Давидович, был дружен с братьями В. С и К. С. Алексеевыми (К. С. Станиславский) и не однократно принимал участие в их домашних театральных спектаклях/вечерах («Алексеевский кружок»); мать, Лидия Павловна, окончила Московскую филармонию по классу рояля. В доме Иораловых всегда было много людей искусства. Это определило выбор творческого пути Владимира Федоровича.

Торский был свидетелем/современником трех войн – Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной – и каждая оставила свой особый след в судьбе этого «невоенного» человека. Мы же на данном этапе нашего исследования подробно остановимся на влиянии первых двух, так как, на наш взгляд, именно в период с 1914 по 1922 гг. не только в жизни и творчестве, но и в характере Торского происходят наиболее заметные перемены.

К началу Первой мировой войны В. Ф. Торский – образованный молодой человек. Он учился в гимназических (и один год в студенческих) классах Лазаревского института иностранных языков, окончил юридический факультет МГУ. Торский – сформировавшийся актер. Он уже имел 5-тилетний стаж работы, обучения/самосовершенствования под руководством известных деятелей театра М. М. Климova и В. В. Максимова в Москве, Н. Н. Синельникова в Краснодаре, К. Н. Незлобина в Риге. Театр, по словам будущего режиссера, стал необходим ему «как духовно, так и материально» (после смерти отца в 1911 г. театр стал основным источником дохода для него, его молодой жены, матери и сестры).

Война застала Торского в Риге, к городу приближались немцы. Владимиру Федоровичу пришлось оставить интересную, «доставляющую внутреннее удовлетворение», разнообразную/многоплановую работу в труппе К. Н. Незлобина. Мэтр не признавал амплуа, у него актер примерял на себя самые неожиданные маски, играл все мыслимые роли. Торский с сожалением вспоминал, что такой уникальной возможности у него больше не было.

После короткой поездки по Сибири вместе с актерами театра Корша по рекомендации Бюро по трудоустройству театрального общества (РТО) В. Ф. Торского приняли в театр под руководством А. П. Двинского в Казани (1915 г.). Здесь актеру пришлось попасть на военную службу. Торский был единственным сыном в семье, поэтому по старым законам не подлежал призыву в армию и автоматически зачислялся в ратники ополчения 2 разряда. Учитывая это, его закрепили за артиллерийской бригадой вольноопределяющимся (он пользовался привилегиями, жил дома). Прослужив две недели, Торский заболел, попал в лазарет, получил три месяца отсрочки, уехал в Москву.

В Казань и на военную службу Торский не вернулся. Помог А. И. Южин, сделавший очередную отсрочку и порекомендовавший его в театр А. А. Туганова «Тарто» в Тифлисе, где актер работал с 1916 по 1918 г. Здесь он участвовал в создании Союза профессиональных сценических деятелей, был заместителем председателя союза (оперного артиста, баритона А. М. Брагина), был также представителем Союза в Совете рабочих и солдатских депутатов. Этот факт позволяет сделать вывод, что Торский пользовался уважением и доверием товарищей, и, как покажет дальнейшая его организационная работа, соответствовал им качественно. Интересную творческую и общественную деятельность прервал меньшевистский переворот. Владимир Федорович вспоминал, что меньшевики-грузины – националисты и шовинисты – переименовывали улицы города, вмешивались в репертуар, требовали от русских актеров знания грузинского языка, на этой почве случались скандалы, после одного из них Торского, Брагина и еще несколько артистов в трехдневный срок выслали из Грузии.

Так, в условиях Гражданской войны, начался следующий этап жизни и творчества В. Ф. Торского, потребовавший от него не мало находчивости и смекалки. Авантюрные, трудные, опасные путешествия по югу страны в самый разгар интервенции и военных столкновений (Тифлис – Одесса, Одесса – Екатеринодар – Одесса – Екатеринодар – Ростов-на-Дону), частая смена театральных коллективов, участие в восстановлении театров и активная общественная деятельность в разных городах были вызваны необходимостью духовного и физического выживания в том хаосе, который породила «братоубийственная» война.

Осенью 1918 г. Торский приезжает в Екатеринодар, К. А. Давыдовский пригласил его во вновь формируемую театральную труппу. Он впервые официально служил как очередной режиссер, это было очень интересное начало деятельности не случайных разовых постановок, а постоянной режиссуры. По воспоминаниям Торского, «работали очень интересно, репертуар разнообразный, и классика, и развлекательный». В своем родном городе режиссер бенефисным спектаклем отметил 10-летие сценической деятельности. В Екатеринодаре в это время – соединение всяких властей. Официальная власть – Кубанская социальная рада (меньшевики), продолжал существовать институт наказного атамана Войска Кубанского, и, наконец, Деникин и Добровольческая армия. Эти три начала друг друга ненавидели, иногда случались стычки, горожане оказались втянуты в клубок политических противоречий. Немного сглаживали ситуацию профсоюзы, которые благодаря социальной раде продолжали свое существование. Торского избрали председателем профсоюза сценических деятелей, когда узнали о его опыте в Тифлисе. Режиссер оправдал доверие своих коллег, в этом качестве он спас от мобилизации в Деникинскую армию многих людей (не только театральных деятелей). Тор-

скому удалось договориться с начальником мобилизационного отдела, после чего актеров и театральные деятели без согласия председателя Союза в армию не брали. Через одного из актеров-большевиков Торский наладил контакты с подпольем большевистской партии, это сотрудничество и посильное содействие акциям подпольщиков было первым проявлением лояльности режиссера к советской власти.

По окончании зимнего сезона 1918 г. Торский получил приглашение составить труппу для работы в Феодосии. Режиссер отправляется в Одессу, где в это время находилось много интеллигенции, известных артистов. За два дня пребывания в городе Торский увидел всю картину, которую Л. И. Славин описывает в «Интервенции». Когда впоследствии пришлось ставить эту пьесу в театре, по его словам, он просто наслаждался, для него это было так знакомо: типы и люди, образы, неразбериха, скопление сил интервентов (англичан, французов, итальянцев), постоянная готовность защищаться (Торский всегда ходил с револьвером!). Обратный путь в Екатеринодар вспоминался режиссером спустя 50 лет как опасное, но захватывающее приключение, в котором он проявил себя достойно.

Завершив летний сезон в Краснодаре, Торский уезжает в Ростов-на-Дону, город театальный, где работала сильная, хорошая труппа. Торский остается в ней как актер и режиссер, организует драматическую студию (уже третью, первая – в Тифлисе, вторая – в Екатеринодаре). В Ростове в это время тяжелая обстановка, город был в руках деникинской армии. Театральных деятелей спасало то, что они числились за Алексеевским комитетом (общество, организованное вдовой генерала Алексеева в помощь больным и раненым военным Добровольческой армии) и отчисляли в его фонд 60 % сборов. Когда началось отступление белых, группа мхатовцев во главе с В. И. Качаловым, О. Л. Книппер, М. М. Тархановым (они давали сборные концерты в Ростове) уговаривали Торского поехать с ними за границу. В воспоминаниях Торского находим такой ответ: «Я никогда не поеду. В свое время все придет в норму».

Атмосфера в Ростове сгушалась до предела, продовольствия не хватало, началась всеобщая мобилизация. Стал вопрос: что делать? Торскому приходит фантастическая идея! Он составил список из 218 работников театра и предложил коменданту утвердить коллектив театра (во главе с ним) в качестве дружины по охране порядка. Когда стало известно о предстоящем наступлении красных, труппа забаррикадировалась в театре. Торский вспоминает: «Я вел себя как диктатор, так как понимал, если распустить, то здесь будет бог знает что» [2, л. 60]. Положение сложное, документов нет. Наконец, в городе появились буденовцы, режиссер отправился в комендатуру красных, куда его категорически не хотели пропускать часовые. Торский так поговорил с часовыми, что его быстро пустили к коменданту. В ответ на свое приветствие и представление он услышал

от коменданта грубую брань и обвинения в том, что актеры – «мерзавцы, буржуев здесь развлекали». «Я слушал, слушал, – вспоминает Торский, – Характер у меня не очень спокойный. Я как стукну кулаком, как крикну: «Да что ты орешь, ты выслушай сначала, а потом ругай!»... Я рассказал, как мы 218 человек сохранили театр, как пришли, а вы так встретили. Он сразу переменялся... дал винтовок... началась осада театра» [2, л. 62]. Вскоре В. Ф. Торского, учитывая его прежние заслуги, на собрании союза театральных деятелей и большевистских подпольщиков избрали уполномоченным политотдела 1-й Конной армии, он возглавил всю работу по сохранению театров Ростова и Нахичевани. «Началось очень интересное время..., – рассказывает Торский, – в это военное время ... в театре были Ворошилов, Буденов, Тухачевский, Ордженикидзе, Пархомин ... репертуара у театра не было... мы играли без денег...» [2, л. 67]. Во время прорыва белых Владимир Федорович остался в городе с поручением от политотдела. Через три дня вернулись красные, начали организовывать учреждения, отделы народного образования, Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Торский был избран в первый Совет, был делегатом общего съезда Советов, был председателем директории театра (фактически все руководство театром пало на него, так как директория состояла из него, представителя от отдела народного образования и буафора). У Торского была своя театральная студия (первая комсомольская студия). Ничего подобного в тех краях не было! Кроме того, благодаря стараниям В. Ф. Торского в Ростове-на-Дону был создан «Театр им. А. В. Луначарского» (сейчас театр им. М. Горького). Торский пригласил возглавить театр находящегося в это время в Новочеркасске Н. Н. Синельникова, вместе с великим режиссером и учителем они открыли театр пьесой А. В. Луначарского «Королевский брадобрей».

С чувством глубокого сожаления и даже обиды, Владимир Федорович отмечает в своих воспоминаниях, что почему-то имя Луначарского исчезло из названия театра, а имя самого Торского не удостоено даже краткого упоминания в книгах по истории Ростова-на-Дону. «Я был в коллегии отдела народного образования, членом правления Рабиса и заведующим военным столом ... В Ростове не было места, где я не принимал участия, ... я еще играл в спектаклях!» [2, л. 71]. Такова судьба памяти о героических поступках невоенного человека «второго плана» на войне и в условиях войны (внутри нее).

Подведем итоги. Проведенное исследование показало, что фактор войны сыграл в жизни В. Ф. Торского двоякую роль. С одной стороны – негативную. Войны, совпав с революционными событиями, нарушили привычный миропорядок, лишили прежнего социального статуса и возможностей творчества в качестве разнопланового актера, поставили перед необходимостью выживать в экстремальных условиях. С другой сто-

роны – позитивную роль. В 1914–1922 гг. формируются основные личностные и профессиональные качества Торского, определившие его дальнейшие жизненные и творческие позиции. В хаосе и неразберихе Гражданской войны выкристаллизовались и закрепились такие характерные черты Торского, как огромная сила воли и самообладание, харизматичность, коммуникабельность, способность идти на благородный риск, умение организовать, а в критических ситуациях отвлечь и поддержать людей. В творческом плане также значительные перемены. Владимир Федорович профессионально растет, работает как актер и очередной режиссер, формирует театральные труппы, создает театры, транслирует свои творческие идеи и накопленный опыт через созданные им же театральные студии.

1. РГАЛИ Ф. 2666. Оп. 1. – 114 д., 2. – 266 д.

2. РГАЛИ Ф. 2666. Оп. 1. Д. 9.

3. Яневская С. В. Омский драматический. Омск, 1975; Она же. Омский драматический. Омск, 1983; Она же. Омский академический от истоков. Омск, 2004.

А. Г. Дианов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННО-ОКРУЖНЫХ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИХ ИНСПЕКЦИЙ В СИБИРИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА

Вопрос о деятельности военно-окружных рабоче-крестьянских инспекций (РКИ) в Сибири относится к числу малоизученных: историки не посвятили их деятельности ни одной специальной статьи. Однако этот вопрос представляет значительный интерес в связи с изучением существенных сторон функционирования армейской системы в начале 1920-х гг.

Военный контроль пришел в Сибирь вместе с частями Красной Армии в 1919 г. Отделения государственного контроля различных подразделений армии сыграли значительную роль в организации органов гражданского контроля во всех губерниях Сибири. Военно-окружной контроль Западно-Сибирского военного округа стал действовать с 30 января 1920 г. в Омске. Формирование рабоче-крестьянской инспекции Восточно-Сибирского военного округа и 5-й армии завершилось лишь в июне 1920 г. [6]

Контрольные органы в Красной Армии были созданы для проверки законности использования денежных и материальных средств боевых частей, штабов, хозяйственных подразделений, госпиталей, военкоматов. Они должны были осуществлять предварительную, фактическую и последующую ревизию. В их задачу также входил контроль за своевременным

снабжением личного состава, за санитарным состоянием казарм и госпиталей. Важным направлением деятельности контрольных органов с преобразованием государственного контроля в рабоче-крестьянскую инспекцию весной 1920 г. стали привлечение к работе в инспекции красноармейцев и деятельность окружных бюро жалоб. Для осуществления этих задач, помимо отделений в городах, где находились штабы военных округов, были созданы военные отделения рабоче-крестьянской инспекции во всех губернских центрах и отделения РКИ в дивизиях и бригадах.

Весной 1921 г. с переходом к нэпу происходит сокращение численности военно-окружных отделений РКИ. С мая по июнь 1921 г. самостоятельные военные отделения, существовавшие во всех губерниях Сибири, были преобразованы в военные отделы в составе гражданских губернских РКИ, а штаты их сокращены в 2–3 раза. Сокращается личный состав отделений РКИ при дивизиях и бригадах [2]. Сужаются по сравнению с периодом военного коммунизма и функции рабоче-крестьянской инспекции. Она освобождается от предварительной ревизии денежных оборотов. Основное внимание инспекция сосредоточивает на работе в Укпродарме, Уксанарме, военно-хозяйственном управлении, где постоянно работают представители РКИ.

Если в период военного коммунизма плановые ревизии были редкостью, то со второй половины 1921 г. они становятся регулярными. Инспекционно-ревизионная деятельность в тех учреждениях, где не было представителей РКИ, с переходом к нэпу приобрела исключительно контрольный характер. Проверялась работа учреждения только по одному направлению деятельности. Главное внимание уделялось хозяйственным операциям по учету и хранению денежных и материальных ценностей. В тех учреждениях, где имелись представители РКИ, ревизионному наблюдению подвергалась вся деятельность этих учреждений.

Отрицательное влияние на результативность работы инспекции оказывала частая смена руководителей инспекции. В РКИ ВСВО и 5-й армии в 1921 г. начальник менялся трижды. Ослабил инспекцию и перевод летом 1921 г. наиболее квалифицированных работников из военно-морской РКИ Сибири и Западно-Сибирского военного округа (ЗСВО), РКИ Восточно-Сибирского военного округа (ВСВО) и 5-й армии в СибРКИ по распоряжению возглавлявшего ее представителя НК РКИ в Сибири А. Перчихина [3].

Авторитет РКИ страдал от вмешательства в ее оперативную деятельность руководителей военных округов и ряда злоупотреблений со стороны сотрудников инспекции. Наиболее вопиющий случай произошел осенью 1921 г. в РКИ ВСВО и 5-й армии, где на краже казенного мяса попался начальник отдела фактической ревизии, который был вскоре расстрелян [4].

В течение 1922 г. штаты военных РКИ сокращались несколько раз, и в конце 1922 г. в военных РКИ Сибири работало 108 человек против 540 человек в начале 1921 г. РКИ вынуждена была сосредоточить почти все ревизионные силы на плановых обследованиях по заданиям НК РКИ. Так, например, за третью четверть 1922 г. РКИ ЗСВО провела по заданиям НК РКИ 6 обследований. При обследовании постановки врачебно-санитарного дела в ЗСВО были проверены все воинские части, госпитали, изоляторы, эвакупункты. По заданиям руководства округа проведено 10 точечных проверок и по своей инициативе – 4 проверки обоснованности жалоб красноармейцев [1].

Работа военных отделов в гражданских губернских РКИ была затруднена резким сокращением их численности. Например, в Иркутском военном отделе работало 3 человека, в Якутском – 4 человека. Отрицательно сказывалась на работе военных отделов их двойная подчиненность, поскольку они входили в состав гражданских губернских РКИ и подчинялись заведующему губернской РКИ. Кроме того, сотрудников военных отделов зачастую использовали на работах, не связанных с обследованием военных частей и учреждений. Военным отделам было значительно сложнее, чем окружным, добиться устранения выявленных недостатков. Командиры частей и учреждений, находящиеся на значительном расстоянии от командования военных округов, ссылаясь на объективные трудности, часто отказывались устранять замечания инспекторов РКИ [5].

Подводя итоги результативности контрольно-ревизионной деятельности военных РКИ Сибири в первые годы нэпа, следует отметить, что поставленные перед РКИ задачи были выполнены лишь частично. Это было связано как с недостатком контрольных работников, низким уровнем их квалификации, так и с отсутствием налаженного механизма реализации ревизионных предложений. Очень часто материалы ревизий были для командования не руководством к устранению недостатков, а информацией о положении дел в войсках и военных учреждениях.

-
1. ГАНО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 69. Л. 2, 6–9; Д. 71. Л. 123.
 2. ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 2. Д. 265. Л. 144; ГАКК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 41. Л. 59; ГАНО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 15; Д. 28. Л. 29.
 3. ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 2. Д. 866. Л. 18–19; ГАНО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.
 4. ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 2. Д. 866. Л. 19.
 5. ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 2. Д. 865. Л. 8, 144; ГАНО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 15, Д. 30. Л. 74. Д. 120. Л. 77.
 6. Дианов А. Г. Становление военно-окружных рабоче-крестьянских инспекций в Сибири (февраль – август 1920 г.) // Человек и война. XX в.: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории. Омск, 2002. С. 107–109.

ВОЕННЫЙ ФАКТОР В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ В 1928–1930 ГОДАХ

Конец 20-х гг. XX в. стал драматичным этапом в истории советского крестьянства, за которым современная историография прочно закрепила эпитет «трагедия». Этатизация аграрного сектора, выразившаяся в политике раскулачивания и коллективизации, проводилась во многом по военному сценарию, как в отношении применения армейских подразделений для подавления крестьянских волнений, так и методах воздействия на деревню.

Призрак войны витал над черноземной деревней на протяжении всех лет нэпа. Но острее всего крестьяне почувствовали его во время хлебозаготовительного кризиса 1927–1928 гг. Резко увеличенный объем хлебозаготовок по очень низким ценам сопровождался увеличением сельхозналога, многочисленными обязательными внутренними займами и самообложением. В Орловской губернии сельхозналог с 1870 тыс. руб в 1925/26 г. увеличился до 3920 тыс. руб к 1928/29 г. [1, л. 130]. Массированное экономическое наступление на деревню сопровождалось применением репрессивных мер для всех категорий крестьян. Административные «перегибы» (термин партийной печати), были реконструкцией практики «военного коммунизма» с подворными обходами, конфискацией хлеба, арестами, выставлением заградительных отрядов против перекупщиков хлеба на границах губерний и т. д. Провинциальные партработники в большинстве приветствовали эти меры и воспринимали их как перестройку на военный лад: «Мы перешли от спячки к действительной работе по-большевистски» [2, л. 110].

В деревне вновь поползли слухи о войне, с ними связывали надежду на падение советской власти: «Начнется война, придет другая власть и крестьянину будет жить вольнее» [3, л. 19]. Сводки отмечали преобладание пораженческой позиции у крестьян, они все чаще ассоциировали новую власть с бывшим крепостным правом. Неприятие большевиков становилось для них очевидным. По данным ОГПУ, в Центрально-Черноземной области с 1 января до середины декабря 1929 г. состоялось 94 массовых выступлений. Самыми яркими были события 30 октября – 3 ноября 1929 г. в Ивнянском районе Белгородского округа с более 17 тысячами участников, называвшими свои действия «восстанием». В отчаянном протесте приняли участие женщины и дети. На подавление крестьянского выступления прибыли вооруженные отряды коммунистов. Член бюро обкома ВКП(б) А. Г. Ремейко констатировал: «Мы имеем... единый фронт в деревне» [5, с. 43]. В конце 20-х гг. власть использовала преимущественно военные понятия для описания взаимоотношения с крестьянством. Основным видом сопротивления был крестьянский террор. За первые полгода 1929 г.

в Центральном Черноземье произошло 313 актов насилия со стороны крестьян [6, с. 921].

Нарастание напряженности в провинции заставляло власти принимать решительные меры к обеспечению собственной безопасности. Одной из них стало создание боевых коммунистических отрядов. В январе 1930 г. обком ВКП(б) Центрально-Черноземной области принял секретное постановление «О коммунистических отрядах при парткомах», которое обязывало окружкомы и райкомы иметь скрытые, обученные военные звенья. Выполняя постановление обкома, окружкомы отдали приказ райкомам создать при Осоавиахиме боевые отряды и организовать их обучение стрелковому делу. При райкомах создавались отряды по 25 человек во главе с командирами Красной Армии [4, с. 58].

Превентивные меры были не напрасны. В оперсводке СОУ ОГПУ от 10 марта 1930 г. сообщалось о ликвидации «контрреволюционной повстанческой организации» в с. Скородном Старо-Оскольского округа. Повстанческая организация в селе Первая Старая Чигла Анненского района Усманского округа вела открытую агитацию за свержение советской власти, организовывала массовые выступления и террористические акты. Бывшие активные оппозиционеры приносили свои отлаженные принципы дореволюционной борьбы. Организация в Бобровско-Дворском районе Старо-Оскольского округа, возглавленная эсером, в прошлом руководителем восстания, вела антисоветскую агитацию, разбрасывала листовки с призывом к новому восстанию, угрожала бедноте, срывала собрания. В Белгородском округе была ликвидирована организация, построенная по принципу дореволюционных эсеровских кружков, во главе которой стоял бывший офицер и правый эсер. [7, с.246–247].

По данным ОГПУ, к 24 апреля 1930 г. в Центральном Черноземье было ликвидировано 14 контрреволюционных организаций с 276 участниками, 340 группировок с 2662 участниками, помимо этого арестовано 7092 человека, обвиненных в экстремизме [7, с. 140]. Размах крестьянских волнений означает, что в выступлениях участвовали представители разных социальных групп крестьянства, а не только зажиточно-кулацкая часть, как утверждалось в официальных документах и в советской историографии. Динамика крестьянской борьбы напрямую зависела от политических кампаний власти. Если в первой половине 1929 г. наибольшее число выступлений возникало из-за хлебозаготовок, то в конце 1929 – начале 1930 г. подавляющее их число приходилось на коллективизацию и раскулачивание.

В своем докладе в Москву 18 февраля 1930 г. о ходе коллективизации Варейкис, секретарь обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области, указывал на «грубые извращения» в практической работе по раскулачиванию: «Раскулачивание некоторых середняков, школьных работ-

ников, семей красноармейцев, красных партизан». Были случаи раскулачивания хозяйств старых коммунистов, советских работников, попытки «прижать хозяйства комсомольцев, агрономов» и др. У кулаков отбирали «буквально все, вплоть до детского белья» [8, с. 295].

Неудивительно после этого, что в Центральном Черноземье с декабря 1929 г. по 14 февраля 1930 г. произошло 38 крестьянских выступлений, в которых приняло участие более 25170 тыс. человек. В связи со сложившейся обстановкой для «проведения операций по кулачеству» весной 1930 г. был сформирован 11-й Воронежский кавполк ОГПУ численностью 581 сабля. Кроме того, в регион из Москвы направили сроком на 2,5 месяца дивизион (273 человека) отдельной дивизии особого назначения [8, с. 801, 803, 809]. Наиболее крупные крестьянские выступления подавлялись частями Красной Армии. Так, мощные волнения крестьян 29 января 1930 г. в с. Подсередное, 31 января в с. Казацкое, 1 февраля в с. Стрелецкое (Алексеевский район Острогожского округа) подавлялись с пулеметами подразделениями 57-го стрелкового полка. 2 февраля в селах Репенка и Маровка соседнего Буденновского района произошло крестьянское восстание на почве коллективизации под лозунгами: «Отдайте нам обобществленных лошадей!», «Не мешайте нам и мы не будем мешать вам»; на усмирение направили батальон 57-го полка [7, с. 300].

Политика насильственной коллективизации, сопровождавшаяся сильнейшим административным нажимом и рядом репрессивных мер, не могла обойтись без военного обеспечения, выражавшегося как в формах воздействия на крестьянство, так и в непосредственном присутствии военных соединений. Трагичным остается тот факт, что внутренним врагом власть считала крестьянство в целом, несогласное стать сырьевым придатком в индустриальном государстве. Движения сопротивления черноземного крестьянства, несмотря на свой размах, были локальными и разрозненными. Военно-репрессивный механизм подавил крестьянство, но не в состоянии был поставить крестьян на службу государству.

-
1. ГАОО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 2109.
 2. ГАОО. Ф. П–48. Оп. 1. Д. 282.
 3. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. П–1. Оп. 1. Д. 2036.
 4. Есиков С. А. Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929–1933). Тамбов, 2005.
 5. Загоровский П. В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928–1934. Воронеж, 1995.
 6. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 2000. Т. 2.
 7. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 2000. Т. 3. Кн. 1.
 8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. М., 2000. Т. 2. С. 230–231.

РОЛЬ АРМЕЙСКИХ БИБЛИОТЕК В ПОЛИТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

С первых дней существования Красной Армии партийно-советским и военным руководством страны уделялось значительное внимание политико-массовой работе среди военнослужащих, направленной на их политическое воспитание в надлежащем духе и распространение марксистского мировоззрения. Этой деятельностью в вооруженных силах страны под руководством политических органов занимались, в том числе, красноармейские культурно-просветительные учреждения – школы, клубы и библиотеки.

Библиотечная сеть в РККА начала формироваться в годы Гражданской войны и на протяжении первой половины 1920-х гг. неоднократно подвергалась определенным организационным изменениям.

Одной из важнейших задач армейских библиотек являлась, как говорилось в официальных документах того времени, «выработка в читателе пролетарского сознания и коммунистического мировоззрения» [8, с. 9]. Отсюда, чтение красноармейцев сразу стало направляться государством в нужное ему русло. Для этого использовались разнообразные формы работы с читателями.

Основным методом массового руководства чтением объявлялась широкая постановка выставочной и справочной работы библиотек. Например, в рассматриваемый нами период в Западно-Сибирском военном округе активно внедрялись в практику: организация собраний читателей, где делались доклады о книгах и их содержании, «вечеров вопросов и ответов» по прочитанным произведениям; постановка агитсудов над книгами и «нечитанием»; функционирование «стола справок» и книжных выставок, а также издание стенгазет, рукописных журналов и красочно оформленных списков рекомендуемых книг [4]. В целях пропаганды книги и чтения в среде военнослужащих, организовывались различные экскурсии, например, в крупнейшие гражданские библиотеки или типографии, чтобы показать «процесс рождения книги» [5, л. 53].

Для того чтобы «подвести под красноармейскую библиотеку прочный фундамент», создавались различные кружки – литературный, библиотечный, «друзей книг», где работа проходила на более высоком уровне [6].

Во многих воинских частях организовывались читальни, где чаще всего проводились так называемые «громкие читки», т. е. чтение вслух произведений научной, художественной литературы и наиболее важных газетных материалов. Это чтение неизбежно сопровождалось разъяснительными беседами на соответствующие темы [7]. В условиях малогра-

мощности значительной части личного состава армии и при нехватке литературы, такая форма работы стала наиболее удачной в деле распространения заранее подобранной информации.

Постепенное внедрение в практику красноармейских библиотек книжных каталогов также способствовало правильному, с точки зрения официальной власти, формированию читательского интереса и установлению государственного контроля за ним, так как в каталог попадали только те книги, которые проходили цензурный отбор.

При этом вся работа основывалась на популяризации политики партии и Советского государства и наиболее ярко освещалась политическая, антирелигиозная и сельскохозяйственная проблематика.

Безусловно, деятельность любой библиотеки во многом зависит от состояния ее книжного фонда. Используя библиотеку как важный способ идеологического воздействия на массы, партийно-советское руководство всегда обращало серьезное внимание на формирование книжного репертуара в стране.

Фонды красноармейских библиотек создавались централизованно, исходя из интересов и политико-идеологических установок правящей партии. Первоочередной являлась задача заполнить библиотеки РККА большим количеством новейшей послереволюционной литературой, отвечавшей требованиям времени – изданиями пролетарских поэтов, прозой о революции и Гражданской войне. Но, прежде всего, в них должны были быть представлены работы основоположников марксизма, партийно-советских лидеров, различные пропагандистские брошюры и опубликованные материалы советских и партийных органов. Конечно, произведения дореволюционных авторов тоже присутствовали на книжных полках армейских библиотек, но только те, которые соответствовали новым идеологическим установкам [3].

Однозначному изъятию из библиотек подлежали различные издания от агитационных брошюр до произведений художественной литературы, прямо или косвенно настраивавшие читателей против Советской власти, ее политики и идеологии. В их число входили: религиозная литература, книги по философии, психологии, этике, «враждебные революции, социализму и диалектическому материализму», издания различных политических партий, исторические книги, поддерживающие основы старого строя, многие издания, вышедшие в дореволюционный период [2]. Таким образом, теперь все книги в стране делились на полезные и вредные. Последние, не соответствовавшие большевистской идеологии, либо уничтожались, либо исключались из широкого использования.

Такой жесткий контроль за содержанием книжных фондов в библиотеках РККА приводил к тому, что самыми обеспеченными всегда ос-

тавались отдел общественно-политической литературы и отдел беллетристики [9].

Центральными органами (ПУР, Главполитпросвет) постоянно составлялись и издавались списки книг для комплектования библиотек Красной Армии, специальные библиографические бюллетени с кратким описанием содержания книги и рекомендациями к использованию. Причем, учитывая низкий образовательный уровень потенциальных читателей, в этих указателях содержались такие характеристики: «...буквы большие, печать хорошая, книга легко читается и доступна для понимания» [1].

Таким образом, пересмотры и «чистки» книжных фондов, составление рекомендательных списков книг и библиографических указателей, специфические формы работы с читателями – все это было направлено, как отмечалось в документах того времени, на «воспитание всесторонне развитой личности», но в реальности – формирование личности определенного типа, «нового человека» Советского общества. Библиотека, с ее возможностями влиять на сознание населения, стала для партийно-советского руководства надежным проводником идеологических установок партии в широкие массы красноармейцев.

1. ГАРФ. Ф. А–2313. Оп. 5. Д. 1. Л. 3–5; РГВА. Ф. 9. Оп. 12. Д. 32. Л. 15, 16, 18, 19, 25, 25об, 26, 26об, 28–31.

2. Гладков М. Н. Чистки фондов массовых библиотек в годы Советской власти (октябрь 1917–1939 гг.). М., 2001. С. 15–17; РГВА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 327. Л. 32–34.

3. РГВА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 134. Л. 50–51; ГАОО. Ф. 1392. Оп. 1. Д. 34. Л. 27–66.

4. РГВА. Ф. 9. Оп. 9. Д. 110. Л. 32; Ф. 16. Оп. 2. Д. 46. Л. 5; Д. 68. Л. 30–31; ГАРФ. Ф. А–2313. Оп. 5. Д. 59. Л. 1–5; ГАОО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 175. Л. 132, 132об.; Красноармейская звезда. 1922. 30 сентября; 10 октября; 12 октября.

5. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 850. Л. 53.

6. РГВА. Л. 31; ГАРФ. Ф. А–2330. Оп. 1. Д. 30. Л. 7.

7. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 850. Л. 53; ГАНО. Ф. П–1. Оп. 2. Д. 28. Л. 5; Д. 143. Л. 50; ГАОО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 175. Л. 133; ЦДНИОО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 19. Л. 16; Красноармейская звезда. 1922. 1 сентября.

8. Слуховский М. И. Организация и техника красноармейских библиотек. Пособие для полковой библиотеки. М., 1923. С. 9.

9. Труды I Всероссийского съезда библиотечных работников Красной Армии и Флота. М., 1922. С. 61, 62; Библиотечная работа в Красной Армии. М.; Л., 1926. С. 36, 39; Хлебцевич Е. Изучение читательских интересов широких масс: Из опыта библиотечной работы в Красной Армии. М., 1923. С. 7, 24; РГВА. Ф. 9. Оп. 9. Д. 55. Л. 91; ГАОО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 128. Л. 1об; 11, 30, 52; Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 149, 149об.; Д. 175. Л. 7–9об., 41.

**ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СОВЕТСКОЙ РОССИИ И МОНГОЛИИ
(начало 20-х годов XX века)**

К началу 1920-х гг. внешнее и внутреннее положение Внешней Монголии было не стабильным. Советская Россия, Китай, и особенно Япония, стремились к распространению своего влияния на Халху. При низком культурном уровне и слабом самосознании масс Внешняя Монголия находилась в политической зависимости не только от того или иного государства, но и легко поддавала под влияние различных случайных политических, военных группировок и авантюристов, таких, как китайский генерал Сюйшичжень, атаман Семенов, генерал Унгерн и др. [1, с. 36]. В начале февраля 1921 г. войска барона Унгерна заняли столицу Монголии г. Ургу (ныне Улан-Батор) и восстановили власть главы ламаистской церкви богдо-гэгэна с целью использования его религиозного влияния на местное население. Победе Унгерна и одновременно ликвидации китайской власти в Монголии способствовал национально-освободительный настрой монголов, которые оказывали всяческую поддержку силам, выступавшим против китайцев [3, л.20].

Активные действия Унгерна в Монголии вызвали серьезное беспокойство Советской России. 10 февраля 1921 г. Дальневосточный секретариат Коминтерна постановил: «Захват Унгерном Монголии создает угрозу потери Коминтерном и Советской Россией их революционной базы... Японией создается черный буфер из Приморской области с Семеновым, Маньчжурии с генералом Чжан Цзолинем, Монголии с бароном Унгерном ... боевой задачей Коминтерна и Советской России является разрушение этого буфера, по крайней мере, его монгольского звена» [5, с. 72]. Опасность возросла в связи с тем, что часть светских и духовных монгольских феодалов объединилась с войсками Унгерна и выступила за восстановление автономии Монголии и за прекращение борьбы революционных сил. В ответ на это Временное народное правительство обратилось к правительству Советской России с просьбой о военной помощи.

Заместитель народного комиссара по иностранным делам Л. М. Карахан в своем письме заместителю председателя Реввоенсовета Э. М. Складскому писал: «из последних телеграмм, информирующих нас о положении в Монголии, видно, что последняя все более и более подпадает под влияние Японии и захватывается ею. При фактической оккупации Японией Приморской области, а также агрессивной политики её на Китайско-Восточной железной дороге, откуда она еще до сих пор не изгнана, такой захват Монголии может привести к чреватым последствиям и вся наша работа на Дальнем Востоке ... приведется к нулю» [7, с. 87]. Далее он писал, что требуется немедленная передача оружия и военного снаря-

жения для вооруженных формирований Монгольской народно-революционной партии. [7, с. 88]. Встал вопрос о введении российских воинских соединений в Монголию.

В результате военных действий Экспедиционного корпуса, подержанного монгольскими частями, направленными Временным народным правительством, территория Монголии была освобождена от белогвардейцев. Таким образом, план Унгерна восстановления монархий в Азии и Европе – яркая попытка восстановить традиционное государственное устройство, не имевшая аналогов в новейшей истории – потерпел полный крах [1, с.36]. Монгольская революция 1921 г. явилась продолжением национально-освободительного движения и борьбой монголов за независимость.

Народное правительство Монголии обратилось к Советскому правительству с просьбой не выводить части Красной Армии из пределов Монголии до тех пор, пока не будут укреплены народная власть и ее вооруженные силы [4, с. 48]. Советско-монгольские отношения были закреплены в Соглашении между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружеских отношений от 5 ноября 1921 г., официально признавшем в Монголии народную власть. Ни Китай, ни Япония, ни западные страны не признавали монгольское правительство. Более того, китайские власти намеревались добиться лишения автономии Внешней Монголии, для чего был необходим вывод советских воинских частей с территории Монголии [9, л. 43]. Чжан-Цзо-Лин в телеграмме Пекинскому правительству обвинил русское правительство в неискренности и нежелании выполнить данные обещания относительно освобождения территории Монголии после ликвидации Унгерна. Он обвинил русских также в заключении тайного соглашения с правительством монгольского государства, по которому в руки России перешло фактическое управление Монголией и настаивал на возобновлении переговоров с представителями России о немедленном возвращении Китаю занятых русскими областей Внешней Монголии [9, л. 185]. В этих условиях перед правительством Монголии встала задача создания национальных вооруженных сил. Вследствие ограниченных возможностей военно-экономического положения Монголии эта задача не могла быть решена без содействия и помощи Советской России.

3 августа 1921 г. комиссия военных специалистов 5-й армии закончила работу над проектом организации военной системы в Монголии. В основу проекта был положен принцип территориальности при военных призывах, наличия постоянной кадровой армии, привлечения советских военных инструкторов [6, с. 122]. Изначальное предположение правительства Монголии организовать две бригады территориальных войск вылилось фактически в формирование одной бригады, которая дислоцировалась в Урге и семи отдельных отрядов, подчиненных непосредственно

главкому и находящихся на охране Восточной границы [9, л. 348]. Дислокация монгольской армии была обусловлена необходимостью защиты страны с востока, так как возможность захвата Монголии Китаем и присоединения ее в виде западной провинции к Китаю нельзя было считать беспочвенной. Считаясь с этим положением, монгольское командование около половины армии расположило в направлениях: Урга-Гуй-хуа-чень, Урга-Калган, Урга-Далай-нор, Урга-Цицикар, ст. Маньчжурия со стратегическим резервом в Урге, как правительственным и жизненным центре страны и важным стратегическом пункте [9, л. 255].

Одним из направлений советско-монгольского военного сотрудничества была деятельность советских военных инструкторов в Монголии. В процессе организации монгольской армии советские военные инструкторы сталкивались с огромными трудностями. Недостаток грамотного командирского состава среди монголов, необходимых уставов, пособий по обучению войск на монгольском языке, незнание русскими инструкторами монгольского языка, отсутствие у инструкторов административной власти создавали трудности в работе советских военных инструкторов в Монголии [10, л. 9об]. Специально для подготовки командирского состава в Урге в августе 1921 г. было открыто военное училище, в котором обучалось 84 человека под руководством русских инструкторов Толпыгина и Урусова. Программа обучения в училище была выработана на основе программ подготовки младшего командирского состава Красной Армии применительно к местным условиям. Срок обучения военнослужащих составлял 6 месяцев, и первый выпуск юнкеров был сделан в феврале 1922 г. [10, л. 9].

Таким образом, официальное признание со стороны Советской Россией в начале 20-х гг. XX в. давало Внешней Монголии определенные военно-политические гарантии сохранения государственности. При непосредственной помощи Советской России территория Внешней Монголии была освобождена от белогвардейских банд, произошла революционная смена власти в Монголии, развивалось советско-монгольское военное сотрудничество. Однако политика Советской России была сдержанной, так как существовала опасность вмешательства Китая во внутренние дела Внешней Монголии, поскольку она оставалась ее автономией. Заинтересованность Советской России в стабильной Монголии во многом была обусловлена стремлением укрепить революционное влияние и создать дружественное буферное государство на дальневосточной границе.

-
1. Барон Унгерн в документах и мемуарах. М, 2004.
 2. Батсайхан О. Монгол үндэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911–1946). Улан-Батор, 2007.
 3. Государственный архив Хабаровского края. Ф. п–44. Оп. 44–1. Д. 283. Св. 36.

4. История советско-монгольских отношений. М., 1981.
5. Лузянин С. Г. Монголия: между Китаем и Советской Россией // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2.
6. Лузянин С. Г. Россия-Монголия-Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003.
7. Сибирский архив: архивные документы, публикации, факты, комментарии. Выпуск 2. Иркутск, 2000.
8. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. М., 1975. Т. 1.
9. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 221. Оп. 1. Д. 586.
10. РГВА. Ф. 185. Оп. 6с. Д. 51.

В. Ю. Волошина

РУССКИЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И ГАЛЛИПОЛИ

Массовое бегство из России остатков разбитых белых армий и мирного населения в ходе Гражданской войны сделало актуальными вопросы физического, материального и морально-нравственного выживания русских беженцев. Надеясь на скорое возвращение и стремясь сохранить духовную близость с Отечеством, беженцы создали особый мир русского зарубежья, важным компонентом которого стала система образования. Важную роль в создании последней сыграли русские академические группы (РАГ) ученых эмигрантов, возникшие в 1920–1921 гг. в большинстве европейских стран. Они не только занимались оказанием помощи ученым в поисках средств к существованию и возможности продолжать научные изыскания, но и вели огромную работу по организации начальных, средних и высших учебных заведений для русского юношества. Продолжение образования, прерванного в связи с войной, позволяло вчерашним воинам скорее вернуться к мирной жизни и сохранить культурные традиции вдали от Родины. По данным Центрального Комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей среди русских беженцев оказалось около 20 тыс. не завершивших обучение студентов [2, с. 2].

Интересен опыт работы в этом направлении русских академических групп в Константинополе и его пригороде Галлиполи, которые возникли одними из первых и действовали в экстремальных условиях. По ряду причин этот регион стал промежуточным этапом на пути русских беженцев из России. Во-первых, здесь существовал значительный языковой и религиозный барьер. Русские, с точки зрения ислама, были «неверные». Во-вторых, в условиях подъема в Турции национально-освободительного движения во главе с М. Кемалем Ататюрком, симпатии местного населения были на стороне русской революции, а не ее противников. В третьих,

скопление большого количества вооруженных беженцев дестабилизировало обстановку внутри страны и вызывало беспокойство оккупационных властей Антанты. Турецкое правительство, установившее дипломатические отношения с Советской Россией настаивало на демилитаризации и скорейшем отъезде русских беженцев за пределы этой страны. В этой ситуации продолжение или завершение образования давали надежду на трудоустройство в одной из европейских стран. Из 8949 офицеров Галлиполийского лагеря треть имели среднее образование, а многие до начала мировой войны являлись студентами российских вузов [3, с. 263.]. Вследствие высокого уровня образования большинства русских, по мнению немецкого историка Ганса фон Римша, «они играли в Галлиполи, бесспорно, доминирующую роль, потеснив влияние французов. На улицах городка появились русские вывески и надписи, на домах развивались русские знамена: Галлиполи стал русским городом (в котором русские составляли около 50 % населения)» [1, с. 25].

Академическая группа в Константинополе возникла в начале 1921 г. Её председателем стал бывший профессор Военно-Медицинской Академии Вадим Александрович Юревич. Ученые не стремились и не могли здесь продолжать научную деятельность. Единственным источником существования становилась преподавательская и лекторская деятельность. Усилия ученых были направлены на организацию временных учебных заведений для многочисленной русской молодежи, выброшенной волею судьбы к турецким берегам, чтобы затем при содействии правительств, Лиги Наций и благотворительных организаций перевезти их в славянские страны.

Для людей со средним образованием и недоучившихся студентов создавались систематические курсы по отдельным, в основном, гуманитарным наукам. Читались также эпизодические доклады. Активную лекторскую и преподавательскую работу здесь вели профессор Н. Н. Алексеев, С. К. Гогель, М. И. Догель, приват-доценты и преподаватели П. А. Остроухов, Н. Е. Подтягин, А. В. Поздняков и М. А. Циммерман. В марте 1921 г. группа насчитывала 50 человек, но их усилий не хватало, чтобы удовлетворить потребность изголодавшейся по учебе молодежи.

Недалеко от Константинополя, в Галлиполи, где находился лагерь русских беженцев и части 1-го Армейского Корпуса, в июне 1921 г. возник «Союз бывших младших преподавателей русских высших учебных заведений». Первоначально Союз считался отделением константинопольской РАГ, но с апреля 1922 г. был принят в состав Союза Русских Академических организаций как самостоятельная Академическая Группа. К этому времени она насчитывала 3 почетных члена и 22 действительных, преимущественно ассистентов, лаборантов и оставленных для приготовления к профессорскому званию. В её состав входили такие деятели русской зарубежной науки как В. В. Саханев, Е. Ф. Максимович, Г. И. Ши-

ряев и др. По задачам и характеру деятельности эта организация практически не отличалась от константинопольской группы. Члены Союза преподавали в русской гимназии, в которой обучалось более 200 детей, в военных офицерских школах и училищах. Они организовали общеобразовательные курсы в городе и в лагере. Преподавание здесь не носило систематического характера. Перечень дисциплин, читаемых на курсах, зависел от наличия специалиста по тому или иному предмету. Здесь читали, например, историю новейшей русской литературы (П. С. Савченко), физическую географию (Н. Н. Малышев), метеорологию (В. К. Миронович), русскую историю в период Смуты (Е. Ф. Максимович), общий курс русской истории (В. В. Саханев), историю средних веков и логику (Л. Я. Ганчиков) высшую математику и электротехнику (А. И. Тарасевич), биологию (Г. И. Ширяев), астрономию (М. В. Васнецов), аналитическую геометрию (Р. Г. Курц) и вопросы современной физики (Б. Н. Раевский). Представитель РАГ на I съезде Русских Академических Организаций поставил даже вопрос об открытии в Галлиполи политехникума или военного университета [5, с. 43–45]. Однако непримиримая позиция союзнических государств и Турции в отношении остатков врангелевской армии привела вскоре к ликвидации этого лагеря и сделала ненужным открытие даже временных русских вузов.

В мае 1921 г., в ходе переброски войск на Балканы, П. Н. Врангель издал приказ, по которому «...те, кто в силу своего слабого здоровья или по каким бы то ни было другим причинам чувствует себя не в состоянии больше оставаться в рядах армии, должны в трехдневный срок заявить об этом по команде – они будут переведены на беженское положение». Около 20 % состава армии, воспользовавшись предоставляемой возможностью, покинули ее ряды и перешли в категорию беженцев». Среди перешедших было немало студентов [4, с. 263].

Когда стало известно о том, что Чешское правительство согласно взять на обучение и иждивение тысячу русских студентов, члены константинопольской и галлиполийской РАГ создали приемную комиссию, проэкзаменовав более двух тысяч желающих. Затем на средства Красного Креста и за счет частичного «самообложения» студентов организовали отправку выдержавших экзамен в Прагу. С каждой группой студентов в качестве руководителя ехал член РАГ. Большая часть членов РАГ из Галлиполи вместе с остатками 1-го Армейского Корпуса переехала в Болгарию. Но и здесь научная работа была почти полностью исключена. Средства к жизни приходилось добывать черным физическим трудом.

К весне 1923 г. сеть школьных и культурно-просветительных учреждений Земгора в Константинопольском районе была постепенно ликвидирована. Большинство учебных заведений удалось вывезти в балканские страны. К этому времени из Турции уехали практически все русские

ученые. Выполнив свои задачи, перестала существовать РАГ в Константинополе. В сентябре 1924 г. на III съезде Русских Академических Организаций за границей она уже не была представлена.

Хотя вышеназванные академические группы существовали недолго, их деятельность имела большое значение. Она не только способствовала выживанию беженцев к инокультурной среде, но и создавала почву для появления культурного феномена русского зарубежья.

-
1. Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. М., 1994.
 2. Русская молодежь. Деятельность Центрального Комитета по обеспечению высшего образования русского юношества за границей 1922/23 – 1931/32 уч. гг. Париж, 1933.
 3. Русские без Отечества: очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х гг. М., 2000.
 4. Съезды русских академических организаций за границей. Прага, 1923.

С. П. Бычков

ПРАВОСЛАВНЫЙ БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ СВЯТОГО СЕРГИЯ В ПАРИЖЕ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война имела катастрофические последствия для русского научного сообщества в эмиграции. В целом, несмотря на продемонстрированный в период изгнания большой ресурс выживаемости и самоорганизации, научное сообщество русских ученых практически целиком зависело и от политики принимающих государств и от комплекса внешних обстоятельств. И любое ухудшение этой внешней среды практически автоматически начинало сказываться на состоянии русской науки.

Первые признаки резкого ухудшения появились еще в начале 1930-х гг. и были связаны с общим экономическим кризисом в Европе и пониманием правительственными и культурными кругами стран пребывания крупных русских диаспор бесперспективности поддержки на правительственном уровне политической и научной русской эмиграции. Опыт, полученный в процессе реализации образовательных и научных проектов, достаточно красноречиво свидетельствовал о невостребованности в целом научным и политическим пространством Европы результатов и усилий русской эмиграции, за исключением, пожалуй, избавления социального пространства от язв быстрой маргинализации русской эмигрантской массы. Это определило явные признаки ухудшения положения научного сообщества, выражавшиеся в сокращении финансирования, закрытии образовательных и научных центров.

Война только усугубила процессы сокращения и распада русского научного сообщества в эмиграции. Связано это было с тем, что практически все страны европейского пребывания русской эмиграции находились в ходе войны, либо под властью, либо под влиянием фашистской Германии. После 22 июня 1941 г. все русские были взяты под подозрение гестапо, проведено либо закрытие, либо изъятие из библиотек книг, по разным причинам не устраивавших германские власти. Из-за резкого сокращения финансирования закрылось и никогда не возобновило свою работу большинство архивов и музеев, учебных заведений. В дальнейшем музейные и архивные собрания, особенно находившиеся в зоне боевых действий, были либо утрачены, либо раздроблены между научными и культурными учреждениями стран пребывания и СССР.

Счастливым исключением из общего правила была деятельность Православного Богословского Института имени Святого Сергия в Париже.

Уже изначально деятельность Православного Богословского Института в Париже была сопряжена со множеством проблем, сложностей, угроз, но, в то же самое время, мистических совпадений и счастливых завершений казалось бы изначально безнадежных ситуаций и проблем. Еще в начале 1920-х гг. в православной среде русской эмиграции возникла потребность в воссоздании высшего богословского образования, которого на тот момент, в связи с закрытием всех Духовных Академий русской православной церкви в России, уже не существовало. Идея возникла примерно в 1923 г., но свои реальные очертания стала приобретать после того, как епископом Евлогием (Георгиевским) с благотворительной помощью многих организаций и частных лиц, несмотря на большое количество препятствий, все-таки был куплен на аукционе комплекс зданий бывшей протестантской немецкой миссии в предместье Парижа, пустовавший после войны.

1925–1926 учебный год стал первым в деятельности Института. Преподавательский корпус нацеливал студентов на развитие двух качеств личности – глубокой искренней православной веры и беззаветной преданности науке. За основу брался принцип добровольного подчинения строгому, почти иноческому уставу жизни. Богослужебный цикл глубоко пронизывал жизнь первых поколений обучавшихся в Институте. Образцом преподавания были взяты программы русских духовных Академий начала века. Помимо общих богословских дисциплин, значительным был и блок, связанный с преподаванием общецерковной истории и истории Русской Православной Церкви. Ректором Института стал о. Сергий (Булгаков), возглавивший кафедру догматического богословия, Г. В. Флоровский читал курс патрологии, Г. П. Федотов – историю западных исповеданий, Б. П. Вышеславцев – нравственное богословие, В. Н. Ильин – литургику и философию, А. В. Карташев – историю русской православной церкви.

С началом второй мировой войны практически немедленно встал вопрос о закрытии Института из-за прекращения финансирования и отсутствия многих преподавателей и студентов. Война явилась полной неожиданностью для академического сообщества. Профессора и студенты были еще на каникулах и в отпусках, многие вообще за границей, где вынуждены были задержаться из-за военного хаоса. Традиционно, первая учебная неделя до сих пор является неделей «установочной», буферной, вводной, позволяющей преподавателям и студентам вписываться мягко в учебный процесс. Для Института, начинавшего учебный год в экстремальных условиях, она чуть было не стала последней. Уже 7 сентября 1939 г. было принято решение из-за невозможности устойчивого получения средств и отсутствия части преподавателей и студентов закрыть Институт.

Однако, спустя некоторое время, оставшийся состав профессуры во главе с А. В. Карташевым предпринял все возможные усилия для сохранения Института. Очень скоро стало ясно, что если Институт закроется, то открыть его в условиях военного времени будет практически невозможно. Все пустовавшие курсы по причине временного или постоянного отсутствия ведущих их ранее преподавателей, были распределены оставшимися дополнительно. Так, к примеру, А. В. Карташев, в октябре 1939 г. после начала занятий ставший инспектором Академии, взялся за ведение дополнительных курсов Ветхого Завета и еврейского языка взамен отсутствовавших преподавателей.

После занятия Парижа немецкими войсками ежедневно жизнь студентов и преподавателей подвергалась опасности, как собственно под постоянным вопросом находилось и существование Института. Сразу самым острым стал вопрос о финансировании. Некоторое время Институт очень серьезно страдал из-за безденежья, связанного с сокращением прежнего объема финансирования, исходившего в основном из английских и американских благотворительных и религиозных источников. Однако, как оказалось впоследствии, проблема финансирования не была самой опасной. В пору самого острого безденежья, неожиданно один из молодых русских меценатов К. Б. Померанцев оказал значительную финансовую помощь, причем в таких объемах, что вопрос оказался снятым практически до конца войны.

Но успокаиваться ни студентам, ни преподавателям не приходилось. Над студентами дамокловым мечом висела всегда возможная мобилизация. Преподавательский корпус находился не в лучшем положении. Лишь два примера доказывают высокую степень опасности, которой подвергалась жизнь представителей старшего поколения Института. До конца войны пробыл в гестаповских застенках один из виднейших преподавателей Института Л. Зандер. Вызывался на допрос в гестапо в отдел пропаганды и А. В. Карташев в январе 1943 г. по поводу его личных и инсти-

тутских связей с заграницей и участия в экуменистической деятельности. После нескольких часов допроса он все же был оставлен на свободе. Гестапо повлияло также на учебный и научный процесс в Институте и тем, что провело изъятие из библиотечных фондов книг по гебраистике (языку, культуре, и религии еврейского народа).

Одной из самых больших проблем стало появление претендентов на помещения Института. Однажды сюда наведался сын бывшего еще немецкого владельца – офицер германской армии, поначалу рьяно отстаивавший свои права на здание и начавший хозяйственный обход помещений, по его мнению, принадлежавших ему безусловно. Однако, увидев в одной из комнат висевший и сохранившийся каким-то чудом портрет своего отца, был чрезвычайно растроган и пообещал в связи с ненужностью ему этой недвижимости по причине постоянного нахождения в действующей армии не возбуждать имущественного иска к Институту. Таким образом, и эта проблема разрешилась как бы сама собой. Это позволило в дальнейшем продолжить научную и преподавательскую деятельность до самого конца войны, не прекращая ни на один день. При этом происходили даже присвоения ученых степеней и званий. Так в 1944 г., после прочтения публичной лекции 13 февраля на тему «Ветхозаветная и библейская критика» А. В. Карташеву было присвоено звание почетного профессора Православного Богословского Института имени Святого Сергия.

И действительно, в пору крушения государственных границ, всеобщей неопределенности и исчезновения того, что вчера еще казалось нерушимым и незбылемым, истинным чудом казалось существование русской богословской школы в центре Парижа, оккупированного нацистами. И преподаватели и студенты видели в этом знак небесного благословения «игумена земли русской» преподобного Сергия Радонежского. А. В. Карташев называл этот период жизни упорным самоутверждением и терпеливым сидением на святой горке под бомбежками и обстрелами.

К чести Института, необходимо отметить, что ему была дарована долгая жизнь. Он существует до сих пор, являясь, бесспорно, по-прежнему самым авторитетным из специализированных заведений русской православной богословской эмигрантской среды.

Л. В. Шевелева

ОМСК: ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Для омичей, как и для всего народа Советского Союза, начало войны было неожиданным. Митинги, которые прошли не только в Омске, но и в райцентрах и деревнях, показали готовность людей немедленно включиться в борьбу с врагом.

Уже 24 июня 1941 г. состоялось заседание бюро Омского обкома ВКП(б), на этом заседании и на последующих принимаются решения по организации хозяйственной, политической, идеологической работы в области в военное время.

В данной статье автором приводятся постановления, относящиеся к идеологической, кадровой, военно-оборонной работе, а также по охране общественного порядка.

На заседании 24 июня принято постановление о коренном изменении агитационно-массовой работы в связи с мобилизацией, о выпуске к 26 июня плакатов «Все, как один, на защиту Отечества», «Сметём с лица земли фашистских варваров» [1, д. 2595, лл. 7, 16], 15 июля принято решение о выпуске таких лозунгов: «Все наши силы на поддержку героической Красной Армии, славного Красного Флота», «Все силы народа на разгром врага», «Организуйте охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи», «Создадим могучее народное ополчение на поддержку Красной Армии, грудью защитим свою свободу, свою честь и свою Родину» [1, д. 2603, лл. 22, 70].

7 июля были приняты специальные постановления по празднованию Дня железнодорожника и Дня военно-морского флота. Планом было предусмотрено проведение лекций, бесед, докладов на утверждённые темы; в клубах, театрах, садах – оборудование витрин, портретных галерей знатных людей железнодорожного транспорта: стахановцев, лунинцев, рационализаторов; организация выездных театральных и эстрадных концертов на узлах и железнодорожных станциях; освещение в газетах «Омская правда» и «Омский железнодорожник» достижений железнодорожного транспорта. Подготовка ко Дню военно-морского флота включала также оборудование фотовыставок о героическом прошлом флота, организацию массовых соревнований на водных пунктах – гонки на яхтах, шлюпках и мотолодках, соревнования по плаванию и гребле. Подготовка и проведение этих праздников были направлены на повышение бдительности и ответственности, усиление обороноспособности страны, производительности труда, на обеспечение всех нужд Красной Армии и военно-морского флота [1, д. 2600, лл. 7–9, 24, 25].

Одним из первых, 27 июня, было принято постановление «О подготовке комбайнёров и трактористов взамен ушедших на фронт». В нём говорилось, что «подготовка механизаторских кадров является сейчас одним из важнейших мероприятий, обеспечивающих проведение всех сельскохозяйственных работ в сжатые сроки и обязывает принять меры к повышению производительности труда трактористов, комбайнёров, механизаторов и других специалистов сельского хозяйства...». Был утверждён порайонный план подготовки механизаторских кадров в количестве 12 500 трактористов и комбайнёров и 116 льнотеребилщиков. Руководи-

телям районов предписывалось немедленно приступить к укомплектованию школ и курсов кадрами с тем, чтобы уже к 1 июля начать занятия. Укомплектование предлагалось производить за счёт женщин, работавших на тракторах и комбайнах в качестве прицепщиков и помощников, а также из числа других колхозников, знакомых с механизацией; из лиц, ранее работавших и по каким-то причинам ушедших из МТС, проведя с ними силами МТС и МТМ 5–10-дневные семинары. Кроме того, предлагалось разработать и в суточный срок разослать МТС и школам механизации сокращённую программу по подготовке механизаторских кадров со сроком обучения 1–1,5 месяца. Руководители районов должны были также оказать директорам МТС практическую помощь в организации курсов: укомплектовании их преподавательскими кадрами, предоставлении пригодных для занятий помещений. Директор сельскохозяйственного института должен был в месячный срок подготовить из студентов младших курсов 200 комбайнёров и помощников комбайнёров для МТС и совхозов [1, д. 2597, лл. 2–4]. В строительные и железнодорожные школы ФЗО и школы телеграфистов с 1 по 10 июля должны были в добровольном порядке принять 750 молодых людей в возрасте 16–18 лет, жителей города [1, д. 2600, лл. 4, 5].

Много внимания было уделено и военно-оборонной работе в области. В постановлении о 27 июня говорилось о необходимости развертывания оборонными организациями широкой военной подготовки и агитации среди населения через беседы, доклады и лекции на военно-патриотические темы по истории гражданской войны, организации в каждом районе военных кабинетов. Советы Осоавиахима всех уровней должны были обеспечить максимальный охват военным обучением членов Осоавиахима в группах, командах и отрядах, проводя занятия в условиях, приближенных к боевой обстановке, обратить особое внимание на огневую, тактическую, физическую подготовку, развернуть строительство тиров, стрельбищ и полос препятствий, улучшить работу по служебному собаководству, привлекая для этого широкий актив по выращиванию служебных собак и почтовых голубей; из добровольцев-мужчин организовать специальные группы по подготовке стрелков, пулемётчиков, связистов и других военных специальностей; организовать при авто-мотоклубе в Омске, школах и МТС подготовку без отрыва от производства шофёров, мотоциклистов и трактористов преимущественно из женщин. Руководители физкультурных организаций должны были развернуть работу на заводах, в совхозах, МТС и колхозах по вовлечению трудящихся в физкультурные оборонные секции, проводить комсомольско-профсоюзные кроссы, пешие походы, военизированные соревнования по велосипедному спорту и гранатометанию, по активизации сдачи норм на значок «Готов к труду и обороне СССР». Областному комитету Красного Креста и обл-

здравотделу поручалось организовать курсы медсестёр, санитарных дружин и постов, кружков ГСО из добровольцев-женщин, обеспечить их квалифицированными преподавателями, учебными пособиями и базой для проведения занятий [1, д. 2597, лл. 5–7].

7 июля принимается постановление о всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной и противохимической обороне. Предлагалось обеспечить «охват всего взрослого населения подготовкой к противовоздушной и противохимической обороне. Создать во всех заводах и фабриках, учреждениях, учебных заведениях, МТС, колхозах и совхозах, жилых домах и кварталах группы самозащиты, обеспечив их специальным имуществом и учебно-наглядными пособиями. Материальное обеспечение и оснащение специмуществом групп самозащиты было возложено на исполкомы окружных, городских и районных советов и руководителей предприятий». Они должны были подобрать необходимое количество преподавателей для подготовки населения к сдаче норм «Готов к противовоздушной и противохимической обороне». Всё имеющееся оборонно-химическое имущество следовало привести в надлежащее состояние, провести необходимые противопожарные мероприятия, организуя силами общественности очистку от захламления заводов, фабрик, учреждений, жилых домов, дворов и кварталов. Для привития группам самозащиты и населению практических навыков проводить в городах, районных центрах и крупных населённых пунктах учения по противовоздушной и противохимической обороне [1, д. 2600, лл. 3, 4].

2 июля было принято постановление о борьбе со спекуляцией товарами и продуктами в военное время. В нём говорилось о необходимости организовать энергичную и беспощадную борьбу со всякого рода проявлениями спекуляции и скупки продуктов и товаров с целью создания запасов. Спекулянты, создающие запасы товаров и продуктов, должны были разоблачаться и без промедления привлекаться к уголовной ответственности как элементы, стремящиеся сорвать нормальное снабжение населения товарами и продуктами. Руководители городов и районов должны были взять под личный контроль работу колхозных рынков, обеспечение бесперебойной их работы, оказание колхозникам максимального содействия в подвозе продуктов на рынки и содействие органам НКВД в борьбе со спекулянтами [1, д. 2598, л. 4].

Эти постановления дают представление о той огромной и необходимой работе, которая началась и проводилась в нашей области сразу после начала войны.

1. ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ОМСКОЙ И ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В период военного лихолетья Омская область, простиравшая от степей Казахстана до Карского моря, стала мощным боевым арсеналом Западной Сибири. Сюда из западных прифронтовых областей было перебазируется около 110 промышленных предприятий. Они и составили основу оборонной промышленности.

В Омской и Тюменской областях возникли новые отрасли промышленности – авиационная, танковая, шинная, приборостроение, судостроение. В суровом 1941 г. начали свою биографию в Омске такие хорошо известные ныне предприятия, как моторостроительный завод имени Баранова, аэрокосмическое объединение «Полет», объединение «Омсктрансмаш». А базой для их развития стали эвакуированные предприятия соответствующего профиля из Ленинграда, Запорожья, Москвы, Ворошиловграда, Великих Лук.

На основе ранее доступных фактов можно было говорить только о некоторых заводах Омской и Тюменской областей. Но расширившийся доступ к архивным документам, находившимся ранее на специальном хранении и доступным только для служебного пользования, позволил получить более полную информацию о производимой на них оборонной продукции.

В годы войны создается и развивается авиационная промышленность в рассматриваемых областях. В Омск на базу строившегося авиазавода № 166 в предвоенные годы были эвакуированы московский завод по производству самолетов № 81 (из Тушина) и московский завод опытного самолетостроения № 156. Вместе с авиазаводами из Москвы в Омск 25 июля 1941 г. было эвакуировано Особое конструкторское бюро № 29 НКВД, в котором работали А. Н. Туполев и С. П. Королев. На заводе № 166 должны были производить самолеты 103-у и ЯК-3. В Омск прибыло также оборудование из г. Запорожья одного из крупных авиадвигательных заводов № 29 имени П. И. Баранова. В спешно введенных в эксплуатацию и еще недостроенных цехах началось изготовление производственно-технического задела и полуфабрикатов, рассчитанных на выпуск до 400–450 авиадвигателей М–88, также доводка мотора М–89 и модели М–90 для запуска в серийное производство. Создавались в Омске и другие авиазаводы. На базе завода сельскохозяйственного машиностроения имени Куйбышева и частично прибывшего оборудования завода № 20 был организован новый завод № 495. Начался на этом заводе выпуск следующей продукции: бензонасосов для всех моторов, маслонасосов для гидросистем, регуляторов для винта с переменным шагом, аварийных ручных насосов, маслофильт-

ров и других агрегатов для авиамоторов и самолетов. В декабре 1941 г. в Омске стал действовать единый новый завод Наркомата авиационной промышленности № 20, вместо завода № 495.

В Омск в конце ноября 1941 г. стало поступать эвакуационное оборудование завода № 288 и завода № 30 из г. Кимры. На территории этих заводов базировались 4 конструкторских бюро: Туполева, Томашевского, Мясичева и Неймана. В октябре прибыло 5 конструкторское бюро Архангельского. Так появился опытный авиазавод, которому присвоили № 288. Зимой на заводском аэродроме начались вести испытания нового бомбардировщика Ту-2, который вскоре стали готовить к серийному производству на одном из московских заводов. Конструкторы завода № 288 готовили к испытанию новые модели самолетов, а также помогали заводу № 166, осуществляя испытания агрегатов и деталей выпускавшихся на нем истребителей [4, л. 13, 15, 16; 5, л. 2, 16; 6, л. 79, 81; 7, л. 26, 27].

На станцию Заводоуковск около г. Тюмени, прибыло из Воронежа оборудование завода № 499. С ноября он начал выпуск продукции. Завод выпускал десантные кабины к самолетам Ил-4, учебные планеры А-2, А-7 и бензиновый планер А-7 Б. Осваивалось производство мотопланеров, в том числе 30-местной вместимости. В 1942 г. заводу поручили модернизацию планера конструкции О. К. Антонова в 11-местный. В результате появился 14-местный планер, названный по инициативе конструктора АМ-14 (Антонов – Москалев) [3, с. 102–104].

9 ноября 1941 г. прибыли в Тюмень первые эшелоны с оборудованием московского планерного завода № 241., позже планерные мастерские из г. Голицино Московской области и ОКБ-31 из Воронежа. Конструкторы О. Антонов А. Эскин разработали особый проект гибрида танка и десантного планера. Он стал именоваться КТ-60 («Крылья танка»). Ввиду отсутствия более мощного буксировщика и прекращения выпуска танков типа Т-60 испытания были прерваны. И завод № 241 сосредоточил свои усилия на выпуске десантных планеров типа А-7 [2, с. 39]. Во второй половине 1942 г. завод № 241 был реэвакуирован [8, с. 47].

В 1941 г. организованы авиаремонтные мастерские, где производился ремонт легких отечественных самолетов типа У-2, ПО-2, Ш-2 и двигателей к ним [1, с. 29].

На тюменском фанерном комбинате развернулось производство авиафанеры. В декабре 1943 г. на Тюменском авиафанерном комбинате № 15 было выпущено 95 тонн дельта – древесины и 225 кубометров авиафанеры. Авиафанера направлялась в отдел аэродромного строительства ВВС Приволжского военного округа и в действующую армию. Эшелоны с тюменской дельта – древесиной и фанерой получали также отделы аэродромного строительства 8-й и 16-й воздушных армий, которыми командовали генералы Т. Т. Хрюкин и С. И. Руденко [2, с. 63]. Кондинский и Ханты-

Мансийский леспромхозы стали вырабатывать специальную древесину, использовавшуюся в производстве авиафанеры и авиалыж.

По состоянию на 1 января 1943 г. в Омской области были 4 авиазавода № 29, № 166, № 20 и № 288. К Тюменской области отходил завод № 499 в Заводоуковске.

В считанные недели и месяцы, прибывшие с запада предприятия, становились в строй действующих. И уже в первый год войны фронт все в больших количествах стал получать истребители Як-7 и Як-9, бомбардировщики Ту-2, авиапланы А-7 в Омской и Тюменской областях.

Таким образом, созданные в период военного лихолетья омские и тюменские авиазаводы внесли весомый вклад в обеспечение победы «крылатых танков» в воздушном пространстве и на земле.

1. Демидов Ю. А. Вклад тюменской промышленности в дело Великой Победы // Военная история Тюменской области. Вклад тюменцев в Победу в Великой Отечественной войне. Тюмень, 2005.

2. Тыл – это половина Победы. Тюмень, 2006.

3. Хлебный, целебный, лесной: Заводоуковский район: Годы. События. Люди. Екатеринбург, 2004.

4. ЦДНПО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2976. Л. 13, 15, 16.

5. ЦДНПО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2984. Л. 2, 16.

6. ЦДНПО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2986. Л. 79, 81.

7. ЦДНПО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2995. Л. 26, 27.

8. Шуранов Н. П. Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2004.

Н. М. Щербин

БОРЬБА СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ ЗА ГОСПОДСТВО В ВОЗДУХЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГОДОВ

Борьбу за господство в воздухе советская авиация начала в исключительно неблагоприятных условиях. Противник имел почти 5000 современных самолётов и немалый опыт ведения воздушных боёв, полученный на Западе. В то же время авиационный парк западных пограничных округов располагал только 1540 самолётами новых конструкций. В первый же день войны, утром 22 июня 1941 г., воздушным налётам подверглись 26 аэродромов Западного, 23 – Киевского, 11 – Прибалтийского военных округов. Красная Армия в этот день потеряла 1200 самолётов, из которых 738 было уничтожено на аэродромах Западного особого округа.

Советские лётчики в этот же день совершили 6 тыс. самолёто-вылетов и сбили свыше 200 самолётов противника. Но и сами понесли большие

потери. В период с 22 июня по 9 июля 1941 г. среднесуточные потери боевых самолётов составили – 99 машин, а всего за 18 дней боёв было потеряно 1777 самолётов.

Советские летчики, несмотря на сложности создавшейся обстановки, смело действовали на всех стратегических направлениях. Это признали даже бывшие фашистские генералы и офицеры – авторы книги «Мировая война 1939–1945 гг.». Они писали: «...За первые 14 дней боев было потеряно самолетов даже больше, чем в любой из последующих аналогичных промежутков времени. За период с 22 июня по 15 июля 1941 г. немецкие ВВС потеряли 807 самолетов всех типов, а за период с 6 по 19 июля – 477. Эти потери говорят о том, что, несмотря на достигнутую немцами внезапность, русские сумели найти время и силы для оказания решительного противодействия» [1, с. 11].

Советские летчики с самого начала войны демонстрировали высокую воздушную выучку, отвагу и героизм, шли на самопожертвование. Уже 22 июня 1941 г. летчики шестнадцать раз таранили фашистские самолеты [2, с. 25]. С 22 июня по 30 сентября они совершили около 60 тыс. боевых самолёто-вылетов, а в период с начала войны по 4 сентября 1941 г. произвели с островных аэродромов для ударов по Берлину 9 групповых вылетов [2, с. 79–80]. Бесспорно, эти действия имели важное военно-политическое значение.

Борьба с врагом в воздухе летом и осенью оставалась одной из важнейших задач советских Военно-Воздушных сил. За три месяца оборонительных боёв под Москвой советские лётчики уничтожили около 1600 самолётов противника. Это было первое серьёзное поражение гитлеровской авиации во второй мировой войне. Советская авиация к началу декабря впервые завоевала оперативное господство на московском направлении. К началу декабря 1941 г. советские войска имели 860 самолётов на московском направлении, противник – более 600 самолётов.

Летом 1942 г. центр борьбы за господство в воздухе переместился на южное крыло советско-германского фронта. Кроме воздушных боёв, советская авиация, как и в 1941 г., оказывала существенную помощь сухопутным войскам в разгроме фашистских войск и находила силы для нанесения ударов по глубоким тылам противника.

27, 30 августа и 10 сентября авиация дальнего действия совершила 212 самолёто-вылетов и сбросила 51 тонну бомб. По Будапешту – два удара (5 и 10 сентября); по Бухаресту – один удар (14 сентября); кроме того, дальние бомбардировщики нанесли три удара по Данцигу, разрушили военно-промышленные объекты в Варшаве, Кёнигсберге, Штеттине, Тильзите, Фюрстенвальде, Трептове, Плоешти, Галаце.

Жестокие бои происходили в тот момент на сталинградском направлении. Здесь немецкая авиация имела превосходство над советской более, чем в два раза.

Входящая в состав Сталинградского фронта 8-я воздушная армия имела 454 самолёта, в том числе 74 ночных бомбардировщиков. Кроме того, в полосе фронта действовало до 150–200 дальних бомбардировщиков и 60 самолётов-истребителей авиационной дивизии ПВО страны.

На завершающем этапе оборонительного периода Сталинградской битвы в течение с 27 по 29 октября 8-я воздушная армия в составе 173 самолётов и 3 дивизии авиации дальнего действия, имевшие в своём составе

141 бомбардировщик, провели операцию по уничтожению самолётов противника на аэродромах западнее Сталинграда. Тем не менее, этого оказалось достаточно, чтобы снизить активность немецко-фашистской авиации. Если 27 октября 1942 г. наблюдателями было зарегистрировано в районе Сталинграда 1400 самолёто-пролётов, то после операции – 30 октября – только 200. В Сталинградской оборонительной операции с 17 июля по 18 ноября противник потерял свыше 1,4 тыс. боевых и транспортных самолётов.

В результате наращивания усилий советской авиации к концу первого периода войны ВВС фашистской Германии понесли огромные потери – 15,7 тыс. самолётов. Боевые потери авиационного парка советских Военно-Воздушных сил составили за этот же период 19, 7 тыс. самолётов. К концу года советскому командованию удалось пополнить ресурс фронта. Советская промышленность превзошла все ожидания. За 1942 г. она выпустила 25,4 тыс. самолётов, в то время, как Германия произвела у себя, в оккупированных и союзных странах только 14,7 тыс. самолётов [3, с. 197].

В ходе зимней наступательной кампании 1942/1943 гг. соотношение сил в воздухе на сталинградском направлении было уже в пользу советской авиации, которая превосходила противника в 1,1 раза. Важнейшим этапом завоевания стратегического господства в воздухе для советской авиации явилась борьба в ходе контрнаступления под Сталинградом. Потери советской авиации составили 706 самолётов, в то же время вермахт потерял около 3000 боевых машин.

Обозначенный перелом под Сталинградом в борьбе за господство в воздухе получил дальнейшее развитие на Кубани. В ходе воздушных сражений на Кубани, происходивших в период с 17 апреля по 7 июня 1943 г., советская авиация произвела 35 тыс. самолёто-вылетов. Враг потерял 1100 самолётов, из которых 800 были сбиты в воздушных боях.

Битва под Курском, в которой противник потерял 3700 самолётов, явилась завершающим этапом в борьбе за господство советской авиации в воздухе в стратегическом масштабе.

После поражения в летних операциях 1943 г. противник оказался неспособным восполнить урон в самолётном парке и, особенно, в лётном составе на советско-германском фронте. Более того, потери авиационного парка противника значительно возросли в 1944 г. Только в результате

побед, одержанных советской авиацией и зенитной артиллерией зимой и весной 1944 г., вермахт потерял около 5 тыс. самолётов. Если к началу Белорусской операции в войсках 4-х фронтов, которым предстояло её выполнить, насчитывалось 5300 боевых самолётов, то у противника – 1350. Таким образом соотношение сил сторон по самолётам к 23 июня 1944 г. было 3,9:1 в пользу советской авиации.

Военно-воздушные силы Советского Союза в начале 1945 г. превосходили воздушный флот вермахта, более чем в 3 раза.

При завершении освобождения Польши только советская авиация 2-х фронтов: 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, привлекаемых в этих целях, имела 5000 самолётов, а противник – 630. Таким образом, соотношение в самолётах в полосе наступления двух фронтов было в пользу советских войск – 7,9 : 1.

Однако следует заметить, что, хотя в третьем периоде войны операции Сухопутных войск проводились в обстановке господства в воздухе советской авиации, напряжённая борьба с авиацией противника продолжалась до полного разгрома фашистской Германии. Например в Берлинской операции советские истребители провели 1317 воздушных боёв, в ходе которых сбили 1132 немецко-фашистских самолёта и уничтожили 100 самолётов противника непосредственно на аэродромах. Потери советской авиации в этой битве составили 917 самолётов. Всего же в течение третьего периода (1944 – 8 мая 1945 гг.) авиация противника потеряла более 21 тыс. самолётов, советские войска – 8611 самолётов [5, с. 52].

Таким образом борьба за господство в воздухе составила важнейшую часть всей вооружённой борьбы СССР против фашистской Германии.

1. Роль Военно-Воздушных Сил в Великой Отечественной войне (по материалам IX военно-научной конференции ВВС). М., 1986.

2. Тимохович И. В. Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М., 1976.

3. Яковлев Н. Н. Жуков. М., 1992.

Л. А. Королева, Е. В. Кутепова

ВЛАСТЬ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

«Пограничная ситуация» Великой Отечественной войны заставила советские власти фактически «амнистировать» религию. Произошло значительное сближение режима с Русской Православной церковью, тесно связанной с национальной историей. В значительной степени это сближе-

ние было обусловлено патриотической позицией, занятой Русской Православной церковью в годы войны, ее роль в победе была значительной: «Хорошо известна ее деятельность по мобилизации духовных и нравственных сил людей на борьбу с фашизмом... Слово духовенства в защиту Родины имело определяющее значение для миллионов и миллионов людей. Значителен был и материальный вклад церкви» [5, с. 181]. Митрополит Сергей в военный период более 23 раз обращался с патриотическими призывами к верующим [1, с. 334]. Общая сумма денежных средств, отданных РПЦ правительству СССР, составила к весне 1945 г. свыше 300 млн руб. [6, с. 332]. Активная международная деятельность Московской патриархии способствовала укреплению авторитета страны.

Местное православное духовенство активно поддерживало все начинания церковного руководства. Так, в 1945 г. проповеди пензенского епископа вызвали, по сообщению уполномоченного Совета по делам Русской Православной церкви по Пензенской области Н. И. Лысманкина, значительный патриотический подъем у верующих, что выразилось в сборе средств в различные фонды. Об этом епископом Постниковым на имя Сталина И. В. была даже направлена телеграмма: «В своих проповедях и беседах духовенство ставит своей задачей развить у верующих горячую любовь к Родине, к нашему Правительству и гениальному Вождю и полководцу товарищу И. В. Сталину» [2]. Взносы православных церквей Пензенского края на патриотические цели только за один квартал 1945 г. составили 2072000 руб., из них в «Фонд детям и семьям военнослужащих» – 142 000 , «Фонд инвалидов Отечественной войны» – 45 000, на 4-й военный заем – 3 299 000, по облигациям «Фонда детям военнослужащих» – 500 000 [3, л. 128].

Советские власти разрешают восстановление патриархии, создается Совет по делам РПЦ, облегчается открытие церквей и молитвенных домов, церкви получили право на приобретение зданий и предметов культа, возрождается колокольный звон, снижается налогообложение монастырей и т. д. Совнарком позволил открыть в г. Москве богословский институт и пастырские курсы.

На местах начавшийся диалог «власть – церковь» получил быструю реализацию. До Великой Отечественной войны в Пензенской области функционировало 2 церкви; недействовавших церковей насчитывалось 500, из них 476 было занято под хозяйственные и культурно-просветительские нужды, 24 здания пустовали. К 1945 г. в результате изменения государственной церковной политики в Пензенском крае было открыто 18 церквей и 2 молельных дома [4, л. 16]. Региональные православные священнослужители в стремлении сохранить хрупкое равновесие в отношениях с властью иногда «перебарщивали» с демонстрацией своей лояльности, вызывая даже отторжение у верующих. Уполномоченный Со-

вета по делам РПЦ по Пензенской области Н. И. Лысманкин отмечал: «Духовенством сельских храмов ... патриотическая работа проводилась с большим вниманием, так что в некоторых населенных пунктах появились злостные слухи о том, что в настоящее время церковь – новая, и служители ее – обновленцы. Для опровержения этих слухов духовенству пришлось разъяснять верующим об управлении русской церковью, доброжелательном и внимательном отношении к церкви со стороны советского правительства вообще и в частности со стороны великого и мудрого вождя Генералиссимуса И. В. Сталина» [4, л. 14].

В военный период Русская Православная церковь организационно окрепла, что не совпадало с намерениями советского государственно-партийного руководства. Религия вопреки мощным усилиям властей представляла весьма значимую компоненту в жизни советских людей. Хотя в социалистическом обществе должно было господствовать научно-материалистическое мировоззрение, религия не сдавал своих позиций. Советское руководство, осознавая всю опасность данного положения, стремилось держать под контролем ситуацию и всеми силами «освободить советских людей из плена религиозных предрассудков», особо распространившихся в годы войны.

-
1. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991.
 2. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 27.
 3. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 21.
 4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф. 2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 22; Д. 27. Л. 24.
 5. Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001.
 6. Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую православную церковь // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т. 2.

И. В. Реброва

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ ПОДРОСКОВ

Великая Отечественная война, как любое событие человеческой истории, оставила свой след в сознании всех ее очевидцев. Более четко и осознанно могли воспринимать происходившие события люди взрослые, совершеннолетние. Образ войны имеет свои особенности в зависимости от воспринимающего субъекта. В силу гендерных различий картина война у мужчин и женщин формировалась по-разному. Наряду с мужским и женским взглядом существует детское восприятие событий Великой Отечественной войны. Подростки внесли свой вклад в дело победы

над врагом. В советской историографии существует достаточное количество публицистических и исследовательских работ, посвященных описанию героических подвигов юных пионеров, комсомольцев и коммунистов [1; 10; 11]. Во время Великой Отечественной войны многие подростки были связными между подпольщиками, партизанами, мирными жителями и частями регулярной армии. Другие ребята активно вели саботаж, являлись инициаторами поджогов и вредительства на заводах в оккупированных городах. Некоторые из них становились «сынами полка» и уже на передовой проявляли силу своего далеко не детского характера. Многие молодые люди, редко достигнув совершеннолетия, отдавали жизни за будущее своего Отечества. Их имена стали своеобразными символами истории Великой Отечественной войны.

Примеры мужества, отваги и героизма юных защитников Отечества содержатся во многих исследованиях [2; 3; 7], документах личного происхождения людей старшего поколения [4; 5; 7]. Эти свидетельства являются основой для оценки вклада детей военного времени в победу над врагом. Тем не менее, свидетельства самих подростков о Великой Отечественной войне, их взгляд на происходившие события до сих пор не становились предметом специального изучения. Это может быть объяснено сравнительно низким уровнем накопления подобных воспоминаний. Многие война застала еще в дошкольном возрасте, поэтому фиксировать свои впечатления они не могли. Более того, подростки вряд ли могли осознавать значимость таких воспоминаний.

Незначительное количество детских свидетельств в форме школьных сочинений на заданную тему хранится в Государственном архиве Краснодарского края [6]. Они были написаны после освобождения Краснодара от немецкой оккупации в 1943–1944 гг. Фактически это была едва ли не единственная возможность сохранить в письменном виде впечатления подростков о периоде оккупации, освобождения и восстановления экономики в регионе.

В воспоминаниях детей, написанных сразу после освобождения Краснодарского края, содержатся отрывочные, наиболее яркие впечатления о пережитом во время немецкой оккупации. «Я несколько дней не выходила из комнаты, боясь увидеть немцев, и только по рассказам слышала, что эти непрощенные гости рыскают по городу. Жители ходили злые и расстроенные, и на их лицах можно было прочесть ненависть к немцам» [4, л. 36], – написала ученица 8 «Б» класса Краснодарской женской школы № 45 Н. Золотарева о первых днях оккупации г. Краснодара. Как правило, юные мемуаристы писали о периоде оккупации своего родного города или поселка, о встречах и отношениях с врагами, об освобождении родных мест.

Детские воспоминания о событиях Великой Отечественной войны отличаются более эмоциональным описанием происходившего и увиден-

ного. Поэтому картина войны представлена более яркой и контрастной. «Как сейчас помню этот счастливейший день, который не забудется никогда! Даже природа будто преобразилась. День выдался теплый, светлый и на душе как-то светло, приятно. Снова можно увидеть эти родные, знакомые лица красноармейцев, вздохнуть свободно всей грудью после тяжелых мрачных дней оккупации» [4, л. 29], воспоминания Т. Ушаковой наполнены непередаваемой радостью освобождения своей родной земли от оккупантов.

Детская картина войны в силу особенностей возраста мемуариста является достаточно неоднородной, зачастую состоит из отдельных отрывочных воспоминаний. Но события, запечатленные в памяти детей, будут носить значимый характер, как в судьбе самих очевидцев, так и при формировании осознанного образа войны в сознании данной категории людей. Со многими реальностями войны детям и подросткам предстояло знакомиться впервые. «Однажды, выглядывая из ворот, я видела странную черную закрытую машину. Меня удивило то, что она ехала очень медленно, как черепаха. Я тогда не знала, что это была душегубка, которая убивала людей отработанными газами» [4, л. 19], – написано в школьном сочинении ученицы 7 класса Э. Медко.

Постепенно подростки узнавали о значении слов «бомбежка», «эвакуация», «налет» не из произведений литературы, а на собственном опыте. Когда в 1942 г. во время учебных занятий детям сообщили, что уроки отменяются и нужно идти в убежище, ученики обрадовались. «Что такое «налет» мы не поняли, но помчались домой с криками «Ура!». Сначала мы смеялись, но потом перестали, потому что все люди бежали испуганные и спрашивали, где убежище» [8], детское чувство радости отмены уроков у юной Г. Оленской постепенно сменялось пониманием признаков военной поры. «Однажды, прочитав в газете про зверства фашистов, мы дали друг другу клятву, что будем тоже убивать фашистов. Но как это делать мы еще не знали» [8], через неосознанную радость приходила осознанная ненависть к захватчикам.

Еще одно открытие будней войны сделала юный мемуарист Г. Оленская – страх эвакуации может притупляться вкусностями из «эвакопайка»: «Я не очень понимала, что такое эвакуация. Знала только, что мы уедем из дома, а куда – никто не знает. Это страшно. Но зато мама получила вкусные вещи – сухарики, масло и варенье. Я целыми днями грызла сухари с маслом и вареньем. Тетя Аня сердилась, а мама сказала: “Пусть ест, пока живы. Неизвестно, что нас ждет”» [8]. Радоваться малому, подчас не задумываясь, что стоит за минутным удовольствием – в этом состоит особенность детского мировосприятия. Она находит свое отражение в воспоминаниях детей о военной поре.

Как правило, положительные и отрицательные эмоции соседствовали в юных сердцах. И только суровая военная действительность фор-

мировала и закаляла характер детей. Оказывалось, что война – это большая школа жизни, и она не спрашивает, в каком возрасте человек готов ее пройти.

Считается, что всю правду о Великой Отечественной войне знает только народ. А народ – это в том числе и дети самого разного возраста. Они тоже видели войну, и видели ее своими, детскими глазами. Картина войны, сформированная в детском возрасте, во многом отличается от подобных картин, возникающих в сознании людей старшего поколения. В силу психологических и возрастных особенностей подростки по-своему воспринимали и переживали происходившие во время Великой Отечественной войны события, становясь их невольными участниками.

-
1. Акимов К. И. Подвиг юных. М., 1974; В бою и в труде: Подростки в Великой Отечественной войне. М., 1982.
 2. Бодрова Е. В. Роль комсомола и молодежи в военно-массовой работе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990.
 3. В бою и в труде: Подростки в Великой Отечественной войне. М., 1982.
 4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р–807. Оп. 1. Д. 42.
 5. ГАКК. Ф. Р–807. Оп. 1. Д. 87; ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 896.
 6. ГАКК. Ф. Р–807. Оп. 1. Дд. 42, 43.
 7. Еремин В. Г., Исаков П. Ф. Молодежь в годы Великой Отечественной войны. М., 1984.
 8. Кубань сегодня. 2003. 31 мая.
 9. Национальный архив республики Адыгея. Ф. П–1123. Оп. 2. Д. 207, 587.
 10. Харченко Л. И. Шел ребятам в ту пору... Ставрополь, 1968.
 11. Юность мужала в боях: Статьи, очерки, документы. М., 1966.
 12. Якаев С. Н. Взаимодействие компартии и комсомола в тылу в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 1990.

Н. С. Булатова

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Общеизвестна мысль, взятая на вооружение нашими и зарубежными политиками: «Важно, чтобы история писалась нами, потому что тот, кто пишет историю, контролирует настоящее». В последние годы началось тотальное «переосмысление» нашего исторического прошлого. В частности, истории Второй мировой и Великой Отечественной войны. С уверенностью можно сказать, что Великая Отечественная война не закончилась, она продолжается. Идет изощренная, хорошо оплачиваемая война за умы нашей молодежи. Каков итог?

Приводим данные опроса студентов 3 курса Института ветеринарной медицины Омского государственного аграрного университета. Ниже-приведенные данные не претендуют на глобальность выводов, поскольку они касаются студентов одного вуза, но в определенной мере являются показательными. Студентам было предложено несколько вопросов.

1. Дата начала и окончания второй мировой войны.

1939–1945 гг. назвало 57,2 %

1941–1945 гг. – 19,9 %

Затруднились ответить – 19,9 %

Назвали другие даты – 3 %.

2. Дата Великой Отечественной войны.

1941–1945 гг. назвало 76,6 %

Назвали другие даты – 16,6 %

Затруднились ответить – 6,8 %

Необходимо отметить, что все точно назвали дату окончания войны.

3. Кого из военачальников, внесших вклад в победу в Великой Отечественной войне Вы знаете?

Назвали Г. К. Жукова – 86,6 %

Других военачальников – 53,3 %

Чаще всего встречались имена К. К. Рокоссовского и И. С. Конева.

Затруднилось ответить – 13 %

Назвали другие фамилии – 10 %.

В их числе были названы Суворов, Кутузов, Белинский, Комаров.

4. Какие сражения Великой Отечественной войны Вы знаете?

Сталинградскую битву назвали – 63,3 %

Битву за Москву – 40 %

Блокаду Ленинграда – 13,3 %

Затруднилось ответить – 13,3 %

Назвали несуществующие сражения – 3,3 %

Наиболее поразительные результаты были получены при ответе на вопросы:

5. Кто являлся союзником СССР? Кто являлся союзником Германии?

Наши союзники.

Франция – 46,6 %

Англия – 36,6 %

США – 33,3 %

Япония – 3,3 %

Среди других стран названы

Польша, Украина.

Союзники Германии.

Франция – 30 %

Англия – 26,6 %

США – 3,3 %

Япония – 33,3 %

Среди других стран названы

Италия, Китай, Испания,

Венгрия, Румыния,

Литва, Латвия.

Комментарии, как говорится, излишни. И это при том, что в данном вузе не забыто такое понятие как патриотическое воспитание. Проводятся вечера, посвященные Дню Победы, организуются встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, собираются материалы о родственниках – участниках войны.

Мы рассмотрели только количественные показатели, но есть и качественные. Идет «переосмысление» «новых» фактов и «нового видения» итогов и хода войны. Особенностью сознания современной молодежи является то, что под воздействием средств массовой информации и других источников все большее распространение получает иррациональность мышления. Молодой человек легко попадает под влияние специально создаваемой виртуальной реальности. Иллюзорные представления, внушаемые на уровне подсознания, вызывают большее доверие, чем реальность или доказательства, основанные на включении рационального мышления. Прошло время, когда о войне узнавали от отцов и дедов, вернувшихся с войны. Сейчас представление о ней формируют совсем другие источники.

К примеру, издаваемая массовым тиражом литература. Начиная с книг Резуна-Суворова и кончая прекрасно изданной серией «Военно-историческая библиотека». Из 12 томов мы узнаем о победах американского военно-морского флота. Из книг Клэй Блэйра – о мужественных подводниках фашистской Германии. М. В. Зефиров познакомит Вас с ассами люфтваффе и так далее. Перечислять можно очень долго. Результат? Студент с гордостью и восторгом заявляет: «У меня фамилия знаменитого немецкого (слово фашистского разумеется не произнесено) асса. Он сбил 30 ваших самолетов». Чью гордость, чье самосознание воспитывает данная литература? А где многочисленные издания о наших героях, о нашем мужестве, о наших победах?

Не последнее место в политтехнологиях по развенчанию истинных победителей играют кино и телефильмы. Старые фильмы о войне честные и трагические снимали те, кто знал о войне не понаслышке. Что знают о войне снимавшие «Бронепоезд», «Сволочи», «Штрафбат», названный «Золотой серией России», и другие. И бесполезно доказывать, взывая к фактам и разуму, что авторы представления не имели о том, что такое штрафбат, что автор «Сволочей» лгал, говоря что фильм снят на документальной основе. Что того, что показано в фильме не было и не могло быть по определению. Напрасны возмущенные выступления оставшихся в живых ветеранов войны. Их голосов никто не слышит. Почему за последние годы ни разу не показали старый фильм «Молодая Гвардия», снятый действительно на документальной основе там, где происходили показанные события, а судьями правдивости художественных образов были очевидцы.

Еще одним средством манипулирования массовым сознанием являются компьютерные игры, посвященные Второй мировой и Отечественной войнам. По опросам, в них играет более 20 % студентов. Естественно, что почти все игры иностранного производства и соответственной направленности. В игре «Call of Duty» битву за Сталинград ведут американцы, доблестно гоня фашистов до Берлина. В игре «Medal of Honor» вам опять предоставляют возможность воевать за американцев. Игра «Блицкриг» (Пылающий горизонт): из 18 миссий вы можете воевать на стороне русских только в 2 сражениях. «День победы»; Здесь вам предоставлена возможность играть за любое государство, но по условиям игры вы с трудом выигрываете сражение на стороне советских войск, даже если имеете 2–3 кратный перевес сил. 100 % опрошенных игроков утверждают, что проще всего выиграть, играя за американцев. Кто-то оплачивает издание именно этих книг, съемки именно этих фильмов, ведет закупку и разработку именно этих игр. Значит это кому-то нужно? Кому?

Почти ушло поколение участников войны, постепенно уходит послевоенное поколение. Уже большинство американской молодежи считает, что главным победителем фашизма явились США, воевавшие против Германии и их союзника СССР. 30 % японской молодежи думает, что атомные бомбы на Японию сбросил СССР, а американцы героически помогли ликвидировать последствия атомных бомбардировок.

Пройдет немного времени и наша молодежь забудет, кто был главным победителем фашизма и почему война называлась Великой Отечественной.

Д. М. Колеватов, В. П. Корзун

КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГЕРОИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛИТИЕ*

Слава великих побед – неотъемлемая часть национальной идентичности. Почитаемое героическое прошлое по определению персонифицировано, герой уникален, и в тоже время оно (прошлое) включается в контекст общеисторического развития, функционально как возвышающая, объединяющая, мобилизующая история. Героический нарратив, актуализировавшийся в годы войны, продолжает жить собственной жизнью, оставаясь мощным средством формирования коллективной идентичности.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие (вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.)», проект № 07-01-00301а.

Примером устойчивого и в то же время изменяющегося героического нарратива являются образы великих русских полководцев. Привнесенные из социального контекста предвоенных и военных лет, в последующий рассматриваемый нами период (период первого послевоенного десятилетия), они претерпевают существенную трансформацию. Безусловно знаковым исследованием в этом плане является работа Фритьофа Беньямина Шенка «Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000)». М.: НЛЮ, 2007. Применительно к интересующему нас периоду, автор проблематизирует связь исторической памяти с рамочными условиями – социально политическим контекстом бытия советского общества, подчеркивая внутреннюю готовность последнего к включению образа князя-героя в поле формирующейся коллективной идентичности. Германский автор показывает место, которое занимает » производство текстов и образов» об Александре Невском внутри советского дискурса памяти, роль князя-героя в создании героического нарратива, посвященного триумфальной победе советского народа в Великой Отечественной войне. Но что особенно важно для нашего исследования (мы занимаемся проблемой изменения образа исторической науки), Шенком ставится проблема трансформации образа Александра Невского в послевоенный период. Им отмечается сохраняющаяся функциональная устойчивость героического нарратива, посвященного князю – он используется как способ достижения внутренней сплоченности общества («мы-группы»), мобилизации его на борьбу с внешним врагом. Образ Александра Невского, по Шенку, даже в послевоенное время не может рассматриваться отдельно от дискурса о Великой Отечественной, и функциональная, сакральная значимость последнего приводит к тому, что даже в последующем, в процессе десталинизации, образы организаторов-предводителей патриотической борьбы остаются неприкосновенными. В то же время автор отмечает трансформацию образа под влиянием «холодной войны». В обстановке, когда выдвигается теория борьбы двух лагерей – народно-демократического и реакционно-империалистического, Александр Невский в официальном советском дискурсе рассматривается как великий предтеча, организатор борьбы с агрессией с Запада в далеком прошлом. Канонизируется выдвинутый ранее тезис о безусловном превосходстве, опережающем развитии русского военного искусства относительно западного. Шенк обращает так же внимание на некоторое изменение исторической акцентировки. В отличие от военного периода, когда подчеркивалось национальное противостояние, усиливается социально классовая направленность – Александр Невский выступает как руководитель общенародной борьбы с иноземными (немецкими, шведскими и т. д.) феодалами, причем решающая роль в этой борьбе отводится социальным низам. Исследование Шенка провоцирует ряд вопросов и, тем самым,

обозначает, намечает новые проблемные поля. Одним из них является вопрос о том насколько предложенная модель функционирования образа Александра Невского в культурной памяти является универсальной и приемлема ли она к другим героям-полководцам?

Рассмотрение содержательного взаимодействия исторического образа и социального контекста предполагает обращение к таким проблемам как иконографичность и историчность образов великих полководцев, сохранение прошлого ценой его востребованного изъятия из предшествующего социального контекста, функциональность прошлого в изменившихся исторических условиях. Рамочность исторических условий складывания/ функционирования/ закрепления («стереотипизации») исторической памяти может пониматься двояко. С одной стороны, она может быть представлена как «большая рамочность» синонимичная социально-политическому контексту, с другой стороны, безусловно важно учитывать уровень бытования исторической памяти в том числе целевую заданность и жанровые особенности исторических произведений-«хранилищ достопамятного».

С обозначенных позиций обратимся к рассмотрению энциклопедических текстов, посвященных великим русским полководцам. Речь идет о втором издании Большой Советской энциклопедии. Энциклопедические тексты интересны для нас как «точка встречи» большой и малой рамочности – социального заказа и жанровой специфики энциклопедической закреплённости социально-функциональной информации о персонализированном героическом прошлом. Рассматриваемые публикации содержат набор определенных социальных характеристик, служащих в советской историографической традиции основанием для причисления полководцев прошлого к пантеону героев мира эпопеи – «первых и лучших» классических представителей национальной традиции, обретения ими «эпической дистанции по отношению к «неспрямленным реалиям» исторического прошлого. Энциклопедические публикации начинаются характеристиками полководцев прошлого как национальных героев. Так Александр Невский рассматривается как «великий русский полководец, крупнейший политический государственный деятель и дипломат XIII в., национальный герой». Близкими в содержательном плане формулировками начинаются энциклопедические публикации, посвященные Дмитрию Донскому («великий русский полководец, впервые объединивший под главенством Москвы силы русского народа для общей борьбы против татаро-монгольского ига») и Дмитрию Михайловичу Пожарскому («выдающийся русский полководец и политический деятель, возглавивший вместе с К. Мининым героическую борьбу русского народа против польской и шведской интервенции начала XVII в.»).

Доминирование исторического позитива в рассмотрении и оценке деятельности названных героев-полководцев, игнорирование негативностей, снижающих героический образ (борьба с соперниками за власть, репрессии против непокорных социальных низов) создают ситуацию «усеченного энциклопедизма», иконографичности изображения полководцев прошлого («икона, а не портрет»)-согласно известной формуле В. О. Ключевского). В данном варианте «энциклопедической героизации» весьма значительна «эпическая дистанция» между историческим и мифологическим прошлым, действуют приемы черно-белой изобразительности, свойственные, как отмечает Д. С. Лихачев, летописцам русского средневековья – исторической эпохи, когда собственно и действовали рассматриваемые в энциклопедических публикациях герои-полководцы. Происходит, таким образом, своеобразное воскрешение преодоленной историографической традиции.

Сокращение дистанции между историческим и мифологическим, некоторый отход от черно-белой этикетности наблюдается при рассмотрении героев-полководцев нового времени. Отметим следующий интересный момент – герои-полководцы нового времени не рассматриваются в отличие от своих предшественников в качестве руководителей борьбы русского народа за независимость (некоторое исключение составляет М. И. Кутузов, который при отражении нашествия Наполеона сумел привлечь широкие народные массы). При оценке их деятельности употребляются социально-классовые характеристики, фиксируется их принадлежность к господствующему классу – дворянству и феодально-абсолютистскому государству-«политика Петра I была направлена на возвышение класса помещиков и развивающегося купечества за счет усиления эксплуатации крепостного крестьянства; ...тяжелым бременем ложились на крестьянство рекрутские наборы; посредством которых создавалась регулярная армия, Суворов, будучи сыном своего класса и своего времени, служил внешней и внутренней политике русского самодержавия, в царствование Екатерины II и Павла I участвовал в подавлении народных и национально-освободительных движений. Статус национальных героев они приобретают благодаря своей государственной, дипломатической, полководческой деятельности. Так, при характеристике Петра I подчеркивается, что он внес большой вклад в создание русского национального военного искусства – Полтавское сражение, проведенное под руководством Петра, привело к перелому в ходе не только Северной войны, но и в международной обстановке...он проявил себя искусным и дальновидным дипломатом,... расстроив планы английской дипломатии, стремящейся создать коалицию держав против России и не допустить закрепления ее на берегах Балтийского моря (в обстановке «холодной войны» актуализируется представление о Петре I как руководителе борьбы против враждебного Запада).

А. В. Суворов и М. И. Кутузов характеризуются формулировками почти идентичными – «великий (применительно к Кутузову употребляется даже формулировка гениальный) русский полководец, один из создателей передового русского военного искусства». Общепринятый в официальном историческом дискурсе тезис о превосходстве русского военного искусства развернуто раскрывается как раз через раскрытие деятельности этих полководцев, рассматриваемых в советской традиции в качестве классиков отечественного и мирового полководческого искусства (напомним, что равнение на классическое, или признаваемое таковым, является одной из характерных особенностей советской цивилизации). Сходство исторических ситуаций, давнего и недавнего исторического опыта, безусловно, влияет на формирование образа представителя героического прошлого. Так, определение «гениальный» применительно к М. И. Кутузову во многом объясняется и чертами сходства двух Отечественных войн (в первой из которой этот русский полководец сыграл выдающуюся роль) и воздействием известных оценок И. В. Сталина.

Трактовка образа героя-полководца в советском историографическом дискурсе в первое послевоенное десятилетие характеризовалась как наличием обозначенной дистанции между историческим и мифологическим, так и явно обозначившейся тенденцией к ее уменьшению.

Н. В. Лидер

УЧАСТИЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Огромная роль в патриотическом воспитании молодежи принадлежит Вооруженным Силам, но беды, которые пережила Россия за последние 15 лет не обошли и их стороной. Антиармейские настроения дали такие мощнейшие корни, что даже при самой активной поддержке Президента России корчевать их придется долго [3, с. 2]. Ничто так не пострадало в конце XX в. как идейно-нравственное, военно-патриотическое воспитание молодежи. Остро на сегодняшний день стоит проблема мотивации к военно-профессиональной деятельности. И если для России угроза существования института суверенного государства, утрата национально-культурной самобытности не пустой звук, то одной из первоочередных задач страны в начале XXI в. должно стать патриотическое воспитание россиян, особенно молодежи.

Одним из эффективных путей возрождения военно-патриотического воспитания, как нам кажется, является изучение опыта прошлых лет.

В своей статье мы обращаемся к опыту участия военно-учебных заведений Западной Сибири в военно-патриотическом воспитании молодежи в 1970-е гг.

В 1970-е гг. главным направлением патриотического воспитания было военно-патриотическое. Программа военно-патриотического образования в СССР была глубоко продуманна на государственном уровне, и вопрос о ней периодически поднимался на съездах КПСС и ВЛКСМ. В прессе и на телевидении много внимания уделялось освещению подвигов советских солдат и офицеров, рассказам о героической профессии защитника Отечества. Результатом такой деятельности было то, что Вооруженные Силы не испытывали недостатка в призывниках. Редко кто в детстве не мечтал стать моряком, летчиком, танкистом. Не все становились профессиональными военными, но от службы в армии никто не уваливал.

Военно-патриотическое воспитание советского народа призвано было «решать разносторонние задачи морально-политической, психологической, военной и физической подготовки трудящихся, особенно молодежи, к выполнению своего священного долга по вооруженной защите Родины, формировать у советских людей преданность идеалам коммунизма, чувство советского патриотизма и социалистического интернационализма, воспитывать революционную бдительность и классовую ненависть к империалистам и их пособникам, активную жизненную позицию, любовь к Советским Вооруженным Силам, повышать интерес молодежи к военному делу, к овладению военными специальностями, всесторонне готовить ее к службе в Вооруженных Силах СССР» [1, с. 5].

Для командиров, политорганов и партийных организаций Советских Вооруженных Сил военно-патриотическое воспитание молодежи являлось одним из важнейших направлений деятельности. Содержание, конкретные формы и методы участия в военно-патриотической работе среди местной молодежи определялись указаниями Министра обороны и начальника главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Большую роль в военно-патриотическом воспитании молодежи играла военно-шефская работа, масштабы которой поистине огромны. Военские части и соединения помогали школам, предприятиям и учреждениям оборудовать военные кабинеты и учебные пункты, строить стрелковые тиры и спортивные площадки, оказывать методическую помощь военным руководителям.

В училищах Краснознаменного Сибирского военного округа проводилась конкретная работа по обучению курсантов практике военно-патриотического воспитания. Например, курсанты Кемеровского высшего военно-командного училища связи шефствовали над 15 школами, 8 техникумами, 4 профессионально-техническими училищами, 9 радиоклубами.

Курсанты Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища шефствовали над 34 средними школами, 3 техникумами, 5 детскими домами, свыше 400 курсантов работали пионервожатыми [2, с. 37]. Интересен опыт Тюменского высшего военно-инженерного командного училища, курсанты которого работали в пионерском лагере «Сын полка», где были собраны трудновоспитуемые дети всех школ города [4, л. 51].

Военно-учебные заведения принимали активное участие в организации военно-спортивных лагерей для допризывной молодежи, помогали проводить военно-спортивные игры «Зарница» и «Орленок». Так, например, большую помощь в организации работы военно-спортивного лагеря оказывали омские высшие военные училища (общевоинское командное и танковое инженерное). Начальники этих училищ кроме размещения участников в лагере, выделения походных кухонь и кухонного инвентаря, назначали своими приказами начальников лагерных сборов из числа старших офицеров, помощников командиров взводов из числа курсантов третьего курса, обеспечивали боевым оружием и боеприпасами для отстрела учащимися начального упражнения из автомата, предоставляли учебные тактические поля и стрельбища, оказывали практическую помощь в показе учащимся во внеурочное время боевой техники, размещения, жизни и быта воинского подразделения [6, л. 190–191].

Большую работу по привитию молодежи любви к военной службе и профессии офицера, воспитанию морально-волевой и физической закалке, подготовке к поступлению в военное училище проводили юношеские военно-патриотические школы, создаваемые при военно-учебных заведениях. Так при Барнаульском высшем военном авиационном училище летчиков с 1968 г. стала существовать 2-х годичная школа юных космонавтов. Учащиеся изучали: аэродинамику, политподготовку, самолетовождение, радиооборудование, конструкцию самолета и двигателя, Уставы Вооруженных Сил СССР; сдавали нормативы спортивно-технического комплекса «Готов к защите Родины» [5, л. 253].

Действенными формами участия курсантов в военно-патриотическом воспитании молодежи являлись также выступления с лекциями и беседами перед студентами, учащимися школ, трудящимися области на патриотические темы; проведения в школах «Уроков мужества»; участие в подготовке и проведении военно-патриотических мероприятий, посвященных Дню Победы и Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота; участие в походах по местам боевой славы и в группах «Поиск»; в организации и проведении тематических вечеров, читательских конференций, викторин, посвященных героизму советских людей в военные годы; активное участие в работе оборонных обществ. И для самих курсантов участие в военно-патриотическом воспитании гражданской молодежи не

проходило бесследно, а становилось важным направлением патриотического воспитания будущих профессиональных защитников Родины.

Конечно, и в те годы в патриотическом воспитании были недостатки: классовый подход, политизированная направленность мероприятий, обязательность атеистического мировоззрения. Но, тем не менее, тогда было то, чего так не достает сейчас – высокий уровень организации, разнообразие форм, средств и методов работы по патриотическому воспитанию, уважительное отношение общественности.

В последние годы ситуация в стране начала меняться. Вопрос о патриотическом воспитании все чаще ставится на конференциях, симпозиумах. Активизировалась деятельность молодежных обществ, клубов историко-патриотической направленности, но престиж военной профессии остается на достаточно низком уровне. Несомненно, серьезная государственная поддержка, разумное использование огромного богатейшего опыта по военно-патриотическому воспитанию молодежи, накопленного в СССР, поднимет престиж профессии офицера на достойный уровень и вернет уважительное отношение к Российским Вооруженным Силам.

1. Бублик Л. А., Андрющенко Е. Г., Ковалев В. Н. и др. Военно-патриотическое воспитание советской молодежи. М., 1983.

2. Птенцов П. Г. Патриотическое воспитание в высшей военной школе. Новосибирск, 1978.

3. Российский патриотизм и реалии сегодняшнего дня // Красная звезда. 2007. 31 марта.

4. ФЦАМО. Ф. 10206. Оп. 012422. Д. 5.

5. ФЦАМО. Ф. 10209. Оп. 10617. Ф. Д. 11.

6. ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 3539.

Н. В. Якушина

ЦЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Российская армия во все времена опиралась на офицерский корпус, на кадровых военных, ценности которых представляют собой не отвлеченные понятия, а постоянно действующие мотиваторы их повседневной жизнедеятельности. Безусловно, они усваиваются через призму жизненных ценностей более высокого уровня, где военные выступают как обычные граждане, для которых имеют значение такие базовые понятия, как общение, семья, работа (служба), человеческая жизнь, благополучие и другие. Ценностные ориентации определяют поведение военнослужащих, их пристрастия, отношение к различным проявлениям жизнедеятель-

ности коллектива и общества в целом, самооценку и оценку действий других людей, побуждающие мотивы служебной и внеслужебной деятельности. Поэтому в условиях происходящих изменений в нравственном и психологическом состоянии общества в плане его готовности к собственной защите и обеспечению национальной безопасности, особое значение приобретает отношение к ценностям военной службы людей в погонах.

Всех военнослужащих можно разделить на множество пересекающихся социальных подгрупп по должностному, профессиональному, служебному и другим признакам. Каждой из них присуща своя система отношений к существующим ценностям военной службы. Однако, именно система ценностей определяет выбор военной профессии и приверженность ей, преданность различным идеям, удовлетворенность или неудовлетворенность службой.

Глубинное интервью с офицерами воинской части 03013 позволило выявить ценности военнослужащих и их трансформацию в современном обществе, через изучение характера отношений к значимым для них составляющим военной службы.

В определении причин выбора службы в армии как основного вида профессиональной деятельности мнения опрошиваемых разделились. В большинстве своем, офицеры идут служить в армию по семейной традиции, осознанно делая такой выбор. Поскольку они росли в семье военных, то с детства жили в военных городках, в непосредственной близости от армии. Часть опрошенных офицеров ответила, что причины остались те же, что и ранее, в основном материальные, просто уровень этих материальных благ в советское время был намного выше. По словам майора Максина, «... в СССР лучше проводилась агитация в рядах армии, следовательно, военные не знали о ее проблемах, которые существовали всегда». А вот майор Голобоков и капитан Жолудев говорят, что причины изменились. По его словам, сейчас престиж армии выше и материальное положение военнослужащих стало лучше. Как сказал капитан Жолудев: «... раньше шли служить из-за романтики, думали, что мир смогут сделать лучше; за деньгами, как сейчас, мало шли служить».

Значимость вопроса о том, какие ценности военной службы были важны для вас в начале вашей службы, очевидна, потому что опрошенные офицеры либо сами начинали служить в советское время, либо тогда служили их отцы. Итак, в начале службы для всех офицеров были важны такие ценности, как: защита Родины, романтизм, дружба, которые после первых лет службы поменялись на материальные ценности (получение жилья, отпуск, льготы).

В настоящее время для всех опрошенных офицеров на первое место вышли экономические ценности, а также получение квартиры, пенсия. Хотя для командиров, кроме этого, актуальны проблемы подготовки

солдат срочной службы и хорошая атмосфера в коллективе. Следует отметить, что в настоящее время все опрошенные имеют семью. Поэтому семья как особая ценность, ее материальное обеспечение выходит на первый план. Вот что по этому поводу сказал старший лейтенант Макаренко: «Ценности военной службы и отношение к ней зависят от семейного положения. Семейный офицер не может себе позволить мотаться по гарнизонам, он должен думать о жене, детях, т. е. искать стабильности».

По мнению опрошенных, отношение государства к военнослужащим существенно влияет на их отношение к военной службе. По их мнению, государство должно заботиться об армии. Например, в царской армии, когда офицер шел в бой, он был точно уверен, что в случае его гибели, государство позаботится о его семье. «В советское время социальные льготы были шире, заработная плата больше, служба интереснее, обучение солдат лучше. Еще действовали так называемые политотделы, которые психологически помогали военным». Офицеры считают, что сейчас государство хуже относится к армии, а в материальном плане оно вообще отвернулось от военных. В рядах военнослужащих в настоящее время их удерживает лишь возможность получения квартиры, льготы и стабильность, поскольку это все-таки государственная структура.

Офицеры считают, что именно от командования в большей степени зависит отношение их подчиненных к службе. Очень важно, чтобы командование было компетентно в вопросах современной техники, что в настоящее время является большой проблемой из-за старения командного состава. Также важен стиль общения и используемый язык, которые у высшего командования не всегда удовлетворительны. Естественно это не нравится подчиненным, из-за чего и складывается негативное отношение к службе. Именно командование, по их словам, создает атмосферу внутри коллектива. Например, если командование не поощряет инициативу, то и проявлять ее офицеры не хотят. Словами капитана Жолудева можно подвести итог по данному вопросу: «Как говорит пословица «если есть в доме хозяин, то и порядок будет». А сейчас таких командиров нет, все думают только о себе».

В настоящее время ценности военной службы меняются в корне. Ранее были важны такие ценности, как патриотизм, долг перед Родиной, чувство коллектива. Сейчас, как говорит майор Максин, «молодые офицеры не проявляют никаких патриотических чувств, в основном идут служить ради стабильности, материальных благ».

Опрошенные назвали еще один важный фактор формирования ценностей военной службы – это атмосфера в рабочем коллективе и сам коллектив. В этой связи очень интересно мнение капитана Жолудева, который был единственным из опрошенных, кто служил в районе боевых действий. Он отмечает, что в боевых частях люди намного сплоченнее и не

только на службе, но и вне её. Они мало задумываются о материальной стороне службы, для них важнее дружба, чувство коллектива, взаимопомощь и защита Родины.

Главная особенность ценностных ориентаций военнослужащих заключается в структуре ценностей военной службы, в которой, кроме материально-бытовых и познавательно-развивающих, выделяются также военно-корпоративные и военно-профессиональные.

Усилить профессиональную ориентацию военного человека позволит предоставление возможности повышения образования военнослужащим, в том числе и в гражданских вузах; создание достаточно мощных общественно-государственных ветеранских структур, которые могли бы осуществить поддержку военнослужащих после их увольнения в запас и т. д. Вероятно, от решения этих вопросов во многом будет зависеть безопасность страны, качество ее оборонного потенциала.

Таким образом, в современных условиях происходит трансформация ценностных ориентаций военных. На первый план выходят ценности меркантильного плана, а не военно-корпоративного и военно-профессионального, как было ранее. Второй особенностью являются факторы, влияющие на формирование ценностных ориентаций военных, а именно: отношение государства к военнослужащим, отношение командования к своим подчиненным, атмосфера в рабочем коллективе и сам коллектив, который является целостным социальным объектом и социально-психологической средой жизнедеятельности военнослужащих.

В. Н. Ромашии, А. Ф. Иоаниди

ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ОФИЦЕРА РОССИЙСКОЙ АРМИИ И ТРЕБОВАНИЯ ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ЕГО ПОДГОТОВКЕ

Офицер – это надежда нации. Без него армии нет. Без армии нет государства. Без государства нет свободы граждан, нет достойной жизни, нет будущего ни у живущих, ни у потомков.

Офицер – профессия особая, и эта особенность проявляется в своеобразных требованиях к его качествам. Суть проблемы выразил в кратком изречении генерал М. И. Драгомиров: «...велика и почетна роль офицера... и тягость ее не всякому под силу». Офицерская профессия более чем любая другая требует призвания. Эта профессия трудна (физически, морально и психологически), опасна даже в мирное время, требует высокой самоотверженности, доходящей до самозабвения. Ряды офицерского корпуса покинуть значительно сложнее, чем порвать с какой-либо другой специальностью. Офицерская служба сопряжена со многими лишениями,

неудобствами, которые не испытывают представители других профессий. Денежное вознаграждение за офицерский труд, как правило, не соответствует той высокой его «стоимости», которой по справедливости этот труд должен бы оцениваться. Высокая степень ответственности, ограниченность гражданских и личных прав и свобод тяжелым бременем ложатся на душу офицера и требуют высочайшего уровня сознательности и самоограничения. Не каждый человек в состоянии нести по жизни такой «крест».

Все сказанное и определяет высокую значимость призвания в офицерской профессии, ибо, по словам М. Меншикова, «...в военном деле это безумное условие возведено в закон».

В настоящее время под словами «офицерский состав» понимается административно-правовая категория лиц, имеющих военную или военно-специальную подготовку (образование) и персонально присвоенные офицерские звания.

Офицерский корпус – становой хребет любой армии. Эта истина многократно подтверждена отечественной и мировой историей. Специалисты едины в том, что главной трудностью при организации армии является создание корпуса офицеров, способных «вдохнуть жизнь в новые формирования». С потерей офицеров возможность использования армии исчезает.

Для русского офицера всегда были характерны великодушие, личное обаяние и справедливость, гуманное отношение к народам других стран. Византийские историки говорили о наших предках «как о чудесных людях, которые отличались от других северных народов не только своей храбростью, но и ... добродушием».

Общие военно-профессиональные требования обязательны для всех без исключения офицеров. Они обязаны в совершенстве знать основные положения военной доктрины РФ, структуру Вооружённых Сил, принципы военного искусства, характер, природу и содержание вооружённой борьбы в XXI в., характер задач войск, формы и способы их выполнения, обеспечения и управления, до автоматизма освоить алгоритм работы по организации выполнения боевых и иных задач. Столь же прочно нужно знать систему деятельности воинского коллектива, уметь эффективно управлять ею. Это и многое другое зависит от выучки, умения высококачественно обучать и воспитывать подчинённых. Поэтому каждый офицер должен быть не просто высококвалифицированным профессионалом в своей области, но и умелым методистом, педагогом, воспитателем. Ему должны быть присущи развитое тактическое и оперативно-тактическое мышление, высокие морально-боевые и психологические качества – развитые чувства офицерской чести, достоинства и уважения достоинства других [2, с. 12–13]. Сумма общегосударственных и военно-профессиональных требований являются по своей сути моделью специалиста. На их основе формируются профессиональные образовательные программы по специальностям.

В современных условиях важным требованием к офицерскому составу является формирование не простых исполнителей, запрограммированных на решение стереотипных задач, а личностей творческих, способных к постановке и решению военно-профессиональных задач конструктивными и нестандартными способами.

Если обобщить основные требования к современному офицеру на каждом этапе его учебы, то на выходе из вуза он должен обладать:

- 1) качествами квалифицированного военного специалиста;
- 2) качествами умелого руководителя подразделения, организатора всех видов воинской деятельности;
- 3) качествами квалифицированного военного педагога, умеющего обучать и воспитывать подчиненный личный состав.

Профессионализм офицера проявляется:

– в высокой военно-профессиональной и общеобразовательной подготовке и в обладании многосторонней квалификацией, позволяющих ему уверенно выполнять военно-профессиональную деятельность на всех уровнях военной карьеры;

– в быстроте приспособляемости к новым условиям и требованиям военной службы;

– в непрерывном расширении видов военно-профессиональной деятельности, осваиваемых им в течение всего периода службы в Вооруженных Силах;

– в умении творчески использовать приобретенные знания, умения и навыки, применять их в решении боевых и служебных задач;

– в широкой эрудиции и высокой общей культуре, обеспечивающих определенный социальный статус офицера как образованного человека и государственного служащего;

– в высокой профессиональной мобильности, характеризующейся быстротой переключения от одного вида деятельности (боевой, эксплуатационной, педагогической и т. д.) к другому;

– в умении анализировать деятельность подчиненных и свою собственную деятельность, принимать обоснованные решения и добиваться их выполнения.

Каждый офицер – это прежде всего военный руководитель. Содержание деятельности и функций офицеров различных специальностей специфичны [1, с. 45]. В связи с тем, что ему в течение своей службы приходится занимать ряд должностей, отличающихся друг от друга и объемом необходимых военно-профессиональных знаний, умений и навыков, уровнем ответственности.

Профессионализм офицера зависит в значительной степени от качества и результативности процесса его подготовки в вузе. Поэтому одновременно с реорганизацией армии и флота необходимо сформировать

адекватный им процесс профессиональной подготовки офицерских кадров, отвечающий новой структуре и задачам Вооруженных Сил, реальным возможностям государства.

В. В. Путин сказал: «Наша армия, с честью выходя из долгого кризиса, становится все лучше и профессиональней... И в наше сложное время военные вновь доказывают, что они не только профессионалы, но надежная опора, крепкий тыл для всей страны... Борьба с вооруженными до зубов агрессорами, могут только военные, только профессионалы. Слово «защитник» приобрело реальный смысл, а граждане России почувствовали надежное армейское плечо. Стал восстанавливаться престиж военной службы. У людей в погонах возродились уверенность и личное достоинство... Военные – это прежде всего государственные люди. И без вашей трудной работы нет и не может быть сильной страны».

1. Барабанщиков А. В. Психология и педагогика высшей военной школы. М., 1989.

2. Панков Н. Мы в самом начале пути // Военное образование. 2003. № 25–26.

И. А. Бонченко

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВОЕННОМ ВУЗЕ

Воспитание в военно-учебном заведении – это процесс целеустремленного и организованного взаимодействия и воздействия должностных лиц военного управления, профессорско-преподавательского состава на сознание, чувства, волю военнослужащих и воинские коллективы в целях формирования у них высоких морально-боевых, психологических и профессиональных качеств, эстетического отношения к действительности, развития и совершенствования духовных и физических сил.

Воспитание издавна относилось к разряду самых трудных и важных дел. «Два человеческих изобретения можно считать самыми трудными, – писал И. Кант, – а именно искусство управлять и искусство воспитывать...».

Многократно возрастает значение воспитания в подготовке офицерского состава. Не случайно со времен Петра I воспитанию уделялось огромное внимание в русской военной школе. Наиболее характерными чертами системы воспитания здесь являлись: опора на национальные традиции и обычаи, широкое использование воинских ритуалов; умелое сочетание воинского и религиозно-нравственного воспитания; бережное отношение к истории регулярной армии, пропаганда героического прошлого; привитие прогрессивных демократических традиций во взаимо-

отношениях начальников и подчиненных; использование лучших традиций русской армии.

Отсутствие четкой системы воспитания в военном вузе и согласованности в работе основных ее звеньев в конечном счете, как показывает мировой и отечественный опыт, не позволяют реализовать в полном объеме имеющийся потенциал военно-учебного заведения. А. В. Суворов писал: «Не руки, не ноги, не брэнное человеческое тело одерживают на войне победу, а бессмертная душа, которая правит и руками, и ногами, оружием – и если душа воина велика и могуча, не предается страху и не падает на войне, то победа несомненна, а потому нужно воспитывать и закаливать сердце вот так, чтобы оно не боялось никакой опасности и всегда было неустрашимо и бестрепетно!»

Таким образом, цель воспитания курсантов и слушателей состоит в формировании у них научного мировоззрения, готовности к освоению военной профессии, верности воинскому долгу и войсковому товариществу, дисциплинированности и на этой основе достижении высокого уровня морально-психологического состояния личного состава, сплоченности коллективов и способности подразделений успешно решать практические задачи учебно-воспитательного процесса. Такой подход к воспитательной системе высшего военно-профессионального учебного заведения безусловно требует готовности курсантов к гуманным отношениям.

Попытаемся раскрыть основные проблемы учебно-воспитательной работы в военном вузе.

Воспитание курсантов и слушателей в военном вузе – это весь уклад жизни военного учебного заведения. Это, во-первых, и точность выполнения распорядка дня, и чистота в аудиториях и казармах, на территории, и сервировка столов в столовой, и уставная организация службы суточного наряда. Одним словом, все, что окружает обучаемого на протяжении его жизни в военном вузе. И самое главное – личный пример отношения службе и воинскому долгу, внешний вид, строевая подготовка, командирская требовательность и педагогический такт всех офицеров, прапорщиков и гражданского персонала. Во-вторых, это конкретные мероприятия воспитательной работы, которые имеют свои специфические формы, методы и преследуют цель формирования у курсантов и слушателей определенных качеств, навыков, знаний, необходимых будущему офицеру.

Субъектами воспитания в военно-учебном заведении выступают: командование, отдел воспитательной работы, профессорско-преподавательский состав кафедр, командование факультетов, отделов, служб и подразделений обеспечения; общественные организации (офицерские собрания, женские советы и т. п.), а также и сами курсантские и слушательские коллективы.

Как отмечал видный русский военный теоретик М. И. Драгомиров: «Велика, почтенна роль офицера, и тягость ее не всякому под силу. Мно-

го души надо положить в свое дело для того, чтобы с чистой совестью сказать: “Много людей прошло через мои руки, и весьма мало было между ними таких, которые оттого не стали лучше, развитее, пригоднее для всякого дела. Ни одного я не сделал негодяем, ни одного не заморил бес-толковой работой или невниманием к его нуждам; ни в одном не подорвал доверия к собственным силам”».

Исторический анализ показывает, что спасение России наш народ всегда видел в армии, а спасение армии – в офицерах. Сегодня на офицерских кадрах, и особенно на молодом поколении офицеров, лежит огромная ответственность. Являясь носителем военных знаний, морального духа и боевых традиций, офицерский корпус всегда выступал основным, формирующим фактором боеспособности армии. Его трудами армия во все времена становилась школой духовно-нравственного развития, чести и доблести, дисциплины и здорового патриотизма. В современных условиях от позиций офицеров их личного вклада в реализацию задач военного строительства зависит будущее вооруженных сил страны.

Столь высокая и ответственная миссия предполагает наличие у офицеров таких качеств, как патриотизм, профессиональная компетентность, способность взять на себя ответственность за решение сложных задач, вовремя заметить и поддержать инициативу, мобилизовать волю и энергию личного состава, умение работать с людьми и воспитывать их. При этом важно, чтобы отношения носили характер товарищества, взаимовыручки и взаимоподдержки. Ведь в критической ситуации, в боевых условиях важно чувствовать «плечо друга».

Формирование и развитие указанных качеств в немалой степени достигается в процессе целенаправленного, четко организованного воспитания в военно-учебных заведениях, где закладываются основы будущего офицерского корпуса страны, и продолжается в войсках (силах) в течение всей службы офицерского состава.

А. К. Салихбаев, Я. И. Радзицкая

ПРИЧИНЫ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Большие и ответственные задачи стоят перед воинами внутренних войск. Объем этих задач определен Законом Республики Казахстан «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Казахстан», «Правилами боевой службы Внутренних войск МВД Республики Казахстан». Следует отметить, что военнослужащие срочной службы Внутренних войск МВД Республики Казахстан выполняя боевые задачи по охране исправительных колоний, конвоированию осужденных, охране обще-

ственного порядка должны быть морально, психологически устойчивыми, физически подготовленными, уравновешенными, поскольку почти 70 % военнослужащих выполняют служебно-боевые задачи с оружием. Каждый из них должен уметь правильно руководствоваться Уставом боевой службы Внутренних войск МВД по применению оружия в любой обстановке.

Исследование опыта прохождения службы во внутренних войсках МВД дел Республики Казахстан показывает, что доля трудных воинов в подразделениях составляет сегодня от 20 до 30 %, что представляет собой одну из основных причин роста дисциплинарных проступков, правонарушений и преступлений в воинской среде. В научной литературе отклоняющееся поведение рассматривается как нарушение развития личности, при котором, наряду с нанесением физического ущерба организму, происходит трудовосполнимая утрата духовности, падение нравственности, что приводит в конечном итоге к дисфункции личности и социальной дезадаптации различной степени [2, с. 178].

Изучение реальной войсковой практики, директив и приказов командующего Внутренних войск МВД Республики Казахстан по вопросам воинской дисциплины, правопорядка службы войск за 2005–2007 гг., позволило установить, что наиболее распространенными, социально-опасными проявлениями отклоняющегося поведения солдат и сержантов частей войск являются: самоубийства и покушения на них; самовольные оставления мест службы и дезертирство; издевательства и грубость военнослужащих старших периодов службы по отношению к младшим; хищение оружия, боеприпасов и других материальных средств; грубые нарушения правил караульной и внутренней службы; умышленные убийства сослуживцев; наркомания, пьянство и токсикомания. Одной из причин значительного количества небоевых потерь во внутренних войсках МВД Республики Казахстан является совершение военнослужащими суицидальных действий. Во всех ситуациях, проанализированных психологами и командирами, суицид допускали военнослужащие с отклоняющимся поведением. В общей структуре доля таких потерь на протяжении пяти лет составляет от 0,1 % до 0,2 %. Несмотря на принимаемые меры, не имеются устойчивой тенденции к снижению количества подобных происшествий. При том, что сравнительная статистика свидетельствует в пользу определенной эффективности принимаемых в войсках мер по профилактике суицидального поведения, значительный потенциал по устранению причин и условий, способствующих добровольному уходу из жизни военнослужащих или же попыток данного ухода, остается незадействованным [4, с. 5]. В этой связи необходим социально-педагогический подход к анализу отклоняющегося поведения, поскольку он позволяет показать сложившиеся у военнослужащих комплексы отрицательных качеств и негативные стереотипы поведения, определить их зарождение, и закрепление

в соответствии с возрастной периодизацией от рождения до службы в армии. Наблюдая отклонения в поведении военнослужащих, можно сформулировать следующую закономерность: являясь объективным отражением реальной действительности, возрастного формирования человека, отклоняющееся поведение носит негативный характер лишь тогда, когда оно противоречит сложившимся общественным отношениям, сущностной природе каждого индивида. Поэтому состояние неприятия и сопротивления педагогическому воздействию и взаимодействию у допризывной и армейской молодёжи представляет собой динамичное социально-педагогическое и психологическое явление, которое развивается от едва заметных, слабо выраженных и неустойчивых в детском возрасте поведенческих отклонений до устойчивого негативного поведения у молодых людей.

Анализ специальной литературы свидетельствует о том что, возраст человека является относительно ограниченной по времени ступенью нравственного, психического и физического развития [2, с. 45]. Он характеризуется совокупностью закономерных физиологических, психологических и социальных изменений, являющихся общими для развивающихся молодых людей. Для каждого возраста характерна специфическая ситуация негативного развития, т. е. определенное соотношение влияний социальной среды и внутренних условий формирования отрицательных качеств личности. Взаимодействие внешних и внутренних факторов порождает типичные негативные проявления поведения во многом сходные для молодых людей одного возраста. Поэтому можно констатировать, что главной закономерностью отклонений в поведении допризывной и армейской молодёжи является следующая: негативное развитие человека есть результат активного взаимодействия его неблагоприятных природных задатков и отрицательных социальных условий [3, с. 36].

Применительно к внутренним войскам МВД Республики Казахстан возраст военнослужащих по призыву составляет от 18 лет до 21 года, а возраст военнослужащих-контрактников от 21 года до 29 лет. Обобщенные термины «призывная молодёжь», «молодые люди» и другие употребляются, как правило, для обозначения социально-возрастных групп соответственно до 18 лет. При этом совершеннолетие понимается не формально, а как нижняя граница (18 лет) вступления в жизнь в качестве полноправных субъектов государства, общества и Вооружённых Сил. Выведение верхнего возрастного предела связано с завершением срочной (а иногда и контрактной) службы и окончательной включенностью молодых людей в среду трудовых отношений, приобретением жизненной самостоятельности.

Кроме этого заметим, что смена ценностных ориентации и ведущих мотивов, начавшаяся у призывников ещё в подростковом и юношеском возрасте, как правило, переносится и в армейские условия. Подоб-

ные тенденции, как показывают специальные исследования, формируют соответствующие целевые установки военнослужащих срочной и контрактной службы: они стараются проходить службу в престижных боевых частях или рядом с домом (65 % опрошенных призывников), получить перспективную гражданскую специальность, хорошо заработать и получить в армии квартиру (до 60 %), стремятся защищать своё государство и народ (лишь 16 %) [1, с. 87].

В части и подразделения всё чаще призываются молодые люди с новым отношением к жизни, с различными морально-психологическими установками к выполнению воинского долга перед Родиной. Отсюда справедливым считается мнение о том, что концепция армейского воспитания должна предусматривать, прежде всего, перевоспитание, формирование новых моральных установок, военно-профессиональной направленности, физической и психологической готовности к ратной деятельности, что предполагает и совершенно новые формы и методы работы офицерского состава [5, с. 46].

Проведенные в процессе прохождения воинской службы наблюдения убеждают, что отклонения в поведении военнослужащих появляются и проявляются постепенно. Поэтому динамику отклоняющегося поведения можно определить следующим образом: по мере перехода из одного возраста в другой различные отклонения в поведении могут усиливаться, усугубляться и прогрессировать, превращаться из незначительных недостатков характера в устойчивые негативные качества личности и отрицательные формы поведения. Следовательно феномен отклоняющегося поведения достаточно часто проявляется в армейских условиях и потому требует исследования механизма деформации личности военнослужащего на разных возрастных этапах её развития.

Как известно, у истоков формирования совершеннолетних, переходящих в своём развитии к периоду зрелости, молодых людей, служащих в армии, стоят офицеры. Основы поведения, как уже отмечалось, заложены до призыва на армейскую службу, и для того, чтобы грамотно управлять развитием личности военнослужащих по призыву, необходимо командирам всех степеней знать механизмы деформации поведения призванной молодежи.

После прибытия из карантина, как известно, для молодых солдат наступает период адаптации (как правило, он длится от трёх до шести месяцев службы). В этой связи офицерам и сержантам необходимо знать и учитывать трудности, обуславливающие отклоняющиеся поведения военнослужащих, которые могут проявляться именно в данный период их службы.

Главной трудностью является привыкание к условиям армейской службы. Поэтому особое внимание следует обращать на военнослужащих с затруднённой адаптацией к службе, к которым относятся воины, слабо

владеющие казахским, русским языком; воспитывавшиеся в «тепличных» условиях, для поведения которых характерны растерянность, подавленность, отставание в учёбе и службе; заявляющие жалобы на здоровье; отказывающиеся от приёма пищи; демонстрирующие различные порезы кожи на частях тела или другие разновидности членовредительства; совершающие самовольные отлучки и побеги из подразделения; с истерическими припадками и др. [3, с. 48].

Таким образом, проявление отклоняющегося поведения у военнослужащих Внутренних войск МВД Республики Казахстан происходит не вдруг, не спонтанно, а имеет под собой биологическую и социальную природу, специфические закономерности и тенденции формирования и развития, психолого-педагогический механизм деформации поведения молодых людей, соответствующий возрастным особенностям воина как индивида, человека, личности.

-
1. Ефремов И. К. Военно-социальное управление: проблемы теории и практики. М., 2001.
 2. Психология и педагогика. Военная психология: Учебник для вузов / Под ред. А. Г. Маклакова. СПб., 2005.
 3. Резник Н. И. Теория и практика воспитания военнослужащих. М., 2005.
 4. Сулейменов К. Ш. Перспективы развития внутренних войск // Калкан. 2007. № 9. С. 32–34.
 5. Умуркулова Д. Г. О природе девиантного поведения // Евразия. 2005. № 1. С. 53–59.

Е. Н. Романова

К ПРОБЛЕМЕ ОСНОВАНИЙ АНАЛИЗА ВОЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Военная идентичность понимается автором как осознание индивидом своей принадлежности к военной культурной среде, принятие культурных норм и образцов поведения, ценностей и образа жизни. Это определение достигнутой, сформированной идентичности. Однако большинством авторов признается постепенное формирование идентичности, которое начинается с подражания, копирования практик значимых других, конформизма. Усвоение новых культурных норм и формирование идентичности начинается с адаптации, внешнего приспособления к существующим нормам, ролям, отношениям. Этот этап предшествует интериоризации, сущностному усвоению культурных норм. В этих условиях особое значение приобретает культурное пространство как часть социального бытия, которая репрезентирует социокультурные нормы и ценности воен-

ного сообщества. Таким образом, погружение в культурное пространство военной среды выступает первым этапом военной идентификации.

Наблюдение особенностей военной идентичности и связанных с ней трудностей оказали значительное влияние на основоположника теории идентичности Э. Эриксона. Анализируя опыт реабилитации ветеранов войны во Вьетнаме, Э. Эриксон пишет: «Чувство идентичности в армии было сильнее всего у тех, кто успешно продвигался по службе или входил в высокомеханизированные соединения. Однако люди, чья «эго-идентичность» во время военной службы укрепилась, иногда ломались после увольнения, когда выяснялось, что сформированный у них во время войны образ Я не соответствует их более скромным возможностям в гражданской жизни. Но многие не находили в армейской жизни с ее ограничениями и дисциплиной идеальных моделей поведения. Поскольку американская групповая идентичность поддерживает «эго-идентичность» отдельного индивида тогда, когда ему удастся сохранить некоторый элемент намеренной неопределенности решения, когда он смог убедить себя, что следующий шаг зависит от него. Для многих солдат идентичность военного была отражением жалкого прототипа простофили, который позволяет сбить себя с толку, помешать ему гоняться, как другие, за удачей и де-вушками [3, с. 76–77].

Феномен, называемый «вьетнамским синдромом», во многом напоминает «афганский синдром» или «чеченский синдром», когда, вернувшись с войны, военнослужащие не могли найти свое место в жизни. Они вернулись с войны «другими», вели себя независимо в отношениях с вышестоящими и очень требовательно в отношениях с подчиненными, в общении с равными не терпели фальши и лицемерия, были чересчур прямыми. Участников непопулярной войны общество отторгло, будь то открытая враждебность, равнодушие или просто непонимание, и афганцы стали замыкаться в себе, «уходить в леса» или искать друг друга, спланиваться в группы, создавать свой собственный мир [2, с. 31].

Наблюдение психологов за поведением ветеранов локальных военных конфликтов и беседы с ними показывают, что сформировавшийся у них в боевой обстановке комплекс личностных изменений порой трансформируется в своеобразный синдром «воензированной психики». У большинства участников боевых действий отмечается ярко выраженное желание быть понятым. Они хотят иметь в контакте с окружающими такую обратную связь, которая бы явно подтверждала, что они сражались за правое дело, что их участие в жестоком насилии нравственно оправданно и социально полезно. Важной тенденцией, характеризующей психическое состояние участников боевых событий, является стремление быть принятым в систему социальных связей и отношений мирной жизни с более высоким, чем прежде, социальным статусом. Это объясняется тем, что дело,

которое они делали «там», социально более значимо, чем то, которым занимались военнослужащие, оставшиеся в местах постоянной дислокации частей. Им трудно свыкнуться с мыслью, что в то время, когда они рисковали жизнью, в стране, в армии ничего не изменилось, общество вообще не заметило их отсутствия. Более того, оказывается, не все люди разделяют их взгляды на цели, характер и способы ведения войны [1, с. 116]. Таким образом, участники локальных конфликтов испытывают кризис военной идентичности, связанный с противоречием ценностей военной и мирной жизни и неоднозначной оценкой войны обществом.

Кризису военной идентичности подвержены не только участники локальных боевых действий, но и все современные военнослужащие, столкнувшиеся со сменой общественных ценностей, приоритетом индивидуализма и материального благополучия над традиционными воинскими ценностями корпоративности и беззаветной службы Отечеству. В информационном потоке, содержащем противоречивые оценки военной службы, сложно быть уверенным в идеалах государственности, патриотизма и воинской чести.

Люди со сформированной военной идентичностью («военная косточка») зачастую сталкиваются с противоположной проблемой адаптации к условиям гражданской жизни после увольнения. Трудности сводятся не только к проблеме трудоустройства, но и к проблеме психосоциальной адаптации, когда резко изменяется социальный статус личности. Психологи отмечают, что уволенные в запас становятся ранимыми, менее устойчивыми к стрессовым ситуациям. В поведении бывших военнослужащих часто отмечаются такие черты, как эмоциональная неустойчивость, замкнутость, обидчивость, повышенная тревожность, пассивность, страх перед неудачей, т. е. черты диаметрально противоположные тем, которые благоприятствуют процессу успешной адаптации. Важнейшей задачей в этих условиях, как для увольняемых военнослужащих, так и для общества в целом, является организация безболезненной интеграции в новую социокультурную среду, с сохранением всех положительных качеств, сформированных в армии.

Таким образом, проблему военной идентичности следует рассматривать под разными углами зрения в зависимости от различных групп военнослужащих. Применительно к военным учебным заведениям, мы предлагаем следующую теоретическую схему:

- Подражание и овладение внешней символической средой, знание и следование воинским культурным традициям, этикетным нормам и правилам поведения, готовность принять новую социальную роль, включиться в новую систему отношений.
- Восприятие морально-эмоциональных и ценностных компонент идентичности, формирование аффективного и ценностного отношения

к военной службе; освоение когнитивного ядра идентичности, принятие рациональных идей военной службы, рефлексивное отношение к военно-культурным нормам. Кризис идентичности, переосмысление военной культуры с учетом собственного опыта и восприятия.

- Преодоление кризиса идентичности, включение индивида в культурную деятельность по поддержанию старых и формированию новых культурных норм.

1. Караяни А. Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах. М., 1999.

2. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.

3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Н. Н. Снежанская

О НЕОБХОДИМОСТИ УКРЕПЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ И АРМИЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Социально-политические реформы, идущие в нашей стране уже более двух десятков лет, затрагивают самые разные стороны функционирования российского государства и общества. Процессы преобразования экономического и идеологического укладов в России вызвали глубокие и далеко не всегда положительные изменения в моральном, нравственном, психологическом состоянии граждан. Коренным образом поменялось отношение людей к государству: они стали более критичными, требовательными, осознающими свои права и трезво оценивающими действия государственных структур по их защите. В частности, растущий уровень правосознания россиян, которые постепенно учатся уважать свое достоинство, и, как следствие, отстаивать свои права перед государством, появление частной собственности и безработицы, падение уровня социально-экономической защищенности граждан в связи с отказом государства от исполнения многих социальных функций, ухудшение физического здоровья нации, а также демографической ситуации и т. д. – привели к серьезным переменам во взаимоотношениях общества и армии.

Отчуждение общества и армии в России медленно, но неуклонно растет. К сожалению, о происходящих сегодня в армии позитивных процессах в российском обществе осведомлены крайне недостаточно. Средства массовой информации (СМИ) предпочитают публиковать статьи о грубых нарушениях прав военнослужащих: о случаях «дедовщины», об из-

биении подчиненных офицерами, о плохой работе военкоматов, призывающих в армию совершенно не годных по состоянию здоровья граждан и т. д. Анализ периодической печати РФ показывает, что в СМИ много материалов о ветеранах Великой Отечественной войны, меньше – о кадетках, о призыве на военную службу. О современных же проблемах и достижениях российской армии пишут очень мало, особенно в региональной прессе. На основе получения одноплановой и однополярной информации из СМИ (о случаях гибели военнослужащих и насилия старших по возрасту (званию) в отношении к младших, о неоказании своевременной медицинской помощи, ставшей причиной смерти или инвалидности солдата, и др.) – в обществе постепенно формируется негативное отношение к службе в армии. Неумение и нежелание большинства нынешних военных начальников идти на сотрудничество, открытый и честный диалог с представителями гражданского общества только усугубляет ситуацию.

Необходимо повернуть этот процесс вспять, возрождая и укрепляя в нашем обществе и общественном сознании былой престиж служения Отечеству. Сделать это военнослужащие в современных условиях могут только вместе с обществом, и уже только поэтому они должны учиться сотрудничеству с «гражданским населением».

Несмотря на серьезные ошибки военного командования, допущенные в последние годы в работе с населением, возможность укрепления престижа службы в армии еще сохранилась. Среди молодых граждан России пока еще находится немало желающих выполнить свой гражданский долг перед родной страной. Так, среди военнослужащих, принявших участие в анкетировании в одной из воинских частей Омской области в августе 2007 г. (далее – анкетирование военнослужащих), 38 % выбрали именно такой ответ на вопрос, хотели ли они идти на службу в армию, а именно: «Я очень хотел идти в армию». Некоторые идут на службу в армию для того, чтобы впоследствии получить возможность «устроиться на нормальную работу» (4 %). Есть и такие, кто рассматривает службу в армии как «Познание самого себя и своих возможностей» (4 %). Обязанность прохождения военной службы 35 % военнослужащих по призыву рассматривают в качестве исполнения своего гражданского долга, 19 % – как школу жизни, столько же – 19 % – как возможность получить дополнительную специальность, 23 % – как обременительную обязанность, 4 % имеют на этот счет другое мнение.

С другой стороны, нельзя не отметить, что авторитет службы в армии в глазах многих россиян упал, и это подтверждается тем, что ответ «Я не хотел идти в армию, но мне пришлось это сделать» выбрали более трети (38 %) опрошенных.

Развитие социально-экономических отношений в российском обществе, повышение уровня и качества жизни россиян должно адекватно и свое-

временно отражаться на условиях прохождения военной службы, которые нужно периодически пересматривать и неуклонно улучшать. Укрепление экономического потенциала Российской Федерации с необходимостью должно повлечь не только модернизацию материально-технического состояния Вооруженных Сил, разработку и внедрение новейших видов вооружения, но и коренные изменения в условиях прохождения военной службы. Прежде всего это касается пересмотра норм питания (несмотря на некоторое улучшение рациона военнослужащих с января 2008 г., в нем еще недостаточно овощей и фруктов), выдачи форменного обмундирования, повышения оплаты труда, расширения круга действенных юридических гарантий, способствующих росту престижа военной службы в российском обществе.

Пока в этом направлении государственная власть работает неудовлетворительно. Например, замечания имеются относительно общего состояния форменного обмундирования. Материал, из которого сегодня шьется одежда для солдат и офицеров, зачастую плохого качества, быстро изнашивается и теряет форму. Между тем для пошива воинского обмундирования очень важно выбирать ткани самого высокого качества, способные длительное время держать форму. Государство думает сегодня больше об оснащении армии суперсовременными видами вооружения. Однако давно уже назрела необходимость разработки новой, современной формы для разных категорий военнослужащих, из новейших материалов и с учетом сохранения исторических традиций России. Внешний вид военнослужащих самым непосредственным образом влияет на формирование общественного мнения о службе в армии. Форма должна быть не только удобной и функциональной, но и красивой, модной. Она должна нравиться тем, кто её носит.

Одна из самых больных тем для общества – «дедовщина» в армии. Предотвращению случаев насилия между военнослужащими командование воинских частей в последние годы уделяет самое пристальное внимание. Результатом работы офицеров с личным составом по предупреждению неуставных отношений является, в целом, достаточно благоприятная атмосфера во многих воинских коллективах, что подтверждают следующие цифры из анкетирования военнослужащих по призыву. Большинство солдат непосредственно не сталкивались со случаями насилия ни между военнослужащими (81 %), ни с насилием по отношению к себе офицеров (81 %).

Однако 19 % военнослужащих все же известно о случаях насилия между военнослужащими и офицерами (в том числе – из рассказов друзей, родственников, знакомых, из телепередач, газетных и журнальных публикаций). 4 % считают, что командование части ничего не предпринимает для борьбы с этими явлениями и даже негласно потворствует. 12 %

полагают, что оно делает это чисто формально: «делает вид, что борется». 8 % военнослужащих с такой оценкой не соглашается и думает, что «борется, как может, но не очень получается». 15 % убеждены, что «борется, насколько возможно эффективно».

92 % военнослужащих со случаями вымогательства денег, продуктов, посылок и другого личного имущества на территории части не сталкивались. Однако с 8 % солдат такие прецеденты происходили. 92 % военнослужащих не получали в воинской части вскрытых писем и посылок, 8 % – получали. 81 % не знает о случаях получения другими военнослужащими своей воинской части вскрытых писем или посылок, тогда как 19 % такие случаи известны.

В целях усиления правовой защищенности военнослужащих по призыву необходимо внести в действующее российское законодательство дополнения, предоставляющие право вхождения в родительские советы при воинских частях не только родителям, но также членам местных общественных и научных организаций, занимающихся проблемами военнослужащих. Подобная правовая норма призвана способствовать стабильности состава совета и, как следствие, повышению эффективности его деятельности, укреплению системы правовой защиты военнослужащих, открытости прохождения военной службы общественному контролю.

В законодательстве Российской Федерации необходимо сформировать финансовую основу для повышения эффективности функционирования родительских советов при воинских частях, предусматривающую, в частности, выделение денежных средств для членов совета на компенсацию стоимости их проезда в воинскую часть и проживание – по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал.

О. А. Петрова, М. И. Саврушева

ПРОЯВЛЕНИЕ НАСИЛИЯ КАК ПРИЧИНА НЕГАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К АРМИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

Каждый год проводится осенний и весенний набор молодых людей в армию и во многих семьях решается вопрос, необходимо ли становиться солдатом или приложить все усилия и уклониться от службы в армии.

Двадцать лет назад, в июле 1988 г. газета «Комсомольская правда» дерзнула напечатать статью М. Мельника «Случай в спецвагоне» о том, как первогодок, доведенный издевательствами старослужащих до иступления, застрелил их (убито 8 человек).

Этот случай – типовой. Только в открытой печати сообщалось о дюжине подобных казусов за эти годы. Специалистам известно гораздо боль-

ше. Все эти трагедии разыгрывались по одному и тому же стихийно складывающемуся сценарию, различаясь числом лишь убитых. Сценарий эксцесса (издеваются над многими, но над одним особенно, он не выдерживает, а оружие – рядом...) не изменился за последние годы, и в этом одно из свидетельств, что неформальные структуры в российской армии также не изменились с советских времен.

Наш анализ [1] показывает, что в целом дедовщина является механизмом ресоциализации, перенастройки усвоенной юношами «школьной», «материнской», ценностной системы в «мужскую» нормативную систему. Первая апеллирует к «общечеловеческим ценностям», вторая основана на сугубо локальных и сиюминутных нормах. В первой есть категория ответственности и вины, во второй – приказания и наказания. Первая построена на силе закона, вторая на законе силы. Насилие есть главный язык «дедовщины».

Первый период, наполненный террором, физическими истязаниями и лишениями, производит в субъекте разрушение вышеназванной «домашней» или «гражданской» системы представлений, ценностей и пр. Второй период, представляющий максимальные в тех условиях блага и привилегии, закрепляет «армейские», «дедовские» начала в его личности.

Можно говорить, что перед нами «неклассический», но мощный, развернутый по фазам механизм формирования особого варианта авторитарной личности, имеющей опыт рабства и порабощения, испытавшей пытки и умеющей пытать.

Подобные системы социализации и раньше складывались в некоторых анклавных субкультурах – детских исправительных колониях, некоторых молодежных группировках и пр. В Советской Армии они, как мы уже сказали, сумели соединиться с ее формальными структурами. Офицеры низшего звена стали использовать эту систему как средство управления молодыми военнослужащими, передав ей свои функции, превратив ее, таким образом, в неотъемлемую часть армейской системы.

За счет полного подчинения младшей половины призыва оказалось возможным осуществлять значительный объем не предусмотренных формальными правилами работ, т. е. бесконтрольно и совершенно бесплатно использовать рабочую силу сотен тысяч молодых людей. Заставляющие их работать «деды» оказывались включенными в возникающие при этом процессы нелегального перераспределения средств, расхищения ресурсов и пр.

Замкнутость «дедовских» сообществ, всегда основанных на локальных связях, характерные для них черты тайного мужского союза приводили к тому, что связанные с дедовщиной множественные преступления против личности, равно как и внутриармейская коррупция, в которую включалась система «дедовщины», будучи известны буквально миллионам, до поры публично не обсуждались, оказывались своеобразным секретом для общества.

Но эпоха гласности сделала свое дело. В результате проведения ряда социологических опросов стало понятно, что кризис не миновал и самую крепкую основу общества – армию.

За последние годы изменилась роль армии в обществе. Система: «внешняя политика – армия – военно-промышленный комплекс» подорвана. Она более не является сутью государства. Напротив, государство стремится от нее освободиться, эта система его не отпускает и мечтает о реванше. Армия разваливается, но механизмы насилия по-прежнему продолжают функционировать. По этой причине, а также по причине вовлечения армии во внутренние конфликты, растет тенденция к уклонению от призыва. В целом по России 40 % людей в «призывном» возрасте 18–24 лет считают нужным избегать военной службы.

Несмотря на рост подобных настроений, говорить о демилитаризации российского общества рано. Известно, что по стране в массовом порядке распространяется оружие. Оно в наименьшей степени становится оружием самообороны индивидов. В основном оно используется теми или иными «формированиями» – от подразделений охраны до банд со всеми промежуточными состояниями. Необходимо решение этой проблемы. На уровне государственной политики искался выход в отказе от всеобщей воинской повинности в пользу наемно-добровольной профессиональной армии. Но сможет ли данное решение переломить ситуацию?

Можно не без основания утверждать, что призывная система комплектования в существующем виде себя во многом дискредитировала и, если не принимать действенных мер, положение с призывом будет и далее усложняться. Кроме того, существенным фактором, негативно влияющим на формирование будущих защитников Отечества, является ускоренное расслоение российского общества на богатых и бедных. Надо учитывать и то обстоятельство, что в 1990-е гг. была разрушена прежняя система социализации детей и юношества, а взамен не создано ничего нового, удовлетворяющего интересы и возможности малообеспеченных слоев населения.

Сложившиеся в России в эпоху преобразований тенденции изменения качественных характеристик призывной молодежи и самой армии вызывают серьезную тревогу и предполагают осуществление эффективных и последовательных мер. Думается, что изменить ситуацию можно при условии возрождения системы подготовки молодежи к военной службе применительно к новым реалиям, с учетом недавних уроков и исторического опыта. Необходима забота государства о подготовке юношей к военной службе. Необходимо повышение статуса военных в российском обществе, а это возможно не путем возрастания насилия со стороны армии, не путем повышения жалований генералитету, а путем сращения интересов общества и армии.

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Армия, безусловно, является частью общественного организма и государственным инструментом, следовательно, отражает все специфические черты данного типа общества и государства, а также испытывает влияние всех трансформационных преобразований данного социального организма и политической системы.

Необходимо отметить, что в настоящее время армия не представляет единого монолита и распадается на две группы, различающиеся материальным положением, статусными полномочиями и возможностями, ролевыми предписаниями и образом жизни:

– генералы, офицеры, прапорщики, а также солдаты и сержанты сверхсрочной службы (т. е. служащие по найму);

– военнослужащие срочной службы.

Анализируя социальную стратификацию армейского сообщества, нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что армейская структура содержит также и элемент механизма десоциализации и ресоциализации граждан. Имеется в виду дедовщина. Дедовщина – неотъемлемая часть нашей армии. Без дедовщины армейский механизм перестанет функционировать. Первое, с чем сталкивается каждый новобранец, – подавление его личности. Его унижают и подавляют, чтобы превратить в бессловесный механизм, бездумно выполняющий приказы командира, готовый все сносить, с готовностью умирать и убивать других. Большинство россиян, принявших участие в социологическом опросе, считают, что российская армия сегодня – это, прежде всего, бесплатная рабочая сила для государства. Именно такой ответ выбрали 64 % опрошенных. Почти столько же опрошенных придерживаются мнения, что российская армия калечит судьбы молодых людей.

На ситуацию в армии негативно влияет и общее падение воинской дисциплины, усиление социального расслоения, что ведет к снижению интеллектуального потенциала военнослужащих и превращению армии в институт социального аутсайдерства. Отмечаются отступления от уставных требований при организации деятельности и быта военнослужащих, живучесть негативных традиций, слабая борьба с пьянством и наркоманией, формализмом, бюрократизм отдельных начальников. Все это способствует неправильному формированию личности и закреплению антиобщественных ориентаций у части военнослужащих.

Сегодняшняя армейская служба – это наказание, которое юноша несет лишь потому, что ему не повезло родиться в материально обеспеченной семье. Из ста призывников призывается лишь десять. Такой контингент по определению не может быть здоров физически и нравственно.

Быт и мораль российских казарм все больше напоминают исправительно-трудовые колонии, служба рассматривается как «отсидка», офицеры выступают в роли надзирателей и охранников, а сослуживцы – как тюремное сообщество.

Растет и число случаев уклонения военнослужащих от службы. Солдаты бегут из частей или учиняют сами себе членовредительство с целью досрочно покинуть армию по медицинским основаниям.

Среди главных причин многих негативных явлений в армейской среде, в том числе и дедовщины, военные эксперты называют попустительское высшее руководство, слабость офицерского корпуса, что в свою очередь привело к ослаблению младшего командного состава в армии, вследствие чего «деды» фактически заняли место младших командиров.

Офицеры по-прежнему относятся к беднейшим слоям населения, что катастрофически снижает престиж воинской профессии. Потому не удивительно, что мало кто из офицеров называет престиж профессии и верность долгу как побудительные мотивы службы.

Идет моральная деградация офицерского корпуса. Все чаще проявляется откровенное шкурничество и махровый протекционизм. Многие офицеры откровенно торгуют отпусками, увольнительными, проводят денежные поборы с солдат срочной службы. Торгуют имуществом, амуницией, «сдают» солдат «в аренду» на работы знакомым предпринимателям, используют мордобой как главное средство воспитания.

На сегодняшний день единственным способом получения бесплатного высшего образования для детей военнослужащих и малоимущей интеллигенции (врачей, учителей, инженеров) является поступление в военно-учебные заведения.

Негативные явления во всех сферах армейской жизни, включая и проблемы офицерского корпуса, нарастают. Армия становится прямой угрозой национальной безопасности. Необходимы преобразования.

Главным событием стало принятие в 2003 г. Федеральной целевой программы перехода на контрактную службу. Еще дальше идет выдвигавшийся некоторыми экспертами принцип замены повинности на привилегию. Суть его – превращение армии в некую элитную службу, призыв в которую формируется из людей, грубо говоря, этого достойных. Все остальные не имеют права быть призванными. В самой общей форме – например, призывать только студентов высших учебных заведений. При этом срок их службы может быть очень небольшой, а состав таких частей будет полностью гомогенным, что исключает возможность дедовщины.

Принцип замены повинности на привилегию превращает армию в инструмент формирования новой государственной элиты. Это позволит создать корпорацию, состоящую из людей, готовых служить своему Отечеству и, при необходимости, отдать за него жизнь. Именно такие люди должны управлять страной.

Проблема армии и молодежи – одна из острых вопросов в России, вечная проблема для любой страны. Сейчас Россия вступает в зону «демографической ямы», когда количество молодежи резко сокращается, равно, как и количество людей, выходящих на рынок труда. Армия, по разным причинам, не успела реформироваться, и к «демографической яме», таким образом, оказалась не подготовлена. Острота проблемы состоит в том, что, как и любая другая страна мира, Россия не может защищать свои границы без намека на обороноспособность, а для этого нужны солдаты. Вместе с тем, если армия начнет со свойственной ей темпераментностью отбирать у молодого поколения возможность гражданской жизни, то государство проиграет и в долгосрочном плане, и его обороноспособность будет подорвана навсегда. Как найти точку оптимума во властных структурах, мало кто знает, если знает вообще.

Новые угрозы безопасности России и сложнейшие проблемы, вставшие перед страной через полтора десятка лет после окончания холодной войны, настоятельно диктуют необходимость создания новой военной организации, коренным образом отличающийся от той, которая располагает страна в настоящее время.

Л. А. Корнажевская

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВА ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНТОВ АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Высшее учебное заведение по структуре представляет собой механизм внутреннего взаимодействия различных звеньев динамической системы, разные стороны которой диалектически взаимосвязаны. В тех или иных формах воспитательную работу со студентами во внеучебное время осуществляет деканат, кафедры, кураторы курсов, преподаватели отдельных дисциплин, комитет по делам молодежи, подразделения культурно-массовой работы, профсоюзные организации, библиотека, средства массовой информации (вузовская печать).

Воспитание в период обучения в вузе – существенный этап социализации личности. В это время человек в целом завершает выработку своей жизненной позиции, т. е. определяет отношение к миру и собственной жизни в этом мире, переходит к осознанному саморазвитию и самовоспитанию. Анализ современного духовного состояния и образа жизни молодежи свидетельствует о ее очевидной социальной дезориентации. Для молодежи все более характерным становится негативное отношение к действительности, неготовность к профессиональному и жизненному выбору. Это обуславливает необходимость усиления воспитательной работы с молодежью, повышения ее эффективности.

Главным объектом воспитания в высших учебных заведениях является студент – будущий интеллигент, которому предстоит работать в XXI в. Он должен быть: образованным, нестандартно мыслящим, обладающим широким кругозором – как естествонаучным, так и гуманитарным; профессионалом, граждански активным, духовно, нравственно и профессионально подготовленным к работе по избранной специальности, знающим себе цену на рынке труда, способным свободно менять специализацию в рамках определенного в вузе направления; быть психологически и идеологически подготовленным, уметь строить межличностные отношения, уважать мнение других.

Одним из основных направлений воспитательного процесса является патриотическое и нравственное воспитание студенческой молодежи. Исходя из этих задач, на кафедре гуманитарных наук Института ветеринарной медицины Омского государственного аграрного университета в последние годы внедряются новые формы воспитания патриотизма: проведение круглых столов и встреч с ветеранами Великой Отечественной войны, которых с каждым годом становится все меньше и меньше. Студенты задают живым свидетелям битв за Родину интересующие их вопросы. Пишут сочинения на патриотические темы. Студенты с удовольствием расспрашивают своих бабушек и дедушек об их историческом прошлом, об участии в войне, восстановлении разрушенного войной хозяйства страны. Вот некоторые выдержки из студенческих сочинений:

- «События Великой Отечественной войны очень тесно связаны с историей нашей семьи. В этой войне принимали участие три моих дедушки. Первый, Андрей Лукич, погиб в первые дни войны. Вторым, Алексей Лукич, пропал без вести. И, наконец, мой родной и любимый дедушка, Гапон Николай Лукич, который прошел всю войну от начала до конца», пишет студентка 110 группы факультета ветеринарной медицины Гапон Екатерина.

- «Вновь и вновь смотрю на потускневшую от времени фотокартточку. Открытое русское лицо, густые брови, твердый взгляд, на голове шапка с красной звездой, погоны курсанта... Фото датировано 1 января 1944 г. а уже 22 ноября 1944 г. мой прадед погиб в бою за Родину, верный воинской присяги на острове Саарема ЭССР...», пишет студентка 104 группы товароведческого факультета Соколова Елена.

Другим направлением патриотического воспитания молодежи является обращение к своим историческим корням. Большое значение имеет организация при кафедре музея «Русская старина». Здесь есть на что посмотреть: лапти, рубель для глажки белья, альбом с образцами старых денег, старинные мягкие игрушки. Всего не перечислить, да и не нужно – каждый может свободно прийти сюда и увидеть все своими глазами. Кстати, нелишним будет заметить, что музейные экспонаты появились благодаря стараниям студентов, которые их разыскивали и собирали.

Традиционным на кафедре стало проведение конкурса русских обрядов «Что русскому здорово». Обряд – одна из составляющих формирования нравственных качеств студента. Обряд играл и играет чрезвычайно важную роль в приобщении отдельного человека к духовной культуре общества, в воспитании и формировании его нравственных качеств. В любом обряде присутствует и играет важную роль эстетическая сторона. Коллективные действия, формирующие обряд, включают в себя, в большинстве случаев, танцы, музыку, песни. Психологическое воздействие обряда на его участников во многом зависит именно от вызываемых эстетических переживаний. Эстетические чувства вливаются в общий поток интенсивных коллективных эмоций, испытываемых участниками обрядового действия, усиливая и подогревая последние.

В обряде зрителя как такового по сути дела нет, каждый участник и зритель. Даже «глядельщики», самые пассивные участники, в определенные моменты из зрителей превращаются в соучастников. В наше время любое общество, любая социальная система нуждаются в обрядах как средствах воспитательного, идеологического и эмоционально-психологического воздействия.

Обряд как коллективное символическое действие обладает важными особенностями по сравнению с другими формами и средствами идейного воздействия, делающими его необходимым компонентом духовной культуры любой эпохи и любого народа. Обращение к обрядам является важной формой приобщения личности к социальному целому. Обрядовая форма воздействия на личность приобретает особое значение в наиболее важные для человека моменты его жизни. Как и все «традиционные» формы передачи культуры, обряд весьма консервативен. Раз сформировавшись, обряд может обслуживать общество на протяжении целой исторической эпохи.

Преподаватели кафедры гуманитарных наук хорошо сознают проблемы высшей школы и постоянно работают над их совершенствованием.

Ю. В. Герасименко

МУЗЕЙНАЯ ЭКСКУРСИЯ ПО ВОЕННОЙ ТЕМАТИКЕ КАК «МОСТ» ЧЕРЕЗ ВЕЧНОСТЬ*

Память о героях, защищавших свою Родину и проявивших смелость и решительность в годы кровопролитных войн и военных компаний, должна навсегда остаться в душе и истории народа. И определённую роль в этом играют музейные экскурсии. В первую очередь, музей XXI в.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 07-01-00317 а

должен выполнять в современном обществе научно-просветительную функцию: соединять события прошлого, настоящего и будущего. Хронологические рамки настоящей работы в основном охватывают конец XX – начало XXI вв., хотя мы обращаемся и к экскурсионной работе в годы Великой Отечественной войны.

История изучения экскурсионной работы Тюменского областного краеведческого музея имени И. Я. Словцова (ТОКМ) мало освещена в научной литературе. Цель данного сообщения: показать социальную и культурную значимость музейной экскурсии как связующего элемента между объектами и субъектами временного пространства. Следует пояснить, что под объектами и субъектами прошлого в данной работе понимаются события и участники Великой Отечественной войны, а соответственно объектами и субъектами настоящего являются материалы ТОКМ о событиях Великой Отечественной войны и его посетители. В качестве источника в работе использованы в основном материалы газеты «Тюменские известия» и, отчасти, материалы ежегодных отчётов ТОКМ.

Экскурсия является своего рода посредником между свершившимися историческими событиями и современностью. Одним из направлений экскурсионной работы ТОКМ является военно-историческое направление. Война – это трагедия и потеря человеческих жизней. Она несёт за собой боль, страдания и разрушает всё на своём пути. В годы Великой Отечественной войны работа Тюменского областного краеведческого музея была временно приостановлена, а в здании музея находился госпиталь. Однако уже с 1943 г. музей был открыт для посетителей, а в 1944 г. создана новая экспозиция, посвящённая Великой Отечественной войне. По опубликованным сведениям «в 1945 г. музей был открыт 175 дней в году, было проведено 57 экскурсий и общая посещаемость ТОКМ составила 12 339 человек» [1, с. 7–83].

Со времён этой страшной страницы в мировой истории прошло уже более 60 лет. И сегодня музей является неотъемлемой частью хранения памяти об этой трагедии. Культурный потенциал музея практически безграничен. Модель экскурсии предполагает знакомство посетителей с экспозициями и выставками музея по запланированному маршруту в сопровождении экскурсовода. Например, по военной тематике в начале XXI в. в ТОКМ проводились экскурсии на выставках «Тюменцы в тылу и на фронтах Великой Отечественной войны», «Тюмень в годы Великой Отечественной войны» [1, с. 285–295]. Такие экскурсии выполняли прежде всего просветительную и воспитательную функции.

Помимо проведения традиционных экскурсий, в музее проходят встречи с ветеранами войны, а экскурсионно-туристическое бюро ТОКМ регулярно организывает экскурсионные поездки для участников Великой Отечественной войны и труженников тыла в исторические места Тю-

менской области. В программе таких экскурсий помимо знакомства с основами народной культуры, ремёслами, традициями и обычаями края практикуются угощения традиционными сибирскими блюдами, сопровождаемые исполнением местных обрядовых старинных песен, фольклорным ансамблем в русских праздничных костюмах. Как пишет Э. Туканова, «поездка в сибирскую глубинку для ветеранов Великой Отечественной войны – это возможность выехать за пределы Тюмени, отдохнуть от городского шума, просто поговорить друг с другом...» [2].

Экскурсионная работа Тюменского областного краеведческого музея была посвящена в изучаемый нами период не только событиям Великой Отечественной войны, но также и другим страницам военной истории нашей страны. Подтверждением этого являются экскурсии на выставках «Чеченский дневник» [3, с. 34–36], «Воинства небесные покровители» [5, с. 84–103] и др. Непосредственно к последней был создан видео-вариант экскурсии. На выставке были представлены ордена и наградные медали за участие и выдающиеся заслуги в Отечественной войне 1812 г., Крымской войне, Восточной войне (1853–1856 гг.), Первой мировой войне. Как писал В. А. Чупин о выставке «Воинства небесные покровители», «выставка оказалась очень своевременной, потому что во второй половине 1990-х гг. темы «человек на войне», «христианство и война» снова стали актуальными в России» [3, с. 84–103].

Как видно из некоторых приведённых данных в Тюменском областном краеведческом музее в первые годы XXI в. в его экскурсионной деятельности достаточно большое место было отведено военно-историческому направлению. Таким образом, можно сделать вывод, что в динамично-развивающемся современном обществе экскурсия является важным социальным элементом, выполняющим помимо культурно-просветительной ещё и воспитательную и культурно-развлекательную функции. Посредством экскурсии музей осуществляет коммуникацию между людьми, временем и пространством.

1. Итоги деятельности Тюменского областного краеведческого музея за 2005 г. // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2005. Тюмень, 2006. Вып. 19. С. 285–295.

2. Старцева Л. Ф. О выставочной работе музея «Городская Дума» // Словцовские чтения. Материалы Всерос. науч.-практ. конф.. Тюмень, 1998. С. 34–36.

3. Томилов Н. А. Тюменский областной краеведческий музей (краткий исторический очерк) // Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1994. С. 7–83.

4. Туканова Э. Родниковая вода нашей памяти // Тюменские известия. 2005. 23 июня.

5. Чупин В. А. Воинства небесные покровители. Материалы выставки // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 2001. С. 84–103.

«ВАСА» – УНИКАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Музей «Васа» – один из самых известных в мире туристских объектов, дающий представление о Швеции начала XVII в. Он расположен в столице Швеции г. Стокгольме, на «острове музеев» Юргордене. Этот музей посвящён кораблю «Васа» – королевскому галеону, флагманскому кораблю крупнейшему судну Швеции своей эпохи, созданному специально для боевых действий на море и названному в честь правящей династии. Галеон был построен целиком из дуба, длина корпуса (без бушприта) составляла 61 м, максимальная ширина – 11,7 м, осадка – 4,8 м. «Васа» имел 4 палубы (2-я и 3-я – пушечные) и вооружен 64 пушками, 48 из которых – очень мощные по тому времени 24-фунтовые орудия [1; 3]. Но корабль затонул, проплыв всего 1 300 м во время своего первого плавания. При этом судно даже не успело выйти в открытое море, и место его затопления находится почти в самом центре современного Стокгольма. На судне было в этот момент около 500 человек, из них погибло около 50. Это событие произошло 10 августа 1628 г.

В 1956 г. затонувшее судно было обнаружено около острова Бекхольмен. Спустя 333 года после затопления, в 1961-м поднято и поставлено в специальное помещение, где почти 20 лет велись реставрационные и консервационные работы. В 1987 г. для галеона стали строить новое музейное здание. 15 июня 1990 г. король Карл XVI Густав торжественно открыл Музей «Васа», где главным экспонатом является само судно, отреставрированное, и хорошо сохранившееся, несмотря на столь длительное пребывание под водой [1].

Сегодня это музей, которому нет аналогов в мире. Здесь работают следующие выставки [2]:

– «Модель «Васы» – полностью оснащённая модель корабля с парусами, выполненная в масштабе 1:10.

– «Верфь» – показывает принципы судостроения во времена создания корабля «Васа» и полностью воссоздаёт картину, по какому сценарию могло происходить его строительство.

– «Корабль его величества» – история корабля «Васа» с момента его создания (1626–1628 гг.) до поднятия его на поверхность с морского дна. Вниманию посетителей предлагается модель, иллюстрирующая опрокидывание судна в момент затопления. 10-минутное слайд-шоу рассказывает о расследовании данной катастрофы. Причина гибели судна – это несоответствие его высоты ширине, что сделало корабль крайне неустойчивым к морскому волнению и ветру.

– «Мощь и великолепие» – выставка реконструированных скульптур «Васы» первоначальных цветов в историческом контексте. Это был

очень красивый корабль, над его скульптурным убранством трудились лучшие резчики по дереву из разных стран Европы.

– «Жизнь на борту» – выставка представляет собой реконструкцию верхней батарейной палубы корабля «Васа» в натуральную величину с многочисленными предметами, обнаруженными на затонувшем корабле.

– «Люди с «Васы» – экспозиция останков и восстановленных лиц людей, погибших на этом корабле; 5-минутное слайд-шоу рассказывает посетителям о методах восстановления лиц погибших на основе скелетов, поднятых с кораблём «Васа» со дна моря.

– «Поднятие «Васы» – рассказ о том, как корабль был найден, исследован водолазами и поднят на поверхность. Эта процедура потребовала больших затрат, так как корабль подняли целиком, без нанесения ему значительного ущерба. Подъём осуществлялся очень медленно, с помощью барж и трудоёмких водолазных работ в течение более чем 3-х лет. После подъема каждый килограмм древесины корпуса содержал 1,5 л воды, и на воздухе такое дерево уже через несколько дней начинает ссыхаться и трескаться. Поэтому было решено орошать корабль раствором полиэтиленгликоля – вещества, входящего в состав губной помады и кремов для рук. Его важной особенностью является способность проникать в древесину и замещать воду в клетках. Скульптура и небольшие деревянные фрагменты вымачивались в ваннах, а корпус судна 17 лет стоял под полиэтиленгликолевым душем. Но и сегодня корабль очень чувствителен к изменениям температурно-влажностного режима и воздействию света, поэтому посетители вынуждены осматривать «Васу» в полумраке [1].

– «Мир компьютерных приключений» – вниманию посетителей предлагаются специальные компьютерные терминалы, с помощью которых можно виртуально смоделировать и спустить на воду судно XVII в. – аналог «Васы», но только с заданными пользователем параметрами.

Так же работают выставки «Швеция, 1628 г.» с рассказом о развитии науки и техники в данный исторический период; «Боевые действия на море» – о ведении морских сражений в XVII в.; «Парусный корабль» – выставка об особенностях судоходства подобных «Васе» кораблей. Уникальнейшими экспонатами музея являются сохранившиеся на «Васе» паруса и канаты. В трюмах судна не было драгоценностей, вследствие чего сам корабль и найденные в нем вещи демонстрируются и воспринимаются исключительно как памятники техники и культуры и культуры той эпохи [1]. Посетителям так же предлагается посмотреть короткометражный фильм, посвящённый рассказу о реставрации поднятого корабля.

Следует особо отметить тот факт, что история «Васы» более 300 лет считалась национальным позором Швеции, но после поднятия корабля со дна и создания уникального музея превратилась в её национальный триумф. Опыт музея «Васа» следует взять на вооружение музеям России

с целью привлечения туристов, а так же увеличения их исторической и культурной значимости.

1. Лебедев А. История на месте её действия // www.stranstvie.ru.
2. Музей «Васа». Vasa Vuseet. Рекламный проспект. Стокгольм, 2006.
3. www.vasamuseet.se.

В. Н. Демешко

ИЗУЧЕНИЕ ОЧАГОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ АФРИКИ СТУДЕНТАМИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Африка в начале XXI в. всё ещё остаётся одним из наиболее неблагоприятных в военном и политическом отношении регионов мира. Понимание процессов диверсификации экономики, демографии, освоения и использования природных ресурсов, а так же перспектив развития африканских стран зависит, в том числе и от знания причин и следствий очагов политической напряжённости, локальных войн, этнических конфликтов. Для студентов географического факультета знания по данному вопросу необходимы ещё и для более глубокого понимания специфики развивающихся стран, глобальных проблем человечества и проблем международных отношений, характерных для слаборазвитых регионов мира.

В качестве источников информации по данной тематике для студентов выступают монографии [1; 3], учебные пособия [2], журнал «Азия и Африка сегодня», материалы Интернет и т. д.

Одной из главных причин конфликтности стран африканского региона считается дефицит демократии, а так же их бедность и общая слаборазвитость. Из более чем 30 очагов напряжённости на территории Африки студенты географического факультета Омского государственного педагогического университета изучают следующие:

1. Очаги напряжённости Северной Африки. Обусловлены действиями ваххабитских организаций («Аль-Каиды» и др.), а так же экстремистов, связанных с палестинскими движениями «Фатх», «Хамас» и т. п. Из стран, в которых их действия наиболее проявляются – это Египет (серия терактов в этой стране в 1990-е – 2000-е гг. неоднократно ставила под угрозу развитие в этой стране туристской отрасли), Алжир, Судан. Особо следует назвать Ливийскую Арабскую Джамахирию, в которой режим М. Каддафи поставил данное государство в число стран-изгоев и сегодня она является «кузницей кадров» для террористических организаций не только Африки, но и всего мира. Непростая ситуация складывается и на терри-

тории Западной Сахары, оккупированной Марокко. И, хотя ранее уже была провозглашена Сахарская Арабская Демократическая Республика, признанная многими государствами, развитые страны, участвующие в решении её судьбы, имеют разный взгляд на будущее данной территории.

2. Очаги политической напряжённости Центральной Африки обусловлены в основном этническими проблемами, заложенными ещё в период колониализма. Наиболее показательным примером здесь является затяжной конфликт в Республике Чад, население которой представлено враждующими между собой мусульманскими народами севера страны и чернокожим населением юга, исповедующим традиционные верования. Это послужило причиной целой череды конфликтов, начиная со времени обретения Чадом независимости в 1960 г. Кроме того, Чад неоднократно подвергался агрессии со стороны Ливии из-за поселения Аозу, в окрестностях которого была обнаружена нефть, и Нигерии из-за небольших островов на оз. Чад. Последний конфликт произошёл с Суданом в 2005 г., на территории которого укрывались мусульманские террористы, преследуемые чадской армией.

3. Войны на Африканском Роге. Наиболее значимыми для изучения из них является противостояние между Эфиопией и Эритреей (1993–2000 гг.) из-за взаимных территориальных претензий, а так же гражданская война в Сомали, которая привела к сильному голоду среди мирного населения и настоящей гуманитарной катастрофе. Сегодня Сомали расколото на два самопровозглашённых государства – Сомалиленд и Пунтленд, война в этой стране продолжается.

4. Конфликты Западной Африки обусловлены ресурсным фактором, в частности, месторождениями алмазов, контроль над которыми является «ключом» власти в странах данного субрегиона. Яркий пример такого конфликта – гражданская война в Сьерра-Леоне, в которой с 2000 по 2005 г. в качестве миротворцев выступали российские военнослужащие, а так же конфликты в Либерии, Нигерии и Кот-Д'Ивуаре.

5. Очаги напряжённости в Южной Африке. Наиболее сильным из них стала война между племенами хуту и тутси в Руанде (1994 г.), которая привела к настоящему геноциду (самому страшному за всю историю XX в.) и гибели свыше 1 млн человек. Серьёзный конфликт так же имеет место и в Демократической Республике Конго (бывший Заир), в которой после свержения диктаторского режима Мобуту в 1997 г. так же разгорелась гражданская война, едва сдерживаемая миротворцами ООН. Один из наиболее длительных конфликтов (ещё с 1960-х гг.) существовал в Анголе. Это было вооружённое противостояние между правительственным народным движением за освобождение Анголы (МПЛА; поддерживались Кубой и СССР) и Национальным союзом за полное освобождение Анголы (УНИТА; её поддерживали США). Реально же борьба велась за контроль над нефтяными

и алмазными богатствами страны. Окончанием конфликта считается 2002 г., когда была официально распущена УНИТА, но полного спокойствия в Анголе до сих пор нет. Для более южных стран (Мозамбик, Зимбабве, ЮАР) характерна проблема «чёрного расизма» – нетерпимое отношение африканского большинства населения к белым, не раз приводившее к погромам белых фермеров, актам насилия и преступлениям на расовой почве. Это явилось своеобразным следствием политики апартеида, проводимой ЮАР в середине – конце XX в.

Таким образом, изучение очагов политической напряжённости на примере данных стран является важным элементом комплекса знаний о современных проблемах Африки начала XXI в. и формирует у студентов целостное представление о причинах и следствиях конфликтов в данном регионе.

-
1. Войны второй половины XX в. / Авт.-сост. А. Н. Гордиенко. Минск, 1998.
 2. Максаковский В. П. Новое в мире: цифры и факты. Доп. главы к учебнику «Экономическая и социальная география мира». 10 кл. М., 2004.
 3. Шишов А. В. Военные конфликты XX в. От Южной Африки до Чечни. М., 2006.

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Г. Т. Каженова, М. З. Утегенов

ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА ПИТАНИЯ СИБИРСКИХ КАЗАКОВ СТЕПНОГО КРАЯ (к вопросу о культурных взаимосвязях с казахами)

В процессе развития контактов между народами неизбежно происходит сближение культур, их многообразное взаимовлияние, взаимообогащение, обмен разносторонним опытом. С этой точки зрения представляет интерес проблема культурного взаимодействия и взаимовлияния между казахами – коренным населением Степного края и сибирскими линейными казаками. Большое влияние казахской культуры на традиционную культуру сибирского казачества было неизбежно при дисперсном расселении сибирских казаков на границе, а затем и в полном окружении казахов. В данной статье рассматривается один из аспектов межкультурного взаимодействия – традиционная система питания казаков.

Главная роль в рационе казахов отводится мясу в разных видах. Наиболее почитаемым и считаются конина и баранина. Многие авторы отмечали, что в пище казаков меньше растительных продуктов, главную основу составляют молоко и мясо [1, с. 7]. К примеру, Г. Е. Катанаев писал, что питание казака простое; он знает обед из одного блюда – мясной похлебки (чаще из баранины) и молоко. Г. Н. Потанин отмечал: «Иртышский казак – страстный охотник киргизских блюд, он ест наравне с киргизом конину и казы и не уступает ему в способности выпить турсук кумыса. Есть старые казаки, которые колят собственных лошадей на еду» [2, с. 112].

Как известно, ведущее место в пище казахов составляли также молочные продукты. Не сильно отличался пищевой рацион степных казаков. «Молоко и вообще молочные продукты составляют продукт первой необходимости, от которой семья средней зажиточности может отказаться только в посты, – отмечал Г. Е. Катанаев [5, с. 19]. Казаки были любителями молочных изделий, приготовляемых казахами. Так, в своей заметке известный знаток быта степняков М. Чорманов пишет: «Из числа продуктов, получаемых киргизами из коровьего молока, наибольшей из-

вестностью пользуются иримчик и курт..., которые с одинаковой охотой употребляются как бедными, так и богатыми... Высушенный на солнце иримчик хранят до зимы, в течение которой употребляют его вместо хлеба. Вкус иримчика очень приятный, сладкий... Дети сибирских горожан (русских), считают эти киргизские «сырчики» самым утонченным лакомством» [3, с. 29]. Интерес для нас также представляет сообщение М. Чорманова о «вкусной и питательной смеси» балмалык, приготавливаемого казаками из курта. Он замечает, что это кушанье «пользуется большою славою среди не одних только киргизов, но и соседнего русского населения, знакомого с киргизской кухней [3, с. 30].

Г. Н. Потанин отмечал, что весьма важное значение в питании казаков приобрел чай. «Дневная пища состояла из обеда, ужина и двух чаев: утреннего и вечернего... Пищу казаков во время похода, составляют чай с пшеничными сухарями, потом ужин из одних щей да на другой день опять чай, и только» [4, с. 6, 19]. Другие авторы так же писали, что большую роль в питании казака играет кирпичный чай, без которого не обходится ни одно семейное празднество, чай употребляли крепкий, в прикуску с сахаром [8, с. 190].

Не только казаки, но и казахи перенимали некоторые элементы питания у приграничного русского населения, большинство которого составляли казаки. Так авторами XIX в. отмечается широкое употребление казаками чая. Г. Е. Катанаев относил чай даже к числу «главнейшей пищи» казахов [5, с. 34]. Немецкий путешественник Р. Карутц, отмечал, что казахи пили чай с сахаром в прикуску, «по русскому обычаю». У него мы так же находим объяснение «чрезмерного увлечения» чаем казахов и казаков: «...мне удавалось лучше утолить жажду, как выпив несколько стаканов чаю, и я нахожу, что холодная вода, молоко или пиво никогда не утоляют вполне жажды и не разливают по всему телу такого интенсивного приятного ощущения, как горячий чай». Примечательной является данная им для немецкой армии рекомендация: «Следовало бы и для наших войск взвесить всю важность потребления чая во время летних маневров и в походах» [6, с. 72].

Один из авторов писал о питании казахов: «Народ, который жил исключительно мясом, жиром и кислым молоком, а сеяние хлеба ввел у себя лишь позднее – и во многих местах еще и теперь обходится без него, – перенял от соседей один только чай [6, с. 117]. Однако, кроме чая, казахам были известны так же и другие напитки, употребляемые русскими соседями. По замечанию С. Броневского, казахи, «бывая у русских, охотно употребляют квас и любят предпочтительно пиво и сырой мед» [7, с. 70]. Хотя авторы отмечали, что казаками водка и вино не употребляются [8, с. 248], но С. Броневский писал, что русская водка принимается как лекарство, но они чужды «страсти пьянства» [7, с. 70].

Казахи, находившиеся в тесных связях с русским населением больше попадали под влияние русских соседей. Г. Е. Катанаев отмечал: «Приучившись мало помалу, независимо от молочной или мясной пищи, которую исключительно довольствуется большинство их степных сородичей, к потреблению также и хлеба, прилинейные киргизы все более и более усиливают хлебопашество» [9, с. 15]. С. Броневский в начале XIX в. пишет, что, претерпевая недостатки всякого рода зимой «питаются болтушкою из муки, доставаемой от русских» [7, с. 46]. Другие же авторы отмечают, что у пригородных киргизов печеный русский хлеб обыкновенен [8, с. 245].

Активное усвоение элементов культуры казахского народа являлось результатом адаптации казаков как к условиям жизни в степи, а также влияния иноэтнического окружения в лице коренного населения края – казахов. В свою очередь казахи также заимствовали отдельные элементы питания у своих соседей, но, как видим, в меньшей степени. В процессе культурно-бытового взаимодействия между казахами и казаками шел взаимообмен опытом и знаниями, заимствования обогащали культуру контактирующих народов, улучшали их быт, уровень жизни. Сближение быта казаков с казахами и в целом культурные связи между ними укрепляли взаимопонимание и положительные установки на межэтническое общение.

-
1. Потанин Г. Заметки о сибирском казачьем войске // Военный сборник. Т. XIX. СПб., 1861.
 2. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под ред. П. П. Семенова. Т. 11. СПб.; М., 1884.
 3. Потанин Г. Заметки о сибирском казачьем войске // Военный сборник. Т. XIX. СПб., 1861.
 4. Катанаев Г. Е. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (К вопросу о культурном взаимодействии рас) // Записки ЗСО РГО, 1893. Кн. XV. Вып. II.
 5. Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910.
 6. Броневский С. Б. О казахах Средней Орды. Павлодар, 2005.
 7. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб., 1903. Т. 18.
 8. Катанаев Г. Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904.

ХАТА-ДОМ: ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА ОФИЦЕРОВ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА (1793–1860)*

Черноморское казачество, будучи отдельным сословием, не было социально однородным. В привилегированном положении по сравнению с основной массой рядового казачества находились офицеры и чиновники войскового сословия – чиновно-служилое дворянство, обладавшее своим особым укладом жизни. В Черноморском войске старшина (лица занимавшие военные и административные должности) назначалась войсковым правительством из наиболее богатых и влиятельных людей. По указу Александра I от 13 ноября 1802 г. вся казачья старшина Черноморского казачьего войска уравнивалась в чинах со штаб- и обер-офицерами регулярных войск и тем самым включалась в ряды служилого дворянства. Таким образом, войсковая старшина превратилась в потомственную корпорацию людей, обладавшую богатством и имевшую большое влияние в войске.

Черноморское дворянство на первых этапах своего существования не являлось еще «сословием в сословии» и не имело эндогамии и принципиальных отличий в традиционной культуре (за исключением независимого и частного хозяйства, а также ориентиров на письменную культуру) от остального казачества [1, с. 227]. Однако в Черномории, с самого начала ее заселения, ярко проявилась имущественная и статусная дифференциация казачества. Это особенно четко прослеживается при изучении всего корпуса источников первой половины XIX столетия.

Традиционное жилище рядовых казаков, безусловно, составляло основную массу сельской застройки. Однако наибольшим разнообразием отличались дома офицеров и чиновников войскового сословия. Жилища представителей этого социального круга, приближаясь к поместной или городской архитектуре, сохраняли до 1860-х гг. многие архитектурные приемы традиционного народного зодчества. В рассматриваемый период городские усадьбы в Черномории по структуре и особенностям застройки практически не отличались от сельских. Войсковой город Екатеринодар, по замечанию И. Д. Попко, имел «вид большого села, главная особенность которого состоит в том, что он служит вывескою всех остальных сел в крае» [2, с. 58]. Многие офицеры имели усадьбы в куренных селениях и на хуторах. «Чиновные и сколько-нибудь состоятельные жители рассеяны в одиночку, по хуторам» [2, с. 68].

На раннем этапе заселения Кубанской Черномории преобладали двухкамерные жилища (*изба, хата, дом*), состоявшие из комнаты и сеней [3]. Наряду с ними получают распространение и дома-шестистенники,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ и Администрации Краснодарского края, проект № 07-03-38305а/Ю.

включавшие три смежных помещения с сенями посередине («связевые дома»). Это могли быть два жилых помещения – «чистая комната» (*горница*) и кухня либо жилая комната и будка, т. е. кладовая, амбар: «дом об одной чистой комнате с кухнею и посередине сенцы», «хата и через сени будка», «горница с сенцами и будкою» [4]. Дифференциация помещений была слабо выражена. Все комнаты, не имевшие строго определенного назначения, назывались «покоюми». Устойчиво сохраняется термин «горница», но в начале 1820-х гг. в источниках уже фигурирует термин «зал», обозначающий самое большое помещение, которое составляло ядро планировочной композиции и непреходящую принадлежность усадебного дома.

Третью группу составляют многоквартирные дома с тремя-семью жилыми комнатами (*покоюми*), одними либо двумя сенями (*сквозными, выходными*) и внешними помещениями (галерея, коридор, крыльцо) [5]. Многокомнатный дом имел обычно два входа: передний (парадный) у бокового фасада и задний («черный»). Парадное крыльцо оформлялось в классическом стиле – деревянные колонны, антаблемент (полный или неполный), треугольный фронтон. Фасады каретников и конюшен в соответствии со стилистикой архитектуры усадебного дома также иногда имели входные «порттики». Колонны в зависимости от характера отделки стен окрашивались белой масляной краской или штукатурились. Коридоры появляются в новых многоквартирных домах примерно с середины XIX в. В то же время еще устойчиво сохранялся в архитектуре сельских усадеб и традиционный принцип устройства навесов (*поддашков*).

Здания имели различную планировочную структуру и определенный набор парадных, жилых и хозяйственных помещений. Парадные помещения – передняя комната («передняя»), кабинет, зал, гостиная располагались обычно рядом, в передней части дома. Жилые комнаты – спальня, детская, вседневная столовая размещались позади парадных интерьеров. Служебные помещения выносились в отдельные здания во дворе или устраивались в главном корпусе, в его торцовой задней части. В кухню был вход из вторых не парадных сеней. Служебные помещения, приспособленные для определенных целей – «гардеробная» (располагалась рядом со спальней), кладовая и коридор – устраивались и в служебной (имели отдельный выход во двор) и в парадной части дома.

В первые десятилетия XIX в. войсковая аристократия строила преимущественно рубленные деревянные или комбинированные (*на подплетте*) дома («о четырех покоях с сенями») [6]. Один из вариантов планировочной композиции – четыре комнаты, размещенные парами по сторонам узких сеней, т. е. два пятистенка с сенями между ними [7]. Одна из половин такого дома иногда отводилась под службы (кухню, людскую).

Основным строительным материалом служило дерево (бревна, пластины, горбыли), так называемое «чернолесье» (тополь, дуб, карагач.), а для

каркасных домов – лоза, хворост (турлук), камыш с глиной. Деревянные дома строили в основном в столбовой (закладной) технике. В первые три десятилетия XIX в. широко распространены были комбинированные жилые и хозяйственные постройки (*на подплете*), при возведении которых использовалась каркасная (турлучная) и столбовая (закладная) техники: нижние две трети стен выполнялись плетневой техникой на столбах, а выше окон клалась срубная обвязка из венцов. Нижняя обвязка выполнялась из хвороста или камыша («*на камышовом подплете*» или «*турлучном подплете*»). Комбинированная техника чаще всего применялась при возведении двух- и трехкамерных жилищ (реже – многокомнатных). В «свяزهвых» домах одна половина могла быть срублена из дерева, а другая – «на подплете» [8]. Наряду с ними широко применялась в «чистом» виде и каркасная плетневая (турлучная) техника. В ряде случаев стены между столбами заполнялись камышом: поперечные жерди обвязывались снаружи и внутри «стоймя» камышом (с дальнейшей обмазкой глиной и побелкой). Деревянные дома войсковой аристократии нередко ставились на каменный, кирпичный фундамент или деревянные стулья. Каменных, кирпичных домов в рассматриваемый период было еще очень мало. В качестве кровельного материала использовали чаще всего камыш, реже – солому, луб и тес, в середине столетия начинают входить в употребление кровельное железо и черепица. Металлические крыши с целью предохранения их от ржавчины традиционно красили в красный или зеленый цвет. Со второй половины XIX столетия в архитектуру жилых домов входит новый компонент – деревянный (пропильная резьба) и металлический декор, который обогащает декорацию фасадов зданий.

Таким образом, за сравнительно короткий промежуток времени внешний облик усадьбы офицеров-черноморцев эволюционировал от обычных построек сельского типа к более удобному многокомнатному дому с четко выраженной дифференциацией внутренних помещений. Этот процесс шел параллельно с консолидацией элитарного слоя казачества в особую замкнутую чиновно-сословную группировку.

1. Мануйлов А. Н. Механизм трансляции культурной традиции и традиционные социальные институты кубанского казачества (конец XVIII – XIX в.) // Археология и этнография Северного Кавказа: Сб. науч. трудов. Краснодар: КубГУ, 1998. С. 221–250.

2. Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858

3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 250. Оп. 2. Д. 96. Л. 493; Д. 234. Л. 520; Оп. 3. Д. 12. Л. 3.

4. ГАКК. Ф. 250. Оп. 3. Д. 6. Л. 31.

5. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1973. Л. 40, 47, 51, 56, 58, 60, 65; Ф. 250. Оп. 2. Д. 38. Л. 236; Д. 58. Л. 571; Оп. 3. Д. 35. Л. 28; Д. 36. Л. 11; Оп. 5. Д. 53. Л. 52;

Ф. 252. Оп. 2. Д. 451. Л. 52, 139; Д. 658. Л. 27–28; Д. 1284. Л. 95–96; Ф. 482. Оп. 1. Д. 26. Л. 112.

6. ГАКК. Ф. 250. Оп. 3. Д. 35. Л. 28; Д. 36. Л. 11; Ф. 252. Оп. 2. Д. 1351. Л. 589; Д. 1352. Л. 457; Ф. 482. Оп. 1. Д. 26. Л. 112; Ф. 670. Оп. 1. Д. 22. Л. 166.

7. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1350. Л. 555; Ф. 250. Оп. 3. Д. 38. Л. 203; Ф. 482. Оп. 1. Д. 17. Л. 135.

8. ГАКК. Ф. 250. Оп. 3. Д. 7. Л. 13; Д. 35. Л. 28; Ф. 482. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

А. А. Бражников

ИРРЕГУЛЯРНЫЕ ВОЙСКА НАРОДОВ УРАЛА В ПЕРИОД ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1812–1814 ГОДОВ

Предметом данного исследования является участие в военных действиях против наполеоновских войск иррегулярных воинских формирований из числа народов Урала и казаков – нагайбаков, состоявших на службе в Оренбургском казачьем войске.

О происхождении нагайбаков до настоящего времени ведутся дискуссии среди этнографов. Одни относят их к казанским татарам, крещеным Иваном Грозным, другие связывают их с крещеными ногайцами, третьи – с крещеными башкирами. Как отмечается в энциклопедии «Народы России», «исторические источники застают нагайбаков (под названием «новокрещен» и «уфимских новокрещен») в Восточном Закамье с 1729 г. По некоторым данным, нагайбаки переселились туда во 2-й половине XVII в. – после возведения Закамской засечной линии (1652–1656). В первой четверти XVIII в. эти «новокрещены» жили в 25 деревнях Уфимского уезда» [1, с. 239]. В 1732–1740 гг. происходили башкирские восстания. Так как нагайбаки не поддержали восставших, они в 1736 г. по указу императрицы Анны Иоанновны были зачислены в казаки за верность царской администрации. Среди прочего они были освобождены от налогов. В 1748 г. указом императрицы Елизаветы Петровны было создано Оренбургское казачье войско для защиты границ от кочевников, и нагайбаки были в него включены. Проживали они в селе Бакалах и в районе Нагайбакской крепости в 12 деревнях.

В 1812 г. казаки станицы Нагайбакской выступили в поход во главе с атаманом Серебряковым на борьбу с французскими войсками, вторгнувшимися в пределы России. Они участвовали в сражениях Отечественной войны. В заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. – принимали участие в сражениях за Берлин, Кассель, битвах при Лейпциге, Арси-сюр-Об, разгроме корпусов Мармона и Мортье при Фершампенуазе, взятии Парижа. По окончании войны нагайбаки возвратились в родные места. Однако в 1842 г., в связи с земельным переустройством Оренбургско-

го казачьего войска, нагайбаки были переведены на новую линию в Верхнеуральский и Оренбургский уезды Оренбургской губернии. В Верхнеуральском уезде нагайбаки основали селения Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж, Треббия и другие. Свои поселения они называли в честь побед российских войск, в которых они также принимали участие. В некоторых селения рядом с нагайбаками проживали русские казаки и крещенные калмыки. В целом, обособление конфессиональное и сословное способствовало тому, что нагайбаки считают себя самостоятельной народностью, имеющей общие корни с казанскими татарами. Мужская одежда являлась форменной одеждой Оренбургского казачьего войска. Интересным является тот факт, что у нагайбаков имеется мужское хоровое пение – прямое наследие православия и общности с русскими казаками. Богослужение велось на их родном языке.

Среди народов Урала, которые активно участвовали в Отечественной войне и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., были башкиры, тептяри, мешеряки. Наиболее известными из них являются башкиры. В дореволюционной литературе к ним также относили тептярей и мешеряков: «К башкирам причисляют мешеряков (130 т.) и тептярей (более 300 т.). Древняя Мещерская область обнимала часть нынешней Рязанской губернии, северные уезды Тамбовской и западные уезды Пензенской. Современные мешеряки признаются, как и тептяри, отатарившимися финнами и живут, главным образом, в Уфимской губернии, затем в Пензенской, Пермской, Саратовской; тептяри – в Оренбургской, Уфимской, Вятской, Пермской» [2, с. 150].

В современной литературе мишарей и тептярей по происхождению относят к казанским татарам: «Казачье войско формируется и из башкир. Сначала в шестнадцатом веке их покоряют. Через двести лет, во времена Павла I, формируют Башкирско-Мещерякское войско» [3, с. 83], которое было сформировано в 1798 г. и распущено в 1861 г. Последний Башкирский казачий полк после наполеоновских войн был преобразован в башкирскую конную милицию, которую в конце XIX в. также расформировали. Необходимо отметить, что иррегулярные части создавались на достаточно короткое время по случаю военной необходимости, а затем распускались. Многие из них создавались на правах казачества. «Когда в Уфе получен был манифест о составлении ополчения, тамошнее дворянство также изъявило ревностное желание пожертвовать и собою, и достоянием своим. Так как тот край населен по большей части воинственным народом, то бывший там губернатором князь Волконский стал собирать иррегулярные войска, тотчас вооружилось также 20 полков. Мордва, тептяри, мешеряки, черемисы, башкиры (луговые народы) – все быстро двинулись на врагов» [4, с. 117].

Русское командование в полной мере оценило возможности казачества по опыту других войн, которые Россия вела ранее. Казаки пре-

красно проявили себя во всех военных конфликтах XVIII в., в которых они участвовали. Отличие Отечественной войны от прошлых войн состоит в том, что никогда ранее Россия не применяла иррегулярные войска в таком количестве. «Преимуществом русской кавалерии над любой другой конницей Европы было массовое использование природных всадников из донских, бугских, украинских, уральских, оренбургских казаков, а также калмыков, башкир, киргизов. Эта кавалерия являлась сущим бедствием для наполеоновских войск в период кампаний 1812–1814г. Противопоставить им какие-то силы, способные вести рейдовую войну, не в состоянии была ни одна европейская армия. Иррегулярную русскую конницу могла бы нейтрализовать только турецко-персидская, если бы таковая имелась в войске Наполеона, но история распорядилась иначе» [5, с. 395]. Согласно данным В. В. Звягинцева, войско Донское в 1812 г. выставило 90 полков, в основном пятисотенного состава; Уральское войско в начале года – четыре полка, позже, видимо, их число увеличилось до десяти; Оренбургское – три полка; Бугское – три; калмыки – два; крымские татары – четыре; башкиры и мещеряки – 22; ставропольцы – один. (Цитируется по Тараторину В. В.) Вооружение конного войска было самым различным, каких-то строгих уставных ограничений в те годы еще не существовало» [5, с. 395].

Башкиры и калмыки были вооружены луками и пиками. У некоторых имелись легкокавалерийские сабли образца 1798 г. Казаки также активно использовали пики. Имелись у них на вооружении сабли различных типов, пистолеты, карабины. Впоследствии у всех иррегулярных войск появилось трофейное оружие. Офицеры казачьих войск были вооружены саблями, имевшими название «клыч». Донские казаки использовали в массовом порядке дротики, которыми расстраивали неприятельские ряды. «Пики первой трети XIX в., как казачьи так и кавалерийские, отличались большим разнообразием. Размеры боевого наконечника, длина и диаметр древка казачьей пики были не определены. Характерным признаком казачьей пики первой трети XIX в. было лишь отсутствие подтока и пожилин у боевого наконечника. Казачьи пики были вооружены нижние чины гвардейских казачьих полков и иррегулярных казачьих войск» [6, с. 135]. Будучи конными, иррегулярные войска имели чрезвычайную для тех времен мобильность. Русское командование применяло их для несения сторожевой службы, внезапных рейдов по тылам противника, нарушения коммуникаций. Многие подразделения конных иррегулярных формирований составили костяк партизанских отрядов. В крупных сражениях иррегулярная кавалерия взаимодействовала с регулярной строевой кавалерией. В качестве примера можно привести сражение под Миром в 1812 г., когда 8 казачьих полков во взаимодействии с двумя полками регулярной кавалерии разгромили 6 польских уланских полков, использовав тактический старинный казачий прием «вентерь». Регуляр-

ная французская кавалерия ничего не могла поделать с иррегулярной конницей, которая не могла выдержать прямой атаки обученных кавалеристов, зато с легкостью маневрировала, обходила с флангов, постоянно держала в напряжении регулярные войска и, улучив момент, атаковала.

В заключение хотелось бы привести высказывание известного французского дипломата, адъютанта и сподвижника Наполеона Армана де Коленкура, который следующим образом характеризует казаков: «Казаки – несомненно, лучшие в мире легкие войска для сторожевого охранения армии, для разведок и партизанских вылазок; однако, когда мы им давали отпор или открыто двигались против них сомкнутым строем, они ни разу не оказали сопротивления нашей кавалерии. Но попробуйте потревожить их, когда вы отрезаны от своих! Или двиньтесь в атаку рассыпным строем! Вы погибли, потому что они возобновляют нападение с такой же быстротой, как и отступают. Они – лучшие наездники, чем мы, и лошади у них более послушны, чем наши; они могут поэтому ускользать от нас, когда нужно, и преследовать нас, когда преимущество на их стороне» [7, с. 201].

В кампаниях 1812–1814 гг. большую роль сыграло казачество и другая иррегулярная кавалерия. Их действия заставили командования многих стран пересмотреть свои взгляды на использование данного вида войск. Российское командование после военных действий продолжало формирование новых частей иррегулярной кавалерии.

-
1. Народы России. Энциклопедия. – М., 1994.
 2. Россия. Энциклопедический словарь: Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз И. А. Ефрон. СПб., 1991.
 3. Охлябинин С. Д. Честь мундира. М., 1994.
 4. Любецкий С. М. Русь и русские в 1812 г. М., 1994.
 5. Тараторин В. В. Конница на войне. Минск, 1999.
 6. Кулинский А. Н. Русское холодное оружие военных морских и гражданских чинов 1800–1917 гг. СПб., 1944.
 7. Коленур Арман де. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991.

А. В. Говорова

ИЗ ИСТОРИИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Современные исследователи, обращаясь к истории кубанского казачества, указывают на его традиционную культуру, многочисленные ратные подвиги, участие в войнах и др. Но мало кто задается такими вопросами как: чем были вооружены казаки? какова была военная одежда? на каких лошадях воевали? как формировались казачьи части? каковы осо-

бенности прохождения воинской службы казака? какова участь казаков после службы?

По Уставу 1809 г. кубанский казак, идя на службу, должен был иметь лошадь, седло, военное обмундирование (одежду летнюю и зимнюю), оружие – холодное клинковое (саблю), пику, огнестрельное – ружье. Как пишет Б. Е. Фролов, «кавалерийские сабли образца 1809 г. были довольно тяжелыми, имели массивные асимметричные эфесы и громоздкие железные ножны. И если в регулярной кавалерии, действовавшей по европейской тактической схеме, эти сабли могли более или менее успешно применяться, то для казаков они оказались малоэффективным и даже обременительным оружием. В условиях набеговой системы ведения военных действий любая стычка легко распадалась на ряд скоротечных индивидуальных схваток, где казак, вооруженный саблей, почти всегда оказывался лицом страдательным против горца, вооруженного легкой шашкой» [1].

Попытки вооружить кубанцев более удобным и эффективным холодом оружием, продолжалась неоднократно, уже и после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813 – 1814 гг. Свидетельство тому – архивные материалы Государственного архива Краснодарского края, где сохранилась переписка командующих русскими войсками на Кавказе А. П. Ермолова, М. Г. Власова и других по вопросу замены сабель на черкесские шашки [2]. К сожалению, неудавшиеся попытки замены сабель шашками, недоверие кубанских казаков к своему неудобному и тяжелому оружию – саблям, приоритет огнестрельного оружия, прекрасно показавшего себя в борьбе с Наполеоном, привели к тому, что к середине XIX в. главным военным оружием казаков становятся ружье и пика

Факты заимствования кубанскими казаками элементов юитской одежды горских народов Кавказа не раз подтверждались научными исследователями, еще начиная с И. Д. Попко [3]. Поскольку кубанское казачество в рассматриваемый период еще делилось на черноморских и линейных казаков, то история формирования военной одежды у них несколько разная. Как пишет современный кубанский исследователь Б. Е. Фролов, «казачи-линейцы, не регламентируемые законодательно в плане одежды и вооружения, довольно быстро и легко переняли боевой комплекс адыгов. Лишь старики и служилые казаки первое время носили обмундирование донского покроя...» [4]. До сих пор на Кубани живет поговорка: «линеец – это тот же черкес, но только русской национальности». Совсем иначе и дольше по времени такой процесс проходил у черноморских казаков. Период Отечественной войны 1812 г., а особенно заграничный поход в котором участвовали кубанские казацкие военные соединения, показали насколько мундир и его качество влиял на службу. Военный парад в Париже по случаю победы русского оружия над Наполеоном еще раз подтвердил срочную необходимость немедленной реформы в вопросе казачьего форменного обмундирования.

Нам представляется целесообразным процитировать кубанского историка Я. Г. Кухаренко «Государь Император, 11 февраля 1816 г. высочайше учредив форму обмундировки лейб-гвардии Черноморского эскадрона, черноморских артиллеристов и Козаков полковых, соизволил повелеть доставить в войско образцовые мундир. Войсковая канцелярия, по получении образцов по комиссии С. -Петербургского комиссариатского депо, тогда же приступила к обмундированию Козаков» [5, с. 384]. И лишь только в 1861 г. на государственном уровне происходит официальное утверждение за мундиром кубанского казака названия «черкеска» с вытекающим отсюда всеми элементами военной одежды

1. Фролов Б. Е. Попытка введения шашек на вооружение черноморских казаков в начале 20-х гг. XIX в. // http://www.cossackdom.com/articles/f/frolov_shashki.htm

2. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 812; Ф. 318. Оп. 2. Д. 22.

3. Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858.

4. Фролов Б. Е. Адыгское влияние на оружие Черноморских казаков // <http://www.visagesoft.com>

5. Кухаренко Я. Г., Туренко А. М. Исторические записки о войске Черноморском (Со времени поселения оно на Всемилоствиейшее пожалованной землею по 1831 г.) // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края. Краснодар, 2006.

Л. В. Мальцева

КАК ФОРМИРОВАЛИСЬ ПОЛКИ НА КУБАНИ

После переселения на Кубань в 1792 г. молодое Черноморское войско еще не имело твердого штатного устройства. Полки формировались по мере надобности из ближайших куреней и назывались, как правило, по имени своего командира. Первая регламентация военной службы черноморцев была предпринята при императоре Александре I. Указом военной коллегии от 13 ноября 1802 г. войско было разделено на 20 полков: 10 конных и 10 пеших, пятисотенного состава (в 1819 г. был добавлен еще один полк). В этом же году в штат полков добавили по 10 урядников и 67 казаков. Таким образом, штатный состав полка довели до 578 человек. Однако в то время штаты полков вследствие нехватки казаков не отражали их реальную численность. Известный историк кубанского казачества Б. Е. Фролов на основании архивных документов опубликовал перечень и штаты полков войска того времени. Кавалерию войска составляли полки подполковников Бурноса, Малого, Еремеева, майора Котляревско-

го, войсковых полковников Кухаренко, Ляха, Кобиняка, Волкореза, Порывая, Камяченко. Всего в кавалерии числилось: 11 штаб-офицеров (полковые командиры, включая атамана Бурсака), 160 обер-офицеров, 210 сотенных есаулов, 1 довыбш (указан в графе против войскового атамана) и 4630 казаков. В инфантерии (пехота) числились полки войсковых полковников Рахмановского, Гелдыша, Магировского, Животовского, Варавы, Покатило, Васюренцева, Паливоды, Вербца (в январе 1804 г. указан десятый полковник Лисенко). Итого в пехоте: 10 штаб-офицеров, 159 обер-офицеров, 210 сотенных есаулов, 4630 казаков.

В конце XVIII начале XIX вв. черноморские полки кроме охраны границ участвовали в войнах, которые вела Россия. Так, уже в 1794 г. два полка под командованием кошевого атамана Захария Чепеги участвовали в польской кампании, а через два года, в 1796-м, два полка с войсковым судьей Антоном Головатым – в войне с Персией. В 1806 г. черноморцы отличались под Измаилом, Рущуком и Силистрией во время русско-турецкой войны, а также в Отечественной войне 1812 г. В 1826–1827 гг. в войне с Персией принимали участие два конных, один пеший полки и особая пятисотенная команда. Особенно отличились черноморские полки под командованием Наказного атамана генерал-майора А. Бескровного при взятии крепости Анапа в 1828 г. Во всех сражениях черноморцы показали себя стойкими, умелыми и храбрыми воинами. В соответствии с Положением о Черноморском казачьем воске 1842 г. войску, разделенному на три округа, вменялось «иметь во всегдашней готовности к службе» один дивизион лейб-гвардии, 12 конных полков, 9 пеших батальонов и 1 конно-артиллерийскую бригаду.

Все конные полки комплектовались преимущественно из казаков, «имеющих хорошо устроенное домообзаведение», а пешие батальоны-казаки «состояния посредственного». В том числе в Екатеринодарском округе формировались конные черноморские полки – 2, 5, 8 и 11-й, пешие батальоны – 2, 5, 8-й и конно-артиллерийская батарея № 11. По штатам 1842 г. конный полк состоял из 1 полковника, 1 войскового старшины, 5 есаулов, 6 сотников, 7 хорунжих, 25 старших урядников, 25 младших урядников, 48 приказных и 750 казаков, а также 1 штаб-трубача и 12 сотенных трубачей, из штаба полка и 5 сотен. Штат батальонов четырехсотенного состава был следующий: командир батальона в чине подполковника – 1, есаулов – 4, сотников – 6, хорунжих – 4. нижних чинов: старших урядников – 10, младших урядников – 12, казаков – 920. 31 августа 1859 г. были введены новые штаты для Черноморского казачьего войска: вместо 12 конных полков учреждалось 9 и, наоборот, вместо 9 пеших батальонов – 12. Для приведения Черноморского казачьего войска в новый состав, все части разделили на три очереди, в каждую из которых вошли три конных полка, четыре пешеходных батальона и три дивизиона конной артиллерии.

Кордонную линию также раздели на три отдела, в каждом из которых было по одному конному полку, пешему батальону и дивизиону артиллерии. Остальные части находились на льготе, 11-й полк Екатеринодарского округа был расформирован, и его казаки пошли на укомплектование других частей.

С 60-х гг. XIX в. начинается новая история Екатеринодарских полков. 8 февраля 1860 г. был издан Указ императора Александра II о наименовании правого крыла Кавказской линии Кубанской областью, а левого – Терской областью. 19 ноября 1860 г. Черноморское казачье войско было переименовано в Кубанское казачье войско. 8-й и 5-й конные Черноморские полки, формировавшиеся в Екатеринодарском округе, были переименованы в 8-й и 5-й полки Кубанского казачьего войска. С момента своего образования Кубанское казачье войско состояло из 22 конных полков, 13 пеших батальонов, 5 конно-артиллерийских батарей. Все войско делилось на три округа: Таманский, Екатеринодарский и Ейский – с девятью полковыми округами и на шесть бригадных управлений. В 1865 г. все строевые части Кубанского казачьего войска в связи с окончанием Кавказской войны были отпущены на льготу, за исключением очередного наряда сотен на работы и кордоны.

В годы 1-й Мировой казаки-кубанцы, в том числе екатеринодарцы покрыли себя неувядаемой славой. Кубанские казаки воевали как на Кавказском (большая часть), так и на Западном фронте. Кубанцы одними из первых применили практику создания мобильных партизанских отрядов, действующих в тылу врага. Кубанцы, как и другие казачьи части, проявили наибольшую степень мобильности и надежности, выказывая высокую выучку. После октября 1917 г. все кубанские казачьи полки были демобилизованы и распущены по домам. Славная более чем столетняя история Екатеринодарских полков прервалась. В годы Гражданской войны в Вооруженных Силах Юга России были вновь воссозданы Екатеринодарские полки, хотя состав их часто менялся. После установления Советской власти на Кубани они окончательно прекратили свое существование. Лишь спустя более семидесяти лет в структуре Кубанского казачьего войска был вновь восстановлен Екатеринодарский Кошевого атамана Чепеги казачий полк.

Огромный вклад в победу внесли кубанские казаки в годы Великой Отечественной войны. Каждый пятый житель Кубани ушел на фронт. Из добровольцев было создано более 90 истребительных батальонов и три казачьих соединения – 50-я отдельная кавалерийская дивизия, Краснодарская пластунская дивизия и 4-й Кубанский гвардейский кавалерийский корпус, который с боями прошел от Кубани и Терека до Праги. За образцовое выполнение боевых заданий при проведении Дерезенско-Ньиредьхазской операции Кубанский гвардейский корпус был награжден орденом

Ленина и получил благодарность от Верховного Главнокомандования. Была дана высокая оценка действиям первой конно-механизированной группы генерал-лейтенанта И. А. Плиева. 26 января 1945 г. она была преобразована в гвардейскую. Ордена Ленина удостоилась 30-я Краснодарская дивизия, орденами Красного Знамени и Кутузова I степени награждена 9-я дивизия, и орден Кутузова I степени получила 10-я дивизия. За успешное овладение рядом крупных опорных пунктов противника в Белоруссии Кубанский корпус получил пять благодарностей от Верховного Главнокомандования. Вклад кубанских казаков в Белорусскую операцию был высоко оценен правительством. За успешные боевые действия 4-й Кубанский гвардейский корпус был награжден орденом Суворова II степени. В феврале 1945 г. Кубанский гвардейский кавалерийский корпус форсировал Дунай и вместе с другими соединениями Красной Армии вел бои за Будапешт.

В память о героях был воздвигнут монумент в станице Куцевской. Всадник-казак на вздыбленном коне с обнаженной шашкой в руке навек останется напоминанием о боевых подвигах наших защитников. Стоит этот монумент на высоком берегу Еи, и выбита на нем надпись: «В честь Кубанского казачьего гвардейского кавалерийского корпуса». За отвагу и мужество при освобождении европейских стран и народов от фашизма все солдаты и офицеры Кубанского корпуса были награждены орденами и медалями СССР.

Н. Б. Сёмина

ИЗ ИСТОРИИ ВОЙСКА ТЕРСКОГО

Строительство новой кордонной линии по реке Сунжа в 1845 г. обусловило появление новых станиц на Северном Кавказе – Владикавказской, Ново-Сунженской, Аки-Юртовской, Фельдмаршальской, Терской, Карабулакской, Троицкой и других. Из казаков этих станиц были образованы 1-й Сунженский, 2-й Владикавказский казачьи полки. А из казачьих станиц Самашки, Закан-Юрт, Алхан-Юрт, Грозненской, Петропавловской, Джалкинской, Умахан-Юрт и Горячеводской сформировался 2-й Сунженский полк. Утвержденное первое «Положение о Кавказском линейном казачьем войске» регламентировало порядок управления и службы в войске.

С падением Гуниба и пленением Шамиля в 1859 г. в Кавказской войне произошел перелом: сопротивление горцев было в основном подавлено. Владикавказскому, Моздокскому, Кизлярскому, Гребенскому и двум Сунженским полкам были пожалованы Георгиевские знамена «За военные подвиги против непокорных горцев».

После Кавказской войны Кавказская линия была разделена на правую – Кубанскую линию и левую – Терскую. Территория Кавказской области разделилась на Терскую и Кубанскую области и Ставропольскую губернию. Правопреемником Кавказского линейного войска назначалось Терское казачье войско, за которым также закреплялась зона административного управления – Терская область. Военное и гражданское руководство в области возлагалось на наказного атамана, а центром стал город Владикавказ.

По окончании Кавказской войны с 1870 г. на полковую службу выставлялось столько казаков, сколько было нужно для комплектования полков и батарей. К началу царствования Александра III в 1881 г. численность казачьего населения в Терской области достигало 130 тыс. человек обоего пола, на действительной службе состояло 5,6 % мужчин войскового сословия. В этом году за героическую службу России Терское казачье войско было награждено Георгиевским знаменем с юбилейной Александровской лентой.

В Первой мировой войне 1914–1918 гг. участвовало 18 тыс. терских казаков, которыми укомплектовали 12 конных полков, два пластунских батальона, две батареи, две гвардейские сотни, пять запасных сотен, 12 команд, т. е. все части первой очереди Терского казачьего войска.

До 1917 г. терские казаки проживали в 70 станицах, входивших в четыре полковых отдела: Кизлярский (21 станица), Моздокский (15 станиц), Пятигорский (14 станиц), Сунженский (20 станиц). Во всех 70 станицах невойсковое население составляло примерно четверть.

Казачьим станицам принадлежали обширные земельные территории. Так, в 1916 г. Терская область занимала 6,5 миллион десятин, или примерно 72 тыс. кв. метров. Войсковые же земли занимали около двух миллионов десятин, т. е. почти треть территории Терской области. В эту часть входили пашни, станицы, запасные земли, лесные угодья.

Традиционную основу казачьей экономики до восемнадцатого века составляло скотоводство, рыболовство и охота. Позже в связи с ростом численности казачьих общин возросли потребности в продовольственном обеспечении, и казаки освоили земледелие. К концу XIX в. земледелием занималось 80 % населения Терской области. Скотоводство не теряло своего значения: войску требовалось постоянное пополнение строевыми и рабочими лошадьми. Терские конезаводчики вывели кабардинскую породу лошадей, отличающейся красотой и выносливостью.

Терское казачье войско владело 1625 кв. верстами морских вод Каспийского моря, водами Терека, Сунжи, Малки. Доходы от рыболовства пополняли войсковую и станичную казну. Казачьи семьи также занимались пчеловодством и кустарными промыслами. В каждой станице были свои плотники, столяры, кузнецы и пр.

В начале XX в. общинный образ жизни и ведения хозяйства казачества сдерживал капитализацию экономики. Кроме того, по-прежнему дорого обходились затраты на обмундирование и содержание войсковых лошадей. По-прежнему казаки несли тяготы долгой 18-летней службы, были ограничены в правах выхода из общин. Казачество оставалось малограмотным.

Различные проблемы и противоречия умело использовались революционными партиями, среди которых на Северном Кавказе особенно популярна была партия эсеров. Под их влиянием среди казаков стали распространяться идеи «расказачивания» (свобода выхода из казачьего сословия и из общин).

Первая мировая война еще больше обострила существующие противоречия. В результате массовой мобилизации многие казачьи семьи остались без мужчин и не могли обрабатывать свои земельные участки, многие вынуждены были батрачить.

На фронте и в тылу казаки с надеждой встретили известие о Февральской революции и о передаче власти Временному правительству. С отречением от Российского престола Николая II, а затем и его брата Михаила закончилась служба казаков Российской империи, начался новый этап в истории казачества.

В революциях 1917 г. и последующей гражданской войне решался вопрос о праве землевладения. Казакам были чужды интересы дворянства, имевшего большие поместья и отстаивающего власть монархии. Не совпала их точка зрения и с пролетариями, добивавшимися ликвидации частной собственности. Радикальные лидеры казачества даже предлагали создать самостоятельное государство Казакию на основе объединения всех казачьих войсковых территорий, но большинство казаков понимало свою неразрывную связь с Россией и не поддерживало идеи отделения казачьих областей.

Крестьяне и горцы были самыми явными противниками казачества в вопросе о земле и претендовали на полное перераспределение всех войсковых земель, что сильно осложняло обстановку в Терской области. В марте 1917 г. во Владикавказе проводился войсковой круг казачества, на котором был избран войсковой атаман подъесаул М. А. Караулов. В дальнейшем ситуация стремительно менялась: образовался «Союз горцев», объявивший территории национальных округов Терской области самостоятельным государством, независимым от России. Пытаясь прекратить политическое противостояние на Тереке, атаман М. А. Караулов пошел на заключение союза с теми горцами, которые выступали за сохранение Северного Кавказа в составе России. Была организована Терско-Дагестанская республика, которой до начала 1919 г. руководили войсковой атаман и войсковой круг (правительство), председателем которого являлся П. Д. Губарев.

В начале октября 1917 г. во Владикавказе была созвана конференция Астраханского, Донского, Кубанского, Терского казачьих войск, в которой участвовали делегации от калмыков и Союза кавказских горцев и народов Дагестана. 21 октября 1917 г. конференция приняла решение об образовании «Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» для борьбы с «анархо-большевизмом». Члены Союза выступали за сохранение единого российского государства в форме федеративной республики. Однако намеченные реформы Союзом не были реализованы из-за Октябрьской революции и гражданской войны. Не получив широкой народной поддержки, правительство Союза прекратило свою деятельность в начале 1918 г.

Е. М. Белецкая

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР ГРЕБЕНСКИХ КАЗАКОВ КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В споре о статусе, иерархическом положении казачеств (сословие – этнос) закрепились теория этносоциальной, а не сугубо социальной сути казачества [2, с. 15–23; 7, с. 4]. В исследованиях этих групп применяются региональный и этносоциальный подходы. Каждая локальная казачья традиция связана с определенной территорией, естественной и этносоциальной средой обитания. Региональная специфика, т. е. особенности климата, рельефа, флоры и фауны, а также – межэтнические контакты формировали своеобразие каждой казачьей традиции, наряду с другими причинами [7, с. 5–6]. К другим причинам вполне правомочно отнести исторические этапы формирования каждой группы казачества, военизированный образ жизни, совместное участие казаков в военных походах и специфические особенности казачества, к которым относятся: 1) служение государству, приверженность православию, патриотизм и воинские традиции [5, с. 68; 4, с. 18–20]; 2) характер деятельности и роль казаков: охрана границ Российского государства и этнической территории русских; 3) освоение новых земель и присоединение их к России (роль фронта – подвижной пограничной территории между двумя цивилизациями, в т. ч. – как территории «пространственной коммуникации», диалога культур) [6, с. 40–52; 3, с. 23–30].

Уникальность казачества, его специфика проявляется и в духовной культуре, что неоднократно отмечали исследователи донского, терского, уральского, сибирского и других групп казачества. Если главным фактором объединения разноэтничного и разноязычного казачества, его важнейшим этническим признаком был военно-промысловый хозяйственно-

культурный тип, то другие черты (язык, территория, материальная и духовная культура и пр.) у различных казачьих групп достаточно сильно отличались [2, с. 22]. Вместе с тем, в песенном фольклоре казаков, изначально нацеленном на отражение социальных идеалов и стереотипов (исторические и военно-бытовые песни, а также – «оказаченные» тексты), значительная часть сюжетов является общими по содержанию, но различающимися по форме, как локальные варианты, текстовые или музыкальные.

Духовная культура гребенского (и шире – терского) казачества уникальна потому, что заселение края проходило в несколько этапов (в силу чего в локальном песенном репертуаре прослеживается несколько культурных слоев); на состав песенных сюжетов оказала влияние специфика жизни гребенских казаков до образования линейного казачества и после, а также – неоднократное переформирование (и переименование) казачьих полков; гребенские казаки существовали длительное время в иноязычном окружении; на хорошую сохранность песенного репертуара повлияла консервативность *гребенцов* («*батяков*»), обусловленная, в частности, институтом старообрядчества. Перечисленные причины, несомненно, могут быть дополнены, потому что жизнь казаков на берегах Терека представляет собой достаточно сложную культурно-историческую картину, как в синхронном, так и в диахронном аспектах. Нельзя не учитывать, что феноменальность культуры гребенских казаков обусловлена совокупностью многих факторов, поэтому ее исследование не должно быть односторонним.

Песни гребенских казаков бытовали преимущественно в пяти станицах – Червленной, Старощедринской, Новогладковской (Гребенской) Старогладковской, Курдюковской. Именно гребенцы сохранили былинный эпос, зафиксированный в публикациях XIX–XX вв., остатки которого еще можно было записать во время фольклорных экспедиций 1960-х гг. в Гребенской, Курдюковской и Старощедринской (былинные песни «Что ни по морю было, по морюшку», «Малютка Илья Мурович-душа» и др.) [8, с. 14–56]. Этому способствовали особенности содержания, связанного с реальной жизнью казачества на окраине России в иноязычной окружении («Богатыри на заставе», «Илья Мурович и разбойники», «Иван Гордеевич и поганый царь», «Добрыня и Маринка»), и многоголосное хоровое исполнение. Гребенские былины при сокращении текста сохранили сюжетную основу. Специфика исторических песен, несмотря на наличие в локальном репертуаре общеказачьих сюжетов, проявилась в их определенном отборе («Не из тучушки ветерочки они дуют», «Не на речке было, на Камышинке», «Гребенской казак плачет у гроба государя» и др.), в наличии местных деталей и в описании событий, происходивших непосредственно в локальном пространстве гребенцов («Зырянское сидение», «Дело полковника Волженского», «Смерть генерала Слепцова» и др.).

Для XIX в. характерно обилие военно-патриотических песен, часто книжных по форме. Военно-бытовые песни отличаются разработанностью темы казачьей службы, о чем свидетельствует количество и хорошая сохранность «провоженных» и походных песен («Полно вам, снежочки», «Грусть, тоска, печаль, досада», «Тихий Дунай» и др.) Значительное место занимает тема смерти на поле боя, сообщения о смерти и возвращения казаков («Уж, вы, горы Кавказские», «Уж, ты, поле», «Уж, мне, ма-тушка-сударушка, грустненько» и др.). Баллады на Тереке не менее популярны, но, в отличие от северных, они ближе к лирическим песням и представляют собой лироэпический жанр. Тематика баллад тесно связана с реальными событиями (особенно популярны баллады об увозе девицы), в то же время, они представляют собой казачьи варианты общерусских сюжетов. Есть и местные сюжеты («Как в Червленом жила-была вдовушка»). Значительное место в репертуаре станиц занимают поздние баллады и романсы, в том числе – литературного происхождения («Под вечер осенью ненастной», «По Дону гуляет», «Хасбулат удалой» и др.).

Любовные и семейные лирические песни в наименьшей степени отличаются от общеизвестных сюжетов, однако, специфика заключается в более активном выражении женского начала («Люблю я казаченьку, люблю молодого», «Полно, полно, девчоночке», «Уж, вы, бабочки, бабочки мои») и значительном количестве не только протяжных, но и «частых» («скоморошных») песен. Особенностью их исполнения является сопровождение пения ударами в «*тулунбас*» (обычно – в медный таз) или резкими постукиваниями ладоней (иногда – ложками или вилками) по столу, неизменным танцем – лезгинкой. Чрезвычайно своеобразна обрядовая культура гребенцов, в которой сохранились поклонение дубу, пускание на Троицу кораблей по Тереку, конные состязания, джигитовка и общие столы с ведрами *чихиря* на улицах станицы, «взятие города» на Масленицу, рождественское хождение со звездой («Христа славить»), колядование («Леску петь») в русском и украинском вариантах на Святках и др. [1, с. 50–63]. Особого внимания заслуживает свадебная обрядность – наименее изученная, пестрая по составу, различающаяся обрядовыми действиями и песенными текстами даже в одной станице.

Все это дает основание сделать вывод о том, что песенное богатство гребенских казаков – явление уникальное, феноменальное, хорошо сохранившееся и недостаточно известное широкому кругу россиян.

1. Белецкая Е. М., Великая Н. Н., Виноградов В. Б. Календарная обрядность терских казаков // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 50–63.

2. Великая Н. Н. Об этнической природе казачьих групп // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2003 г.: Дикаревские чтения (10). Краснодар, 2004. С. 15–23.

3. Галутво Л. М. К вопросу о взаимопроникновении культур в местах казачьей колонизации // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 г.: Дикаревские чтения. Краснодар, 2001. С. 23–30.
4. Голованова С. А. Казачество как идея и идеал // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Краснодар; Армавир, 2006. С. 18–20.
5. Жигунова М. А., Золотова Т. Н. Традиционная культура сибирского казачества: история и перспективы изучения // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее. Омск, 2003. С. 58–69.
6. Ивонин А. Р. Казаки на сибирском фронтире в XVIII–XIX вв. // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее. Омск, 2003. С. 40–52.
7. Очерки традиционной культуры казачеств России. Краснодар, 2005. Т. 2.
8. Путилов Б. Н. Русская народная песня у гребенских казаков // Песни гребенских казаков. Грозный, 1946. С. 14–56.
9. Тхамокова И. Х Гребенские казаки как этнографическая группа // Памяти И. Д. Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. Краснодар, 2003. С. 129–134.

Е. М. Бородина

«ВОИНСКИЕ» ПЕСНИ СИБИРСКИХ КАЗАКОВ

Сложные и разнообразные творческие процессы в сибирском фольклоре проходили в течение нескольких столетий. Казачество развивало свои песенные традиции еще со времен освоения Сибири, живой процесс восприятия новых поэтических явлений протекал почти непрерывно. Вместе с постепенным отмиранием многих жанров, усвоением новых фольклорных образований совершались глубокие внутренние изменения в песенном репертуаре казаков. Степень и характер влияния соседних народов на разных этапах истории казачества меняли его песенную культуру. Основу казачьего фольклора составляли «воинские» песни. По своей функциональной направленности это были: исторические, походные, строевые, привальные, лирические песни. Подобные жанры имеют немало аналогов в фольклоре донских, кубанских и уральских казаков.

Важнейшим отличием исторической песни является то, что её сюжетной основой служит конкретное историческое событие, а героями – действительные исторические лица. Военно-исторические песни пользовались особой популярностью у казаков. В Сибирь исторические песни из Центральной России попадали различными путями: их приносили в станицы служилые казаки, возвращаясь из военных походов, а также – новые поселенцы – казаки с Дона и Волги. В песнях историческая действительность одновременно создается в своей реальности. Большинство персонажей исторических песен пришли из реальной истории. Ярким примером является песня: «На взморье, на германском берегу» [4, с. 53].

Одна из ведущих тем исторических песен, вокруг которой сосредоточено большинство сюжетов, – героико-патриотическая: любимые герои песен – те, кто в труднейших обстоятельствах проявили стойкость, исполнили свой долг, сохранили достоинство даже ценой жизни. Все военно-исторические песни не только создают своеобразную песенную летопись многочисленных войн, но и раскрывают наиболее драматичные, стороны войны как социального явления [3, с. 214–217].

«Под ракитою зеленой
Русский раненый лежал
И к своей груди пронзенной
Крест свой медный прижимал...».

Или:

«Грудь штыком его пронзита,
Тяжело ему сказать.
Кровь текла из свежей раны...» ... [4, с. 54].

Активно бытовали в казачьем песнетворчестве походные песни. По своему содержанию эти песни весьма богаты, поскольку всесторонне отражали многогранные стороны военной жизни казаков. Эти песни воспевают священную землю, неприкосновенность её границ, отвагу и храбрость, верность воинскому долгу, восхищение своими полководцами. Большое место в военных и походных песнях занимают мотивы, воспевающие свободолюбие казаков. Глубокой грустью полны песни, в которых повествуется о событиях, происходящих в отсутствие казака, а также песни о возвращении казаков со службы. Особенно эмоциональны песни, посвященные теме гибели казака. Наиболее значительны и популярны песни о молодце, умирающем в чистом поле и посылающем с конем прощальный привет домой [1, с. 6]. Довольно часто в песнях предстает перед нами образ коня как быстрого, сильного и резвого скакуна. Конь для казака – не только средство передвижения. Прежде всего, конь выступает в роли боевого друга. Поэтому во многих текстах прослеживается преданность, глубокое уважение и доверие к боевому другу: «в ногах казака его верный конь», «уж ты конь, ты мой конь, ты товарищ мой», «отнеси мой конь» и т. д. [2, с. 99].

Сама служба в песнях изображается с большой реалистичностью. Военные тяготы казака – один из главных мотивов песен. Еще одна тема – печальная дума казака. Зброшенный на «чужу-дальнюю сторонушку», казак в своих песнях вспоминает о доме, о родной стороне. Примером может служить привальная песня: «Дума тёмная, дума тяжкая». К воинским песням относятся поздние лирические песни, баллады, образцы с текстами литературного происхождения. Лирическая песня жила в служивой казачьей среде полнокровной жизнью, эти песни у казаков были очень популярны. Особенно те, в которых пелось о разлуке с любимой. Песни

на данную тему занимают большое место в лирической поэзии казаков. Эта особенность легко объяснима: продолжительная военная служба отрывала казаков от гражданской жизни, от родных и близких им людей, от родных мест. Все это не могло не отразиться на репертуаре лирических песен [5, с. 12–17].

В современном репертуаре сибирского казачества можно встретить балладный жанр, хотя сами исполнители считают эти песни частью исторической или лирической поэзии. Баллада – это всегда песня о каком-то событии, происшествии. Балладные сюжеты характеризуются своей недостоверностью, очевидным несоответствием повседневному эмпирическому течению жизни. Между тем, в основе их всегда лежат действительные, а не выдуманные, жизненные коллизии. Большой цикл составляют воинско-героические баллады. Балладные сюжеты о войне не знают благополучных финалов: в самой структуре этого жанра заложено драматическое начало. Герой почти обязательно гибнет, смерть его не случайна, она как бы предсказана. Значительная часть сюжетов строится на воссоздании того, что происходит после битвы, героические эпизоды остаются за сюжетом, они как бы подразумеваются. Очевидно, что герой, возвращающийся домой смертельно раненный, или дающий своему коню наказ перед смертью, или оплакиваемый родными, исполнил свой воинский долг. Однако сюжет сосредотачивает все внимание на его личной судьбе, и судьба эта оказывается горькой.

Основываясь на вышеуказанных принципах и сюжетной линии баллады как жанра, из общего казачьего репертуара можно выделить такое произведение как «Поединок казака с турком». Кроме того, балладный характер имеют многие фольклорные обработки (переделки) книжных песен и стихов. Известная популярность и устойчивость баллады в казачьем репертуаре объясняется любовью народа к песням с острым драматическим сюжетом, с показом человеческих переживаний на фоне действия, например, «Хаз Булат удалой».

Таким образом, «воинские» песни включают в себя различного рода жанры, отражающие историко-военные события. Раскрывая многогранные стороны военной жизни казаков, «воинские» песни часто описывают время и место гибели казака, тоску по родным и близким им людям, родной стороншке, что объясняется продолжительностью военной службы. Данное обстоятельство позволяет нам утверждать, что «воинские» песни являются доминантой песенного творчества сибирских казаков, так как все перечисленные жанры отражают главный смысл существования казачества – охрана и защита рубежей отечества.

1. Бородина Е. М. Казачьи песни Кемеровской области. Кемерово, 2002.

2. Бородина Е. М. Фольклор сибирского казачества как социокультурный феномен // Ученые записки НИИ прикладной культурологии. Кемерово, 2006. Т. 2.
3. Русская народная поэзия. Эпическая поэзия. Л., 1984.
4. Фольклор Ижморского района / Сост. Е. Лутовинова. Кемерово, 1993.
5. Лирические песни Томского Приобья / Сост. А. Мехнецов. Л., 1986.

А. М. Лосунов

ФОНДЫ ВОЙСКОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА, КАК ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ ВОЙСКОВОГО УПРАВЛЕНИЯ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Для тех, кто занимается вопросами управления (государственного или ведомственного), источниковая база во многом определяется наличием фондов именно тех учреждений, функционирование которых попадает в поле зрения историка. Компактность сосредоточения таких фондов в том или ином архиве определяет быстроту и широту исследовательской работы. Хорошим примером в этом отношении может служить Госархив Омской области (ГАОО). Историкам – казаковедам Сибирского войска известен целый перечень фондов казачьих учреждений, хранящихся здесь. Активно используя эти фонды для сбора материалов по интересующим их вопросам, они иногда не задумываются над тем, что именно сохранившееся делопроизводство бывших казачьих учреждений во многом позволяет им раскрыть волнующую их проблематику.

В этой связи нас будут интересовать в первую очередь источниковедческие возможности делопроизводственных материалов казачьих фондов в деле изучения проблем войскового управления середины XIX – начала XX вв.

Наиболее широко историками-казаковедами используется **фонд Войскового хозяйственного правления (№ 67)**. Этот исполнительно-распорядительный орган пришел на смену Войсковой Канцелярии. В 1869 г. он официально вошел в структуру управления Сибирским казачьим войском, являясь коллегиальным органом войскового правления и состоя первоначально из председателя, двух советников и казначея. Председатель назначался войсковым наказным атаманом из войсковых штаб-офицеров. Советники и казначей избирались из числа служащих и отставных офицеров сроком на 3 года. Наказной атаман окончательно утверждал или увольнял их от службы. На все остальные должности данного учреждения производил назначение его председатель. Стоя во главе преимущественно гражданско-хозяйственной жизни Сибирского казачьего войска, Войсковое хозяйственное правление (ВХП), не только воплощало в жизнь нормы, узаконенные правительством, но и предлагало свои, особенные.

Этот административно-войсковой орган просуществовал до апреля 1917 г. После чего, его функции были переданы Войсковой управе. В 1920 г. делопроизводство ВХП было принято на государственное хранение и сдано в архив. В 1930-х гг. фонд был описан. В 1940-х гг. архивисты продолжают работу по сверке дел, их систематизации и выверению заголовков. В результате работы было составлено 2 описи. Общий объём фонда насчитывал 3451 единиц хранения. Для специалистов, интересующихся проблемами управления сибирского казачества – по своей информативности – это один из наиболее востребованных фондов. С одной стороны, сконцентрированное в нем делопроизводство позволяет проследить не только круг вопросов, интересующих Войсковую администрацию, но и непосредственно сам механизм их решения. Среди документов, хранящихся в фонде, мы можем встретить и послужные списки состоявших на службе в ВХП чиновников, что позволяет исследователю изучить персональный состав войсковой администрации.

Не менее интересные сведения относительно войскового управления отложились в целом ряде фондов казачьих штабов, канцелярий и управлений. Коротко охарактеризуем их.

В 1816 г. из войск, расположенных в Сибири, был сформирован Отдельный Сибирский корпус, поэтому в военном отношении сибирские линейные казаки обрели нового начальника в лице Командира Корпуса. Само собой разумеется, что был учреждён и **Штаб отдельного Сибирского корпуса (фонд № 6)**, который просуществовал вплоть до 1865 г. и был упразднён в связи с образованием Сибирского военного округа. В числе 362 дел имеются документы, непосредственно связанные с управлением Сибирским казачьим войском. К таковым следует отнести: приказы и распоряжения военного министерства, департамента военных поселений, а также командира Отдельного Сибирского корпуса, рапорты и донесения командиров казачьих войсковых частей и комендантов укреплений. Документы по вопросам организации, руководства и хозяйственного устройства Сибирского казачьего войска. Статистические отчеты по Войску и документы о его реорганизации в 1860 г.

В 1866 г., в связи с реформами, в Сибирском казачьем войске взамен Войскового Дежурства был образован **Штаб Сибирского казачьего войска (фонд № 75)**. Данная структура просуществовала недолго, в течение 3-х лет. В компетенцию Штаба входили дела военно-хозяйственного устройства Сибирского казачьего войска, а так же рассматривались и решались различные вопросы выполнения сибирскими казаками, как военной службы, так и различных нарядов. Начальник же Штаба назначался по «указу» царя. Кстати, после упразднения своеобразным приемником Штаба в разработке и решении ряда вопросов явилось ВХП. Архивный фонд этого учреждения насчитывает 90 дел. Наибольший интерес

среди них представляют приказы и распоряжения наказного атамана Сибирского казачьего войска.

Среди документов встречаются рапорты и донесения начальников казачьих частей. Интересную информацию несёт в себе переписка с ВХП, содержащая сведения о службе казаков, выполнении ими нарядов, об обмундировании и снаряжении станичников, об их казенном довольствии, проступках и наказаниях, о службе в гвардии. Особняком среди отложившихся в фонде документов, выделяется «Журнал статистических сведений по Штабу за 1866–1867 гг.» (Оп. 1. Д. 33), содержащий в себе довольно любопытные сведения.

Несомненный интерес для исследователя проблем войскового управления представляют весьма немногочисленные документы, отложившиеся в фонде **Канцелярии наказного атамана Сибирского казачьего войска (№ 235)**. Судя по всему, именно здесь было сосредоточено делопроизводство по управлению Войском не только в строевом, но так же в хозяйственном и инспекторском отношениях. К сожалению, до нас дошли всего 9 единиц хранения. Это дела, датированные 1848, 1856, 1862, 1865, 1866 и 1869 гг. Тематика их различна. Так, например, два из них включают переписку наказного атамана по вопросам финансирования канцелярии и обмундирования Войска, а три посвящены инспекторским смотрам и сопутствующим им обстоятельствам.

8 октября 1910 г. вместо упраздненного Казачьего отделения штаба Омского военного округа была учреждена **Военная канцелярия наказного атамана Сибирского казачьего войска (фонд под № 54)**. В ней было сосредоточено все делопроизводство по военному управлению Сибирским казачьим войском. В 1917 г. Военная канцелярия наказного атамана была реорганизована в Войсковой штаб Сибирского казачьего войска, ликвидированный в ноябре 1919 г. Из 180 дел, хранящихся в фонде, наибольший интерес относительно войскового администрирования представляют приказы наказного атамана по Сибирскому казачьему войску, составленные и подписанные им отчёты, выписки из сводок, сделанных на основе замечаний, высказанных войсковым наказным атаманом в ходе поездок по территории Войска.

Начало образования Военных отделов в Сибирском казачьем войске следует относить к 1869 г., когда выполнявшие до этого функцию административно – территориальных единиц полковые округа прекратили свое существование. Число вновь созданных отделов первоначально ограничивалось четырьмя: Штаб 1-го военного отдела находился в станице Кокчетавской, 2-го – в Омске, 3-го – в Павлодаре, а 4-го – в Усть-Каменогорске. Однако, в 1872 г. упраздняется 3-й военный отдел, а 4-й преобразуется в 3-й.

Ввиду того, что лишь Управление одного из отделов находилось на территории современной Российской Федерации, возможности россий-

ских исследователей по использованию фондов зарубежных архивов оказываются ограниченными. Вот почему, на взгляд автора, фонд № 52 (**Управление атамана 2-го военного отдела Сибирского казачьего войска**), хранящийся в Госархиве Омской области, приобретает еще большую ценность в плане изучения, реконструкции основных аспектов деятельности отделов.

Работа с материалами вышеуказанного фонда помогла нам составить следующую статистику по предмету ведения и наличия делопроизводства в Управлении. Так, из 85 дел значащихся в описи № 1 (а всего их в двух описях значится 106), 4 можно отнести к отчётной документации, 11 – посвящены вопросам школьного дела, 1 – религиозной тематике, 9 – административным назначениям и взысканиям, 3 – представляют собой указы и распоряжения вышестоящих учреждений, 7-это Приказы по Войску и по Отделу, 18 – касаются военного дела, 2 – судопроизводства и 19 – административно-хозяйственных вопросов. Большая часть материалов второй описи посвящена 1917 г., поэтому для нас всячески с заявленной темой, она особого интереса не представляет. Заметим при этом, что архив Управления атамана 2-го военного отдела Сибирского казачьего войска дошёл до нас не полностью, но даже имеющееся в нашем распоряжении делопроизводство позволяет исследователю проследить механизм решения военной администрацией тех или иных вопросов, обозначить основные направления деятельности Отдела.

Помимо вышеперечисленных основных фондов, некоторые сведения, касательно управления Сибирским казачьим войском отложились в архивной документации гражданских и казачьих учреждений, а также научных обществ, не имеющих непосредственного отношения к управлению сибирским казачеством, либо курировавшим его непродолжительное время. К таковым, по мнению автора, следует отнести фонды Главного Управления Западной Сибири (№ 3), Сибирского кадетского корпуса (№ 19), Типографии Сибирского казачьего войска (№ 28), Омской войсковой больницы Сибирского казачьего войска (№ 74), Правления общества потребителей Сибирского казачьего войска (№ 189), Войсковой ветеринарно-фельдшерская школы Сибирского казачьего войска (№ 218), Окружного правления 5-го полкового округа Сибирского казачьего войска (№ 400), Межевой партии Сибирского казачьего войска (№ 440), Западно-Сибирского отдела Географического общества (Р–1075).

Особого внимания заслуживает личный фонд Г. Е. Катанаева, в котором имеются не только материалы научной и служебной деятельности этого выдающегося военного администратора и учёного, но и многочисленные выписки, а так же рукописные копии из дел, хранящихся в центральных архивах и напрямую связанных с историей Сибирского казачьего войска.

В целом, мы можем с уверенностью утверждать, что документы, отложившиеся в фондах войсковых учреждений Сибирского казачьего войска, которые сегодня хранятся в ГАОО являются ценной источниковой базой при изучении проблем войскового управления середины XIX – начала XX в.в. Представленные в них материалы весьма разнообразны, как по своему характеру, так и по степени информативности. Степень достоверности большинства из них достаточно высока. Остаётся только сожалеть, что многие из документов до сих пор не введены исследователями в научный оборот.

С. М. Андреев

ОТЧЕТЫ О СОСТОЯНИИ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Одним из наиболее ценных источников для изучения истории Сибирского казачьего войска являются отчеты о его состоянии. По распоряжению департамента военных поселений Военного министерства они составлялись войсковой администрацией с 1836 г. на основе материалов военно-административного, хозяйственного учета и статистики по донскому образцу [1].

Первые ежегодные отчеты содержали сведения о численности войскового населения, площади войсковых земель, состоянии войсковых денежных средств, земледелия и скотоводства, числе станиц, госпиталей, учебных заведений. Со временем количество показателей увеличилось: в отчеты стали включать сведения о состоянии войскового и станичного хозяйства, казачьих промыслов, развитии торговли и заводской промышленности, о судебной практике, ходе войскового межевания, о численности раскольников и сектантов и др. Данные по отдельным разделам становились более подробными. Например, при характеристике войскового населения указывался его возрастной, этнический и сословный состав, рождаемость, смертность, механический прирост казаков и разночинцев, количество браков и т. д. Сведения в отчетах приводились как по отдельным административно-территориальным единицам (полкам, полковым округам, уездам, военным отделам), так и по войску в целом.

С начала 1880-х гг. своеобразным образцом для составления годовых отчетов стала вышедшая в 1879 г. книга Ф. Н. Усова «Статистическое описание Сибирского казачьего войска» [2]. С этого времени в текстах отчетов появляются достаточно пространственные исторические очерки о развитии тех или иных отраслей войскового, станичного или частного хозяйства, школьного дела и пр.

Таким образом, отчеты о состоянии Сибирского казачьего войска содержат богатейший статистический материал, но при его использовании следует учитывать особенности сбора и обработки первичной информации.

Главным источником войсковой статистики являлись ежегодно составлявшиеся станичным начальством посемейные списки. Кроме сведений о составе семьи в них указывалось основное занятие домохозяина, поголовье скота, размеры посева и др. Данные об изменении состава семей (о рождаемости, смертности, заключении браков) проверялись и дополнялись сведениями церковного учета, предоставлявшимися епархиальным начальством. Первичная обработка информации из посемейных списков происходила в полковых управлениях (позже – в полковых окружных правлениях, уездных управлениях или в управлениях военных отделов) и затем сводилась воедино в войсковой канцелярии (в войсковом правлении, войсковом хозяйственном правлении).

При ведении посемейных списков не удавалось избежать погрешностей. Например, в дореформенный период при строгом учете мужского казачьего населения, что было связано со всеобщим характером воинской повинности и обеспечением продовольствием сыновей казаков, к учету женской рождаемости и смертности жестких требований не предъявлялось. В итоге, по официальным данным, в Сибирском войске в отдельные годы число мужчин среди казаков превышало число женщин. Исследователи, не учитывавшие этой особенности войсковой статистики, приходили к выводам, не подкрепленным фактами. Например, В. И. Петров, отмечая «недостаток женщин в казачьем сословии» даже в 1850-х – 1860-х гг., бездоказательно утверждал, что в дореформенный период «покупка девочек сочеталась с прямым захватом казаками девушек и женщин у своих соседней-казахов» [3, с. 217].

Материалы для войсковой статистики предоставлялись также различными войсковыми и гражданскими учреждениями.

Регулярный сбор сведений, их однородность, редко менявшаяся структура отчетов дают возможность проследить динамику демографических, социально-экономических процессов, протекавших в войске. Однако при решении данной задачи возникают некоторые трудности. Так, не всегда удается рассмотреть эти процессы в рамках отдельных частей войсковой территории на протяжении достаточно длительного периода времени. Это связано с неоднократным изменением войскового административно-территориального деления (на полки, полковые округа, уезды, военные отделы). Для выявления региональной специфики изучаемых процессов исследователям в одних случаях приходится рассматривать их динамику в вынужденно ограниченных хронологических рамках, в других – пользоваться неофициальным (но наиболее устойчивым) делением

войсковой территории на пограничные линии (Пресногорьковскую, Иртышскую, Бухтарминскую, Колывано-Кузнецкую, Бийскую) и части, расположенные в Казахской степи.

Кроме того, при использовании этих источников следует принимать во внимание и периодические изменения применявшейся войсковой администрацией методики подсчетов. В некоторых отчетах, например, за 1847–1853 гг., указывалась численность всего оседло проживавшего в войске населения, без разделения его на казачье и неказачье [4]. До 1898 г. в состав войскового населения не включались кочевые казахи, проживавшие на войсковой территории. Войсковая администрация объясняла подобный подход тем, что они «...хотя и проживают круглый год на войсковых землях полуоседло, тем не менее, состоят на учете гражданской администрации степных областей, где и отбывают все натуральные и денежные повинности» [5, с. 4]. Однако это не всегда учитывается современными историками. Так, А. Т. Топчий отмечает, что доля неказачьего населения в Сибирском войске в 1880 г. составляла 13,8 %. Но если в общее число неказачьего населения включить 67 тыс. кочевых казахов, проживавших в то время на войсковых землях, то его реальная доля возрастет более чем в 3 раза – до 46,7 % [6, с. 37; 7, с. 11]. С 1898 г. данные о численности русских, украинцев и белорусов среди сибирских казаков стали публиковаться в одной графе – «русские». С 1906 г. количество посеянного и собранного в войске зерна указывалось из расчета на душу всего войскового населения (т. е. казачьего, разночинного и казахского), но поголовье скота по-прежнему учитывалось отдельно: на душу казачьего и неказачьего населения. С конца XIX в. более подробные поуездные показатели постепенно вытесняются более обобщенными показателями по военным отделам. Примеры подобных корректив можно продолжить. Наконец, в имеющихся в отчетах таблицах нередко встречаются арифметические ошибки, что требует от исследователя обязательной проверки всех приводимых результатов.

Вместе с тем, несмотря на недостатки сбора и обработки информации, которые отмечались и самой войсковой администрацией, войсковая статистика долгое время, по мнению современников, имела под собой «более твердую почву», нежели статистика губернская [8, с. 60–61]. Поэтому отчеты о состоянии Сибирского казачьего войска остаются чрезвычайно важным и содержательным историческим источником, умелое использование которого позволит изучить многие аспекты истории сибирского казачества.

1. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 338. Ю. Г. Недбай ошибочно указывает, что первый отчет появился в 1846 г. См.: Недбай Ю. Г. Сибирское казачье войско. Омск, 2004. Ч. 2. Кн. 3. С. 316.

2. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 314. Л. 39(об.); это прямо отмечает Г. Е. Катанаев.
3. Петров В. И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества (XVIII первая половина XIX вв.) // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 201-217.
4. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 274. Л. 5; Ф. 366. Оп. 1. Д. 234; и др.
5. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1896 г. Омск, 1898. Ч. II.
6. История казачества Азиатской России / Гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 1995. Т. 2.
7. Всеподданнейший отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1878 г. Омск, 1879.
8. Усов Ф. Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.

А. Я. Адам

СИБИРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В 1905–1907 ГОДАХ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

За свою службу казачество получало определенные права и привилегии, оставаясь прежде всего оплотом государства. Но уже в 1905–1907 гг. сложилась такая ситуация, что казачество не могло не выразить открыто своих настроений, используя для этого в том числе трибуну I и II Государственных Дум. В то время казачество дислоцировалось преимущественно в городах края, а также осуществляло охрану Транссибирской магистрали. Не удивительно, что власти стали использовать казаков в целях подавления революционных выступлений, как рабочих, так и студентов. Это, конечно, не могло положительно сказаться на отношении населения к ним. Соответственно складывалось общественное мнение о казаках как о душителях, жандармах революции. Но они были обязаны служить государству даже таким, далеко не лучшим способом. Несмотря на эту свою обязанность, казаки тяготились своими полицейскими функциями, о чём ими было заявлено в I и II Государственных думах.

11 декабря 1905 г. был издан царский указ, расширявший избирательные права граждан. В Сибири выборы в Государственную Думу затянулись и продолжались вплоть до её роспуска. В результате депутат от Сибирского казачьего войска в I Госдуму Иннокентий Павлович Лаптев пробыл в думе всего 10 дней [1, с. 162].

В период первой думской кампании выборщиками был выработан «Наказ». В нём содержались политические и экономические требования, в частности: об управлении войском на выборных началах, о сокращении срока по отбыванию воинской повинности, о прекращении использования казаков на полицейской службе и др. По поводу последнего требования казаки высказывались, что они «более чем кто-либо, возмущены и огорчены

проявленными казаками насилиями при исполнении полицейских обязанностей» [2, с. 266]. «Наказ» вызвал недовольство акмолинского военного начальства и по приказу губернатора был конфискован и уничтожен [3, с. 163]. Но несколько сотен его экземпляров, по словам корреспондента «Сибирских вопросов», избежали конфискации и разошлись по всей войску [4, с. 28]. Несмотря на противодействие войскового начальства, «Наказ» во II Государственную думу остался прежним.

В конце декабря 1906 – начале 1907 гг. начались выборы выборщиков в Сибирском казачьем войске. 12 февраля на областном избирательном собрании подавляющим большинством голосов депутатом Государственной Думы от Сибирского казачьего войска был вторично избран И. П. Лаптев [5, с. 164]. Ему в «Наказ» включили ряд новых требований, не содержащихся в прежнем «Наказе»: об отмене смертной казни; об отмене военного положения; об «отобрании у офицеров Высочайше дарованных им за службу взамен пенсии земельных участков» и ряд других [6].

И. П. Лаптев во II Думе работал в двух группах – сибирской и казачьей. II Государственная дума просуществовала всего 102 дня 3 июня 1907 г. был обнародован царский манифест о роспуске Думы.

Среди деятелей Сибирского казачьего войска периода первой российской революции наиболее ярко проявил себя депутат от войска в I и II Госдумах И. П. Лаптев. В своей депутатской деятельности он старался действовать в интересах не только казачьего войска, но и Сибири в целом. Иннокентий Павлович активно участвовал в обсуждении вопросов как общегосударственного, так и регионального характера; он самоидентифицировался не только как казачий представитель, но и как представитель всей Сибири. И. П. Лаптев участвовал в организации, во время работы II Государственной Думы, казачьей парламентской группы, программа которой содержала многие из требований казаков, в том числе содержащихся и в «Наказе» Лаптеву.

Роспуск II Государственной Думы, как принято считать в историографии, фактически завершил первую революцию. Это также положило конец соответствующему этапу истории Сибирского казачьего войска. Этот этап показал две стороны поведения казачества. С одной стороны, казаки являлись усмирителями революции, выступали в качестве полицейских; с другой стороны, казачество, пожалуй, впервые открыто выразило своё недовольство не только в печати, но и с трибуны I и II Государственных Дум. Правительство начало понимать, что может потерять одну из главных своих опор – казачество, хотя оно и оставалось по-прежнему привилегированным сословием. В то же время выражение протеста казаков было в первую очередь связано с его полицейскими функциями в период первой российской революции, а не его социальным или экономическим положением, как это было у крестьянства и рабочих. Нельзя так-

же не учитывать того обстоятельства, что Сибирское казачье войско, как и другие войска, находилось на военной службе у государства и не могло не явиться по первому его призыву, каким бы он ни был.

1. Сорокин А. П. Выборная служба казачьего депутата Иннокентия Павловича Лаптева (1872–1917) // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящённой 420-летию Сибирского казачьего войска. Омск, 2003.

2. Революционное движение в Омске в годы первой русской революции (1905–1907): Сборник документальных материалов. Омск, 1957.

3. Сорокин А. П. Указ. соч.

4. Выборы в Государственную думу по Сибирскому казачьему войску // Сибирские вопросы. 1907. № 5.

5. Сорокин А. П. Указ. соч. С. 164.

6. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2423. Л. 176.

И. А. Еремин

РОЛЬ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В ПОДАВЛЕНИИ ВОССТАНИЯ КАЗАХОВ В 1916 ГОДУ

В ходе мобилизационной кампании 1916 г. перед властями всех уровней встала острейшая проблема, вызванная попыткой привлечь к военной службе автохтонное население Сибири и современного Казахстана, относившегося в то время к «инородческому» сословию. Ранее данная категория населения Российской империи от несения военной службы была освобождена. Затянувшаяся мировая война и заметное истощение людских ресурсов уже в 1915 г. поставили на повестку дня организацию призыва на военную службу коренного населения Средней Азии и Сибири. К середине 1916 г. точка зрения правительства по вопросу о привлечении людского потенциала «инородческой» части населения империи эволюционировала от направления его в боевые подразделения действующей армии до использования в качестве рабочей силы в прифронтовой полосе. 25 июня 1916 г. царь издал указ «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а также для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». К этим работам предполагалось привлечь «инородцев» Туркестана и Сибири в возрасте от 19 до 43 лет включительно.

Однако выполнить поставленные правительством задачи местным властям было в высшей степени сложно. Среди автохтонного населения начались волнения, переросшие кое-где в настоящие восстания. В западно-

сибирском регионе, к которому в тот период относились Тобольская и Томская губернии, а также Акмолинская и Семипалатинская области, сопротивление мужской части коренного населения мобилизации было многовариантным. В Тобольской и Томской губерниях оно имело пассивный характер и выражалось в бегстве на территорию соседней Монголии или в попытках срочно устроиться на те работы, которые приравнивались к службе на «государственную оборону». Совсем другая ситуация сложилась в местах компактного проживания казахского населения в Акмолинской и Семипалатинской областях. Здесь практически одновременно в Акмолинском, Атбасарском, Зайсанском, Павлодарском, Семипалатинском и Усть-Каменогорском уездах вспыхнуло восстание казахов. По данным исполняющего обязанности начальника штаба Омского военного округа генерал-лейтенанта барона Таубе, наиболее значительные силы восставших сосредоточились в Акмолинском уезде – до 30 тыс. чел., а также в Атбасарском и Семипалатинском уездах – примерно по 7 тыс. чел. в каждом. Отряды казахов были вооружены преимущественно пиками, но у некоторых имелись также охотничьи ружья и берданы. Они вступали в вооруженные столкновения с правительственными войсками и полицией. В Семипалатинском уезде при преследовании восставших, угнавших скот у русского населения, ими было оказано вооруженное сопротивление. Около г. Кокчетавы Акмолинской области около 200 вооруженных казахов атаковали полусотню казаков, потеряв убитыми и ранеными около 20 человек [1, с. 154–156]. В урочище Бормага Акмолинской области восставшие казахи в июле 1916 г. убили пристава Иванюшкина и арестовали его стражу [2, с. 366]. События приняли весьма опасный для правительства оборот.

Главную роль в подавлении восстания казахов сыграло сибирское казачество. Сделать это было очень сложно ввиду того, что основные боевые силы Сибирского казачьего войска в это время находились на фронтах Первой мировой войны. Тем не менее, оставшиеся в западносибирском регионе казаки, по данным командующего войсками Омского военного округа, войскового наказного атамана Сибирского казачьего войска генерала Сухомлинова, «оставили в самый разгар свои полевые работы» и «своим быстрым движением вглубь степей, энергичными и беспощадными действиями против шаек бунтовщиков» заставили их «в точности выполнить Царскую волю, а главарей их отдали в руки правосудия». Благодарность командующего «за распорядительность и понесенные труды по призыву киргиз на тыловые работы» была объявлена его помощнику, генерал-майору Ягодкину и и.о. помощника 3-го военного отдела Сибирского казачьего войска есаулу Шестакову [3].

Особой признательности командования округа удостоился и.о. атамана 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска, войсковой старшина Григорий Иванов. Генерал Сухомлинов даже обратился в декабре

1916 г. к военному министру с предложением наградить отличившегося казака «чином полковника». Заслуга войскового старшины состояла в том, что собранные под его руководством в особый конный отряд примерно 200 казаков при двух пулеметах сумели нанести «решительное поражение» восставшим казакам в Атбасарском уезде. Отрядом Иванова, при минимальных собственных потерях, было убито и ранено около 500 «бунтовщиков» и уничтожено около 30 их зимовок и стойбищ [4].

Нанеся военное поражение основным силам восставших в регионе, сибирские казаки пришли на помощь правительственным войскам в соседней Семиреченской области. Здесь в результате нападений восставших представителей автохтонного населения на русские села были убиты и пропали без вести более 3 тыс. чел. Для усмирения мятежников в Семиречье из Сибирского казачьего округа был направлен 9-й Сибирский казачий полк с конной артиллерией и пулеметными командами. В ходе упорных боев к началу 1917 г. восстание было в основном подавлено [5, с. 215].

Таким образом, удалось достаточно оперативно ликвидировать очаг крупных антиправительственных беспорядков на территории Западной Сибири и близлежащих регионов и тем самым сохранить относительную стабильность тыла в условиях продолжавшейся мировой войны.

1. Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Восстание 1916 г. в Казахстане (причины, характер, движущие силы). Алма-Ата, 1977.

2. Турсунов Х. Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

3. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2978. Л. 316–316 об.

4. ГАОО. Ф. 54. Оп. 2. Д. 21. Л. 241–241 об.

5. История казачества Азиатской России. Т. 2. Вторая половина XIX – начало XX в. Екатеринбург, 1995.

И. Б. Балабонкин

СУДЬБЫ КАЗАЧЬИХ ОФИЦЕРОВ, СВЯЗАННЫЕ С КАЗАЧЬИМ КЛАДБИЩЕМ ГОРОДА ОМСКА

В Омске немало мест, хранящих память о Сибирском казачьем войске. Наиболее значительными из них являются Никольский Казачий собор и Казачье кладбище. Особенно трагична и малоизвестна судьба последнего.

Казачье кладбище, возникшее 1830-е гг., получило название от Казачьего форштадта, за которым проводилась разбивка кладбища. Географическое расположение: между улицами Куйбышева, 8-й линией, Успенской и Съездовской. Вход – со стороны Никольского проспекта (ныне –

ул. Красных Зорь). Кладбище было разбито на отдельные участки: католический, кадетского корпуса, холерный и собственно казачий. [9, с. 7; 10, с. 9] При планировке захоронений соблюдался принцип принадлежности к определенному сословию: священнослужителей, купцов и т. д. На территории был построен храм Всех Святых (1839–1975), а в 1938 г. его отобрали у верующих. Судьба Всехсвятской церкви на Казачьем кладбище волновала А. Ф. Палашенкова. В 1948 г. он пытался открыть в здании храма музей г. Омска, но его ходатайство было отклонено. Церковь и кладбище постепенно разрушались [6, с. 2]. В 1975 г. церковь была снесена [4, с. 104].

С начала 1990-х гг. на небольшом незастроенном участке кладбища проводились субботники. В конце 2004 г. выстроен новый деревянный храм Во Имя Всех Святых на этом историческом месте. Митрополит Омский и Тарский Феодосий освятил храм и отслужил первую литургию 7 января 2005 г., в день Рождества Христова [5, с. 3].

Многие видные, замечательные люди нашего города были преданы земле на Казачьем кладбище: протоиерей кадетского корпуса о. Александр Сулоцкий, профессор П. Л. Драверт, исследователь Сибири А. Н. Седельников и другие. Но в первую очередь это представители Сибирского казачества, среди которых известный историк Сибирского казачьего войска Г. Е. Катанаев [2, с. 31; 3, с. 119].

После уничтожения кладбища его территория была частично застроена, здесь стоит детская областная больница. И во время застройки, и позже, при ремонтных работах, строителям попадались останки людей из старых захоронений. Так два года назад были обнаружены при ремонте системы водоснабжения детской больницы останки человека, явно казачьего офицера, в сапогах и с португеей. Омские краеведы пришли к выводу, что это полковник А. Г. Лебедев. Сейчас его останки перезахоронены на Старо-Восточном кладбище Омска. По счастливой случайности сохранился старинный надгробный камень.

Еще один представитель казачьего сословия – Константин Георгиевич Рагозин (1874–1928) родился в семье зажиточных сибирских казаков.

Могила А. Г. Лебедева на Старо-Восточном кладбище. Фото автора. 2007 г.

Он получил хорошее образование, владел 4 иностранными языками: немецким, английским, французским, латынью. В 28 лет женился на Вязигиной Ольге, имел 2-х дочерей и 2-х сыновей. Всем детям дал образование. В 1911–13 гг. был чиновником войскового хозяйственного управления Сибирского казачьего войска, коллежским секретарём. Его семья имела на территории нынешней Чкаловской рощи (небольшой массив на окраине Чкаловского посёлка) заимку – домик, где заготавливали дрова и другие лесные дары. Имея жилой дом в центре города, его семья добиралась до заимки через территорию нынешнего Чкаловского посёлка.

В то время это было сплошное болото. Поэтому часть пути приходилось проделывать на лодках. После революции работал писарем у безграмотного председателя колхоза. Не смог привыкнуть к этой работе, к неустроенности и в 44 года застрелился. Воспоминания о его судьбе, фотографии, в том числе и военные снимки времен Первой мировой войны, получены от его правнучки, учительницы математики, Надежды Павловны Гудошкиной.

В настоящее время нами подготовлена Интернет-страница, которая содержит список лиц, похороненных на Казачьем кладбище. К списку приложено описание могил Казачьего кладбища из материалов краеведа А. Ф. Палашенкова, которое он составлял накануне сноса кладбища.

-
1. Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. 1960. Вып. 3 (10).
 2. Киселев А. Г. Миней Мариупольский и другие. 50 Омских капиталистов.
 3. Краткая энциклопедия по истории коммерции в Сибири. Новосибирск, 1999.
 4. Лебедева Н. И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. Омск, 2004.
 5. Лосунов А. М. На упраздненном некогда погосте пусть возродится вновь Всесвятский храм. Омск, 2003.
 6. ГАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 130. Л. 2.
 7. Омск. 1716–1991. М., 1991.
 8. ГАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 130.
 9. ГАОО. Ф. 2915. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.
 10. Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX вв.). Омск, 1992.

ДЕЙСТВИЯ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО КОРПУСА ПОСЛЕ БОЯ ПОД СТАНИЦЕЙ ОСТРОВСКОЙ (сентябрь 1919 года)

Самым ярким событием Гражданской войны в истории Сибирского казачьего войска, несомненно, была конная атака Войскового корпуса 9 сентября 1919 г. под Островской, в которой сибирские казаки порубили около 500 красноармейцев, более 1800 человек пленили, захватили 6 орудий, 20 пулеметов и другие трофеи. А всего в тот день в районе станиц Островской и Пресновской Войсковой корпус совместно с 11-й Уральской стрелковой дивизией разгромил две красные бригады, взяв у них в общей сложности свыше трех тысяч пленных, 26 орудий и около ста пулеметов. К настоящему времени можно считать установленным, что именно бои 8 – 9 сентября стали важнейшей причиной срыва конного рейда сибирских казаков на Курган, на который так надеялись белые. Мало того, что корпус сибирцев был слабого состава и выведен на фронт с опозданием; командование использовало его не по первоначальному предназначению (для рейда по вражеским тылам), а для парирования сильной ударной группы противника. Казаки эту группу разбили, но потеряли время, силы, наступательный порыв. Однако пытался ли Войсковой корпус прорваться в красный тыл после 9 сентября? Если да, почему этот прорыв не удался?

10 сентября, готовясь к рывку на Курган, комкор генерал-лейтенант П. П. Иванов-Ринов приступил к перегруппировке Войскового корпуса. Его части через станицу Усердную перемещались в северо-западном направлении, чтобы затем ринуться в 40-верстную брешь, образовавшуюся в красной обороне к северу от Троицко-Петропавловского тракта. Но пассивность казаков на тракте позволила красным собрать остатки разбитых полков, у них сохранился боеспособный 307-й полк, и подошел, по тракту, свежий 311-й полк. Командарм-5 М. Н. Тухачевский обещал прислать еще подкрепления и требовал активной обороны. И два красных батальона 307-го стрелкового полка РККА 10–11 сентября действительно пытались наступать на тракте! Они угрожали флангу и тылу готовившихся к рейду сибирцев. Передоверить борьбу с ними было некому. Прямая связь Войскового корпуса со штабом 3-й армии отсутствовала. Вероятно, переоценив силы противника, Иванов-Ринов посчитал прежнюю задачу (защита левого фланга 3-й армии) не выполненной. 11 сентября он вернул части своего корпуса к тракту: защищать станицы Усердную, Екатерининскую, атаковать Кабановскую. И на шесть дней увяз в боях местного значения!

Последовали ежедневные бои, в которых казаки, работая и в конном, и в пешем строю, брали защищенные окопами и проволочными за-

граждениями селения. Малочисленная, но сначала достаточно упорная красная пехота отвлекла сибирцев от решения более важной задачи. То была эпоха, когда средства обороны превосходили средства нападения. Используя мощь огнестрельного оружия, характер местности (особенно дефиле озер) и инженерные сооружения, пехота уверенно сдерживала превосходящие силы кавалерии. Войсковой же корпус в те дни был «чистой» конницей, не имевшей ни своих пластунов, ни приданных стрелков.

Но даже если бы Иванов-Ринов 11 сентября через Усердную ринулся на Курган, успех его рейда был сомнителен. Наряду с маршевыми пополнениями в «растрепанные» полки, советское командование выбрасывало на фронт свежие резервы. Уже 9 сентября около станции Лебяжьей выгрузились из вагонов 309-й полк с артиллерией 1-й бригады 35-й дивизии и 65-й кавполк 3-й Отдельной кавбригады, а к 12 сентября на станции Варгаши – 2-я бригада 21-й дивизии. При движении на Курган Войсковой корпус получил бы удар в свой правый фланг и тыл. Он и встретился с этими красными резервами, но чуть позже.

Разгромив противника на Троицко-Петропавловском тракте и очистив станицы Пресновской линии Сибирского казачьего войска, Иванов-Ринов сразу же, 16 сентября, приступил к перегруппировке корпуса с целью двинуться все-таки на Курган. Но 16–17 сентября в тыл сибирцам, в районе станицы Пресногорьковской, продвигаясь с севера, от Транссиба, неожиданно вышли красные полки с артиллерией – три стрелковых (309, 186, 187-й) и один кавалерийский (65-й). 309-й полк 16-го даже захватил на время саму Пресногорьковскую. Эти резервы сорвали попытку Войскового корпуса прорваться в красный тыл 20–21 сентября в районе деревень Пищальная и Башкирская, а затем отбросили его к станицам Кабановской и Пресногорьковский Редут. Красные снова захватили инициативу на тракте и значительную часть Пресновской линии.

Эта советская группировка была так сильна, что введенной в бой Степной армейской группе генерал-майора Д. А. Лебедева, усиленной 5-й Сибирской казачьей дивизией и 2-й батареей 1-го Сибирского казачьего артдивизиона, потребовалось более недели, чтобы выбить врага из района поселка Макарьевского и Пресногорьковского Редута.

Между тем, Войсковой корпус в составе 3-й и 4-й Сибирских казачьих дивизий, сосредоточившись в районе поселков Макарьевский и Исаевский (к юго-западу от станицы Екатерининской), предпринял 24–29 сентября 1919 г. последнюю, и опять неудачную, попытку проникнуть степью, южнее тракта, в тыл противника. Пройдя в одну ночь свыше ста верст, казаки обошли фланг 5-й советской армии. Они оказались в тылу правого фланга 35-й дивизии РККА, нарушив телеграфно-телефонную связь и наведя панику среди обозов 2-го разряда. Но начдив – 35 К. А. Нейман экстренно собрал в кулак отряды особого назначения, технические роты,

обозные команды. Образовавшийся сборный отряд под командованием комбрига – 2/35 Н. И. Татаринцева смог отбросить Войсковой корпус, что не удивительно. Особые отряды состояли из отборных людей, были хорошо вооружены и, в отличие от казаков, не утомлены непрерывными боями. В двух же казачьих дивизиях было всего четыре конных полка. И в этой последней попытке сибирцев прорваться во вражеский тыл могло участвовать максимум 19 конных сотен, причем уже сильно уставших и численно сократившихся в предыдущих боях. Утром 30 сентября Войсковой корпус уже отходил на восток: на деревню Ольгинскую (27 верст к югу от станицы Екатерининской). Не исключено, что срыву операции могло способствовать и падение дисциплины. Известно, например, что, вернувшись из рейда и став на дневку в селе Благовещенском (33 км юго-восточнее Екатерининской), казаки 7-го Сибирского казачьего полка потребовали у своего полкового командира печеного хлеба для себя и овса для лошадей. Они просили отвести сотни в не разоренные войной поселки, где можно будет найти и продовольствие, и фураж. Уже 3 октября началась переброска 3-й и 4-й Сибирских казачьих дивизий в район деревень Желтики, Койайская, Хуторская (юго-западнее станицы Лебяжья) — в резерв 3-й армии.

5-я Сибирская казачья дивизия со 2-й батареей сибирцев продолжала действовать в районе Пресновской линии в составе Степной группы. В авангарде этой группы шел дивизион 13-го Сибирского казачьего полка. 5 октября он был остановлен красными, окопавшимися в 3 верстах восточнее станицы Звериноголовской Оренбургского казачьего войска. На этом закончилось участие частей Войскового корпуса в сентябрьском 1919 г. контрнаступлении Русской Армии адмирала А. В. Колчака.

Несмотря на все частности и нюансы, общей причиной срыва конного рейда сибирских казаков на Курган, как и белого контрнаступления в целом, следует признать ввод советским командованием значительных резервов. Советская Россия превосходила Белую Сибирь в живой силе и технике.

В. И. Цепилова

РОССИЯ И ДОН В ЭМИГРАНТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА

В пореволюционной эмиграции произошло не только «национальное» размежевание, но и выделение социокультурных групп, в том числе и казачества. Гражданская война, прокатившись по Российской империи, выплеснулась за ее пределы вместе с эмиграцией: казачьи организации не

были едины, и их условно можно разделить на украинофильскую и русофильскую группы, в каждой из которых шел процесс переосмысления исторического пути России. Это не могло не отразиться на исторической науке Русского зарубежья. Как русские, так и отделившиеся украинские историки-эмигранты сосредоточили внимание на систематизации предыдущих исследований и поднимали две проблемы – украинской государственности и роли казачества в истории России.

В дореволюционной историографии существовали разные точки зрения на судьбу Украины и ее казачества. «Народники» (историки 40-х гг. XIX столетия) основное внимание сосредоточили на жизни трудовых масс, быте народа. С особой симпатией изображая народные волнения, они положительно оценивали все выступления казачества, игнорируя при этом задачи государственного строительства Украины (Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, В. Б. Антонович, М. С. Грушевский). Единственным критерием исторической оценки признавался интерес трудового народа, и при изображении конфликтов исследователи возлагали вину на власть.

Другая точка зрения была изложена в 60-е гг. М. П. Драгомановым, который осуждал «народников» за невнимание к положительному культурному и государственному творчеству украинской нации, за восхваление всяких бунтов и умаление заслуг тех деятелей, которые стремились к укреплению украинской государственности или развитию украинской культуры. В эмиграции эти идеи получили достаточно широкое распространение. Украинские исследователи акцентировали внимание на двух основных вопросах: 1) отношении изучаемых фактов исторической действительности к государственным интересам Украины в период ее существования (Киевская Русь) или стремлению Украины к созданию своего государства; 2) в какой мере эти явления (факты) соответствовали требованиям этики, религии, культуры и т. п.

По приемам научного исследования, по своим симпатиям и убеждениям новые историки не являлись единой школой. Некоторые из них (В. Липинский, историки-галичане) порвали с методами и идеями историков-народников и пытались перестроить методологию исторических исследований на основе национального консерватизма. Другие историки (Д. И. Дорошенко, Р. М. Лашенко, В. И. Пархоменко) занимали среднюю позицию между народниками и консерваторами. Но всех их объединяли интерес к истории украинской государственности, к формам украинского государственного строительства и оценка исторических явлений (в частности, революционных движений) с точки зрения культуры и государственности.

Наиболее ярким представителем этого направления в эмиграции стал В. Липинский (руководитель партии украинских хлеборобов и журнала «Хліборобська Україна»). В работе «Украина на переломе» он изо-

бражает государственное строительство украинской нации в 1657–1659 гг., дает новое освещение Переяславльского трактата 1654 г. По его мнению, между Россией и Украиной был установлен только военный союз, направленный против Польши и обеспеченный формой протектората. Этот союз должен был завершиться после заключения Россией Виленского мира 1656 г. с Польшей и решения сейма в Чигирине в октябре 1656 г. По мнению Липинского, суверенитет Украины вырос из активного участия в борьбе украинской шляхты, которая придала организованность «неосознанному бунту» казаков-запорожцев, стремящихся только к автономии. После смерти Ю. Хмельницкого и в результате вмешательства в украинские дела Польши и России, а также противодействия «черни» во второй половине XVII–XVIII вв. Украина лишилась своей государственности.

Эта позиция нашла поддержку С. Томашевского (редактор журнала «Літопис», Берлин). Исторический процесс он рассматривал как синтез материальных и идеальных сил. Вслед за Г. Ферреро, Р. Виппером, В. Липинским, Томашевский представлял исторический процес в виде «круговорота»: происходящие события аналогичны совершавшимися в прошлом в сходные периоды истории. Но, в отличие от Виппера, Томашевский полагал, что исторические события, будучи делом человеческих рук, могут быть направляемы свободной волей людей. Современный ему кризис Томашевский объяснял невниманием к историческому опыту, считал, что разрушительным тенденциям может быть противопоставлена консервативно-творческая сила более разумной части людей, а доктринам достижения счастья революционным путем – идеал политической власти и морального авторитета.

В соответствии с этими методологическими подходами, Томашевский представлял украинский исторический процесс в виде борьбы со степью; борьбы за культурно-политические особенности восточного быта, которым угрожает представительница Запада Польша; а также в отстаивании хозяйственно-политических интересов, культурных и расовых отличий Украины – страны Юга – в борьбе со страной Севера – Россией. Все, что соответствует этим идеям, профессор Томашевский признавал положительным, творческим, полезным; а все, что противоречит им, он считал отрицательным, разрушительным и вредным.

По историческим воззрениям близки к Томашевскому были историки-галичане (И. Крипякевич, И. Кревецкий), которые считали, что все движения украинских масс принесли только отрицательные результаты и для нации в целом, и для тех групп, которые восставали. Исключением стало восстание Хмельницкого, которое не только разрушало, но и создало украинскую государственность, опиралось на все слои населения, отодвинув на второй план классовые и политические разногласия, интересы единиц и вопрос о форме внутреннего устройства государства.

В русской эмигрантской историографии звучали как традиционные оценки отношений России и Украины, так и близкие к взглядам украинских эмигрантов. Если в дореволюционной историографии (С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, С. Ф. Платонов) казачий Дон рассматривался как провинция Московского государства с широкой автономией, то в эмиграции С. Г. Сватиков доказывал, что с 1549 по 1614 г. Донская область представляла собой независимое республиканское государство; с 1614 по 1671 г. – вассальное государство с правом отъезда от сюзерена; с 1671 г. – автономная провинция Московского царства с постепенной утратой самоуправления. Красной нитью через его книгу проходила мысль о том, что каждый казак является по рождению носителем идеи республиканского строя и социального равенства, а крепостное право принесло вхождение Украины в состав России.

Резкой критике эту точку зрения подвергли А. Кизеветтер, В. Мякотин, Д. Одинец. Русские историки считали, что притязания на независимость не выдерживают критики, так как соглашение между Хмельницким и московским царем было не договором, а жалованными грамотами, подтверждавшими права казацкой старшины и шляхты и отдававшими крестьянство и городское население в полное распоряжение московского царя.

В. А. Мякотин, рассматривая восстание Хмельницкого и присоединение Украины к Московскому государству, считал, что в ходе всего восстания казацкие вожди, как и сам Хмельницкий, едва ли имели в виду коренной социальный переворот и не выдвигали определенных планов полной и радикальной перестройки существовавшего на Украине общественного порядка. Программа казацких вождей состояла не в принципиальном отрицании основ старого строя, а в стремлении к количественному увеличению старинных прав и вольностей казачества. Гетман и войсковая старшина указывали московскому послу Бутурлину на необходимость сохранения на Украине, после ее присоединения к Москве, старых сословных порядков. Сам Хмельницкий принимал ряд суровых мер для того, чтобы вернуть восставших крестьян в бывшее «послушество». Московский государь по объему и значению своей власти на территории Украины, согласно представлениям казацкой старшины, должен был явиться прямым преемником польских королей. Мякотин утверждал, что Хмельницкий не столько заключал династическую унию с Москвой, сколько ставил Украину в положение вассального государства. Мякотин впервые документально доказывал, что социальный состав этого общества стал более простым вследствие растворения в ходе восстания шляхты в казачестве, сближения мещанства и крестьянства и приобретения крестьянами личной свободы и права собственности на землю. Историк аргументированно доказывал, что формирование крепостного права шло изнутри украинского общества.

Д. Одинец полагал, что не только в социальной, но и в политической области изменения в положении Малороссии при переходе ее в московское подданство сводились исключительно к расширению прав, данных польскими королями. Это соответствовало программе казацких вождей, Б. Хмельницкого, который в момент подписания документов чувствовал себя казацким гетманом, представителем не столько страны, сколько определенной общественной группы, живущей своими, обособленными интересами. По мнению Мякотина, разрыв между Великороссией и Малороссией был бы губительным для обеих сторон во всех отношениях, в том числе и культурном.

Таким образом, в эмиграции продолжилась дискуссия по проблемам формирования Российской империи, месте и роли казачества в истории страны. Ключевым стал вопрос о решениях Переяславльской Рады, трактовка которых украинскими (и, частично, русскими) исследователями обособывала историческое право Украины на свою государственность.

Ю. Г. Бич

ВОЕННО-ПРИКЛАДНЫЕ ТРАДИЦИИ КАЗАЧЕСТВА И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПОДГОТОВКЕ МОЛОДЕЖИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (на материалах юга России)

Защита России всегда была одной из основных обязанностей казачества. После создания в 1860 г. Кубанского казачьего войска и включения его в общую систему организации всей русской армии были установлены и определенные требования в отношении форм и методов военного обучения казаков.

Начиная с 1909 г., когда атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант М. П. Бабыч утвердил проект казачьих состязаний, в станицах Кубани стали проводить регулярные скачки молодежи. В них участники соперничали в джигитовке, рубке, военизированном беге с преодолением препятствий: канавы, земляного рва, плетня и дощатого забора [3, с. 126]. К началу XX в. джигитовка, как военно-прикладной вид достигла расцвета. «Джигитовка (от тюркского – джигит – искусный и отважный всадник) – упражнения на скачущей лошади у народов Кавказа, Средней Азии, Казахстана, у донских казаков» [7, с. 384]. В 1898 г. в практическом пособии по джигитовке для казачьих войск Российской империи отмечалось: «Джигитовка кроме смелости дает уверенность в себе, причает к находчивости; она делает кавалериста легким... это лучшая школа для развития не только тела кавалериста, но главное – духа» [1, с. 57].

Регулярные контакты с адыгами способствовали популяризации джигитовки на Кубани. «Черкесская джигитовка постепенно входила в ста-

ничный быт» – писал дореволюционный историк К. К. Абаза [6, с. 35]. На станичных скачках – от Тамани до Баталпашинска во время джигитовки казаки рубили лозу, глиняные чучела, пронзали острием кольцо на столбе, стреляли из огнестрельного оружия по мишеням и подкидываемым вверх предметам [6, с. 36].

После революционных событий в станицах долго обсуждался вопрос о казачьих традициях. Вместе с такими устаревшими традициями как сословная замкнутость, к сожалению, были отброшены и хорошие, полезные военно-прикладные традиции казаков.

Первым на защиту казачьих традиций стал М. И. Калинин. В 1920 г. он заявил: «Трудовая казачья масса таит в себе огромный запас...тех самых качеств, которые более всего нужны трудовому населению в наше трудное для строительства нового общества время. Поэтому желательным является... сохранение бытовых привычек казачества способствующих выработке таких качеств...» [4, с. 45].

В 20-х гг. кавалерия была ведущим родом войск. Нелегко было служить в ней призванникам Вятки, Новгорода, Петрограда, Тамбова, Астрахани. Они «сбивали коням холки от неудалой посадки, отхватывали им уши шашками при учебной рубке лозы, падая всадники ломали себе ребра...» [1, с. 29].

Именно поэтому С. М. Буденный потребовал призвать в кавалерию молодняк казачьих областей. В 1925 г. от посетил Уманские лагеря – старый военный учебный центр конницы Кубанского казачьего войска. В 20–30-е гг. здесь находилась база советской конницы: на военные сборы каждый год сюда съезжались на своих конях в полной форме молодые казаки. Под руководством кадровых военных здесь проходили месячные учения, молодежь готовилась к кавалерийской службе... [3, с. 37].

Буденный провел смотр двенадцати эскадронов, придиричиво проверил боевую и политическую подготовку и подвел итог на митинге: «Территориальное строительство конницы на Северном Кавказе несомненно живо» [3, с. 37].

Неминуемость предстоящих военных действий заставляет правительство вспомнить о славном российском казачьем воинстве. Начинается процесс реабилитации казачества. В 1936 г. был восстановлен воинский хор казаков. В апреле 1936 г. снимаются ограничения по службе казаков в РККА. Организуются Донская и Кубанская казачьи дивизии [4, с. 48]. Летом 1936 г. в Ростове состоялся грандиозный праздник советского казачества, с конными играми на ипподроме. В Белоруссии том же году проведены военные маневры всех родов сухопутных войск, где казачьи дивизии учились современной войне [5, с. 60].

На Северном Кавказе всячески поощрялся интерес молодежи к конному спорту. Комсомольско-молодежные бригады вышли с инициативой

организации движения «Ворошиловских кавалеристов». В течении 1935–1936 гг. в Азово-Черноморском крае было создано 600 конно – спортивных кружков, в которых занимались более 3 тыс. человек. В Ставропольском крае было организовано более 100 комсомольских учебно-строевых подразделений кавалерии при советах Осоавиахима промышленных предприятий, МТС и совхозов, не менее 400 конно-спортивных кружков при первичных организациях Осоавиахима [6, с. 31]. Руководителями кружков становились демобилизованные красноармейцы-кавалеристы. Между клубами «Ворошиловских кавалеристов» и военно-спортивными кружками устраивались соревнования. Весной 1936 г. в Пятигорске прошел грандиозный народный праздник в честь приезда казаков Дона и Кубани. В Нагурском районе летом 1936 г. прошел специальный конно-спортивный пробег и стрелковые соревнования, в которых участвовало 420 человек. Газета «Большевицкая смена» в 1937 г. опубликовала обращение ко всем кавалерийским клубам: «Казаки Дона и Кубани! Подготовим 10 тыс. ворошиловских всадников» [2, с. 68]. Молодежь откликнулась на этот призыв. Интересный опыт накопили комсомольские организации Калниболотского района. Для подготовки резерва кавалерийских частей в станицах создавали конные группы, которые затем объединили в сотню 112 всадников. В селе Джигута на Ставрополье развернули соревнование за выращивание боевого коня и подготовку всадников среди молодежи края. И к 1 января 1940 г. было подготовлено 2 200 всадников [2, с. 69].

По инициативе комсомольцев колхоза «Донской скакун» началось движение «Ворошиловских кавалеристов» в Ростовской области. Результатом большой работы по возрождению традиций конного спорта стали победы в спортивных соревнованиях. На всех всесоюзных спортивных состязаниях в 1936, 1939 и 1940 гг. команды краев и областей Северного Кавказа занимали лучшие места и награждались переходящими красными знаменами Центрального Совета Осоавиахима [6, с. 34]. В 1940 г. команда Краснодарского края завоевала 8 первых, 6 вторых и 6 третьих индивидуальных призов.

В работе по подготовке кавалеристов удачно сочетались исторически сложившиеся традиции населения и потребности Красной Армии в достойном пополнении. Поэтому казаки Северного Кавказа, во взаимодействии с другими родами войск, проявляли высокий патриотизм, стойкость и мужество в годы Великой Отечественной войны. Взятый в плен под хутором Чернышевым в октябре 1942 г. немецкий офицер заявил: «...я вижу, что мы не поняли душу русского казака и не учли тех двадцати пяти лет, которые сформировали характер новых казаков». Свидетельство врага как нельзя лучше характеризует патриотизм советского казачества, проявленный при защите Родины [2, с. 69].

-
1. Актуальные вопросы физкультуры и спорта. Краснодар, 2001.
 2. Бич Ю. Г. Физкультурные организации России в годы Великой Отечественной войны // Россия в войнах XX в. Краснодар, 2003.
 3. Берлизов Н. На сажень быстрее ветра. Краснодар, 1989.
 4. История Кубани с древнейших времен до конца XX в. Краснодар, 2004.
 5. Российское казачество: проблемы истории и современность (к 310 годовщине Кубанского казачьего войска). Краснодар, 2006.
 6. Рубан М. Л. Развитие физкультуры и спорта на Кубани. Краснодар, 1981.
 7. Энциклопедический словарь. М., 1982.

В. Ю. Чичулина

СИБИРСКИЙ КАЗАЧИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ

7 августа 2003 г. ветеранами Омской академии МВД России и органов внутренних дел Омской области в городе Омске создано негосударственное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Сибирский казачий юридический колледж». На базе колледжа реализуется идея высококачественного среднего юридического образования и организация воспитательной работы с молодежью из семей с низким материальным достатком на основе традиций многонациональной российской, в том числе православной культуры. Таким образом, образовательные и воспитательные цели колледжа реализуются на основе благородных традиций нашего прошлого. Отсюда педагогическим коллективом и студентами в своей жизнедеятельности приняты к руководству два девиза. Первый (патриотический) является известной казачьей заповедью «Люби Россию, ибо она твоя мать и ничто в мире не заменит тебе Её»; второй (юридический), выражен словами Виктора Гюго, » Право – это все то, что истинно и справедливо».

В этой связи необходимо обратиться к понятию «патриотизм», которое традиционно включает в себя любовь и преданность своему Отечеству, своему народу [1, с. 496]. Сегодня, на наш взгляд, это определение подразумевает глубоко осознанное стремление молодежи сохранить себя для будущей зрелой жизни, а значит для дальнейшего полноценного служения Отечеству. Иначе эта цель будет недостижимой.

Исходя из основных задач и направлений патриотического воспитания, а также обеспечения межнационального согласия в колледже проводится разноплановые мероприятия.

Самый первый праздник – День Знаний, связанный с началом учебного года, проходит в одном из лучших мест нашего города – в Органном зале. В торжественной обстановке звучит студенческий гимн, выносятся

знамя Сибирского казачьего юридического колледжа, произносятся слова поздравлений и напутствий.

Нетрадиционно ежегодно проводится Посвящение в студенты. А именно, начинается праздник с закладки Аллеи памяти в честь сибирских казаков в сквере имени Д. М. Карбышева. За последние два года в этой аллее были высажены ели в честь Ермака, С. И. Дежнева, Е. П. Хабарова, Г. Н. Потанина, Г. Е. Катанаева, Л. Г. Корнилова, Д. М. Карбышева, Н. А. Симонова, П. П. Иванове-Ринова, Е. П. Березовского, В. И. Волкова, Ф. Л. Глебова, А. Е. Новоселова и Г. А. Вяткина. Отдельным атрибутом посвящения первокурсников в ряды студентов является произнесение Клятвы обучающегося Сибирского казачьего юридического колледжа. Её основным содержанием является торжественное обещание «Быть преданными своему Отечеству, дорожить нравственными ценностями народов России. Помнить и преумножать сложившиеся на протяжении многовековой истории лучшие традиции казачества. Хранить благодарность и уважение к своим педагогам. Строго соблюдать требования морально-этического кодекса».

Особую роль в воспитательной работе, играет морально-этический кодекс студентов, который создавался коллективом преподавателей, с учетом многолетнего опыта педагогической практики.

В колледже открыта портретная галерея знаменитых казаков, которые сыграли значительную роль не только в жизни Сибири и Дальнего Востока, но и всей нашей страны. 31 марта 2007 г. на базе колледжа и исторического факультета Омского государственного педагогического университета проводились первые Всероссийские исторические чтения, посвященные 425 годовщине со дня основания Сибирского казачьего войска и памяти известного омского историка-казаковеда, доктора исторических наук, профессора Омского государственного педагогического университета Юрия Георгиевича Недбая (1948–2003) В настоящее время ведется подготовка ко вторым чтениям.

Одним из важнейших звеньев воспитательного процесса, как известно, является библиотека, в которой систематически оформляются интересные книжные выставки и тематические книжные полки, посвященные истории казачества. Поводом для подготовки выставок служат календарные праздники и события прошлого.

Традиционными стали встречи с известными людьми. В гостях у студентов побывали: потомственная кубанская казачка в четвертом поколении, врач по профессии Эльза Александровна Жолоб, потомственный казак, кандидат медицинских наук Максименко Василий Иванович, участник Сталинградской битвы, доктор исторических наук Александр Дмитриевич Колесников и многие другие.

Читаются спецкурсы «История казачества», «Основы православной культуры». В ходе преподавания данных дисциплин у студентов прояв-

ляется интерес к православной культуре, следствием чего стало добровольное посещение храмов города Омска, участие в крестном ходе Владивосток-Москва «Под звездой Богородицы».

В колледже ежегодно проводятся диспуты на актуальные темы («Расстрел царской семьи – преступление или революционная необходимость?», кинофильмы «Ворошиловский стрелок», «Неподсуден» и др.).

Все перечисленное позволяет воспитывать молодых граждан России как сознательных, достойных преемников отечественной истории и культуры, накопленных веками ценностей и традиций.

-
1. Ожигов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.

СИБИРЬ И РЕГИОНЫ РОССИИ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

А. М. Харитонов

НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ДОРУССКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АЗИАТСКОЙ РОССИИ И ПОХОД ЕРМАКА В СИБИРЬ

Освоение Сибири – одна из самых ярких страниц истории России. Русские землепроходцы в течение всего примерно одного столетия более чем удвоили территорию Российской державы и впоследствии достигли берегов Америки.

Русский приоритет в исследовании и освоении этих земель до сих пор никем не оспаривался и в любом случае сохранится как незыблемое целое. Между тем имеются некоторые косвенные данные, свидетельствующие о том, что до российских землепроходцев Сибирская земля посещалась какими-то другими путешественниками.

В своих работах еще Л. С. Берг [2] неоднократно обращал внимание на наличие на некоторых европейских географических картах середины XVI в. Берингова (Анианского) пролива. Название пролива он связывал с названием южнокитайской провинции (Анин). При этом Берг совершенно справедливо предполагал, что до русских там не появлялся ни один европеец, который мог бы правильно нанести пролив на географическую карту. По этой причине он считал случайным совпадением появление пролива на этих европейских картах. Напомним, что впервые на его берегах С. Дежнев появился в 1648 г., а Беринг – еще позже.

В географической литературе по освоению Арктики имеются также многочисленные ссылки на мнение российского дипломата Герасимова (XVI в.), который проповедовал в Европе возможность достижения Китая Северным морским путем. Считается, что и его мнение могло оказать влияние на создание в Англии компании, которая в середине XVI в. и открыла возможность достижения России морским путем вокруг севера Европы.

Некий торговец из Голландии Балак утверждал в 1581 г., что в устье Оби некогда приходили суда из Китая [3, с. 379]. На карте же, составленной ранее Герберштейном, Обь вытекала из Китайского озера. Можно вспомнить, что и Колумб тоже хотел достигнуть Китая в западном направ-

лении. И Северо – Западный проход англичанин Кабот искал тоже с целью достижения Китая.

Автор данной работы обратил внимание на странное совпадение времени распространения слухов Балаком и времени начала похода Ермака с целью завоевания Сибири (1581 или 1582 г.). Представляется весьма знаменательным, что Строгановы предприняли этот поход в самое тяжелое для России время. Это были годы тяжкого поражения страны в ходе еще не законченной Ливонской войны.

Что же заставило именитых купцов поторопиться с началом военной кампании на востоке? Совершенно очевидно, что без указа государева (явного или тайного) в такое время решиться на подобные военные действия могли только самоубийцы. Ведь в случае неудачи Россию могла ожидать война на два фронта, восстания только что завоеванных татарских земель в тылу и т. п.

Представляется вероятным, что решиться на подобную демонстрацию царское правительство заставили какие-то очень веские причины. Не исключено, что этой причиной могло послужить желание некоторых европейских держав достичь китайской территории морским путем вокруг севера Европы и водным путем по сибирским рекам. Эти данные могли поступить в Россию через русских дипломатов в Европе или английских купцов, наладивших морскую торговлю с нашей державой.

Царское правительство и позднее сделало все, чтобы не допустить плаванья иностранцев вдоль сибирских берегов. В этом была одна из причин угасания некогда знаменитой сибирской Мангазеи.

Любопытно, что истоки Иртыша (притока Оби) в настоящее время находятся на территории современного Китая и возможность путешествия туда из Европы означенным путем действительно имеется. Даже современные суда плавают по Иртышу достаточно далеко. Правда, в XVI в. эта территория Китаю еще не принадлежала. Но уже Марко Поло посчитал ее частью Китая, так как здесь располагались земли Монгольского государства, захватившего в этот период и земли Чина (современный Восточный и Южный Китай). По этой причине в Западной Европе и в XVI в. могли считать земли современного Западного Китая принадлежащими китайскому императору. Так же могли считать и в России, потому опасения царской администрации можно вполне понять и принять.

К счастью для нашего государства поход Ермака высветил слабость власти сибирских ханов и принес совершенно неожиданные результаты для своего и нашего времени. Что же касается наличия сравнительно точных географических данных на европейских картах Сибири, то список таких карт можно существенно расширить и дополнить.

В 2002 г. на заседании Королевского географического общества с обширным докладом выступил британский моряк Г. Мензис [4]. Он не

только обратил внимание присутствовавших на наличие Берингова пролива на старых европейских картах, но и привлек дополнительное внимание к мировым картам начала XVI в. немецкого картографа Вальдзеемюллера, на которых имеется детальное изображение сибирских земель. Эти карты без сомнения являются подлинными. Британский моряк считал, что эти сведения проникли в Западную Европу от ... китайских мореходов, которые в первой четверти XV в. совершили ряд морских походов по земному шару, что привело к открытию и нанесению на карты ими Америки, Австралии и Антарктиды. Этим объясняется наличие на некоторых «фальшивых» географических картах средних веков знаний, которые не должны были быть известны в средневековой Европе до окончания эпохи Великих географических открытий.

Британские ученые внимательно выслушали аргументы Мензиса и согласились с ними. Мензис также считал возможным плавание одной из частей китайского флота вдоль сибирских и дальневосточных берегов. В начале XVI в. заканчивалось глобальное потепление в северном полушарии (так называемый климатический оптимум), и плавание парусных судов по всей Арктике было еще возможно в течение даже одной навигации.

Наши новые аргументы, приведенные в начале работы, косвенно подтверждают возможность этого плавания. Более того, это позволяет объяснить невероятно высокие для своего времени познания ряда представителей палеоазиатских народов Сибири и Америки в картографии, отмечавшиеся ранее некоторыми исследователями [1, с. 298].

Можно предположить, что на китайских судах в качестве союзной кавалерии были тюркские всадники. К тому времени война с монголами за независимость Китая была закончена, и опасную союзную конницу вполне могли отправить на построенных заново судах в «никуда». Ведь из этих экспедиций большинство участников не вернулось.

Правда, часть мореходов могла остаться и закрепиться на понравившихся территориях или из-за невозможности дальнейшего плавания. Не исключено, что так могли появиться якуты в современной Якутии (по легендам они приплыли сюда с юга) и предки некоторых других народов Сибири и Америки. В частности, очень подозрительным выглядит совпадение этнонимов североамериканских индейцев йокутс и тлингитов (тлинкитов) и народа алеутов с якутами и этнографическими группами алтайцев теленгитов и телеутов [5]. Но этот вопрос еще требует дополнительных исследований, в т.ч. генетических.

1. Багров Л. История русской картографии. М., 2005.

2. Берг Л. С. История русских географических открытий. М., 1962.

3. История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969.

4. Мензис Г. 1421 – год, когда Китай открыл мир. М., 2006.

5. См.: Харитонов А. М. Проблема дорусских географических исследований в Азиатской России // Материалы XIII научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 2007. Т. 1. С. 99–100.

П. С. Шаблей

СИБИРСКИЙ ФРОНТИР В ЗОНЕ КАЗАХСКО-РУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ (конец XVIII – первая половина XIX века)

Результаты вхождения казахстанских земель в социокультурное и экономическое пространство Российской империи зачастую рассматриваются как прямое следствие процесса колонизации, навязывание коренному населению социально-экономического и конфессионального уклада метрополии. В этом плане влияние этнокультурных и этноконфессиональных факторов оценивается как духовная и политическая экспансия движущими силами которой выступают российские социальные акторы (казахество, крестьяне-переселенцы) [1]. Система, таким образом, приобретает линейный однонаправленный характер, а ее носители предстают в роли исполнителей государственного идеократического заказа. При этом аспекты взаимодействия, взаимовлияния, долговременные стратегии формирования этноконфессионального симбиоза являются малозначительными. Поэтому, учитывая сложность и многоаспектность интеграции Казахстана в спектр общероссийского регионального развития, необходим выбор более объемлющей и функциональной методологии, анализирующей прошлое с большей степенью вероятности. С этой точки зрения, впечатляющим потенциалом, для объяснения исторической специфики расширения пространства и освоения новых территорий, обладает концепция фронта.

Согласно современным российским исследованиям, фронт – это место или момент встречи двух культур разного уровня развития [2]. Он является ключевым фактором колонизационного процесса, так как способен повлиять на рождение нового общества, «образовавшегося в результате синтеза социальной практики колонистов, освоенной ими окружающей среды и аборигенного населения. Такой подход связывает первопроходцев и первопоселенцев с их потомками, в долговременной перспективе объясняя специфику дальнейшего развития некогда новоприобретенной территории исходными обстоятельствами ее освоения». Бесспорно, что теорию фронта не следует абсолютизировать в глобальном региональном масштабе [3, с. 208], но ее инструментальный аппарат помогает найти объяснение многим коммуникативным и дезинтегративным процессам через зоны контакта и барьера, создания и разрушения, синтеза и отчуждения и др.

Сибирский фронт во взаимообусловленности своих региональных особенностей и нормативно-институциональной заданности предстает

как некое своеобразное комплексное явление. Его направленность определялась не только ведущей ролью государства, но и статичностью процессов политической интеграции и национальной ассимиляции окраин. Низкая самодостаточность военно-колониционного и административного потенциала в многовекторном окружении сводила процессы унификации и аккультурации в долговременную историческую перспективу. Характер взаимоотношений, складывающийся при этом в приграничных зонах между населением обеих сторон, администрацией и местной элитой, не был отягощен форсированным и искусственным преодолением социокультурных различий. С одной стороны, протекал процесс поэтапно-регулируемого освоения пространства с прецедентно-превентивным типом институционализации и нормотворчества, а, с другой, происходило размывание этносоциальных дифференцирующих признаков, границы российской региональной идентичности приобретали аморфную ментальную и этноконфессиональную выраженность. Слияние многих культурных и социальных элементов доказало естественную эволюционирующую способность сибирского фронта.

Казахские земли Младшего и в большей степени Среднего жузов в конце XVIII – первой половине XIX вв. прилегали к южным границам сибирского фронта. Однако, в отличие от сибирских просторов, пройденных русским социальным движением за каких-нибудь 60–70 лет, освоение степного края растянулось на целые столетия. Дело в том, что особенности вхождения Казахстана в состав Российской империи не предусматривали на ранних этапах реализации принципа государственно-правовой унификации [4, с. 172–175, с. 128–129]. В силу сегментарности родоплеменной структуры и децентрализованной системы управления у кочевников, политический курс России основывался на постепенном локальном притягивании региона к общеимперскому развитию. Отсюда характер приграничных взаимоотношений определялся не столько далеко идущими стратегическими задачами, сколько реальным политическим положением и социально-экономическими интересами сторон. Раздвигая границы сибирского фронта на юг, Российское государство столкнулось не просто с проблемой ассимиляции иноэтнического быта и культуры, но и необходимостью защиты своих рубежей от набегов кочевников. С этой целью осуществляется программа превентивных действий, заключающаяся в опоясывание южных границ сибирского фронта силовыми линиями (военные линии, крепости) [2].

Не имея ясных представлений о границах политической автономности Казахстана и административных пределах своей юрисдикции правительство в конце XVIII – первой половине XIX вв. не решается проводить комплексную региональную политику. Для вмешательства во внутреннюю жизнь степного края создаются временные, не имеющие обще-

имперского статуса, управленческие органы. Основное их назначение – апробация моделей и схем региональной интеграции казахских земель в общеимперскую структуру (Пограничный суд, расправы в Младшем жузе, учреждение округов в Среднем жузе), усиление договорной линии взаимодействия приграничной администрации и местной элиты с последующей перспективой упразднения ханской власти (Ханский совет в Младшем жузе), снижение социальной и политической напряженности в приграничной зоне, дипломатическая и разведывательная деятельность (Пограничная комиссия).

Сложившаяся практика административных решений фактически осложнила выбор однородных стандартов социально-экономического и этнокультурного освоения приграничной территории. Например, в конце XVIII в. правительством принимаются меры парадоксальным образом противоречащие идеологическим инициативам геополитической стратегии империи. Это стимулирование процесса исламизации степи. Строительство мечетей и школ, по мнению А. И. Добросмыслова и Н. Чернавского, не преследовало цели усиления сферы влияния ислама в среде кочевников, а должно было стать средством их умиротворения [5, с. 161–162; 8]. Желание манипулировать через ментальную сферу интересами местного населения заставляет приграничную администрацию инкорпорировать во внутренние социальные структуры казахского общества лиц, состоящих на службе у правительства – татарское и башкирское духовенство [6, с. 35, 107].

Другим важным моментом сибирского фронта в зоне казахско-русского приграничья было преодоление социально-экономических диспропорций. В конце XVIII – первой половине XIX вв. российским государством принимаются нормативно-правовые акты по медленной, но неуклонной унификации и преобразованию быта населения приграничных областей. Последовательно издаются указы о разборе в Пограничном суде одних судебных, гражданских и уголовных дел (1786) [7, с. 604–605]; о переселении киргиз-кайсаков из дальних степей во внутренность России (1787) [7, с. 957]; о позволении «всем казенным магометанского закона принимать к себе киргисцов по их желанию обращаться в поселение на равных правах» (1808) [8, с. 45]. Кроме этого поощрялось записывание казахского населения в казачье сословие с предоставлением всех его льгот и привилегий [5, с. 228]. Важной вехой в государственном обживании степного края была разработка М. М. Сперанским «Устава об управлении сибирскими инородцами». Коренное оседлое население Сибири он приравнял к различным сословиям русского населения, в основном к государственным крестьянам. В практике управления Сперанский предполагал параллельное существование российского законодательства и местных норм обычного права. Административная система должна была приблизить сибирскую часть степного края (Средний жуз) к общеимперской [9, с. 80–81].

Таким образом, фронт на казахско-русском приграничье призван был не только повторить опыт сибирского освоения, но и решить новые для себя региональные задачи: ликвидировать социальную напряженность, унифицировать локальные варианты развития степного края, добиться расположения местной элиты, способствовать социальной и конфессиональной мобильности казахского населения. Все эти тенденции сформировали поливариантный политический курс, закреплявший за собой скорее ситуационную, а не стратегическую логику преобразований.

1. См.: Садвакасова З. Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии. Алматы, 2005.

2. Резун Д. Я., Шиловский М. Д. Сибирь, конец XVI – начало XX вв.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов // <http://history.nsc.ru>

3. Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XV–XX вв. М., 2004.

4. См.: Абылхожин Ж., Ерофеева И., Масанов Н. История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001; Быков А. Ю. Ханская власть у казахов: звание и/или должность // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.

5. Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк. Ч.2. // Известия Оренбургского отдела Императорского РГО. № 17. Тверь, 1902; Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. В. 2. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. X. Оренбург, 1901–1902.

6. См.: Султангалиева Г. С. Татарская диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. № 4; Она же. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов. Уфа, 2002.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 22. СПб., 1830.

8. Указатель законоположений, касающихся Оренбургского края (сост. по П. С. З. А. В. Попов). Изд. 1 // Справочная книжка по Оренбургской губернии на 1884 г. Оренбург, 1884.

9. Сперанский С. И. Практика регионального управления М. М. Сперанского (1816–1821) // Государство и право. 2003. № 5.

М. З. Утегенов, А. А. Шарипов.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАЗАХСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ (на примере Северного Казахстана)

На современном этапе, как в казахстанской, так и в российской исторической науке наблюдается повышенный интерес к истокам этнокультурного взаимодействия народов, составлявших прежде единое государство. Особенное внимание при этом уделяется приграничным областям Рос-

сии и Казахстана, где наиболее ярко отражены процессы взаимодействия и взаимовлияния соседних народов.

Располагаясь географически между Европой и Азией, Казахстан оказался на пересечении культурных связей между Западом и Востоком. Соответственно народы, проживающие на территории Казахстана, подвергались влиянию различных культур, как европейской, так и азиатской. Так, усиление экономических и культурных связей казахского и русского народов во второй половине XIX – начале XX вв. в северном регионе Казахстана и в южной части Западной Сибири активизировало процесс взаимовлияния и взаимодействия этносов. Соответственно изменился культурный облик населения Северного Казахстана.

Включение казахского хозяйства в орбиту общероссийской экономики, имела как положительные, так и отрицательные стороны для казахского общества. Так, расширение ярмарочной торговли способствовало развитию товарно-денежных отношений в крае. В итоге ускоряется разложение патриархально-феодалных отношений в казахском обществе, а также северные города превращаются в основные центры торговли Казахстана с Россией. Переселение российских крестьян дало толчок к развитию в крае земледелия и торговли. Но следует отметить и такое социальное явление в казахском обществе как обеднение значительной массы кочевников вследствие ограничения плодородных участков для пастбищ скота.

Распространение православной религии на казахское население явилось безуспешным, так как у казахов отсутствовала потребность в восприятии данной религии, а также православная религия ассоциировалась у казахов с российской колонизацией. Тем самым в казахском обществе усиливается влияние мусульманской религии. Хотя до российской колонизации местное, казахское население поверхностно относилось к исламу, так у казахов сохранились древние верования и традиции кочевников.

Итогом колониальной политики России во второй половине XIX – начале XX вв. стало значительное увеличение доли славянского населения в Северном Казахстане, а также их влияние на казахское общество. Неизбежным результатом, которого стали метисация, перемены в образе жизни, привычках. Так, основной причиной метисации стало то, что первые колонизаторы были людьми военными и не имели при себе жен, поэтому они брали жен из казахских семей [1, с. 185]. Сложился своеобразный тип сибиряка – степняка, который образовался благодаря взаимодействию казахского и русского населения.

В общем, если судить по источнику, то «в Акмолинской области свое влияние оказывали две культуры: северная – русская, простирающая свое влияние до реки Ишим, и южная – самобытная, пришедшая из Туркестана» [2, с. 16]. Различные культуры оказывали свое влияние на кочевое хозяйство казахов, распространяя среди них земледельческую культуру, но

в силу своих природных условий часть местного населения была вынуждена, как и прежде, заниматься в Северном Казахстане скотоводством.

Расширение этнокультурных контактов казахского и русского народов выразилось и в области духовной культуры. Так, «взаимодействие переселенцев с местным населением становилось настолько тесным, что не только перенимали друг у друга опыт ведения хозяйства, но также общались без переводчиков. Причем языком межнационального общения в дореволюционное время выступал казахский язык» [3, с. 48]. Все это характеризует уникальную способность казахского и русского народов к взаимовлиянию и взаимообогащению этнокультур. Многие казахские дети учились в русских учебных заведениях, перенимали их язык и достижения мировой культуры. В дальнейшем это сыграло позитивную роль в развитии казахского общества, при сохранении ими своей традиционной культуры и самобытности, что, несомненно, является важнейшим фактором на современном этапе в реализации межнационального согласия народов Казахстана.

Исследование проблем экономического и культурного взаимодействия казахского и русского народов во второй половине XIX – начале XX вв. характеризуется социально-экономическими и культурными изменениями в Северном Казахстане. Интеграция казахского и русского народов в области материальной и духовной культуры оказала положительное влияние на процесс вхождения казахского общества в мировое пространство, в частности, были созданы условия для получения казахами европейского образования, а также знакомство их с передовыми технологиями в сельском хозяйстве. Несомненно, были и отрицательные последствия для казахского этноса, а именно массовое изъятие плодородных земель у казахских скотоводов российскими крестьянами, что привело к некоторому обнищанию казахских шаруа, а также превращение региона в сырьевую базу для российской промышленности. Из этого следует, что включение казахского хозяйства в общероссийскую экономику протекало в сложных условиях, когда регион являлся колонией, а также он находился на периферии Российской империи. Соответственно капиталистическое развитие происходило медленнее, чем в центральных регионах страны. В силу своих географических особенностей Северный Казахстан являлся зоной, где традиционно занимались в основном кочевым скотоводством. Отсутствие здесь природных условий для оседлого земледелия приводило к печальным последствиям для казахского населения степных областей, вынужденного, как и прежде заниматься в основном скотоводством. Переход казахского хозяйства к оседлому земледелию и затем адаптация его к рыночным отношениям усложнял и без того нелегкий, эволюционный путь развития казахского общества. Тем не менее, были созданы некоторые условия для развития в крае земледелия и мел-

кой промышленности, но в целом преобладали предприятия сырьевой направленности ориентированные на нужды местного населения.

В общем, взаимодействие казахского и русского народов во второй половине XIX – начале XX вв. привело к культурному взаимообогащению соседних народов. Сложилась традиция взаимоуважения и толерантности, что, несомненно, является важнейшим условием на современном этапе в общественно-политическом и культурном развитии Казахстана. Следует также отметить, что интеграция с Российской империей была, несомненно, прогрессом для казахского народа, но, к сожалению, повлекла и большие жертвы.

-
1. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XVIII. СПб., 1903.
 2. Обзор Акмолинской области за 1891 г. Омск, 1892.
 3. Абуев К. К. Кокшетау. Исторические очерки. Кокшетау, 2005.
 4. Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т. 1. СПб., 1909.

Г. А. Алтыспаева

ПРОЦЕССЫ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА АКМОЛИНСКА (XIX – первая половина XX века)

Во второй половине XIX в. в городе Акмолинске, являвшемся в то время административным центром одноименного уезда, мирно уживались представители трех конфессий: мусульмане – 1726 человек, православные – 3013 человек, иудеи – 38 человек [1, с. 64]. Все они имели возможность без препятствий отправлять свои религиозные культы, получив разрешение на строительство центров для прихожан. В XIX в. в городе имелись две православные церкви, две мусульманские мечети и синагога. Они были построены в этом же веке на средства местных предпринимателей.

Первая мечеть была построена в Акмоле (Акмола – первое название поселения) в 1842 г. за стенами военного укрепления на средства старшего султана К. Кудамейдина. Хотя самих казахов-мусульман в городе было мало, но здесь постоянно прибывало много лиц мусульманского вероисповедания – останавливались торговые караваны, приезжали казахи подведомственных волостей, поэтому потребность в мечети была.

В 1887 г., проживавший в Акмолинске (с 1863 г. город стал именоваться Акмолинском) ходжа Миркамалов, обратился к Степному генерал-губернатору с ходатайством разрешить ему построить на свои средства мечеть. К ходатайству прилагалось решение общего собрания мусульман города и проект новой мечети [2, с. 111]. Однако ему было разрешено от-

строить молитвенный дом без минарета и купола. Мотивировалось это тем, что прихожан христиан было гораздо больше, но для них действовала одна церковь.

Вопрос о возведении в городе православного храма впервые возник в 40-е гг. XIX в., но разрешение на строительство было получено в 1852 г. Предварительно были проведены расчетные и подготовительные работы. Строительство храма началось в январе 1855 г. На каменном фундаменте был сложен цоколь под стены с пилястрами, стены рубили из бревен, при центральном входе и у иконостаса установили колонны из брусьев, крышу покрыли листовым железом. Вероятно, церковь была построена по образцовому проекту. Близкая по архитектурному решению церковь находилась в селе Спасском Балкашинского района Акмолинской области. По форме церковь крестово-купольная с шатровыми покрытиями и луковичными завершениями центрального пространства и колокольни, размещенной над главным входом в здание. В следующем году церковь была освящена во имя святых Константина и Елены. Как собственность казачьего войска Константино-Еленинская церковь в 1900 г. была разобрана и перенесена в станицу. В 1913 г. ее оштукатурили и побелили, поэтому она производила впечатление каменной. В результате реконструкции церкви после одного из пожаров произошли изменения в архитектуре здания – шатровые покрытия в первоначальном виде были более высокими [3, л. 1–2].

Каменное здание Александро-Невского собора было заложено на центральной площади города в мае 1891 г. в память «чудесного события 17 октября 1888 г.» – спасения жизни Александра III во время крушения на Курско-Харьковской железной дороге. Храм строил инженер-технолог П. С. Гольщев, специально вызванный из Тобольской губернии. Купец Попов пожертвовал на постройку собора 100 тыс. штук кирпичей. Купец Марфутин на свои средства изготовил ограды и отлил полный набор колоколов, самый тяжелый из которых весил 104 пуда. Для росписи собора были приглашены мастера-живописцы [4, л. 2].

Что касается верующих иудеев, то длительное время солдаты-евреи, коих было немало в составе 2-го Сибирского батальона, располагавшегося в Акмолинском укреплении в середине XIX в., религиозные обряды совершали в частных домах или в свободных казармах. В 1866 г. военнотружающие евреи купили на собственные средства частный дом, превратив его в синагогу [1, с. 66].

С победой власти Советов в 1917 г. мирная духовная жизнь города была нарушена. Синагога уже в первые годы советской власти «добровольно» была передана горсовету и переоборудована под школу. Православные церкви и мечети оставались центрами духовной жизни верующих и функционировали за счет их добровольных отчислений.

В 20-х гг. XX в. в «целях развития культурно-просветительской работы» местными советскими властями было инициировано закрытие и передача под объекты соцкультбыта духовных центров горожан. По инициативе Акмолинского горсовета в 1929 г. решено было передать одну мечеть и Александро-Невский собор под культурно-просветительские учреждения. С этой целью горсовет обращается с ходатайством в Окружной исполнительный комитет (ОКРИК) и в Казахский ЦИК. Главный мотив, по выражению чиновников, – «требование общественности и неорганизованного населения» города. В качестве доказательств представлены были протоколы городских собраний «неорганизованного населения», подписи с требованием изъять указанные объекты у верующих, письма, выступления горожан в печати. В общей сложности было собрано более 9 тыс. подписей [5, л. 289]. Это притом, что численность населения в городе по данным 1929 г. составила 12 600 человек [6, л. 17–17об.]. Конечно же, не обошлось без активного участия самого горсовета, по инициативе и при активном участии которого и проводились массовые собрания и организовывались выступления в печати.

Настаивая на незамедлительном изъятии, местные власти обосновывали свое решение быстрым ростом городского населения вследствие строительства железных дорог Акмолинск-Боровое, Акмолинск-Караганда и разработки месторождений угля и, как следствие, необходимостью организации центров культуры для рабочих. По сведениям горсовета в городе на тот момент насчитывалось 919 человек православного и 623 человека магометанского вероисповедания, регулярно посещающих молитвенные дома. Имеющиеся в городе мечеть № 2 и Константино-Еленинская церковь вполне удовлетворяли потребности верующих [5, л. 287].

Ответ КазЦИКА на решение местных властей был положительным и постановлением от 20.03.1930 г. разрешено было произвести изъятие. Однако инициативы не нашли поддержки со стороны центральных властей, так как поступало много жалоб со стороны верующих [5, л. 316]. Тем не менее, городские и окружные чиновники снова и снова обращаются в центральные органы, действуют через представительство Киргизского края в Москве, стремясь ускорить принятие решения. В конечном счете, не дождавшись решения ВЦИК и сославшись на предположения Казпредставительства в столице о том, что ВЦИК не будет рассматривать жалобы, местные власти приступили к изъятию объектов. В горсовет были приглашены председатель церковного совета Александро-Невского собора И. Болашов и председатель совета мусульманской мечети мулла А. Измаилов, которые были поставлены в известность и ознакомлены с порядком обжалования решения властей в двухнедельный срок.

Вскоре горсовет принял новое постановление, по которому подлежали изъятию мечеть № 2 и Константино-Еленинская церковь на основа-

нии наличия у верующих задолженности по налогам [5, л. 306]. Но и это решение не получило поддержки центра. В телеграмме Президиума ВЦИК за подписью Смидовича от 20.03.1929 г. отмечалось, что решение горсовета противоречит законодательству о религиозных объединениях [5, л. 316]. Союзные власти запросили материалы дела с целью произвести проверку по факту обжалования верующих, на что местные власти отвечали, что «...совершенная переделка и переоборудование зданий лишило их значения, пригодного для отправления религиозных обрядов» [5, л. 323]. При этом не обошлось без лукавства: в представленных горсоветом материалах число верующих в городе составляло уже 150 человек православных и «немного при мечети» [5, л. 327].

Здание собора было переоборудовано под клуб: колокольня снесена, сняты кресты, перелиты колокола, произведен косметический ремонт путем оштукатуривания внутренних и внешних стен. Мечеть была приспособлена под библиотеку. Ни то, ни другое здание капитальному ремонту не подвергались и вскоре оказались в полуразрушенном состоянии.

1. Алпыспаева Г. А. Религиозные конфессии дореволюционной Акмолы // Вестник науки ААУ им. С. Сейфуллина. 1996. № 6.

2. Касымбаев Ж., Агубаев Н. История Акмолы (XIX – начала XX вв.). Исследования, источники, комментарии. Алматы; Жеты-Жаргы, 1998.

3. Государственный архив г. Астаны. Ф. 372. Оп. 1. Д. 12.

4. Государственный архив г. Астаны. Ф. 362. Оп. 4. Д. 34.

5. Государственный архив г. Астаны. Ф. 32. Оп. 1. Д. 116.

6. Государственный архив г. Астаны. Ф. 32. Оп. 1. Д. 62.

М. К. Алафьев

УЧАСТИЕ ЗЕМСКОЙ ПОЛИЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ САМОДЕРЖАВИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В первой половине XIX в. в области полицейской деятельности можно выделить наличие двух тенденций: с одной стороны, с переходом от коллегиальной системы государственного управления к единоначалию, предпринимаются усилия по дальнейшей централизации системы полицейских органов, с другой – круг задач, относящихся к полицейской функции государства, постоянно суживается посредством образования специальных государственных органов и специализации деятельности общей полиции. В частности, некоторые меры по совершенствованию работы земской полиции содержал Наказ губернаторам и Положение о земской полиции 1837 г., в которых определялось, что «главным представителем

верховой власти в губернии является губернатор как непосредственный начальник всех учреждений...и полиции, и конкретизировались функции земской полиции: «...охранение общественного спокойствия, благочиния, усмирение всякого действия, противного верноподданическому долгу и послушанию, донесение о том начальству, предупреждение и прекращение всяких непозволительных и соблазнительных сборищ, принятие в случае нужды особенных мер для ограждения безопасности какого-либо сословия, дома и частного лица. Меры безопасности от воров и разбойников, поимка и истребление оных».

Предпринимаемые меры вселяли надежды на упорядочивание деятельности общей полиции, обременённой хозяйственно-распорядительной и следственной работой, однако столь разнообразные и расплывчатые функции земской полиции постоянно конкретизировались и, соответственно, усложнялись разного рода указами и распоряжениями центральных и местных органов власти. Так, экономические и социально-политические потребности государства ознаменовали в первой половине XIX в. дальнейшую колонизацию Западной Сибири. Массовый приток населения в малообжитой край, характер решаемых в этой связи губернскими властями задач, определяли специфику деятельности земской полиции. В частности, сельская полиция принимала непосредственное участие в изыскании свободных земель и определении мест заселения переселенцами. С этой целью в 1802–1805, 1830, 1936 и 1855 гг. не без её участия проводились межевания. Для ускорения межевания в каждом уезде определялись малоземельные волости, в которых производилось землеотведение. Для старожилов земля отводилась из расчёта 15 десятин на мужскую душу и по 6 десятин – на увеличение семьи. Участки старались нарезать компактные, с наличием в них пахотных земель, сенокосов, леса и водных источников. Возникавшие в процессе межевания спорные вопросы между волостями и крестьянскими хозяйствами зачастую получали разрешение в земской полиции.

Централизованное переселение за Урал осуществлялось по согласованном в Министерстве государственных имуществ списках крестьян, с указанием в проходном свидетельстве маршрута следования в сибирский край, с выдачей на транспортные расходы кормовых денег. Встреча и размещая переселенцев, земская полиция, являлась низовой структурой губернской власти, непосредственно осуществляла контроль за домообзаводством прибывших, принуждала быстрее «заводить хлебопашество», а через три года руководило взиманием налогов, стремясь добиться увеличения крестьянских податей в пользу казны.

Новая волна тяжб по земельным вопросам между старожилами, инородцами и переселенцами наблюдается в 40-е гг., когда коронной властью был разрешён самовольный переезд крестьян в Сибирь без оформ-

ления соответствующих документов. По сведениям земской полиции ряда уездов Тобольской губернии переселенцы без разрешения занимали пахотные земли, обзаводились домами, «...и если снова их переселять при бедном состоянии, то они придут в окончательное разорение». При решении земельных споров сибирская администрация исходила из мнения, что нельзя самовольным переселенцам «заводить» селения вблизи татарских юрт, без получения согласия органов волостного правления. В тех случаях, когда примирение конфликтующих сторон обходилось без судебных разбирательств и апеллирования к Сенату, вольнопереселенческие крестьяне «причислялись» губернскими казенными палатами. Проводившиеся периодически в уездах ревизии выявляли немало фактов незаконного заселения. Сибирская администрация расценивала самовольные поселения как незаконные и предписывала земской полиции «препятствовать всякому самовольному бродяжничеству крестьян».

Особую категорию переселенцев составляли ссыльные. По подсчётам Н. Ядринцева с 1823 по 1888 гг. в Сибирь прибыло 784 901 ссыльных, которые делились на колодников и поселенцев. В 1822 г. принимается Устав о ссыльных – первый в истории России закон, регламентирующий порядок пересылки и правила проживания преступников в Сибири. В 1823 г. учреждается Тобольский приказ о ссыльных, в 1824 – Тобольская и Тюменская экспедиции о ссыльных, в которых определялись и обязанности полиции, «коим относились дела о ссыльных». Земская полиция, через чьи уезды проходил Сибирский тракт, привлекалась к организации строительства этапных тюрем, так как с резким увеличением числа ссыльных прежняя практика размещения арестантов на ночлег в крестьянских избах по 20–30 человек уже не решала проблему. Кроме того, в пути и при ночлеге в необорудованных помещениях арестанты совершали побеги; открывались случаи грабежей, совершаемые ссыльными. Наиболее опасными в отношении побегов назывались Ишимский, Омский и Тарский уезды, в связи с чем даже изменялись этапные маршруты. В целях исключения побегов, при вступлении в пределы Сибири, колодников заковывали попарно и брили половину головы.

Из категории ссыльных поселенцев большую группу (более 50 %) составляли административно-ссыльные крепостные крестьяне, высланные за неповиновение помещикам, подозрение к бунту или просто по приговору полиции. Ссылка в Сибирь на полное «усмотрение» местной администрации и надзор полиции рассматривалась правительством как средство «предупреждения преступлений, замышляемых против государства». Прикрепляясь к сибирской земле ссыльные поселенцы через десять лет переводились в сословие государственных крестьян и обязывались платить полный оклад податей. Центральная власть, заинтересованная в дешевых закупках зерна у крестьян, требовала от сибирской админист-

рации увеличения земельной запашки. Ещё по «Положению о распространении хлебопашества» 1812г. сибирские крестьяне обязывались засеивать не менее двух десятин на ревизскую душу. Время от времени земские исправники производили контрольные проверки, которые обнаруживали дворы, нарушавшие предписания властей. Изыскивая меры принуждения к нарушителям, земский исправник Томского уезда Зинов, например, предложил губернскому правлению, чтобы крестьян, не имевших хозяйства, но способных к работе, раздавать в годовые работы по волостям зажиточным крестьянам, а заработанные ими деньги передавать волостному правлению или сборщику оброка и подати. Для учета и контроля ежегодно составлялись данные о посевах в десятинах, о количестве посеянного и снятого с полей зерна, собирались сведения о количестве лошадей, рогатого скота, заготовленного сена. Все случаи падежа скота становились известными в канцеляриях всех уровней губернской власти. Через земскую полицию волостные старосты постоянно получали от вышестоящих инстанций указания «понуждать» крестьян расширять своё хозяйство.

В. В. Пластиун

КЛАССИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ О ВЕЛИКОМ СИБИРСКОМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ПУТИ

В начале прошлого века большой популярностью пользовался сжатый курс русской истории от ее начала до 1907 г. Изданный для слушателей Василия Осиповича Ключевского, он с 1897 по 1917 г. (за 20 лет) выдержал восемь изданий. В советское время он не выпускался, скорее всего, по причинам идеологического свойства. Ярлык буржуазного историка был так прочно приклеен к имени Ключевского, что даже в «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1979 г.) вся содержательная часть его характеристики сводится к тому, что он назван «крупнейшим представителем русской буржуазно-либеральной историографии». Естественно, что такое отношение к историку не могло не препятствовать распространению его трудов. Знаменитый русский историк не стремился в этой книге конспективно изложить всю русскую историю. Принципом его было не написать обо всем понемногу, а только о главных, важнейших событиях и проблемах сжато, но основательно. Одной из таких главных проблем русской истории являлось строительство Транссибирской магистрали. Автор не анализирует каждое положение текста В. О. Ключевского по причине малого объема тезисов. Они в полной мере не являются и прямой речью изложения проблемы. Не всегда можно согласиться с оценкой историком некоторых событий того времени. Между тем его труд отличает глубина

мысли и взвешенность исторического анализа, и знать его полезно и необходимо каждому интересующемуся историей.

В 1891 г. была начата постройка Сибирской железной дороги одновременно с двух концов, от Челябинска и Владивостока. С западной стороны линия была доведена до Сретенска, с восточной – до Хабаровска. Оставалась линия Сретенск – Хабаровск. Но политические события 1890-х гг. побудили русское правительство покинуть левый берег Амура и дать другое направление восточной части пути. По договору с Китаем в 1898 г. Россия взяла в арендное содержание Квантунскую область, примыкающую к незамерзающему Желтому морю, с Порт-Артуром, который сохранил значение военной гавани. А на берегу залива Да-Ля-Вань был основан в 1899 г. город Дальний, с правами торгового порта – франко (буквально свободный порт – порт или приморская область, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров). Сибирский путь с востока завершился, по конвенции с Китаем, проведением через Маньчжурию Восточной Китайской железной дороги. Отходя от сибирской магистрали несколько западнее Сретенска, маньчжурская линия разветвлялась и давала Сибирскому пути два выхода к Тихому океану: один – на Владивосток, а другой – на Дальний и Порт-Артур. Стоимость Сибирского пути с его ветвями и вспомогательными предприятиями (организация переселенческого дела, пароходство по прилегающим водным путям и по Байкалу, устройство городов Дальнего и Порт-Артура, Пермь-Котласская линия в Европейской России для выхода сибирских грузов к Белому морю и другим) достигала миллиарда рублей.

Самое важное из побочных предприятий Сибирской дороги – устройство переселенческого дела для заселения полосы, пересекаемой магистралью особенно заселение пустынных пространств Восточной Сибири. Ежегодное число переселенцев, до 1880-х гг. не превышавшее 2 тыс., в 1896 г. достигло 200 тыс.

Громадны были политические и экономические задачи, представшие перед Россией с прокладкой Великого Сибирского пути! Достаточно указать на усложнение международных отношений в связи с занятием Маньчжурии и Квантунской области Россией, на противодействие желтой расы успехам русской культуры и колонизации на Дальнем Востоке. На трудность соглашения общей таможенной политики России с началами свободной торговли, необходимыми для ее восточных окраин, и будущего мирового транзитного значения сибирской магистрали, с развитием внутренних производственных сил страны.

С сентября 1904 г. была окончена, весьма спешно и с большими экстренными затратами, Кругобайкальская дорога (около 260 верст – 1820 км). Она огибала южную часть Байкала, всюду почти пролегая по гнейсовым скалам, входящим в воды озера-моря. Множество мостовых и туннель-

ных сооружений, вынужденная войною спешка работ, самые условия работ в этих пределах мерзлоты – все это ставило Кругобайкальскую дорогу в ряд труднейших и наиболее дорогих железных путей (до 200 тыс. руб. верста). Увеличение пропускной способности дороги также потребовало бы огромных затрат.

Необходимый сам по себе сибирский рельсовый путь на первых порах не поднял заметным образом благосостояние пересекаемых им местностей. А вследствие вывоза за границу из Западной Сибири хлеба и масла там подобрались бывшие хлебные запасы и, что должно быть особенно вредно для детского населения, сократилось потребление молочных продуктов. Так как не было детального, внимательного к голосу местных нужд изучения вопроса об ожидающих дорогу грузах, участки Сибирской дороги, отстраиваясь, сразу же не могли удовлетворять требованиям, предъявляемым к дороге обществом и самим правительством. С началом русско-японской войны сибирский товарный обмен оказался в худшем положении, чем был до проведения дороги, потому что все большинство поездов, по край мере в восточном направлении, были заняты воинскими грузами, а прежние гужевые сообщения успели совершенно разладиться. Уже были начаты сложные и по необходимости медленные работы по смягчению подъемов и спрямлению крутых поворотов, за чем должна была последовать прокладка и второго пути в пределах как Западной, так и Восточной Сибири. Эти работы, вместе с прокладкой второй колеи, которая в иных местах расходилась с первой, исправляя чересчур грубые ошибки ее направления, в сущности, были капитальным переустройством дороги, после которого она становилась более в уровень с требованиями политической и экономической жизни страны.

Кругобайкальская железная дорога сомкнула непрерывным рельсовым путем (с переменою колеи на русско-германской границе) океаны Атлантический и Тихий уже тогда, когда юго-восточная, к незамерзающему побережью примыкающая часть великого пути была исторгнута из русских рук.

Японо-русская война была следствием вступления России в область могущественных международных влияний, плотно облегающих побережья Желтого и Китайского морей, Южную и Среднюю Маньчжурию. Овладев одною из лучших частей этого побережья, соединив его русскую колею с русскими дорогами через самое сердце Маньчжурии, священный Мукден, Россия заняла господствующее положение в этой области перекрестных интересов Англии, Японии, Германии и Америки.

Ее влияние с небывалой остротой проникло и в Корею, куда уже давно стремилась Япония перелить избыток своего населения. Напротив того, северная, на Владивосток идущая маньчжурская линия едва ли не повлияла на завязку великой борьбы. Дорога здесь отдавала влиянию Рос-

сии только правое побережье Амура, где у держав не было особых интересов, а у России, напротив, – самые настоятельные. Делом необходимой обороны было утвердить свое влияние в областях, где водворение иной державы грозило бы неотвратимую опасностью всем старым восточно-азиатским владениям России. Но отделенная от областей Амурской и Приморской пространствами Северной Маньчжурии с кучей горных хребтов, и самим течением великой реки, северная маньчжурская железная дорога отнюдь не исключала нужды в железных путях на левом берегу Амура, необходимых для колонизации Восточной Сибири и использования ее разнообразных богатств. К этим культурным задачам присоединились после войны потребности государственной обороны. При упавшем в начале XX столетия международном влиянии России и растущей силе Китая, нельзя было более рассчитывать на Северную Маньчжурию, как на безопасную территорию для русской железнодорожной магистрали. Начатая постройкой Амурская дорога имела своей задачей завершить Сибирский путь, не выходя за пределы государства.

1. Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992. С. 139–141.

Ю. Р. Горелова

ГИМНАЗИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТОМСКЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Проблемы школьного и внешкольного образования дореволюционной России неоднократно становились предметом как публицистических заметок, так и серьезных научных исследований. Так, например, из дореволюционных авторов, писавших по истории образования необходимо отметить труды В. Ф. Абрамова, И. Алешинцева, С. Знаменского, Н. И. Кареева, А. А. Мусина-Пушкина, С. В. Рождественского, В. И. Чарнолуцкого, Н. В. Чехова и др. [1] В советское время проблемами среднего и начального образования занимались Ш. И. Ганелин, Н. А. Константинов, В. З. Смирнов, В. Я. Струминский и др. [2] Кроме того, необходимо отметить появление таких обобщающих работ как «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР второй половины XIX в.», «История педагогики» и «Российской педагогической энциклопедии», в которых также освещены некоторые проблемы гимназического образования в России.

Среди современных авторов, прежде всего, необходимо отметить работы Т. Н. Кандауровой. Т. Н. Кандаурова в своих работах рассматри-

вает место и роль гимназий в культурном пространстве российской провинции и приходит к выводу, что гимназии в провинциальном городе играли роль образовательного, научного и культурного центров. Выводы автора основываются на конкретном материале и подкреплены соответствующими примерами. Нам представляется интересным и современным такой культурологический подход к проблеме. Он дает возможность увидеть место и роль гимназии в социокультурном пространстве провинциального города. Однако исследования Т. Н. Кандауровой не затрагивают сибирский регион, поэтому интересно бы было проследить то, как преломляются общероссийские тенденции в конкретном западно-сибирском регионе.

В рамках настоящей публикации мы попытались проанализировать такие вопросы как источники финансирования, численность и кадровый состав томских гимназий по материалам Памятных книжек Западно-Сибирского учебного округа за различные годы[3]. Данное издание являлось официальным, в связи с чем извлекаемые из него данные могут быть оценены как репрезентативные.

На протяжении конца XIX – начала XX вв. главным типом средней школы оставалась классическая гимназия. Проект Устава гимназий обсуждался несколько раз и был принят 19 ноября 1864 г. Согласно этому проекту устанавливалось два типа гимназий: классические и реальные. Обе с 7-летним сроком обучения. В классической гимназии предполагалось преподавание латинского и греческого языков, в реальных – больше часов уделялось таким предметам как математика, физика, естествознание, изучалось два современных иностранных языка, тогда как в классической – один современный иностранный язык. В остальной программа гимназий была схожей. Несмотря на то, что учебный план реальных гимназий был более жизненным, право поступать в университеты получали только выпускники классических гимназий. По уставу 1864 г. гимназии объявлялись бессловными учебными заведениями (принимались мальчики всех сословий и вероисповеданий). Каждая гимназия должна была иметь библиотеку из книг, одобренных для ученических и учительских библиотек средних учебных заведений, кроме того, набор наглядных пособий по естествознанию, географии, рисованию, математике, физический кабинет.

В провинциальном городе гимназии играли роль образовательных и культурных центров, являлись «кузницами» региональной интеллигенции, что определялось их преподавательским составом и духовно-интеллектуальным потенциалом. С одной стороны, гимназии способствовали приращению интеллектуального потенциала региона путем создания кадров для науки и образования. С другой, – гимназии курировали систему начального образования. Кроме того, часто они служили организационным штабом и местом проведения многих просветительных и научных мероприятий местной интеллигенции как, например, устройство публичных чтений и лекций, литературных и литературно-музыкальных вечеров и т. д.

В рассматриваемый период в Томске, как и в других сибирских городах, существовали и государственные, и частные гимназии. Обучение мальчиков и девочек преимущественно велось отдельно, хотя уже существовала практика организации гимназий, обучающихся детей обоего пола. Так, например, в Омске 23 июня 1914 г. была открыта частная гимназия для детей обоего пола с правами для учащихся, учрежденная Н. Ф. Шанской (20 февраля 1916 г. ему было присвоено наименование «Частная гимназия для детей обоего пола с правами для учащихся»). Особо хотелось бы обратить внимание на тот факт, что неодинаковое количество мужских и женских гимназий объясняется не тем, что женское образование считалось приоритетным, а тем, что мальчики имели возможность поступать кроме гимназий также в реальные училища, коих в Томске в рассматриваемый период было два.

Первая гимназия в Томске (мужская) была открыта 10 декабря 1838 г. Старшие классы гимназии и пансион размещались в зданиях Томского университета, а младшие классы – в здании, принадлежащем Томскому уездному училищу. В 1890 г. учащихся в гимназии было 270 человек, на 1-е января 1895 г. – 357, по данным 1899 г. – 418 учащихся, к 1916 – 572 ученика.

Источники финансирования всех государственных гимназий были стандартны. Значительную часть составляли отчисления из казны, частично обучение оплачивали родители (например, в 1894 г. плата за обучение составила 40 руб. в год с ученика). Другим источником были проценты с пожертвованных капиталов.

Учителя гимназии в основном являлись выпускниками или действительными студентами Казанского университета, Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургского историко-филологического института.

Томская вторая мужская гимназия была открыта 1 июля 1913 г. Помещалась в наемном здании, принадлежащем епархиальному женскому училищу. Источники финансирования стандартны. Учащихся к 1-му января 1916 г. – 263 человека. Среди учителей гимназии было выпускников Петроградского историко-филологического института – 2, Казанской духовной академии – 2, Петроградского женского института – 1, Педагогического института имени П. Г. Шелапутина – 3, Московского университета – 1, Варшавского университета – 1, Женских педагогических курсов новых языков – 1.

2 октября 1905 г. в Томске была открыта частная мужская гимназия как частное учебное заведение 1-го разряда, которому впоследствии разрешено распоряжением Министерства народного просвещения именоваться «Частная мужская гимназия с правами для учащихся». Плата за обучение – 120 руб. в основных классах (тогда как в государственных плата за обучение составляла 50–60 руб.), 60 руб. – в подготовительных классах. За-

ведовал гимназией выпускник Московской духовной академии И. М. Воскресенский. Учащихся к 1-му января 1916 г. насчитывалось 300 человек. Учителя гимназии были выпускниками Казанского университета, Томской духовной семинарии, Московской духовной академии. Особенностью данного учебного заведения было привлечение большой массы преподавателей из других, преимущественно государственных, учебных заведений города. Так, например, русский язык вели преподаватели Томского учительского института С. В. Выходцев и С. В. Успенский, физическую географию вел лаборант Томского технологического института – Н. Н. Павлов, историю – учительница Томской Мариинской женской гимназии А. В. Ляхова, математику – лаборант томского технологического института Б. Л. Степаков и др.

Первая в Томске женская гимназия – Томская Мариинская женская гимназия была открыта 1 сентября 1863 г. Гимназия имела собственное здание. Источники финансирования стандартны (из казны, от Томского городского общества, сбор за учење, поступления от членов попечительского совета). На 1-е января 1890 г. в гимназии обучалось 282 воспитанницы, на 1-е января 1895 г. – 349 воспитанниц, на 1-е января 1899 г. – 698, на 1-е января 1916 г. – 933. Председателем педагогического совета в 1890 г. был директор Томской мужской гимназии и училищ Томской губернии К. И. Удовиченко, в 1895 г. – Михаил Михайлович Германов. Долгое время начальницей гимназии была Е. А. Фризель (выпускница Санкт-Петербургского Екатерининского института). С 12 августа 1900 г. начальницей гимназии становится Надежда Алексеевна Ржаницына – выпускница Петроградского Александровского института. Учителями гимназии были выпускники Санкт-Петербургского историко-филологического института и Санкт-Петербургского университета. Многие из учительниц и наставниц гимназии были ее выпускницами, некоторые получили только домашнее образование, другие же окончили либо Московский екатерининский институт, либо Санкт-Петербургские педагогические курсы. Кроме того, среди учительниц и надзирательниц гимназии преобладали выпускники Омской и Томской женских гимназий. Особенностью женской гимназии было то, что многие ее преподаватели одновременно преподавали в других учебных заведениях города, а именно в мужской гимназии и реальном училище.

Томская вторая женская гимназия была открыта 1 сентября 1902 г. домашней наставницей Ольгой Васильевной Миркович как частное женское учебное заведение 1-го разряда с курсом женских гимназий в составе приготовительного и первых 3-х классов. 30 марта 1905 г. последовало разрешение преобразовать его в женскую гимназию на основании Положения 24 мая 1870 г. Преобразование было осуществлено в начале 1905–1906 учебного года. Гимназия размещалась в доме, специально выстро-

енном по представленному О. В. Миркович плану. Учащихся в гимназии к 1-му января 1916 г. – 337 человек. Председателем педагогического совета гимназии стал профессор Томского технологического института А. В. Лавровский. Учительницы гимназии в основном имели либо домашнее воспитание, либо были выпускницами Петроградских высших женских курсов. В гимназии работало много учителей других учебных заведений. Так, например, математику вели учительницы Томской Мариинской женской гимназии Н. П. Астафьева и Н. А. Красина, педагогику преподавал директор Томского учительского института И. А. Успенский, физику и космографию – начальник Томского технического железнодорожного училища С. И. Болотов и др.

В 1907 г. с разрешения попечителя Западно-Сибирского учебного округа Натальей Андреевной Тихомировой было открыто женское учебное заведение 1-го разряда с курсом женских гимназий (третья женская гимназия). С начала 1910 учебного года вместо него была открыта гимназия на основании Положения 24 мая 1870 г. (источники финансирования: поступления из казны и плата за обучение, составившая в 1915 г. – 120 руб. в год). Учащихся в гимназии к 1-му января 1916 г. – 271 человек. Председателем педагогического совета гимназии стал преподаватель Томского учительского института П. В. Пудовиков. Начальница гимназии – выпускница Фреблевских курсов и курсов Лесгафта Н. А. Тихонравова. Учительницы гимназии в основном были выпускницами Петроградских и Московских высших женских курсов, выпускницами томской Мариинской женской гимназии. Учителя гимназии были выпускниками Московского и казанского университетов, Строгановского центрального училища технического рисования. В гимназии работало много учителей других учебных заведений.

12 октября 1910 г. была открыта 4-х классная женская прогимназия, которая по постановлению Томской городской Думы 19 февраля 1913 г. в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых была преобразована в полную гимназию (ставшую четвертой женской гимназией Томска). Источники финансирования стандартны. Учащихся к 1 августа 1916 г. – 348 человек. Плата 35 руб. в год. Председателем педагогического совета был выпускник Казанского университета Гаврил Константинович Тюменцев. Начальница – А. А. Золотницкая. Учительницы гимназии были выпускницами различных женских гимназий (омской, томской, пермской, московской и др.), Петроградского сиротского института, епархиальных женских училищ.

Подводя некоторый итог, следует заключить, что в рассматриваемый период гимназии оставались главным типом средней школы. В Западной Сибири численность гимназий значительно увеличивается именно на рубеже XIX–XX вв., что совпадает с аналогичными процессами в европейской части России. Кроме таких стандартных источников финанси-

вания гимназий как поступления из казны и внесение родителями платы за обучение, активно наблюдается привлечение благотворительных пожертвований, как от различных общественных организаций, так и от частных лиц из числа состоятельных горожан. Говоря о кадровом составе сибирских гимназий, необходимо отметить то обстоятельство, что в рассматриваемый период учителями в них работали выпускники и выпускницы высших учебных заведений центральной России, так как Сибирь долгое время (вплоть до 1888 г.) не имела собственного университета.

1. Абрамов В. Ф. Земская статистика народного образования // Социологические исследования. 1996. № 9; Алешинцев И. История гимназического образования в России (1786–1856). СПб., 1912; Знаменский С. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905–1906 гг. и их значение. СПб., 1909; Мусин-Пушкин А. А. Среднеобразовательная школа в России и ее значение. Пг., 1915; Он же. Сборник статей по вопросам школьного образования на Западе и в России. СПб., 1912; Он же. Некоторые соображения по вопросу о задаче низшего, среднего, и высшего образования. СПб., 1914; Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России XVIII–XIX вв. Т. 1. СПб., 1912; Он же. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения 1802–1902. СПб., 1902; Чарнолуцкий В. И. К школьной реформе. М., 1908; Он же. Основные вопросы организации школы в России. СПб., 1909; Он же. Итоги общественной мысли в области образования. СПб., 1906; Чехов Н. В. Народное образование в России в 60-х гг. XIX в. М., 1912 и др.

2. Ганелин Ш. И. Очерки по истории средней школы России второй половины XIX в. М., 1954; Константинов Н. А. Очерки по истории средней школы. М., 1947; Константинов Н. А. Струминский В. Я. Очерки по истории начального образования. М., 1949; Смирнов В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х гг. XIX в. М., 1954 и др.

3. Памятная книжка Западно-сибирского учебного округа на 1890 г. Томск, 1890; Памятная книжка Западно-сибирского учебного округа на 1895 г. Томск, 1895; Памятная книжка Западно-сибирского учебного округа на 1900 г. Томск, 1900; Памятная книжка Западно-сибирского учебного округа на 1916 г. Томск, 1916.

О. Б. Феклина

РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАРОДОВ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Полиэтничность и поликонфессиональность изначально являлись характерной чертой культурно-исторического развития России, всех ее регионов на всех этапах исторического развития.

В России во второй половине XIX в. понятия «национальность» не было. В терминах того времени нерусские народы официально называли

«инородцами». С позиций XXI в. это представляется некорректным, так как носит оттенок некоторого пренебрежительного отношения, искажается библейская идея о том, что «Бог есть любовь» и любит всех людей одинаково. В документах использовалось понятие «распределение населения по племенам». Однако этот показатель не учитывался, официальные ведомости не составлялись, так как этого не требовалось в административной отчетности. Поэтому нельзя согласиться с точкой зрения современных исследователей о том, что «данные о национальном составе населения... были ...не всегда точны, неполны, иногда недостоверны» [1, с. 11]. Видный государственный деятель Уфимского края, секретарь Уфимского губернского статистического комитета (1864–1891 гг.) Н. А. Гурвич написал труд «Племенной состав населения Уфимской губернии и приближительная численность его в 1878 г.»

В Уфимской губернии многие села и приходы как административно-территориальные единицы в структуре русской православной церкви (РПЦ) имели этнически смешанное население. Взаимоотношения между народами носили различный характер, они определялись государственной политикой. Так как православие являлось государственной религией и поощрялось принятие православия, то крещеными были представители разных этносов. Народы, крестившиеся несколько десятков лет назад, назывались «старокрещеными».

Встречались факты стремления перейти из одной религии в другую. В 1882 г. старокрещенные жители разных деревень Бирского и Мензелинского уездов Малых Атов, Старой Шполинской, Узункуловой, Новых и Старых Мелькений, Новой Киргизовой, Средних Кашир, Иски Мунчи, Ятовой, Татат Мышь, Чебуклов и Аскариной, не желая оставаться в православии, ходатайствовали царю о дозволении им исповедовать учение магометанской веры. Причем крестьяне последних 6 деревень делали это вторично. 12 июня 1882 г. последовало Высочайшее Государя Императора повеление к просителям, что на основании остающегося в полной силе и действии закона «как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер запрещается отступать от нее и принимать другую веру.» Поэтому разрешения Его Величества на удовлетворение ходатайств не последовало. Уфимский губернатор отношениями от 9,14 и 22 февраля 1883 г. за № № 394,460 и 533 уведомил об этом Уфимское епархиальное начальство [2, с. 235–236].

Указом Святейшего Синода в селе Аты Мензелинского уезда Уфимской епархии был открыт приход среди нерусского населения. В приходе Покровской церкви с. Аты по духовным росписям за 1888 г. числилось 354 двора, в т.ч. в с. Аты – 186 дворов, в деревне Чувашской Уратьме – 58, в д. Малых Атах, или другое ее название Оскино, – 110. В д. Малые

Аты (Оскино) перешла из православия в ислам 71 семья, из них в 1882 г. около 30 семейств, в 1884 г. около 40. В последствии переход в ислам в этой деревне прекратился. Осталось в православной вере 39 семей. Епископ Уфимский и Мензелинский Преосвященнейший Дионисий (Хитров) писал: «Что терпят эти христиане от отпадших своих единоплеменников, нельзя высказать языком. Они подобны мученикам первых веков христианства. Эти отступники в свои дома священника с крестом и иконами не принимают». Местный священник Тихон Леонтьев, родом из татар, воспитанник знаменитого миссионера Н. И. Ильминского, «при всяком удобном случае увещевает их обратиться в недра Православной церкви, доказывая им ложность магометанской веры и их заблуждение, но кто послушает гласа его, когда муллы огнем и мечем грозят тому, кто подумает только об обращении в христианство...» [3, с. 100].

За неимением церкви в с. Аты священник для совершения служб ездил в села Сухарево и Пальчиково. А чаще всего он служил в местной Атынской школе. Значение школы было велико. Она была выстроена в октябре 1887 г. на попечительскую сумму 244 руб. 20 коп. и содержалась на средства Уфимского миссионерского комитета. Учащихся в школе насчитывалось 45 мальчиков и 11 девочек. Священник преподавал Закон Божий. По другим предметам занимался учитель, псаломщик Симеон Васильев. Молитвы и заповеди дети читали хорошо и по-славянски и по-татарски. В рапорте священник о школе писал: «Эта школа принесла большую пользу местному причту и прихожанам, потому что за неимением церкви, в ней часто служатся утренняя и часы, и после каждой службы говорится поучение; также и великим постом для говельщиков отправляется служба в школе, где может помещаться около 200 человек, а причаститься ходят в церковь. Если бы не была выстроена школа, то негде было бы учить прихожан православной вере, негде было бы родившихся окрестить» [4, с. 102].

Наличие храма было всегда важным воспитательным фактором, его сооружение зависело от наличия средств, желания населения и др. причин. Для того, чтобы в этом селе обеспечить лесом строительство церкви и домов притча епископ Дионисий обратился в Министерство Государственных Имуществ. Из этого леса усилиями Ивана Григорьевича Стахеева, Елабужского купца 1 гильдии, других благотворителей и Елабужского Благотворительного комитета была выстроена церковь. Постройка ее продолжалась около трех месяцев с 13 марта по 7 мая 1889 г., освящение произошло 1 февраля 1890 г. [5, с. 123].

Следующий факт этнокультурного взаимодействия – с. Бальчиклы Мензелинского уезда. История его заселения выглядит так. Здесь жили калмыки, потом приехали удмурты, марийцы, татары. Они, сменяя друг друга на этой территории, частично ассимилировались, некоторые семьи

уезжали, некоторые оставались на старом месте. Четыре народности образовали одно общество, которое в официальных терминах того времени называлось «старокрещенные из инородцев.» Приход насчитывал в 1889 г. 1424 человека православного вероисповедания, в т.ч. русских 350 человек, крещеных татар 600 человек, старокрещенных из калмыков, удмуртов и марийцев до 180 человек. Епископ Уфимский и Мензелинский Дионисий, регулярно совершая объезды своей епархии, в путевом дневнике, публиковавшемся в журнале «Уфимские епархиальные ведомости» писал, что из них «и образовалась в последствии настоящая разнородная племенная смесь, давшая из себя Бальчиклинский приход» [6, с. 96]. Деревянная церковь во имя Св. Первоверховных апостолов Петра и Павла была сооружена усилиями купца Ивана Григорьевича Стахеева, освящена в феврале 1888 г.

Принимая православие, разные народы усваивали русские нравы и обычаи. В процессе инкультурации народы сохраняли и свои особенности. В селе функционировало инородческое училище, единственное в приходе, учащихся по списку в нем было 35 мальчиков и 1 девочка, фактически училось меньше. Преподавателей было двое. Местный священник Виктор Василевский преподавал Закон Божий, он научил детей хорошо читать по-славянски, по-русски и по-татарски. Епископ отметил его успехи по школе и наградил набедренником. Все остальные предметы по программе начальных одноклассных народных училищ вел учитель из инородцев. Обучение проводилось на русском и татарском языках совместно. Посетивший 3 марта 1889 г. школу инспектор Оренбургского учебного округа В. В. Катаринский нашел постановку училищного дела в удовлетворительном состоянии. Он поощрил учителя выдачей ему денежного вознаграждения за труды в количестве 30 руб.

Таким образом, православие играло объединяющую роль во взаимодействии народов, осуществлявшемся в различных формах.

1. Нигматуллина И. В. Старая Уфа. Историко-краеведческий очерк. Уфа, 2007.

2. Уфимские епархиальные ведомости. 1883. № 8.

3. Уфимские епархиальные ведомости. 1890. № 3.

4. Там же.

5. Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерки. Уфа, 1899.

6. Уфимские епархиальные ведомости. 1890. № 3.

УЧАЩИЕСЯ СИБИРИ В ЮБИЛЕЙНЫХ ТОРЖЕСТВАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

В конце XIX – начале XX вв. в России заметно возросло количество официально отмечаемых юбилеев и памятных дат известных исторических событий. Серьезные проблемы, с которыми столкнулась власть в этот период, заставили ее искать новые формы воздействия на общественное сознание, а обращение к славным событиям исторического прошлого создавало иллюзию силы и могущества государства и возможности объединения всех слоев вокруг трона, утверждая тем самым заметно пошатнувшийся авторитет правящей династии. Пожалуй, центральная роль в проведении юбилейных торжеств отводилась православной церкви, чей авторитет в обществе также заметно ослаб, но, тем не менее, всячески поддерживался властями.

Сценарии проведения юбилеев разрабатывались на самом высоком уровне и представляли собой, как правило, стандартный набор действий: торжественное богослужение, «торжественный акт» с произнесением речей, концерт либо спектакль и пр. Основная задача проведения подобных мероприятий – сплочение общества, требовала привлечения к участию в юбилейных торжествах представителей всех слоев населения, в том числе и воспитанников учебных заведений, но отношение власти к этой категории было далеко не однозначным. С одной стороны, существенное ограничение учащейся молодежи в России начала XX в. в области гражданских прав и свобод должно было, по замыслу правительства, фактически исключить воспитанников учебных заведений из участия в общественном движении. Однако выведение молодежи из сферы легальной общественной деятельности зачастую приводило к тому, что общественная активность молодых людей проявлялась в иных, нелегальных формах, поэтому власти вынуждены были пойти на одобрение молодежной инициативы в деле участия в официально разрешенных мероприятиях, к числу которых относились, например, юбилейные торжества по поводу исторических событий (празднование юбилея Отечественной войны 1812 г., 300-летия Дома Романовых и др.) и чествования памяти выдающихся деятелей культуры.

Так, согласно циркуляру попечителя учебного округа в 1899 г. учащиеся Омска торжественно отметили 100-летний юбилей А. С. Пушкина. Ученики Омской мужской гимназии и других учебных заведений города в 1909 г. принимали участие в праздновании 200-летнего юбилея Полтавской битвы и 100-летия со дня рождения Н. В. Гоголя. В честь великого писателя в гимназии был устроен «торжественный акт», в программу которого входили литературно-музыкальные номера, подготовленные силами учеников [1, л. 4–5, 14–15].

По распоряжению Министерства народного просвещения все учебные заведения должны были принять участие в праздновании 19 февраля 1911 г. 50-летнего юбилея отмены крепостного права.

В 1912 г. так же циркуляром Министерства народного просвещения разрешалось привлекать учащихся к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны, поскольку это празднование по замыслу его организаторов должно было «оказать чрезвычайно благотворительное влияние на подрастающее поколение, способствуя укреплению и развитию в нем любви и преданности к Родине» [2, л. 8].

Большим событием для России стало празднование в 1913 г. 300-летия Дома Романовых. Учитывая особую значимость этой даты, циркуляр Министерства народного просвещения еще в декабре 1912 г. предписывал начальству учебных заведений «тщательно подготовить учащихся к настоящему 300-летию царствования дома Романовых», «развить и укрепить безграничную, способную на великие дела и подвиги любовь к своим Верховным Повелителям». Программа празднования включала присутствие учащихся и учителей на всенощном бдении и панихиде, затем на праздничном богослужении и молебствии, после чего для воспитанников всех средних учебных заведений города был устроен «торжественный акт» с исполнением кантат «Великий царь земли Российской» и «Славься, наш царь», декламацией стихов соответствующего содержания и пр. [3, л. 8, 48–50]. Для придания празднику большей торжественности разрешались даже объединенные торжества воспитанников различных учебных заведений. Например, в Омске 22 февраля в помещении Общественного собрания состоялся торжественный акт учащихся старших классов всех учебных заведений города [6, л. 21].

В то же время обеспокоенность властей вызывало стремление определенного числа воспитанников учебных заведений использовать юбилейные даты для достижения своих целей. В этой связи начальнику Омского губернского жандармского управления сообщалось из столицы: «Ввиду полученных сведений о предположении учеников некоторых средних учебных заведений послать на высочайшее имя коллективные телеграммы об освобождении их по случаю 300-летия дома Романовых... от экзаменов, прошу Вас выявить негласно не ожидаются ли подобные попытки во вверенном Вашему наблюдению районе» [6, л. 6]. Широко проводимые празднования устраивались по сценарию «сверху», поэтому предполагали только демонстрацию единения власти и народа, но ни в коем случае не обратное воздействие народа на власть.

Понимание того, что обществу отводится только роль благодарного исполнителя в поставленном кем-то спектакле, могло привести к отказу от участия в торжествах. Зачастую это было только поводом для демонстрации своего протеста, но сразу же вызывало жесткую реакцию вла-

сти. Так, ученики всех классов Омской центральной фельдшерской школы отказались от присланных акмолинским губернатором билетов в театр на торжественный спектакль по поводу празднования 300-летнего юбилея Дома Романовых, «мотивируя отказ тем, что исполняющий должность директора школы с воспитателями предоставил билеты лучшим по успехам и поведению ученикам». По этому поводу школу посетил сам губернатор, заявивший, что в случае нарушения школьных правил учениками он применит к ним самые строгие меры» [5, л. 43]. Однако беспорядки в учебном заведении продолжались.

В целом, следует отметить, что участие воспитанников учебных заведений в проведении официальных праздничных мероприятий вносило определенное разнообразие в ученическую жизнь и было одной из немногих возможностей участия молодых людей в общественной жизни страны. Но выбор властями для широкого празднования преимущественно юбилеев военных побед и правящей династии в сочетании с преобладанием в них церковной составляющей вряд ли мог способствовать формированию в подрастающем поколении искренних верноподданнических чувств.

-
1. ГАОО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 14.
 2. ГАОО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 43.
 3. ГАОО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 64.
 4. ГАОО. Ф. 43. Оп. 1 Д. 114.
 5. ГАОО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 12.
 6. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 81.

Д. В. Кузнецов

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ ИЗ ЧИСЛА РАНЕННЫХ НИЖНИХ ЧИНОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В сельскохозяйственном освоении Акмолинской области большое значение имело осуществление гидротехнических работ, которые являлись наиболее важными при образовании переселенческих и запасных участков. Гидротехнические работы явились одним из основных направлений в мероприятиях по созданию инфраструктуры сельскохозяйственного производства в исследуемом регионе. Значение этих работ возрастало по мере того, как все большее количество участков создавалось в трудных почвенных и климатических районах.

Анализ фактов показывает, что в годы Первой мировой войны объем требуемых гидротехнических работ в Акмолинской области увеличил-

ся, их характер усложнился в связи с исчерпанием пригодного для колонизации земельного фонда, но фактический размах и интенсивность в лучшем случае оставались на довоенном уровне.

Кроме того, гидротехнические организации постоянно испытывали недостаток денежных средств и кадрового обеспечения [1, с. 33–34]. Последняя проблема осложнялась тем, что в России тогда не было ни одного специального учебного заведения, которое готовило бы инженеров-гидротехников. Это заставляло Переселенческое управление привлекать к работам выпускников Горного института инженеров путей сообщения, не имевших специальной подготовки [2, с. 147].

Однако этих усилий по привлечению кадров специалистов для ведения гидромелиоративных работ и изысканий было недостаточно, тем более, что начавшаяся война значительно сократила состав партий и резко снизила приток свежих сил, способных умело вести сложные работы. По мере затягивания войны ситуация с обеспечением гидротехнических мероприятий необходимым для их выполнения персоналом все больше ухудшалась. В этих условиях ОЗУ решило организовать курсы для подготовки из числа раненных нижних чинов мастеров по устройству трубчатых колодцев и по сельскому водоснабжению.

Первоначально эти курсы предполагалось открыть в г. Кургане. Инициатором их создания явилась местная испытательная лаборатория по молочному хозяйству. Лаборатория проводила химические исследования поверхностных вод колодцев старожильческих селений, проверяя их воды на предмет жесткости, и давала соответствующие рекомендации ОЗУ о необходимости принятия «особо исключительных мер» для ее устранения. «Прежде чем прибегать к устройству артезианских колодцев, прежде чем приступить к сооружению дорогостоящих цеолитовых станций и прочее, важно и необходимо ознакомить заинтересованное население путем чисто наглядным – устроить здесь, в Кургане, через который идут сотни раненых обратно в деревню, короткосрочные курсы при наших курсах и легкую портативную, показательную выставку наиболее понятных для крестьян результатов деятельности ОЗУ» [3, л. 2].

В связи с этим заведующий лабораторией ходатайствовал перед отделом о командировке в г. Курган на курсы маслodelия опытного гидротехника для устройства практических курсов по бурению и колодезному делу для инвалидов и об открытии временной передвижной выставки результатов деятельности ОЗУ в Курганском уезде. При этом заведующий напомнил, что еще в бытность его инженером-гидротехником в Тобольской переселенческой организации «местные старожилы часто обращались с просьбами в Курганскую гидротехническую партию, произвести хотя бы за плату исследование на воду в их наделах для определения места закладки колодцев» [3, л. 3].

Охотно соглашаясь на организацию курсов в Кургане и изъявив желание оказать соответствующую материальную помощь, ОЗУ направил 20 сентября 1916 г. в Омск начальнику Рыбино-Каргалинской гидротехнической партии письмо, в котором просил его возглавить организацию курсов ввиду того, что район работ возглавляемой им партии близок расположен к г. Кургану, и начальник хорошо знаком с местными условиями [3, л. 5].

В ответ на это письмо начальник партии Волк направил в отдел доклад, в котором сообщал, что во исполнение означенного распоряжения отдела им уже закончена вся подготовительная работа к организации в Западной Сибири соответствующих курсов. Работа эта заключалась в выяснении степени необходимости и полезности курсов указанного типа для края, в выборе наиболее подходящего пункта для их открытия, в определении нормальных условий для успешной организации и деятельности курсов, в обсуждении и выработке для них программ и, наконец, в выяснении наивыгоднейшего пути и практических способов к немедленному осуществлению устройства и работы курсов при существующих в крае условиях. К участию в выполнении указанной подготовительной работы были привлечены местные гидротехнические организации, Омское среднее сельскохозяйственное училище и отчасти местный отдел МОСХ в лице его представителя [3, л. 17].

При этом Волк высказал мнение, что «немедленное устройство в Западной Сибири курсов для ежегодной подготовки из числа раненных нижних чинов определенного количества (около 30 человек) мастеров по устройству трубчатых колодцев и по сельскому водоснабжению весьма желательно и своевременно, так как гидротехнические работы указанных типов, уже прочно привившиеся в крае, в самом близком будущем получат весьма широкое распространение. Основаниями для такого вывода и утверждения служат: 1) недостаточность естественного водоснабжения в ишимской и, в особенности, в акмолинской степях, принимающая весьма острый характер вследствие резкого повышения плотности народонаселения за последнее десятилетие, и 2) уже начавшаяся ломка старых устоев западно-сибирского крестьянского хозяйства в сторону его капитализации и, следовательно, улучшения (мелиорации). Между тем, даже в мирное время производство работ по водоснабжению в Западной Сибири связано с большими затруднениями вследствие недостатка подготовленного низшего гидротехнического персонала, что нередко приводит к необходимости пополнять, а иногда и формировать кадры буровых мастеров и десятников рядовыми рабочими, получившими некоторую практическую подготовку. В настоящее же военное время недостаток в низшем техническом персонале обострился до крайности, и нет никаких оснований надеяться на его скорое устранение и после окончания войны, если заблаговременно не приняты с этой целью соответствующих предупредительных мер» [3, л. 17–18].

Вместе с тем, начальник партии не рекомендовал организовывать курсы в Кургане, так как в нем не было необходимых для этого условий. Наиболее подходящим пунктом для устройства курсов по мнению Волка является г. Омск [3, л. 19–20].

Этот доклад начальника Рыбино-Каргалинской гидротехнической партии Волка был отправлен в ОЗУ 21 февраля 1917 г. – в последние дни существования самодержавия. В дальнейшем работа ОЗУ по открытию курсов для подготовки мастеров по устройству трубчатых колодцев и сельскому водоснабжению из числа раненых воинов проходила уже при новом режиме. 20 марта 1917 г. ОЗУ направил Волку уведомление о том, что его ходатайство удовлетворено. Теперь по докладу Отдела, утвержденному товарищем министра земледелия, разрешено открыть такие курсы при Омском среднем сельскохозяйственном училище с ассигнованием на это дело 11 750 руб. Ввиду изложенного Отдел просил Волка оказать со своей стороны возможное содействие к привлечению слушателей на эти курсы и вообще, к развитию этого дела в дальнейшем [3, л. 37]. К этому же письму была приложена копия Временных правил для курсов [3, л. 38]. Однако их учреждение и открытие происходили уже при другом строе.

Таким образом, работа администрации по организации гидротехнических изысканий и строительства сооружений носила сложный, противоречивый характер. С одной стороны налицо было увеличение объемов гидротехнических работ, расширение сферы деятельности гидротехнических партий, увеличение, как количественное, так и качественное, персонала, что свидетельствовало о стремлении администрации к максимальному обеспечению территорий, предназначенных под колонизацию с дальнейшей их хозяйственной разработкой, необходимыми гидротехническими средствами. Однако кадровое обеспечение и уровень подготовки были недостаточны для ведения работ на таком огромном пространстве. Администрация принимала известные усилия в этом направлении. В г. Омске создавалась система кадрового обеспечения через учреждение соответствующих отделений и курсов в сельскохозяйственных училищах и учреждаемом сельскохозяйственном институте. Но в тот период этого было недостаточно, и гидротехнические работы далеко не всегда проводились профессионально и согласованно.

1. Складов Л. Ф. Создание колонизационного земельного фонда на свободных государственных и кабинетских землях Сибири 1907–1914 гг. Милиоративные и дорожные работы // Вопросы истории Сибири. Л., 1961.

2. Островский Н. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991.

3. Государственный архив Омской области. Ф. 313. Оп. 1. Д. 14.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКИХ КУПЦОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Сибирские купцы внесли значительный вклад в изучение и освоение Сибири. Однако на протяжении многих лет «родиноведческая деятельность» этого непролетарского сословия не находила должного освещения на страницах исторических исследований. Признавалась роль и значение деятельности отдельных наиболее ярких личностей, например, таких как А. М. Сибиряков, однако активная работа по исследованию естественных богатств Сибири, материальная поддержка научных (включая исторические) изысканий инновационного слоя этого сословия в целом оставалась в тени. Только на современном историографическом этапе публикуются работы отражающие вклад купцов в изучение Сибири.

В последнее десятилетие появляется все большее число исследований по истории купечества как социального слоя. Особо следует отметить многотомную «Краткую энциклопедию по истории купечества и коммерции Сибири» созданную большим коллективом авторов под руководством Д. Я. Резуна. В кратких биографических справках и статьях энциклопедии отражена не только торговая и промышленная деятельность этого сословия, но и приведены многочисленные факты инновационной и исследовательской деятельности сибирских купцов. Целью данного сообщения является на базе опубликованных данных определить основные направления исследовательской деятельности сибирских купцов во второй половине XIX – начале XX вв.

Первым и главным направлением этой деятельности, непосредственно связанным с социальной сущностью купечества, являлось изучение природных богатств Сибири и поиск «путей сообщения». В этом отношении сибирские купцы не только на ранних этапах истории освоения Сибири, но и в более поздние годы выступали очень часто в роли первопроходцев. Они не только финансировали многие научно-исследовательские экспедиции (всемирно известное плавание «Веги» отчасти совершалось на средства иркутского купца 1-й гильдии А. М. Сибирякова), но и зачастую сами принимали (или даже возглавляли) участие в подобных экспедициях. Одним из рядовых примеров в этом отношении могут служить экспедиции, организованные тобольским купцом А. А. Сыромятниковым. Первая состоялась в 1885 г. на Северный Урал для поисков медной руды на берегах р. Большая Харута. В этой экспедиции А. А. Сыромятникова приняли участие: кандидат естественных наук И. В. Гурский, участник экспедиции французского ученого-этнографа Шарля Рабо А. К. Баянус,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 08-01-12119в «История и культура городов Азиатской России в лицах: библиографическая и информационная база».

лесничий А. А. Андреев, штейгер Мухин и др. Летом 1892 г. А. А. Сыромятников снарядил и лично возглавил вторую экспедицию. Ход и результаты деятельности экспедиции были отражены в книге «Поездка на Северный Урал летом 1892 г.» изданной в Москве в 1895 г.

Многие из сибирских купцов, увлеченные исследовательской деятельностью и поиском наиболее удобных путей сообщения, теряли свои капиталы: настолько сильно была развита у них страсть к поиску нового. Красноярский купец В. Н. Латкин был увлечен идеей «отыскания ближайшего и легчайшего сообщения с Европой. Совершил несколько путешествий по Уралу и Западной Сибири в поисках кратчайшего пути из р. Печеры в Обь, добивался от правительства разрешения открыть морской путь на Печеру. В конечном счете обанкротился и умер разоренным.

Некоторые из купцов занимались настоящей научно-аналитической деятельностью, результаты которой были отражены в публикациях. Так, известный предприниматель А. М. Сибиряков подготовил и опубликовал целое монографическое исследование «О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами» (СПб., 1907). Тюменский купец Н. М. Чукмадин первым поставил вопрос о необходимости соединения Обского бассейна с Волжско-Камской железной дорогой (1869 г.), представил в Особое совещание при Департаменте торговли и мануфактуры развернутые соображения о значении для Сибири Северного морского пути.

Сибирские купцы внесли заметный вклад в изучение природы, флоры и фауны. Так, томский купец А. Е. Кухтерин финансировал экспедиции профессора С. И. Залесского по изучению целебных свойств сибирских озер. Представитель купеческой династии Родионовых, сын иркутского купца 1-й гильдии Семен Николаевич (1865 – позднее 1935 гг.) после окончания университета увлекся этнологией Иркутской губ. Он собрал богатейшую этнологическую коллекцию и организовал музей «единственный по богатству коллекций во всей Сибири и вряд ли имеющий соперников в отношении редкостных экземпляров всей России» в который приезжали работать ученые не только из Сибири, но и из Петербурга. Американцы предлагали ему за музей большие деньги, но он отказал. Позднее эти коллекции вошли в состав фондов областного музея.

Другим направлением исследовательской деятельности сибирского купечества было изучение археологии, этнографии и истории этого богатого края. Тарский купец Е. И. Малахов под влиянием одного из ссыльных настолько увлекся археологией, что стал вести раскопки и собирать древности не только в окрестностях Тары, но и Семипалатинска. Он создал частный археологический музей, составил археологическую карту и список исторических памятников Тарского округа. Е. И. Малахов в 1867 г. принимал участие на Всероссийской этнографической выставке и полу-

чил за свои экспонаты золотую медаль. Купец И. С. Москвин увлекся сибирской историей и, получив доступ к Якутскому архиву, написал несколько исторических работ. В их числе «Воеводы и начальники г. Якутска и их действия». Книга была опубликована посмертно.

Многие из купцов, если и не занимались краеведческими исследованиями, то финансировали издание краеведческой литературы и создание музеев. Среди них можно отметить томских купцов П. В. Михайлова и И. М. Некрасова, кяхтинского купца 1-й гильдии М. О. Осокина, красноярского купца 1-й гильдии Н. К. Переплетчикова, иркутского купца 2-й гильдии И. И. Попова и многих других. Среди них иногда попадались весьма яркие фигуры с запутанной судьбой. Так, по приговору Московского окружного суда в 1882 г. за мошенничество был сослан в Томск князь В. А. Долгоруков, который вскоре стал мариинским купцом 2-й гильдии и развернул широкую издательскую деятельность. С 1895 по 1902 г. он издавал известный «Путеводитель по всей Сибири и Срене-Азиатским владениям России», а с 1899 г. журнал «Дорожник по Сибири и Азиатской России».

Научные коллекции многих сибирских музеев и фонды многих библиотек пополнялись стараниями некоторых представителей купечества. Так, Тюменский областной краеведческий музей обязан многими своими экспонатами купцу 1-й гильдии Н. М. Чукмалдину. Кроме всех прочих, он пожертвовал музею большую археологическую коллекцию. Н. М. Чукмалдин собирал коллекцию старопечатных книг и старинных икон часть, из которых также была пожертвована музею.

Многие из сибирских купцов принимали участие в той или иной степени в деятельности научных и просветительных обществ. Г. А. Сычев являлся одним из учредителей бийского отдела Общества изучения Сибири. Омская купчиха М. А. Шанина была причастна ко многим научным и благотворительным обществам, она пожертвовала значительные суммы на ремонт здания музея ЗСОИРГО в Омске. Д. В. Иванов, являясь членом Омского отдела Московского общества сельского хозяйства был одним из деятельных организаторов Первой Западно-Сибирской выставки. Кроме него членами Омского отдела Московского общества сельского хозяйства были купцы и предприниматели И. Ф. Лобачев, Н. Н. Машинский, О. Г. Нольте, С. В. Хабер и др.

Можно говорить не только о прямой, но и косвенной поддержке сибирскими купцами краеведческих исследований. Деньги, вложенные ими в систему образования, позволили встать на путь научной деятельности многим сибирякам. Так, самаровские и окрестные купцы собрали по подписке 3 тыс. руб. с тем, чтобы на проценты от этой суммы образовать стипендию и послать в Тобольскую гимназию мальчика из Самарово или из окрестных деревень. Эту стипендию получил Х. М. Лопарев. Его на-

учные труды по истории Сибири стали широко известны не только в России, но и за рубежом. Х. М. Лопарев подготовил и издал в 1896 г. классическое исследование – «Самарово, село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом».

Сибирские предприниматели А. М. Сибиряков и Л. П. Кузнецов выделяли значительные средства с целью учреждения премий за лучшие труды по истории Сибири. Лауреатами этих двух премий стали работы П. М. Головачева, Д. Н. Беликова, В. А. Ватина-Быстрянского, М. И. Боголепова, М. Н. Соболева, которые до настоящего времени привлекают внимание профессиональных исследователей.

О. А. Милиценко

ОТ МОЛОЧНОЙ ШКОЛЫ К СЕЛЬХОЗИНСТИТУТУ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ОМГАУ

Последние годы XIX в. – начало XX в. ознаменовались для сельского хозяйства Омского Прииртышья несколькими весьма замечательными событиями: организацией Омского отдела императорского Московского общества сельского хозяйства (1899/1900), заведением датским предпринимателем Сереном Христиановичем Рандрупом механического плугостроительного завода (1902–1903 гг.), открытием Омской опытной молочной лаборатории Карла Карловича Зирина (1902 гг.) и учреждением Омской низшей школы молочного хозяйства Главного управления земледелия и землеустройства (ГУЗ и З) (1903–1904 гг.). Наряду с уже существовавшим с 1860-х гг. Омским опытным полем (с 1898 именовалось «Гражданское опытное поле», в связи с перемещением этого заведения на несколько верст вниз по Иртышу из-за постройки Транссиба) совокупность всех этих новых учреждений и заведений составило ту базу, на основе которой к 1918 г. развивались «корни» Омской сельскохозяйственной науки в современном ее понимании. Следует также обратить внимание на то, что непосредственное влияние на этот процесс оказали Главноуправляющий государственными имуществами по Акмолинской и Семипалатинской областям Степного края действительный статский советник Василий Васильевич Барышевцев (1855–1936) и заведующий опытным полем, помощник главноуправляющего Лев Александрович Сладков (ум. в 1923 г.). Последний еще известен тем, что первым проводил опыты на Омском опытном поле со стелющимися плодовыми культурами. Однако эти деятели были «забыты» в краеведческой литературе до недавнего времени (1994 г.). В. В. Барышевцев был к тому же известным сибирским лесоводом и преподавателем в Омском институте сельского хозяйства и лесоводства.

«Научность» молочной школы, подчеркнем это особо, придавала переведенная на ее ферму в 1904 г. молочная лаборатория ГУЗ и З. Это экспериментальное и контролирующее учреждение было одним из связующих звеньев крепнущей сельскохозяйственной науки с зарубежными научными центрами (в Германии, Англии, Дании, Нидерландах). На базе молочной школы при содействии лаборатории и чинов Опытного поля проводились мероприятия способствующие развитию не только молочного дела и маслоделия, но и скотоводства, акклиматизации кормовых культур, ветеринарии, полеводства. Здесь практиковали и старший специалист по животноводству Акмолинской области Станислав Петрович Окуневич, и специалист-конструктор по молочному хозяйству, сотрудник Курганской молочной школы, выпускник Вологодской молочной школы (позже – училища) Сергей Михайлович Косарев, областной правительственный агроном Андрей Андреевич Митаревский [1].

В 1915 г. «ученый агроном» Сибирского казачьего войска Николай Григорьевич Овчинников писал о маслоделии у казаков в 1898–1906 гг. следующее: «Войсковое начальство оценивало по достоинству нарождающееся дело и правильно полагало, что «для процветания такой отрасли хозяйства, более чем в других случаях необходимо еще значение, именно в правильной постановке маслоделия весьма важно искусство мастера, теоретически и практически обученного правильным приемам маслоделия». На мастеров маслоделов в войске всегда существовал громадный спрос. Отсюда создана необходимость в открытии школ молочного хозяйства. А пока таких школ не было, пока на службе войска не состояло специалистов, помощь казакам ограничилась рассылкой из управлений атаманов отделов приказов и наставлений» [2]. Учитывая тот факт, что на момент открытия школы в Омском уезде преобладало казачье население, мы можем предположить, что казаки были одними из ходатаев по открытию молочной школы в 1903 г. Устав и штатное расписание задним числом были утверждены в С. - Петербурге в 1904 г. вместе с Беловской низшей школой молочного хозяйства в Тобольской губернии [3]). Об Омской низшей школе молочного хозяйства сохранилось небольшое количество сведений. В основном это данные отчетов в Государственную думу, материалы «Памятной книжки Акмолинской области и адрес- календаря за 1913 г.» [4].

Омская низшая школа молочного хозяйства была учреждена в 1903 г. на казенном участке, выделенном городском управой с ведома городского головы Н. П. Остапенко и губернатора Акмолинской области генерал-лейтенанта М. Я. Романова на правом берегу Иртыша в трех верстах от города в районе Загородной Рощи. Это буквально тот микрорайон, где ныне располагаются жилые дома вдоль улиц Кулибина и Астрономической. Более того, на месте бывшего маслозавода молочной школы в 1926 г. было построено при участии известного профессора С. М. Кочергина (1873–

1929) здание нового, механизированного предприятия, сохранившееся до сих пор на территории нынешнего филиала ВНИИМИ (бывшая фабрика мороженого). Последние здания были снесены в начале 2000-х гг. (детский сад и ясли). Управляющим молочной школы был назначен «неклассный чиновник» Петр Павлович Преображенский, член Омского отдела МОСХ, а также активный участник съездов, как по молочному хозяйству, так и в целом по сельскому хозяйству с 1909 по 1916 гг. На территории владений школы располагались опытное поле, лесной питомник, лесная школа с парком при ней. Школа располагала отдельными квартирами для преподавателей, мельницей, молочной фермой, скотным двором, учебным маслодельным заводом, свинарником, конюшней, хлебом для племенного скота, общежитием для учеников, кухней, кузней и другими подсобными помещениями.

В школу поступали мальчики не моложе 14 лет после окончания курса в двухклассном сельском училище. Классные занятия проводились в зимнее полугодие, а лето посвящалось практическим занятиям. По окончании курса ученики до получения аттестата должны были пробыть еще один год на практике в другом хозяйстве. Кроме общеобразовательных предметов, в школе преподавали «основания естественных наук и краткий курс сельскохозяйственных предметов», курс ветеринарии и предупреждения распространения заразных болезней через молочные продукты.

О значимости для Сибирского края Омской молочной школы говорит, например, и тот факт, что в июле 1911 г. она была представлена на стендах Молочного павильона Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной торгово-промышленной и лесной выставки. В экспозицию вошла и продукция учебного маслозавода – масло сортов «экспортное» и «парижское». Позже, при С. М. Кочергине – официальном подрядчике поставок масла для русской армии – на заводе производилось также и сливочное масло марки «Белый лебедь». (Сорт этот разработал сам Кочергин).

Следует отметить, что, несмотря на скудность сведений о школе, сохранились данные и о том, что ряд преподавателей ее либерального направления занимались в 1905–1909 гг. распространением агитационной литературы социал-демократического содержания, а управляющий школой был связан с Омским жандармским управлением, чего не скрывал и уже, будучи инспектором открытого позже среднего сельскохозяйственного училища. Вероятно, что по этой же причине Преображенский, получивший в училище классный чин надвornого советника, сразу же исчез вместе со своей семьей из города после событий февраля-марта 1917 г.

Поводом для недовольства омской общественности молочной школой послужила нехватка преподавателей и неустойчивость учебного плана заведения. Уже в 1908 г. от гласных Городской думы и омских предпринимателей и учителей пошли предложения в Городскую управу о преобразовании школы в среднее сельскохозяйственное училище.

В материалах фонда Омской городской управы (ГАОО. Ф. 172) есть дело «О преобразовании Омской молочной школы в среднее сельскохозяйственное училище». Это преобразование датируется 1910–1913 гг. И как следует из документов, взамен школы решено было учредить среднее сельскохозяйственное училище из двух отделений. А школу молочного хозяйства как «заведение, очень полезное для Степного края», намеревались перевести в Тюкалинский или Тарский уезды тогда еще Тобольской губернии. Однако жизнь распорядилась иначе. В 1913–1914 гг. молочная школа была переведена в Кокчетав (Урочище Сандыкты). Здесь под руководством бывшего преподавателя, а теперь – заведующего школой Лебедева школа просуществовала до осени 1918 г. и прекратила существование из-за не достатка средств на ее содержание у Временного Сибирского правительства. Но свою роль в Омском Прииртышье молочная школа выполнила: она положила начало развитию специального сельскохозяйственного образования. Имущество и фермы школы уже в 1913 г. были переданы ОССХУ, а в 1920 г. Сибирской сельскохозяйственной академии (Сибака), которая, не единожды переменяв название, теперь носит имя Омского государственного аграрного университета.

1. Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1913 г.: Справочник / Под ред. В. Н. Штейна (и др.) / Главное Управление землеустройства и землепользования Департамента земледелия. СПб., 1913. С. 388–389.

2. Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1914 г.: Справочник / Сост. Н. А. Александровский (и др.) / Главное Управление землеустройства и землепользования Департамента земледелия. Петроград, 1914. С. 487–488.

3. Очерки хозяйства казаков Сибирского войска / Сост. Н. Г. Овчинников/ Акмолинское областное правление. Омск, 1915. С. 38–39.

4. Памятная книжка. Адрес-календарь Акмолинской области за 1913 г. / Сост. В. С. Недашковский / Акмолинский областной статистический комитет. Омск, 1914.

А. Г. Быкова

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Важнейшей характеристикой любой алкогольной системы, индикатором степени и масштабов развития пьянства и алкоголизма в стране являются особенности распределения общего объема потребляемого алкоголя среди населения, т. е. выявление численности и состава пьющих, не-

пьющих и пьющих умеренно, распределение потребляемого алкоголя по различным возрастным группам и т. п. Вплоть до начала XX в. в стране не проводились социологические исследования, направленные на выявление этих характеристик.

По данным Министерства финансов с 1863 по 1910 г. общее потребление алкогольной продукции составило 90 миллионов ведер водки в 40°, в то время как душевое потребление вина сократилось с 1,23 до 0,56 ведер водки в 40°.

Первый год действия акцизной системы был ознаменован резким падением уровня общего потребления вина на 34 %. Официальная статистика свидетельствовала, что во второй половине XIX в. в России наблюдалось сокращение среднедушевого потребления водки: с 1863 по 1893 гг. оно упало на 35 % . Однако с 1894 г. этот показатель медленно пополз вверх и к 1900 г. увеличился на 6 %. С 1901 г., когда на большей части территории Империи была введена казенная винная монополия, уровень среднедушевого потребления как водки, так и всех спиртных напитков в целом, медленно, но уверенно стал расти: с 1900 г. по 1910 г. он вырос еще на 7 %. В 1913 г. потребление водки на душу населения в среднем по России составило 0,3 ведра.

С. А. Первушин, анализируя уровень потребления алкогольных напитков разными категориями населения, пришел к следующим выводам: 1) Потребление спиртных напитков в больших городах в 4–4,5 раза больше крестьянского потребления; 2) потребление спиртных напитков в рабочих кварталах города в 3–4 раза больше потребления в кварталах состоятельных классов; 3) городские рабочие кварталы – очаги нашего пьянства.

Объясняя различия в потреблении крепких напитков в городе и деревне В. К. Дмитриев писал о том, что «в городских условиях жизни водка перестает быть для потребителя редкостью и переходит в число обычных, ежедневных продуктов потребления, а для многих становится даже более необходимым продуктом потребления, чем хлеб». В литературе середины XIX в. широкое распространение пьянства среди крестьян обычно объяснялось тяжелым крестьянским трудом, территориальной замкнутостью сел. Интересны рассуждения по этому поводу сенатора Московских департаментов С. П. Шипова. Он считал, что основной причиной распространения пьянства среди крестьян являлось отсутствие путей сообщения, из-за чего основной продукт крестьянского труда – хлеб – не находил необходимого сбыта. Оставался единственный экономически выгодный путь использования излишков сельскохозяйственной продукции – изготовление спиртных напитков. Этим широко промышляли помещики, сбывая потом спиртные напитки в сельской местности.

Тяжелые условия жизни простого народа, побуждавшие к увеличению потребления спиртных напитков в конце XIX – начале XX вв., при-

вели к расширению продаж, а, соответственно, и к увеличению дохода от торговли спиртными напитками, особенно среди рабочих.

24 октября 1898 г. доктор медицинских наук, редактор журнала «Вестник Трезвости» Н. И. Григорьев выступая перед членами Комиссии «По вопросу об алкоголизме» с докладом «О пьянстве среди мастеровых в г. С. -Петербурге» отмечал, что «Петербургские мастеровые пьют довольно своеобразно. Имеются, например, субъекты, которые, не выпив... водки утром, за чаем, – не примутся за работу... Нам нередко попадались люди, которым в день выпить 1–2 бутылки водки нипочем, – и они даже за трезвых и степенных людей слывут!»

Картина потребления спиртных напитков, нарисованная для петербургских рабочих Н. И. Григорьевым, характерна, и для других городов. Неудивительно, что в конце XIX – начале XX в. во многих городах достаточно частым явлением стали кордоны женщин и детей у проходных предприятий в дни зарплаты. Нередко женщин устраивали стихийные митинги протеста против непрекращающегося пьянства их мужей.

На потребление спиртного рабочими влияют и такие факторы, как высокая продолжительность рабочего дня, а в «горячее» время и того больше; «дурное и недостаточное» питание; антисанитария квартирных помещений, связанная с недостатком света, воздуха, тепла, сухости, чистоты и скученность. Все эти факторы, сопровождающиеся чувством разбитости, расслабленности, недомогания, подавленным и мрачным настроением духа, недовольством, раздражительностью, неохотой и даже отвращением к работе, порождают более или менее напряженное влечение к искусственному возбудителю – алкоголю, доставляющему минуты временного «забытья».

В 1909 г. было проведено социологическое исследование о распространении пьянства среди рабочих Петербурга. Опросный бланк включал 27 вопросов, направленных на выяснение связи алкоголизма с общими условиями труда и жизни рабочих, а также о средствах и методах борьбы с алкоголизмом. Выборочное анкетирование показало, что абсолютное большинство респондентов начало употреблять спиртные напитки еще в несовершеннолетнем возрасте. 6 % респондентов начали употреблять спиртные напитки – преимущественно водку, с десятилетнего возраста, 73 % – возрасте от 11 до 21 года и только 8 % – после достижения совершеннолетия. В ходе анкетирования стало ясно, что пьянство поражало, главным образом, те слои рабочих, труд и жизнь которых были наиболее тяжелыми. Опросы подтвердили, что пьянство и алкоголизм всегда прогрессировали при увеличении рабочего дня, а также ухудшении условий труда, быта, питания.

Важным социальным феноменом являлось то, что рабочие в своей основной массе отрицательно относились к употреблению спиртного, по-

стоянно пытались бороться с пьянством собственными усилиями, но, в конечном счете, ощутимых результатов не добивались. Каждый третий опрошенный высказывался за полное прекращение в стране изготовления любых спиртных напитков.

Опросный бланк анкеты содержал и такой вопрос: «Не бросали ли вы на время пить?». Из ответивших 1443 пьющих рабочих, 41 % пытался прекратить употребление спиртного, но, в конечном счете, не сумел этого сделать. Данные опроса наглядно показали, что пьющие рабочие постоянно и упорно вели борьбу с пьянством, безуспешно надеясь собственными силами справиться с этим пороком. Среди форм такой индивидуальной борьбы на первом месте стоял известный с давних времен «зарок». Пьющие, а особенно много пьющие, наиболее страдавшие от этой пагубной страсти, чтобы отвыкнуть от спиртного давали себе слово («зарок») не употреблять алкоголь в течение более или менее продолжительного периода времени. Однако обстоятельства, в огромном большинстве случаев, оказывались сильнее человека: рабочий или нарушал «зарок» или срок «зарока» он выдерживал, но затем вновь начинал пить. В качестве средства отвлекающего от пьянства – 24 % отметили участие в работе обществ трезвости. На вопрос: «Какие меры, по вашему мнению, могут уничтожить или уменьшить употребление спиртных напитков?», ответили 1750 пьющих и 160 непьющих рабочих. Наибольшее число ответов признавало главной мерой борьбы с алкоголизмом просвещение во всех его видах. В то же время во многих ответах прямо указывалось, что пьянство как продукт всей суммы общественных отношений не может исчезнуть, если эти отношения не изменятся.

Общественную тревогу вызвали масштабы распространенности употребления спиртных напитков среди рабочих. Оказалось, что почти половина опрошенных рабочих систематически употребляли и водку и пиво (47 %); пили только водку – 16 %; только пиво – 10 %; пили и водку, и вино, и пиво – 27 %, а 3 % опрошенных указали в качестве напитков – денатурат, лак и политуру.

В отличие от города потребление крепких напитков среди крестьянского населения носило бытовой, почти обрядовый характер. «Деревенское потребление определяется, главным образом, обрядовыми мотивами, установившимися общественными обычаями, а не развитой личной склонностью к алкоголю, как это имеет место в городах», – писал Д. Н. Воронов, проведший опрос в Пензенской губернии. Этот вывод доказывается ничтожным числом среди крестьянского населения как регулярных потребителей, для которых вино является обычным спутником пищи, так и алкоголиков, привычных и запойных.

В конце XIX – начале XX вв. медицинские работники неоднократно проводили социологические опросы среди различных групп населения

с целью выявления характера и форм потребления алкогольных напитков. Так, в 1898 г. профессора Казанского университета провели социологический опрос среди учеников Казанского земского училища, в результате которого выяснилось, что 67,2 % учащихся уже были знакомы с алкогольными напитками, а 50 % были уже пьяными, и только 32,8 % никогда не пили спиртного. Обследование показало, что дети начинают употреблять алкогольные напитки с раннего возраста – 7–9 лет. Аналогичные результаты были получены в результате обследования народных училищ Московской губернии в 1909 г. В 7–8 лет 61,2 % мальчиков и 40,9 % девочек уже испытали состояния алкогольного опьянения.

Проблемой в российском обществе было распространение алкоголизма среди духовенства. Высокопоставленные церковные чины защищали «умеренное» пьянство. Протоирей Н. И. Горчаков в 1899 г. говорил: «Правда, я не отказываюсь пить, но не до опьянения, а так, чтобы только весело было, и это полезно, даже в высшей степени, это укрепляет».

Не отставало от «высшего» духовенства и «рядовое». Поповское пьянство становилось привычным компонентом повседневной жизни. Известная картина В. Г. Перова «Сельский крестный ход на Пасху» (1861 г.) наглядно показывает эту оборотную сторону деревенского благочестия. «Трезвая жизнь» в 1910 г. отмечала, что во многих губерниях, строго соблюдали оригинальный обычай. «Всегда, когда в дом вступал священник, крестьянин, получив благословение, садит дорогого гостя в передний угол и предлагает выпить стаканчик для праздничка. Уж для кого, а для батюшки всегда найдется рюмочка. В праздник, всякий проходящий мимо дома священника, обязательно зайдет к нему с определенной целью – выпить. В некоторых домах подносит сам батюшка..., в других эта роль принадлежит матушке. По этому стаканчику крестьяне определяют радушие своего батюшки».

Пьянство было распространено и среди солдат. Для предотвращения массового потребления алкоголя военными издавались различные постановления. Степной Генерал-губернатор в постановлении от 7 января 1906 г. запрещал продажу нижним воинским чинам спиртных напитков без представления ими надлежащих разрешительных удостоверений от начальства. Приказ Омского полицмейстера от 19 октября 1908 г., в частности, гласил: «... пьяные нижние (воинские) чины должны быть задерживаемы до вытрезвления в каталажных камерах». Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей неоднократно предписывало продавцам в казенных лавках закрывать последние тотчас по объявлении о призыве на службу нижних чинов запаса до закрытия сборного пункта.

Употребление алкогольных напитков в войсках поддерживалось благодаря «казенным винным порциям», которые выдавались строевым солдатам три раза в неделю (по 0,16 л.), нестроевым – два раза. Выдавалась

чарка на параде в торжественной обстановке, выпивалась залпом, натошак и без закуски. Эта торжественность винопития, санкционированная примером начальника, исключала возможность появления мысли о негативном отношении к спиртному: если начальство выдает по праздникам водку, значит водка не зло, и пить ее можно не только по праздникам и не только по чарке. Винная чарка была не единственным источником пьянства в армии. В полковых буфетах и лавках разрешалась свободная продажа водки. Полк из 2500 человек тратил в среднем ежегодно на спиртные напитки в своей лавочке около 20 500 руб. (в среднем по 8,2 руб. на человека). Пьянство в среде военных набирало всё большие обороты и правительство, заинтересованное в боеспособной армии в декабре 1908 г. приказом по военному ведомству отменило выдачу чарки, запретило продажу водки и крепких спиртных напитков в солдатских лавках и буфетах.

Вероятно, этот приказ мало кто исполнял, поскольку приказом по военному ведомству от 22 мая 1914 г. вновь было объявлено Высочайшее повеление о принятии к неуклонному исполнению мер против потребления спиртных напитков в армии. В числе принятых мер такие как: запрещение открытых буфетов с выставкой вин и закусок, разрешение продавать спиртное только во время обедов, ужинов и завтраков в точно установленные начальниками часы, нижним чинам было воспрещено употреблять спиртные напитки на действительной службе, и т. д.

Уровень душевого потребления алкогольных напитков в конце XIX – начале XX в. имел четко выраженные социальные различия. Потребление водки было тесно связано и обусловлено народными привычками, традициями, религиозными верованиями, характером и бытом русского крестьянина. Духовенство, находясь в постоянном контакте с крестьянством, начинало перенимать традиции и обрядовые стороны потребления алкоголя. Высокий уровень потребления спиртных напитков среди рабочих объясняется тяжелыми социально-бытовыми условиями проживания и труда. Потребление алкоголя начиналось в юношеском возрасте и было широко распространено среди взрослого населения и юношества.

А. Ф. Букин

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В МЕСТАХ ВОДВОРЕНИЯ (на примере Тобольского уезда, 1906 года)

Общепризнано, что историю Сибири XIX – начала XX вв. нельзя представить без истории политической ссылки за Урал, поскольку она стала органической частью её жизни. С конца 1905 г. начался новый этап в истории сибирской политической ссылки. Одним из следствий подъема революционного движения летом-осенью 1905 г. стал Манифест 21 октября

об амнистии политическим ссыльным. Однако, уже с конца 1905 г. самодержавие вновь принялось ссылать революционеров, причем в еще большем масштабе, чем до Манифеста. Так, в период с ноября 1905 г. по 2 декабря 1906 г. по решениям Особого совещания МВД только в административном порядке в Тобольскую губернию было выслано 1128 человек [1, с. 39–40]. По числу водворенных ссыльных Тобольский уезд занимал первое место среди других местностей губернии. В июне 1906 г. здесь было учтено 428 человек, на 1 января 1907 г. – 284 человека. Для сравнения укажем, что в Туринском уезде в июне 1907 г. значилось 93 человека, в Ялуторовском уезде – 74 человека (к январю 1907 г.), Берёзовском уезде – 58 человек (май 1906 г.) [2, с. 105]. Лишь Тарский уезд по этому показателю приближался к Тобольскому: здесь было водворено к началу 1907 г. 303 политических ссыльно-поселенца [3].

Политическая ссылка в России с конца 1905 г. приобрела массовый характер. Тысячи вновь водворенных ссыльных столкнулись в местах поселения с ряд проблем: материальных, правовых, взаимоотношений между различными слоями ссылки и т. п. Съезды политических ссыльных как способ коллективного решения острых проблем их жизни проводились во многих местностях России, в том числе и в Сибири. Однако до сих пор историография съездов политических ссыльных Тобольской губернии остается весьма скудной. Используя их материалы о жизни тобольской ссылки писал И. М. Майский-Ляховецкий [4, с. 75–81]. Перечень вопросов, обсуждавшихся на них в 1906–1908 гг. сообщил П. В. Васильев-Северянин [5, с. 307–312]. В исследованиях М. Ф. Богдановой, В. М. Самосудова, Э. Ш. Хазиахметова лишь упоминается о них.

Первый съезд политических ссыльных Тобольского уезда открылся 25 июня 1906 г. 31 делегат подписал телеграмму в Государственную Думу с протестом против невозможных для физического выживания условий ссылки. На съезде были подведены итоги анкетного опроса 284 ссыльных уезда из 26 колоний. 95 % ссыльных принадлежали к непривилегированным сословиям. Среди них рабочие составляли 41 %, земледельцы – 25 %. Социал-демократами назвались 32 % ссыльных, эсерами – 24 %, беспартийных было более 27 %. Нуждающиеся составили 58 %, причем у 29 % опрошенных не было ни копейки денег. Был решен вопрос об организации побегов [2, с. 106–107]. О втором съезде сведений почти нет. Известно лишь, что имелись его протоколы [7].

Третий съезд работал 1–5 сентября 1906 г. в с. Демьянском Тобольского уезда [8]. Судя по материалам съезда, на нем присутствовал 21 делегат от 24 колоний, представлявших 199 ссыльных. Сохранившиеся протоколы отражают вопросы, обсуждаемые на съезде: организации библиотек и учебы в местах водворения, оказания медицинской помощи политическим ссыльным, взаимоотношений интеллигентной части ссылки и

неинтеллигентного слоя, о расселении политических ссыльных к предстоящей зиме, потребительской лавке, а также был разработан и утвержден Устав организации политических ссыльных севера Тобольской губернии.

В соответствии с принятым Уставом, организация политических ссыльных Тобольского уезда представляла собой федерацию колоний с центром в с. Демьянском. Самостоятельной колонией политических ссыльных считалось поселение, в котором были водворены не менее 5 революционеров. Каждая колония управлялась товарищеским собранием, которое выбирало старосту из числа поселенцев. Колонии считались автономными образованиями. Все колонии были распределены по 6 районам: 1) Новосельский – от Слимкино до Алымского, 2) Кошелевский – от Увата до Першина, 3) Демьяновский – от Юровского до Чёрного Яра, 4) Субботинский – от Субботино до Филинского, 5) Батовский – от Цингалинских Юрт до Батова, 6) Самаровский – от Репаловского до Самаровского. Каждый район выбирал из среды товарищей, живущих в нем, районного уполномоченного и его заместителя. Уполномоченные, кассир и секретарь организации, избранные съездом, один раз в полтора месяца собирались в с. Демьянском для распределения денежных средств между районами, решения общих для всей ссылки вопросов.

Высшим органом федерации являлся съезд делегатов ссылки, выбираемых каждой колонией по 1–3 человека в зависимости от численности поселенцев. Съездом были определены принципы организации товарищеской кассы, избраны ревизионная и конспиративные комиссии.

1. Нарымская ссылка (1906–1917 гг.): Сборник документов и материалов о ссыльных большевиках. Томск, 1970.

2. Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылки // Каторга и ссылка. 1929. № 12; ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 20. Д. 275. Л. 17–36, 85–88, 225; Оп. 21. Д. 21. Л. 5–6, 117, 231.

3. ТФ ГАТО. Ф. 331. Оп. 13. Д. 319. Л. 166–178.

4. Майский В. Характеристика современной политической ссылки в Тобольской губ. // Сибирские вопросы. 1907. № 38–39.

5. Васильев-Северянин П. Сибирская политическая ссылка в годы реакции (Тобольская ссылка в 1906–1911 гг.) // Суд идёт! Л., 1927. № 6. С. 307–312.

6. Богданова М. Ф. Ссыльные большевики и их влияние на общественно-политическую и культурную жизнь Западной Сибири (1906–1914 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1972; Самосудов В. М. Революционное движение в Западной Сибири (1907–1914 гг.). Омск, 1970; Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг.: облик, организации, революционные связи. Томск, 1978.

7. ТФ ГАТО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 265. Л. 9.

8. ТФ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1037. Л. 69–73.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ СИБИРСКОЙ КООПЕРАЦИИ В МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (февраль – октябрь 1917 года)

События Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. привели к ликвидации абсолютизма в России, что открывало перед кооперативным движением самые широкие демократические перспективы. Значительная активизация политических процессов в межреволюционный период постепенно заставляла кооперативное движение втягиваться в политическую борьбу, а следовательно, возникала реальность перерастания этой преимущественно экономической организации ещё и в политическую. Взяв на себя выполнение политических функций, кооперация поставила себя в один ряд с ведущими политическими партиями, что неизбежно подталкивало кооперативное движение к политической борьбе, от которой кооперация постоянно пыталась дистанцироваться.

Процесс вовлечения сибирской кооперации в политическую борьбу был сложным и неоднозначным. Сибирские кооператоры, поддерживая результаты Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., так же как и их коллеги из европейской части России включались максимально активно в политическую жизнь. Представители кооперативного движения сибирского края на своих губернских и областных съездах вырабатывали свою принципиальную общественно-политическую позицию в отношении насущных политических проблем (слепыми исполнителями воли центра они небыли). Например, по вопросам необходимости революционных преобразований, введения в стране республиканского устройства, войны и мира, отношения к правительству и политическим партиям, формирования органов местной власти и т. д. Собственную политическую позицию сибирские кооператоры отстаивали на Всероссийских кооперативных съездах (март, сентябрь, октябрь 1917 г.) не только поддерживая Временное правительство, но и выступая с готовностью оказания практической помощи действующим Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Настаивая в своих выступлениях, прежде всего, на скорейшем созыве Учредительного собрания. Достаточно часто при вынесении резолюции по той или иной общественно-политической проблеме мнения местных сибирских кооперативных организаций могли расходиться друг с другом. Высказывались порой полярные политические суждения между кооперативным руководством и массой рядовых членов.

В начале марта 1917 г. сибирские кооператоры самостоятельно приступают к организации местных органов власти. Так, во многих сибирских сёлах кооперативные объединения организовывали волостные и уездные крестьянские комитеты, как органы власти, избираемые всеми сельскими жителями. Во главе органов самоуправления часто становились

представители кооперации, что говорило о доверии населения к ней. Эти комитеты должны были осуществлять контроль за действиями всех представителей власти. Например, на съезде Минусинского потребительского и кредитного кооперативных союзов было вынесено постановление об оказании «полного содействия в организации этих Комитетов и в выработке плана их действия» [1, л. 3]. На собрании уполномоченных Алтайского союза кооперативов (12–13 марта 1917 г.) было предложено всем кооперативным организациям края принять участие «в руководстве по созданию сельских и волостных комитетов ...защищающих интересы трудящихся» [2, л. 8]. В этом же месяце на территории Западной Сибири и Урала был создан Временный Сибирский краевой продовольственный комитет, в который вошли: Акмолинский, Алтайский, Енисейский, Оренбургский, Семипалатинский, Тобольский, Томский, Тургайский губернские и областные продовольственные комитеты. Председателем краевого комитета был избран член правления Закупсбыта Белоусов [3, л. 7].

Наиболее дискуссионной политической проблемой в кооперативной среде был вопрос войны и мира, по которому так и не было достигнуто полного единодушия. Одни считали, что скорейшее заключение всеобщего мира жизненно необходимо, обращая внимание на то, что «по самой своей природе кооперация – принципиальный враг войны», другие утверждали, что «заключить мир сейчас невозможно, ибо это грозит русской свободе от прусского абсолютизма» [4, л. 26]. Последнее высказывание было характерно для тех кооперативных организаций, в руководстве которых преобладали меньшевики. Например, собрание уполномоченных Новониколаевского кредитного союза постановило, что война должна быть доведена до победного конца [5, л. 12].

Активно участвуя во всех общественных собраниях, политических и кооперативных съездах, кооператоры выступали на каждом за созыв Учредительного собрания и необходимость построения демократического республиканского устройства. На местах кооперативные инструкторы проводили политическую работу по разъяснению среди крестьянской массы сущностных принципов и организационных форм демократического народовластия, ярким проявлением которых стала бы организация Советов крестьянских депутатов на местах. Например, инструкторская коллегия Алтайского кооперативного союза постановила принять все меры для организации на местах таких советов. Инструкторы должны были рекомендовать крестьянам при выборах в Учредительное собрание подавать свои голоса за списки только определённых политических партий [6, л. 38]. Кроме того, собрание уполномоченных Алтайского кооперативного союза предложило организовывать при кооперативах группы политической пропаганды для проведения избирательной компании в Учредительное собрание, а также проводить разъяснительную работу среди населения по поводу текущих политических событий в стране и мире [7, л. 8].

Кроме того, сибирскую кооперацию чрезвычайно беспокоил вопрос, связанный с государственным устройством, от которого по большому счёту зависело её будущее. В марте 1917 г. на собрании уполномоченных Новониколаевского союза кредитных товариществ был составлен следующий текст телеграммы в адрес Временного правительства: «...приветствуем и поддерживаем новое правительство, ... признаём необходимость немедленного созыва Учредительного собрания на основах всеобщего, тайного, прямого, равного голосования, ... истиной формой народовластия признаём демократическую республику» [8, л. 30]. В принятой резолюции говорилось, что в России должна быть принята федеративная форма государственного устройства, что позволило бы Сибири стать самоуправляющейся административной единицей.

События июля 1917 г. привели к ещё большей политизации кооперативного движения. Совет всероссийских кооперативных съездов обратился ко всем кооператорам России с воззванием, в котором содержался призыв к национальному единению, к прекращению партийных и личных противоречий с целью спасения родины. Сибирская кооперация поддержала этот призыв, выразив согласие с проводимой правительством политикой, подтвердив намерение сотрудничать с ним. Так, собрание уполномоченных союза западносибирских кооперативов, проходившее в Омске 13–15 августа 1917 г., постановило «приветствовать Временное правительство и поддержать все его мероприятия, направленные к поднятию боеспособности армии и спасению России от хозяйственной разрухи, анархии и внешних врагов» [9, л. 5]. Отдельные кооперативные организации объявили о своей готовности бороться и с врагами внутренними. Так, барнаульские кооператоры заявили, что «с большевиками нужно бороться самым решительным образом, как с изменниками революции» [10]. В последствии такие политические высказывания послужили почвой для обвинения кооперации в «контрреволюционности», что значительно ослабило её позиции в борьбе за свою независимость в социально-экономической сфере.

В сентябре 1917 г. в Москве состоялся экстренный Всероссийский съезд кооперации, который констатировал, что социально-политическая ситуация в России критическая и для её разрешения кооперации необходимо встать на путь активных политических действий. Большинство кооперативных союзов выступило за немедленный созыв Учредительного собрания, которое бы законно передало власть избранному коалиционному правительству, пользующемуся доверием масс [11, с. 9]. Исполнительный орган власти должен быть подотчётен Учредительному собранию, и действовать согласно законодательству в интересах народа.

Решения этого съезда были поддержаны сибирскими кооперативными правлениями Закупсбыта, Союза сибирских кредитных союзов и Си-

бирского союза маслодельных артелей. Например, на собрании правления Союза сибирских кредитных союзов была принята следующая резолюция: «Всецело присоединяемся к решениям Всероссийского кооперативного съезда... и выступаем за скорейший созыв Учредительного собрания и формирование национального коалиционного правительства представляющего все слои российского общества» [12, л. 21–28]. Сибирское кооперативное руководство, разработав самостоятельную политическую программу, выдвинуло отдельный кооперативный список в Учредительное собрание.

Однако низовыми кооперативными организациями Сибири высказывались не однозначные мнения по вопросу активного участия в политике. Большинство местных кооперативных организаций по-прежнему выступало за политический нейтралитет кооперации, высказываясь против превращения кооперации в политическую организацию, стремящуюся к власти. Такая политическая самостоятельность, считали они, опасна для природы кооперативного движения. Например, Новониколаевская газета «Голос народа» писала, что «решение кооперативных правлений выставлять на выборах в Учредительное собрание самостоятельные списки кандидатов... пагубно для кооперации и для всех массовых политических партий» [13]. Аналогичную точку зрения высказало собрание инструкторов Мариинского союза кооперативов, посчитав, что самостоятельное участие кооперации на выборах будет «нецелесообразным и вредным по своим последствиям для дела демократии» [14, л. 163]. На выборах в Учредительное собрание, как и предрекали многие, ни один кооперативный список не получил поддержки у населения, что означало политическое поражение кооперации.

Таким образом, если на всём протяжении своего дореволюционного развития сибирская кооперация придерживалась принципа политического нейтралитета (позиционируя себя до февраля 1917 г. как неполитическая организация), то в период с февраля по октябрь 1917 г. по мере изменения внутривнутриполитической ситуации в стране наблюдался процесс нарастания политизации кооперативного движения. Кооперация впервые открыто выступила на политической арене с самостоятельной программой и приняла активное участие в борьбе за власть. Связав же себя с государством, как материально, так и идейно руководство сибирской кооперации встало на путь чистой политики, отказавшись прислушаться к голосам, предупреждавших об опасности, таящейся на этом пути.

1. ГАНО. Ф. Д–51. Оп. 1. Д. 51.

2. ГАНО. Ф. Д–51. Оп. 1. Д. 45.

3. ГАНО. Ф. Р–31. Оп. 1. Д. 1.

4. ГАНО. Ф. Д–51. Оп. 1. Д. 71.

5. ГАНО. Ф. Р–31. Оп. 1. Д. 74.
6. РГАЭ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАНО. Ф. Д–51. Оп. 1. Д. 45.
8. РГАЭ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 3.
9. ГАОО. Ф. Д–151. Оп. 1. Д. 14.
10. Жизнь Алтая. 1917. 15 июля.
11. Сибирская кооперация. 1918. № 1–2.
12. ГАНО. Ф. Р–31. Оп. 1. Д. 68.
13. Голос народа. 1917. 25 октября.
14. ГАНО. Ф. Д–51. Оп. 1. Д. 232.

Е. В. Дубинина

ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ (на примере мест заключения Западной Сибири)

Анализ культурно-просветительной работы в местах заключения Западной Сибири 1920-х гг. показывает, что Главное управление мест заключения, региональные инспекции, руководство большинства мест заключения прилагали значительные усилия для выполнения предписываемых законодательством норм культурно-просветительного, воспитательного воздействия на заключенных [4, с. 192].

Организация культурно-просветительной работы в местах заключения РСФСР в рассматриваемый период сталкивалась с большими трудностями. Не исключением были и губернии Сибири. Основными проблемами стали недостаточное финансирование и кадровый вопрос. Недостаточность подготовленных соответствующим образом кадров и финансовых средств чрезвычайно отрицательно сказывалась на уровне культурно-просветительской работы. Крайне тяжелое положение с финансированием сложилось во многом в связи с тем, что с 1922 г. расходы на содержание исправительно-трудовых учреждений были отнесены на местные средства. В результате финансовое положение мест заключения значительно ухудшилось, на нужды культпросвета средства зачастую вовсе не отпускались. Во всех отчетах финансирование признается недостаточным.

Неудовлетворительным был с профессиональной точки зрения и состав работавших в сфере культпросвета. Должности заведующих учебно-воспитательными частями замещались лицами, имевшими хотя бы минимальный уровень знаний и навыков для организации работы. Так, например, в октябре 1926 г. учебно-воспитательная часть Новосибирского ИТД № 1 состояла из 4 человек. Заведующий – член ВКП(б) из армейского состава, старший политрук. Воспитатель – член ВЛКСМ, лектор партсети, 2 учителя беспартийные – из них первый госслужащий, с 1919 г. про-

водил культработу в госучреждениях; второй – профессиональный учитель-методист с 1910 г., с 1923 г. – по политпросвету. Ни один не имел теоретической подготовки и практических навыков ведения культурно-просветительной работы в такой специфической сфере, как места лишения свободы.

В результате преподавателями, лекторами в большинстве случаев были заключенные, также по большей части не имевшие достаточной квалификации. Кроме того, участвовать в культпросвете в качестве учителей, руководителей театров, оркестров т. п. могли только заключенные, имеющие определенный образовательный уровень и профессиональные навыки, а таковые в большинстве случаев не были выходцами из рабоче-крестьянской среды [1, с. 5–10]. Руководство мест заключения, стремясь привлечь их к участию в культпросветработе, шло на предоставление им таких льгот, как отдельное проживание, возможность более свободного передвижения, досрочный перевод в более высокий разряд. При этом нарушался «классовый принцип» и даже законодательство, что не оставалось незамеченным местными органами власти и прокуратурой. К примеру, в 1923 г. Омский губернский отдел управления отметил в качестве недостатка деятельности Омского дома лишения свободы зачисление в культпросвет интеллигентов, иногда не отбывших и трети срока наказания.

Политико-воспитательная работа трактовалась как одна из важных составных частей культурно-просветительной деятельности [1, с. 5–10]. Реально объем политической работы с заключенными был очень ограничен. Даже там, где действовали школы политграмоты, их работа скорее являлась дополнением к общему образовательному процессу. Отрицательным моментом было то, что преподаватели, лекторы, а иногда и воспитатели сами были из заключенных и не обладали высокими моральными качествами.

Положение в местах заключения несколько улучшилось после того, как циркуляром Главполитпросвета № 4632 от 1 июля 1923 г. вся работа по культпросвету и ликвидации безграмотности в местах заключения была возложена персонально на заведующих уездными политпросветами. В нем указывалось, какими мерами Губполитпросветы обязаны оказывать реальную помощь учебно-воспитательным частям мест заключения.

Но и этот циркуляр не везде выполнялся. В октябре 1923 г. Томский губернский инспектор мест заключения обращался в Губполитпросвет с требованием выполнить предписание указанного циркуляра в плане оказания помощи местам заключения в культпросветработе [6, с. 38–46]. Указывалось, что Тюменский Губполитпросвет остается «совершенно индифферентным к данному вопросу, не принимая никаких мер, в то время, когда помощь его крайне нужна, необходима, так как учебно-воспитательные части мест заключения, не имея абсолютно никаких средств, поставлены в безвыходное положение» [2, с. 26–27].

Негативно сказывалось и отсутствие специальных помещений. Клубы, школьные помещения зачастую устраивались в переоборудованных камерах, бывших церквях, бараках, нередко в аварийном состоянии. Такая ситуация была характерна и для середины 1920-х гг. К примеру, во втором полугодии 1926 г. в Новосибирском ИТД № 1 школьная и внешкольная работа велась в одном помещении. При большом переполнении заключенных размещали в клубе. Соответственно он не работал. В этом случае занятия проводились индивидуально по камерам. Театры в Омском, Тюкалинском ДЛС (да и в других местах заключения) помещали в переоборудованных камерах. Поэтому театры мест заключения в прямом смысле можно было назвать «камерными» [5, с. 289–306].

Нехватку помещений усугубляла переполняемость мест заключения. По данным прокуратуры на 1 июня 1923 г. места заключения Омской губернии были заполнены сверх штатной численности на 273 человека, Новониколаевской – на 455 человек, Томской – на 426 человек. Занятия прекращались из-за эпидемических болезней, необходимости привлечения заключенных к работам. В отчете Тюкалинского ДЛС по работе за 1922 г. в качестве одной из причин отсутствия должной (а точнее практически всякой) учебной деятельности, указывается большая занятость заключенных на работах в огороде, на торфяных и иных работах по причине финансовых затруднений.

С середины 1920-х гг. в ряде мест заключения Сибири издаются газеты как орган печати учебно-воспитательных частей. В Иркутском изоляторе спецназначения издавалась газета «Наша мысль». В Омском исправительно-трудовом доме – газета «Мысль заключенного». В Омске еще в начале 1922 г. предпринимались попытки начать выпуск собственного периодического издания [3, с. 64–73].

В целом, не смотря на огромные трудности, культурно-просветительная работа в местах заключения проводилась усилиями инициативных работников и грамотных заключенных. С гуманистической точки зрения, общее направление в сфере культурно-просветительной деятельности было верным. Спектакли, концерты, чтение книг и газет, лекции, участие в работе кружков служили не только развлечением, помогая скрасить пребывание в местах лишения свободы или проявить себя. Через эти мероприятия осужденные приобщались к достижениям культуры, получали практические знания (например, в области агротехники), расширяли свой кругозор. Проводя образовательную работу, места заключения выполняли и общегосударственную задачу по ликвидации неграмотности среди населения России.

1. Ширвиндт Е. Больше внимания культурно-воспитательной работе // Административный вестник. 1928. № 7.

2. Усманова Ф. Р. Культурно-просветительная работа в местах заключения Тюменского края в первые годы советской власти // Научные исследования высшей школы. Тюмень, 2000.

3. Кузьмина А. С. Организация и правовое регулирование политико-воспитательной работы в первых ИТУ Сибири (1917–1924 гг.) // Роль аппаратов уголовного розыска и следствия в борьбе с преступностью. Омск, 1977.

4. Детков М. Г. Содержание пенитенциарной политики российского государства и её реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 гг. М., 1992.

5. Быков А. В. Культурно-просветительная деятельность в местах заключения Омской губернии в первой половине 1920-х гг. // Ежегодник историко-антропологических исследований. М., 2002. Вып. 1: 2001/2002.

6. Бехтерев Ю. Ю. Очередные задачи учебно-воспитательной работы в местах заключения СССР // Административный вестник. 1928. № 10.

А. С. Иванов

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ 1942 ГОДА: ПЛАНИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ (на материалах Ханты-Мансийского округа Омской области)

Насильственные миграции или депортации – это одна из форм политических репрессий, предпринятых государством по отношению к своим гражданам или подданным других государств с применением силы или принуждения [1, с. 5].

В данном исследовании мы рассматриваем целевое принудительное переселение для нужд рыбной промышленности, проводившееся в рамках осуществления совместного постановления СНК и ЦК ВКП (б) от 6. 01. 1942 г. № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем востоке». Его положения были конкретизированы постановлением Омских обкома и исполкома от 4 февраля 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Омской области», согласно которому местные органы власти обязывались построить на территории области 500 домов для размещения прибывающей рабочей силы [2, л. 59]. 17 февраля Ханты-Мансийский окружной комитет ВКП (б) утвердил план размещения 4000 семей (около 16 тыс. человек) переселенцев [3, л. 101], а 5 марта – решение «О расселении переселенцев по колхозам округа и плане нового строительства жилых домов для переселенцев», где было утверждено количество переселяемых и определен принцип их расселения. 1936 семей планировалось разместить за счет доселения (уплотнения) в существующие колхозы, 2064 семьи расселить в новые дома. В Югре предполагалось передать переселенцам 338 домов (из них 259 – восьми-квартирных и 246 – четырехквартирных). При этом силами окружных организаций

должен был быть построен только 171 дом, остальные 167 завозились Омским государственным рыбопромышленным трестом [3, л. 135].

На переселяемых также распространялось переселенческое законодательство, что давало им право получить кредит на постройку жилья, покупку скота и хозяйственное обустройство [3, л. 104]. Был составлен план кредитования переселенцев, общая сумма выделяемых кредитных средств (только по округу) должна была составить 14 млн руб. [4, л. 28].

Переселение собственно труд(спец)переселенцев впервые оговаривалось в постановлении исполкома и бюро обкома ВКП (б) от 20 мая 1942 г. «Об обеспечении рабочей силой северных промыслов Омгосрыбтреста». В этом акте впервые говорилось именно о труд(спец)переселенцах, которым облрыболовпотребсоюз должен был обеспечить выделение продовольствия и промтоваров, омгосрыбтрест и облисполком – хозяйственный и жилплощадь [5, Л. 130–131]. Вторым документом, более детально регламентирующим транспортировку и трудоустройство спецпереселенцев, было постановление от 28 сентября 1942 г. «О приеме и расселении 10 тыс. спецпереселенцев в Северные районы области» [6, л. 4–6]. Несмотря на свое название, акт предписывал организовать расселение и прием только в одном из Северных округов – Ханты-Мансийском, второй округ – Ямало-Ненецкий – был «обделен» вниманием. Решение «принять и расселить в Ханты-Мансийском округе 10 тыс. человек спецпереселенцев» ввело некоторых исследователей в заблуждение. Так, Л. Ф. Гизатулина в своем диссертационном исследовании указывает именно эту плановую цифру завоза, как количество реально прибывших в округ переселенцев, что является совершенно неверным [7, с. 58].

Документом предусматривалось «переселение осуществить в текущем году одной тысячи человек...оставшихся девять тысяч переселение перенести на весну 1943 г.». Транспортировка по Оби и Иртышу возлагалась на НКВД, питанием в пути следования и на местах переселенцев обеспечивали облпотребсоюз и облрыболовпотребсоюз. Промтоварное снабжение должен был обеспечить рыбтрест «за счет средств, отпущенных наркоматом [рыбной промышленности] рыбтресту по плану кредитования [6, л. 5–6].

Но, как это обычно бывает, реальное положение, сложившееся при реализации решений партии и правительства, было далеко от плановых установок.

Решение от 28 сентября было явно запоздавшим и не отражало реально существующего на тот момент положения. Завоз переселенцев производился с конца мая по декабрь 1942 г. Всего на территорию округа было завезено 6994 человека [8, л. 88; 9, л. 108]. Необходимо отметить, что спецконтингент прибывал в округ только в 1942 г., завоз 1943 г. был отменен по решению СНК СССР, в связи с неспособностью окружных

организаций обеспечить должный уровень материально-бытовых условий [10, л. 46].

Что касается национального состава переселяемых, то одну из самых значительных групп их составляли немцы и финны, переселенные (эвакуированные) из пригородов Ленинграда в 1941–1942 гг. Переселение затронуло переселенцев и других категорий и национальностей. Переселялись также немцы, выселенные из Поволжья, ранее расселенные на юге области. Относительно небольшую часть составляли русские и украинцы, молдаване, румыны и др.

Переселенцы передавались, в первую очередь, организациям госрыбтреста (рыбзаводам, консервным комбинатам и др.). Эти предприятия по согласованию с трестом могли передавать их в организации, не относящиеся к рыбной промышленности.

Строительство домов для переселенцев шло с нарушением всех сроков. К 13 мая 1942 г. по области полностью годными в районах расселения были признаны лишь 9 срубов из 500 [11, л. 17]. Через 7 дней в районах округа сложилась следующая ситуация: в Микояновском районе было построено 12 и заложено 16 срубов, в Сургутском заложено 2, построено – 4 сруба, в Ларьякском построен 1 и заложен 1 сруб, в Самаровском заложено 12 срубов [12, л. 129].

Переселенцы оказались в достаточно сложных условиях. В первую очередь это касается предназначавшейся им жилой площади. Например, по Самаровскому консервному комбинату из 52, предусмотренных планом строительства домов, к 1 января 1943 г. было готово лишь 19 строений [10, л. 6].

План строительства жилья по округу был выполнен на 34,2 %.

Серьезные сложности возникали с кредитованием переселенцев, так как многих из них просто не информировали о возможности получения ссуд на хозяйственное обустройство. Ссуды на жилищное строительство в ряде районов реализованы также не были. Кроме того, трест не выполнил своих обязательств по предоставлению огородов [13, л. 27об. – 28].

Государство в экстремальных военных условиях не смогло выполнить взятые на себя обязательства. Но это, к сожалению, было не исключением, а правилом, о чем нам со всей очевидностью говорит опыт депортации калмыков в 1944 г.

1. Полян П. М. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005.

2. ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3324.

3. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 632.

4. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 21.

5. ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 108.

6. ЦДННОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3268.
7. Гизатуллина Л. Ф. Депортация народов в Северо-Западную Сибирь в 1939–1956 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Тобольск, 2005.
8. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10.
9. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 11.
10. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 2.
11. ЦДННОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3207.
12. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 633.
13. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 737.

О. В. Радченко, И. В. Морозова

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ СПОРТИВНОЙ ШКОЛЫ В ТАРЕ

Спортивные успехи нашего города ценились ещё в предвоенные годы. У истоков спортивного движения тех лет стоял Булатов Георгий Евгеньевич, который успешно организовывал население города на массовые спортивные мероприятия.

Когда началась Великая Отечественная война, то с фронта вернулись далеко не все спортсмены. Тара потеряла основную массу лыжников – перворядников: Васильковский Терентий, Глебов Борис, Гермизеев Пётр, Емельянов Владимир, Кондратьев Василий, Киселёв Григорий, Лубышев Владимир, Наваров Пётр, Сафонов Иван, Сайковский Иван, Сарин Пётр, Шабалин Павел, Шарапов Пётр, Яковлев Георгий.

С 1945 г. тарчане начали восстанавливать спортивные площадки, которые находились на всей территории города.

В 1946 г. команда Тары выехала в Омск на Областную спартакиаду школьников, где заняла 1 место. В 1947 г. Тара вновь стала чемпионом. Школьную команду представляли Кудрявцев Иван Калистратович, Курашев Владимир Александрович, Носков Арсений Степанович, Курашева Александра Тарасовна. Это были первые тренеры – энтузиасты и фанаты своего дела.

В этом же 1947 г. руководство области высоко оценило рост физической культуры и спорта в Таре. Было принято решение об открытии 1-й спортивной школы.

Под руководством первого директора школы Попковой Марии Васильевны в подвальном помещении маленького здания (дом № 84) по улице Свердлова, преподаватели оборудовали лыжную базу, раздевалку и учительскую. В спортивных залах тарских школ проходили занятия гимнастов и атлетов.

Главное поле с беговыми дорожками заложили в роще на берегу Аркарки. Вся молодёжь работала на строительстве стадиона: пилили де-

ревья, корчевали и взрывали корни, равняли грунт, огораживали стадион, сколачивали скамейки. Зимой главное поле превращалось в каток, который был гордостью города. За покрытие катка отвечала самая серьёзная городская дорожная служба – ДСУ-2 (Дорожно-строительное управление).

Согласно указаниям ОБЛОНО количество обучающихся доходило до 150 человек. Комплектование проходило по трём отделениям: гимнастика, лыжи, лёгкая атлетика. В указаниях значилось: «Комплектование производить учащимися с одарёнными способностями по спорту. Занятия с учащимися проводить 2–3 раза в неделю. Перед каждым занятием 10–15 минут уделять воспитательной работе, кратко знакомить учащихся с текущей политикой».

В школе постоянно проходили родительские собрания, где преподаватели подробно рассказывали о каждом ученике. Если ученик был неусидчив, то его родителей предупреждали об исключении и давали испытательный срок. Кроме этого преподаватели спортивной школы интересовались и учёбой детей в общеобразовательной школе. С плохими отметками не допускали к соревнованиям, либо отчисляли. Заканчивая её, выпускники так же продолжали защищать честь своего города на спортивных соревнованиях, только они уже были рабочим классом. Наиболее способные ученики по окончании школы получали удостоверения инструктора – общественника или судьи по спорту.

И с тех пор Тара усиленно от мала до велика стала заниматься спортом. И что интересно, послевоенная бедность не была препятствием для спортивного энтузиазма. На лыжи или гимнастические снаряды была постоянная очередь, из-за большого количества спортсменов инвентаря не хватало, но, как вспоминают ветераны спорта, одних коньков было 100 пар, лыж 150 пар, да и лыжной столицей области в середине 1950-х гг. всё же была Тара.

Шло время. Из убогих подвальных помещений в начале 70-х гг. школа перешла в Спасскую церковь, а затем в более приспособленное здание по улице Свердлова, теперь это здание не существует. Как и прежде в новом здании занимались лыжной подготовкой, гимнастикой, лёгкой атлетикой. В 1971 г. школу посещало 200 учащихся. Именно тогда стали появляться спортивные династии Курашевых, Котуновых, Бугаенко, Марчук, Мальцевых, Григорьевых и многих других.

Спортивная школа распространяла своё влияние и на сёла Тарского района. Стали появляться филиалы в Черняево, Чёкрушево, Екатерининское, Междуречье, Заливино. Носков Арсений Степанович вспоминал: «Все преподаватели стремились к тому, чтобы в школе была интересная жизнь, предоставляли равную возможность каждому учащемуся».

В 1980 г., когда в Москве проходили Олимпийские игры, в Таре был построен новый стадион, на месте старого футбольного поля, кото-

рый получил название «имени Тарского комсомола». Позднее был переименован в стадион «Олимп». Он принимал гостей спортивных праздников «Королева Спорта» и «Праздник Севера». В 80-е гг. в школе более 85 % преподавателей имели высшее физкультурное образование. Всего в детско-юношеской спортивной школе вместе с филиалами занимались до 840 учащихся. Школа продолжала набирать одарённых детей, но в 1985 г. перешли на общефизическую подготовку и создавали группы спортивно-го совершенствования для детей.

В 80-х гг. спортивной школе постоянно помогали городские организации, ГОРОНО, так как большой стадион требовал больших вложений. С 1991 г. с переменами в стране пришёл упадок и в спортивную школу. Материально-техническая база обнищала, организации обеднели, но работники школы не покидали любимую работу, а старались сами зарабатывать средства для школы. Беззубов Анатолий Дмитриевич всегда вспоминал, как покупали на заработанные деньги ледовый комбайн, 2 снегохода «Буран», пластиковые лыжи.

В разные годы детско-юношескую спортивную школу возглавляли Степанников Иван Сергеевич, Кудрявцев Иван Калистратович, Курашев Владимир Александрович, Аношкин Николай Кириллович, Носков Арсений Степанович, Котунов Аркадий Яковлевич, Беззубов Анатолий Дмитриевич, Пирогов Николай Иванович, Шаронов Владимир Ильич, в настоящее время – Кирилихин Валерий Александрович. Все они душой и сердцем «болели и болеют» за каждого спортсмена. Благодаря их умелому руководству, настойчивости, спорт в нашем городе развивался и креп.

15 июля 1996 г. детско-юношеская спортивная школа была переименована в детско-юношеский клуб физической подготовки (ДЮКФП). Именно с 2001 г. появилась возможность развития новых видов спорта.

Затем, на основании Постановления № 199 Главы Администрации от 10 декабря 2001 г., детско-юношеский клуб переименован в Муниципальное Образовательное Учреждение Дополнительного Образования Детей «Детско-юношеский центр». И с тех пор выросло не одно поколение спортсменов, которые участвовали не только в районных и областных спартакиадах, но и на всероссийских соревнованиях. За 60 лет из стен школы выпустилось более 1500 учащихся. Это перворазрядники, кандидаты в мастера спорта, мастера спорта, спортсмены массовых разрядов.

Бывает в спорте радость побед, горечь поражений, взлёты и падения, успехи и неудачи, но имена людей, которые посвятили спорту свои знания и умения навсегда войдут в историю развития физической культуры и спорта в Таре.

РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ ГОРОДА СОВНАРХОЗАМИ ЗАУРАЛЬЯ (1957–1962 ГОДЫ)

Время конца 1950-х – начала 1960-х гг. в СССР было отмечено небывалыми взлетами, освежающими надеждами и недоумением от случившегося. Произошел значительный прорыв в экономике, превывсивший показатели «экономического чуда» в Европе. Развернулась давно зажатая в кулак государственной необходимости инициатива регионов (в результате передачи части хозяйственных прав на «места»). Успешно внедрялись передовые культурно-бытовые и социальные достижения в истосковавшуюся от серости будней и военного лихолетья повседневную жизнь граждан великой страны, вынесшей на своих плечах такую дорогую и трудную Победу.

Переход к мирной жизни, смена политических лидеров после смерти в 1953 г. «отца народов», невозможность управлять государством прежними методами, упрочение позиций в стране Н. С. Хрущева, практическое открытое соревнование с США, «холодная война», поставившая человечество на грань третьей мировой и балансирования в «Карибском кризисе» у пропасти небытия, – все это и многое другое свежо в памяти очевидцев и вызывает неподдельный интерес у миллионов людей всего постсоветского пространства.

Сибирские города «срединной» части Советской страны 50-х гг. прошлого века представляли собой довольно типичную картину провинциального областного, либо районного центра, с большим количеством домов частного сектора, возникающими элементами «цивилизации» в виде центрального водоснабжения, отопления, канализации, появлением первых десятков, а то и сотен квартир, оснащенных газовыми баллонными плитами, зарождением телевидения, созданием необходимых для региона высших и средних специальных учебных заведений, ускоренной электрификации, оживлением театральной деятельности и рядом других черт.

Например, в Кургане и области уже во втором полугодии 1957 г. и в 1958 г. все материально-технические ресурсы и рабочая сила были сконцентрированы на важнейших жилых и промышленных объектах, вводимых в действие, в ходе чего были перевыполнены задания по вводу жилья, а также реализованы большие объемы работ по заводу медицинских препаратов. Введена в действие первая очередь «Катайской ТЭЦ». Закончили строительство газораздаточной станции на «Курганском машиностроительном заводе», что положило начало газификации г. Кургана. Начали строительство телецентра в Кургане и строительство линии электропередач 110 киловольт «Каменск-Уральский – Шадринск».

Началась работа по повышению уровня жизни людей. В постановлении Курганского Совета народного хозяйства (далее СНХ) от 1 августа

1957 г. указывалось: «В целях улучшения бытовых условий работников машиностроительных заводов считать необходимым приступить, начиная с 1957 г., к газификации жилых домов». Для этого СНХ поручил «производственному отделу разместить заказ на заводах совнархоза по изготовлению газовых баллонов и редукторов в количестве 400 комплектов, установить 400 газовых плит» [1].

Проблема обеспечения населения городов и промышленных объектов дешевым и экономичным топливом – газом, была актуальна в то время, и то, что курганцы начали сами решать эту проблему еще в 1957 г., делает им честь. Только 15 августа 1958 г. постановлением № 935 ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии газовой промышленности и газоснабжения предприятий и городов СССР» этой теме был дан всесоюзный импульс [2].

Развитие газового хозяйства Тюмени, в будущем одного из центров газодобычи, на конец пятидесятих годов прошлого века отставало от темпов своих южных соседей. В 1959 г. в этом областном центре появилось 105 м² жилья, оснащенного газовыми плитами [3]. Однако, в последующие два года функционирования совнархоза оснащение жилья тюменцев газовыми плитами выросло почти в 90 раз [4].

В Курганской области (а это с основным областной центр) на аналогичное время было газифицировано уже 75910 м² жилой площади, или порядка 2822 квартир (около 23,4 % всего их количества) [5]. Для сравнения в 1958 г. во всей Казахской ССР было лишь 200 газифицированных квартир [6, с. 374].

За годы существования Тюменского совнархоза число квартир с центральным отоплением выросло более чем в два с половиной раза (с 27 132 м² в 1957 г. – до 73 286 м² в 1961 г.) [7]. Увеличилась в 10,5 раз численность квартир с централизованной канализацией (с 4803 м² в 1957 г. – до 50 533 м² в 1961 г.) [8].

За пятилетие существования Курганского совнархоза на содержание и развитие детских садов, детских домов и яслей было истрчено 45 млн 144 тыс. руб. (образца 1. 7. 1955 г.) [9]. За то же время в Тюмени и области на содержание и развитие данных детских дошкольных учреждений было использовано 98 млн 903 тыс. руб. [10] (более чем в два раза).

В практике социальной деятельности управленческих структур исследуемого региона, как в и любом живом деле, могли быть и были недоработки и ошибки. Например, курирование вопросов детских учреждений в Курганском совнархозе было поручено административно-хозяйственному отделу, и из-за недоработок последнего «не были сделаны необходимые заявки на финансирование; в результате в управлении металлообрабатывающей промышленности не выделены средства на оздоровительную кампанию» [11]. Руководством СНХ было отмечено, что эконо-

мия на здоровье детей недопустима. Ошибка была исправлена, а управление этими вопросами передано другому отделу.

Неотъемлемой частью развития социальной сферы, да и в целом «глубинки», являлось обеспечение тружеников электричеством на местах. В 1962 г. в строй действующих была включена линия электропередач «Тюмень – Ялуторовск» протяженностью 92 км. В 1963 г. она была включена до г. Заводоуковска. Планировалось строительство линии электропередач «Тюмень – Поклевская». Вступила в действие линия электропередач «Тюмень – Исетская» и «Тюмень – Нижняя Тавда». Налицо был прогресс в обеспечении электроэнергией населения. Росла выработка электроэнергии районными электростанциями Тюменской и Курганской областей. Если за первое трехлетие работы Тюменского совнархоза районными электростанциями было выработано 269,2 млн кВт. час. электроэнергии, то в 1960–1962 гг. оно выросло до 299,835 млн кВт. час., или на 111,4 % [12].

В начале 60-х гг. успешно продолжалось освоение денежных средств, предназначенных для развития социальной сферы в регионе. Например, в Курганском совнархозе объем капиталовложений 1960 г. на строительство объектов просвещения, здравоохранение и коммунальные услуги был выполнен на 110 % [13].

В 1960–1962 гг. за счет тридцатипроцентного отчисления сверхплановой прибыли на развитие жилищного строительства объем сверхплановых поступлений в Курганском СНХ составил 21 млн 395 тыс. руб. [14] (в старом масштабе цен). В Тюменском совнархозе подобные отчисления сверхплановой прибыли составили 7 млн 578 тыс. руб. [15].

За весь период деятельности совнархозов Зауралья (1957–1962 гг.) больший объем поступлений по данным показателям был в Курганском совнархозе – 48 млн 683 тыс. руб. [16] В Тюменском СНХ перечисления сверхплановой прибыли на развитие жилья в городе и области за пять лет составили 25 млн 326 тыс. руб. [17]

За исследуемый период ускоренного преобразования городов Зауралья произошло увеличение общей численности работников, занятых сферами образования, здравоохранения, культуры и искусства, качественно преобразились улицы и микрорайоны, появились новые высшие и средние учебные заведения, а самое главное – у населения проснулась надежда на лучшую жизнь. Курс нынешнего правительства России вызывает искреннюю симпатию и надежду на то, что практика решения социальных и культурно-бытовых проблем прошлых лет не останется только в прошлом. Опыт преодоления отчуждения государственных структур от её народа, полученный в России, будет подхвачен другими постсоветскими странами, и мы все сделаем уверенный шаг в достойное будущее наших народов.

-
1. ГУ ГАКО Ф. Р–1621. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.
 2. ГУТО ГАТО Ф. Р–1724. Оп. 1. Д. 1. Л. 159–159 (об).
 3. ГУТО ГАТО Ф. Р–1724. Оп. 1. Д. 831. Л. 209.
 4. ГУТО ГАТО Ф. Р–1724. Оп. 1. Д. 846. Л. 250.
 5. ГУ ГАКО Ф. Р–1621. Оп. 2. Д. 19. Л. 105.
 6. Народное хозяйство Казахстана. Стат. ежегодник. Алма-Ата, 1968.
 7. ГУТО ГАТО Ф. Р–1724. Оп. 1. Д. 821. Л. 254. Д. 846. Л. 250.
 8. Там же.
 9. ГУ ГАКО Ф. Р–1621. Оп. 1. Д. 30. Л. 46. Д. 90. Л. 50. Д. 181. Л. 39. Д. 286. Л. 70. Оп. 2. Д. 19. Л. 79.
 10. ГУТО ГАТО Ф. Р–1724. Оп. 1. Д. 821. Л. 220. Д. 826. Л. 244. Д. 831. Л. 181. Д. 839. Л. 246. Д. 846. Л. 220.
 11. ГУ ГАКО Ф. Р–1621. Оп. 1. Д. 67. Л. 75.
 12. ГУТО ГАТО Ф. Р–1724. Оп. 1. Д. 897. Л. 52.
 13. ГУ ГАКО Ф. Р–1621. Оп. 1. Д. 287. Л. 8.
 14. ГУ ГАКО Ф. Р–1621. Оп. 1. Д. 286. Л. 70. Оп. 2. Д. 19. Л. 79.
 15. ГУТО ГАТО Ф. Р–1724. Оп. 1. Д. 839. Л. 246. Оп. 1. Д. 846. Л. 220.
 16. ГУ ГАКО Ф. Р–1621. Оп. 1. Д. 30. Л. 46. Д. 90. Л. 54. Д. 181. Л. 29. Д. 286. Л. 70. Оп. 2. Д. 19. Л. 79.
 17. ГУТО ГАТО Ф. Р–1724. Оп. 1. Д. 821. Л. 220. Д. 826. Л. 244. Д. 831. Л. 181. Д. 839. Л. 246. Д. 846. Л. 220.

Е. В. Мельникова

ТЕАТР И ГОРОД В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В 70–80 ГОДАХ XX ВЕКА

В русской культурной традиции место и значение театра как духовного, нравственного, художественного и даже топографического центра города заложено генетически и передается из поколения в поколение. В сознании коренного горожанина живет идея театра-кафедры, «второго университета», форума обсуждения важнейших социальных и этических проблем, в ходе которого публика демонстрирует свои взгляды, мнения, оценки, жизненные позиции.

Сегодня культурные установки горожан новых поколений формируются под сильнейшим воздействием СМИ и прежде всего телевизионных зрелищ. В этих условиях роль театра в жизни общества приобретает особую динамичность, видоизменяются традиционные контакты сцены и зала, отношения театра со смежными исполнительскими искусствами. Важнейшие прежде функции театра – идеологические, познавательные, информационно-просветительские и др. – теперь перешли к средствам массовой информации, но живое, возникающее непосредственно на спектакле эмо-

ционально-психологическое взаимодействие, взаимовлияние, взаимозаражение, творческое партнерство художника и аудитории, сцены и зала, актера и публики остается особой привилегией театра, его неоспоримым видовым качеством. Театр же остается важнейшим структурным компонентом архитектурного и общекультурного содержания города, городской жизни. Рост городов всегда коррелировался с ростом театров.

В советский период система «театр-город» опиралась на жесткую модель отношений художника и власти, под которую подводилась прочная административно-идеологическая база. Перед Великой Отечественной войной, на рубеже 1930–1940-х гг. в масштабах всей страны была осуществлена так называемая «стационаризация театров», которая привязала труппы к городам, унифицировала состав творческих коллективов, механизм их финансирования, укрепила организационно-ведомственную подчиненность и ужесточила идеологический контроль.

В послевоенные годы были установлены нормативы обеспеченности городов учреждениями культуры, в соответствии с которыми город; исходя из их статуса и населенности, должны были иметь соответствующий набор театров. Так, например, город с населением 150 000 (человек и более должен был иметь кукольный театр; от 200 000 кукольный театр и театр юных зрителей; от 250 000 – кукольный, ТЮЗ и драматический театр; от 500 000 – кукольный, ТЮЗ, драматический и музыкальный театры [5, с. 202–204].

Столица союзной и автономной республики имела основание претендовать на весь жанрово-видовой набор театров независимо от численности населения города и сверх того – Государственный Русский драматический театр (ГРДТ) и Русский ТЮЗ, представлявшие на местах первую среди равных братскую социалистическую культуру.

Система идеологического и культурного приобщения населения к театру осуществлялась и через последовательное включение в сферу театрального обслуживания детей. «Городской» ребенок уже в детском саду смотрел кукольные спектакли выездных трупп, потом вместе со школьным культпоходом плавно переходил в «театральную десятилетку», как принято было называть ТЮЗы, на старшем подростковом уровне он становился зрителем Театра им. Ленинского Комсомола далее уже плавно переходил во взрослый театр. Эта система, конечно, имела определенные несовершенства и практически не охватывал все «детское» население. Даже в Москве и Ленинграде детских театров недоставало, а если брать средние показатели, то столичный школьник мог попасть на спектакль не чаще одного раза в шесть лет [1]. И все же весьма значительная часть детей именно вышеописанным способом вовлекалась в театр и посещала его регулярно. Театры были тесно связаны со школами. В городах, где функционировал один-два театра «недетского» профиля, им вменялось в

обязанность ставить детские утренники. Творческий и организационный опыт ряда драматических театров по приобщению подрастающего поколения сценическому искусству – московских и ленинградских ТЮЗов, Липецкого областного драматического театра и др. – имел широкое распространение и находил поддержку педагогической общественности [4].

Репертуар театров в советские годы заблаговременно планировался и утверждался в своей проблемно-тематической и жанровой структуре множеством вышестоящих ведомств. В афише должны были присутствовать так называемые «датные» спектакли, поставленные к советским праздникам и юбилеям; спектакли о рабочем классе и колхозном крестьянстве. Утвержденная «Отраслевым классификатором драматургических и музыкально-театральных произведений» Министерства культуры СССР в 1978 г. тематика репертуара устанавливала иерархию афиши по признаку идейно-содержательной значимости: историко-революционная, военно-патриотическая, производственная, международная, историческая, семейно-бытовая, социально-нравственная, комсомольско-молодежная, школьно-пионерская, антирелигиозная, детективная, научно-фантастическая, приключенческая, сказочная, мифологическая, фольклорная, антифашистская, антивоенная, нравственно-психологическая, нравственно-правовая, прочая [3].

Регламентировался репертуар и по признаку количества премьер и проката: для разных типов театров эти рекомендации выражались в 4–8 премьерных постановках в течение сезона и 300–400 представлений.

Конечно, в такой жесткой регламентации были свои отрицательные стороны, и случалось, что произведения русской и мировой классики, содержательные современные пьесы вытеснялись второстепенными, но политически ориентированными.

Жизнедеятельность современного российского города во многом определяется интенсивностью миграции, которая сказывается на социальной структуре населения, на темпо-ритмах его жизни, на экономическом состоянии и психологическом самочувствии людей, на содержательности их духовного бытия. Неблагоприятная демографическая ситуация повлекла за собой неуправляемый рост населения городов [2, с. 2], прежде всего за счет больших масс, не подготовленных к жизни в урбанистическом окружении, лишенных надлежащих условий для нормального существования. В результате интенсивных миграционных процессов образ жизни многих крупных и средних городов России резко изменился, резко снизилось качество культурного спроса и предложения. Быт переселенцев, опирающийся лишь на поверхностное усвоение городского уклада жизни, размыл фундаментальные культурные основы. Возросли масштабы маргинальной, промежуточной культуры, оказывающей весьма заметное воздействие на жизнь города и современного общества в целом. По мнению исследователей, сегодня лишь 15–20 % населения городов

являются горожанами в третьем поколении, а основную часть жителей составляют выходцы из деревень, сел, рабочих поселков, сохраняющие в своем быту «деревенские» нормы и стереотипы поведения. Отмечается также, что все «новое, что открывает город в возможностях проведения досуга, мигрантом используется мало или не используется вообще. Так, недавний мигрант очень мало включен в такие виды досуговой деятельности, как занятие искусством (творчество), посещение театров, концертов, выставок, туризм, спорт и т. д.» [5].

1. См.: Исследование художественных интересов школьников. М., 1974; Человек в мире художественной культуры. Приобщение к искусству: процесс и управление. М., 1982; Художественная культура и развитие личности: Проблема долгосрочного планирования. М., 1987.

2. Народное хозяйство СССР в 1984 г. М., 1985.

3. Отраслевой классификатор драматургических и музыкально-литературных произведений. М., 1978.

4. Спектакли для детей в драматических театрах СССР. Организационные и творческие проблемы: Инф. обзор. М., 1986; некоторые проблемы современного состояния и перспективы развития детских театров в Советском Союзе (По материалам Всесоюзного совещаний работников детских и кукольных театров). М., 1978.

5. Сорочкин Б. Тридцатые годы: укрошение театра // Театр между прошлым и будущим. М., 1989.

6. См.: Заринская И. З., Павловская Е. Э. Средовой потенциал полугородской культуры // Городская среда: проблемы существования. М., 1990. С. 101–129; Васильева Э. К. Образ жизни городской семьи. М., 1981; Дуков Е. В. Культурные процессы в СССР. М., 1988; Коган Л. Б. Проблемы урбанизации: город и культура. М., 1981; Янкова З. В., Родзинская И. Ю. Проблемы большого города. М., 1982.

Л. Д. Бондаренко

РОЛЬ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В ВОСПИТАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

Краеведение является региональным компонентом базисного учебного плана, одновременно в учебных программах этому компоненту уделяется недостаточное внимание, поэтому корректировка учебных программ, изучение их возможностей для реализации краеведческого компонента – важная и актуальная задача.

Целью изучения краеведческого компонента является формирование личности с развитым краеведческим мировоззрением, сформированными знаниями, умениями и навыками, способствующими культуросообразному поведению, воспитанию уважение к культуре и истории род-

ного края. Для изучения краеведения используются базовые учебные программы, в том числе по географии. Это способствует снижению перегрузки и формирует системные краеведческие знания.

Краеведение – это могучий источник знаний, прекрасное средство воспитания наблюдательности, находчивости, инициативы, необходимости знаний. Оно позволяет изучить свой край познать самого себя, усвоить единство времени, что мы часть этого времени. Такой подход к изучению предмета позволяет мне успешно решать проблемы учебные, воспитательные, развивающие и лично ориентированные.

Факультативные занятия веду много лет. Дети с интересом узнают свои фамильные истоки. Это делает предмет живым, касающимся всех. Начинаем работу с шестого класса, когда учащиеся имеют определенные учебные навыки и изучают такие предметы, как география, история, биология, литература. Краеведение помогает объединить, систематизировать полученные знания и понять, что все взаимосвязано. Яркий героический факт местной истории обладает большой, впечатляющей, эмоциональной силой. Прекрасное средство воспитания самых лучших качеств человека. Школьники сердцем прикасаются к священной истории Родины. Краеведческая работа проходит через все классы от младших школьников до выпускников.

Мною составлены программы:

1. «Историко-географическое краеведение для 6–7 классов» – 70 часов.
2. «Историко-литературно-географическое краеведение для слушателей курсов ИПКРО и студентов географического факультета ОмГПУ» – 70 часов.
3. «Омскоеведение» (Курс рассчитан на 2 года по 162 часа – I год, 162 часа – II год).

Все программы успешно используются в работе школ города, области, ГДТДиО, областного центра по туризму и краеведения, ЦДО «Эврика».

Подготовлены и организованы 3 научно-поисковые экспедиции:

1. «Из истории освоения и заселения Прииртышья.
2. «По Московско-Сибирскому тракту» (в пределах Омской области).
3. Малую экспедицию школьников и студентов «Они защищали Родину».

Школьники стали участниками многих научно-практических конференций: городских, областных, всероссийских и международных. Работы учащихся отмечены дипломами международной конференции «Роль России на пороге XXI в.». Ребята постоянно находятся в поиске интересных событий в крае. Такая работа выполняется с удовольствием. Природу и окружающую жизнь воспринимают как «учебную лабораторию». Формирование гражданина это очень сложный и ответственный процесс.

Составной его частью является патриотическое воспитание. Говорить о нем сегодня непросто. Понимая под патриотизмом любовь к своей Родине, даже мы – взрослые испытываем разноплановые чувства. Но в нас заложен фундамент, на котором основаны наши убеждения. Другое дело – дети. Им очень непросто в наше время. «История – это память всего человечества», а потому школьники должны знать историю Отечества, края, села, семьи. И нельзя оставлять их без этой памяти. Этому во многом способствует и помогает курс «Омсковедение». Основной целью его является – формирование чувства гражданственности, высокой нравственности, патриотизма, уважительное отношение к истории культуре народа, желание изучить прошлое и настоящее родного края. «Не забывай прошлого, оно учитель будущего».

К. В. Фадеев

СИБИРСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В 1880-х – 1930-х ГОДАХ

Культурно-просветительные общества, созданные с целью удовлетворения духовных, научных и просветительных потребностей интеллигенции, в условиях российской действительности конца XIX – начала XX вв. являли собой элементы формировавшегося гражданского общества.

Во второй половине 80-х гг. XIX в. начинают организовываться первые научные общества – Общество естествоиспытателей и врачей, Западно-Сибирское общество сельского хозяйства, Юридическое общество и другие, которые в своей деятельности обращались и к вопросам краеведения. В дальнейшем активизация социально-политической жизни в конце XIX – начале XX вв. в Томской губернии породила и развитие краеведения [2, с. 97].

Наряду с открытием музеев и небольших кружков стали появляться и краеведческие общества, такие, как Общество любителей исследования Алтая открытое в мае 1891 г., Общество любителей исследования естествознания, переименованное в 1902 г. в подотдел Географического общества и образованный в 1909 г. Томский отдел общества изучения Сибири и улучшения ее быта под председательством профессора В. А. Обручева. Это общество создало сеть метеорологических наблюдений в Томской губернии, развернуло торговлю предметами экскурсионного снаряжения, организовало научную экспедицию по изучению торговых связей России и Монголии и издало полученные результаты в виде научной монографии профессоров Томского императорского университета М. И. Боголепова и М. Н. Соболева о русско-монгольской торговле [1, стб. 980].

Краеведческие общества по сравнению с другими имели гораздо более масштабный спектр целей, не связанных с задачами какой-либо одной или нескольких научных областей и профессиональных групп. Главным направлением их исследований стал поиск особенных черт развития региона и распространение имеющихся на этот счет сведений.

Важным достижением местного краеведения было обращение к архивным документам и создание музеев. Первые краеведы Д. Л. Кузнецов, Н. А. Костров, В. В. Гурьев, А. А. Мисюрев, Д. Н. Беликов занимались публикацией архивных документов, а также использовали их в своих работах. Сбор документов был весьма нелегким занятием, так как они были разбросаны по создававшим их учреждениям, а нередко весьма старые и ценные старинные документы хранились в подвалах и на чердаках. Поэтому перед краеведами на первом плане стояли задачи по разысканию, описанию и систематизации архивов. Этой работой в дальнейшем занимались профессора Томского императорского университета – Н. Я. Новомбергский (кафедра полицейского права), Г. Г. Тельберг (кафедра истории русского права), а также преподаватели гимназий И. И. Тыжнов и Н. Н. Бакай.

В 1915 г. в Томске была образована губернская архивная комиссия, члены которой приступили к планомерной работе по сбору и систематизации архивных документов. Правда, результаты этой работы появились позже, в 1918–1920 гг.

Нужно отметить, что параллельно стало складываться и церковное краеведение, материалы по которому выходили в свет в «Томских епархиальных ведомостях». Временами газета, выходившая до декабря 1917 г., публиковала интересные материалы исторического характера о томских церквях и биографии местных священнослужителей. Также со страниц «Томских епархиальных ведомостей» в свое время раздался призыв протоиерея А. А. Мисюрева собирать и публиковать документальные памятники старины. После этого в 1914–1916 гг. возникло Томское церковное историко-археологическое общество.

Первые годы после утверждения в Сибирском крае советской власти не особенно благоприятствовали краеведческой работе, когда из-за последствий гражданской войны и экономической разрухи замерла научная жизнь музеев и краеведческих организаций. Поэтому всю исследовательскую работу приходилось организовывать заново. Выполнение этих задач принял на себя организованный в 1921 г. в Новониколаевске филиал по исследованию Сибири Сибирского отдела народного образования.

Большое значение в жизни сибирского краеведения имели 1924–1926 гг. В это время не только увеличилась краеведческая сеть путем дальнейшего роста организаций, но и между ними появилась постоянная связь.

В 1925 г. были проведены краеведческие конференции: Омская окружная (созванная Омским Обществом краеведения) и Алтайская губернская в Барнауле, созванная Алтайским Отделом Русского географического общества.

В результате этих конференций возникли выборные бюро краеведения, в задачу которых вошло объединить местные общественные и научные организации по вопросам изучения края. Тогда же возникло Общество изучения Томского края, развившее бурную исследовательскую работу. Наконец, этим годом следует отметить возникновение в Новосибирске организации, которая вскоре стала для Сибири центральной. Это общество по изучению производительных сил Сибири [3].

К 1930 г. краеведческая сеть Сибирского края имела 18 обществ краеведения (включая сюда и 4 отдела Русского географического общества) и 18 музеев, которые также по своим задачам являются пунктами сосредоточения краеведческой работы [1, с. 983–984].

И все же утверждающийся в стране советский тип культуры, не допускающий инакомыслия и оппозиции, теперь уже не нуждался в изучении истории прошлого. Оказавшись на пути радикальных перемен, происходящих в обществе, краеведческое движение сначала было трансформировано, а затем растоптано и отброшено.

Таким образом, сибирские дореволюционные краеведческие общества концентрировали свое внимание на изучении местных природных, хозяйственных и социальных условий. Однако Томский отдел общества изучения Сибири и улучшения ее быта ставил перед собой более масштабные и отчасти общественно-политического значения задачи. Уже в советское время «золотое десятилетие» краеведческого движения в Западной Сибири могло бы продлиться и дольше, если бы не страшное преступление сталинской административно-бюрократической системы начавшей настоящую войну против подвижников изучения локальной истории. На смену «золотым» 1920-м гг. пришли страшные 1930-е гг., когда идеологические установки в науке не просто победили в краеведческом движении, а победили само движение.

-
1. Ансон А. Краеведение // Сибирская советская энциклопедия. М., 1931. Т. II.
 2. Потанин Г. Культурно-просветительные организации // Город Томск. Томск, 1912.
 3. Шиловский М. В. Актуальные вопросы истории и современной практики исторического краеведения в Сибири [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tomskhistory.lib.tomsk.ru/page.php?id=152>.

**МАТЕРИАЛЫ К СВОДНОМУ СПИСКУ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ
ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ОТДЕЛА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ЗА 130 ЛЕТ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ: ИСТОЧНИКИ И КРИТЕРИИ ОТБОРА**

В 2006 г. в рамках подготовки 130-летия ЗСО ИРГО научным коллективом Омского регионального отделения РГО была начата работа по подготовке материалов по истории отдела, содержащих биографические материалы о наиболее активных членах географического общества в Омске за 130 лет его деятельности. При поддержке гранта губернатора Омской области материалы были опубликованы в специальном выпуске «Известий» Омского отделения РГО [4]. В 2008 г. авторским коллективом под руководством В. С. Баженова, Б. Ю. Кассала, Ф. И. Новикова готовится к изданию новый, расширенный и дополненный выпуск. Важной составляющей продолжающегося исследования является поиск и выявление не только активных членов общества, выступавших на заседаниях, участвовавших в экспедициях и публиковавшихся в изданиях общества, а также занимавших должности в руководящих органах отдела, но и в целом полного списка членов общества за истекшее столетие.

Сбор биографических сведений о действительных членах отдела был начат ещё в первые десятилетия его существования. Первая систематическая попытка рассылки и сбора анкет действительных членов была предпринята Председателем отдела Г. Е. Катанаевым в 1896–97 г. на основании распоряжения покровителя отдела, Степного генерал-губернатора М. А. Таубе и преследовала цели перерегистрации членов отдела. Тем не менее, материалы этой переписи, отложившиеся в ГАОО [2, д. 64] и Архиве РГО [1, оп. 1–1876. д. 13] представляют собой достаточно ценный источник.

Составление и публикация сводного списка была впервые принята отделом к его 25-летию в 1902 г. и продолжена в 1911. [См. 6; 8] Однако в сборнике В. Ф. Семёнова, посвящённом 50-летию отдела в 1927 г. [5] такая попытка не предпринималась, по всей видимости, по политическим мотивам, так как среди дореволюционных членов отдела большое количество составляли чиновничество и офицерство.

В последние десятилетия возобновившийся интерес к деятельности дореволюционных общественных организаций породил целую серию работ, посвящённых биографиям отдельных членов ЗСО ИРГО. Особо важно отметить фундаментальную работу новосибирского учёного Ирина Анатольевны Скалабан, к сожалению существующей только на правах рукописи, а потому недоступной широкому читателю.[7] Причём если прежде авторы касались только наиболее выдающихся представителей отдела, таких, как Г. Н. Потанин, И. Я. Словцов, Г. Е. Катанаев, М. В. Пев-

цов, Н. М. Ядринцев и др., то в последнее время в работах омских историков и краеведов П. П. Вибе, О. В. Гефнер, А. В. Жука, А. Э. Лейфера, А. М. Лосунова, А. П. Сорокина и др. получили заслуженное признание и менее известные «рядовые» члены – М. М. Сиязов, В. В. Барышевцев, Г. П. Дроздов, П. Ф. Брейтигам, И. П. Лаптев и др.

Как «самоистория» отдела, так и перечисленные публикации легли в основу материалов к «Предварительному сводному списку членов ЗСО РГО». Подбор и составление «Предварительного списка» на основе публикаций и сведений, предоставленных современными членами, осуществлялись Ф. И. Новиковым и И. Н. Мухачевой, сверка, уточнение и дополнение по архивным материалам за период 1877–1931 – А. П. Сорокиным, а по материалам текущего архива ОО РГО – И. Н. Мухачевой.

В «Предварительный сводный список» нами были включены действительные члены Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (1877–1917), Западно-Сибирского отдела (Государственного) Русского географического общества (1917–1931), Омского отдела Географического общества Союза ССР (1947–1991), Омского (регионального) отделения Русского географического общества (1991–2008). Сводный список составлен на основании списков, опубликованных Отделом в своих изданиях в разные годы (1902, 1911, 1927 г.), а также на материалах архива отдела, хранящегося в ГУ ГАОО (Ф. 86 – 1877–1922 гг., Ф. Р–1075 – 1922–2003 гг.), и материалах текущего архива ОРО РГО. [1; 2; 3; 5; 6; 8]

В сводный список включены действительные и почетные члены, в том числе «члены-соревнователи» и «члены-сотрудники», а также лица, состоявшие в Географическом обществе и внесшие значительный вклад в организационную и научную деятельность отдела или публиковавшиеся в его изданиях.

Полные сведения о члене, включённые в «Список» содержат фамилию, имя, отчество (инициалы), даты жизни либо год рождения, год вступления в общество (отдел). В графе «Специализация» содержатся указания на главные научные интересы члена, основное содержание его публикаций либо деятельность, благодаря которой он стал известен. Графа «Поручения, звания» включает информацию о должностях членов в составе отдела и его руководящих органов (Распорядительного комитета, Совета), наградах общества, почетном членстве, заслугах перед РГО. Сведения приводятся на основании опубликованных и архивных данных либо информации, предоставленной самими членами.

К сожалению, на основании имеющихся материалов пока не удалось установить даже общие сведения на некоторых членов общества. Тем не менее, в «Предварительный сводный список» включались лица, на которых имеется косвенная информация об их активном участии в деятель-

ности отдела, выступлениях на заседаниях, публикациях в изданиях общества. Некоторые данные (особенно касающиеся дат вступления и выбытия из числа членов общества), по которым сведения источников расходятся, требуют дополнительной проверки. «Предварительный сводный список» не претендует на исчерпывающую полноту освещения 130 лет истории отдела, поскольку сведения о многих членах общества рассеяны в массе косвенных архивных источников. Список в дальнейшем необходимо расширить и дополнить. Ценность сводного списка заключается в попытке ретроспективного обозрения общественно-активных слоев, как дореволюционной России, так и советского и постсоветского периода, и может послужить полезным материалом не только для истории отдела РГО, но и по истокам, проблемам формирования и современному состоянию гражданского общества в России.

-
1. Архив РГО (г. С. -Петербург). Ф. 1. Оп. 1–1876. Д. 13; Оп. 1–1896. Д. 22; Оп. 1–1897. Д. 19; Оп. 1–1914. Д. 30.
 2. ГАОО Ф. 86. Оп. 1. Д. 7, 30, 36, 38, 50, 63, 64, 93, 94, 193, 206, 232, 262.
 3. ГАОО Ф. Р–1075 Оп. 1. Д. 23, 23а, 24, 29, 61, 72.
 4. Известия Омского отдела Русского географического общества: Вып. 12 (19): Выдающиеся ученые и деятели культуры Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества и Омского регионального отделения Русского географического общества. Омск, 2007.
 5. Семёнов В. Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества (1877–1927). Омск, 1927.
 6. Справочник к обзору деятельности Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества за 1877–1910 гг. Омск, 1911.
 7. Скалабан И. А. Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического Общества в последней четверти XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994.
 8. Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического Общества (1877–1902). Омск, 1902.

*А. А. Колоколов, В. В. Лизунов,
Г. П. Пономарева, А. А. Соловьев*

ОМСКОМУ ДОМУ УЧЕНЫХ – 70 ЛЕТ

1. Из истории Дома ученых в г. Омске

Дом ученых является традиционной формой объединения работников высшей школы и научных учреждений. Первые Дома ученых были созданы в Ленинграде (1920 г.), в Москве (1922 г.), в Томске (1927 г.). В Омске с ноября 1931 г. по 1934 г. работал Дом науки и техники, объединяв-

ший ученых и инженеров, которые собирались для общения и отдыха, постановок художественной самодеятельности. Однако в 1934 г. здание Дома науки и техники было передано военному учреждению, потом Комбанку, а в 1936 г. там разместился Дом пионеров. Научные работники остались без помещения, актив был растерян. Обсуждался вопрос о необходимости строительства специального здания под Дом Науки и Техники. К тому времени в г. Омске имелось 7 вузов, несколько техникумов и профтехшкол, сельскохозяйственный НИИ, свыше 600 научных работников (профессоров, доцентов, ассистентов, аспирантов), обучалось не менее 9 тыс. студентов. В городе работало около 400 врачей, большое количество инженеров и прочих работников высшей квалификации.

В 1937–1938 гг. Обкомом Союза работников высшей школы и научных учреждений и Облбюро секции научных работников (СНР) проведена значительная работа по привлечению внимания к организации Омского Дома ученых. Вопрос ставился на общих собраниях научных работников с присутствием представителей партийных организаций, на Облбюро СНР, на 1-й конференции Союза работников высшей школы и научных учреждений Омской области. Решение о создании Дома ученых в Омске было поддержано Всесоюзным съездом этого Союза.

В связи с решением съезда постановлением Обкома ВКП(б) Дому ученых было выделено место в одноэтажном здании областного Дома партпроса (ул. Республики, 3) на правах «углового» жильца. До революции в этом доме размещалось Общественное собрание, которое было центром культурной жизни Омска, в его стенах рождалось много замечательных идей, повлиявших на развитие города.

Решение Обкома ВКП(б) о ДOME ученых было принято в феврале, но отсутствие уведомления Обкома Союза и необходимость разработки сметы и договора с Домом партпроса задержало заключение договора до марта. Договор на 1938 г. (с возможностью пролонгации на 1939 г.) был подписан директором Дома партпроса Котлячковым И. А. и уполномоченным Обкома Союза, доцентом Баландиным Александром Ивановичем (Омский медицинский институт), который в дальнейшем стал первым директором Дома ученых.

15 апреля в ДOME партпроса состоялось организационное собрание, а 24 апреля 1938 г. – торжественное открытие Дома ученых. Вступительную речь произнес председатель Обкома Союза доцент А. П. Кузьмищев, а профессор Розеньер Л. А. (Омский медицинский институт) выступила с докладом о творчестве П. И. Чайковского, далее следовало концертное отделение по произведениям этого композитора. Ответственным за организацию вечера был А. И. Баландин.

Обкомом Союза и Облбюро СНР было создано «организационное ядро для разворачивания Дома ученых» – комиссия, включавшая предста-

вителя Облбюро доцентов А. И. Баландина, А. Я. Вялых, С. Л. Смыслова, И. А. Жглинского, профессора Вальзаментова, ассистента А. Н. Смирнова, выделены средства на развитие Дома ученых, составлен план работы (с апреля 1938 г.) с учетом разнообразных интересов его членов, образован актив Дома ученых.

В 1938 г. работа Дома ученых строилась по следующим секторам:

– партийного и марксистско-ленинского обучения и воспитания (в том числе – марксистско-ленинский университет Облбюро СНР, который до этого времени имел «случайное помещение», кружок текущей политики и консультации);

– учебно-производственный (для производственников и инженеров, стахановцев, ударников путем постановки лекций (в том числе «кино-лекций), докладов, консультаций, а также консультаций для молодых научных работников);

– сектор методической работы (доклады, лекции, консультации, вечера вопросов и ответов для вузов, кафедр, отдельных научных работников и студентов, для других секторов Дома ученых, а также для Дома пионеров);

– сектор культурно-художественной и самодеятельной работы (драмкружок и художественного чтения, хоркружок, музыкальный, сольного пения и оперных постановок, танцевальный для взрослых и детей, шахматный, кино, лекции по вопросам живописи, культуры, истории и т. д.).

Среди активистов Дома ученых были А. И. Овчинникова, пианистка (Сибирский автодорожный институт), К. С. Донченко (Музыкальное училище), М. К. Петерс и Кривошап (художники), профессора М. Д. Львов (Сибирский автодорожный институт), В. А. Штаркер (Омский медицинский институт) М. И. Киселев (Сибирский автодорожный институт) музыканты – скрипачи. Была группа руководителей оркестра и музыкантов, играющих на народных инструментах, актив певцов в составе 15 человек. Возник и актив докладчиков по вопросам музыки: профессора И. Н. Журавлев (Омский педагогический институт), Л. А. Розеньер, А. А. Бугаев (Омский медицинский институт), доцент П. А. Иванов (Ветеринарный институт).

В течение 1938 г. проводились тематические и семейные вечера, кино-лекции, концерты, лекции для научных работников, производственников и партактива, доклады о методике преподавания химических дисциплин, о научно-исследовательской работе в вузах, собрания актива Дома ученых, вечера классической музыки.

9 августа 1938 г. Обком ВКП (б) вынес решение о переводе ТЮЗа в центр города и временно предоставил ему место в Доме партпроса. Это создало большие трудности для работы Дома ученых и Университета марксизма-ленинизма. Поэтому Обком Союза обратился к депутату Верховного Совета СССР от Омского избирательного округа Е. М. Ярослав-

скому и в ЦК Союза работников высшей школы и научных учреждений с просьбой помощи.

В 1939 г. газета «Омская правда» опубликовала статью Л. А. Розенбер, которая актуальна и в настоящее время. В ней говорится о том, что «советские ученые, живущие в Омске, вправе иметь свой клуб, где они могли бы культурно отдохнуть, встретиться друг с другом и обменяться мнениями, опытом своей плодотворной работы... В Омске должен быть построен Дом ученых... На время строительства необходимо организовать работу Дома ученых в одном из старых помещений. В частности, есть возможность оборудовать Дом ученых в здании, принадлежащем Омскому военному училищу имени Фрунзе, тем более что командование училища против этого не возражает» [3].

Несмотря на множество трудностей, проведение интересных лекций и докладов, музыкальных, литературных и театральных концертов и вечеров на различных площадках сделали Дом ученых центром не только научной, но и культурной жизни омской интеллигенции. Этому способствовало создание с его участием в 1940 г. Дома журналистов, писателей и ученых», о котором рассказывал нам известный омский ученый профессор М. Е. Бударин, непосредственный участник тех событий. В послевоенные годы (до 80-х гг.), судя по имеющимся материалам, работа Дома ученых не возобновлялась.

2. О современном периоде

Деятельность Омского Дома ученых (ОДУ) начала восстанавливаться в конце 80-х гг. во многом благодаря группе активистов во главе с доцентом Омского государственного университета Ксенией Петровной Степановой. Идея была поддержана ректорами трёх омских вузов: Омского государственного университета, Омского государственного технического университета и Сибирской автомобильного-дорожного института. 29 декабря 1990 г. предложения по созданию ОДУ были рассмотрены и поддержаны исполкомом городского Совета (решение № 544), 4 февраля 1991 г. – Советом ректоров омских вузов.

Решение о создании Омского Дома ученых и его устав были приняты на собрании научной общественности в Омском академическом театре драмы 3 апреля 1991 г. Официально ОДУ зарегистрирован 23 октября в качестве общественной организации. В этом же году Председателем Совета ОДУ была избрана Ксения Петровна Степанова, в 1995 г. – завотделом Института информационных технологий и прикладной математики (в настоящее время – Омский филиал Института математики им. С. Л. Соболева СО РАН) Александр Александрович Колоколов.

В соответствии с уставом деятельность ОДУ направлена на интеграцию сил научной общественности, создание условий для общения представителей науки, культуры, образования и других специалистов.

Уже в первые 2–3 года сформировались основные направления работы ОДУ: научно-организационная, научная, просветительская, информационно-аналитическая, издательская, культурно-массовая и пр. Действовали секции: экологическая, культурологическая, философская, нетрадиционной науки, международная и др., гостиная ОДУ и музыкально-поэтический клуб «Иваново детство». Был проведен целый ряд конференций, семинаров, круглых столов, в том числе конференция на актуальную в то время тему: «Интеллигенция: проблемы выживания», а также большой цикл культурологических мероприятий по направлению «Человек. Культура. Слово». В 1993 г. ОДУ совместно с Экономическим комитетом администрации Омской области был подготовлен и выпущен справочник «Омск научный» [2].

Новый важный этап в деятельности ОДУ связан с началом плодотворного сотрудничества с Омской государственной областной научной библиотекой им. А. С. Пушкина (после ее размещения в здании по ул. Красный путь в 1995 г.), которое успешно развивается и в наши дни благодаря содействию директора Раисы Николаевны Царевой, заведующей Центральной научной библиотекой Омского научного центра СО РАН Галины Семеновны Барчевской, руководителя профессорского зала Галины Петровны Пономаревой, многих сотрудников библиотеки.

Среди наиболее значимых совместных мероприятий с библиотекой им. А. С. Пушкина, омскими академическими подразделениями, вузами, органами власти, общественными и другими организациями можно выделить конференцию по проблемам становления гражданского общества (1997 г.), региональную конференцию «Омские научные объединения: история и современность» (24 апреля 1998 г.), посвященную 60-летию ОДУ и отразившую деятельность различных омских научных сообществ (медицинских, научно-технических, аграрных, экологических, географического, исторического, а также Научного общества учащихся), конференцию «Академическая наука в Омске: проблемы и перспективы развития» (1999 г.), «Наука на рубеже XXI в.» (2000 г.), Всероссийскую конференцию «Проблемы оптимизации и экономического прироста» (2003 г.), Международный семинар по методам управления поставками продукции (2004 г.) и др. Было организовано большое число семинаров и круглых столов. Важную роль в этой деятельности играет Клуб межнаучных контактов, в рамках которого регулярно проводятся заседания семинара «Омские экономические чтения» совместно с Омской экономической лабораторией Института экономики и ОПП СО РАН (с 2002 г.).

В этот период активно развивается экологическое направление деятельности ОДУ, которое является одним из важнейших и в настоящее время. Совместно с городской администрацией и городским Советом был организован Наблюдательный совет по вопросам охраны окружающей

среды Омска. Проводились заседания Экологического клуба, продолжалось сотрудничество с городским Детским эколого-биологическим центром и Омским отделением Русского географического общества. ОДУ участвовал в проведении ежегодного городского экологического марафона, фестиваля «Белая береза» и ряда других мероприятий.

Много различных семинаров, творческих встреч и вечеров было организовано ОДУ совместно с Либеров-центром, Сибирским культурным центром, Музеем им. М. А. Врубеля, Дом-музеем К. П. Белова, музеем УВД и другими учреждениями.

Большое внимание Дом ученых уделяет просветительской работе в Омском кадетском корпусе (совместно с Н. А. Томиловым, членом Попечительского совета). Здесь с лекциями об актуальных направлениях науки выступали А. А. Колоколов, В. М. Лебедев, В. В. Лизунов, В. И. Разумов, О. М. Рой, А. А. Соловьев, А. К. Чернышев и др.

Особое место в деятельности ОДУ занимает разработка Концепции и Стратегического плана развития города Омска [1]. Итоговый вариант Концепции был подготовлен творческим коллективом в составе: А. А. Колоколов (руководитель), В. В. Карпов, В. М. Лебедев, В. В. Лизунов, О. М. Рой, В. И. Разумов, Л. И. Рыженко, А. А. Соловьев. Концепция была рассмотрена и утверждена на общегородской конференции «Омск: стратегическое развитие города» 5 декабря 2002 г., которая проходила под руководством губернатора Омской области Л. К. Полежаева. С докладом о проекте Концепции выступил А. А. Колоколов, по ряду отдельных направлений – члены творческого коллектива. По инициативе ОДУ при мэре г. Омска был создан Координационный совет по стратегии развития города, в состав которого вошли несколько членов творческого коллектива. В период подготовки Концепции ОДУ было издано 26 сборников материалов.

В последнее десятилетие значительный вклад в деятельность Дома ученых внесли И. И. Богданов, А. П. Болштынский, О. А. Кутмина, В. М. Лебедев, В. В. Лизунов, О. М. Рой, А. А. Соловьев, К. П. Степанова, А. А. Телевой (члены Совета ОДУ), активисты Н. П. Белоцерковец, В. К. Глущенко, А. М. Губкина, С. И. Лизунова (секретарь Совета ОДУ), Л. К. Немцева, В. И. Разумов, С. В. Ратушина, Л. И. Рыженко, В. П. Сабуров, В. П. Соболев, Л. П. Филиппова и др.

В 1991 г. мероприятия ОДУ проходили во 2-м корпусе ОмГУ, затем – в Региональном центре по связям с общественностью. В 1994 г. деятельность ОДУ начала осуществляться с использованием особняка «Дом купца Хаберева» (памятник архитектуры постройки 1910 г.), который требовал значительного ремонта и реставрации. Несмотря на помощь руководства области и города, некоторых вузов и предприятий средств на реставрацию оказалось недостаточно и в 2000 г. здание было передано другой организации, которая имела возможность выполнить эти работы.

В настоящее время прорабатывается вопрос о включении ОДУ в состав Омского научного центра СО РАН и выделении для него помещения в одном из зданий бывшего военного училища им. М. В. Фрунзе. Это позволит существенно расширить возможности ОДУ как эффективной формы объединения ученых и специалистов для межнаучного, культурного и личного общения в целях развития науки, культуры и образования в регионе.

1. Карпов В. В., Колоколов А. А., Лизунов В. В., Лебедев В. М., Разумов В. И., Рой О. М., Рыженко Л. И., Соловьев А. А. Концепция стратегического развития города Омска. Омск, 2002.

2. Омск научный. Справочник. Омск, 1993.

3. Розеньер Л. А. В Омске должен быть Дом ученых // Омская правда. 1939. 1 июня.

Т. Н. Хроменкова

ВЕДОМСТВЕННАЯ НАУКА В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ВУЗАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920–1930-х ГОДОВ

В 1920–1930-х гг. ведомственная наука в железнодорожных вузах Западной Сибири была представлена рядом следующих направлений: теория и конструкция паровозов, теплоэнергетика, вагоностроение, электротехника, транспортная гляциология. Успехи в развитии ведомственной науки во многом объяснялись политикой государства, направленной на техническое перевооружение железнодорожного транспорта. Кафедры железнодорожных вузов превратились в центры развёртывания научных исследований, результаты которых публиковались в научно-исследовательских сборниках, монографиях и активно внедрялись в производство. Базой для создания новых научных отраслей послужили разработки ученых Томского технологического института, которые велись там с момента основания и были унаследованы советскими железнодорожными вузами – Томским электромеханическим институтом транспорта (ТЭМИИТ) и Новосибирским институтом военных инженеров транспорта (НИВИТ).

В начале XX в. в Томском технологическом институте были заложены основы паровозной науки. Её отцом по праву считают Н. И. Карташова, занимавшего должность декана механического факультета, затем ректора ТТИ [1, л. 101]. В 1930-е гг. Н. И. Карташов трудился в стенах ТЭМИИТа. Он являлся заведующим кафедрой «Паровозы». Им создано более 150 научных трудов по теории и конструкции паровозов [2]. Среди них – «Курс паровозов», посвященный истории развития паровозов с на-

учным обоснованием конструкций, анализом тенденций дальнейшего совершенствования паровозов, а также «Проектирование паровозов», выдержавшее несколько изданий [3, с. 150]. В 1937 г. вышла его уникальная в мировой практике книга «История развития конструкций паровоза» [3]. Докторами наук стали ученики Н. И. Карташова студенты-механики В. М. Казаринов, А. Д. Белоусов, М. П. Пахомов, А. А. Камаев, В. И. Гридюшко, Г. П. Бойко [2].

За успехи в научной деятельности Н. И. Карташов имел множество наград. Время не обесценило вклада Н. И. Карташова в паровозную науку. Сегодня его труды считаются фундаментальными, определившими в свое время развитие отечественного паровозостроения. Разработанные Н. И. Карташовым вопросы теории конструкции и динамики паровозов, их взаимодействия с железнодорожными путями эксплуатации получили практическое применение при создании механической части тепловозов и электровозов.

Развитию вагонного хозяйства и вагоностроения посвятили себя доценты ТЭМИИТа В. С. Колосунин и И. В. Тыжнов. В. С. Колосунин, начальник вагонного факультета ТЭМИИТа, в 1930-е гг. создал ряд работ, способствующих совершенствованию тормозов. Его труд «Теоретические исследования вопроса о возможном повышении тормозной эффективности четырехосного вагона на тележках», созданный в 1934 г., был одобрен Московским вагонным исследовательским институтом. Всего же Колосуниным разработано свыше 40 диаграмм по теоретической механике и тормозному делу [4, л. 38].

НИВИТ в 1930-е гг. создал свою знаменитую школу транспортной гляциологии – учения о взаимодействии транспортных сооружений со снежными и ледяными стихийными явлениями [5, с. 18]. Это научное направление оказалось весьма актуально, и было востребовано в условиях Сибири. Основателем научной школы являлся профессор В. Е. Еврейсков. Многочисленные труды В. Е. Еврейскова по лесовозным железным дорогам, по борьбе с оползнями, о развитии электрификации транспортных связей Урала и Сибири создали ему заслуженную славу крупнейшего учёного-транспортника. Учеником, последователем В. Е. Еврейскова в становлении и развитии транспортной гляциологии стал Г. Н. Коржавин. В 1937–1938 гг. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Динамическое движение льда на опоры мостов и гидротехнические сооружения». Эта работа получила высокую оценку ленинградских ученых. Г. Н. Коржавин работал на кафедре до 1991 г. и получил звание заслуженного деятеля науки и техники [6, л. 13].

Сибирская теплотехническая школа своим становлением обязана И. Н. Бутакову, являвшемуся в 1920-х гг. преподавателем Томского техно-

логического института. Первые результаты в этом направлении были опубликованы в 1924 г. в статье «Изменение мощности паромашин». К 1932 г. И. Н. Бутаков опубликовал 114 работ, посвященных исследованиям в этой области [7, с. 275]. В 1930-х гг. И. Н. Бутаков состоял профессором Томского индустриального института (ТИИ). Дирекция и научная общественность ТИИ в 1938 г. выдвинула Бутакова кандидатом в член-корреспонденты Академии наук СССР [8, л. 32]. Свои исследования в области паротехники И. Н. Бутаков продолжил в стенах ТЭМИИТа в 1940–1950-х гг. В ТЭМИИТе в 1930-х гг. в этом же направлении работал Д. В. Спецци. Он основал кафедру паротехники и был её первым заведующим. До 1922 г. Спецци являлся заместителем начальника службы тяги Томской железной дороги. Затем был приглашён в Томский технологический институт в качестве ассистента при кафедре паровых машин, как один из самых выдающихся молодых инженеров Томской дороги. В сентябре 1930 г., будучи заведующим кафедрой, утверждён в звании доцента, а с декабря 1931 г. исполнял обязанности профессора. Он возглавлял кафедру вплоть до 1938 г. [9].

Появлению новых технических изобретений, серьезных исследований в сибирских транспортных вузах мешала «оторванность от научных центров, отсутствие хороших библиотек, современных лабораторий, производственных объектов, нехватка средств на длительные творческие командировки» [8, л. 14]. Существовали и такие проблемы научно-исследовательской деятельности как замедленный рост кадров и слабая издательская деятельность. Но вопреки всем трудностям, учёные сибирских железнодорожных вузов своими разработками в немалой степени способствовали техническому совершенствованию железнодорожного транспорта. Их изобретения находили признание в стране и за рубежом. Отдельные труды и сегодня представляют не только историческую, но и научную ценность.

-
1. Архив ОмГУПСа. Личное дело Н. И. Карташова.
 2. Транспортник. 1999. 23 июня.
 3. Иванов В. В. Н. И. Карташов // Ученые и изобретатели на железнодорожном транспорте. М., 1956.
 4. Архив ОмГУПСа. Личное дело В. С. Колосунина.
 5. Дюнин А. К. 60 лет НИИЖТу // Железнодорожный транспорт. 1992. № 9.
 6. ГАНО. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 93.
 7. Лозинский Ю. М. Старейший технический вуз Сибири. 100 лет. Томск, 2000.
 8. ГАНО. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 37.
 9. Транспортник. 1990. 18 июня.

ВКЛАД Н. С. ФАЛЬКОВИЧА В РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. С. Фалькович (1933–2007) – кандидат географических наук, доцент ОмГПУ, мастер спорта по туризму, выдающийся омский учёный, краевед, крупный специалист в области географии туризма, действительный член Омского отдела Русского Географического Общества, Лауреат премии им. М. В. Певцова – оставил потомкам богатое научное наследие, которое ещё предстоит проанализировать и изучить.

Научное становление и деятельность Н. С. Фальковича можно условно разделить на три этапа.

Первый этап (конец 1950-х – середина 1960-х гг.) – это этап сбора первичных эмпирических данных о рекреационных ресурсах Омской области, составление и проведение туристских походов различной категории сложности. Наиболее известным из них стал поход в район р. Урны, маршрут которого пролегал в самой глухой и наименее изученной части Омской области по водоразделу рек Туй и Демьянка по территории Тевризского района на стыке Омской и Тюменской областей [7]. Важным результатом данной работы стало издание с его участием туристской схемы Омской области (1968), на которой были отмечены некоторые зачётные туристские маршруты, туристско-экскурсионные поездки и походы из Омска, а так же многочисленные достопримечательности городов и сёл Омского Прииртышья, рекомендуемые для посещения. И хотя на сегодняшний день есть и более новые картографические материалы по Омской области, во многом эта схема остаётся эталоном качества туристской информационной продукции краеведческого характера в области туризма.

Второй этап (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) – активная научная деятельность по вопросам международного туризма (монография «География международного туризма» (1972) [1], и диссертация «Основные географические аспекты международного туризма за рубежом» (1973) [9]). На этом этапе Н. С. Фалькович изучал географию путешествий омичей за пределы СССР, результатом которого стали статьи в Известиях ОО ГО СССР [8].

Третий этап (середина 1970-х – 2007 гг.) – самый продолжительный и самый продуктивный в научной работе Н. С. Фальковича. Он характеризуется многочисленными туристскими походами, как по территории области, так и за её пределами, участием в развитии внутреннего туризма, участием в создании «Схемы развития и размещения объектов туризма Омской области на период до 2000 г.» (1983) [4], руководством секцией «География туризма» ОО ГО СССР.

После политических событий начала 1990-х гг. Н. С. Фалькович активно работает над концепцией туризма Омской области [6], которая

впоследствии была разработана группой специалистов и принята к реализации Правительством Омской области. Научные интересы Н. С. Фальковича в данный период были весьма широки, но особое место в его работе занимали вопросы туризма и рекреационных ресурсов Омской области. Им были оценены туристские объекты и перспективы туристской деятельности для Азовского, Тарского, Муромцевского, Калачинского, Саргатского, Большереченского и других районов Омской области. А так же таких географических объектов, как оз. Данилово и Ленёво; пгп Крутая Горка; Красноярско-Чернолученская курортная зона местного значения; Омск, Тара, Калачинск, Исилькуль, Тюкалинск; Ачаирский монастырь; Подгородная лесная дача; Сад Комиссарова и многие другие. В ряде работ Н. С. Фалькович отмечал возможности для развития на территории Омской области таких форм туризма, как спортивный, экологический, руральный, экскурсионный, выставочный, познавательный, деловой, рекреационный, пляжный и др. В соавторстве с В. А. Фатеевым им была написана глава «Заветными тропами» о рекреационных ресурсах, туризме и туристских маршрутах в главном печатном труде о природе Омской области последнего времени «Земля, на которой мы живём. Природа и природопользование Омского Прииртышья» (2002).

Особое значение Н. С. Фалькович уделял новым проектам на территории Омской области, которые должны в будущем улучшить условия жизни и удовлетворить рекреационные потребности населения. Важнейшим из них стал проект низконапорного гидроузла в районе Омска, в научном обосновании которого он принял активное участие. В частности, Н. С. Фалькович предложил соорудить его южнее г. Омска, между населёнными пунктами Ачаир и Усть-Заостровка и создать на его основе целую рекреационную зону с водным туризмом (маршрут по будущему водохранилищу был им условно назван «Розовский круиз»), пляжным отдыхом, рыбалкой, а так же экскурсионным посещением отдыхающими местных достопримечательностей: Ачаирского монастыря, Сада Комиссарова, геологического памятника природы «Берег Черского», а в будущем – создание в с. Розовка целого Музея Иртыша [5, 10].

Работы Н. С. Фальковича отличаются не только профессиональной компетентностью, географической и туристской эрудицией, но и доступностью для понимания широкими массами, а потому и огромной ценностью в изучении и познании родного края.

1. Зачиняев П. Н., Фалькович Н. С. География международного туризма. М., 1972.

2. Земля, на которой мы живём. Природа и природопользование Омского Прииртышья. Омск, 2002.

3. Омская область: туристская схема. М 1 : 600 000 / Авт.: Зарайский В. А., Морозов В. А., Палашенков А. Ф., Фалькович Н. С., Фиалков Д. Н. Омск, 1968.

4. Схема развития и размещения объектов туризма Омской области на период до 2000 г. / Авт.: Гаценко А. А., Бойко Г. А., Фалькович Н. С., Рябошапко П. А. Омск, 1983.

5. Фалькович Н. С., Демешко В. Н. О целесообразности создания рекреационной зоны в районе будущего водохранилища // Современные проблемы реки Иртыша и водоснабжения Омской области: пути их решения. Омск, 2006. С. 98–102.

6. Фалькович Н. С. К вопросу о концепции туризма в Омском Прииртышье // Природа и природопользование на рубеже XXI в. Омск, 1999.

7. Фалькович Н. С. Краеведческо-туристский поход в район р. Урны, притока р. Демьяна // Известия Омского отдела Географического Общества Союза ССР. Вып. 4 (11). Омск, 1961.

8. Фалькович Н. С. Омичи путешествуют по планете // Известия Омского отдела Географического Общества Союза ССР. Вып. 10 (17). Омск, 1972.

9. Фалькович Н. С. Основные географические аспекты международного туризма за рубежом. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата географических наук. М., 1973.

10. Фалькович Н. С. О создании плотины и водохранилища в районе г. Омска // Омская низконапорная плотина. Омск, 2005.

С. П. Исачкин

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ КАК ФАКТОР ЗАРОЖДЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИБИРИ

Публикации по проблемам историографии революционного движения в Сибири стали появляться только в 60–70-х гг. XX в. Однако первые попытки осмысления содержания соответствующей литературы предпринимались значительно раньше. На начальном этапе развития советской исторической науки данный процесс осуществлялся в рецензиях на многочисленные издания о революционной борьбе и политической ссылке в Сибири. При этом профессиональный уровень рецензентов был очень неравным, а нередко ими становились сами участники прошлых событий. Среди работ подобного рода чаще всего фигурировали заметки без какой-либо критической направленности. Они напоминали скорее аннотации на мемуары, а также смешанные сборники статей, воспоминаний и документальных материалов. В таких рецензиях в лучшем случае давались рекомендации по совершенствованию оформления и содержания последующих изданий.

Гораздо ближе к историографическим работам были отклики на публикации журнала «Каторга и ссылка», помещавшиеся под рубрикой «Письма в редакцию». Так, например, Д. А. Пузанов внес интересные дополнения к статьям о деятельности социал-демократов в Минусинской

ссылке. Он благодаря уточненным фактам и логическим рассуждениям помог авторам и читателям разобраться в политической направленности газеты «Минусинский край» в разные годы ее существования [1, с. 191]. В свою очередь М. М. Бирман также дополнил статью А. А. Липкина собственными воспоминаниями и предоставил свои данные о сроках выпуска изданий Союза сибирских рабочих [2, с. 283–284].

Элементы историографического анализа были присущи рецензиям Р. П. Хабаса, В. Д. Вегмана, И. К. Колычевского, В. Н. Соколова. Так, первый из них резко критиковал авторов сборника «Кара и другие тюрьмы Нерченской каторги» за неумение обрабатывать публикуемый материал и был в принципе прав [3, с. 247–248]. Однако при этом Р. П. Хабас не учел, что большинство из них не обладали навыками профессионального исследователя, а значит предъявлять к ним подобные требования было не корректно. В свою очередь В. Д. Вегман, анализируя мемуары Б. З. Шумяцкого, попытался восстановить объективность в отношении оценки «правдивов», действовавших в Красноярске. Автор рецензии писал, что утверждать, будто только они «трезво расценивали вещи и правильно шли по пути к Октябрю, будет, по меньшей мере, не верно и несправедливо» [4, с. 275–276]. Это, разумеется, противоречило официальной трактовке вопроса, но высказывать собственные мысли в 20-е гг. советской эпохи еще было возможно. Правда, другие авторы в подобной ситуации были более осторожны. В частности И. К. Колычевский критиковал материалы сборника «Сибирская ссылка», изданного в 1927 г., именно с позиций официальной историографии. Рецензент считал его «не вполне удачным», так как в нем «общественная и политическая жизнь ссылки затронута в высшей степени слабо». И. К. Колычевский предъявлял претензии к членам редакции сборника за публикацию воспоминаний В. Кухарченко о деятельности эсдеков среди шахтеров Черемхово. Рецензента не устраивало высказывание автора об отрицательном отношении местных рабочих к фракционной борьбе. Вместе с тем И. К. Колычевский дал высокую оценку статье Е. Д. Никитиной за разоблачение карательной политики самодержавия на архивных источниках. Он также положительно отозвался о работе В. Н. Соколова, настаивавшем на всеобъемлющем влиянии политической ссылки в общественной жизни Сибири [5, с. 425–427]. На самом же деле последний заслуживал в свой адрес критики за излишнюю категоричность, поскольку данный процесс в его статье явно преувеличивался. Однако И. К. Колычевского такое положение дел, видимо, устраивало.

Примечательно, что сам В. Н. Соколов тоже выступал в качестве рецензента. В 1931 г. он подверг критике Сибирскую советскую энциклопедию за недостаточное внимание к деятелям большевизма и Советской власти. Особое внимание он уделил разделу о местной периодической печати дооктябрьского периода. Так, В. Н. Соколов напрочь отвер-

гал информацию первого тома данного издания о работе М. В. Фрунзе и Е. А. Преображенского в газете «Восточная Сибирь» под непосредственным руководством правого меньшевика Бешляги. Рецензент указывал, что эти два видных большевика сотрудничали в «Забайкальском обозрении», редакция которого с легкой руки составителей энциклопедии ошибочно отдавалась «на откуп ярым меньшевикам Войтинскому, Церетели, Дану». В то же время В. Н. Соколов сетовал на отсутствие в рассматриваемом издании даже намеков на попытки «последовательных социал-демократов (большевиков) организовать свои газеты». «А ведь это, – продолжал автор, – была достаточно длительная полоса самостоятельных выступлений сибирских большевиков-литераторов в противовес ликвидаторским настроениям меньшевиков и областническому либерализму сибирской буржуазии» [6, с. 256–258]. При всем этом важно знать, что сам рецензент был активнейшим публицистом своего времени. В межреволюционный период под псевдонимом «Мих. Садко» он издал массу статей в местной легальной прессе. В. Н. Соколов прекрасно знал, что в данное время никаких попыток со стороны большевиков организовать собственные газеты в Сибири не было, как впрочем, не было и «длительной полосы» их самостоятельных выступлений. В местной подцензурной печати одновременно работали эсдеки разных идейных направлений, а сам В. Н. Соколов, считая себя большевиком, трудился бок о бок с меньшевиками-ликвидаторами. Интересно, что произнесенные в рецензии оценки в отношении сторонников В. И. Ленина не повторялись в воспоминаниях автора «Партбилет № 0046340», которые впоследствии сами стали объектом критики. Так, в 1936 г. А. Е. Шестаков не согласился с высказыванием мемуариста о том, что в предвоенный период «партия извивалась в судорогах собственного кризиса». В противовес этому оппонент заявлял, будто к 1914 г. она уже представляла собой «единую монолитную крепость» [7, с. 80–81]. Осуждал А. Е. Шестаков В. Н. Соколова и за в общем-то лояльное отношение к Н. А. Рожкову, которого резко критиковал В. И. Ленин за ликвидаторские взгляды.

Само же несоответствие позиций В. Н. Соколова в рецензии на Сибирскую советскую энциклопедию и в собственных мемуарах объясняется довольно просто. Дело в том, что первая из указанных работ была опубликована на страницах журнала «Каторга и ссылка», который, начиная с 1930-х гг., стал подвергаться суровой критике за несоответствие марксистско-ленинской теории. Это в конечном итоге вылилось в откровенную травлю издания со стороны идеологических органов ВКП(б). Естественно, идти вразрез с данным курсом В. Н. Соколов не мог. Далее тоталитарные тенденции в советской исторической науке неуклонно развивались, что на корню уничтожило первые ростки историографических исследований в Сибири. Новые их всходы появились лишь после периода «культа личности».

-
1. Письмо Д. Пузанова // Каторга и ссылка. 1928. № 5.
 2. Письмо М. Бирмана // Каторга и ссылка. 1928. № 8–9.
 3. Хабас Р. Рец. на кн: Кара и другие тюрьмы Нерченской каторги // Пролетарская революция. 1927. № 11.
 4. Вегман В. Рец. на кн: Б. Шумяцкий. Сибирь на путях к Октябрю // Сибирские огни. 1928. № 1.
 5. Колычевский И. Рец. на кн.: Сибирская ссылка // Пролетарская революция. 1927. № 8–9.
 6. Соколов В. Н. Рец. на кн.: Сибирская советская энциклопедия // Каторга и ссылка. 1931. № 8–9.
 7. Шестаков А. Мемуары старого большевика // Книга и пролетарская революция. 1936. № 2.

Н. А. Куперштох

ЛИДЕРЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ИХ РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ЦЕНТРОВ СИБИРИ*

По инициативе академиков М. А. Лаврентьева, С. А. Христиановича, С. Л. Соболева в 1957 г. на востоке страны создали первое региональное отделение Академии наук СССР – Сибирское, в рамках которого началось активное развитие сети академических учреждений в регионе и их оформление в научные центры. Современная структура Сибирского отделения РАН представлена девятью научными центрами в Новосибирске, Иркутске, Якутске, Улан-Удэ, Красноярске, Томске, Кемерово, Тюмени, Омске.

Система научных центров Сибири развивалась постепенно, ценой огромных усилий их организаторов. Накопление академического потенциала на периферии осуществляло не одно поколение ученых. При поддержке государственных и партийных структур регионов велось строительство институтских зданий, производственных корпусов для приборной базы, создавались уникальные научные полигоны. За годы развития Сибирского отделения каждый из научных центров занял свою «нишу» в научной кооперации исследований.

На первом этапе несомненным преимуществом в развитии обладал Новосибирский научный центр (новосибирский Академгородок), который опирался на потенциал организованного в 1943 г. Западно-Сибирского филиала АН СССР. Перемещение европейских научных школ в конце 1950-х – начале 1960-х гг. во главе с их лидерами произошло в основ-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00432а.

ном в институты Новосибирска. Их формировали ученые, имена которых ныне стали составной частью названия институтов.

Это известные далеко за пределами Сибири институты Гидродинамики им. М. А. Лаврентьева, Математики им. С. Л. Соболева, Теоретической и прикладной механики им. С. А. Христиановича, Ядерной физики им. Г. И. Будкера, Теплофизики им. С. С. Кутателадзе, Физики полупроводник им. А. В. Ржанова, Систем информатики им. А. П. Ершова, Нефтяной геологии и геофизики им. А. А. Трофимука. Катализа им. Г. К. Борескова, Неорганической химии им. А. В. Николаева, Новосибирский институт органической химии им. Н. Н. Ворожцова.

В числе первых директоров новосибирских институтов были также К. Б. Карандеев, Ю. Б. Румер, К. Н. Коржавин, Н. А. Чинакал, Г. И. Марчук, А. А. Ковальский, А. Т. Логвиненко, Н. П. Дубинин, Е. Н. Мешалкин, А. И. Черепанов, К. А. Соболевская, Г. А. Пруденский, А. П. Окладников, И. Т. Суетнов, другие ученые.

Развитие второго крупного центра – Иркутского, опиралось на потенциал организованного в 1949 г. Восточно-Сибирского филиала АН СССР. Становление центра связано в первую очередь с именем академика Л. А. Мелентьева. Ему принадлежит заслуга по развитию сети новых институтов, организованных по «соановским» принципам и приглашению ведущих специалистов из разных городов для развития научных направлений.

Имена основателей ныне носят Институт систем энергетики им. Л. А. Мелентьева, Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского, Институт геохимии им. А. П. Виноградова, Институт географии им. В. Б. Соचाва. Первыми директорами иркутских институтов были Д. С. Кокоуров, М. Ф. Шостаковский, И. В. Калечиц, Ф. Э. Реймерс, М. В. Матросов и др.

Одним из старейших академических центров Сибири является Якутский научный центр. Задолго до создания Сибирского отделения в регионе развивались исследования по мерзлотоведению (П. И. Мельников), космофизике и аэрномии (Ю. Г. Шафер), которые выполнялись в содружестве с центральными институтами страны. Подлинная интеграция якутских ученых в Сибирское отделение произошла при академике Н. В. Черском.

Огромная стабилизирующая роль в сохранении научного потенциала Якутского научного центра принадлежит академику В. П. Ларионову. Имена основателей в Якутске носят институты Мерзлотоведения им. П. И. Мельникова, Горного дела Севера им. Н. В. Черского, Космофизических исследований и аэрномии им. Ю. Г. Шафера. Среди первых директоров якутских институтов СО АН СССР – Н. С. Иванов, В. Г. Зольников, И. С. Рожков, З. В. Гоголев.

Бурятский научный центр начал свое развитие в рамках Сибирского отделения, когда в 1958 г. в Улан-Удэ по инициативе профессора

Д. Д. Лубсанова организовали Бурятский комплексный НИИ. В 1966 г. на его основе возник Бурятский филиал, а затем и научный центр. Благодаря инициативе профессора В. Ц. Найдакова в Улан-Удэ на базе филиала НГУ организовали Бурятский госуниверситет, который стал составной частью научно-образовательного потенциала. Первыми директорами бурятских институтов были О. В. Макеев, Ф. П. Кренделев, Э. Л. Климашевский и др.

Историю красноярской академической науки совершенно справедливо связывают с именем академика Л. В. Киренского. Первый академический институт в Красноярске возник до организации Сибирского отделения и послужил своеобразной платформой для последующего развития сети институтов и оформления их в научный центр. В Красноярске имена основателей носят два института – это Институт физики им. Л. В. Киренского и Институт леса им. В. Н. Сукачева. Среди организаторов институтов – А. Б. Жуков, С. П. Губин, И. А. Терсков, В. Г. Дулов и др.

Первые академические подразделения возникли в Томске по инициативе будущего академика В. Е. Зуева в конце 1960-х гг. На их основе получил организационное оформление сначала филиал, а впоследствии Томский научный центр. Сегодня имя академика В. Е. Зуева присвоено Института оптики атмосферы. Среди первых томских директоров можно назвать Г. А. Месяца, М. Ф. Шостаковского, В. Е. Панина и др.

Организатором первого академического Института угля (1983), а затем и Кемеровского научного центра стал крупный ученый-геомеханик, впоследствии член-корреспондент РАН Г. И. Грицко, под руководством которого формировались научные коллективы, научные направления и стратегия развития академической науки региона в целом.

Развитие академических структур Тюмени происходило по инициативе руководителей Сибирского отделения академиков А. А. Трофимука и В. А. Коптюга. При их поддержке возник первый академический институт Тюмени – Институт проблем освоения Севера (1985), который стал «инкубатором» для появления целого ряда научных направлений и их институционализации в самостоятельные структуры. С организацией Тюменского научного центра, который с 1990 г. бессменно возглавляет академик В. П. Мельников, в развитии тюменской академической науки намечались новые перспективы.

Первые академические ячейки химического и математического профиля возникли в Омске в конце 1970-х гг. Их кадровой основой стали группы новосибирских ученых, которые работали в тесной кооперации с преподавателями молодого Омского госуниверситета. На основе первых академических структур развивалась сеть НИУ Омска, которая усилилась в Омский научный центр Сибирского отделения РАН.

Помимо выполнения фундаментальных исследований, главнейшими задачами научных центров СО РАН являлись взаимодействие с вузами

в деле подготовки научных кадров и содействие развитию производительных сил Сибири. Эти задачи решались путем организации научно-образовательных комплексов, разработки стратегии развития отдельных регионов и Сибири в целом, обоснования крупных экономических проектов. Руководители центров накопили большой опыт взаимодействия с образовательными структурами и органами местной власти, который помогает выстраивать согласованную научно-техническую политику в регионах с учетом современных реалий.

Б. А. Конигов

И. В. СПИРИНА (1950–2007) И ЕЕ ВКЛАД В МУЗЕЙНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ СИБИРИ

И. В. Спирина проработала в музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля более 30 лет. Большая часть ее музейной биографии – это заведование отделом декоративно-прикладного искусства. Деятельность Ирины Викторовны на данном поприще была многогранной: руководитель отдела, хранитель коллекции, лектор – просветитель. Но едва ли не заглавным делом в ее творческой биографии была научно-исследовательская работа. Она автор более 100 публикаций (каталогов, брошюр и статей) на самые разные сюжеты. Это и художественная деятельность Западносибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ЗСОИРГО), это и оценка значения и роли 1-ой Западно-Сибирской выставки в Омске (1911 г.), это и архитектура Омска, и античное искусство, наконец, музейная педагогика. Однако особое место в ней занимало исследование музейного дела Омского Прииртышья. А в эпицентре научного постижения находилась история музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля [1].

История музейного дела в нашем Отечестве пока не нашла соответствующего отражения в научных изданиях. Известны работы А. М. Разгона Д. А. Равиковича, Т. Ю. Юреновой и многих других исследователей по отдельным периодам музейной истории или по видам музеев [2; 3; 4]. Однако речь идет об отсутствии именно обобщающих фундаментальных исследований по истории музейного дела России. Подобных трудов нет и по истории музеев Сибири. Между тем, ее разработка могла бы заполнить существенную лакуну в культурной и духовной жизни страны, по крайней мере, с XVI по XX вв. «История музеев» заслуживает внимание еще и потому, что редко какая сфера человеческой деятельности демонстрирует такое множество людей высоких нравственных качеств – подвижников и творцов.

Отрадно отметить, что предпосылки для подхода к решению этой грандиозной задачи формируются. Это и выход двухтомной «Российской музейной энциклопедии» [2; 3], и появление основательных учебных изданий [4], и разработка темы истории российских музеев множеством исследователей центральных и периферийных музеев и научных учреждений [5].

Пионером в Сибири в деле монографической разработки темы истории отдельного музея является И. В. Спирина. К теме «История музея» она подступила еще 30 лет тому назад. Вначале это были газетные заметки, а затем статьи [6; 7]. Четверть века спустя И. В. подвела итог своим разысканиям по этой теме. В 2004 г. вышла монография, содержащая детальную разработку темы предыстории и возникновения музея ИЗО. Структура монографии органично показывает основные этапы этого процесса. Четыре главы посвящены анализу деятельности музея ЗСОИРГО, музея Художественно - промышленного техникума и собственно художественной галереи (1924 –1930; 1930–1940), предтечи музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Содержательной чертой издания явилось широкое привлечение архивных материалов, хранящихся в центральных и областном архивных учреждениях, а также в архиве музея. Раскрыта картина постепенного складывания предпосылок и возникновения в Сибири одного из ее крупных художественных собраний. Здесь же изложена аргументированная периодизация истории музея. Примечательная деталь исследования – показ «темных страниц» в истории галереи, когда в 30-х гг. XX в., по указанию «вышестоящих советских и партийных органов», по сути, была разбазарена часть музейной коллекции. Несомненным достоинством книги явилось и «насыщение» музейной жизни личностями. Так, обрисована фигура А. С. Окушко, с чьим именем связано непосредственное создание на базе картинной галереи областного музея [8, с. 188]. Монография содержит пять приложений, которые, по сути, являются самостоятельными и ценнейшими документами, подвергнутыми научной обработке [8]. Вместе с изданиями, принадлежащими перу других исследователей и посвященных различным направлениям деятельности музея, эта публикация выдвигает музей ИЗО им. М. А. Врубеля в число учреждений культуры с наиболее полно разработанной историей [9].

Также к несомненным заслугам И. В. Спириной относится монографическая разработка темы «Ф. В. Мелехин» – основатель картинной галереи – музея изобразительных искусств» [10]. Она завершалась изданием брошюры, посвященной первому директору картинной галереи [11]. В ней И. В. Спирина тщательно и всесторонне проанализировав имеющийся архивный материал, сумела верно показать истинную роль Мелехина как энтузиаста, знатока и организатора, талантливо распорядившегося стечением благоприятных предпосылок для создания в Омске уникальной по составу экспонатов галереи.

Еще одним направлением в научной деятельности И. В. было исследование такого продуктивного явления в образовательно-художественной жизни Сибири 20-х гг. XX в. как история Художественного-промышленного техникума им. М. А. Врубеля (1920–1932). К истории этого учреждения обращались многие исследователи [9; 12]. И. В. Спирина подвергла всеобъемлющему и детальному анализу деятельность музея Художественно-промышленного техникума, подробно проанализировала его коллекцию [8]. Указанный музей своей судьбой оказался напрямую связан с будущим музеем изобразительных искусств, сюда поступила большая часть его коллекции. Итак, деятельность И. В. Спириной в области музейного краеведения была плодотворной, по ряду направлений и новаторской. Заложенные Ириной Викторовной основы исследования истории отдельного сибирского музея, роли личности в его создании и в последующем развитии являются предпосылкой для подготовки фундаментальных изданий по истории музейного дела в Сибири и России в целом.

-
1. Спирина И. В. К 30-летию творческой деятельности. Библиография. Омск, 2003.
 2. Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1.
 3. Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 2.
 4. Юренева Т. Ю. Музееведение. М., 2006.
 5. См. например: Равикович Д. А. Местные художественные музеи второй половины XIX – начала XX вв. // Труды НИИ музееведения. М., 1962. Вып. 7.
 6. Спирина И. В. Воспевая прекрасное // Вечерний Омск. 1979. 21 декабря.
 7. Спирина И. В. Художественная галерея Западно-Сибирского Краевого музея в 1924–1928 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1996. № 4.
 8. Спирина И. В. История создания музея изобразительных искусств в Омске. 1870-е-1930-е гг. Омск, 2004.
 9. Девятьярова И. Г. Художественная жизнь Омска XIX первой четверти XX в. Омск, 2000; Живое прошлое. История Омского музея изобразительных искусств 1923–1960 гг. Омск, 2006. Т. 1.
 10. Спирина И. В. У истоков // Вечерний Омск. 1992. 26 февраля.
 11. Спирина И. В. Федор Васильевич Мелехин основатель Художественного отдела Западно-Сибирского Краевого музея в Омске. Омск, 2001.
 12. Девятьярова И. Г. Из коллекции Худпрома // Иртыш. Омск, 1990. Вып. 1; Мысливцева Г. Ю. Принцип единого искусства в Сибирском художественно-промышленном техникуме им. М. А. Врубеля // Сборник научных трудов Омского музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Омск, 1997.

РОЛЬ МУЗЕЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ*

История музеев и музейного дела в России, в ее отдельных регионах применительно к XX в. еще не воссоздана в виде целостного процесса. Причем новейший период, охватывающий примерно последние два десятилетия XX в. и первые годы начавшегося столетия, не представлен даже на уровне сбора информации и обобщения результатов эвристического поиска, комплектования источниковой базы с учетом изменений в современных исследовательских практиках и расширившегося проблемного поля.

Актуальность проблемы места и роли музеев как компонентов определенного социокультурного пространства («городская цивилизация») за последнее десятилетие значительно возросла. Это подтверждается существенными трансформациями прежних форм музейной деятельности и расширением «рынка услуг», предлагаемых посетителям, а также усилением процесса возникновения в границах конкретного Места новых институций музейного типа. Так в условиях постсоветской России соединяются две неистребимые потребности культурно-созидательной деятельности человека. Музейные работники стремятся укрепить свой статус и доказать пользу своего «учреждения культуры». Представители различных социальных групп и корпораций, энтузиасты-одиночки предпринимают шаги по музефикации памяти о традициях и ценностях, которые следует передать молодым поколениям. В начале XXI в. вновь стоит прислушаться к мыслям Н. Федорова, высказанным в 1903 г. о том, что «каждый человек носит в себе музей» и что «музей – это собор лиц». Современные процессы регионализации в России, активные поиски способов коллективной и личностной самоидентификации, идущие повсеместно, еще более актуализируют проблемы, связанные с положением музеев в пространстве определенной территории.

Примерно в тех же обозначенных выше хронологических рамках происходили и наблюдаются до сих пор ощутимые изменения в отечественной историографической ситуации. В своей статье, опубликованной в 1999 г., я отмечала недостаточную изученность истории музеев в России и в Сибири, отсутствие внимания историков культуры к взаимосвязям внутренней жизни музеев и динамики социокультурных потребностей горожан, а также подчеркивала назревшую необходимость перехода к междисциплинарному уровню осмысления музееведческих сюжетов. В настоящее время имеются явные признаки продвижения специалистов, изучающих музеи каждый под своим углом зрения (историков, этнографов,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №07-01-00317а).

искусствоведов, музееведов, архитекторов, культурологов), навстречу друг другу по пути к своего рода «голографическому» представлению об общем исследовательском объекте. В этом отношении знаменателен факт издания «Российской музейной энциклопедии» (РМЭ, 2001), содержание которой можно считать «скелетом» для конструирования такого объемного видения музеев разных типов, находящихся в координатах пространства двух уровней (в пространстве отечественной культуры и в пространстве определенной территории/Места).

Прошедшие несколько лет подтверждают мою мысль, что соединение институционального и музееведческих подходов к анализу региональных аспектов истории музеев и музейного дела с историко-культурологической моделью изучения городской среды (в омской версии – городского культурно-цивилизационного ландшафта) весьма перспективно. В этом случае интересующий нас объект оказывается в междисциплинарном сегменте, образованном пересечением проблемных полей исторической науки, регионоведения, культурологии, семиотики городского пространства, музееведения. При этом учитывается предложение Э. А. Шулеповой отождествлять историко-культурную среду со средой памяти, которая воссоздает локальный мир человека не «плоскостной», а «стереоскопический». Музей, являясь хранителем и транслятором культурного наследия, отражает официальный срез исторической памяти в совокупности общероссийской, региональной и локальной трактовок. Он также выступает в роли фиксатора исторических наслоений в образах городов каждого конкретного региона. Его экспозиции участвуют в расстановке ключевых символов, с которыми ассоциировались и/или которыми закреплялись на разных исторических этапах образ и потенциал города – регионального центра или его отдельных «примечательных мест» – «визитных карточек» города.

В такой ситуации становится возможным выделить другой аспект проблемы: насколько сам музей в качестве сложносоставного материально-духовного элемента городской среды может выступать в роли особого маркера культурного пространства города, знака и/или символа специфики того или иного Места и его истории. При этом важно учитывать расположение музея (в историческом центре, в «спальных» районах города и т. д.). Помимо юридического статуса музея (областной, городской, ведомственный и т. д.) важное значение имеют дополнительные сведения о музейном здании: старинное, находящееся в категории памятника архитектуры; новое, специально построенное для музея; бывший объект «соцкультбыта», переданный музею целиком, либо частично. Отмечу, что в статьях РМЭ внимание к подобным деталям прослеживается слабо. Мне представляется, что рассмотрение данного вопроса придаст новизну традиционной модели описания истории отечественного музейного дела. На регио-

нальном (западносибирском) и локальном (отдельные города региона) материале такой замысел был уже обозначен мною в ряде публикаций.

Важнейшим источником информации для его воплощения и в целом для междисциплинарного «гологографического» изучения музея становятся визуальные (изобразительные) источники. В классификационных схемах они включаются в группу кинофотофонодокументов или «аудивизуальных документов». Последний термин широко использует известный современный российский источниковед В. М. Магидов. При историко-культурологическом подходе используется выражение визуальные «тексты». Это подчеркивает необходимость определенной последовательности процедур расшифровки прямой и скрытой информации в привлекаемых изображениях.

В докладе остановлюсь на варианте проверки информационных возможностей визуальных «текстов» для рассмотрения выделенного выше варианта роли музеев в качестве важных маркеров для презентации исторического образа города. Одновременно такое обозначение может трактоваться и как функция музея по созданию «визитной карточки» города, полезной при разработке региональных программ туристического бизнеса. Опора для проверочного действия – визуальные «тексты», к которым мною отнесены: а) изображения из музейной печатной продукции рекламного типа; б) из современных тематических наборов видовых открыток городов, среди которых присутствуют музейные здания; в) фотографии прилегающей к музею территории и отдельных частей музейных экспозиций, выполненные автором и являющиеся результатом «натурных наблюдений».

В данном случае опорный комплекс будет ограничен материалами из музеев с ярко выраженной «презентационной» направленностью. Они относятся к музеям из двух крупных городов Западной Сибири: Новокузнецка (историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость») и Томска («Музей истории Томска»). Отмечу, что на особую роль Кузнецкой крепости в качестве исторического символа города и всего Кузнецкого края еще в 1998 г. указывал известный сибирский музеевед и практик музейного дела А. И. Мартынов. Примечательно высказанное тогда Мартыновым суждение, что реконструкция Кузнецкой крепости ускорит пока еще медленный выход наших представлений «из одномерного исторического сознания».

Привлеченные музейные издания помимо рекламной направленности носят информационно-справочный характер. Они отличаются объемом и формой. Новокузнецкий вариант ближе к брошюре, томский – типичный раскладной буклет. Оба не датированы и являются скорее «самиздатом». Количество и качество воспроизводимых в них иллюстраций различно. В 15-ти страничной брошюрке об историко-архитектурном музее «Кузнецкая крепость» имеется 18 черно-белых изображений в тексте и в коллаже на глянцевой обложке некоторые из них воспроизведены в цве-

те. Текст нарядного томского буклета из глянцевого бумаги; помещенный на светло-сером фоне, вместил 11 цветных фотографий. Основная печатная продукция данного типа в обоих музеях дополняется скромными бумажными раскладными буклетами, посвященными отдельным сюжетам. В новокузнецком случае это буклет о Спасо-Преображенском соборе, единственном памятнике культовой архитектуры XVIII – начала XIX вв., сохранившемся в городе. Он выпущен под грифом историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» и содержит 5 изображений, включая общий вид собора на обложке «раскладушки». Еще один дополнительный буклетик музея «Кузнецкая крепость» называется «Краткий фортификационный словарь», в нем 4 визуальных «текста», прикладного характера (изображения пушки,-mortиры, схем устройства крепости). Их назначение состоит в комментировании истории Кузнецкой крепости, изложенной в обычном тексте, с точки зрения развития фортификационного искусства от древности до прорыва инженерной мысли в начале XVIII в.

Основной буклет музея истории Томска дополняют датированные 2006 г. бумажные «раскладушки» из серии «Прогулки по старым улицам Томска». Из них выделю «издание» «Улица Бакунина» (в тексте улица именуется «точкой отсчета Томской истории», где началось строительство томского города) с 7-ю черно-белыми иллюстрациями, включая «обложку» с видом на начало улицы. Внутри имеются фотографии здания, в котором расположен музей истории Томска: ул. Бакунина, 3 – Воскресенская гора, и камня, установленного на месте основания Томска. Еще один из дополнительных буклетиков – Карта-панорама Томска первой четверти XX в. Ю. П. Нагорного. В сопроводительном тексте раскрывается история создания панорамы. Даны сведения об ее авторе, Юрии Павловиче Нагорном, профессоре Томского государственного архитектурно-строительного университета, коренном томиче, 8 лет создававшим панорамный образ старого города. Помещена его фотография, имеются изображения 3-х черновых эскизов отдельных фрагментов. На «обложках» воспроизведены детали окончательного вида панорамы, они же служат «дизайнерским» фоном текста внутри «раскладушки».

Массив открыток и авторских фотографий хронологически относится к 2005–2007 гг. К сожалению, отсутствие набора видов города Новокузнецка затрудняет сравнение с томской ситуацией, для которой характерно достаточно большое количество тематических открыток с видами города и в том числе музейных зданий, подготовленных к 400-летию Томска, но дополнительно печатавшихся и позже. Поэтому сравнительный анализ пока будет предложен только для снимков, сделанных мной непосредственно в музее «Кузнецкая крепость» и «Музее истории Томска», а также панорамных видов городов с территориями, прилегающих к этим музейным комплексам. Следует отметить, что для Томска здесь есть еще

одно преимущество – возможность двухуровневой фиксации открывающихся с вершины Воскресенской горы панорам города. Это достигается наличием, во-первых, площадки перед зданием музея, где расположен «Камень основания Томска», установленный в 1966 г.; во-вторых, возможностью съемки с пожарной каланчи, возвышающейся над двухэтажным зданием Воскресенской полицейской управы (ныне здание музея). Таким образом, современный наблюдатель полностью реализует предложение И. М. Гревса и Н. П. Анцифорова о начале осмотра города с самой высшей его точки. Современный историк-культуролог, получивший такую возможность, убеждается не только в научной значимости методик 20-х гг. XX в., но и в правомерности гипотезы об особой роли самого музея истории Томска в качестве исходного ядра формируемого визуального образа города. Панорамные снимки с каждого из уровней отражают исторические наслоения («оболочки») этого образа. Сопоставление внутренних интерьеров музейных помещений и фрагментов экспозиций осуществляется «перекрестным способом». Используются авторские фотоснимки, выполненные в том и другом музеях, некоторые из них можно сравнивать с иллюстрациями в упоминавшихся выше буклетах, другие же позволяют составить представление о выставочных формах работы музеев. И в этом случае визуальная информация по Томску более представительна. Она лучше отражает как внутреннюю, так и внешнюю стороны презентационной функции музея. Снимки фрагментов карты Нагорного, несмотря на невозможность ее цельного воспроизведения, дают представление о деталях городского пространства с высоты «птичьего полета». Попутно замечу, что в тематических видовых открытках нет фрагментов современной панорамы Томска.

В целом собранные визуальные тексты подтверждают выдвинутую гипотезу относительно того, что на современном этапе истории музеев их отдельные типы (музеи города или его исторического ядра) могут приобретать функцию главного маркера для презентации образа города. Приведенные примеры различных «визуальных текстов» по Томску и Новокузнецку отражают высокий ресурсный потенциал отдельных музеев этих городов. Он может использоваться в образовательной, просветительной, туристической сферах деятельности местных управленческих органов и учреждений науки и культуры. Кроме того, как считают некоторые ученые (К. В. Киселев), в формировании современного регионального дискурса идентичности большое значение будет иметь продуманная символическая политика, в том числе имиджевые проекты. Одновременно нарастание массивов визуальной информации в коммуникативных социальных практиках (А. Ю. Зенкова) будет усиливать востребованность ресурсов музеев презентационного типа.

**РОЛЬ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ФОРМИРОВАНИИ
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА МАЛЫХ ГОРОДОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ
В 50–80-х ГОДОВ XX ВЕКА**

50-е – середина 80-х гг. XX в. представляют собой качественно новый этап в процессе становления культурного пространства малого прииртышского города. Сеть учреждений культуры, направленных на создание и сохранение культурных ценностей, в этот период не только становится более широкой, но и существенно активизирует свою деятельность. На это оказал влияние ряд факторов.

Во-первых, рост численности населения, который повлек за собой необходимость открытия новых учреждений культуры. Во-вторых, все возрастающий интерес к истории и культуре своего города. В-третьих, государственная политика, направленная на культурное строительство провинции. Кроме того, следует отметить внедрение в практику градостроительства генеральных планов. Это повлекло за собой определение конкретного места того или иного учреждения культуры в пространстве города.

К учреждениям культуры, деятельность которых направлена на создание и сохранение культурных ценностей города, относятся музеи. Во второй половине XX в. музеи открываются в Таре, Тюкалинске, Калачинске, Называевске. Они являются одним из привычных элементов культурного потенциала города как совокупности объектов, составляющих современную инфраструктуру культуры на данной территории [1, с. 23]. Важно также отметить, что музеи выступают каналами трансляции исторической памяти горожан. Рассмотрим подробнее историю их становления.

Историко-краеведческий музей в Таре, созданный еще в начале 30-х гг. XX в., переживает свое второе рождение. В 1953 г. он был закрыт, а в 1966 г. группа ветеранов начинает работу по восстановлению музея. Был создан общественный совет под руководством Д. И. Щетинина, в который вошли П. М. Галицкий, И. И. Аристов, А. А. Новокшонов, Г. В. Дальберг. Заведующей музеем стала В. М. Абрамова. Финансовой поддержки со стороны государственных органов не было, но городские власти выделили под музей комнату в городском Дворце пионеров. Когда освободилось здание по улице Коллонтай, занимаемое ранее прокуратурой, Г. В. Дальберг и П. М. Галицкий сами сделали капитальный ремонт полусгнившего помещения, и 5 ноября 1968 г. музей был открыт [2, с. 2]. Без финансовой поддержки музей не мог развиваться и в 1970 г. он был включен в государственную сеть на правах филиала Омского областного краеведческого музея с выделением штатных единиц, средств и специальной музейной мебели. Тогда же встал вопрос о предоставлении музею более обширного помещения [3, с. 171].

21 марта 1972 г. по просьбе Областного Управления культуры исполком Тарского горсовета принял решение передать под музей здание бывшей церкви. Была составлена смета на ремонт, 50 % стоимости которого Управление культуры брало на себя, а остальные 50 % оплачивалось из городского бюджета [4]. В 1973 г. инициативная группа в лице И. И. Аристова, К. И. Шабалина, Азарова, Боброва и Иноятова повторно обратилась к председателю исполкома Омского областного Совета депутатов трудящихся К. Н. Голикову с просьбой о перемещении краеведческого музея в здание Спасской церкви. В ответ на свое обращение они получили письмо, где говорилось обо всех сложностях предстоящего ремонта, об отказе всех подрядных организаций от предлагаемой работы, об обращении в Министерство культуры РСФСР и в общество охраны памятников и об ожидании ответа от вышеперечисленных учреждений [4].

Совет краеведческого музея (Георгий Афанасьевич Красноперов, Серафима Максимовна Рунева, Иван Федорович Евсюков, Ольга Брониславовна Шевко, Константин Иванович Шабалин) неоднократно обращался в Тарский горисполком с вопросом ремонта здания. И хотя смета на ремонт была составлена в горисполкоме в декабре 1974 г., только в 1978 г. после капитального ремонта под музей было передано здание Спасской церкви.

В 1990 г. по решению областной администрации здание Спасской церкви было возвращено Омско-Тарской епархии. Под музей передали второй этаж торгового дома дореволюционной постройки.

В 1978 г. в краеведческом музее начинается комплектование коллекции живописи. А в 1987 г. руководство Тарского района выделяет здание для размещения художественной коллекции по ул. Советской, 18. Это здание строилось как жилой дом для государственного чиновника акцизных сборов И. И. Хомякова в XIX в. В Советское время здесь располагались различные организации; после капитального ремонта была открыта картинная галерея на правах отдела Тарского музея. Картинная галерея в Таре открылась 6 ноября 1987 г. [5, с. 2].

Не менее значимую роль сыграл краеведческий музей в пространстве Тюкалинска. Он был открыт в 1985 г. на общественных началах, но подготовка к его открытию была начата еще в 1984 г. Автор первой экспозиции – Мария Андреевна Бизякина. Она же начала комплектовать музейные коллекции. В марте 1985 г. по заданию райисполкома она на общественных началах организовала сбор материалов, экспонатов для будущего районного историко-краеведческого музея, который был открыт 5 сентября 1985 г. – как общественный, с 1992 г. – как государственный.

Первая экспозиция размещалась в небольшом одноэтажном здании, которое вскоре стало тесным. Оформлением музея занимались местные художники Николай Васильевич Абрамов, Александр Андреевич Мартынов и Владимир Владимирович Федоров. 1 февраля 1985 г. был заклю-

чен трудовой договор между ними и заведующим отделом культуры Тюкалинского райисполкома Сорокиным Геннадием Григорьевичем. Согласно этому договору художники были обязаны оформить два зала музея [6]. В 1992 г. под музей было передано другое здание, построенное в 1900 г. До революции в нем размещалась купеческая лавка, затем долгое время был районный Дом учителя.

Решение о создании Калачинского историко-этнографического музея было принято руководством района в 1977 г. по инициативе краеведов А. А. Варушиной и В. А. Мотовилова. В 1979 г. была открыта первая экспозиция. При создании музейного объединения в 1980 г. районный музей был переведен в государственную сеть и стал филиалом ГОИЛ музея. После реорганизации областной музейной сети, с февраля 1994 г., является самостоятельным музеем районного подчинения [7, с. 284]. Музей размещался в одноэтажном деревянном здании постройки 1905 г., его фонды комплектовались краеведами, представителями общественности и первым директором музея Н. А. Зеленым.

Следует отметить, что в конце 50-х – 80-е гг. XX в. музеи так и не были созданы в Называевске и Исилькуле.

Таким образом, историко-краеведческий музей занимает значительное место в культурном пространстве малого прииртышского города. Размещаясь в границах городского центра, музей выполняет функции создания и сохранения культурных ценностей и вовлечения в этот процесс всех категорий городского населения, но он так и не стал культурной доминантой города.

1. Назимова В. Ш., Рыженко В. Г. Музеи в культурном пространстве сибирского города (XX в.) // Музеи и общество на пороге XXI в.: Материалы науч. конф., посвященной 120-летию Омского государственного историко-краеведческого музея / Отв. ред. П. П. Вибе. Омск, 1997.

2. Любашенко А. Тарскому музею – 50 лет // Ленинский путь. 1981. 16 декабря.

3. Назарцева Т. М., Любашенко А. И. О Тарском музее // Таре 400 лет. Проблемы социально-экономического освоения Сибири: Материалы науч.-практ. конф. Омск; Тара, 1994.

4. Из фондов Тарского историко-краеведческого музея.

5. В старинном особняке на Советской // Тарское Прииртышье. 1997. 31 октября.

6. Из фондов Тюкалинского историко-краеведческого музея.

7. Назарцева Т. М. Районные, общественные, учебные музеи Омской области // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1997. № 5.

ИСТОРИЯ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В КАРТИНАХ КОНДРАТИЯ БЕЛОВА 1918–1919 ГОДОВ

На сегодняшний день актуальным стал вопрос возвращения народу исторической памяти. В знании прошлого – наше достойное будущее. У старшего поколения наблюдается повышенный интерес к истории своего города, чего не скажешь о молодёжи, которая, по всем признакам поведения, не желает знать прошлой истории. В начале XX в. Омск бурлил историческими событиями, которые подарили России много славных имён. Особенно трагической была эпоха Гражданской войны, когда всё Прииртышье встало на борьбу против колчаковщины. Не много найдётся городов в Сибири, которым бы выпала столь многогранная, изменчивая судьба, как Омску. Здесь был провозглашен Верховным правителем Александр Васильевич Колчак. Здесь развернулась активная, подпольная деятельность большевиков, партизанское движение против колчаковщины. Будущий художник Кондратий Белов вынужден был в 1919 г. 4,5 месяца служить в колчаковской армии, затем дезертировать к партизанам. Позже он скажет: «И то, чему я оказался свидетелем, будучи совсем молодым, повернулось потребностью показать всё это на своих полотнах». Гражданский долг заставил. Более 40 работ Кондратий Петрович посвятил теме революции и Гражданской войне.

При жизни, в бывшем СССР, художник был широко известен и картины его были очень востребованы. Они экспонировались на разных тематических и «датских» выставках, их охотно покупали музеи. По просьбе сибирских музейщиков художнику приходилось делать авторские повторения многих картин исторического цикла. Мало того, он оставил несколько рукописных тетрадей с воспоминаниями, в которых правдиво воспроизвёл события той эпохи.

Но на сегодняшний день эти работы отошли на задний план, заслуженные его же пейзажами. Полотна осели в музейных запасниках, оказались устаревшими. Маленькая улочка, под названием Ч. Валиханова, где стоит деревянный домик-музей им. К. Белова, стала излюбленным местом отдыха омской молодёжи, но мало кто может сказать о художнике, мало кто побывал в музее.

Цель данной работы: приблизить молодёжь к творчеству художника Кондратия Белова, рассказать о его картинах, отражающих исторические события в Омском Прииртышье периода 1918–1919 гг.

Картины Белова «**Красногвардейцы в Омске**», «**На митинге**» тесно привязаны к событиям в Омске в 1918 г. В этот грозовой год жить в городе было трудно, начался голод, наблюдались кровавые жертвы. Основную работу по сохранению порядка в регионе выполняли красно-

гвардейские отряды, под руководством омича Звездова Андрея Алексеевича. Совдеповцы с красногвардейцами отправляли продовольствие в годные районы Прииртышья, обеспечивали бесперебойную работу ж/д транспорта. Часто красногвардейцы командировались в наиболее опасные районы подавлять саботажи кулацкие мятежи: в Ишимский, Петропавловский и др. уезды, разгоняли спекулянтов хлебом на линии Омск – Тюмень. Часто отряды выдерживали вооруженные стычки с крупными бандами грабителей, пробивали пробки на линиях транспорта от мешочников (спекулянтов), подвергались обстрелам в пути на станциях.

В этом же году, в мае вспыхнул белочешский мятеж на ст. Марьяновка, произошёл бой с красногвардейцами, было много жертв. Вместе с чехами выступили эсеры, кадеты, меньшевики. Это событие было неожиданным для омичей, так как военнопленные чехи вели себя в городе очень миролюбиво. Сгруппировавшись под Марьяновкой, белочешский легион двигался на Омск. Повсеместно по городу, на привокзальной площади проходили **митинги**. На «**Митингах**» большевики Косарев, Лобов, Звездов, венгр Карой Лигети и др. с красным флагом в руках выступали перед народом с призывом записываться в красногвардейские отряды на борьбу с чехами. Тут же формировались отряды. Город сразу изменил свой вид, стал похож на огромный вооруженный лагерь. Активную деятельность развернул Штаб обороны Омска во главе большевиками А. А. Звездовым и В. М. Косаревым. Изучая документы истории Омска, лишний раз убеждаешься, насколько реально художник отображал многие омские события.

Через несколько месяцев после белочешского мятежа в мае-июне 1919 г. советская Сибирь оказалась во власти Колчака. Все контрреволюционные силы как внутри страны, так и за ее пределами устремились в Омск – «третью столицу России», под защиту Колчака Толпами беженцев наводнился город. Сюда сбежалась вся буржуазия из центра России. Здесь же находился русский золотой запас, позволяющий Колчаку делать заказы капиталистическим странам на поставку вооружения. Все это породило надежды на возврат старых порядков в России. По транссибирской магистрали потянулись бесконечные эшелоны войск «союзных» стран, направляемых в Омск для поддержки контрреволюционных сил с вооружением и обмундированием для белых войск. Это позволило Колчаку создать хорошо вооруженную армию.

В августе – сентябре 1919 г. началась демобилизация в колчаковскую армию, куда попадает Кондратий Белов. Тогда впервые художник увидел Верховного правителя. Первые встречи запечатлел на картинах «**Парад в честь Колчака**», «**Дружина Святого Креста**». Документы воссоздают деятельность омской подпольной организации в тылу Колчака. Была проделана огромная работа по освобождению заключенных из тюрь-

мы, по организации восстаний против Колчака. Картины Белова «**Освобождение политзаключенных из омской тюрьмы**», «**Куломзинское восстание**» подтвердили эти исторические факты. Ныне в Старом Кировске, на месте Куломзинского восстания, установлен памятник, который молчаливо хранит трагедию 1000 восставших и расстрелянных.

В годы колчаковщины широкий размах получило партизанское движение. Наиболее активно действовали партизаны в таежных волостях Тарского уезда под самым носом у Колчака. Кондратий Белов сам воевал в партизанском отряде, поэтому смог документально воссоздать в большом количестве образы партизан. Кроме того, в своих воспоминаниях Белов описал, как простой крестьянин переубедил и помог ему, неопытному солдату колчаковской армии, перейти партизанам.

Живопись Белова сама наталкивала на поиск исторических исследований на определённые темы. Так полотна «**Красный путь**», «**Красная Армия в Омске**» и др. подвели к ещё одной проблеме – истории зарождения Красной Армии, освободительницы от Омска и всей Западной Сибири Колчака. Интересно знать, что первой вошли в Омск полки 27-й дивизии 5-й Красной Армии в октябре 1919г. Остальной Омский регион освобождала 3-я Красная Армия под командованием Блюхера. Белов показывает, как молниеносно влетела армия Тухачевского на ул. Красный путь, с каким ликованием встречает народ освободителей в Омске. Краеведы Петров, Колесников, Юрасова уже рассказали о том, какой титанический труд проделали красноармейцы, продвигаясь по занятой колчаковцами территории. Приходилось делать ежедневно многокилометровые переходы, чтобы не дать врагу опомниться. Парад 5-ой Красной Армии проходил мимо Серафимо-Алексиевской часовни, по Любинскому проспекту и завершился на Красном пути. А на следующий день по этому же пути прошли пленные колчаковцы.

27-я дивизия, особо отличившаяся в боях за освобождение Омска, получила название Омской 27-й дивизии. В городе много памятных мест, связанных с этим событием. На углу ул. Красный путь в 1969 г. сооружен камень-памятник с надписью: «*Героическим воинам 3-й и 5-й армий, освободившим Омск, погибшим от белогвардейцев в ноябре 1919 г.*». Бывшая Тюремная улица была переименована в ул. 5-й Армии. Набережной Иртыша в центральном районе Омска присвоено имя М. Н. Тухачевского.

Большое количество картин Кондратий Петрович посвящает А. В. Колчаку. Пал еще один «спаситель» России, поэтому полотна объединены одним сюжетом – крах Колчака. «**Крах колчаковской армии**», «**Допрос генералов**», «**Арест Колчака**», «**Допрос Колчака**» и др.

6 января 1920 г. адмирал сложил с себя властные полномочия, передав их Деникину. Обеспечить его проезд на восток союзники не смогли, а скорее всего, не захотели. Колчак был арестован чехословаками, ко-

торые передали его эсеро-меньшевистскому «Политическому центру». Согласно одной из версий, именно за это чехословацкий корпус получил право на выезд в Европу. Эсеры, в свою очередь, выдали Колчака большевикам, а те в свою очередь поспешили его расстрелять. Имя Колчака тесно связано с Омском. Здесь каждая улица хранит о нём память. Никакой другой город в Сибири не может претендовать на это с большим основанием, чем Омск. Поэтому, сама история призывает омичей разобраться в этих бурных и трагических событиях – кто был прав, а кто виноват. Но без глубоких познаний молодое поколение эту работу никогда не сможет выполнить.

А. В. Смелякова

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КАТАЛОГОВ В РОССИИ

Совершенно очевидно, что сегодня этнографические каталоги открывают огромные возможности для сохранения, изучения и популяризации материального и духовного наследия народов и для межкультурных обменов. Доступ к музейным этнографическим коллекциям через каталоги обеспечит каждому приобщение к мировому культурному наследию во всем его многообразии.

В настоящем сообщении рассматриваются исторические особенности этнографических каталогов в России и их структуры, которые на протяжении развития как этнографии, так и музейного дела, не оставались статичными, они развивались.

В развитии этнографических каталогов в России можно условно выделить несколько этапов: 1) XVIII – середина XIX вв., 2) вторая половина XIX в. – 1917 г., 3) 1917 г. – середина XX в., 4) вторая половина XX в. – до настоящего времени.

На первом этапе не было издано ни одного отдельного этнографического каталога, что вполне естественно: этнографические музеи только зарождались. Однако попытки создания подобного каталога наблюдались в старейшем музее России – Петербургской Кунсткамере. В 1742 г. был выпущен каталог музейных коллекций Кунсткамеры, состоящий из трех частей [3, с. 17]. Первая часть этого каталога содержала описания «искусно сделанных вещей», и собственно ее можно было назвать в той или иной мере этнографическим каталогом, так как во всех его разделах имелись предметы, характеризующие культуру и быт различных народов мира. Одновременно с этим каталогом был издан иллюстративный путеводитель. Значение данного каталога велико: в нем впервые нашли отра-

жение все имеющиеся в фондах музея этнографические коллекции. В каталоге явно проявляется ряд принципов классификации этнографических памятников того времени: по предметам, по материалу, по функциям, по географическим зонам и, реже всего, по этнической принадлежности.

Новым в этнографической науке конца XVIII – начала XIX вв. было расширение источниковедческой базы, выразившееся в публикации коллекций. В 1793 г. «кунсткамерский помощник» О. П. Беляев опубликовал каталог-путеводитель по императорскому кабинету. Он включал в себя помимо описания этнографических коллекций также описания нумизматических, минералогических, зоологических, ботанических собраний. Каждая часть книги открывалась историей комплектования коллекций, за которой следовало тщательное описание предметов. Именно эта работа по существу являлась первой попыткой научной публикации коллекций Кунсткамеры, в том числе этнографических материалов [4, с. 58].

Таким образом, на первом этапе (XVIII – середина XIX вв.) осуществлялись первые попытки каталогизации этнографических коллекций. Опубликованные каталоги не были еще специально этнографическими, а были общемузейными. Поскольку при своем зарождении этнография не была отделена от других наук, как и первые музеи были собраниями самых разнообразных памятников. Соответственно и первые каталоги такого музея, как Петровская Кунсткамера, включали описания всех этих самых разнообразных памятников. Перед нами еще не каталоги, а, по сути, описания, с их довольно зыбкими границами и в форме, и в содержании. Метод публикации еще был далек от совершенства, предстояло пройти долгий путь, прежде чем он будет разработан и опробован.

Второй этап (вторая половина XIX в. – 1917 г.) характеризуется бурным увеличением числа музеев и созреванием этнографической науки. В этот период старейшие русские музеи – Кунсткамера и Румянцевский музей явились родоначальниками двух наиболее крупных профилированных этнографических музеев: Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук, образованного в 1879 г. и Дашковского этнографического музея, учрежденного в 1867 г. В 1895 г. был открыт этнографический отдел Русского музея (ныне Российский этнографический музей).

В 1887–1895 гг. были изданы четыре тома «Систематического описания коллекций Дашковского этнографического музея», подготовленные хранителем музея исследователем В. Ф. Миллером [2, с. 253]. Данная работа по описанию музейных предметов позволила приступить к составлению полного каталога этнографического отделения и к подготовке альбомов фотографий. Разработанная для каталога карточка включала следующие вопросы: № предмета, наименование, краткое описание, назначение, способ употребления, имя дарителя, место происхождения пред-

мета, особые замечания (место нахождения предмета в музее, степень сохранности и пр.) [2, с. 254]. Мы можем констатировать, что именно в Дашковском этнографическом музее к концу XIX в. сложилась методика научного описания этнографических предметов, близкая к современной.

Чисто этнографические каталоги появились в России в начале XX в. Характер этих изданий определялся степенью и глубиной обработки фондов. Одни из них представляли собой простой перечень систематизированных по принятой музеем классификации предметов с кратким их описанием. Другие каталоги отличались более подробными описаниями. Так, например, в омском музее ЗСО РГО в 1904 г. был подготовлен к печати весьма подробный каталог предметов хозяйства, культуры и быта шорцев, выполненный сибирским этнографом С. П. Швецовым [1, с. 22]. В этом каталоге описания этнографических предметов сопровождалась сведениями о происхождении и назначении вещей, дарителя и собирателя.

Издание каталогов по культуре и быту различных народов на третьем этапе (1917 г. – середина XX в.) повсеместно прекратилось, поскольку главным направлением этнографических музеев стала культурно-просветительная и научно-пропагандистская работа.

На последнем этапе (вторая половина XX в. – до настоящего времени) публикация этнографических каталогов возобновилась, более того она приняла целенаправленный и систематический характер. Разработку и публикацию каталогов активно предприняли в ряде центральных этнографических музеев России. Планово вводились в научный оборот также и коллекции сибирских музеев. Другие российские музеи ограничились либо выпуском отдельных каталогов-указателей, либо тематических каталожных изданий, не дающих полного представления о богатстве и разнообразии этнографического фонда. В настоящее время утвердился тип музейного научного каталога, не только описывающего то или иное собрание, но и дающего его глубокую научную оценку. Преобладающая часть этнографических каталогов имеет более и менее ярко выраженную композиционную структуру, состоящую из трех основных составных частей, а именно: предисловия или введения, собственно каталога и приложения альбома иллюстраций. Это и есть та общепринятая «классическая» система, которая типична для большинства каталогов вообще.

Резюмируя все выше изложенное, необходимо отметить, что обзор сравнительно немногих этнографических каталогов позволяет довольно отчетливо представить путь их постепенного развития и совершенствования, начиная от примитивных каталогов в XVIII в. и заканчивая современными каталогами монографического типа, претендующими на всестороннее научное исследование той или иной коллекции. Более того, не исключено, что в настоящее время можно поставить вопрос о выделении и пятого периода в развитии этнографических каталогов, связанного с вне-

дрением в музейное дело информационно-вычислительных и коммуникационных технологий и появлением электронных каталогов.

1. Богомолов В. Б., Томилов Н. А. Этнографические коллекции Омского государственного объединенного исторического и литературного музея // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1990.

2. Разгон А. М. Этнографические музеи в России (1861 – 1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961.

3. Станюкович Т. В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет // 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. М.; Л., 1964.

4. Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978.

Л. Е. Малякутова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫСТАВКИ ТЮМЕНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА*

Выставки в музее – это часть его экспозиционной деятельности, которая отражает потребности населения в научно-пропагандистской и культурно-массовой сферах. Задачей данного сообщения как раз и является обзор выставок Тюменского областного краеведческого музея имени И. Я. Словцова (ТОКМ) по этнографии народов России (прежде всего народов и национальных групп Тюменской области в 1990-е–2006 гг.) и выявить значение этой выставочной деятельности ТОКМ в научно-пропагандистской и воспитательной работе с населением.

Об этнографических выставках и о постоянных этнографических экспозициях ТОКМ с момента образования этого музея (1879 г.) и до начала 1990-х гг. приводил сведения в своем очерке по истории этого музея Н. А. Томилов [17, с. 7–83]. Что касается публикаций об этнографических выставках ТОКМ в рассматриваемый нами хронологический отрезок времени, то это отдельные публикации, в том числе статьи М. Г. Вольхиной, В. И. Карпухина, Т. А. Курбатова, Н. А. Балюк, В. А. Чупина, В. Н. Аксюты, Л. Ф. Старцевой, Н. В. Войновой, С. Н. Стрельцовой, Н. В. Ергинной, О. В. Паренкиной, которые, как правило, посвящены отдельным выставкам и не дают полного представления о количестве и составе этих выставок по годам [1–2; 4–7; 12–16; 18]. Источниками для написания данного сообщения послужили документальные материалы – ежегодные отчеты ТОКМ, а также опубликованные статьи в научных изданиях и в газетах.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 07-01-00317а.

Всего в 1991–2006 гг. сотрудниками ТОКМ было создано 48 этнографических выставок.

Таблица 1

Динамика организации этнографических выставок в 1991–2006 гг.

<i>Год</i>	<i>1991</i>	<i>1992</i>	<i>1993</i>	<i>1994</i>	<i>1995</i>	<i>1996</i>	<i>1997</i>	<i>1998</i>
Количество этнографических выставок	2	4	2	3	3	1	2	3

<i>1999</i>	<i>2000</i>	<i>2001</i>	<i>2002</i>	<i>2003</i>	<i>2004</i>	<i>2005</i>	<i>2006</i>
3	5	6	5	3	2	2	2

Начиная с 2000-х гг. количество этнографических выставок в музее увеличивается почти вдвое, что конечно, было очень полезно в работе с посетителями. Уменьшение количества этнографических выставок в 2004–2006 гг., согласно отчетам о работе ТОКМ за 2004–2006 гг., «2004 г. проходил под знаком трех юбилеев, значимых для ТОКМ: 125-летия Тюменского областного краеведческого музея; 160-летия со дня рождения И. Я. Словоцова; 60-летия со дня образования Тюменской области. Этим важным датам были посвящены главные события года» [10, с. 377]. «А основное направление выставочной деятельности ТОКМ на 2005 г. – как отмечается в отчете, – это 60 лет Великой Победы» [11, с. 288], а «экспозиционная деятельность музея в 2006 г. прошла под знаком юбилея г. Тюмени. 420-летию нашего города» [19, с. 3–4].

Безусловно, можно сказать, что деятельность Тюменского областного краеведческого музея по работе этнографических выставок была плодотворной и творчески насыщенной. Об этом можно судить по проектам, представленным в экспозиционных залах. К примеру, относительно выставки «Сквозь пеструю вязь поколений», которая рассказывала посетителям об истории и культуре татар, живущих в Западной Сибири, необходимо выделить, что подобная выставка в Тюмени экспонировалась впервые. Уникальной была выставка, открывшаяся в филиале ТОКМ «Дом Машарова», «Триумфальное шествие моды», которая включила 135 моделей кукол, демонстрировавших национальные костюмы в разные периоды истории народов. Как отметила директор музея Т. М. Исламова, назвавшая эту выставку особенной, ... ни в одном музее страны она не видела подобных работ, представленных в таком количестве и сделанных с основательной научной, художественной проработкой» [3, с. 4].

Таким образом, можно констатировать, что выставочная этнографическая работа в ТОКМ в 1991–2006 гг. была постоянной и занимала важное место во всей выставочной деятельности музея. Например, в 2000 г.

всего было организовано 30 выставок, из них 5 этнографических [8, с. 16–19], а в 2001 г. – 37, из них 6 этнографических [9, с. 19–24]. Эти выставки охватили историю и культуру многих народов России, прежде всего народов и национальных групп Тюменской области – русских, сибирских татар, хантов, манси, ненцев, казахов, коми-зырян, чувашей и др. Также выставки, конечно, сыграли значительную роль в научно-просветительской и воспитательной работе среди населения.

1. Аксютя В. Н. Современная выставка и посетитель (из опыта создания музейных выставок 1992–1996 гг.) // Словцовские чтения – 1996. Тюмень, 1997.

2. Балюк Н. А. «Славянский мир». Концептуальное обоснование выставки (к проблеме интерпретации музейных коллекций) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2001. Тюмень, 2002.

3. Бучинская А., Смилян Б. От куклы Барби к всемирной истории // Тюменские известия. 2005, 14 декабря.

4. Войнова Н. В. Выставочная деятельность филиала ТОКМ «Церковь Петра и Павла» (1989–1999 гг.) // Словцовские чтения – 1999. Тюмень, 1999.

5. Вольхина М. Г. Выставка «Сибирский татарский дом» (из фондов ТОКМ) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1993. Тюмень, 1997.

6. Вольхина М. Г. Выставка «Строки арабский вязь» (коллекция редких книг на арабской графике из фондов ТОКМ) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1993. Тюмень, 1997.

7. Ергина Н. В. Место выставки «Колыбель твою качая...» в научной концепции филиала «Дом Машарова» // Словцовские чтения – 2001. Тюмень, 2001.

8. Итоги работы Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Словцова за 2000 г. // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2000. Тюмень, 2001.

9. Итоги работы Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Словцова за 2001 г. // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2001. Тюмень, 2002.

10. Итоги деятельности Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Словцова за 2004 г. // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2004. Тюмень, 2005. Вып. 18.

11. Итоги деятельности Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Словцова за 2005 г. // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2005. Тюмень, 2006. Вып. 19.

12. Карпухин В. И. Выставка «Дальневосточная коллекция» (из фондов ТОКМ) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1993. Тюмень, 1997.

13. Курбатова Т. А. Из опыта работы над выставкой «Окно в Сибирь» // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1994. Тюмень, 1997.

14. Паренкина О. В. Из опыта экспозиционно-выставочной деятельности Музея геологии, нефти и газа // Словцовские чтения – 2001. Тюмень, 2004. Ч. 2.

15. Старцева Л. Ф. О выставочной работе музея «Городская дума» // Словцовские чтения – 1997. Тюмень, 1997.

16. Стрельцова С. Н. Выставка «Матрешка в гостях в старом доме» (из фондов ТОКМ) // Словцовские чтения – 1999. Тюмень, 1999.

17. Томилов Н. А. Тюменский областной краеведческий музей (краткий исторический очерк) // Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1994. С. 7–83.

18. Чупин В. А. Православная деревянная скульптура. Экскурсия по выставке // Словцовские чтения – 2004. Тюмень, 2004. Ч. 2.

19. Архив ТОКМ. № 489: Отчет о работе Тюменского областного краеведческого музея за 2006 г.

Э. Р. Ахунова, Н. А. Томилов

ЭКСПОЗИЦИИ ТЮМЕНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА*

Как известно, из всех видов музейной работы, начиная с собирательской деятельности и заканчивая работой с посетителями музея, центральное звено образуют создание и использование экспозиций, научно-пропагандистская и культурно-массовая работа с посетителями музея, шире с населением региона. Поэтому важным является изучение экспозиционной деятельности конкретных российских и зарубежных музеев, позволяющее выявить и охарактеризовать типы экспозиции и выделить перспективные новационные приемы экспозиционной работы. В данном сообщении речь пойдет об опыте Тюменского областного краеведческого музея (ТОКМ) им. И. Я Словцова. В экспозиционной сфере его деятельности, при том конкретно за 2001–2005 гг.

Изучение экспозиционной деятельности и характеристика экспозиций различных периодов в истории ТОКМ освещается в ряде работ, в том числе в очерке об истории ТОКМ, написанным в свое время Н. А. Томиловым [13, с. 7–83]. Этот очерк охватывает период с начала создания ТОКМ в 1879 г. и до начала 1990-х гг. Экспозиционной деятельности ТОКМ в выбранный нами период 2001–2005 гг. также посвящается несколько работ, в том числе статьи С. Л. Белова «Разработка форэскизного проекта экспозиции по истории Тюменского края» [1, с. 42–45] и «Экспозиционная деятельность Тюменского областного краеведческого музея: прошлое, настоящее, будущее (к 125-летию музея)» [2, с. 313–336], О. А. Береговой «Детское направление в научно-экспозиционной деятельности музея «Дом Машарова» [3, с. 46–47] и «К вопросу о расширении экспозиционного пространства в филиале Тюменского областного краеведческого музея “дом Машарова”» [4, с. 8–9], В. Г. Рыженко, Н. А. Томилова «Заметки

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 07-01-00317а.

по концепции экспозиции Тюменского областного краеведческого музея по истории Тюменского края» [9, с. 32–35], О. В. Паренкиной «Из опыта экспозиционно-выставочной деятельности Музея геологии, нефти и газа» [7, с. 73–74] и «К вопросу разработки темы «Состояние геологоразведочной отрасли Западной Сибири на современном этапе» [8, с. 32–34], Т. Г. Симоненко «Филиал «Музей-усадьба Колокольниковых» на пороге перемен» [10, с. 36–37], П. С. Ситникова «Экспозиционные и художественные особенности новых естественно-исторических экспозиций юга Тюменской области» [11, с. 84–87], Л. А. Типикиной «Концепция музеефикации купеческой усадьбы» [12, с. 87–88]. Тем не менее, эта работа по изучению экспозиции ТОКМ в названный период не является пока завершенной. Источниками для данной статьи послужили ежегодные отчеты о деятельности ТОКМ, вышеназванные статьи, а также отдельные публикации в средствах массовой информации.

В 2001 г. к филиальной сети ТОКМ принадлежали следующие музеи: «Городская дума», «Церковь Петра и Павла», «Дом Машарова», «Музей истории дома XIX – XX вв.», «Музей геологии, нефти и газа», а также Археологический музей-заповедник на озере Андреевском. В этот год были созданы новые экспозиции – «Лавка купцов Колокольниковых» и «Музей истории г. Тюмени», совершенствовались действующие стационарные экспозиции в филиалах и проходила реэкспозиция выставок после завершения ремонта в некоторых филиалах. В этом же году продолжалась работа над научным проектированием Единой краеведческой экспозиции в новом музейном комплексе, были внесены существенные изменения и дополнения во все разделы Концепции ЕКЭ как по содержанию, так и по методам ее построения.

В 2002 г. три филиала ТОКМ: Городская Дума, Дом Машарова (до 19 сентября), Археологический музей на оз. Андреевское (до 27 сентября) были закрыты на ремонт. После ремонта в Археологическом музее-заповеднике была создана новая экспозиция «Из глубины веков», которая и сегодня является интересной и востребованной экспозицией. Этот музей создан непосредственно на месте древнейшей стоянки человека и охватывает своими материалами периоды с V тысячелетия до н. э. и до XVI в. н. э. Сегодня здесь размещаются экспозиции по древнейшей истории Тюменского края, реконструкции ряда древних и исторических жилищ, а также показаны быт и духовная культура финно-угорских народов. В музее «Дом Машарова» после ремонта была воссоздана стационарная экспозиция «Семейный альбом». Эта экспозиция представляет собой реконструкцию быта зажиточного горожанина конца XIX – начала XX в., в центре которой – жизнь семьи Н. Д. Машарова, крупного тюменского промышленника, ранее проживавшего в этом доме. Основная идея экспозиции, которая и сегодня действует в этом музее, – это важность сохранения семейных ценностей.

В 2003 г. в музее «Городская дума» в октябре состоялась презентация новой экспозиции «Окно в природу», которая существует до сих пор. Посетители музея могут видеть чучела разнообразных зверей и птиц Тюменского края, а также кости и скелеты ископаемых животных, которые жили в этом крае несколько тысячелетий назад.

Музей Церковь Петра и Павла входила в филиальную сеть ТОКМ с 1988 по 2003 гг. В 2003 г в музее работали 2 стационарные выставки – «Ремесла и промыслы г. Тюмени и Тюменского уезда» и «Из истории христианства в Сибири». Экспозиция музея рассказывала об истории христианства в крае, ремеслах и промыслах. Как отмечал В. А. Чупин, старший научный сотрудник ТОКМ, это была не просто выставка икон и церковной утвари, а первая в России неатеистическая экспозиция о наиболее важных страницах истории православия [12, с. 327–328].

Музей геологии, нефти и газа в 2003 г. был представлен двумя стационарными выставками: «Открытие века на древней Югорской земле» и «Сказания о людях северных рек». Эти экспозиции рассказывали не только об открытии и освоении богатейших месторождений нефти и газа на севере Тюменской области, но и о жизни, традициях и быте коренных народов Севера.

В «Музее истории дома XIX–XX вв.», который до 1996 г. назывался музеем «Штаб-квартира В. К. Блюхера», работала одна стационарная выставка «Восковые фигуры в интерьере купеческого дома». Отныне портреты и личные вещи купцов Иконниковых и Колокольниковых мирно соседствуют с кабинетом маршала Блюхера и восковыми фигурами царевича Александра II и его наставника поэта В. А. Жуковского. 12 ноября 2004 г. произошло еще одно важное событие в истории этого музея – открылась экспозиция «Торговая лавка Колокольниковых». Она находилась в отдельном здании, которое расположено на территории усадьбы и стала частью единого экспозиционного пространства усадьбы Колокольниковых.

2004 г. прошел под знаком 125-летия Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Словцова. Совершенствовались концепции существующих стационарных и новых выставок. Так, в этом году частичной рээкспозиции подверглись две постоянные выставки – «Окно в природу» в Музее «Городская дума» и «Открытие века на древней Югорской земле» в Музее геологии, нефти и газа. В 2004 г. была завершена работа по монтажу новой экспозиции «Торговый дом И. П. Колокольникова: Наследники» и 17 ноября состоялась презентация нового музея. После открытия для широкой публики музей был переименован в Музей-усадьбу Колокольниковых.

В филиалах ТОКМ в 2005 г. продолжали работать 6 стационарных экспозиций: в филиале «Городская дума» – экспозиция «Окно в природу»,

в Музее геологии, нефти и газа – «Открытие века на древней Югорской земле», в Музее-усадьбе Колокольниковых – «История дома XIX–X вв.» и «Торговый дом Колокольникова: Наследники», в Музее «Дом Машарова» – «Семейный альбом» и в Археологическом музее-заповеднике на озере Андреевское – постоянная экспозиция «Из глубины веков».

В течение 2006 г. продолжали работать эти же стационарные выставки. Как отмечается в «Отчете о работе Тюменского областного краеведческого музея за 2006 г.» «экспозиционная деятельность музея в 2006 г. прошла под знаком юбилея г. Тюмени...Особой популярностью у тюменцев и гостей города пользовалась выставка «На великом Сибирском пути», работавшая в филиале «Городская дума». С мая по декабрь 2006 г. ее посетило около 7 тыс. человек» [6, с. 4].

Последние несколько десятилетий ТОКМ является базовым музейным учреждением Тюменской области и его фонды составляют более 300 000 единиц хранения. Но, к сожалению, музей не располагал в изучаемый нами период необходимыми экспозиционными площадями, в его филиалах экспонировалось всего лишь 3 % предметов от имеющихся фондов. Необходимость расширения экспозиционных площадей привело к идее создания нового музейного комплекса, отвечающего всем современным требованиям. В основе единой краеведческой экспозиции, которая будет использована в новом здании музея и расположится на площади более 5000 кв. м., лежит комплексный подход. Цель новой экспозиции – это отражение истории края как составной части мировой и общероссийской истории. В структуре экспозиции будут выделены три основных раздела: естественно-исторический, археолого-этнографический и исторический. Обсуждению новой концепции музея была посвящена очередная конференция «Словцовские чтения – 2007», которая проходила в ноябре 2007 г. в г. Тюмени [5, с. 12–14]. Два дня научные сотрудники музея рассказывали о разработанной ими новой концепции единой краеведческой экспозиции, и два дня шло живое обсуждение новой концепции. Свое мнение высказали ведущие музеологи, культурологи и историки России и Германии.

Таким образом, новый музейный комплекс ТОКМ с единой краеведческой экспозицией и сетью филиалов, несомненно, будет способствовать повышению уровня знаний, культурного и духовного уровня населения.

1. Белов С. Л. Экспозиционная деятельность Тюменского областного краеведческого музея: прошлое, настоящее, будущее (к 125-летию музея) // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 2005. Вып. 18. С. 42–45.

2. Белов С. Л. Разработка форэскизного проекта экспозиции по истории Тюменского края // Словцовские чтения. Тюмень, 2004. Ч. 2. С. 313–336.

3. Берегова О. А. Детское направление в научно-экспозиционной деятельности музея «Дом Машарова» // Словцовские чтения. Тюмень, 2004. Ч. 2. С. 46–47.
4. Берегова О. А. К вопросу о расширении экспозиционного пространства в филиале Тюменского областного краеведческого музея «Дом Машарова» // Словцовские чтения – 2003. Тюмень, 2003. С. 8–9.
5. Иванова Л. В. Основные подходы и задачи построения экспозиции музея «История Тюменского края» // Словцовские чтения – 2007. Тюмень, 2007. С. 12–14.
6. Архив Тюменского областного краеведческого музея № 489: Отчет о работе Тюменского областного краеведческого музея за 2006 г.
7. Паренкина О. В. Из опыта экспозиционно-выставочной деятельности Музея геологии, нефти и газа // Словцовские чтения. Тюмень, 2004. Ч. 2. С. 73–79.
8. Паренкина О. В. К вопросу разработки темы «Состояние геологоразведочной отрасли Западной Сибири на современном этапе» // Словцовские чтения – 2001. Тюмень, 2001. С. 32–34.
9. Рыженко В. Г., Томилов Н. А. Заметки по концепции экспозиции Тюменского областного краеведческого музея по истории Тюменского края // Словцовские чтения – 2007. Тюмень, 2007. С. 32–35.
10. Симоненко Т. Г. Филиал «Музей-усадьба Колокольниковых» на пороге перемен // Словцовские чтения – 2006. Тюмень, 2006. С. 36–37.
11. Ситников П. С. Экспозиционные и художественные особенности новых естественно-исторических экспозиций юга Тюменской области // Словцовские чтения. Тюмень, 2004. Ч. 2. С. 84–87.
12. Типикина Л. А. Концепция музеефикации купеческой усадьбы // Словцовские чтения. Тюмень, 2004. Ч. 2. С. 87–88.
13. Томилов Н. А. Тюменский областной краеведческий музей (краткий исторический очерк) // Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1994. С. 7–83.

М. А. Жигунова

СОВРЕМЕННЫЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

Государственное учреждение культуры «Новосибирский государственный краеведческий музей» (далее – НГКМ) является одним из крупнейших музеев Сибири, в фондах которого хранятся ценнейшие свидетельства истории и культуры народов нашей страны, этнографические коллекции по хозяйству и культуре народов Сибири, Казахстана, Восточной Европы и Зарубежной Азии. Современным музееведением комплектование фондов рассматривается как способ осуществления музеем его основной функции накопления, хранения и трансляции социальной инфор-

* Работа по данной теме проводится при финансовой поддержке РГНФ, проект №07-01-00317а

мации. Главной целью комплектования музея является сбор памятников культуры, которые документировали бы специфические свойства этноса на разных этапах его развития [3, с. 73–74].

Исторически сложилось так, что музеи Сибири всегда большое внимание уделяли краеведческим изысканиям. Не стал исключением и исследуемый нами НГКМ. Одной из основных форм пополнения коллекций является экспедиционная работа [2, с. 394–397]. Данное сообщение основано на материалах «Проекта комплексной историко-бытовой и фольклорно-этнографической экспедиции в Колыванский район Новосибирской области» и личной беседы в декабре 2006 г. с начальником экспедиции, главным хранителем НГКМ Ириной Викторовной Орловой.

Комплексная историко-бытовая и фольклорно-этнографическая экспедиция была приурочена к подготовке выставки «К 70-летию Новосибирской области. Страницы истории: события, люди» в Новосибирском государственном краеведческом музее (директором К. И. Ватутиным). Первоначально проведение экспедиционных работ планировалось проводить совместно с Новосибирским государственным педагогическим университетом и районным муниципальным учреждением «Колыванский краеведческий музей». В качестве места проведения был определен Колыванский район. Северные деревни этого района находятся далеко от Колывани и Новосибирска, на границе с Томской областью и практически отрезаны от современной цивилизации, что способствует сохранению традиционных черт. Практически все выбранные для исследования деревни являются старожильческими. Этнический состав района представлен, в основном, русскими, татарами, чувашами и немцами. В районе д. Пихтовка в советское время располагались лагеря политических заключенных, в 1930–1970-е гг. функционировали леспромхозы.

Главной целью экспедиции являлось обследование северных деревень Колыванского района Новосибирской области, всесторонне изучение культуры, быта, хозяйства населения и сбор памятников материальной культуры. Среди задач значились: изучение национального состава, места выхода переселенцев, выявление общих черт и различий; определение характера этнокультурных взаимодействий; изучение хозяйственной деятельности различных национальных групп, степени сохранения и развития народных традиций в культуре и быту на современном этапе; выявление бытующих промыслов и ремесел, изучение их современного состояния; современный облик, хозяйственная и культурная жизнь села. Также планировалась, что экспедиция будет заниматься сбором фольклора (руководитель Л. И. Васеха, Новосибирский государственный педагогический университет), обрядовых песен, преданий, сказов, былин, изучением обрядов; изучением крестьянского быта, лесных и охотничьих промыслов, сбором данных об историческом развитии сибирского крестьян-

ства, сбором этнографического материала и памятников материальной культуры (руководители групп: Н. П. Козлова, Кольванский краеведческий музей и И. В. Орлова, НГК) [1, с. 3].

Экспедиционные работы проводились с 6 по 15 августа 2007 г. под руководством И. В. Орловой. В состав экспедиции вошли еще 7 сотрудников музея: Ж. А. Аржанникова, Н. В. Дмуха, Н. В. Ермакова, Н. В. Киркеснер, Т. И. Лисиенко, Л. С. Смолина, А. С. Чеботарев. Кроме того, в работах принимали участие сотрудники Кольванского краеведческого музея. Первые три дня экспедиция базировалась в г. Кольвань (общежитие политехнического техникума), затем переехала в д. Королевка. Оттуда были обследованы близлежащие населенные пункты: Амба, Боярка, Пихтовка, Усть-Тоя.

Из экспедиционной поездки был привезен разноплановый материал, собранный при помощи выборочного подворного обхода домов, непосредственного наблюдения, бесед с информаторами, а также – аудио- и фото-фиксации. Беседы с информаторами записывались на диктофон или в тетрадь, согласно разработанным вопросам и анкетным картам (персоналиям). Всего было привезено около 200 различных предметов: вышивки, подзоры, скатерти, наволочки, пододеяльники с вышивкой 1950–1960-х гг.; чулочки, прялки (самопрялки), различные изделия из металла (путы для лошадей, пилы, кованые гвозди), фонарь, который подвешивали над дверью и др. Также собран документальный материал, старые и современные фотографии, топонимические легенды, объясняющие современные названия рек и поселений.

По мнению И. В. Орловой, наиболее интересными являются следующие предметы:

1. Домотканое полотенце, изготовленное белорусской во второй половине XIX в. с типично украинской растительной вышивкой (розаны), выполненной крестиком красными и черными нитками. Это полотенце досталось информатору на свадьбу в подарок от бабушки.

2. Стул, плетеный из ивовых прутьев, русские. Изготовлен в 1950–1960-х гг.

3. Детское седло из деревянных планок и кожаных ремней (обнаружено в заброшенном доме).

4. Школьная деревянная парта с откидной дощечкой, 1940-х гг.

5. Фотоаппарат 1940–1950-х гг., который изготавливал небольшие снимки размером 6 см х 9 см или 9 см х 12 см.

6. Утюги каслинского литья.

7. Бутыль желтого стекла для медицинских препаратов.

Экспедиционная поездка в Кольванский район Новосибирской области в августе 2007 г. завершилась вполне успешно, фонды музея пополнились новыми интересными материалами и коллекциями, которые ждут своего включения в научный оборот.

1. Архив Новосибирского государственного краеведческого музея. 2007 г. Проект комплексной историко-бытовой и фольклорно-этнографической экспедиции, совместно с Новосибирским государственным педагогическим университетом и районным муниципальным учреждением «Колыванский краеведческий музей».

2. Жигунова М. А., Томилов Н. А., Деш О. В. СобираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА Новосибирского областного краеведческого музея в конце XX в. // Русский вопрос: история и современность: Материалы VI Международ. науч.-практ. конф. Омск, 2007.

3. Проблемы этнографического музееведения. Омск, 1987.

Е. Г. Морозова

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ (на примере ОМСКА и Новосибирска)*

Основная часть ведомственных общественных музеев предприятий, учреждений, организаций, ведомств в СССР появляется в 1960-е гг. [1, с. 153]. В своей периодизации музейного дела на территории Омской области Н. А. Томилов отмечает, что на вторую половину 1970-х гг. приходится своеобразный музейный бум, выразившейся в росте числа музеев, в том числе общественных [2, с. 36–40]. В данной статье мы остановимся на вопросе истории ведомственных музеев Западной Сибири, связанных с историей российских военных – на примере двух крупных сибирских мегаполисов – городов Омска и Новосибирска.

Первые общественные музеи в Омской области возникли в середине 1960-х гг. К началу 1970-х гг. в области насчитывается уже 10 общественных музеев. С 1970 по 1980 гг. процесс создания общественных музеев продолжался. Так, 1980 г. было зарегистрировано 22 музея, в 1988 г. работало 97 музеев на общественных началах [3, с. 279–307].

Более 30 лет работает музей Управления внутренних дел Омской области. Экспозиция музея разработана и воплощена в жизнь творческим коллективом под руководством художника К. Е. Гагишвили [4, с. 2–8]. Основу музея составляли более 4 тыс. экспонатов: документы, фотографии, ордена, медали, оружие, техника и личные вещи сотрудников органов внутренних дел. Позже экспозиция дополнена произведениями графики, скульптуры и техническими средствами. Комплектование коллекции продолжается и в настоящее время.

Экспонаты музея дают яркое представление об основных этапах становления и развития милиции и других подразделений органов внут-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект грант 07-01-00317А.

ренных дел Омской области, с установления Советской власти, формирования рабоче-крестьянской милиции из отрядов Красной гвардии. Представлена информация о современных буднях милиции и героических подвигах ее сотрудников, борьбе с преступностью. Все материалы раздела Великой Отечественной войны знакомят с героизмом отдельных сотрудников и целых подразделений. У входа в экспозиционные залы посетитель развернута книжная выставка. Авторы представленных здесь книг – сотрудники органов внутренних дел. Ежегодно выставка пополняется новыми изданиями, составляющими своеобразную летопись правоохранительной тематики. На базе музея создан женский клуб «Таис», где собираются и проводят время женщины в форме. Экскурсии проводятся для сотрудников УВД, его подразделений и членов их семей, студентов учебных заведений, учащихся школ, горожан.

В 2001 г. музею был вручен диплом лауреата премии МВД России и бронзовая статуэтка, изображающая фигуру Георгия Победоносца «за весомый вклад в героико-патриотическое воспитание сотрудников, пропаганду деятельности служб и подразделений МВД».

В настоящее время в музее планируется ремонт с изменением всей структуры экспозиции.

В Новосибирске музея истории УВД нет, но сравним с ним музей другого силового ведомства – Кабинет истории Управления ФСБ по Новосибирской области. Музей существовал до 1990 г. в течение 25 лет, как комната боевой и трудовой славы. В период перестройки был демонтирован в кабинет. И вот в 2001 г. к 20 декабря (День работника Органов Безопасности РФ) был открыт вновь музей [5]. В создании, а в последствии и обновлении экспозиции принимали участие большой коллектив единомышленников из числа руководства, сотрудников, ветеранов Управления, а также научных представителей новосибирского областного краеведческого музея. Был создан Совет Кабинета истории (музея) Управления ФСБ России по Новосибирской области. Все материалы экспозиции посвящены людям, работавшим в ФСБ и оставившим о себе добрую память [7]. В экспозиции представлены следующие материалы: «О работе ВЧК на транспорте»; о руководителях ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ по Новосибирской области; о партизанском движении в Сибири и добровольческих отрядах, о «восстании беглого кулачества» в Чумаковском районе Запсибкрая (недалеко от Барабинска) в июне 1931 г., о периоде, когда руководство страны превратило органы Государственной Безопасности в орудие для проведения необоснованных политических репрессий и др. Особый интерес представляет дело, находящееся в особом фонде хранения ФСБ РФ с грифом «хранить вечно» – «Фисгармония». 1 октября 1942 г. на станции Рузаевка органами НКВД была арестована группа диверсантов. Наибольший интерес из них представлял Б. Сафонов (Абвер дал ему псевдоним «Сельский»), имевший задание создать прочную базу для раз-

ведывательной работы в далеком тылу – в Новосибирске, Омске или Красноярске. После ареста и перевербовки «Сельского» в течение всей войны с его помощью проводилось успешное военно-политическое дезинформирование противника, организация вывода на территорию СССР агентов немецкой разведки.

На стенде имена тех, кто не вернулся с войны – 24 человека; их имена начертаны на памятной доске. В малом зале Управления установлена памятная доска. В конце экспозиции – материалы о сегодняшней жизни Управления ФСБ, «громкие» дела, конкретные достижения и конкретные люди. На экспозиции представлены знак «Почетного сотрудника госбезопасности» – почетная профессиональная награда. Высшей «контрразведывательной» наградой в коллективе было награждено 26 человек. Представлена информация о спортивных достижениях сотрудников, их награды, кубки и почетные грамоты.

В музее проходит принятие присяги молодыми сотрудниками Управления, приглашаются семьи сотрудников, устраивают встречи с ветеранами службы Госбезопасности.

Еще одно ведомственное музейное образование в Новосибирске – Музейное образование при Сибирском округе внутренних войск. (Филиал Центрального музея внутренних войск МВД России). Музей находится в отделе по работе с личным составом округа. На базе музея проходит присяга, через него проходят все молодые бойцы. Музей широко известен общественности города. Так как музей является общественным, то и специального финансирования не имеет. Пополнение фонда музея осуществляется, в основном, поступлением материала из воинских частей (как правило, плоскостного – фотографии, приказы, справки). Командование округа, лично командующий округом уделяют большое внимание вопросу пополнения фондов, поэтому офицеры управления, находящиеся в командировке, по негласному закону привозят хоть один экспонат [7].

Музейное образование при СибО ВВ МВД РФ является членом клуба «Музей для всех» – Инновационного музейного центра (ИМЦ), который был создан с целью наиболее эффективного взаимодействия в плане развития и совершенствования музейного дела, информационного обмена, повышения профессиональной подготовки и связей между музеями. На базе ИМЦ представители многочисленных музеев в т.ч. частных, музейных учреждений, объединились в Новосибирский клуб «Музей для всех» [8], который включает 32 общественных музея. Такая организация ведомственных общественных музеев новое в их деятельности. Но эта тема ещё одной статьи.

-
1. Труевцева О. Н. Музеи Сибири во второй половине XX в. Томск, 2000.
 2. Томилов Н. А. Музееведение (музеология) и периодизация музейного дела Сибири // Проблемы историографии, источниковедения и исторического

краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Тезисы докладов и сообщений IV региональной науч.-метод. конф. Омск, 2000.

3. Назарцева Т. М. Районные, общественные, учебные музеи Омской области // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1997. № 5; Сивкова Т. На общественных началах // Омский каучук. 1988. 17 мая.

4. Музей УВД. Омск, 1987.

5. Запись беседы с начальником отдела по работе с персоналом ФСБ по Новосибирской области с Б. В. Скопином в мае 2002 г. // Из личного архива автора.

6. Сопроводительное слово к экспозиции Кабинета истории управления ФСБ РФ по Новосибирской области. 2001 // Из личного архива автора.

7. Запись беседы с З. П. Чамкиной директором музейного образования при Сибирском округе внутренних войск в декабре 2001 г. // Из личного архива автора.

8. Веселов А. Музей с человеческим «лицом» // Честное слово (Новосибирск). 1999. № 7; Запись личной беседы с директором Инновационного музейного центра г. Новосибирска В. А. Поливановым // Из личного архива автора; Положение о Новосибирском клубе «Музей для всех» // Из фондов Инновационного музейного центра г. Новосибирска. Новосибирск, 1999.

С. В. Кулямзина

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЯ

За последние 15 лет произошло стремительное развитие музейной образовательной деятельности в России. В эту работу включаются практически все разновидности музеев. Цель – рассмотреть некоторые аспекты образовательной деятельности Детского образовательного центра Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИКМ). Продемонстрируем это на примере Воскресного семейного Клуба и творческой мастерской «Прекрасное создаем своими руками». Руководят Клубом Жмурко Оксана Анатольевна – заведующая экскурсионно-просветительным отделом и Ерофеева Татьяна Дмитриевна – опытный педагог дополнительного образования первой категории. Каждое воскресенье они работают вместе с детьми и их родителями (бабушками и дедушками). Они обращаются к разным формам, методам и направлениям музейной образовательной деятельности.

Приведем пример экскурсии-беседы на тему «Сказание об Ермаке». Экскурсовод профессионально владеет специальными методическими приемами: приемом рассказа (учитывая возраст аудитории, руководитель не обрушивает на слушателей множество дат и имен, а уместно заостряет внимание на дате начала похода Ермака в Сибирь, его смерти); диалога, способствующим формированию в группе доверительной психологической атмосферы, помогая детям почувствовать себя равноправными собеседниками обсуждения. Еще в начале XX в. А. Лихтварк пер-

вым сформировал идею об образовательном назначении музея и предложил новый подход к посетителю как участнику диалога [1, с. 3]. Беседа в форме вопросов-ответов создает живой контакт с аудиторией. Откуда нам известны сведения об Ермаке? Что мы знаем о летописях? Когда родился Ермак?

Музейная практика показывает, что мы действительно нуждаемся в отказе от монологического принципа общения с аудиторией. Это рождает необходимость использования новых технологий, например, таких как интерактивность. Одновременно идет прием заданий, активизируя внимание слушателей, стимулируя самостоятельную деятельность, что для детской аудитории крайне важно (работа с картой РФ и пр.). Используются репродукции «Три богатыря», «Взятие казаками столицы татарского войска», необходимые для визуального представления людей XVI в. Элемент игры активизирует поведение музейной аудитории и дает возможность погрузиться в определенную среду. Выбрали «летописца», выдали ему перо и «летопись», но с пробелами, которую он вместе с остальными должен дописать, исходя из прослушанного материала.

Руководитель позволяет слушателям быть исследователями. Каким образом? Экскурсовод рассказывает об историческом событии, задает вопросы, и дети сами делают выводы, которые секундой позже подтверждает экскурсовод. Ребенку приятнее самому сделать открытие, чем просто выслушивать информацию. Но если ребята затрудняются ответить, то экскурсовод умело поддерживает тон доверительной беседы, формулируя ответы примерно так: «Вы, конечно, знаете.?»», «Вы, вероятно, помните, что.?»», «Возможно, вы уже догадались.?»».

Очень важно, что занятия проходят непосредственно на экспозиции, а также в специально оборудованном музейном пространстве, интерактивной зоне «Старая крепость». Там и крепость, и богатырь, и его «доспехи» – все это помогает окунуться в прошлую эпоху. Подобные приемы хороши для восприятия исторического материала. Творческая мастерская расположена при экспозиции «Человек и природа». Пространство оборудовано столиками, материалами для творческих идей ребят. Руководитель показывает основы построения портрета, и маленькие посетители под впечатлением только что увиденного, создают свои шедевры (например, рисуют портрет Ермака), а родители им охотно в этом помогают. Все работы собираются, а в конце года создается выставка и проводится конкурс.

Экспериментальные формы деятельности Детского музейного образовательного центра направлены на эстетическое и творческое развитие личности ребенка, что способствует включению музея в единую систему непрерывного образования и воспитания детей. Для того чтобы образовательная деятельность была эффективной, музею необходимо изучать и учитывать интересы и потребности своей аудитории, обеспечивать

«обратную связь». Оксана Анатольевна проводит анкетирование, интересуясь мнением о проведенных занятиях, выясняет, что хотели бы увидеть дети и их родители в будущем. Это характеризует интересы и запросы реальной аудитории и в свою очередь приводит к возрастанию интереса к музею.

Получается, что влияние на личность образовательных возможностей музейного предмета усиливается в рамках музейной среды, так как любое музейное пространство обладает образовательным потенциалом, способствующим целенаправленной организации информационных потоков. И приоритет остается за образовательным пространством экспозиции, которая представляет собой единое целое, целостное произведение, обладающее новым культурным и историческим значением и способствующее образованию индивида. А стимулирование творческой деятельности, помогает детям включиться в окружающий мир.

Таким образом в настоящее время музейное образование в России обретает «сильный голос», отвечая на фундаментальные вопросы о месте музея и музейного образования в контексте современных культурных и социально-политических глобальных перемен.

1. Лихтварк А. Музеи как образовательные и воспитательные учреждения // Образовательные и воспитательные задачи современного музея. СПб., 1914.

Л. В. Секретова

ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА ФОТОРАБОТ Л. В. ШАПОШНИКОВОЙ «ПО МАРШРУТУ МАСТЕРА» В ОМСКЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В период с 10 января по 9 февраля 2008 г. в Омске экспонировалась выставка художественных фоторабот известного ученого, индолога и историка, путешественника, писателя, организатора и руководителя Международного Центра-Музея им. Н. К. Рериха, Заслуженного деятеля искусств РФ, Лауреата международной премии им. Джавахарлала Неру Людмилы Васильевны Шапошниковой. Название выставки – «По маршруту Мастера» – глубоко символично. В 1974–1980 гг. Л. В. Шапошникова совершила несколько поездок на Алтай, в Монголию и Индию, пройдя в одиночку по тому же маршруту, которым в 1924–1928 гг. двигалась Центрально-Азиатская экспедиция Н. К. Рериха и Е. И. Рерих. Результатом экспедиции Л. В. Шапошниковой стали, помимо собранного значительного объема исторического, археологического, географического и этнографического научно-исследовательского материала, выполненные самоотверженной путешественницей на разных участках маршрута и значительных высотах над уровнем моря, пять тысяч слайдов, с которых, спустя более двадцать лет, были напечатаны фотографии. Названия индийских штатов

и княжеств, а также особенности каждого из них, отобразились в названиях разделов экспозиции: «Сикким. Страна небесных ступеней», «Джамбул и Кашмир. Все прошло по Кашмиру», «Ладак. Перекресток», «Алтай. Шаги племен», «Монголия. Дорога великих странников», «Лахул. Чамба. Зовущие путевые вехи», «Кулу. Древняя Кулу».

В Омск прибыли 170 ярких, информационно насыщенных, великолепных фотографий. Разнообразие сюжетов, планов и ракурсов с изображением горных пейзажей, культовых сооружений, древних богов, этнических орнаментов, масок и ритуалов, фотопортретов самых разных людей, встретившихся на пути Центрально-Азиатской экспедиции, среди которых мужчины и женщины, дети и старики, водоносы и наездники, и, конечно, мудрые ламы. Представленное зрелище стало для зрителей мощным источником эмоционального и интеллектуального восприятия, погружением в особенный мир древней и неиссякаемо красочной восточной культуры.

Первоначально выставка «По маршруту Мастера» была открыта в 2006 г. и экспонировалась в Международном Центре-Музее им. Н. К. Рериха в Москве. В книге отзывов для посетителей выставки свои благодарные и восторженные записи оставили не только жители Москвы, но и Тамбова, Красноярска, Томска, Улан-Удэ и многих других городов России. На следующем этапе выставка стала функционировать как передвижная. В конце 2006 г. она отправилась в путешествие по регионам страны. До прибытия в Омск выставка экспонировалась во многих городах России: Казань, Саратов, Пенза, Заречный, Омутнинск, Киров, Пермь, Владимир. Об этом красноречиво свидетельствуют записи в книге отзывов, которая вместе с фотографиями курсировала от города к городу. Побывала выставка и в зарубежных странах. На Украине с ней познакомились жители Киева, Днепропетровска, Запорожья, Харькова, Черновцов. В Киргизии – Бишкека. Следующим после Омска пунктом остановки выставки станет Новосибирск. Выбор указанных городов для размещения выставки объясняется тем, что в каждом из них создана и активно работает общественная организация, занимающаяся изучением, сохранением и распространением культурного наследия семьи Рерихов, включающего в себя бесценные произведения изобразительного искусства, неутомимую подвижническую деятельность Рерихов в защиту традиционных культур народов мира, философское учение Живой этики.

Устроителями выставки в Омске выступила Региональная общественная организация «Омское Рериховское Общество» при поддержке и участии Международного центра Творческого развития «Омская Пирамида». Общественная организация взяла на себя большую часть работы по приему и размещению фоторабот, консультированию и экскурсионному сопровождению экспозиции, информированию и рекламированию выставки, прежде всего, в среде художественной, научной и педагогической интеллигенции, также учащихся и молодежи.

Международное Рериховское движение на территории Омской области развивается на протяжении 15 лет. В 2000 г. Региональная общественная организация «Омское Рериховское Общество» была зарегистрирована как юридическое лицо. Официальный статус организации, поддержка Международного Центра-Музея им. Н. К. Рериха позволили региональной организации проводить в жизнь многообразные просветительские программы, связанные с изучением наследия семьи Рерихов, в том числе, ежегодные Рериховские чтения, конференции, выставки, лектории и др. С 2007 г. председателем Омского Рериховского Общества является архитектор Л. Н. Зоммер.

Немаловажным является участие в данном выставочном проекте коммерческой стороны в лице директора Международного центра Творческого развития «Омская пирамида» А. А. Никитенко. Предприниматель предоставил для размещения выставки комфортабельный и просторный зал Международного центра совершенно бесплатно. Это решило многие финансовые проблемы и позволило сделать посещение выставки бесплатным. В день презентации выставки был предоставлен конференц-зал, где прошла пресс-конференция, был продемонстрирован научно-популярный документальный фильм об авторе фоторабот, академике Л. В. Шапошниковой.

За время работы выставки ее посетили учащиеся, студенты, представители различных профессиональных сообществ и социальных слоев, видные деятели культуры, науки и образования, лидеры творческих союзов, руководители муниципальных органов власти. В их числе заместитель директора департамента культуры Администрации города М. П. Лобова, директор Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля Б. А. Конилов, председатель правления Омской организации Союза художников России А. С. Макаров, руководитель омского представительства Российской академии архитектуры и строительных наук, бывший главный архитектор Омска А. М. Каримов, исполнительный директор Союза архитекторов Омской области Л. Ю. Сорокина, член Союза журналистов России, известный омский краевед И. П. Шихатов, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии, доктор педагогических наук Н. Ф. Хилько, профессор Омского института московского государственного университета коммерции, доктор медицинских наук В. В. Пастухов, награжденный медалью Н. К. Рериха за заслуги в области экологии, и другие представители региональной элиты.

Вместе со студентами факультета культуры и искусств Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, будущими менеджерами социально-культурной деятельности, мы также посетили выставку. В группе заочного отделения обучается много представителей сельских районов области, есть студенты из других регионов России. Для них возможность побывать на выставке «По маршруту Мастера» – это

уникальный случай во время очередной сессии обогатиться не только академическими знаниями по учебной программе, но и подлинными культурными и научными сокровищами. Студенты с большим интересом знакомились с фотоработами, слушали рассказ и пояснения экскурсовода, задавали вопросы, касающиеся экспедиции Н. К. Рериха и Е. И. Рерих, Л. В. Шапошниковой, в том числе, и о том, каким образом можно было бы еще раз повторить этот легендарный маршрут по территориям государств Центральной Азии.

Студенты факультета культуры и искусств хорошо знакомы с деятельностью учреждений культуры, таких как библиотеки, музеи, театры, филармонии, центры досуга и др. В то же время, все больший вклад в развитие культуры, как личности, так и общества в целом, вносят не только государственные институты, но и общественные объединения граждан; отсюда вытекает необходимость изучения их работы с позиций будущего руководителя в отрасли культуры. Выставка Л. В. Шапошниковой «По маршруту Мастера», поддержанная волонтерами Омского Рериховского Общества, убедительно продемонстрировала студентам, что современные общественные объединения обладают мощным просветительным, культуроохранным и коммуникативным потенциалом, являются своеобразными интеграторами интеллектуальных и этических ресурсов просоциальных групп, что в деятельности современных общественных объединений есть место и менеджменту, и маркетингу.

Выставка Л. В. Шапошниковой «По маршруту мастера», путь которой пролегает по городам европейской и азиатской частей России, зарубежным странам, с одной стороны, находит единое понимание своей цели и смысла выставки у жителей различных регионов, с другой стороны, способствует их дальнейшей культурной и духовной интеграции. Она также показывает хороший пример взаимодействия общественных объединений, государственных учреждений и предпринимательских структур во благо культурного развития современного общества.

В. Ю. Бондаренко

СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ОМСКОМ РЕГИОНЕ

Феномен благотворительности время от времени привлекает внимание философов, историков, психологов, социологов, культурологов, экономистов, юристов. Научный интерес к этой теме в наши дни постепенно расширяется, но целостная картина, раскрывающая благотворительность как социокультурный феномен, пока отсутствует.

Авторы предпринимаемых в этой области исследований руководствуются не столько академическими интересами, сколько практическими задачами развития современной благотворительности, её эффективностью. Отношение российского общества к деятельности благотворительных институтов до сих пор остаётся неоднозначным. Бытует точка зрения, что в развитом социально-ориентированном государстве благотворительность вообще не должна существовать. В то же время мировой опыт свидетельствует о том, что в материально обеспеченных странах благотворительность не только не исчезает, а, напротив, активно развивается и приобретает новые социально-эффективные формы [1, с. 55–56].

Ее будем забывать, что все новое – это хорошо забытое старое. Обратимся к отечественной истории, тому богатейшему опыту попечительства и благотворительности, накопленному в России за более чем тысячелетнюю историю.

Вхождение Руси в систему православно-христианского патриаршества, после принятия крещения, потребовало установления церковной десятины, которая и была введена в самом начале XI в. князем Владимиром. Князья же обязаны были помимо этого со своей стороны выделять одну десятую часть собственных доходов на дело общего призрения, а именитые и зажиточные горожане делали различные пожертвования в монастырскую казну, перераспределявшую средства на обеспечение социально-культурных нужд. На протяжении многих веков вся социальная среда была связана с деятельностью монастырей и финансово обеспечивалась из «церковной десятины». Можно привести пример Сергия Радонежского, взявшего на монастырское обеспечение оснащение войска перед Куликовской битвой. Призрение как помощь бедным являлось прерогативой церкви вплоть до правления Ивана Грозного, отобравшего у церкви главенствующую роль в распределении социальных средств.

Практические шаги на пути государственного попечительства предприняла Екатерина II. Она создала принципиально новую для России систему управления социальной сферой в части воспитания, образования и культуры.

Фактически это была *система государственного управления всей благотворительной деятельностью России*, в которую успешно вписывалась любая частная благотворительная инициатива [2, с. 21–22].

История меценатства в России – это *история личностей*, представителей предпринимательских, купеческих династий, широко известных в свое время не только миллионными состояниями, но и общественной и благотворительной деятельностью, что вносило тем самым, немалый вклад в развитие экономики и культуры нашей страны.

Известно, что деятельность появившихся благотворительных учреждений, как и индивидуальная инициатива частных лиц, детально и всесторонне регламентировалась действующим «Уставом». Во главе каждо-

го социального учреждения (образовательного, здравоохранения, культуры) стоял Почетный попечитель, которому подчинялся Попечительский совет. Членами Попечительского совета являлись, как правило, лица, оказавшие учреждению большую финансовую и иную поддержку.

Рассматривая путь российской системы попечительства, успешно действовавшей при российских императорах, необходимо отметить, что наше время, в изменившихся исторических условиях внимание к отечественному опыту и традициям жизненно необходимо, если мы действительно строим гражданское общество.

В Сибири, и в частности, в Омске, традиции благотворительности имеют давние и крепкие корни. В 1861 г. в Омске было открыто общество вспомоществования бедным и сиротам, названное позднее Омским благотворительным обществом. В этом же году было открыто убежище для бедных детей. Затем появилась богадельня, бесплатные столовые, чайные. Устраивались благотворительные вечера, спектакли.

Возрождение традиций благотворительности и попечительских советов началось с развитием частного предпринимательства на всех уровнях.

Еще в начале 90-х гг., минувшего столетия губернатор Омской области Л. К. Полежаев как-то заметил, что если заниматься только экономикой и ничего не делать для того, чтобы люди возвращались к истокам своей истории, культуры, нравственности, Россию на этом пути ничего, кроме неудач, не ждет.

В подтверждение сказанному, напомним, что указом губернатора Омской области в 2002 г. был создан первый Попечительский совет.

В январе 2003 г. Омский академический театр драмы, под патронажем Правительства Омской области совместно со своими спонсорами, меценатами и благотворителями впервые в истории театра проводил Рождественский Бал. Выступая на его открытии, губернатор области подчеркнул, что у нас в Омске получают достойное развитие прекрасные российские традиции благотворительности и меценатства, которые будут хорошим подспорьем в развитии омской культуры, омского театра. И эти традиции, преемственность благотворительности ярко проявились в проведении театрального аукциона, на котором участники могли приобрести:

- лот № 1 – абонирование кресел и лож;
- лот № 2 – финансирование номера журнала «Письма из театра»;
- лот № 3 – финансирование гастролей театра в Санкт-Петербурге;
- лот № 4 – финансирование постановки театра.

При оценке результатов проведения Рождественского бала нам представляется важным то, как эту акцию оценивают сами приглашенные. Вот лишь несколько отзывов:

«Любому человеку хочется, чтобы его имя не было забыто, чтобы его помнили потомки, но добрые дела делаю не из тщеславия (я вообще не люблю это слово), не из желания таким образом стать известным, а лишь

потому, что считаю это своим долгом». (А. Третьяков, основатель общественного Фонда «Третьяковские традиции»).

«Меценат – это прежде всего, друг и поклонник. Теперь заботы театра – наши заботы. Быть меценатом театра – дело серьезное и ответственное: это вклад компании в духовное наследие и культуру нашего общества». (В. Веретено, президент АТПП «Группа «ОША»).

Рождественский бал стал определенной ступенью в развитии благотворительности в омском регионе. Можно отметить и тот факт, что в последние годы благотворительность и меценатство начали принимать в регионе новые качественные очертания.

Так, в 2005 г. Театр куклы, актера и маски «Арлекин», после успешного выступления на международных фестивалях в Санкт-Петербурге и Бресте, вернулся домой с главной наградой – премией Благотворительного фонда «Меценаты столетия». Театр отмечен дипломом «За благородство помыслов и дел». Так высоко оценены заслуги «Арлекина» в сфере благотворительности.

За развитие культуры и искусства омского региона, за вклад в сохранение лучших театральных традиций, за поддержку театрального искусства России в 2003 г. губернатор Омской области Л. К. Полежаев награжден специальной национальной премией «Золотая маска».

Возрождение благотворительной деятельности вызывает потребность в углубленном изучении и научном осмыслении этого сложного явления, его исторических традиций, современных форм, перспектив развития. Это, по нашему мнению, будет способствовать поиску корней и мотивации современной российской благотворительности, уточнению её роли в развитии социокультурных процессов, духовном возрождении России.

1. Благотворительность в России. 2001: Социальные и исторические исследования. СПб., 2001.

2. Сухарева О. В. Кто был в России от Петра I до Павла I. М., 2005.

Т. Н. Золотова

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ТРАДИЦИИ УКРАИНЦЕВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ*

Календарные традиции украинцев Омской области стали исследоваться сравнительно недавно – в начале 2000-х гг. Наше сообщение основано на материалах, собранных автором в период полевых экспедиций Омского филиала Объединенного института истории, филологии и фило-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ и Администрации Омской области, проект № 08-01-67109а/т «Календарные праздники и обряды украинцев Омской области».

софии СО РАН и Сибирского филиала Российского института культурологии в Одесском и Тарском районах Омской области (2002, 2005, 2006 гг.), частично были собраны сведения об обрядности украинцев Калачинского района Омской области. Наша цель – ввести в научный оборот новые материалы по календарной обрядности сибирских украинцев, переселенцев начала XX в. из Полтавской Черниговской, Волинской губерний, Галиции. Рассматриваемые традиции относятся к периоду стабильного сохранения традиционной культуры (1910-е – 1920-е гг.), к более позднему периоду ее трансформации (1930-е – 1980-е гг.) и к периоду современного ее существования (1990-е – 2000-е гг.).

Сибирские украинцы, как и русские сибиряки, началом календарного года считали Святки – период от Рождества Христова до Крещения Господня (25 декабря – 6 января по старому стилю), когда необходимо было обеспечить благополучие на весь предстоящий год. Этим объяснялось сохранение многих магических обрядов и запретов (на «грязную» работу, прядение, потребление пищи накануне Рождества). Главным блюдом рождественской «вечери», или «щедрового», «святого» вечера (обрядового ужина после восхода первой звезды) считалась кутья (украинские названия – «кутя», «вечеря», «канун», у галицких украинцев – «пшэницэ»), сваренная из толченой в ступе пшеницы с добавлением ягод и фруктов, сваренных в компоте. Компот («взвар», «узвар») также являлся обязательным напитком на рождественском столе. Эти блюда – необходимый атрибут культа предков, и поэтому не случайно до сих пор сохранился обычай относить кутью старшим членам семьи – бабушкам и дедушкам, а также крестным родителям. «Чувунки» (чугунки) с кутьей, приготовленной с утра 24 декабря, на целый день ставили в красный угол на расстеленную солому. Помимо кутьи и компота потомки полтавских переселенцев ставили на стол ягодные (из смородины, клубники, земляники) и молочные кисели, пирожки с морковью, тыквой, капустой, ягодами, ливером (рубленные вместе печень, легкие, почки), вареники с капустой, сыром, колбасу, сало, жареное мясо, круглое печенье, посыпанное ягодами и монпасье. Пища потомков западных украинцев (волинских и закарпатских) несколько отличалась от пищи полтавчан: кутья («пшэницэ») подавалась с грецкими орехами, маком и медом, голубцы готовились с рисом (без мяса), обязательно ели «студэнэц» из свиных ножек и ушек с хрящиками, а также – подквашенный (или с уксусом) «бурак» (свеклу) с отварными грибами, чесноком и подсолнечным маслом. Обязательным блюдом являлась «пэчаня»: в отвар грибов всыпалась подсушенная на сковороде муке, все это заправлялось растительным маслом с чесноком или луком. На «сладкое» подавали вареники с маком, повидлом, черносливом и «мадивнек» – слоеный песочный пирог с повидлом (А. И. Любашенко (Геник), родители – украинцы из Галиции, жили в Пологрудово Тарского р-на Омской

обл.). У потомков волынских украинцев считалось обязательным наличие на столе 12 блюд, среди которых должны быть 2 булки круглого хлеба (что, видимо символизировало плодородие, круговорот жизни, возрождение). Перед трапезой хозяин дома ложкой перекрещивал кутью. Не допускались мясные блюда, но обязательно должен быть чеснок, что объяснялось желанием здоровья для всех членов семьи (вероятно, произошло совмещение рациональных знаний и иррациональных представлений об обереговой силе чеснока). Под стол клали сено как символ того, что Христос родился в яслях (А. С. Раскевич, Л. Ф. Герасимович, Междуречье Тарского района Омской обл.). На столе после трапезы оставляли часть продуктов, в числе которых обязательно были порезанный хлеб, сахар и соль.

Спать в рождественскую ночь запрещалось. Рано утром в Рождество ходили «славельщики», взрослые и дети, которые «рожествовали» – славили Христа, начиная словами рождественского тропаря, а заканчивая «щедривкой»:

Рождество твое, Христе боже наш,
Дай, Бог, пшеницу и всякую пашницу,
В печи галушки, пироги, ватрушки!
Выйди, господарь,
Подывьись на кошару:
Там овечки покотылись,
А ягнечки поягнились!

(Е. Р. Жирнова, потомок черниговских переселенцев,
Желанное Одесского р-на Омской обл.)

Поскольку вечер перед Рождеством еще называли «колядою», то «славление» перемежалось с «колядованием», в котором обычно принимали участие подростки 10–12 лет. Они группами по несколько человек бегали по дворам и пели колядки – короткие песенки-благопожелания, за что получали от хозяев конфеты, всякую стряпню («пэчане») и даже мелкие деньги. Дети пели детские колядки:

Колядын, колядын!
Я у батьки одын.
Меня батька послал,
Шоб я гроши достал!

(В. Т. Буцик, потомок полтавских переселенцев,
Тургеневка Калачинского р-на Омской обл.)

Если хозяева скупались на угощение, угрожали: «Не дасте ковбасу – я вам хату разнесу!». Колядовали с деревянной звездой, украшенной разноцветными лентами и со свечкой внутри. Черниговские переселенцы колядовать ходили со скрипкой и балалайкой, пели:

Коляд-коляд-колядница!
Добра з медом поляница.
А без меда не така,
Дайте, тетка, пятака.
Не дастэ пятака –
Возму быка за рога,
Уведу на толчок
Да и продам за пятачок!
А в печи галушки,
Пироги, ватрушки.
А вы, тетка, доставайте
Да по целенькому давайте!
Пока тетка донесла
Ручки, ножки попэкла!

(Е. Р. Жирнова)

Похожая колядка была записана в Приобье от полтавских переселенцев [1, с. 27].

Взрослые пели свою коляду (фактически славление Христа). Нам удалось записать «взрослую» коляду, которую пели женщина и мужчина (соответственно первым и вторым голосом) – потомки западных украинцев:

Нэбо и зэмля, нэбо и зэмля
Ныне торжествуют!
Ангэлы, люди, ангэлы, люди
Вэсэло празднуют!

Припев: Христос родивса,
В Бога воплотивса!
Ангэлы певают,
Пастыри играют,
Пастыри играют,
Чудо-чудо повидают!

И мы рожданни,
И мы рожданни (рожденные)
Богу покляндаймо (поклонимся)!
Слава во вэшне
Ему заспеваймо!

Припев.

(А. И. Любашенко (Геник), Тара Омской обл.)

Колядовщики водили «козу» – женщину, наряженную в козлиную шкуру с головой, сделанной из тряпок, бородкой и настоящими козлиными рогами, тело покрывалось марлей. Пели при этом песню:

Мы не сами идем,
Мы козу ведем!
А коза не проста –
Золотые рога,
Золотые копытца,
Полно вымя молока!
Дай-ка, дядька, пятака!

«Коза» «мекала», скакала, брыкалась, поддевала всех рогами, стаскивала со стола пироги (Е. Р. Жирнова). Сибирские украинцы наряжались также цыганками и медведями, костюмы которых появились, вероятно, под влиянием русских старожилов. Современные колядовщики узнают колядки из телевизионных передач и подключают свою фантазию, в итоге, пожелание директору совхоза звучит следующим образом:

Пришла Коляда
Накануне Рождества!
Коляда, Коляда!
Открывайте ворота,
Раскрывайте сундуки,
Доставайте пятаки!
Колядовщики пришли –
Добро в дом принесли!
Шоб пшеница уродилась
Да на мехток взвалилась!
А в вашей кассе евро появилось!

(Е. Р. Жирнова)

В рождественских обрядах украинских переселенцев Омской области сохраняются отголоски продуцирующей магии и связь с культом предков. Многие традиции Рождества идентичны таковым у других групп сибирских украинцев, в частности Приобья и Кулунды. Современное состояние рождественских традиций украинцев Омской области обусловлено смешением сохранившихся местных обычаев (переселенцев начала XX в.), песен, привезенных в 1990-е – 2000-е гг. из Украины руководителями фольклорных коллективов, и знаний об украинской и русской традиционной культуре, почерпнутых из средств массовой информации.

1. Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX вв. (по материалам Новосибирской области). Ч. 1. Новосибирск, 2004.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

Исследование проблем истории кочевых обществ, их места в истории человечества, политической организации кочевников, характера кочевого хозяйства приобретает все большую актуальность.

Вопрос о генезисе государственности, о политической организации и социальной структуре кочевников достаточно основательно исследовался еще в советское время. Интерес к этой теме не только сохранился, но и усилился. Наиболее интенсивно эта проблематика стала разрабатываться после провозглашения независимости нашей республики.

Тюркский период в истории нашего народа вызывает усиленный интерес, потому что, в течение долгого времени мы вынуждены были с опаской и тревогой относиться к названию «тюрк». Причина тому – господствовавшая веками в Европе и России теория европоцентризма и выдвинутое сторонниками этого учения ложное обвинение в адрес представителей восточных народов. После установления советской власти обстановка еще более ухудшилась. Началась борьба против пантюркизма и панисламизма. Это привело к уничтожению многого, что было связано с тюркской культурой.

Впервые этноним «тюрк» упоминается в китайских письменных источниках в 542 г. в которых описываются набеги тюрков на Китай с северо-запада. В VI в. наименование «тюрк» получает широкое распространение и означает союз племен, сложившихся на Алтае... Как писал в своей книге «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династии». Шакарим Кудайберды-улы, в переводе с монгольского «тюрк» означал также представителя знати или военной аристократии.

Древние тюрки создали своеобразный очаг цивилизаций. В нем появились качественно новые формы бытия, новые коммуникативные средства. Урбанизация части населения, строительство городов, религиозные искания привели к приобщению к мировым религиям, таким как буддизм, христианство и позже ислам. Все это не могло не отразиться на социальной и политической организации общества.

Социальная и государственная структура тюркских каганатов была сложной. Структуры древнетюркской общины веками складывались и приспособлялись к целям и задачам военно – кочевого быта. Формирование сословных групп и правящей династии, сакрализация института каганства, государственная система в виде надплеменных административных единиц в ходе завоевания и освоения новых территорий привела к политической организации государства – к имперской системе. Каган был выше именных вождей, он был носителем политической власти, был верховным судьей, который выполнял функцию военного предводителя. Ис-

точники свидетельствуют, что власть кагана непосредственно выросла из власти племенного вождя. Каган созывал Совет, состоявший из членов рода кагана, племенной знати беков, тарханов, огланов для решения важнейших государственных вопросов каганата. В начальный период управляли тюрками не столько каганы, сколько предводители родов и племен. Каганы сильно зависели от войска, состоявшего из отрядов племен. Каган не получивший одобрения войска, мог не удержаться на троне. По тюркскому обычаю каган не мог игнорировать Совет, который имел право смещать кагана. Со временем каганы зачастую узурпировали власть и, не считаясь с Советом, минуя его решения, стали самолично назначать своих наследников. Перманентное состояние войны, по Л. Н. Гумилеву, приводит к развитию чиновничества, которое соединяет в своих руках военные и гражданские функции. Завершается все это оформлением наследственной знати и зарождением подлинной государственной власти в лице наследственного правителя.

Управление подчиненными племенами строилось по родовому принципу. Высшими должностными лицами считалась племенная знать – это родовая аристократия, тарханы, буруки, выполнявшие судебные функций беки – племенные вожди, главная опора аристократического сословия на местах. К господствующей верхушке следует отнести и так называемых огланов – воинов из личной дружины кагана и крупных беков.

По экономическим причинам, имеющим отношение к специфике производственного цикла кочевого скотоводства, суверенными правами в таком обществе обладал каждый род вне зависимости от количества семей, т. е. в идеале каждый род имел право подчиняться или не подчиняться центральной власти, самостоятельно решал вопросы присоединения к другому объединению, выбора собственных органов власти, исходя из хозяйственной целесообразности. Кочевой род помимо хозяйства был включен в этнические и социальные процессы внутри большого социума и был принужден согласовывать свои действия с другими родами и структурами общества. Часто на право свободного выбора влияло множество различных обстоятельств. Например, нахождение в составе военного и хозяйственного потестариата. Эти уровни объединения координировали деятельность родов, но при этом исходили из наличия суверенных прав рода. Лидеры этих организаций каждое свое решение согласовывали с советом беков и действовали, исходя из интересов всех родов в потестариате.

Основную массу кочевого населения каганатов составляли мелкие общинники-скотоводы: «Кара будун», т. е. простой народ. Среди простого народа уже стали выделяться впащие в зависимость члены родовых общин – тат. «Тат» – полузависимый, не имевший своего хозяйства человек, – должен был работать в хозяйстве племенной аристократии. В тюркском обществе на самой низшей ступени стояли рабы. Хотя тюркские каганаты не были рабовладельческими государствами, в них существовало се-

мейное рабство. В рабов превращали пленных. В своем фундаментальном труде «Древние тюрки» Л. Гумилев характеризует общественный строй древних тюрков как военно-демократический. Он исключительно важное значение придает войнам, ведущимся ради грабежа соседей и становящимся «постоянным промыслом». В результате этих войн рабство становится существенной составной частью меняющейся общественной системы.

Тюркская государственность, повторяя опыт других народов не смогла избежать внутренних противоречий. Борьба военно-кочевой аристократии за власть, внешняя угроза, голод в степи, восстания покоренных народов подрывали молодую тюркскую государственность и в дальнейшем привели к распаду тюркских каганатов и образованию в период раннего и развитого средневековья новых государств на территории Казахстана. В рамках эпохи потестарной власти увеличивалась степень централизации общественной власти, усложнялась ее структура, все большие массы кочевников – от нескольких сот тысяч до полумиллиона и свыше человек – охватывались общим для всех порядком и обычаями, выгодным для них укладом общественной жизни. Одной из главных причин направленности процесса этнополитогенеза предков казахов в сторону становления сильной централизованной, иерархизированной власти следует назвать довольно частые вооруженные столкновения между родами и племенами кочевников из-за распределения и перераспределения пастбищ. Отсутствие единой власти превращало эти столкновения в непрерывные конфликты, затрудняло хозяйственный обмен с земледельческими общинами и препятствовало развитию общества, складыванию казахской народности.

Древние тюрки смогли внести свой весомый вклад в мировую историю. Тюрки создали не просто оригинальную степную культуру, но и выступили в роли посредников в передаче культурных ценностей с запада на восток и с востока на запад. Известный тюрколог Л. Н. Гумилев писал: «Поскольку границы каганата сомкнулись на западе с Византией, на юге с Персией и Индией, а на Востоке с Китаем, то естественно, что перипетии истории этих стран... связаны с субъектами тюркской державы. Образование ее стало в какой-то мере переломным моментом в истории человечества...».

Д. А. Мяжков

ПОКОСНЫЕ БАЛАГАНЫ БАРАБИНСКИХ ТАТАР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Неотъемлемым элементом хозяйственного комплекса тюркоязычного населения Барабинской лесостепи являются временные и сезонные жилища, которые сооружались и использовались местным населением в про-

цессе промысловой и сельскохозяйственной деятельности. Комплексное исследование хозяйства барабинских татар ставит задачу выявления типов временных жилищ и определения их функции в системе хозяйства. Цель настоящей работы – определить конструктивные особенности и принципы использования одной из форм временных жилищ барабинцев – балаганов, которые строились и использовались в процессе заготовки сена во второй половине XX – начале XXI вв. Источником исследования послужили полевые материалы, собранные автором в населенных пунктах Аул-Омь Куйбышевского района и Новокурупкаевка Барабинского района Новосибирской области в 2007 г.

Балаганы сооружались барабинскими татарами на местах покосов в начале сенокосной поры (обычно в конце июня – середине июля) и использовались до ее окончания. Основное функциональное назначение балаганов состояло в защите работников от непогоды и обеспечении микропространства для отдыха и сна. Как правило, в балаганах барабинцы отдыхали во время перерывов в работе и в самый жаркий отрезок дня, который обычно продолжался с 13 до 16 часов. Кроме того, шалаши, использовавшиеся в рамках совхозных работ, служили для работников местом ночлега.

Если в советский период балаганы использовались в ходе коллективных (совхозных, колхозных) работ, то в 1990–2000-е гг. их сооружали отдельные хозяева для удовлетворения личных хозяйственных потребностей. Различия в формах хозяйствования определили некоторые особенности в использовании и устройстве рассматриваемых временных жилищ. Совхозную заготовку сена отличали, во-первых, большие площади сенокосных угодий и, во-вторых, значительные трудовые ресурсы, которые обеспечивали быстрый темп работ. В результате, заготовка сена совхозом требовала ежедневных переездов на расстояние 5–6 км и, следовательно, постоянного устройства новых балаганов, поскольку они на новое место покоса не перевозились. Заготовка сена частниками носила менее интенсивный характер, и их балаганы, соответственно, служили на покосе более длительный срок, чем совхозные. Кроме того, если при совхозной заготовке сена работники находились на покосе круглосуточно и использовали балаганы как место дневного отдыха и как место ночлега на поле, то частные хозяева приезжали на покос утром и уезжали с него вечером, используя балаганы только как место отдыха в течение дня. Наконец, большое количество занятых на совхозных покосах людей нашло отражение в том, что, во-первых, совхозные балаганы превышали частные по размерам, и, во-вторых, во время совхозных работ сооружались специальных балаганы для работавших детей, которые отличались меньшими размерами. В остальном практика сооружения балаганов работниками коллективных хозяйств и частниками была примерно одинаковой.

Обычно для устройства шалаша выбиралось высокое место на краю покоса в его центральной части: чтобы было возможно охватить взглядом все пространство покоса и чтобы было удобно добираться до балагана из любой его точки. Жители Аула-Омь, как правило, устанавливали балаганы на берегу реки Омь, т. е. близко к источнику воды. Согласно описаниям информаторов, у барабинских татар бытовали два типа балаганов. Рассмотрим их конструктивные особенности.

Тип 1. Полуцилиндрические наземные постройки каркасной конструкции без опорных столбов. Основание строений было подпрямоугольным. Каркас сооружался из тальниковых прутьев диаметром 2–3 см, длиной 3–4 м. Нижние концы прутьев заострялись топором (*балта*). В процессе сооружения каркаса по боковым сторонам основания, друг против друга устанавливалась пара прутьев, нижние заостренные концы которых на 5–6 см углублялись в грунт, после чего верхние концы прутьев загибались по направлению друг к другу и переплетались между собой, образуя дугу. На расстоянии 20–25 см от созданной конструкции аналогичным способом устанавливалась следующая пара прутьев, затем третья и т. д. до тех пор, пока не получалась необходимая длина балагана. Задняя стена балагана имела вид полусферы: ее каркас составляли прутья, нижние концы которых располагались по округлой линии и углублялись в грунт, а верхние гнулись и с помощью коры привязывались к уже установленным прутьям, образующим последнюю дугу. Путья, составлявшие переднюю стену балагана, устанавливались вертикально, соответственно их верхние концы привязывались корьевыми лентами к паре крайних прутьев, образывавших переднюю дугу конструкции. После того, как каркас был установлен, его скрепляли при помощи полос тальниковой коры шириной 1–3 см, длиной 1–1,5 м. Для этого к одному из крайних прутьев каркаса рядом с грунтом привязывали конец корьевого полосы, затем ее параллельно грунту протягивали до соседнего прута, оборачивали вокруг него, протягивали до третьего и т. д. Затем от натянутой ленты отступали 15–20 см вверх и аналогичным способом протягивали вторую ленту, затем третью и так далее до тех пор, пока не был обтянут весь каркас. Готовый обтянутый каркас со всех сторон обкладывался равномерным слоем сена шириной $\frac{1}{2}$ – 1 м. Чтобы зафиксировать сено, по бокам к нему прислонялись массивные тальниковые жерди диаметром около 10 см; расстояние между жердями составляло примерно 40 см. Внутри балагана стелили слой сена толщиной до 30 см. Размеры описанных построек зависели от количества и возраста людей, которые ими пользовались: разные постройки предназначались для отдыха от 2 до 10 человек. Балаганы, предназначенные для двух-трех взрослых человек, обычно достигали 2,5 м в длину, 2 м в ширину, 2 м в высоту; соответственно, балаганы, в кото-

рых проживали 5–6 занятых на покосе детей в возрасте 10–12 лет, имели размеры $2 \times 2 \times 1$ м.

Тип 2. Двускатные наземные постройки каркасно-столбовой конструкции. Основание их было прямоугольной формы. Основу каркаса составляли шесть березовых или таловых столбов: четыре коротких и два длинных. Нижние концы всех столбов были заостренными, верхние – имели естественные развилки. Обычно у коротких столбов высота составляла 50 см, диаметр – 6 см, у длинных столбов – соответственно 1,7 м и 15 см. Короткие столбы вбивались в четырех углах основания, длинные – посередине между двумя парами коротких. В развилки парных коротких столбов параллельно друг другу укладывались две жерди диаметром 6 см; в развилки длинных столбов параллельно жердям укладывалась балка (*аргалык*) диаметром 15–20 см. Жерди и балку привязывали к развилкам веревкой или проволокой. На балку и жерди, перпендикулярно им, укладывали жерди из березы или ровного тальника, диаметром 5–8 см, на расстоянии 15 см друг от друга. Нижние концы таких жердей не упирались в грунт, между ними и поверхностью земли оставалось около 40 см. Чтобы жерди не съезжали вниз, каждую третью – четвертую жердь привязывали к балке при помощи проволоки, корьевых полос или веревки. (Если покос располагался рядом с лесом, на несущие балку и жерди каркаса могли укладывать не жерди, а березовые ветки с листьями, которые сверху забрасывались сеном.) Задняя и передняя стены балагана были вертикальными и сооружались из жердей, которые вбивались в землю, а сверху привязывались к наклонным жердям. Сверху и по бокам балаган забрасывали стогом сена. Входное отверстие (*ишек*) обращалось на покос и устраивалось слева или справа от переднего длинного опорного столба. Ширина прохода составляла 40–50 см, высота – 1–1,5 м. Входное отверстие закрывалось куском материи или одеялом. Внутри балагана набрасывался толстый слой сена. Размеры балаганов варьировались. Обычно рассмотренные постройки предназначались для отдыха 5–6 взрослых человек и размеры их жилого пространства составляли 3×3 м.

В целом, конструктивные особенности покосных балаганов барабинских татар отвечали двум главнейшим требованиям в условиях полевых работ: 1) доступности строительного материала (жерди, сено); 2) быстрой сооружения (5–6 человек могли возвести описанные постройки за 1–2 часа). Сказанное позволяет рассматривать описанные постройки как одно из эффективных средство адаптации барабинских татар к локальным природным условиям в рамках их хозяйственной деятельности.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ И АБОРИГЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Дальний Восток, как и другие регионы Российской Федерации, характеризуется полиэтничностью. Помимо русских и украинцев, составляющих 88 % общей численности населения региона, здесь проживают более 15 малочисленных коренных народностей, относящихся к четырем языковым группам: тунгуро-маньчжурской, чукотско-камчатской, эскимосо-алеутской и палеоазиатской (чукчи, юкагиры, эскимосы, коряки, алеуты, ительмены, эвены, эвенки, айны, ороки, ульчи, орочи, негидальцы, нивхи, удэгейцы, нанайцы и др.).

Современные границы этнокультурных ареалов их проживания существенно отличаются от традиционно-исторических. Впервые представители малочисленных народностей Севера вступили в контакт с членами Амурских экспедиций во второй половине XIX в. Уже начиная с 1860-х гг. началось интенсивное освоение и заселение Дальнего Востока. Предприниматели и торговцы делали все возможное для вовлечения богатых ресурсных районов в свои хозяйственные обороты. Они насильно выселяли аборигенные племена, отбирая земли и охотничьи угодья. В свою очередь малочисленные этносы были вынуждены мигрировать в отдаленные уголки, подальше от человеческой цивилизации.

В советский период главной причиной уменьшения ареала расселения стала национальная политика государства. Коренные народности целенаправленно (или по своему желанию) переселялись в «национальные села», где им предлагала заниматься непривычной для них хозяйственной деятельностью. Последствия такой политики оказались самыми удручающими. Однако и период российских экономических реформ лишь обнажил целый комплекс социально-экономических, социально-демографических и этнокультурных проблем народов Севера.

До начала 1990-х гг. для них был характерен высокий, по российским меркам, естественный прирост населения. Затем он стремительно начал падать: в 1990 г. – 7,3 чел./1000 чел., в 1995 г. составил –1 %, к 2006 г. численность малочисленных народов сократилась более, чем на 20 тыс. человек

Система образования коренных малочисленных народностей Севера является составной частью российской системы образования, ориентированной на многомерное национально-культурное пространство. Государственная программа развития образования, утвержденная Федеральным законом от 10 апреля 2000 г., предусматривает до 2010 г. разработать и начать реализацию мер по удовлетворению образовательных потребностей этнических групп. Однако до сих пор это одна их наиболее сложных проблем.

Социологические исследования показывают, в общей численности населения дальневосточного региона высшее образование и незаконченное высшее образование имеют 7,3 % аборигенного населения, среднее специальное – 12,7 %, среднее общее образование – 29,7 %, неполное среднее образование – 23,3 %, ниже начального – 16,8 %, безграмотные – 10,2 %. В целом, по уровню грамотности и образования малочисленные народности сильно отстают от «пришлых».

Однoboкое освоение Дальнего Востока, не учитывавшее ни особенности проживания коренных этносов, ни их потребности саморазвития, привели к постепенной утрате национально-культурного своеобразия, языка и традиционных форм хозяйствования, разрушению среды обитания, низкому уровню жизни, физической деградации малочисленных диаспор. Ускоренные темпы процессов ассимиляции в результате межэтнических браков, а в последующем и депопуляции аборигенов Севера продолжают и в настоящее время из-за стихийного потока мигрантов из республик Средней Азии, Кавказа, Китая, Северной Кореи, связанного с новым витком рыночно-промышленного освоения Дальнего Востока России.

К настоящему времени по проблемам коренных малочисленных народов разработан ряд законодательных актов, постановлений и Федеральных программ. Среди них – «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» от 30 апреля 1999 г. и «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. Для решения проблемы занятости аборигенного населения была разработана Федеральная целевая программа содействия занятости населения РФ, в которой имеется раздел о содействии занятости этнических групп населения, наиболее уязвимых на рынке труда. В частности, в ней указывается, что предприятия, строящиеся вблизи или непосредственно в районах проживания аборигенных народностей, должны ориентировать производство, связанное с их традиционным типом хозяйственной деятельности (рыболовство, охота, пошив национальной одежды, изготовление художественных изделий и национальных сувениров, переработка дикоросов и т. п.). Эти меры, естественно, безработицу в национальных селах сразу не ликвидируют, но социальную напряженность всё-таки в какой-то степени снимут.

В условиях социально-экономической нестабильности в регионе, да и в стране в целом, немаловажное значение приобретает проблема этнокультурного взаимодействия русского населения и малочисленных народностей. Несомненно, одним из направлений решения данной проблемы является адаптация последних к современному урбанистическому образу жизни. Сущность же этнокультурного взаимодействия коренного и «пришлого» населения состоит в обеспечении существования различных групп населения, которые смогли бы образовывать единый экономико-политический комплекс, сохраняя при этом самобытность каждой и развивать ее не в ущерб другим группам населения.

С учетом новых социально-экономических и культурных условий, перспективным представляется создание в национальных селениях этнографических культурных центров («музеи» под открытым небом), ориентированных на иностранный и российский туризм. В воссозданном традиционном стойбище возможно восстановление некоторых обрядов и отдельных элементов национальной культуры. Аналогичные «музеи» уже успешно функционируют на территории США и Аляске, Австралии, Новой Зеландии, Африки.

Кроме этнографических культурных центров следует сохранить за коренными народами Севера необходимые территории традиционного природопользования (ТТП), непосредственно вблизи них. Хочется отметить, что подобные уже созданы: «Эссо» (Камчатский край), «Сикачи-Алян» и (Хабаровский край).

Наряду с этим в Приморском крае на территории Пожарского и Красноармейского районов делаются попытки создания Национального этнографического парка «Легенда Удэге», где произрастают ценные уникальные породы деревьев и лекарственных растений Уссурийской тайги (кедр, лиственница, бархат, жень-шень), расположены ареалы обитания эндемичных и исчезающих пород животных и птиц (уссурийский тигр, белый японский журавль, черная цапля, утка-мандаринка и многих др.) и живут коренные малочисленные народности Севера – нанайцы, удэгейцы.

Н. Н. Везнер

ТАНЦЕВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НЕМЦЕВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В жизни каждого народа присутствует такой пласт народной культуры как танцевальное искусство. С каждым веком оно видоизменяется, но всё же сохраняет неповторимый облик каждого народа.

Немцы проживают на территории Омской области уже несколько веков, их танцевальная культура разнообразна и привлекательна. Она сохранила черты танцев XVIII – XIX вв., а также органично вобрала в себя элементы различных популярных танцев. Поэтому, изучая её, мы сегодня можем познакомиться с теми танцами, которые исполнялись ещё в XVIII и XIX вв. Наша работа основывается на материалах экспедиций 2006–2007 гг. в г. Омске и Омской области. Цель нашей работы заключается в том, чтобы рассмотреть танцы немцев Омской области, их изменение на протяжении всего XX в. и в начале XXI в.

Самым распространённым танцем на протяжении уже нескольких веков в среде немцев были танцы «Полька» и «Вальс». Несмотря на оди-

наковое название разновидностей «Польки» было несколько. Самым распространённым видом стала «Хопса-полька». Это самый быстрый и задорный танец. «Хопса-полька» состоит из несложных элементов: пружинящие шаги с небольшим подниманием голени назад и поворот. Его не сложно исполнять как молодым, так и людям старшего поколения. Исполнялся и исполняется он на всех праздниках. Особенно любили танцевать его на свадьбах. Он исполняется по кругу в паре. В разных районах Омской области танцуют разные виды польки: «Немецкая полька», «Бабка-полька». Эти танцы исполняются в линейном рисунке в паре. «Бабка-полька» прост в исполнении, он состоит из различных притопываний в паре и движений на полусогнутых ногах с небольшим подскоком, меняется только положения рук в паре. «Немецкая полька» состоит из несложных перестроений внутри пары с небольшими прыжками.

Многие исследователи немецкой культуры отмечают тот факт, что в среде российских немцев и в частности немцев Омской области распространён ещё один танец – «Вальс». Его исполняют по кругу, вращаясь. Немцы привезли «Вальс» из Германии. Этот танец распространён во всём мире, но родина его Германия. Немцы исполняют его, так как исполняли в XVIII в. не полным оборотом, а полуоборотом, поэтому, когда его танцуют, создаётся впечатление, что они немного подпрыгивают. Родоначальником этого танца считается «Лендлер». Это собирательное название различных танцевальных форм, которые родственны по содержанию. Даже если их характер сегодня более или менее выражен, совершенно ясно их родство: они состоят из общих элементов, в основу которых положен музыкальный размер $3/4$, а также $3/8$. Исследователи склонны считать, что этот танец стал родоначальником «Вальса». «Вальс» исполняется по кругу в повороте внутри пары с различными покачиваниями и несложными перестроениями. Помимо плясовых форм танца в традиционной хореографии присутствует и хороводная форма. Хороводы водились на Свадьбе. Свадебный хоровод сохранился и до сегодняшнего дня. Его исполняют при снятии с невесты венка, поют традиционную песню и водят хоровод. Вышеперечисленные танцы остаются неизменными и по сей день, так как продолжают бытовать в традиционной свадебной культуре.

В 40–50-е гг. XX в. танцевальная культура, как и культура в целом уходит в семью. На первый план выходят популярные в то время танцы, такие как «Фокстрот», «Танго», «Краковяк», «Цыганочка». Немцы танцуют их в клубах, но на семейных торжествах продолжают веселиться и танцевать те танцы, которые они привыкли танцевать. На второй план уходят различные танцы, требующие много места, остаются только те, которые удобно исполнять в домашних условиях. В популярные танцы добавляются национальные элементы. Например, «Краковяк» в последствии немцы будут считать своим национальным танцем, так как многие эле-

менты польского танца они заменили на национальные элементы: проходки, повороты. Появились новые элементы – смесь польки и вальса. Таким образом сложился новый национальный танец с польским названием «Краковяк». Так же танцевали «Жемчуг» – это смесь плясовой формы с кадрильной. Очень живой танец, заключающий в себе как элементы различных элементов танцев, привезённых ещё из Германии: хлопушки, характерные выстукивания и множество различных поворотов, так и кадрильное построение «каре». На сегодняшний день танцевальная культура постепенно приобретает массовый характер, выходит на новый уровень. Появляется множество самодеятельных коллективов, кружков, сохраняющих национальные танцы. Эти танцы не фольклорные, они переработаны хореографом, т. е. стилизованы. Хореографы постоянно обучаются на различных семинарах с участием германских специалистов. В 2007 г. в Томске был проведён фестиваль-конкурс немецкой хореографии, где встретились коллективы немецкого танца из различных городов и областей Сибири. Таким образом, немецкая традиционная культура продолжает жить и развиваться не только в народе, но и на сцене.

С. Р. Курманова

О ПОМИНАЛЬНОЙ ТРАПЕЗЕ НЕМЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Одним из актуальных направлений исследований в современной отечественной этнологической науке является изучение материальной культуры. Среди различных элементов материальной культуры большое место занимает пища – важнейшая составная часть системы жизнеобеспечения этноса, наиболее ярко отражающая национальную самобытность народа, его культурные традиции, эстетические вкусы.

В основу работы легли материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, собранные в Шербакульском и Любинском районах Омской области в 2001, 2007 гг., в Тарском районе Омской области в 2000 г. Поминальная трапеза у немцев Сибири устраивается только в день похорон, поскольку немцы, в отличие от православных, не поминают покойных ни на 9-й, ни на 40-й день, ни через год. После смерти, считают они, душа улетает на небо [1, с. 126]. Однако информатор Тефс Раиса Яковлевна утверждает, что адвентисты д. Глядень Благовещенского района Алтайского края устраивали поминки на 9-й, 40-й день, 6 месяцев и год [2, л. 6]. Также у немцев не принято на кладбище помянуть умерших. Герт Эмма Генриховна, жительница с. Литковка Тарского района Омской области вспоминает, что в 1957 г., когда хоронили ее отца, по просьбе друга покойного, директора

Литковской школы, впервые на кладбище были устроены поминки с выпивкой. Друг покойного приходил в дом информатора и на 9-й день, но так как у немцев нет такой традиции, он выпил одну рюмку, почтил память покойного и ушел [3, л. 11].

Непосредственно после погребения участников церемонии приглашают на поминальный обед. Организацией похорон занимаются родственники покойного, либо специально приглашенный человек – «старший» [4, л. 8]. Приглашали не только участников церемонии, но и всех жителей села, всех, кто знал покойного. Еду для поминовения не разрешается готовить в доме умершего. Ее можно приготовить в доме у любого из членов общины. Также и поминальный обед (немцы не употребляют слово «поминки») обычно проводится в столовой, у родственников или соседей, но только не в том доме, где лежал покойник [5, л. 2]. Меннониты д. Николаевка Благовещенского района Алтайского края проводят поминальный обед в церкви [6, л. 5]. Однако известны случаи, когда поминальный обед проходил в доме умершего. Например, Шевардина Мария Васильевна из д. Глядень рассказала: «После того как завершается похоронная процессия, люди идут в дом умершего, где их угощают кофе с булочками, конфетами» [7, л. 43].

В некоторых селах Западной Сибири приготовлением пищи занимаются специально приглашенные женщины, которых в с. Новоскатовка было шесть. Сейчас там готовят четыре повара, им помогают шесть человек. Они накрывают на стол, приносят добавку, подают второе блюдо. К моменту прихода гостей все готово: посуда стоит на столах, кроме блюд. У меннонитов д. Николаевка запрещено класть на стол вилки и ложки [8, л. 8].

Трапеза начиналась с того, что пастор читал специальную молитву из Библии, присутствующие молились за упокой души умершего и лишь затем приступали к еде. После окончания трапезы также читают молитву. Раньше гостей угощали кофе с булочками, никаких других блюд не готовили [9, л. 3]. Поминальный обед лютеран из с. Неудачино Татарского района Новосибирской области состоял из твибака, и «слабого кофе» [10, л. 5]. Герман Христиан Христианович, житель с. Новоскатовка, сообщил: «На столах все было очень скромно: кофе с молоком и булочки, спиртного не было вообще» [11, л. 43].

И хотя представители старшего поколения утверждают, что до недавнего времени покойного поминали только кофе и булочками, эту точку зрения можно поставить под сомнение. Так, Яков Дитц писал, что поминальный обед поволжских колонистов «состоит из жаркого, молочной каши и кофе» [12, с. 392]. Эдуард Зайб отмечал, что более состоятельные немцы готовили жаркое, рисовую кашу и кофе, а бедные ограничивались кофе с булочками [13, с. 209].

Существует определенный порядок подачи поминальных блюд. В первую очередь подают супы. Раньше это был перловый суп, сейчас – нудль-суп (куриный бульон с лапшой) реже – шницсуп. Затем подавалась рисовая каша, тушеная капуста с мясом или жаркое из картофеля с мясом. В настоящее время перловый суп готовят исключительно на похоронах пожилого человека [14, л. 1]. Рисовая каша встречается редко. Ее варят на молоке с добавлением масла, соли и сахара в течение 4–5 часов, постоянно помешивая.

На сегодняшний день наряду с обязательными поминальными кофе и булочками (твибак, маленькие булочки – Kigelden и др.) подают колбасы, овощи, фрукты, печенье, конфеты, обязательно стряпают ривель-кухе. Для этого готовится дрожжевое тесто, раскатывается, смазывается тонким слоем варенья (яблочного, абрикосового, земляничного, смородинового и др.). Из муки, сахара, растительного масла или маргарина готовится крошка и посыпается поверх раскатанного теста. Ставится в духовку и выпекается в течение 30–40 минут [15, л. 13]

Католики с. Александровка Азовского Немецкого национального района Омской области помимо традиционных кофе с булочками употребляли тушеный картофель с мясом и сладкий рис с изюмом – кутью [16, л. 16]. В настоящее время на похороны готовят не только немецкие блюда, но и блюда других национальностей. Например, в с. Новоскатовка на похороны готовят борщ, блины. Немцы с. Литковка ставят на стол котлеты, плов, кутью, пельмени. Люди пожилого возраста просят на свои поминки не ставить таких блюд, мяса тоже быть не должно [17, л. 11].

Из напитков в основном пьют кофе, также чай, компот, минеральную воду, газированную воду. Желающим дают выпить водки. Обычно выпивают по две рюмки. В основном это характерно для лютеран. Спиртное раньше не употребляли. Этот обычай, как и разнообразный поминальный стол, осуждается людьми старшего поколения. Они считают, что обряд в данном случае проходит «как на свадьбу», не по-немецки, а по-русски. И все же родственники умершего стараются накормить пришедших на похороны получше, чтобы не получить обвинений в скудости и жадности.

На поминальном обеде за отдельным столом сидят «копальщики» («копачи») или «могильщики» (Totengräber). В с. Замелетеновка их было три, четыре или шесть человек. Они ели ту же пищу, что и остальные. Водку наливали три раза. Денег за работу они не получали, зато им давали с собой еду и спиртное [18, л. 22]. Копальщикам с. Новоскатовка давали два литра водки на 6 человек [19, л. 2].

Поминальная трапеза сибирских немцев претерпела огромные изменения. Помимо традиционных блюд стали подавать фрукты, овощи, колбасы. Стали употреблять спиртное. Увеличилась и стала разнообразной выпечка. Большое влияние оказали кухни соседних народов. Так, немцы

стали готовить на похороны борщ, пельмени, котлеты, плов, блины, ку-
тью. Состав поминальных трапез также зависит от возможностей семьи.

1. Рублевская С. А., Смирнова Т. Б. Традиционная обрядность немцев Си-
бири. Омск, 1998.

2. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного уни-
верситета им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. 1996. Д. 174–1.

3. Там же.

4. Там же.

5. Там же.

6. Там же. 2000. Д. 151 – 2.

7. Там же. 2007. Д. 189 – 1.

8. Там же. 1996. Д. 174 – 1.

9. Там же. 2007. Д. 189 – 1.

10. Там же. 2000. Д. 151 – 2.

11. Там же. 2007. Д. 198 – 1.

12. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997.

13. Seib E. Der Wolgadeutsche im Spiegel eies Brauchtums // НВ. 1967–1968.
S. 209.

14. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного уни-
верситета им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. 2007. Д. 189–1.

15. Там же. 1998. Д. 147–2.

16. Там же.

17. Там же. 1996. Д. 174–1.

18. Там же. 2007. Д. 189–1.

19. Там же. 2001. Д. 152–2.

ПРИРОДА И ПРИРОДОИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Е. И. Гололобов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ НА СЕВЕРЕ СИБИРИ (историко-экологический аспект)

Взаимодействие общества и природы имеет сложный, меняющийся характер и усложнение взаимозависимости природного и социального происходит соответственно тому, как усложняется общественное производство в многообразии своих связей с географической средой, растут потребности в природных ресурсах и соответственно тому, как все более существенные изменения под воздействием людей претерпевает сама географическая среда, становясь «очеловеченной» – антропогенной.

В ряде регионов земного шара деятельность человека, нарушила допустимые пределы, что привело к ухудшению состояния значительных частей биосферы и уничтожению многих видов растений и животных.

К этим регионам относится и Сибирь. Тем более, что начиная с М. В. Ломоносова, Сибирь рассматривалась как «природная кладовая», за счет которой будет прирастать могущество России. С XVII в. освоение территорий Сибири осуществлялось стремительными темпами. В первую очередь это было связано с погоней за «мягким золотом» – пушниной. «Подобно тому, как блеск золота служил путеводной звездой западноевропейским конкистадорам в деле открытия Америки, так след соболя на снежной равнине Сибири вел за собой поморского охотника и «государева ясачного сборщика» все глубже в неведомые страны Азии» [1, с. 675]. Пушные ресурсы истреблялись хищнически, что приводило нередко к катастрофическим последствиям.

Активный промысел, а точнее перепромысел, привел к истощению соболиных запасов в большинстве уездов Западной Сибири уже в середине XVII в. К концу века были значительно подорваны и запасы бобра [6, с. 139, 151]. В связи с этим на рубеже XVII–XVIII вв. на первый план в тайге выходит белка, а в тундре – песец. На Обдорской ярмарке 1834 г. из общего количества проданных шкурок доля соболя составляет 0,1 %, песка 3 % и белки 62 % [5, д. 2]. В XIX начале XX вв. население продолжало практиковать варварские способы охоты, которые приводили к мас-

совому истреблению животных. Быстрое истощение промысловых ресурсов заставляло власти обратить на это внимание. Первые нормативные документы, регулирующие эту сферу появились уже в XVII в. [7, с. 51].

В начале XIX в. приходит понимание того, что хищническое истребление промысловых ресурсов не в интересах государства: «...жадные сибирские промышленники, предаваясь неумеренной своей охоте к звероловству, много сделали вреда государству. Преследуя с остервенением зверей, коих драгоценные меха составляют обильный источник нашего богатства, они истребили целые роды там, где бы всегда оставались они в великом множестве, если б ловля производима была с умеренностью и при должных осторожностях» [8, С. 48].

В 1892 г. был принят первый общероссийский закон об охоте. Однако, он не распространялся на Сибирь [4, д. 353, л. 9–11об]. На рубеже XIX–XX вв., до Первой мировой войны царское правительство продолжало предпринимать попытки регулирования охотничье-промысловой деятельности. Был создан «Природоохранительный Комитет» при Русском географическом обществе. В рамках этого комитета разрабатывались проекты по организации сети заповедников по всей стране. Россия делегировала своих представителей на первую международную конференцию по охране природы в Берн [9, с. 35–36].

Революция и гражданская война несколько затормозили этот процесс, но не остановили полностью. Новая власть декларировала изменение отношения к природе северных территорий. На протяжении столетий Сибирь в целом и Тобольский Север в частности представляли собой пример систематического «ограбления природы», «...триста лет из него выкачивались богатства в виде мехов, дичи, рыбы и т. п.». Представители новой власти заявляли, что этот «трехсотлетний период безудержной эксплуатации Севера» закончился [2, д. 39, л. 2–3]. Предполагалось, что освоение региона должно строиться на рациональном использовании природных ресурсов.

Однако жизнь вносила свои коррективы. В условиях хозяйственной разрухи, явившейся прямым следствием революции и гражданской войны, усилия советской власти были направлены прежде всего на поиск путей экономического выживания страны. Сталинская модель индустриализации была сориентирована на стратегию покорения природы. Мичуринское «нечего ждать милостей от природы...» стало своеобразным кредо идеологов того времени [3, с. 674]. В реальности это привело к процветанию экстенсивных методов использования природных ресурсов. С экологической точки зрения претворение сталинской модели индустриализации в жизнь «оказалось не менее опасным, чем тысячу раз заклеименный период первоначального накопления капитала в западных странах» [3].

Настоящее индустриальное освоение Сибири началось во второй половине XX в., что привело к новым конфликтам природы и человека в

регионе. Уникальный характер послевоенного индустриального освоения в северном сибирском исполнении заключался в том, что индустриальное развитие края в значительной мере носило, как говорят экономисты, характер пионерного освоения: в процессе строительства объектов здесь создавались транспортная сеть, производственная и социально-бытовая инфраструктура, возводились города.

Индустриальное освоение Северо-Западной Сибири в первую очередь связано с развертыванием широкомасштабной добычи нефти и газа. Предки нынешних ненцев, ханты, манси, на протяжении столетий приспособлялись к природным условиям Севера, в течение 20 поколений адаптировались в северных широтах потомки первых русских переселенцев. Несмотря на это они не избежали конфликтов с природой. Адаптация же покорителей нефтяных и газовых недр произошла в пределах одного поколения.

Освоение нефтегазовых богатств велось крайне нерационально, бесхозяйственно использовались выделяемые средства. Когда речь шла об увеличении добычи нефти, никакие оправдания, здравые мысли, возможные экологические последствия не принимались в расчет.

Глобальные проблемы, с которыми столкнулось человечество на исходе тысячелетия, словно фокусируются в тех точках планеты, где баланс между человечеством и природой очень хрупок и легко нарушается изменением содержания и масштабов человеческой деятельности. И Север с прилегающими к нему территориями, безусловно, является одним из таких мест.

Надежная позитивная программа «сосуществования» человека и природы на Севере, в Сибири может быть выработана лишь профессионально и на достаточно широком географическом, естественно-историческом и социально-экономическом фоне. Для формирования экологического императива в обществе необходимы подходы, основанные, в том числе, и на историческом анализе.

-
1. Бахрушин Л. И. Исторические судьбы соболя // Вестник знания. 1928. № 13.
 2. ГАРФ. Ф. Р–3977. Оп. 1. Д. 39.
 3. Гладкий Ю. Н., Доброскок В. А., Семенов С. П. Социально-экономическая география России. М., 2001.
 4. ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 152. Оп. 34.
 5. ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 690. Оп. 1.
 6. Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.
 7. Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск. 1974.
 8. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810.
 9. Шилленгер Ф. Ф. Охрана природы в РСФСР // Уральский охотник. 1925. № 5–6.

О ПРОЕКТЕ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «ПРИИРТЫШСКИЙ УВАЛ»

Ежегодно с 2001 г. Филиалом по Омской области ФГУ «ТФИ по СибФО» в содружестве с Омскими региональными отделениями РГО и РосГео проводятся научные геоэкологические экспедиции. Они посвящались геоэкологическим проблемам территории Омской области: р. Иртыш, Больших Крутинских озер, озер и малых рек Муромцевского района. В ходе их поведения изучались природные комплексы Тарского, Горьковского, Нижнеомского, Седельниковского, Омского, Черлакского и других районов Прииртышья. Результаты экспедиций показали, что природное равновесие наблюдается там, где отсутствует деятельность человека, а восстанавливается природа в тех местах, где он оставил ее в покое.

Выяснилось, что особенно неуютно чувствуют себя у нас в Прииртышье особо охраняемые природные территории (ООПТ). Следует напомнить что, согласно определению Международного союза охраны природы, ООПТ – «участок суши и/или моря, специально предназначенный для сохранения и поддержания биологического разнообразия, а также природных объектов и связанных с ними культурных ресурсов, характеризующихся законодательным и административным режимом управления».

Нет нужды рассказывать в деталях о роли ООПТ в заповедном деле. В России 12 % территории имеют статус ООПТ различного уровня. Хотя в последние 5 лет заповедному делу со стороны МПР России уделяется больше внимания (101 заповедник, 36 национальных парков федерального уровня). Тем не менее, как утверждают многие специалисты в этой сфере, «заповедное дело никогда не было в числе государственных приоритетов». Мизерное содержание ООПТ в России стало притчей во языцех. И это в стране, где бюджет формируется в своей основе за счет средств, поступающих от добычи и реализации природных ресурсов! В то же время, ученые констатируют широкомасштабный «экологический терроризм...», т. е. часто непродуманное наступление на хрупкие природные системы, рост загрязнения селитебных территорий и т. д.

А как же обстоят дела в «оазисах экологического благополучия» Омской области? Как мы развиваем сеть ООПТ и заботимся о сохранении биологического разнообразия, сохранения природного наследия для живущих и будущих поколений?

Надо отметить, что с созданием Департамента природных ресурсов в Министерстве промышленной политики, транспорта и связи внимание к Омским ООПТ постепенно нарастает. Естественно и омские природоеды также в стороне не остаются. Совершенно не случайно Филиал по Омской области ФГУ «ТФИ по Сибирскому федеральному округу», Ом-

ГАУ, ОмГПУ совместно с омскими географами два года по поручению Правительства Омской области занимается ревизией особо охраняемых природных территорий регионального значения.

В книге «Земля, на которой мы живем...» отмечено, что по состоянию на 1999 г. в нашей области насчитывалось 129 ООПТ всех уровней.

В ходе ревизионных работ выяснилось, что действовавшее до 2004 г. Главное управление природных ресурсов по Омской области и «управлявшее» ООПТ, ничего из документов по охраняемым территориям не передало вновь созданному Департаменту. Ученым и специалистам пришлось буквально по крупицам собирать сведения по объектам. Выяснилось, что согласно Указу Губернатора Омской области № 44 от 10.04.2006 г. 60 ООПТ, находившихся на землях гослесфонда на территории области, росчерком пера были лишены своего статуса охраняемых территорий регионального значения. Хотя, по логике, их надо было передать соответствующим федеральным службам.

Но уже в 2007 г. ситуация изменилась, и теперь управление лесным фондом в соответствии с ныне действующим законодательством передано субъекту РФ. А вышеупомянутых 60 ООПТ в нем уже нет. Таким образом, из-за юридических казусов, прекрасные уголки прииртышской природы, как эталонные, так и уникальные, потеряли природоохранный статус!

В соответствии с планом ревизионных работ в 2006–2007 гг. нами обследовано 23 ООПТ в 9 районах области. По предварительным оценкам 22 из них соответствуют статусу ООПТ. Только три (!!!) особо охраняемых территории имеют штат сотрудников и там, несмотря на огромные материально-технические и организационные трудности, виден положительный результат.

Эта ситуация идет в разрез с обязательствами Российской Федерации перед международным сообществом по расширению системы ООПТ на базе принципов устойчивого развития, изложенных в документах всемирных конференций в Рио-де-Жанейро (1992 г.) и Иоханнесбурге (2002 г.), Конституции РФ (ст. 42), Экологической доктрине РФ и ряде других национальных документах.

Летом 2007 г. экспедиционным отрядом обследованы 18 ООПТ (Муромцевский, Нижнеомский, Седельниковский, Азовский, Черлакский, Русско-Полянский районы), включенные в ревизионный список. Выяснилось, что на охраняемых территориях выжжены уникальные леса в Муромцевском районе (урочище Черталы). Почти полностью деградировал под воздействием туристов травянистый покров соснового бора оз. Ленево (есть реальная угроза исчезновения бора). Летом здесь ежедневно находятся до 1200 и более автомашин, вырублены массивы леса в охраняемой зоне Окунево. Огромный неуправляемый поток путешественников, в т. ч. и иностранных, направляется к озерам Муромцевского района, создавая

им реальную угрозу сверхнормативной нагрузкой и отходами своей деятельности. Можно констатировать явно недостаточную управляемость процессом использования ООПТ в Муромцевском районе.

По итогам экспедиции в администрации МО «Муромцевский район» (и.о. главы администрации Зенг А. А.) 23 августа 2007 г. состоялось совещание руководства и участников экспедиции, представителей администрации и природоохранных служб района, которое рекомендовало обратиться в Правительство Омской области с предложением рассмотреть вопрос о создании федерального национального парка на территории Муромцевского и других районов Омской области.

В развитие этого процесса 28.09.2007 г. состоялось расширенное заседание президиума Омского отделения РГО. На нем присутствовали представители Министерства промышленной политики, транспорта и связи, Министерства культуры, Министерства молодежной политики, физкультуры и спорта Омской области, Филиала по Омской области ФГУ «ТФИ по СибФО». Был рассмотрен вопрос о необходимости и целесообразности создания национального природно-исторического парка «Прииртышский увал» федерального значения.

Ученые ответили на главный вопрос: соответствует ли предлагаемая территория своей уникальностью природно-исторических компонентов на статус национального парка федерального значения.

На заседании выступили 17 человек, которые выдвинули предлагаемую для обсуждения под парк территорию правого берега р. Иртыш, представленную неповторимым Прииртышским увалом, который протянулся через степную, лесостепную и подтаежную зоны: от южной границы Омской области до р. Тары. Он характерен выразительными формами рельефа (овраги, балки, обнажения на высоких, до 50 м ярах). Увал подвержен современным эрозионно-тектоническим процессам. Ряд геологических обнажений являются стратотипами, характерными только для Западной Сибири. В лесостепной части в многочисленных логах – естественных резерватах многих видов флоры и фауны сосредоточено подавляющее большинство краснокнижного биоразнообразия Омской области.

Кроме того, на правобережье в пределах Прииртышского увала сохранились небольшие участки реликтовых настоящих черноземов. В южной подтайге (Муромцевский район) имеется широкое видовое разнообразие животного и растительного мира, характерное для средней и южной части Западной Сибири, практически все краснокнижные виды Омской области, часть из которых занесены в Красную книгу России и даже международную Красную книгу!

Не менее ценными для охраны являются гидрологические объекты, такие как лесные озера Ленево, Шайтан, Щучье Изюк, Кунлук (возможно являющееся древней предустьевой частью долины р. Тара), малые реки Тара, Уй и их притоки.

В настоящее время самыми популярными в туристско-рекреационном отношении являются озера и окрестности д. Окунево Муромцевского района (религиозный туризм и паломничество). К особо ценным объектам относятся приречные боровые сосновые леса, характерные только для Муромцевского района.

Уникальными являются на Прииртышском увале археологические памятники, которых насчитывается более 800. Они требуют охраны и изучения. По увалу в XVIII в. проходила Иртышская укрепленная линия и Московско-Сибирский тракт, их следы сохранились по сей день. Часть интересных объектов природы, истории и археологии, расположенных на левобережной пойме Иртыша в Большереченском районе (урочище Батаково, пойменные озера и ленточные боры на останцах надпойменных террас) могут быть также включены в территорию национального парка.

Не менее интересна и этнографическая составляющая территории предполагаемого парка. Здесь проживают представители десятков национальностей. Их культура, быт, традиционные обряды и кухня могут быть вовлечены и использованы для экскурсионно-познавательных и рекреационных целей.

Участники расширенного заседания президиума Омского регионального отделения РГО – ученые и специалисты различных организаций региона единодушно считают, что все компоненты природно-исторического комплекса, расположенного на Прииртышском увале и тяготеющих к нему охраняемых территориях (около 40 ООПТ), историко-археологические памятники (около 800), наличие многих этнографических объектов позволяют начать работу по созданию настоящего природно-исторического парка федерального значения. К тому же, заповедников и национальных парков федерального значения в подтаежной и лесостепной зоне Западной Сибири нет. Здесь важна инициатива нашего региона.

Сообщество омских природоведов ждет четкой реакции власти. Хотелось бы, чтобы она была положительной. Ведь национальный парк – это не только сохранение природных систем, но и реальный импульс к социально-экономическому развитию сельских районов. Это понимают в Приморском и Хабаровском краях, Карелии, на Урале. Чем наше Прииртышье хуже?

Предложение по созданию природно-исторического национального парка «Прииртышский Увал» было направлено в адрес Губернатора Омской области и УФС Росприроднадзора по Омской области.

ПРОЕКТ «ТЕРИОФАУНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ»: ПЕРВЫЙ ЭТАП

На заре движения за охрану природы натуралисты, а за ними и широкая общественность, озабоченные оскудением природных богатств, и в первую очередь – животного мира, боролись за то, чтобы запретить охоту и рыбную ловлю, объявить заповедной возможно большую территорию. Однако вскоре стало очевидным, что эти меры могут иметь только ограниченное значение, поскольку общество не может обходиться без использования природных ресурсов. Всю землю сделать заповедником невозможно. Принципы консервации оказались несостоятельны и экологически, поскольку не учитывалось неизбежное прямое или косвенное воздействие человека на природу всей территории нашей планеты. Не учитывали консервационисты и того, что один вид сохранить невозможно без сохранения всего биогеоценоза, сочленом которого являются популяции данного вида. Постепенно сложилось новое представление об охране природы, которое заключается в том, что разумное использование живых природных богатств, не нарушающее их нормальное воспроизводство, не только дает человеку необходимую продукцию, но и является наиболее действенной формой охраны природы. Современная экология со всей очевидностью показала, что жизнь не могла бы выполнять свою функцию, не обладай она величайшим разнообразием. Разнокачественность и является фундаментальным свойством современной нам земной жизни. Отсюда следует, что сохранение многообразия животного мира биосферы, – одна из важнейших задач охраны природы. Все виды животных необходимы, прежде всего, для биологического круговорота веществ, без которого немислима жизнь на Земле. Каждый сохраненный вид – это возможный ресурс для всего человечества.

Наиболее крупными коллективными монографиями, обобщающими данные о зверях Омской области, стали «Животные Омской области. Млекопитающие. Справочник-определитель [1], и «Красная Книга Омской области» [2]. Эти издания содержат справочные и оригинальные полевые, учетные, а также картографические материалы об особенностях биологии и экологии этого класса животных. Однако специфические рамки справочника и природоохранного документа, каковыми являются эти монографии, не позволили их авторам в полной мере представить обширный спектр научно-познавательных сведений, которые накопились к настоящему времени относительно описанных видов животных. В связи с необходимостью опубликования новых данных, понимания уже имеющихся фактов с современных позиций рационального природопользования, их обобщения и анализа, в 2006 г. была начата реализация многоэтапного проекта «Териофауна Омской области», возглавляемого доктором биологических наук профессором Г. Н. Сидоровым. К концу 2007 г. первый

этап проекта «Териофауна Омской области. Хищные» был завершен, и из печати вышла одноименная книга с грифом «Издание Сибирского отделения Академии наук Российской Федерации» [3]. Будучи коллективной монографией, она подробным образом характеризует эколого-биологические особенности всех представителей как промысловых, так и охраняемых видов отряда Хищные (*Carnivora*).

Структура каждого из повидовых очерков монографии выстраивалась авторами по следующему единому плану. Их полнота определялась, в первую очередь, степенью изученности того или иного животного. При написании книги авторами были использованы данные собственных полевых, эколого-вирусологических и эпидемиологических исследований 1974–2006 гг. В работе также были использованы ведомственные материалы и данные по заготовкам шкур промысловых животных за 1949–2006 гг. Омского областного Управления охотничьего хозяйства (Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному контролю), Омского областного общества охотников и рыболовов и Омского облпотребсоюза. Был проведен анализ послепромысловых зимних маршрутных учетов животных, наиболее достоверно выполненных специалистами этих организаций с 1994 по 2006 гг. В работе использованы сводки Центрального управления (ЦНИЛ Главохоты) РФ «Фонд охотничьих угодий и численность основных видов диких животных в РСФСР»; «Ресурсы основных видов охотничьих животных и охотничьи угодья России»; «Состояние ресурсов охотничьих животных в Российской Федерации», а также учетные материалы «Кадастра охотничье-промысловых видов животных Омской области». При описании плотности популяций всех видов использованы данные зимних маршрутных учетов, рассчитанных по формуле А. Н. Формозова, с поправкой Малышева-Перелешина.

Показатели плотности популяций, получаемые по материалам ЗМУ и рассчитанные на их основе абсолютные численности животных, хороши своей объективностью и универсальной сравнимостью друг с другом, как в Омской области, так и в других регионах России и бывшего СССР. В связи с тем, что в отношении реальной численности оценка по материалам ЗМУ оказывается несколько заниженной, для уточнения относительных показателей численности, авторы пользовались учетами животных по выводковым убежищам, выполненными Г. Н. Сидоровым с коллегами – специалистами по природной очаговости болезней: от Брянска до Владивостока, совместно с А. Д. Ботвинкиным, а в отдельных районах Омской области – совместно с М. Г. Мальковой, И. В. Кузьминым, Е. М. Полещук. Эта работа проведена по общепризнанным и модифицированным авторским методикам. Оценка биотических отношений и синантропизации хищников выполнены во время полевой работы в природных очагах бешенства России по авторским методикам. Дополнительно к картографической обработке показателей ЗМУ и учетов млекопитающих по вы-

водковым убежищам, составлялись картограммы плотности населения животных по материалам заготовок шкур животных за разные временные периоды, по методикам Н. В. Тупиковой; Н. В. Тупиковой и Л. В. Комаровой, с учетом зоологической экстраполяции и интерполяции. В рамках экстраполяции проводилась обработка картографических данных в части совокупности, не подвергнутой непосредственному наблюдению. В ходе интерполяции осуществлялось введение поправок относительно одних величин на основании показателей других величин для картографических материалов в административных районах, расположенных в тех же ландшафтных зонах или подзонах Омской области. Ландшафтное районирование Омской области было принято по Г. И. Зайкову. Статистическое моделирование выполнено в авторской интерпретации, с учетом известных математических закономерностей.

Монографический характер книги определил широкое обращение авторов как к региональным, так и к общероссийским литературным источникам. Основой книги стали фактические архивные, табличные и текстовые материалы, в течение трех десятков лет собираемые и обобщаемые Г. Н. Сидоровым. Многие рисунки книги оригинальны и выполнены Б. Ю. Кассалом, но, наряду с ними, были использованы и рисунки из различных нелегальных изданий. Несомненно, в работе авторов сказался опыт написания и редактирования раздела «Животные» Красной книги Омской области, сотен научных статей и ряда монографий, в том числе капитального коллективного труда «Земля, на которой мы живем. Природа и природопользование Омского Прииртышья». Над картограммами, схемами и графиками работал весь авторский коллектив представляемой монографии. Текст ее рукописи также выполнен коллективно в такой последовательности: Г. Н. Сидоров (первичные материалы и написание текста региональных очерков с использованием ранее не опубликованных данных, редактирование текста), К. В. Фролов (общее структурирование и наполнение разделов литературными данными, написание текста); Б. Ю. Кассал (написание текста, окончательное редактирование текста, рисунков, схем, картограмм, графиков и диаграмм, макетирование монографии). Основные тяготы редакторского труда и формирование общего стержня всей работы легли на Б. Ю. Кассала. В результате коллективного научно-исследовательского труда в масштабах крупной административной территории Российской Федерации – Омской области – впервые была создана обобщающая монография такого объема и детализации.

1. Животные Омской области. Млекопитающие. Справочник-определитель / М. Г. Малькова, Г. Н. Сидоров, И. И. Богданов, В. С. Крючков, А. П. Станковский. Омск, 2003.

2. Красная книга Омской области. Омск, 2005.

3. Сидоров Г. Н., Кассал Б. Ю., Фролов К. В. Териофауна Омской области. Хищные. Омск, 2007.

ФАУНА МЛЕКОПИТАЮЩИХ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В результате активного хозяйственного освоения территории Омской области исчезли многие существовавшие и появились совершенно новые типы биотопов. Изменилась структура территорий, преобразовался ландшафт, произошли мезоклиматические изменения, сместились границы природно-климатических зон и подзон. Этот процесс сопровождался прогрессивным усилением антропогенного прессинга на природную среду, что неизбежно вело к разрушению местообитаний и исчезновению животных различных видов. Вследствие этого наблюдалось обеднение ряда таксономических единиц (родов, семейств, отрядов) в экосистемах; такие же процессы происходили повсеместно во всем мире. В настоящее время мы являемся свидетелями упрощения как отдельных экосистем, так и биосферы в целом, потери качественного многообразия с одновременным увеличением однородности флор и фаун крупных регионов мира, что во многом усугубляется намеренной или случайной интродукцией и акклиматизацией видов, являющихся объектами сельского и охотничьего хозяйства, или случайными попутчиками человека – видами-убиквистами. В связи с упрощением экосистем под антропогенным давлением, происходящие процессы на уровне таких таксономических подразделений, как род, семейство, отряд, носили регрессионный характер, часто обратный тем историческим процессам, которые привели к имеющемуся биологическому многообразию. Эти процессы являются общими для всех территорий, населенных человеком.

На протяжении последних 60 лет в Омской области в пределах ее современных границ (141 тыс. км²) зоологами насчитывалось в разные периоды 47, 64, 73 вида млекопитающих. Последнее, самое большое количество видов, отражало, скорее, обобщение представлений за исторический период развития Западной Сибири, о том, какие животные встречались когда-то на меняющейся конфигурации территории Омской области, чем объективную природную наполняемость ее млекопитающими.

Во второй половине XX в. в пределах современных границ Омской области обитало 69 видов зверей. К 2007 г. в области реально обитают 65 видов млекопитающих. Из них 19 видов внесены в Красную книгу Омской области. Еще 8 редких и исчезающих видов и западносибирский подвид бобра речного в области уже не обнаруживаются, хотя их обитание в течение последних 200 лет достоверно известно. К промысловым животным в Омской области относятся 26 видов, остальные 20 видов можно причислить к непромысловым и не охраняемым. Из них европейская норка последний раз была зафиксирована в Омской области в 1984 г., а енотовидная собака впервые появилась в области в 1994 г. (табл.).

**Реестр зверей, обитающих на территории Омской области
в начале XXI вв.***

- Отряд Насекомоядные – *Insectivora* Bowdich, 1821
 Семейство Ежи – *Erinaceidae* Fischer von Waldheim, 1817
 Еж обыкновенный – *Erinaceus europaeus* Linnaeus, 1758
 Еж ушастый – *Erinaceus auritus* Gmelin, 1770
 Семейство Кроты – *Talpidae* Fischer von Waldheim, 1817
 +Крот обыкновенный – *Talpa europaea* Linnaeus, 1758
 Семейство Землеройковые – *Soricidae* Fischer von Waldheim, 1817
 Бурузубка крошечная – *Sorex minutissimus* Zimmermann, 1780
 Бурузубка малая – *Sorex minutus* Linnaeus, 1766
 Бурузубка крупнозубая (темнолапая) – *Sorex daphaenodon* Thomas, 1907
 Бурузубка равнозубая – *Sorex isidon* Turov, 1924
 Бурузубка тундрная – *Sorex tundrensis* Merriam, 1900
 Бурузубка средняя – *Sorex caecutiens* Laxmann, 1788
 Бурузубка обыкновенная – *Sorex araneus* Linnaeus, 1758
 Кутора обыкновенная – *Neomys fodiens* Pennant, 1771
 Отряд Рукокрылые – *Chiroptera* Blumenbach, 1779
 Семейство Обыкновенные (гладконосые) летучие мыши – *Vespertilionidae* Gray, 1821
 +Ночница водяная – *Myotis daubentoni* Kuhl, 1819
 Кожанок северный – *Eptesicus nilssoni* Keyserling et Blasius, 1939
 Кожан двуцветный – *Vespertilio murinus* Linnaeus, 1758
 Отряд Зайцеобразные – *Lagomorpha* Brandt, 1855
 Семейство Зайцевые – *Leporidae* Gray, 1821
 Заяц-беляк – *Lepus timidus* Linnaeus, 1758
 Заяц-русак – *Lepus europaeus* Pallas, 1778
 Отряд Грызуны – *Rodentia* Bowdich, 1821
 Семейство Летяговые – *Pteromyidae* Anderson, 1879
 Летяга обыкновенная – *Pteromys volans* Linnaeus, 1758
 Семейство Беличьи – *Sciuridae* Gray, 1821
 Подсемейство Древесные беличьи – *Sciurinae* Tomas, 1896
 Белка обыкновенная – *Sciurus vulgaris* Linnaeus, 1758
 Подсемейство Наземные беличьи – *Marmotinae* Pocock, 1923
 Бурундук азиатский – *Tamias sibiricus* Laxmann, 1769
 Суслик большой (рыжеватый) – *Citellus major* Pallas, 1778
 Сурок степной (байбак) – *Marmota bobac* Muller, 1776
 Семейство Бобровые – *Castoridae* Gray, 1821
 Бобр речной (обыкновенный) – *Castor fiber* Linnaeus, 1758
 Семейство Тушканчиковые – *Dipodidae* Waterhouse, 1842
 Подсемейство Мышовковые – *Sminthinae* Murray, 1866
 Мышовка степная – *Sicista subtilis* Pallas, 1773
 Мышовка лесная – *Sicista betulina* Pallas, 1778

- Подсемейство Пятипалые тушканчики – *Allactaginae* Vinogradov, 1925
Тушканчик большой – *Allactaga major* Kerr, 1792
- Семейство Мышиные – *Muridae* Thomas, 1896
Крыса серая (рыжая, пасюк) – *Rattus norvegicus* Berkenhout, 1769
Мышь домовая – *Mus musculus* Linnaeus, 1758
Мышь полевая – *Apodemus agrarius* Pallas, 1771
Мышь малая лесная – *Sylvaemus uralensis* Pallas, 1811
Мышь-малютка – *Micromys minutus* Pallas, 1771
- Семейство Хомяковые – *Cricetidae* Fischer, 1814
Подсемейство Хомячьи – *Cricetinae* Murray, 1866
Хомячок джунгарский – *Phodopus sungorus* Pallas, 1770
Хомячок серый – *Cricetulus migratorius* Pallas, 1773
Хомячок барабинский (даурский) – *Cricetulus barabensis* Pallas, 1773
Хомячок Эверсмanna – *Allocricetulus evermanni* Brandt, 1859
Хомяк обыкновенный – *Cricetus cricetus* Linnaeus, 1758
Слепушонка обыкновенная – *Ellobius talpinus* Pallas, 1770
- Подсемейство Полевковые – *Arvicolinae* Gray, 1821
Полевка водяная – *Arvicola terrestris* Linnaeus, 1758
Ондатра – *Ondatra zibethica* Linnaeus, 1766
Полевка рыжая (европейская лесная) – *Clethrionomys glareolus* Schreber, 1780
Полевка красная (сибирская) – *Clethrionomys rutilus* Pallas, 1779
Полевка красно-серая – *Clethrionomys rufocanus* Sundevall, 1846
Пеструшка степная – *Lagurus lagurus* Pallas, 1773
+Лемминг лесной – *Myopus schisticolor* Lilljeborg, 1844
Полевка узкочерепная (стадная) – *Microtus gregalis* Pallas, 1779
Полевка-экономка – *Microtus oeconomus* Pallas, 1776
Полевка темная (пашенная) – *Microtus agrestis* Linnaeus, 1758
Полевка обыкновенная – *Microtus arvalis* Pallas, 1778
- Отряд Хищные – *Carnivora* Bowdich, 1821
Семейство Псовые – *Canidae*, Gray, 1821
Собака енотовидная – *Nycterutes procyonoides* Gray, 1834
Волк – *Canis lupus* Linnaeus, 1758
Лисица обыкновенная – *Vulpes vulpes* Linnaeus, 1758
Корсак – *Vulpes corsac* Linnaeus, 1768
- Семейство Медвежьи – *Ursidae* Gray, 1825
Медведь бурый – *Ursus arctos* Linnaeus, 1758
- Семейство Куньи – *Mustelidae* Swainson, 1835
Подсемейство Куньи – *Mustelinae* Gill, 1872
Соболь – *Martes zibellina* Linnaeus, 1758
Куница лесная – *Martes martes* Linnaeus, 1758
Росомаха – *Gulo gulo* Linnaeus, 1758
Горностай – *Mustela erminea* Linnaeus, 1758
Ласка – *Mustela nivalis* Linnaeus, 1766
Колонок – *Mustela sibirica* Pallas, 1773
Норка американская – *Mustela vison* Schreber, 1777

+Норка европейская – *Mustela lutreola* Linnaeus, 1758
Хорь степной – *Mustela eversmanni* Lesson, 1827
 Подсемейство Барсуковые – *Melinae* Burmeister, 1850
Барсук – *Meles melles* Linnaeus, 1758
 Подсемейство Выдровые – *Lutrinae* Baird, 1857
Выдра речная – *Lutra lutra* Linnaeus, 1758
 Семейство Кошачьи – *Felidae* Gray, 1821
Рысь – *Lynx lynx* Linnaeus, 1758
 Отряд Парнокопытные (Парнопалые) – *Artiodactyla* Owen, 1848
 Семейство Свиные – *Suidae* Gray, 1821
Кабан (Свинья дикая) – *Sus scrofa* Linnaeus, 1758
 Семейство Олени – *Cervidae* Gray, 1821
Косуля сибирская – *Capreolus capreolus* Linnaeus, 1758
Лось – *Alces alces* Linnaeus, 1758
Олень северный – *Rangifer tarandus* Linnaeus, 1758
Олень благородный – *Cervus elaphus* Linnaeus, 1758

Примечание: * – систематика принята по Каталогу млекопитающих СССР [1] и по П. А. Пантелееву [2]; + – виды в настоящее время на территории области не обнаруживаются.

Современная систематика насчитывает в мире около 235 видов представителей млекопитающих отряда Хищные (*Carnivora*). Из них на территории Омской области (141 тыс. км²) обитают или обитали в недавнем прошлом 17 видов (7,2 %). Из 7 ныне живущих на Земле семейств отряда в Омском Прииртышье насчитывается 4: псовые (*Canidae*), медвежьи (*Ursidae*), куньи (*Mustelidae*) и кошачьи (*Felidae*). В Омской области повсеместно встречается самый мелкий из представителей этого отряда – ласка, длиной около 11–14 см и массой 30–100 гр. В северных районах обитает один из самых крупных хищных зверей – бурый медведь, достигающий трех метров в длину и весящий около 700 кг. У всех хищников практически не выражен половой диморфизм, лишь у некоторых видов самцы несколько крупнее самок. У всех хорошо развиты изогнутые заостренные клыки. У большинства представителей отряда очень хорошо развиты крупные и острые так называемые хищнические зубы – последний верхний предкоренной и первый нижний коренной зубы, служащие для разрезания плоти. Все звери обитающих в Омской области видов хорошо приспособлены к питанию животной пищей. Они активно охотятся на различных животных, реже поедают падаль и растения. Представители трех местных видов хищных млекопитающих зимоспящие (енотовидная собака, медведь и барсук). Остальные деятельны в течение всего года. Почти все виды ведут одиночный или одиночно-семейный образ жизни. Только волки в холодный период года объединяются в укрупненные родственные группировки – стаи.

Аналогичным образом на уровне таксономических единиц характеризуются обитающие на территории Омской области представители многочисленного отряда Грызуны, а также Рукокрылые, Насекомоядные, Зайцеобразные и Парнокопытные.

-
1. Каталог млекопитающих СССР. Л., 1981.
 2. Пантелеев П. А. Грызуны палеарктической фауны: состав и ареалы. М., 1998.

Р. Н. Шалабаев, Б. Ю. Кассал

ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ ЛУНЕЙ (*CIRCUS*) В СТЕПЯХ ПРИИРТЫШЬЯ

С тех пор, как началось активное хозяйственное освоение земель Среднего Прииртышья в XVII в., произошли заметные качественные и количественные изменения в живой природе. В настоящее время большая часть степей Среднего Прииртышья освоена и представляет собой комплекс агроценозов. С изменением местного ландшафта изменялся и состав орнитофауны Среднего Прииртышья. При этом хозяйственная деятельность человека и изменение климата оказывают наиболее существенное влияние на орнитофауну. Луни, обитающие в степи Омской области, также подверглись воздействию деятельности человека. Известно, что в отношении общих приспособлений к охоте и питанию все виды луней являются плотоядными полифагами, охотящимися в открытой местности, где они нападают на крупных насекомых, амфибий и рептилий, мелких птиц и грызунов. Однако, оценка степени приспособленности луней к условиям современных агроценозов ни нами, ни другими авторами до настоящего времени в полной мере не проводилась, несмотря на многолетний опыт полевых исследований и кажущееся обилие данных научной и научно-популярной литературы.

В связи с этим была сформулирована цель настоящей работы: на основании собственных полевых исследований оценить возможности обитания луней в степной зоне Среднего Прииртышья в условиях агроценозов. На разрешение были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить и оценить условия обитания луней различных видов;
- 2) выявить и оценить приспособленность луней к имеющимся условиям.

Данная работа охватывает полевыми наблюдениями период в четыре года (2004–2007 гг.). Исходные материалы получены во время ста-

ционарных наблюдений в окрестностях с.Тогунас Русско-Полянского района Омской области, а также при библиографическом исследовании.

Для решения поставленных задач использована общепринятая система вербальных оценок, апробированная нами в некоторых предыдущих работах [3, с. 80–89; 4, с. 71–80]. Размеры индивидуально-семейных охотничьих территорий устанавливались методом картографирования с последующим применением метода палетки.

Сбор материалов проходил на участке общей площадью 186 км² в типичных условиях агропромышленного ландшафта степной зоны Среднего Прииртышья. В 2005 г. было установлено обитание 14 особей луней, среди которых семейные пары и одиночные птицы; в 2007 г. – обитание 14 особей разных видов, все в составе семейных пар. Площадь индивидуально-семейных охотничьих территорий, занимаемых семейными парами и отдельными птицами, колебалась от 7,5 до 12 км², безотносительно видовой принадлежности луней. При этом 36–97 % этой площади занимали посевы сельхозкультур.

По большей части индивидуально-семейные охотничьи территории луней всех видов были разобщены, имея между собой нейтральные зоны шириной до 1 км, но в ряде случаев они накладывались друг на друга, преимущественно у луней разных видов, при этом площадь перекрытия двух соседних участков составляла до 0,5 км².

Обязательным условием обитания луня болотного является наличие постоянного или временного водоема в окружении зарослей тростника на его индивидуально-семейной охотничьей территории; для луней других видов это условие не обязательно. Расположение гнезда относительно геометрического центра территории у разных семейных пар луней различно, и ориентировано не на площадь участка, а на рельеф местности, с учетом наличия подходящих укрытий.

Установленные нами размеры и морфометрические параметры кладок яиц у луней разных видов соответствуют ранее известным [1, с. 63–66].

Репродуктивные показатели луней разных видов оказались различны. Отношение количества слетков к количеству родителей у луня полевого оказалось невелико – всего лишь 1,0; у луня степного – 0,0; луня болотного – 1,0, 1,5, 1,0. В 2007 г. отношение количества слетков к количеству родителей у луней гнездящихся видов составило 1,5, 1,5, 1,0, 1,0, 1,5. Такие высокие, по сравнению с 2005 г., репродуктивные показатели обусловлены тем, что в 2007 г. индивидуально-семейные участки птиц были значительно более разобщены между собой и не было обнаружено обитания на исследуемой территории значительного количества хищных птиц других видов, которые составляли бы луням конкуренцию за пищу. При этом участок, который занимал степной луень в 2005 г., в 2007 г. оказался вовсе не заселенным, что было связано с активной работой сель-

скохозийственной техники на нем и с редкостью самого вида, занесенно-го в Красную книгу Омской области [5, с. 113–114].

Учитывая, наряду с размножавшимися, и неразмножавшихся в прошедших сезонах одиночных особей, репродуктивные показатели болотных луней в 2005 г. оказываются низкими, но в 2007 г. – несколько выше. Учитывая тот факт, что до половозрелости доживают далеко не все слетки [2, с. 352–354], следует признать воспроизводство луней всех видов на данной территории мало удовлетворительным. Следует отметить, что репродуктивный потенциал видов реализуется в полной мере, поскольку количество яиц в полных кладках у луней всех видов максимально – в среднем 4,75 на семейную пару, однако количество слетков в среднем составило всего лишь 1,50, т. е. отношение количества слетков к количеству родителей составляет всего лишь 0,75. С учетом двух неразмножавшихся особей этот показатель уменьшается до 0,64 слетков на одну взрослую птицу, с учетом погибшей птицы – еще меньше. Причиной этого может быть не только значительность фактора антропогенного беспокойства гнездящихся птиц, но и прямая гибель взрослых птиц до или во время периода размножения, с последующим распадением брачных пар и холостованием половозрелых особей, гибель гнезд при распашке лугов и полей и при пастьбе домашнего скота. При недоступности, в т.ч. и вследствие малого количества, мелких мышевидных грызунов, луни разных видов вынуждены переходить на охоту за второстепенными пищевыми объектами, например, слетками воробьиных птиц – воробьев, коньков, грачей. Недостаток корма может приводить к ослаблению растущих в гнезде птенцов, усилению среди них каннибализма и сохранению лишь малого количества слетков в каждом из гнезд.

Полученные нами данные полевых исследований 2005–2007 гг. подтверждают сделанный ранее прогноз о значительной экологической ущербности луны степного в измененной человеком природной среде, и несколько меньшей ущербности – для луны полевого и луны болотного, свидетельством чего являются репродуктивные показатели указанных видов.

Выводы

1. Обследованный нами участок площадью 186 км² в 2005 и 2007 гг. не смог обеспечить полноценную репродукцию луней разных видов.

2. В условиях современного агропромышленного ландшафта степной зоны Среднего Прииртышья лунь степной оказывается неспособен к полноценной репродукции вида; для луны полевого и луны болотного репродукция вида оказывается затруднена.

3. Репродукция луней всех обитающих в степной зоне видов зависит от кормовой базы биотопа, а также от уровня антропогенного беспокойства в период репродукции.

-
1. Гынгазов А. М., Миловидов С. П. Орнитофауна Западно-Сибирской равнины. Томск, 1977.
 2. Промптов А. Н. Птицы в природе. М., 1960.
 3. Шалабаев Р. Н., Кассал Б. Ю. Особенности обитания луней в степной зоне Омской области // Омская биологическая школа. Ежегодник. Вып. 3: Межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2006.
 4. Шалабаев Р. Н. Репродукция луней (*Circus*) в степной зоне Среднего Прииртышья // Омская биологическая школа. Ежегодник. Вып.4: Межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2007.
 5. Красная книга Омской области. Омск, 2005.

А. С. Корзун, Б. Ю. Кассал

ОСОБЕННОСТИ ИХТИОФАУНЫ ОЗЕР ЮЖНОЙ ТАЙГИ СРЕДНЕ-ИРТЫШСКОГО УЧАСТКА

Территория Омской области большей частью входит в состав Средне-Иртышского района Западно-Сибирского региона по фауне рыб. На территории Омской области имеется 230 тыс. га пресноводных и солоноватых озер, свыше 500 рек и небольших речек общей протяженностью 3 тыс. км. Протяженность Иртыша в пределах области – более 1000 км. В Средне-Иртышской пониженной части района располагается ряд крупных озер – Большой Уват, Салтаим, Тенис, Щучье, Ик, озера Шишкарым-Чебургинской системы. В экологическом плане Средне-Иртышский бассейн полностью отличается от вышележащей по течению реки, преимущественно бессточной маловодной части бассейна [4, с. 51–53].

Из 49 видов представителей класса Круглоротые и класса Рыбы, обитающих в водоемах Обь-Иртышского бассейна, в среднем течении р. Иртыш регистрируется 29 видов различной систематической принадлежности [1, с. 30–42], из которых наиболее изучены лишь караси серебряный и золотистый [2, с. 80–87].

Целью нашей работы является оценка ихтиофауны озер Куйлутова и Тайгинское Знаменского района Омской области и возможности их использования для промысла и спортивной рыбалки, как типичных пресных водоемов подзоны мелколиственных лесов лесной зоны Среднего Прииртышья. На разрешение были поставлены следующие задачи.

1. Сравнить ихтиофауну двух описываемых озер по видовому разнообразию и по экологическим условиям обитания.
2. Дать экологическую оценку состояния рыбной биоты по двум видам-маркерам.

3. Предложить способы повышения прикладного значения озер Куйлутова и Тайгинское Знаменского района в системе рекреации в Омской области.

Все используемые в работе данные были получены лично авторами. Сбор и обработка ихтиологического материала проводились в августе 2007 г. в соответствии с известным руководством [3, с. 245]. Для морфологической оценки использовались данные стандартных промеров и взвешиваний, а также индекс растянутости, выражающий отношение длины тела рыбы к ее высоте. Для каждой особи определялся возраст и количество чешуй в боковой линии, количество ветвистых лучей в спинном и анальном плавнике, цвет перитонеальной выстилки. Каждая особь вскрывалась и определялся ее пол.

Экологическая характеристика обследованных озер-биотопов общая для озер подобного типа. Оба озера не являются заморными вследствие их проточности и малой биомассы гидромакрофитов, накапливающейся в течение теплого периода года. Оз. Куйлутова по представленности видов и их массовости является окунево-плотвичным; оз. Тайгинское – плотвичным. Доминирующими видами в них являются плотва сибирская и окунь обыкновенный, другие виды не имеют такой численности и представленности во всех частях озер-биотопов и являются второстепенными. Также видна четкая разница в видовом разнообразии двух озер: в оз. Куйлутова есть линь, карась золотистый, щука обыкновенная, однако эти виды отсутствуют в оз. Тайгинское по ряду причин. В оз. Тайгинское в 2007 г. силами приписного охотничьего хозяйства был запущен карп, прошедший натурализацию в этом водоеме. При этом численность язя в оз. Куйлутова на протяжении 2006–2007 гг. остается очень низкой (в сети попадаются единичные особи младших возрастных групп) по причине усиления процессов зарастания озера и его обмеления. Можно ожидать, что в ближайшее время могут произойти структурные перестройки в ихтиоценозе, и предположить, что язь, вероятней всего, не выдержит конкуренции с более пластичной плотвой и карасями в питании и на нерестилищах. Тем более что его численность в настоящее время крайне низка, и, скорее всего, он выпадет из ихтиоценоза.

В лесной зоне Среднего Прииртышья в качестве ихтиофаунистического маркера экологического состояния водоемов нами избран хищник первого-второго порядков окунь обыкновенный (*Perca fluviatillis*) и типичный бентософаг плотва сибирская (*Rutilus rutilus lacustris*).

Известно, что для плотвы характерна эврифагия при низкой пищевой активности и широкой пищевой пластичности. В исследуемых нами озерах плотва не имеет значимых конкурентов по трофическому компоненту. Представители этого вида потребляют доступные корма, которые обычно меньше всего поедаются другими рыбами, или находятся в изо-

били, не вынуждая рыб к активному поиску. Особи старших возрастных групп по трофическому компоненту являются потребителями зообентоса, моллюсков и частей гидромакрофитов, не конкурируя за них с особями младших возрастных групп, которые по трофическому компоненту являются потребителями планктона. Но из-за большой численности этого вида в исследуемых водоемах внутривидовая конкуренция имеет место у его младших возрастных групп, которые к тому же конкурируют и с молодью других рыб, которые в младших возрастных группах тоже питаются планктоном – язь, окунь, карась серебряный, голян озерный. Карась серебряный и золотистый, а также линь, при жесткой конкуренции за бентосные организмы могут перейти на питание детритом. Пластичность карася не вызывает сомнения в его способности выживать в формируемых условиях. Серебряный карась старших возрастных групп могут перейти на питание частями гидромакрофитов. Линь при таких условиях может образовать камышовую (травяную) форму; при снижении численности плотвы сибирской линь будет заполнять те участки, которые занимал ранее. Язь в складывающейся ситуации при питании зообентосом и планктоном находится в невыгодной ситуации по отношению к конкурирующей с ним плотве сибирской из-за своей слабой пластичности.

Еще одним фактором, который может снизить внутри и межвидовую конкуренцию у мирных рыб, являются присутствие в исследуемых водоемах крупного хищника – щуки обыкновенной, которая водится только в оз. Куйлутова, и окуня обыкновенного старших возрастных групп в обоих озерах.

На ихтиокомплекс данных водоемов влияет постоянный промысел ставными сетями как в летний, так и в зимний период. Основными видами, попадающими под промысловый пресс, являются щука и окунь обыкновенный, язь, линь. Это сказывается и на изменении внутри- и межвидовой конкуренции разных видов, а также создает дополнительные благоприятные условия для обитающих здесь же рыб сорных видов – плотвы сибирской и голяна озерного. Но при массовом вылове указанных рыб старших возрастных групп нарушается воспроизводительная способность их популяций.

Выводы

1. В условиях Знаменского района Омской области ихтиофауна озера правого берега Средне-Иртышского участка представлена туводными видами, основную массу которых представляют виды семейства карповые.

2. По состоянию рыбной биоты исследуемые водоемы относятся к окунево-плотвичным (оз. Куйлутово) и плотвичным (оз. Тайгинское).

3. В настоящих условиях существования в пойменных озерах для организации спортивной рыбалки и промышленного рыбоводства окунь обыкновенный, щука, язь и карп являются перспективными видами. Для

стабилизации ситуации в этих водоемах предлагается интенсификация вылова плотвы сибирской; поддержка стада карпа за счет искусственного разведения и регулярного подселения.

1. Кассал Б. Ю. Гидробионты Средне-Иртышского района // Труды Зоологической Комиссии. Ежегодник. Вып. 3: Сб. науч. тр. Омск, 2006.
2. Корзун А. С., Морозова Е. А., Кассал Б. Ю. Сравнительная оценка золотого и серебряного карасей в замкнутых водоемах Омской области // Естественные науки и экология: Ежегодник. Вып. 11: Межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2007.
3. Правдин И. Ф. Руководство по изучению рыб. М., 1960.
4. Экология рыб Обь-Иртышского бассейна. М., 2006.

С. Д. Авербух

ЗАНОСНЫЕ ДИКОРАСТУЩИЕ РАСТЕНИЯ ВО ФЛОРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В процессе длительного исторического развития на территории Западно-Сибирского региона сложились определённые условия, способствующие формированию характерного растительного покрова. Видовой состав растений Западной Сибири, в том числе и территории Омской области, складывался в течение более 2-х млн лет, т. е. в течение всего четвертичного периода. После последнего оледенения шло формирование сибирской флоры, состоящей из лесных и степных форм. Сформировалась своя местная или аборигенная флора.

На современном этапе, кроме аборигенной флоры в видовом составе растительного покрова Омской области имеются и заносные виды. Это те растения, которые изначально не произрастали на территории с нашими климатическими и почвенными условиями. Теперь же, эти виды широко распространены в составе омской флоры. Среди этих растений имеются виды, которые были занесены естественным путём – при помощи ветра, птиц, зверей и даже водных потоков. Но особую группу представляют растения, которые попали на нашу территорию за счёт хозяйственной или другой деятельности человека (военные действия). В последствии они стали одними из составляющих омской флоры.

На территории Омской области по данным омских и сибирских ботаников произрастает примерно 1250 видов растений, из которых согласно 14-ти томному изданию «Флора Западной Сибири», 31 вид являются заносными. Это всего лишь 2,7 %. В основном это представители казахстан-

ской флоры, в меньшей степени – растения из Восточной Сибири, Урала, европейской части России. Имеются растения, которые были занесены к нам из более дальних регионов земного шара.

Процесс включения заносных растений в Омскую флору существует постоянно. Как в прошлом, так и в наше время связи между другими флористическими областями были всегда. Доказательством служат многочисленные виды растений, представляющие сибирскую растительность.

Растение, которое появилось в омской флоре совсем недавно – примерно в 70-е гг. XX в. – **галинсога (галинзога) мелкоцветковая** (*Galinsoga parviflora* Cfv.). До этого оно произрастало в европейской части России и на Дальнем Востоке. Это сильно ветвящееся однолетнее растение – представитель семейства астровых или сложноцветных (*Asteraceae*). Высотой она бывает от 10 до 80 см, имеет супротивные листья и мелкие белые, малозаметные цветы, похожие на пуговицы. Родина галинсоги – южноамериканские Анды, в основном Перу. В результате ботанических экспедиций, галинсога мелкоцветковая была собрана и привезена в парижский и мадридский ботанические сады, где впервые была зарегистрирована в 1794 г. Из Мадрида, а главным образом из Парижа, галинсога распространилась во все европейские ботанические сады. Позже галинсога была распространена в европейской части России, а через страны Юго-Восточной Азии попала на российский Дальний Восток. И именно с восточной стороны это растение с зерновыми культурами по железнодорожной магистрали и автомобильным дорогам попала на территорию Западной Сибири и в Омскую область. Галинсога мелкоцветковая применяется в народной медицине европейских и южноамериканских стран. В Европе и в Южной Америке ею лечат экзему, различные сыпи на теле. Поскольку растение богато минеральными солями и витамином С, в сельской местности оно идёт на корм скоту и птице. У нас пока это просто сорное растение.

Однако галинсога мелкоцветковая – не единственное растение, обязанное человеку своим появлением на территории Омской области. Сейчас в растительном покрове Омской области кажется, обычен **мелколепестник канадский** (*Erigeron Canadensis*). Ныне это растение с ланцетными листьями и грязно-белыми соцветиями встречается повсюду – на обочинах дорог, на улицах Омска, и других городов Омской области, по берегам рек, на полях и т. д. Однако впервые, мелколепестник был упомянут в 1655 г. в каталоге ботанического сада в Блуа (Франция). Уже через 100 лет это растение встречается по всей Европе, а затем в России. В Сибирь мелколепестник попал во время строительства транссибирской магистрали (1890-е гг.). Как свидетельствует само название, растение родом из Северной Америки. Оттуда оно с помощью человека распространилось по всем материкам вместе с зерновыми культурами по транспортным маги-

стралям. Какое-либо применение в народной медицине мелколепестник пока не имеет, по крайней мере, в справочниках это растение не указано.

Вышеупомянутые растения имеют высокую плодovitость, мелкие и лёгкие семена, а главное, они совершенно не требовательны к почвам. Поэтому они быстро приспособились и размножились на нашей территории.

Таким же путем, как и уже упомянутые растения, к нам попал **дурман обыкновенный** (*Datura stramonium*). Это ядовитое растение семейства паслёновых достигает высоту 120 см и образует с июня по октябрь, белые воронкообразные цветки, из которых развиваются ядовитые плоды. Первоначальная область распространения дурмана было восточное Средиземноморье, до Кавказа и Каспия. Оттуда, в начале XVII в. первые экземпляры дурмана были занесены в Центральную Европу и в Россию. А затем с обозами русских, дурман попал в Сибирь. Этому растению подошли наши климатические и почвенные условия. Дурман чаще всего можно встретить на улицах городов и населённых пунктах Омской области. Он предпочитает пустыри, мусорные места и т. д. В его химическом составе большое количество сильных алкалоидов. В малых дозах – дурман – это ценное лекарственное растение. Применяется в качестве успокоительного средства при психологических и нервных заболеваниях, а также входит в состав наркотизма при хирургических операциях.

А это растение, появилось в нашей флоре не задолго до образования нашего города – в XV–XVI вв. Попало оно на нашу территорию с пришедшими на неё татарами. Это **аир обыкновенный или болотный** (*Asopus salamus*). Аир болотный – многолетнее травянистое растение со сплюснутым стеблем. Татары всегда брали аир с собой, бросали во все встречающиеся водоёмы. Они считали, что если аир укореняется, то вода пригодна для питья. Аир обыкновенный – это ценное лекарственное растение. Оно широко применяется в народной медицине как болеутоляющее, ранозаживляющее дезинфицирующее средство, используется для лечения целого списка заболеваний. В настоящее время аир обыкновенный является редким растением для Омской области, занесён в Красную книгу Омской области.

Г. Г. Ткаченко

ОЦЕНКА ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТИ КАК МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИРОДНО-РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Освоение и развитие Сибири и Дальнего Востока всегда связывалось в первую очередь с приобретением природных богатств, ресурсов этих территорий как надежного естественного источника для роста благосостояния страны. Сегодня природно-ресурсный потенциал (ПРП) та-

ких территорий, испытывает все возрастающую нагрузку, но продолжает оставаться надежной ресурсной базой развития. Современный анализ природных ресурсов требует рассмотрения их в контексте общей социально-экономической и геополитической обстановки в регионе и в стране, а в ряде случаев и с учетом глобальной ситуации.

Под ПРП понимается часть совокупности компонентов и свойств природной среды, которые при данном уровне экономического и технического развития общества и изученности территории могут быть использованы в хозяйственной и иной деятельности человека в настоящее время и в перспективе [1, с. 8–9]. Природные ресурсы и природно-ресурсный потенциал выражают собой не только природную субстанцию, но и экономические и социальные отношения природных свойств, объектов, с одной стороны, и социально-экономической среды, в которой они проявляются, с другой. Оценка ПРП группы страны или территорий включает следующие этапы: изучение современного состояния и выявление перспективных запасов природных ресурсов в каждой отдельной стране (территории); анализ процессов их освоения и использования, в том числе с учетом возобновимости; анализ территориальной взаимодополняемости природных ресурсов. В конечном итоге, оценка взаимодополняемости как метод определения величин ПРП в странах (территориях) региона осуществляется с целью не только сравнить абсолютные преимущества отдельных стран (территорий) по наличию определенных видов ресурсов, но и оценить в целом соотношение их ПРП. Такие оценки важны не только для территорий с богатым ПРП, но и для территорий, обделенных природными ресурсами. Для первых – это возможность планировать свои экспортные возможности, для вторых – определять импортную стратегию своего развития в природно-сырьевом секторе экономики.

В географических трудах наиболее разработана внеэкономическая сравнительная оценка природных ресурсов. Она обычно основывается на ранжировании количественных и качественных характеристик свойств отдельных видов природных ресурсов и их территориальных сочетаний (с последующим взвешенным или не взвешенным суммированием) и на определении соответствия объектов этих рангов требованиям субъекта оценки. Взаимодополняемость природно-ресурсного потенциала, как правило, рассматривается на уровне оценок наличия или отсутствия того или иного вида ресурсов или степени их освоения [2, с. 20–21, 90–91]. По нашему мнению, под *взаимодополняемостью* в сфере использования ПРП можно понимать способность территории в определенной мере восполнять отсутствующий у нее природный ресурс за счет его наличия и освоения на соседних территориях. Взаимодополняемость ПРП, таким образом, может оцениваться только в группе стран или территорий, для двух и более. Для одной из стран – это есть возможность восполнить не-

достающий ресурс, а для другой – реализовать его в соседнюю страну. Основным методом оценки взаимодополняемости ПРП, по нашему мнению, следует считать определение пропорций территориально-структурных и количественных соотношений во всем сочетании природных ресурсов той или иной группы стран прилегающих друг к другу.

Анализ природно-ресурсной взаимодополняемости заключается в определении соотношения потенциалов, как отдельных видов природных ресурсов, так и общего природно-ресурсного потенциала отдельных территорий или стран относительно друг друга и ко всей группе стран в рассматриваемом регионе. В данной работе предлагается осуществлять оценку взаимодополняемости ПРП с помощью коэффициента взаимодополняемости. Общая идея предлагаемого показателя (коэффициента взаимодополняемости отдельной территории) заключается в оценке соотношения долей природных ресурсов в отдельных странах к усредненной их доле при условии равномерного распределения природных ресурсов по всем рассматриваемым странам (принцип отклонения от среднего). Совокупный потенциал каждого из отдельных видов природных ресурсов региона равен сумме потенциалов этого ресурса по отдельным территориям. Таким образом, коэффициент взаимодополняемости вычисляется по формуле:

$$K_{\text{в}} = \sum_{i=1}^n |P_i - P_{i \text{ ср}}| / P_{i \text{ ср}} \quad (1)$$

где P_i – доля отдельного природного ресурса одной страны в общем потенциале этого ресурса во всей группе стран в процентах, n – количество стран, $P_{i \text{ ср}}$ – средняя величина этого ресурса в процентах, рассчитанная при условии равномерного распределения этого ресурса во всей группе стран (вычисляется нахождением средней величины ресурса по данному количеству рассматриваемых территорий)

Оценка ресурсов по степени взаимодополняемости может быть двух видов:

1) оценка моноресурсной взаимодополняемости производится по формуле (1). В данном случае разность долей каждого отдельного ресурса берется по модулю, так как коэффициент моноресурсной взаимодополняемости не может быть отрицательным. Так, для региона, включающего 5 стран при условии равномерного распределения всех природных ресурсов по этим странам $P_{i \text{ ср}}$ для каждого из рассматриваемых видов природных ресурсов составит 1/5 (20 %) от величины данного вида ресурсов по всему региону. Коэффициент моноресурсной взаимодополняемости является более точным и с высокой достоверностью отражает ситуацию в отраслевой взаимодополняемости.

2) оценка полиресурсной взаимодополняемости – производится по формуле (2). Значение коэффициента полиресурсной взаимодополняемо-

сти равно отношению суммы значений коэффициентов моноресурсной специализации к количеству рассматриваемых видов природных ресурсов.

$$K_{вр} = \sum K_{в_i} / i \quad (2)$$

где $K_{в_i}$ – коэффициенты моноресурсной специализации, i – количество рассматриваемых ресурсов

Чем большее количество видов природных ресурсов рассматривается, тем соответственно степень достоверности коэффициента полиресурсной взаимодополняемости ПРП будет выше. Коэффициент полиресурсной взаимодополняемости отражает степень взаимодополняемости ПРП в регионе, состоящем из двух или более стран или территорий в рамках соответствующего набора различных видов природных ресурсов. Чем выше значение коэффициента, тем выше степень взаимодополняемости. Получить коэффициент полиресурсной взаимодополняемости для всех ресурсов региона крайне проблематично. Тем не менее, только полное представление обо всех ресурсах территории, в сравнении их значимости и структуры интегрального ПРП, с выделением приоритетов и территориальных сочетаний ресурсов, а также с учетом экологических факторов и ограничений дает возможность выбрать оптимальные пути использования ПРП [3, с. 4–5].

1. Природно-ресурсный потенциал Иркутской области. Иркутск, 1998.

2. Бакланов П. Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток, 2001.

3. Корытный Л. М. Природные ресурсы: новые теоретические представления на рубеже веков // Природно-ресурсный потенциал азиатской России и сопредельных стран: геоэкологическое, геоэкономическое и геополитическое районирование. Материалы международной научной конференции. Иркутск, 2002.

Н. Г. Степанько

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ И ЭКОЛОГИЯ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Приморье – сопки, тайга и море... Самый крайний юго-восточный район России. Место, где встречаются север и юг, величайший материк Евразия и Тихий океан. Край удивительного разнообразия и противоречий. Природные зоны – от высокогорья до приозерных плавней и песчаных морских пляжей. Фауна и флора – от доисторического тритона и лотоса до тигра и тиса. Этнографические особенности – от потомков древних чжурчженей до современных этнических объединений, которых в крае более ста. Здесь соседствуют низменности и вулканические плато, бога-

тейшие леса (тайга) и каменистые пустыни, высокогорные озера и глубоко врезанные в сушу морские заливы с экзотическими ландшафтами и островами.

Экологические условия жизнедеятельности человека, оказывающие влияние на комфортность его жизни и на здоровье, формируются в большей степени самим человеком. Система «общество-природа» едина в своей основе, так как в центре ее стоит сам человек, и целью ее функции является обеспечение высокого социально-экономического и экологического уровня жизни. Вместе с тем эта система противоречива, так как человек одновременно является и объектом воздействия на среду и субъектом такого воздействия, которое, как правило, отрицательно влияет на его здоровье и жизнедеятельность.

Основными экологическими факторами, обеспечивающими комфортность жизни населения, являются экологически чистые продукты питания, чистый воздух, чистая вода, чистые водоемы, комфортный антропологический ландшафт. Все эти факторы, вернее их качество, в основном, формирует человек своей производственной деятельностью, так как основные изменения в природных компонентах происходят на уровне сложившихся производственно-природных отношений.

Природопользование начинается с освоения территории, которое определяется региональными особенностями, т. е. на процесс освоения, его характер, направления, темпы влияют регионально-исторические особенности каждой конкретной территории. Например, учитывая географическое положение Приморского края, его заселение и освоение на начальном этапе носило чисто стратегический характер: места для поселений носили назначение укрепленных военно-опорных пунктов. Далее, основную долю переселенцев составляли крестьяне, казаки. В Приморье достаточно плодородные почвы по долинам рек и благоприятный климат. В связи с этим природопользование пошло по сельскохозяйственному пути. По мере развития были обнаружены разнообразные природные ресурсы, стала развиваться промышленность, в первую очередь – добывающая, и природопользование стало более разнонаправленным и интенсивным.

В настоящее время к основным региональным факторам, определяющим природопользование в Приморском крае можно отнести: природно-ресурсный потенциал, экономико-географическое положение, контактные свойства края.

В условиях экономических реформ происходит перестроение территориально-хозяйственных структур. Изменяется и роль природно-ресурсных факторов и связанных с ними нормативов и механизмов управления природопользованием. Учет региональных особенностей, приоритетность эколого-экономических целей в развитии данной территории становятся более важными.

Природно-ресурсный потенциал Приморского края остается основой развития региона. Оптимальным результатом регионального природопользования является такой набор продуктов и услуг, получаемых из природных ресурсов, который в наибольшей степени удовлетворяет потребности общества при одновременном сохранении устойчивости природно-ресурсного потенциала. Роль природно-ресурсных факторов достаточно высока как при возникновении новых структур, так и при перестройке существующих территориально-хозяйственных структур, которая связана с новой экономической политикой, а также с расширением экономических связей с соседним Китаем. Еще более актуальной в новых условиях становится идея сбалансированности экономических, экологических и социальных интересов дня различных территорий, так как природно-ресурсные факторы являются основой производства и жизнедеятельности населения и в то же время требуют охраны, восстановления, проведения различных природоохранных мероприятий.

В 90-е гг. за счет того, что закрылись или значительно сократили объемы производства многие крупные промышленные предприятия, уменьшилась нагрузка на природную среду, в т.ч. значительно сократилось использование природных ресурсов. В последние годы наблюдается рост добычи и потребления природных ресурсов. Соотношение в системе «нарушено-восстановлено» осталась прежним, т. е. по-прежнему, восстановлению нарушенных ландшафтов, очистке сточных вод, атмосферных выбросов и т. д. уделяется мало внимания и выделяется недостаточно средств (рис. 1).

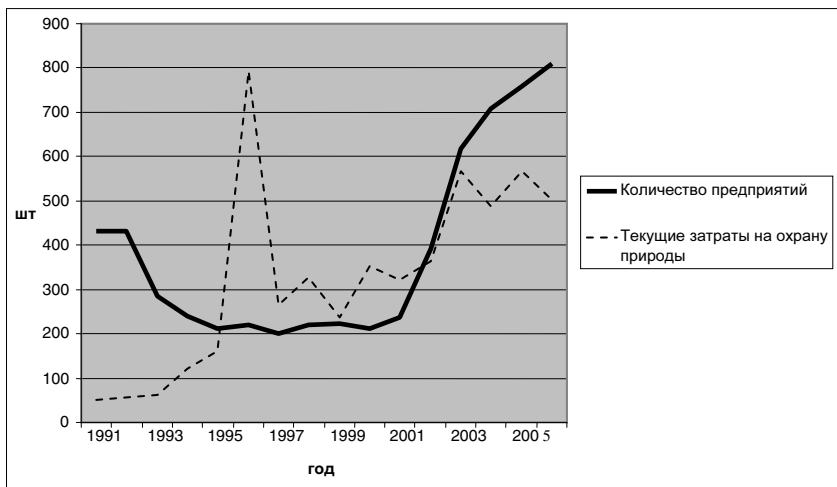

Рис. 1. Затраты на охрану природы по промышленности

Непосредственная близость производств, в т. ч. и вредных, к селитебным зонам, заповедникам, заказникам, курортным зонам, рекреационным территориям создает угрозу здоровью населения и делает проблематичным сохранение биологических видов, а лесоохранные полосы, зеленые зоны и прилегающие водоемы постепенно утрачивают свои функции.

Природопользование в настоящий момент приобретает особо важное значение, так как нормальные условия жизнедеятельности человека непосредственно и главным образом зависят от того, насколько человек вписывается в природу, знает и учитывает ее законы и может использовать их, не нарушая ее связей. Природно-ресурсная база Приморского края, несмотря на длительную эксплуатацию, и сейчас остается привлекательной и значительной для развития природопользования и позволяет восстановить и развивать как добывающие, так и обрабатывающие отрасли. Модернизация производства, новые технологии, активное проведение природоохранной и ресурсосберегающей политики позволят активно развивать имеющиеся на территории края отрасли производства и создавать новые. Оценка и использование природно-ресурсного потенциала всегда зависела и проводилась исходя из задач того или иного исторического периода. Сейчас, когда основной целью является обеспечение устойчивости развития в экономической, экологической и социальной сферах, становятся необходимыми изменение методов освоения и использования природных ресурсов, комплексный подход, обновление производственной базы, ориентация не только на внутренний, но и на внешний рынок.

М. В. Кубарева

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЧИСТКИ СТОЧНЫХ ВОД

Одной из актуальнейших проблем наступившего века является проблема чистой воды. Все повышающаяся индустриализация и урбанизация ведут к увеличению на нашей планете ее дефицита. На сегодняшний день одинаково остро стоит вопрос как о сохранении природных вод в их естественном состоянии, так и об эффективности очистки сточных вод от бытовых и промышленных загрязнений.

Для сохранения мест забора питьевой воды чистыми необходима качественная очистка сточных вод. В настоящее время разработаны и развиваются современные технологии очистки сточных вод. Но наибольший интерес и перспективу имеют естественные и самые дешевые биологические методы очистки, представляющие собой интенсификацию природных процессов разложения органических соединений микроорганизмами в аэробных или анаэробных условиях.

Эффективность действия систем оборотного водоснабжения во многом зависит от вскрытия закономерностей механизма процесса очистки загрязняемых вод в очистных сооружениях. К наиболее действенным методам очистки сточных вод относится использование способности загрязняемых вод к биологическому самоочищению. В основе его лежит биотический круговорот веществ, включающий процессы утилизации, трансформации и минерализации органических веществ, который зависит от комплекса биологических факторов. Процессы механизма действия гетеротрофно-автотрофной экосистемы в очистных сооружениях, формирующейся вследствие большого притока органических веществ, в настоящее время требуют более детального изучения [2, с. 57].

В настоящее время для обработки до 95 % сточных вод применяется биологическая очистка сточных вод. Основной, наиболее эффективной стадией процесса очистки хозяйственно-бытовых стоков является биологическая очистка в аэротенках. При этом принципы данного процесса, если рассматривать его с общеэкологической точки зрения, разработаны недостаточно.

Действующим началом при биологической очистке сточных вод в искусственно созданных сооружениях является активный ил. Активный ил является биоценозом, представленным в основном бактериями и простейшими. Основу этой системы составляют бактерии главным образом в виде зооглей – хлопьевидных скоплений.

До настоящего времени не существует системы биоиндикации процесса биологической очистки сточных вод, и остаётся справедливым утверждение о множестве разноречивых данных, трактующих взаимосвязь качества очистки и специфических организмов. Это объясняется, прежде всего, особенностями биоценоза активного ила, его высоким адаптационными свойствами, влиянием на его развитие сложного комплекса биотических и абиотических факторов.

Биоценоз активного ила включает несколько различных групп гидробионтов, степень значимости которых на разных этапах очистки воды неодинакова. Начальные этапы очистки сточных вод осуществляется организмами, питающимися сапрозойно – путем поступления в тело жидкой органики, которая проникает через клеточную мембрану при помощи активного или пассивного транспорта. Такой тип питания имеет место у бактерий и некоторых инфузорий. Все остальные звенья пищевых цепей биоценоза активного ила характеризуется голозойным типом питания, при котором используется твердая пища. В свою очередь голозойный тип можно подразделить на бактериофагию и хищничество. Среди бактериофагов в процессе очистки воды особо важная роль принадлежит седиментаторам. Они выделяют большое количество слизи, способствующей слипанию пищи в крупные агрегаты. На вершине всей пище-

вой пирамиды на последних стадиях минерализации загрязнений имеет место хищничество, часто сопровождающееся детритофагией. Такой тип питания свойственен хищным малощетинковым червям и хищным коллаткам [1, с. 67].

Таким образом, трудность использования традиционных гидробиологических методов в целях контроля за работой аэротенков определяется указанными выше особенностями их экосистемы. Рециркуляция ила, мощное его перемешивание и вытекающее отсюда преобладание в биоценозе организмов с широкой экологической валентностью делают активный ил малопригодным для определения степени очистки вод по индикаторным видам. Обычно лишь в общей форме наличие тех или иных видов позволяет дать заключения о хорошей или плохой работе очистных.

Одной из важнейших проблем биологической очистки сточных вод является проблема утилизации избыточного активного ила. Затраты на утилизацию ила достигают 50 % общей стоимости процесса биологической очистки [3, с. 15–17].

В связи с необходимостью приведения в соответствие массообменных характеристик аэротенков с оптимальным возрастом ила прибегают к отделению последнего от очищенной воды и возврату основного его количества в аэротенк. Выход активного ила от утилизированных загрязнений остается достаточно высоким, что при трудности последующего обезвоживания, ведет к высоким затратам на его утилизацию.

Существует еще одна проблема, возникающая при очистке сточных вод. Известно, что достаточность элементов питания при биологической очистке сточных вод определяется соотношением БПКполн : N : P = 100 : 5 : 1. В хозяйственно-бытовых сточных водах данное соотношение обычно сдвинуто в сторону увеличения содержания азота и фосфора. Поэтому при необходимости достаточно полного удаления последних биологическими методами прибегают или к дополнительному внесению в сточную воду углеродсодержащих веществ (например, метанола) или к созданию технологических условий, обеспечивающих протекание в аэротенках процессов биологической нитрификации – денитрификации и дефосфотации [4, с. 25–27].

Таким образом, современные *сооружения биологической очистки сточных вод* достаточно эффективны, однако они занимают большие площади, расходуют значительное количество электроэнергии на аэрацию, и поэтому вопросы их интенсификации, повышения глубины очистки сточных вод и экономичности требуют более тщательного изучения. Кроме того с одной стороны мы имеем высокие затраты на утилизацию избыточного активного ила, с другой стороны полная биологическая очистка сточных вод не позволяет достаточно полно удалять из них азот и фосфор.

Решение этих вопросов возможно как путем изменения конструкций существующих аэротенков, так и за счет регуляции прироста и со-

става активного ила, а также глубины и пропорции утилизации биогенных элементов – видовым составом биоценоза, осуществляющего биологическую очистку воды.

-
1. Кутикова Л. А. Фауна аэротенков. Л., 1984.
 2. Коваленко М. А. Интенсификация биологической очистки сточных вод. М., 2000.
 3. Повторное использование очищенных сточных вод, методы очистки и проблемы гигиенической безопасности. Тезисы докладов совещания экспертов ВОЗ. Серия технических докладов № 517. Женева, 1975.
 4. Яковлев С. В., Карелин Я. Н., Ласков Ю. М., Воронов Ю. В. Очистка производственных сточных вод. М., 1985.

Р. Г. Валитов

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ГИДРОЭКОЛОГИЧЕСКОГО КАРКАСА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

За 400-летний период интенсивного освоения Сибири Российским государством произошли значительные деградационные изменения окружающей среды и природных экосистем. Одной из причин является недостаточный уровень познания фундаментальных законов пространственной организации природы.

Фундаментальными законами пространственной организации природы, на наш взгляд, являются законы пространственной организации первичных и вторичных средообразующих систем, законы пространственной организации средоиспользующих систем в природе.

Первичными средообразующими системами неживой природы являются водосборы. На водосборах формируются растительные комплексы – биосферные единицы суши. На их основе формируются адаптированные к ним средоиспользующие гетеротрофные системы – зооценозы. Антропогенные гетеротрофные системы способны создавать ложноавтономные коммунальные, промышленные, сельскохозяйственные, лесохозяйственные и другие системы.

В природной среде взаимодействие средообразующих и средоиспользующих систем сбалансировано. Антропогенные системы нарушают баланс и вызывают всё большую гетеротрофикацию среды из-за постоянно растущих площадей и захвата площадей гидросистем с экосистемами.

Преобладающие величины площадей средообразующих систем над средоиспользующими имеет первостепенное значение в сохранении функциональных свойств биосферы в целом. Благодаря законам простран-

венной организации среды на поверхности планеты функционируют системы неживой и живой природы, создаются условия для эволюции жизни.

Законы пространственной организации систем являются эмерджентным проявлением действия комплекса факторов среды. Закон пространственной организации первичных средообразующих систем имеет следующую формулировку: «Размеры и интегрированность водосборов зависят от климатических закономерностей, и, прежде всего, от объёмов атмосферных осадков». С севера на юг на территории области идет снижение интегрированности крупными закрытыми и крупными открытыми водосборами, и увеличение числа мелких открытых и мелких закрытых водосборов с ложбинным стоком.

Геоморфология местности вносит в это явление азональную специфику. И в лесостепной, и в степной зонах, благодаря особенностям геоморфологии местности, так же есть и крупные по площади водосборы. Это озера Ик, Теннис, Салтаим, Эбейты, Алабота, водосборы Чановской котловины, казахстанские озера Киши-Караой, Теке, Кызылкак. Азональными являются и водосборы транзитного водотока – реки Иртыш.

Различная степень интегрированности водосборами поверхности области является условием формирования на этих поверхностях фитоценозных систем, являющихся основными вторичными средообразующими системами области. То есть закономерности пространственной организации неживой природы непосредственно сказываются на пространственной организации фитоценозов. Размеры водосборов определяют размеры образования таких биосферных единиц, как фитоценозных комплексов водосборов.

На территории области многие реки (в первую очередь лесостепной зоны), обмелели по причине антропогенного воздействия как на русла, так и, прежде всего, на ложбины стока. Интенсивное развитие города Омска и его пригородов в XX в. привело к нарушению стока ручьев Заозерный, Ботанический, сада Кизюрина, Старозагородной Рощи, Чередовый, Нижнего, Новоомского, Самарского, Карбушанки. Нарушение ложбинного стока одна из причин подтопления в ряде мест города Омска. В области нарушены водосборы речек Авлуха Любинского района, Тарбуга Горьковского района, реки Оша и других. Нарушение речного стока сопровождается нарушением ионного стока с водосборов, что сказывается на почвообразовательных процессах. Развитие сплошного, экологически незонированного природопользования антропогенных систем на водосборах ведёт к деградации как водных, прибрежных, так и фитоценозов на водосборах.

До 2006 г. в Омской области формально числилось 30 заказников, 96 памятников природы. Но после «природоохранного дефолта» 2006 г. осталось 6 заказников, 56 памятников природы. Конечно, на этих терри-

ториях есть какая-то возможность сохранить представителей генофонда дикой природы Омской области, но функционально экосистемы этих территорий для биосферы чистый ноль. В структуре земельного фонда области на площадь особо охраняемых территорий приходится менее 1 % (600 тыс. га – заказники федерального значения Степной и Баировский). Функционально полезную площадь экосистем Омской области сохранить можно, если площадь особо охраняемых природных территорий поднять до 40 % за счёт территорий, на которых размещаются редкие виды растений и животных, и за счёт гидроэкологических каркасов водосборов.

На территории области более 24 тыс. малых рек, более 16 тыс. озер. Каждый водосбор является уникальной единицей пространственной организации биосферы на территории области. Для сохранения их экосистем, или хотя бы их основных компонентов, которыми являются микро и макро организмы, Омской области необходимы тысячи особо охраняемых природных территорий на этих водных объектах с различными площадями, соответствующими размерам водосборов. Конечно, сделать из них заповедники не реально. Но сделать особо охраняемыми природными территориями с различной степенью ограничения антропогенной деятельности на большей части водосборов возможно. В их состав должны войти прежде всего сами водные объекты и их прибрежные территории с экосистемами.

Расширение сетей особо охраняемых природных территорий должно иметь правовую базу. Проведению проектирования каркаса и правового закрепления статуса его земель способствуют постановления губернатора области и мэра города (Постановление правительства Омской области «Об установлении дополнительных видов особо охраняемых природных территорий регионального значения от 4 октября 2004 г. № 72-п, постановление мэра города Омска от 15 июня 2006 г. № 181-п «Об особо охраняемых природных территориях местного значения города Омска»).

Инициативная группа «Биосфера» проводит по области ежегодно 2–3 экологические мониторинговые экспедиции по Омской, соседним областям, городу Омску. В течение 2008 г. нашей группой готовятся заявки в администрацию города по созданию системы особо охраняемых территорий ряда водных объектов. Создание гидроэкологического каркаса города необходимо для решения проблем подтопления, сохранения водных и прилегающих экосистем. В перспективе – организация заявок на создание гидроэкологических каркасов в районах области. Создание гидроэкологического каркаса области и города Омска это лишь один из этапов в создании полноценного экологического каркаса. В последствии, или параллельно, он должен дополняться особо охраняемыми территориями редких видов и уникальных ландшафтов.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОБРАЗОВАНИИ И ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ: ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Экологическая революция, происходящая во всем мире, ставит перед образованием цели:

- осознание себя не только патриотом своей страны, но и гражданином Земли, вселенной;
- осознание необходимости всех форм жизни;
- забота о последующих поколениях, которым люди, живущие на Земле, должны оставить достаточно ресурсов, необходимых для их развития [2, с. 18].

Экологическое образование строится нами на принципах дидактики, гуманизации, дифференциации обучения и носит краеведческую направленность. При этом используется широкий спектр форм, методов, приемов как формального, так и неформального, в том числе нетрадиционного (например, элективный курс по биоэнергетике).

Дифференциация обучения, с социальной точки зрения, в экологическом образовании направлена на достижение таких целей, как: повышение экологической грамотности и практической – профориентация учащихся на экологические профессии. По А. Субетто, с психолого-педагогической точки зрения, цель дифференциации – реализация индивидуального подхода к личности ученика, а с дидактической – решение проблемы общего экологического образования путем разноуровневого и вариативного включения его элементов в содержание школьного образования [4].

Экологическое воспитание и образование многопланово и имеет разностороннюю направленность. Оно обогащает знания о законах природы, причинно-следственных связях, о рациональном использовании природных богатств, знакомит с документами по их охране. Оно формирует познавательный интерес, развивает личность учащегося, способствует профессиональному определению в жизни, воспитывает нравственно, приобщает к культуре, учит патриотизму и гражданственности.

С целью расширения знаний по экономике и экологии нами проводятся под эгидой Русского Географического общества поисково-исследовательские экспедиции «Омский пригород», которые направлены на изучение производственных процессов предприятий народного хозяйства, организации труда, пути повышения эффективности производства, использования достижений научно-технического прогресса и влияния хозяйственной деятельности человека на природную среду, на выявление экологических проблем и способов их решения. Изучение экономики региона ведется с целью ориентации на подготовку рачительного хозяина земли, наследника талантов предков, т. е. на подготовку личности, готовой и способной к самоопределению, самореализации в социально-культурных условиях Омского

региона, готовой к жизнедеятельности в условиях рыночной экономики, умеющей принимать рациональное решение по использованию природных источников сырья и нести ответственность за принятые решения.

Истоки способностей и дарование детей – на кончиках пальцев. Чем больше уверенности и изобретательности в движениях детской руки, чем тоньше взаимодействие руки с орудием труда, тем точнее, тоньше, сложнее движения, необходимые для этого взаимодействия. Чем больше мастерства в детской руке, тем умнее ребенок. В начальных классах дети начинают овладевать инструментами. Точный расчет, точность обработки монтирования, четкое взаимодействие деталей, частей целого – эти черты культуры труда очень важны для дальнейшего трудового обучения. Труд по способности не может ограничиться индивидуальной нормой. Дети работают тогда, когда труд доставляет им радость. Примером тому работа учащихся школы 120 по защите лесных полос, располагающихся недалеко от школы, шефскую работу над которыми вела школа несколько лет под руководством опытных лесоводов и учителей.

Методика охраны леса и изучение рекреационной дигрессии природных комплексов леса сводилась к следующему: по величине и площади троп выявлялась степень антропогенного воздействия на данный природный комплекс. Определение этой величины производилось так: территория разбивается на мелкие квадраты по 25 кв. м, на которых производится картирование дорожно-тропиночной сети. Каждая группа учащихся проводит работу самостоятельно, затем результаты сводятся воедино.

На каждой площадке проводится геоботаническое описание с количественным учетом древостоя (количество деревьев, больных экземпляров, пней), подлеска и травостоя. Площадь дигрессии высчитывается по трем ступеням. Площадь первой ступени – площади относительно ненарушенные. Площадь третьей ступени – площадь троп и дорог и полностью вытоптаных территорий. Площади их суммируются и высчитывается процент по всей площади.

Площадь второй ступени дигрессии представляет собой площади, соседствующие с дорогами, вытоптаннами площадками на расстоянии 1,5 м. Площадь дигрессии высчитывается при этом следующим образом: фактическая длина троп, дорог увеличивается на 3 м (по 1,5 м с каждой стороны), к их площади прибавляется площадь, окружающая площадки с какими-либо застройками, объектами шириной 3 м. Высчитывается процент. Дается описание почвенное, геоботаническое, описываются животные.

Последний этап работы заключается в анализе степени дигрессии и разработке мероприятий: посадка деревьев, охрана отдельных растительных медальонов (например, ветреницы, сибирских ирисов, старозубки и др.), охрана животных.

Трудолюбие, как моральное качество, воспитывается только в коллективе. Чем сильнее коллективные чувства, уважение к труду, тем эффек-

тивнее воспитание каждого школьника. Как каждый путь начитается с первого шага, так и участие ребенка в общественно полезной жизни детского коллектива начитается с малого, с первого поручения и с первой радости («Мне доверили!»), с первых тревог и сомнений («А я справлюсь?»), и, наконец, первая победа: «Я могу! У меня вышло!» Наиболее эффективными при этом являются экскурсии на природу (разработано более 30 маршрутов): «Человек и природа», «По живописным местам Прииртышья», «В гости к земному другу», «По садам и паркам города», «Птичья гавань», «Город у реки», «Воля и труд дивные дива творят», «Под сенью сибирских яблонь», «В гости к сивке-бурке». Здесь учащиеся являются не просто пассивными созерцателями природы, а по мере необходимости совершают «трудовой десант»: осуществляют очистку, посадку растений, охрану животных.

Одновременно проводятся профориентация по профессии эколога, егеря, лесничего, биолога. По проделанной работе составляются отчеты, готовятся доклады в рамках НОУ, ведется пропаганда полученных знаний через беседы, викторины, конкурсы, встречи с работниками природоохранных учреждений.

На позицию исследователя учащиеся становятся уже с младших классов при изучении оболочек Земли. Они ведут календари погоды, фенологические, гидрологические наблюдения, следят за экологией, подводят итоги наблюдений, составляют графики, диаграммы, таблицы о состоянии атмосферы, на многолетних данных учатся устанавливать причинно-следственные связи, делать выводы об изменениях, проходящих в тропосфере Омска во времени, определяют экологическое состояние окружающей среды под влиянием хозяйственной деятельности человека.

Достижение успеха являлось той маленькой вершиной, подняться на которую учащийся мог только приложив особые усилия, а, поднявшись, чувствовал как много и в то же время как мало он сделал – ведь с малой вершины лучше видны более высокие, пока не достигнутые мажущие вершины, призывающие к действию.

Экологическое образование патриотично, без всякой примеси национализма и шовинизма, что в современных условиях обострения националистических страстей особенно важно. Воспитывая любовь к родной природе, мы воспитываем любовь к Родине, ибо Родина – это наши поля, реки, лес и небо над ними. И это воспитание должно осуществляться с детства. Надо говорить детям, что все, что они видят вокруг, соткано, сложено из пламенной любви наших предков, наших старших сограждан к Отечеству. Свою любовь к Родине и природе надо претворять в живые дела. И чем больше труда вкладывает гражданин в дело Родины, тем в большей степени она ему дорога, тем на большие жертвы он готов пойти ради нее. Самые великие патриоты – это самые беззаветные труженики.

Природоохранительное просвещение и воспитание должно быть гражданственным. Каждый человек должен помнить, что природа, ее бо-

гатство и красота принадлежат не одному человеку, а всему обществу, многим поколениям людей. Отсюда, долг каждого гражданина при общении с природой вести себя так, чтоб не нанести ей ущерба, не разрушат самих источников природных богатств.

Отправляясь на природу, мы разясняем детям, что активный отдых в природной обстановке не означает отдыха от обязанностей, налагаемых на человека обществом, что мы остаемся членами коллектива и наедине с природой, вдали от городов и несем перед нею ответственность за свое поведение. Ю. А. Штюмер, мастер спорта по туризму, писал: «Уважительное отношение к природе неразрывно с уважением к законам общества. Поведение человека в природе и обществе – зеркало его души. Хотелось бы, чтобы у путешественников оно всегда было честным [3, с. 12].

Отношение человека к природе определяет его душевные качества, является важным индикатором его душевных ценностей. Если ребенок любит все живое, восхищается его красотой, смотрит на все добрыми глазами, он вырастает душевным, умеющим распознать чужое горе, он вырастает гражданином.

Экологическое образование глубоко эстетично и этично, так как общение с природой определяет формы поведения людей, которые должны быть гармоничными. «Природа – это единый дом всех народов, живущих вместе» [1, с. 21]. Экологическая обстановка в мире определяет необходимость перехода на новое экологическое мышление – экологизацию всех наук, всех сфер человеческой деятельности, бережного отношения к природе. Экологическая этика основывается на уважении и благодарности к тому, что дает нам природа. Само существование человека зависит от природной среды. Наш долг состоит в заботе о природе и благоговении перед ней. Экологической этике мы учим детей в турпоходах, на разработанных нами экскурсиях «Под сенью сибирских яблонь» (в сад П. С. Комисарова), «Зеленый наряд города». Таким образом, осуществляя экологическое образование и воспитание, школа обеспечивает реализацию его принципов, таких как: целостность окружающей среды, междисциплинарность; непрерывность, взаимосвязь краеведческого, национального, рационального и глобального подходов к раскрытию проблем окружающей среды, направленность образования на развитие целостно-мотивационной сферы личности, гармонизацию отношений с окружающей средой.

1. Губарев А. Экологическое образование: проблемы и решения // Природа Прииртышья. 1996. № 2.

2. Дуплянскина Л. К устойчивому развитию // Природа Прииртышья. 1996. № 2.

3. Крылов Г. В., Юдин Б. С. Умей отдыхать и беречь природу. Новосибирск, 1975. С. 12.

4. См.: Субетто А. И. Проблема качества высшего образования в контексте глобальных и национальных проблем общественного развития. Тольятти, 1995.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ*

- Авербух София Дмитриевна** – заведующая отделом природы Омского государственного историко-краеведческого музея.
- Адам Александр Яковлевич** – студент исторического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.
- Алафьев Михаил Константинович** – доцент кафедры общегуманитарных дисциплин общеправового факультета Омской академии МВД России, доцент, канд. ист. наук.
- Алисов Дмитрий Андреевич** – заместитель директора Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск), доцент Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доцент, канд. ист. наук.
- Алпысаева Галья Айтпаевна** – доцент Казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина (Казахстан, Астана), канд. ист. наук.
- Андреев Сергей Михайлович** – профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, доцент, д-р ист. наук.
- Ахунова Эльвира Рахимовна** – старший лаборант Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН.
- Балабонкин Илья Борисович** – студент факультета теологии и мировых культур Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.
- Басаев Виктор Романович** – начальник Омского кадетского корпуса, профессор Академии военных наук РФ, полковник, канд. ист. наук.
- Бексеитова Акбота Тастанбековна** – руководитель отдела инновационных технологий Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова (Казахстан), канд. ист. наук.
- Белецкая Екатерина Михайловна** – доцент Тверского государственного университета, канд. филол. наук.
- Белокрыс Михаил Алексеевич** – заведующий кафедрой хорового дирижирования, профессор Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доцент, заслуженный работник культуры Бурятии.

* Сведения приводятся в соответствии с информацией в поданных авторами заявках.

- Бич Юлия Геннадьевна** – доцент кафедры философии Кубанского государственного университета физкультуры, спорта и туризма (Краснодар), канд. ист. наук.
- Бондаренко Виктория Юрьевна** – старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.
- Бондаренко Людмила Дмитриевна** – учитель географии (Омск).
- Бонченков Игорь Анатольевич** – заместитель начальника Омского танкового инженерного института, полковник.
- Бородина Елена Михайловна** – доцент кафедры народного хорового пения Кемеровского государственного университета, кандидат культурологии.
- Бражников Андрей Александрович** – аспирант Сургутского государственного университета.
- Булатова Наталья Сергеевна** – старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Института ветеринарной медицины Омского государственного аграрного университета.
- Букин Алексей Федорович** – доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета, канд. ист. наук.
- Быкова Анастасия Геннадьевна** – доцент кафедры теории и истории государства и права Омского юридического института, доцент, канд. ист. наук.
- Бычков Сергей Павлович** – доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доцент, канд. ист. наук.
- Валитов Александр Александрович** – старший преподаватель Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева, н.с. исторической лаборатории Тобольской биологической станции РАН, канд. ист. наук.
- Валитов Ринад Габдрахимович** – методист по экологии Областного детско-юношеского центра туризма и краеведения (Омск).
- Везнер Наталья Николаевна** – аспирант Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН.
- Вершков Роман Алексеевич** – кадет Омского кадетского корпуса.
- Волошина Валентина Юрьевна** – доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доцент, канд. ист. наук.
- Воронкова Ирина Евгеньевна** – заместитель заведующего кафедрой социально-гуманитарных наук Орловского государственного института экономики и торговли, доцент, канд. ист. наук.
- Вяткин Игорь Алексеевич** – руководитель Филиала по Омской области Территориального фонда информации по природным ресурсам и ох-

ране окружающей среды по Сибирскому федеральному округу Министерства природных ресурсов РФ, ученый секретарь Омского регионального отделения Русского географического общества, профессор РАЕН.

Гангур Наталья Александровна – доцент кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств, канд. ист. наук.

Герасименко Юлия Владимировна – студентка исторического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Гефнер Ольга Викторовна – доцент кафедры философии Омского государственного аграрного университета, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск), доцент, канд. ист. наук.

Говорова Анна Владимировна – аспирант Краснодарского государственного университета культуры и искусств.

Гололобов Евгений Ильич – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета, доцент, канд. ист. наук.

Гончарова И. В. – доцент кафедры истории России Орловского государственного университета, канд. ист. наук.

Горелова Юлия Робертовна – старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск), канд. ист. наук.

Гребенкин Игорь Николаевич – доцент кафедры отечественной истории Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, канд. ист. наук.

Гречко Ольга Николаевна – аспирант Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, лаборант-исследователь Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск).

Демешко Виталий Николаевич – доцент кафедры социально-экономической географии и туризма Омского государственного педагогического университета, канд. географ. наук.

Дианов Александр Григорьевич – доцент кафедры политологии Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии (Омск), доцент, канд. ист. наук.

Дмитриев Андрей Владимирович – доцент кафедры гуманитарных наук Специализированного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета, канд. ист. наук.

Дубинин Виктор Олегович – начальник научно-исследовательского отдела Омского танкового инженерного института, полковник, канд. ист. наук.

Дубинина Екатерина Викторовна – курсант Омской академии МВД России

- Елизарова Наталья Владимировна** – доцент кафедры гуманитарных и политических дисциплин Омского гуманитарного института, канд. ист. наук.
- Елтышева Лариса Юрьевна** – заведующая отделом истории Кунгурского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.
- Еремин Игорь Александрович** – профессор кафедры истории и музеологии Барнаульского государственного педагогического университета, д-р ист. наук.
- Жалпасова Жаргалма Баировна** – старший преподаватель кафедры восточных языков Хабаровского пограничного института Федеральной службы безопасности России.
- Жигунова Марина Александровна** – старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, докторант Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, канд. ист. наук.
- Золотова Татьяна Николаевна** – ученый секретарь, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск), докторант кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, канд. ист. наук.
- Иванов Александр Сергеевич** – студент Сургутского государственного университета.
- Иоаниди Анатолий Федорович** – начальник группы профессионального отбора Омского танкового инженерного института.
- Исачкин Сергей Павлович** – профессор кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения, д-р ист. наук.
- Ищенко Оксана Владимировна** – профессор кафедры теории и истории государства и права филиала Тюменского государственного университета (Сургут), доцент, канд. ист. наук.
- Каженова Г. Т.** – старший преподаватель, соискатель кафедры истории Казахстана Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова (Казахстан).
- Кассал Борис Юрьевич** – доцент кафедры зоологии Омского государственного педагогического университета, доцент, к.в.н.
- Каткова Елена Ивановна** – главный библиограф Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина.
- Кожевин Владимир Леонидович** – доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск), доцент, канд. ист. наук.

- Козлова Анна Александровна** – доцент кафедры отечественной истории Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии (Омск), канд. ист. наук.
- Колеватов Дмитрий Михайлович** – старший преподаватель кафедры истории и регионального развития Омского государственного аграрного университета.
- Колоколов Александр Александрович** – заведующий лабораторией Омского филиала Института математики им. С. Л. Соболева СО РАН, профессор, д-р физ.-мат. наук.
- Конилов Борис Александрович** – директор Омского музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, профессор, канд. ист. наук.
- Коновалова Наталья Александровна** – магистрант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.
- Корзун Алексей Сергеевич** – магистрант Омского государственного педагогического университета.
- Корзун Валентина Павловна** – заведующая кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск), профессор, д-р ист. наук.
- Корнажевская Лариса Алексеевна** – доцент кафедры гуманитарных наук Института ветеринарной медицины Омского государственного аграрного университета, доцент, канд. ист. наук.
- Королева Лариса Александровна** – заведующая кафедрой истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, д-р ист. наук, профессор.
- Костык Валентина Васильевна** – учитель лицея № 166 (Омск).
- Краевский Петр Александрович** – заместитель председателя правления Омского регионального польского культурно-просветительного общества «Rodzina – Семья», магистр экономических наук.
- Кравцова Елена Сергеевна** – старший преподаватель кафедры философии Курского государственного медицинского университета, канд. ист. наук.
- Кубарева Марина Вячеславовна** – старший преподаватель кафедры промышленной экологии и безопасности Омского государственного технического университета, канд. биолог. наук.
- Кузнецов Дмитрий Викторович** – старший преподаватель кафедры истории и регионального развития Омского государственного аграрного университета, канд. ист. наук.
- Курманова Сулушаш Рахимжановна** – аспирант Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН

- Кулямзина Светлана Васильевна** – ассистент, аспирант кафедры музееологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.
- Куперштох Наталья Александровна** – старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск), старший научный сотрудник, канд. ист. наук.
- Кутепова Екатерина Владимировна** – заместитель директора Пензенского филиала Московского государственного университета технологий и управления по воспитательной работе.
- Лидер Наталья Владимировна** – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского танкового инженерного института, аспирант Омского государственного технического университета.
- Лосунов Александр Матвеевич** – преподаватель Сибирского казачьего юридического колледжа.
- Лизунов Владимир Васильевич** – директор Омского научно-образовательного комплекса, доцент, канд. физ.-мат. наук.
- Любезнова Евгения Владимировна** – преподаватель Сибирской автомобильно-дорожной академии (Омск).
- Любичева Светлана Петровна** – студентка факультета ветеринарной медицины Омского государственного аграрного университета.
- Мальцева Людмила Валентиновна** – доцент кафедры декоративно-прикладного искусства и дизайна Кубанского государственного университета, канд. педагог. наук.
- Малякутова Ляззат Ермаковна** – студентка исторического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.
- Мельникова Елена Викторовна** – доцент Омского государственного института сервиса, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск), канд. ист. наук.
- Милиценко Олег Анатольевич** – заведующий Музеем истории сельского хозяйства Омской области Омского государственного аграрного университета.
- Морозова Елена Геннадьевна** – ведущий эксперт Главного управления Центрального банка Российской Федерации по Омской области, канд. ист. наук.
- Морозова Ирина Владимировна** – заместитель директора по учебно-воспитательной работе Детско-юношеского центра (Тара).
- Можан Наталья Ивановна** – старший преподаватель кафедры психологии и социальной педагогики филиала Омского государственного педагогического университета (Тара).
- Мухачева Ирина Николаевна** – ведущий инженер Филиала по Омской области Территориального фонда информации по природным ре-

сурсам и охране окружающей среды по Сибирскому федеральному округу Министерства природных ресурсов РФ, аспирант Омского государственного педагогического университета.

Мягков Денис Александрович – аспирант Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН.

Неволин Максим Михайлович – кадет Омского кадетского корпуса.

Недзелюк Татьяна Геннадьевна – доцент кафедры теории и истории права и государства Сибирского университета потребительской кооперации (Новосибирск), канд. ист. наук.

Никитина Тамара Михайловна – учитель географии и биологии школы № 120 (Омск), профессор.

Новиков Федор Иванович – ведущий инженер Филиала по Омской области Территориального фонда информации по природным ресурсам и охране окружающей среды по Сибирскому федеральному округу Министерства природных ресурсов РФ, заместитель председателя Омского регионального отделения Русского географического общества, профессор РАЕ.

Олихов Дмитрий Владимирович – и.о. ректора Омского Духовного училища.

Охтеня Ольга Сергеевна – старший преподаватель кафедры отечественной истории Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии (Омск).

Панченко Анатолий Михайлович – начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Новосибирского высшего военного командного училища (военного института), полковник, канд. ист. наук.

Петренко (Гурова) Ольга Владимировна – младший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск), магистрант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Петрова Ольга Александровна – студентка факультета ветеринарной медицины Омского государственного аграрного университета.

Пластун Виктор Владимирович – доцент кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения, доцент, канд. ист. наук.

Плюйко Дмитрий Владимирович – преподаватель Омского филиала Московского налогового института.

Пономарева Галина Петровна – заведующая профессорским залом Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина.

Попов Игорь Александрович – начальник кафедры тактики и тактико-специальной подготовки Омского танкового инженерного института, канд. ист. наук.

- Радзицкая Ядвига Игоревна** – доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национального университета обороны Республики Казахстан (Щучинск), канд. педагог. наук.
- Радченко Оксана Вячеславовна** – заведующая отделом «Мемориал Сквер Победы» Тарского историко-краеведческого музея.
- Реброва Ирина Викторовна** – преподаватель Кубанского государственного технологического университета (Краснодар), канд. ист. наук.
- Романова Екатерина Николаевна** – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сызранского высшего военного авиационного училища летчиков (военного института), аспирант кафедры теории и истории культуры Самарского государственного университета.
- Ромашин Владимир Николаевич** – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского танкового инженерного института.
- Росстальной Андрей Андреевич** – кадет Омского кадетского корпуса.
- Рыженко Валентина Георгиевна** – профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, заведующая сектором Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск), профессор, д-р ист. наук.
- Саврушева Маргарита Ивановна** – старший преподаватель кафедры философии Омского государственного аграрного университета.
- Салихбаев Атабек Кувандыкович** – магистрант Национального университета обороны Республики Казахстан (Щучинск), майор.
- Секретова Людмила Валерьяновна** – старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск).
- Семина Наталия Борисовна** – доцент Пятигорского филиала Северокавказской Академии государственной службы, канд. ист. наук.
- Серазетдинов Борис Уразбекович** – Сургутский государственный университет.
- Сидоров Геннадий Николаевич** – профессор кафедры зоологии Омского государственного педагогического университета, профессор, д-р биолог. наук.
- Смелякова Анастасия Вячеславовна** – ассистент, аспирант кафедры музеологии, заведующая музеем истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.
- Снежанская Надежда Николаевна** – доцент кафедры управления и права Омского гуманитарного института, канд. ист. наук.

- Соколова Евгения Валерьевна** – старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных дисциплин филиала Омского государственного педагогического университета (Тара), соискатель кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.
- Соловьев Анатолий Алексеевич** – профессор, заведующий кафедрой Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии (Омск), канд. физ.-мат. наук.
- Солодкин Яков Григорьевич** – заведующий кафедрой истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета, профессор, д-р ист. наук.
- Сорокин Алексей Петрович** – директор Омского филиала Российского Фонда культуры, научный сотрудник сектора сохранения и использования культурного наследия Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск).
- Степанько Наталия Григорьевна** – старший научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток), старший научный сотрудник, канд. географ. наук.
- Строганова Татьяна Владимировна** – студентка факультета ветеринарной медицины Омского государственного аграрного университета.
- Субботина Анна Михайловна** – доцент кафедры культурологии и менеджмента в культуре Удмуртского государственного университета (Ижевск), канд. ист. наук.
- Сулимов Вадим Сергеевич** – доцент кафедры права и отечественной истории Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева, канд. ист. наук.
- Сушко Алексей Владимирович** – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского танкового инженерного института, докторант кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета, канд. ист. наук.
- Талапин Анатолий Николаевич** – ассистент кафедры гуманитарных наук Института ветеринарной медицины Омского государственного аграрного университета, канд. ист. наук.
- Ткаченко Григорий Геннадьевич** – младший научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток).
- Томилов Николай Аркадьевич** – директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН и Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск), заведующий кафедрой этнографии и музееведения Омского государственного университета, академик АГН, РАСН, РАЕН, профессор, д-р ист. наук.

- Томилова Валентина Сергеевна** – старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск).
- Утегенов Марат Зеннатович** – старший преподаватель кафедры истории Казахстана Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова (Казахстан), канд. ист. наук.
- Фадеев Константин Викторович** – доцент кафедры истории России и палеологии Томского государственного архитектурно-строительного университета, канд. ист. наук.
- Феклина Ольга Борисовна** – доцент кафедры истории Отечества и культурологии Уфимского государственного авиационного технического университета, канд. ист. наук.
- Фролов Константин Викторович** – доцент кафедры экологии и природопользования Омского государственного педагогического университета, доцент, канд. биол. наук.
- Харитонов А. М.** – Тихоокеанский институт географии ДВО РАН (Владивосток).
- Хилько Николай Федорович** – доцент кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск), доцент, д-р педагог. наук.
- Хроменкова Татьяна Николаевна** – старший преподаватель кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения, канд. ист. наук.
- Цепилова Вера Ивановна** – доцент Уральской академии государственной службы (Екатеринбург), доцент, канд. ист. наук.
- Цветков Алексей Олегович** – адъюнкт Омской академии МВД России.
- Чичулин Александр Владимирович** – доцент кафедры истории Омского государственного педагогического университета, доцент, канд. ист. наук.
- Чичулина Вера Владимировна** – преподаватель Сибирского казачьего юридического колледжа.
- Чувардин Г. С.** – доцент кафедры истории России Орловского государственного университета, канд. ист. наук.
- Чурзина Анна Александровна** – младший научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток).
- Чухно Александр Васильевич** – старший преподаватель кафедры всемирной истории и политологии Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (Казахстан, Петропавловск), канд. ист. наук.
- Шаблей Павел Сергеевич** – преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Казахстан), магистр истории.

- Шалабаев Рустам Нурланович** – магистрант Омского государственного педагогического университета.
- Шарипов Акан Аскарбекович** – аспирант Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова.
- Шевелева Любовь Викторовна** – специалист Центра документации новейшей истории Омской области.
- Шепарнева Анна Ивановна** – доцент кафедры теории и истории Орловского юридического института МВД России, доцент, канд. ист. наук.
- Шестова Татьяна Юрьевна** – доцент кафедры истории и гуманитарных дисциплин Уральского института экономики и права (Пермь), доцент, д-р ист. наук.
- Шудряков Владимир Александрович** – профессор кафедры общественных наук Омского экономического института, доцент, канд. ист. наук.
- Щербин Николай Макарович** – заведующий Лабораторией-музеем СО РАН при Институте истории Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (Новосибирск), канд. ист. наук.
- Якушина Наталья Владимировна** – доцент кафедры социологии, культурологии и политологии Орловского государственного технического университета, канд. соц. наук.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
ГАКО – Государственный архив Курганской области.
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ГАОО – Государственный архив Омской области
ГАПО – Государственный архив Пермской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГПНТБ – Государственная публичная научно-техническая библиотека
(Новосибирск)
ГУТО ГА в Тобольске – Государственное учреждение Тюменской области
«Государственный архив в г. Тобольске».
ГУТО ГАТО – Государственное учреждение Тюменской области «Государ-
ственный архив Тюменской области».
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской Академии Наук
КГА – Кунгурский государственный архив
МВД – Министерство внутренних дел
ОДУ – Омский Дом ученых.
ОмГАУ – Омский государственный аграрный университет
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГВА – Российский государственный военный архив
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РПЦ – Русская Православная Церковь
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии Наук
ФЦАМО – Филиал Центрального архива Министерства Обороны
ЦГАУР – Центральный государственный архив Удмуртской республики
ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края.
ЦДННОО – Центр документации новейшей истории Омской области

Содержание

НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ, ЛИТЕРАТУРА И БИБЛИОГРАФИЯ ПО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКЕ

<i>Гречко О. Н., Томилов Н. А., Томилова В. С.</i> Основные данные и литература о всероссийской научно-практической конференции «Катанаевские чтения»	3
<i>Кожеевин В. Л., Сорокин А. П., Томилов Н. А.</i> История армии в омских научных изданиях	10
<i>Каткова Е. И.</i> Между двумя юбилеями: литература о Г. Е. Катанаеве за 1998–2008 годы	15
<i>Каткова Е. И.</i> Литература о Г. Е. Катанаеве за 1998–2008 годы	22
<i>Гефнер О. В., Кожеевин В. Л., Томилов Н. А.</i> Итоги и решения Седьмой Всероссийской научно-практической конференции «Катанаевские чтения» 16–17 мая 2008 года в омске	34

АРМИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

<i>Елтышева Л. Ю.</i> Из истории кунгурского военного гарнизона	39
<i>Солодкин Я. Г.</i> К истории «Годовой» службы в сибире XVII века	42
<i>Дмитриев А. В.</i> Вопрос о времени строительства регулярной армии в России в освещении отечественной историографии	43
<i>Козлова А. А.</i> Военная политика императрицы Анны Иоанновны	47
<i>Сулимов В. С.</i> Подготовка к отправке в Сибирь пленных поляков в 1813 году	50
<i>Шепарнева А. И.</i> Государственное подвижное ополчение в России в годы Крымской (Восточной) войны (1853–1856 годы)	54
<i>Вершков Р. А.</i> Военные реформы 60–70-х годов XIX века и 1905–1912 годов: сравнительный анализ	57
<i>Гефнер О. В.</i> Военное управление в Западной Сибири и Степном крае (вторая половина XIX – начало XX века)	59
<i>Дубинин В. О.</i> Боеспособность личного состава регулярных войск Западной Сибири в период 1865–1905 годов	65
<i>Басаев В. Р.</i> Историей нашей гордимся: Омскому кадетскому корпусу – 195 лет	69
<i>Гефнер О. В.</i> Образ «Государевой службы» в русском фольклоре XVIII – начала XX века	73
<i>Елизарова Н. В.</i> Круг чтения российских военных в начале XX века	80
<i>Чувардин Г. С.</i> Полковая библиотека как фактор формирования мировоззрения офицеров российской императорской гвардии в начале XX века	83

<i>Панченко А. М.</i> Система штрафов в офицерских библиотеках русской армии.....	86
<i>Белокрыс М. А.</i> «Вдруг явилась в Омске музыка» (к истории военных духовых оркестров в Прииртышье).....	88
<i>Россталной А. А.</i> Воспитанник Сибирского кадетского корпуса Георгий Ефремович Катанаев	91
<i>Неволин М. М.</i> Из истории неофициальных традиций российских кадет....	94
<i>Воронкова И. Е.</i> Русско-японская война 1904–1905 годов и ее последствия в оценке партии конституционных демократов.....	97
<i>Коновалова Н. А.</i> Война и «Мир»: Солдаты как внешний канал коммуникации деревни в начале XX века (по материалам Воронежской губернии).....	100
<i>Шестова Т. Ю.</i> Ссылные подданные азиатских государств в Пермской губернии в русско-японскую войну	103
<i>Цветков А. О.</i> К вопросу об изучении правового статуса военнопленных в годы Первой мировой войны (1914–1918 годов)	106
<i>Валитов А. А.</i> Военнопленные Первой Мировой войны в Тобольской губернии	108
<i>Краевский П. А.</i> Некоторые вопросы появления поляков в регионе в период Первой Мировой войны.....	111
<i>Талапин А. Н.</i> Военнопленные в сибирской периодической печати начала XX века как персонификация образа внешнего врага (1914–1917 годов).....	114
<i>Субботина А. М.</i> Проблемы мобилизации ресурсов и социальной поддержки населения в деятельности земства в годы Первой Мировой войны (по материалам Удмуртии)	117
<i>Кравцова Е. С.</i> Военный налог в России в 1915–1917 годах: история и уроки	120
<i>Гребенкин И. Н.</i> Офицер военного времени на фронтах Первой Мировой войны: черты социального облика.....	123
<i>Кожевин В. Л.</i> О кадровых изменениях в командном составе Русской армии (март – апрель 1917 года).....	127
<i>Попов И. А.</i> Социальный облик и политические пристрастия депутатов военных советов Западной Сибири весной 1917 года.....	130
<i>Любезнова Е. В.</i> Военные и кадеты Сибири в годы Гражданской войны: некоторые аспекты взаимоотношений.....	134
<i>Сушко А. В.</i> К вопросу о религиозной составляющей понятий «Национализм» в идеологии колчаковского режима	136
<i>Плюйко Д. В.</i> «Белый» террор в Сибири в годы Гражданской войны: современная российская историография	140
<i>Олихов Д. В.</i> Организация деятельности военного духовенства в структуре Высшего Временного Церковного управления Сибири.....	143

<i>Недзелюк Т. Г.</i> Кто и как формировал моральный облик воина 5-й Польской стрелковой дивизии (Новониколаевск, 1919 год).....	147
<i>Петренко (Гурова) О. В.</i> «Человек и война»: по материалам личного фонда советского театрального режиссера В. Ф. Торского.....	150
<i>Дианов А. Г.</i> Деятельность военно-окружных рабоче-крестьянских инспекций в Сибири в первые годы нэпа	155
<i>Гончарова И. В.</i> Военный фактор в социально-политической ситуации в Центральном Черноземье в 1928–1930 годах.....	158
<i>Охтенъ О. С.</i> Роль армейских библиотек в политическом воспитании военнослужащих Красной Армии в первой половине 1920-х годов	161
<i>Жалсапова Ж. Б.</i> Военное сотрудничество советской России и Монголии (начало 20-х годов XX века).....	164
<i>Волошина В. Ю.</i> Русские академические группы в Константинополе и Галлиполи	167
<i>Бычков С. П.</i> Православный богословский институт имени Святого Сергия в Париже в период Второй Мировой войны	170
<i>Шевелева Л. В.</i> Омск: первый месяц Великой Отечественной войны ..	173
<i>Серазетдинов Б. У.</i> К вопросу о развитии авиационной промышленности Омской и Тюменской областей в годы Великой Отечественной войны	177
<i>Щербин Н. М.</i> Борьба советской авиации за господство в воздухе в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов	179
<i>Королева Л. А., Кутепова Е. В.</i> Власть и русская православная церковь в Великой Отечественной войне	182
<i>Реброва И. В.</i> Великая Отечественная Война в воспоминаниях подростков	184
<i>Булатова Н. С.</i> Великая отечественная война глазами современной молодежи.....	187
<i>Колеватов Д. М., Корзун В. П.</i> Коллективная идентичность и героизация отечественной истории в первое послевоенное десятилетие	190
<i>Лидер Н. В.</i> Участие военно-учебных заведений Западной Сибири в военно-патриотическом воспитании советской молодежи в 70-е годы XX века	194
<i>Якушина Н. В.</i> Ценности военнослужащих современной российской армии	197
<i>Ромашин В. Н., Иоаниди А. Ф.</i> Военно-профессиональные качества офицера Российской армии и требования предъявляемые к его подготовке.....	200
<i>Бонченков И. А.</i> Проблемные вопросы воинского воспитания в военном вузе	203

<i>Салихбаев А. К., Радзицкая Я. И.</i> Причины отклоняющегося поведения у военнослужащих внутренних войск Республики Казахстан	205
<i>Романова Е. Н.</i> К проблеме оснований анализа военной идентичности	209
<i>Снежанская Н. Н.</i> О необходимости укрепления взаимодействия между обществом и армией на современном этапе социально-экономического развития Российского государства	212
<i>Петрова О. А., Саврушева М. И.</i> Проявление насилия как причина негативного отношения к армии в современном российском социуме.....	215
<i>Любичева С. П., Строганова Т. В.</i> Необходимость изменений в современной российской армии.....	218
<i>Корняжевская Л. А.</i> Воспитание чувства патриотизма у студентов аграрного университета	220
<i>Герасименко Ю. В.</i> Музейная экскурсия по военной тематике как «Мост» через вечность	222
<i>Демешко В. Н.</i> «Васа» – уникальный музей мирового значения	225
<i>Демешко В. Н.</i> Изучение очагов политической напряжённости Африки студентами географического факультета Омского государственного педагогического университета	227

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Каженова Г. Т., Утегенов М. З.</i> Традиционная система питания сибирских казаков Степного края (к вопросу о культурных взаимосвязях с казаками).....	230
<i>Гангур Н. А.</i> Хата-дом: эволюция традиционного жилища офицеров Черноморского казачьего войска (1793–1860).....	233
<i>Бражников А. А.</i> Иррегулярные войска народов Урала в период военной кампании 1812–1814 годов.....	236
<i>Говорова А. В.</i> Из истории Кубанского казачества первой четверти XIX века.....	239
<i>Мальцева Л. В.</i> Как формировались полки на Кубани	241
<i>Сёмина Н. Б.</i> Из истории войска Терского	244
<i>Белецкая Е. М.</i> Песенный фольклор гребенских казаков как феномен русской культуры.....	247
<i>Бородина Е. М.</i> «Воинские» песни сибирских казаков	250
<i>Лосунов А. М.</i> Фонды войсковых учреждений Сибирского казачьего войска, как источниковая база при изучении проблем войскового управления середины XIX – начала XX века	253
<i>Андреев С. М.</i> Отчеты о состоянии сибирского казачьего войска как исторический источник	257

<i>Адам А. Я.</i> Сибирское казачье войско в 1905–1907 годах: общественно-политический аспект	260
<i>Еремин И. А.</i> Роль Сибирского казачьего войска в подавлении восстания казахов в 1916 году	262
<i>Балабонкин И. Б.</i> Судьбы казачьих офицеров, связанные с казачьим кладбищем города Омска	264
<i>Шулдяков В. А.</i> Действия сибирского казачьего корпуса после боя под станицей Островской (сентябрь 1919 года).....	267
<i>Цепилова В. И.</i> Россия и Дон в эмигрантской историографии 20-х годов XX века.....	269
<i>Бич Ю. Г.</i> Военно-прикладные традиции казачества и их использование в подготовке молодежи накануне Великой Отечественной войны (на материалах юга России)	273
<i>Чичулина В. Ю.</i> Сибирский казачий юридический колледж	276

СИБИРЬ И РЕГИОНЫ РОССИИ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Харитонов А. М.</i> Неизвестная страница в истории дорусских географических исследований Азиатской России и поход Ермака в Сибирь ..	279
<i>Шаблей П. С.</i> Сибирский фронт в зоне казахско-русского приграничья (конец XVIII – первая половина XIX века).....	282
<i>Утегенов М. З., Шарипов А. А.</i> Проблемы экономического и культурного взаимодействия казахского и русского народов во второй половине XIX – начале XX веков (на примере Северного Казахстана) ...	285
<i>Алтыспаева Г. А.</i> Процессы духовного развития города Акмолинска (XIX – первая половина XX века)	288
<i>Алафьев М. К.</i> Участие земской полиции Западной Сибири в переселенческой политике самодержавия в первой половине XIX века.....	291
<i>Пластун В. В.</i> Классик отечественной истории В. О. Ключевский о Великом сибирском железнодорожном пути.....	294
<i>Горелова Ю. Р.</i> Гимназическое образование в Томске в конце XIX – начале XX века	297
<i>Феклина О. Б.</i> Роль православия в этнокультурном взаимодействии народов Уфимской Губернии во второй половине XIX века	302
<i>Ищенко О. В.</i> Учащиеся Сибири в юбилейных торжествах начала XX века	306
<i>Кузнецов Д. В.</i> К вопросу о подготовке гидротехнических кадров Акмолинской области из числа раненых нижних чинов в годы Первой Мировой войны.....	308
<i>Алисов Д. А.</i> Исследовательская деятельность сибирских купцов во второй половине XIX – начале XX века	312

<i>Милиценко О. А.</i> От молочной школы к сельхозинституту: исторические корни ОмГАУ	315
<i>Быкова А. Г.</i> Потребление алкогольных напитков населением Российской империи во второй половине XIX – начала XX века.....	318
<i>Букин А. Ф.</i> К вопросу о формах организации политических ссыльных в местах водворения (на примере Тобольского уезда, 1906 года)...	323
<i>Чичулин А. В.</i> Общественно-политическая позиция сибирской кооперации в межреволюционный период (февраль – октябрь 1917 года)	326
<i>Дубинина Е. В.</i> Практическая реализация культурно-просветительной работы (на примере мест заключения Западной Сибири)	330
<i>Иванов А. С.</i> Принудительная миграция 1942 года: планирование и реализация (на материалах Ханты-Мансийского округа Омской области)	333
<i>Радченко О. В., Морозова И. В.</i> История создания спортивной школы в Таре	336
<i>Чухно А. В.</i> Решение социальных и культурно-бытовых проблем города совнархозами Зауралья (1957–1962 годы).....	339
<i>Мельникова Е. В.</i> Театр и город в контексте культурной политики в 70–80 годах XX века.....	342
<i>Бондаренко Л. Д.</i> Роль историко-литературно-географического краеведения в воспитании гражданской позиции школьников	345
<i>Фадеев К. В.</i> Сибирское краеведение в 1880-х – 1930-х годах	347
<i>Сорокин А. П.</i> Материалы к сводному списку действительных членов Западно-Сибирского отдела географического общества за 130 лет его существования: источники и критерии отбора	350
<i>Колоколов А. А., Лизунов В. В., Пономарева Г. П., Соловьев А. А.</i> Омскому дому ученых – 70 ЛЕТ.....	352
<i>Хроменкова Т. Н.</i> Ведомственная наука в железнодорожных вузах Западной Сибири в 1920–1930-х годов	358
<i>Демешко В. Н.</i> Вклад Н. С. Фальковича в региональные исследования Омской области	361
<i>Исачкин С. П.</i> Рецензирование литературы о революционном движении как фактор зарождения историографических исследований в Сибири	363
<i>Куперштох Н. А.</i> Лидеры академической науки и их роль в организации научных центров Сибири	366
<i>Конигов Б. А. И. В.</i> Спирина (1950–2007) и ее вклад в музейное краеведение Сибири	369
<i>Рыженко В. Г.</i> Роль музея в пространстве города: использование визуальных источников при историко-культурологическом анализе	372

Соколова Е. В. Роль историко-краеведческого музея в формировании культурного пространства малых городов Омского Прииртышья в 50–80-х годов XX века.....	377
Костык В. В. История Омского Прииртышья в картинах Кондратия Белова 1918–1919 годов.....	380
Смелякова А. В. К истории возникновения и развития этнографических каталогов в России.....	383
Малякутова Л. Е. Этнографические выставки Тюменского областного краеведческого музея в конце XX – начале XXI века.....	386
Ахунова Э. Р., Томилов Н. А. Экспозиции Тюменского областного краеведческого музея в Первой половине первого десятилетия XXI века.....	389
Жигунова М. А. Современные краеведческие изыскания Новосибирского государственного краеведческого музея.....	393
Морозова Е. Г. История возникновения ведомственных общественных музеев (на примере Омска и Новосибирска).....	396
Кулямзина С. В. Образовательная деятельность современного музея.....	399
Секретова Л. В. передвижная Выставка фоторабот Л. В. Шапошниковой «По маршруту Мастера» в Омске: социокультурный аспект.....	401
Бондаренко В. Ю. Современный опыт попечительства и благотворительности в Омском регионе.....	404
Золотова Т. Н. Рождественские традиции украинцев Омской области ..	407
Бексеитова А. Т. Некоторые вопросы политической организации и социальной структуры древних тюрков.....	412
Мягков Д. А. Покосные балаганы барабинских татар во второй половине XX – начале XXI века.....	414
Чурзина А. А. Этнокультурное взаимодействие русского населения и аборигенных народов Дальнего Востока России в современный период.....	418
Везнер Н. Н. Танцевальная культура немцев Омской области в XX – начале XXI века.....	420
Курманова С. Р. О поминальной трапезе немцев Западной Сибири.....	422

ПРИРОДА И ПРИРОДОИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Гололобов Е. И. Взаимодействие человека и природы на Севере Сибири (историко-экологический аспект).....	426
Новиков Ф. И., Вяткин И. А., Мухачева И. Н. О проекте создания национального парка «Прииртышский увал».....	429
Сидоров Г. Н., Кассал Б. Ю., Фролов К. В. Проект «Териофауна Омской области»: первый этап.....	433
Сидоров Г. Н., Кассал Б. Ю., Фролов К. В. Фауна Млекопитающих Омской области.....	436

<i>Шалабаев Р. Н., Кассал Б. Ю.</i> Территориальность луней (<i>Circus</i>) в степях Прииртышья.....	440
<i>Корзун А. С., Кассал Б. Ю.</i> Особенности ихтиофауны озер южной тайги средне-иртышского участка.....	443
<i>Авербух С. Д.</i> Заносные дикорастущие растения во флоре Омской области.....	446
<i>Ткаченко Г. Г.</i> Оценка взаимодополняемости как метод определения природно-ресурсного потенциала региона.....	448
<i>Степанько Н. Г.</i> Природопользование и экология Приморского края .	451
<i>Кубарева М. В.</i> Современные проблемы биологической очистки сточных вод.....	454
<i>Валитов Р. Г.</i> Принципы создания гидроэкологического каркаса Омской области	457
<i>Никитина Т. М.</i> Основные направления экологической политики в образовании и воспитании школьников: пути их решения.....	460
Сведения об авторах	464
Список сокращений	475

КАТАНАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:

Материалы Седьмой всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 195-летию Омского кадетского корпуса и 160-летию
со дня рождения генерал-лейтенанта Георгия Ефремовича Катанаева
(Омск, 16–17 мая 2008 г.)

Редактор
Технический редактор *Д. В. Пискарев*

Подписано в печать 00.00.2008. Формат 60 × 84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 30,25. Уч.-изд. л. 32,25.
Тираж 000 экз. Заказ П–452.

Издательство ОмГПУ.
Отпечатано в типографии ОмГПУ,
Омск, наб. Тухачевского, 14, тел./факс (3812) 23-57-93